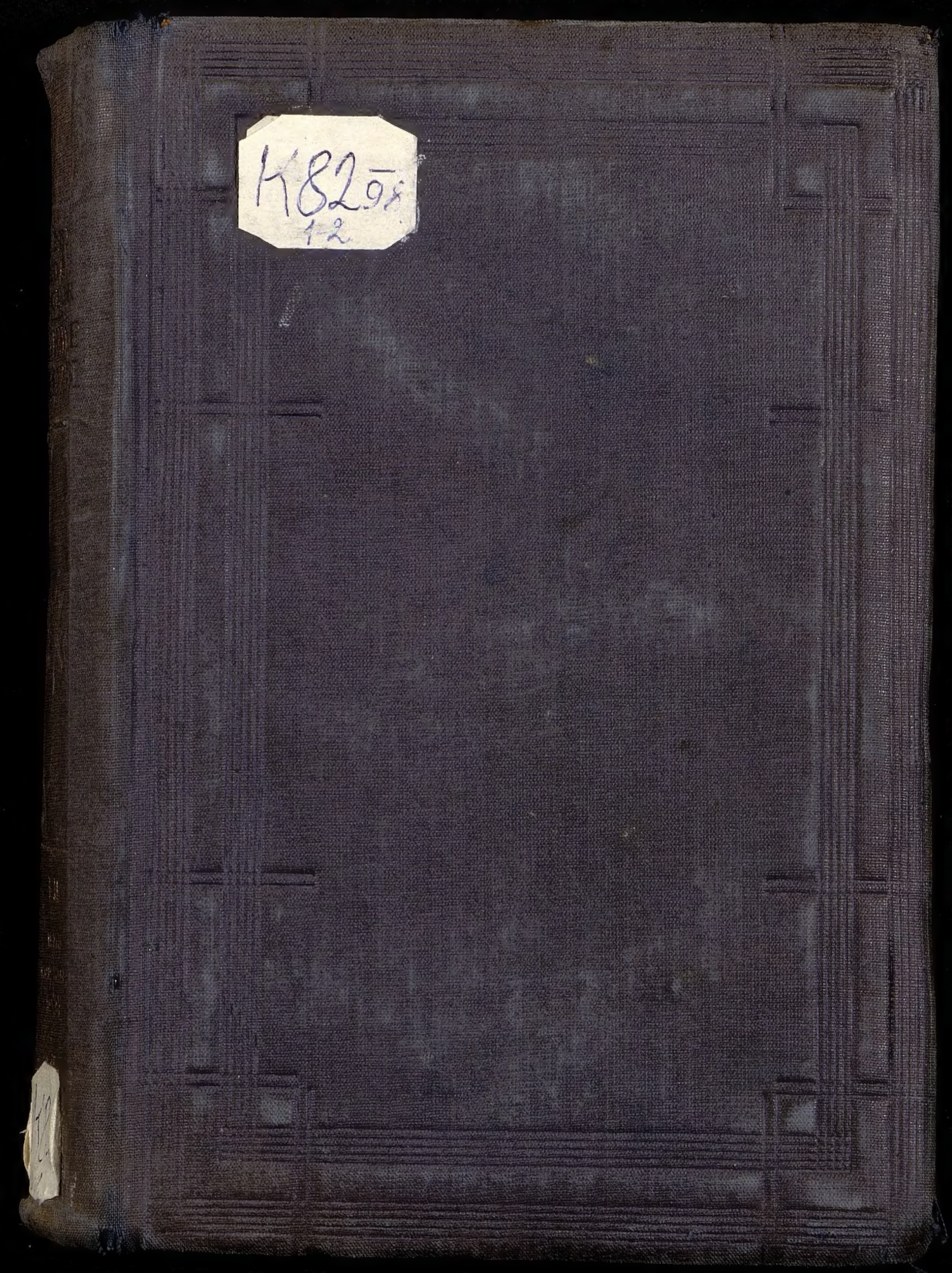

K82
12

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

~~21/XII-37~~
~~25/IV-39~~
28/VI-39

Колич. пред. выдач

Вологда, тип. „Сев. Печатник". Зак. 1000

David Lloyd-George

WAR MEMOIRS

I—II

Translated
by Y. ZVAVITSH

With a preface
by F. A. ROTHSTEIN

The State Social and Economic Press
Moscow — 1934

Давид Ллойд-Джордж

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

томы

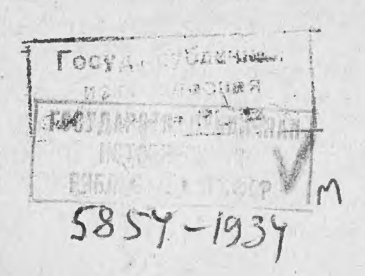
I—II

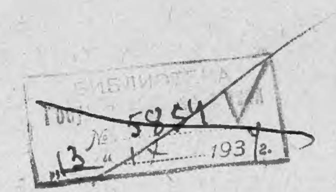
Перевод с английского
И. ЗВАВИЧА

С предисловием
Ф. А. РОТШТЕЙНА

Государственное
социально-экономическое издательство
Москва — 1934

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вспоминать — это учить, мог бы сказать, перефразируя Платона, любой автор «воспоминаний»; но нужно прибавить, что каждый из них учит по-своему. Иные авторы воспоминаний об империалистической войне, сознавая, что это было исключительным злодеянием, как бы стараются оправдать себя перед современниками и собственной совестью и пытаются доказать, что они этой войны не желали и, несмотря на выдающуюся роль, которую они в ней играли, в ней, по сути дела, неповинны. Не то Ллойд Джордж, автор настоящих мемуаров. Маленький провинциальный стряпчий по судебным и нотариальным делам, в какие-нибудь пятнадцать лет — изумительно короткий срок для старой Англии, где все еще, несмотря на «демократию», правят «фамилии» и их клиенты — дорвавшийся силой своего демагогического таланта до высшей власти во время империалистической войны, он ни в малейшей степени не страдает от сомнений или угрызений совести. Правда, он много раз на протяжении своего повествования рекомендует себя пацифистом, а однажды даже, находясь во Франции неподалеку от театра военных действий, он «содрогается от ужаса», когда до него доносятся через открытые двери церкви звуки воскресного богослужения в момент, когда он с французами обсуждал вопрос о наилучшей пушке «для уничтожения людей». Но это была лишь минутная слабость. Он быстро оправился, когда вспомнил, что «эта война была навязана нам наглым поведением грубой силы в отношении слабого и что меня заставила неумолимая рука рока выбирать за собственную совесть между пролитием крови и согласием на попрание международного права и европейской свободы». Неудивительно, что при столь ясных указаниях со стороны божественного промысла наш автор не только не считает нужным в чемлибо оправдываться, но напротив ликующе доказывает, что он один среди и против других, колебавшихся, сомневавшихся, ленивых и нерадивых, стоял с первого же момента за войну и в тяжкой борьбе с этими половинчатыми людьми довел ее до победного конца. Если в этом самоутверждении собственной праведности и есть элемент апологетики, то разве лишь тот, что, спихнув всех своих политических друзей с насиженных мест и протолкнувшись по их политическим трупам к власти, он чувствует сейчас потребность...

очернить их в максимальной степени, — своеобразная апелляция к общественному суду против тех кругов английской аристократии и плутократии, которые по сю пору не могут простить ему беззастенчивость, с какой он использовал трудности момента в интересах своей карьеры. В этой тяжбе Ллойд Джордж по сути дела прав. Все эти Греи, Асквиты, Робертсоны, Китченеры, столь возвеличенные в созданных вокруг них дружескими и враждебными устами легендах, были действительно посредственностями.

Посвященные их нещадному разоблачению страницы скорее даже не договаривают, чем пересаливают. Совершенно напрасно также нынешние противники и прежние друзья Ллойд Джорджа негодуют на него за его методы «работы». Ничем эти методы по существу не отличались от методов, какими велась вся война — эта гигантская коммерческая авантюра, в арсенале которой не одно оружие, но также реклама, подкуп, обман и прочие приемы коммерческой борьбы занимали большое место. «На войне как на войне» — мог бы им ответить Ллойд Джордж, распространительно применяя известный французский афоризм; или, будучи большим знатоком «священных» писаний, он мог бы им возразить язвительными словами евангелиста: вы проглотили целого верблюда, а сейчас вздумали поперхнуться комаром!

Но не эта милая перебранка между хозяевами и их ловким приказчиком в данном контексте интересует нас (хотя некоторое значение она все же имеет для политической судьбы самого Ллойд Джорджа!); интересует нас скорее то обстоятельство, что, так бесцеремонно охаяв своих *либеральных* друзей (исключая Черчиля, родственной души, да, пожалуй, еще Холдена, творца новой армии, готовившейся к войне с Германией), наш автор в то же время не находит достаточно теплых слов по адресу своих *консервативных* противников, разных Бонар Лоу, Карсонов, Бальфуров, вождей махровой реакции, столпов британского империализма, организаторов вооруженного сопротивления гомрулю в Ирландии и офицерского мятежа в ирландских гарнизонах, едва не доведших до гражданской войны самую Англию в своем рвении оградить привилегии палаты лордов от посягательств «демократии», представленной тем же Ллойд Джорджем.

В объяснение этого парадокса Ллойд Джордж дает нам одно ценное указание — не сознавая, правда, его значения. Он рассказывает, что еще в 1910 г. он выдвинул перед вождями обеих партий, либеральной и консервативной, план создания постоянного блока между ними — установления своего рода «национального сотрудничества», что означало устранение партийной борьбы, борьбы между правительством и оппозицией, борьбы парламентской вообще — фактически сведения к нулю парламентаризма на родине, на классической почве его. Он пишет:

«В 1910 г. мы стояли перед множеством серьезных проблем, которые день ото дня становились все более серьезными. Наиболее серьезные из них еще не были разрешены. Всякому проница-

тельному человеку становилось все более ясно, что партийная и парламентская система не в силах будут справиться с ними. У ворот законодательных шлюзов создалась пробка, и не было никакой надежды, чтобы суда, которых накоплялось все больше и больше, могли пройти через них. Над горизонтом зловеще поднимался призрак безработицы. Наши иностранные соперники быстро шли вперед и оспаривали у нас первенство на мировых рынках. Приостановился рост нашей внешней торговли — тот рост, который содействовал феноменальному благополучию предыдущего полустолетия, но которым мы воспользовались так бестолково и эгоистически. Скученное в грязных и неприветливых кварталах, не будучи уверено в своем хлебе насущном на завтрашний день по болезни ли, или вследствие изменений в хозяйственной конъюнктуре, наше рабочее население было охвачено недовольством и настраивалось все мрачнее. Несмотря на то, что мы впадали во все большую зависимость от заграницы в отношении снабжения продуктами питания, наша посевная площадь постепенно сокращалась. Сельская жизнь умирала, и процесс сверхиндустриализации принимал опаснейшие размеры. Чрезмерное употребление спиртных напитков подрывало здоровье и производительность труда значительной части населения. Споры вокруг Ирландии отравляли наши отношения с Соединенными штатами. Грандиозная конституционная борьба вокруг палаты лордов угрожала революцией в Англии, другая угрожала гражданской войной в Ирландии. Великие державы лихорадочно вооружались в ожидании войны, в которую мы могли быть вовлечены теми или иными видимыми и невидимыми связями, интересами, симпатиями. Были ли мы готовы ко всем этим страшным возможностям?»

Это — замечательное признание. 1910 г., о котором идет речь, был годом величайшего, со времени борьбы за реформу 1832 г., конституционного конфликта, сотрясавшего самые основы политического уклада Англии. Этот конфликт был вызван отклонением палатой лордов, в нарушение всех конституционных правил, бюджетного проекта, утвержденного палатой общин, и повторным ее отказом, поддержанным бешеной агитацией консерваторов, вставших на защиту своей цитадели, санкционировать прошедший через нижнюю палату билль, урезывавший ее права. В этом конфликте инициатором и вождем был не кто иной как Ллойд Джордж, который был автором бюджетного проекта и который в борьбе с зарвавшейся палатой лордов апеллировал к широким народным массам, называя противников — тех же Бальфуров и Бонар Лоу — «зубрами» (backwoodsmen) и «твердолобыми» (die hards — от него и идет этот термин, ставший у нас обиходным!), провозглашая незыблемые основы «демократии» и «народных прав», увлекая за собой «рабочую» партию во имя защиты этих великих благ и не останавливаясь перед угрозой насильственных актов против привилегий происхождения и собственности. В этом году дважды распускался парламент и назначались новые выборы, которые давали большинство либеральной

партии и ее рабоче-ирландским союзникам. И вот оказывается, что как раз в этом году наш радикальный Давид, подобно своему библейскому тезке, так рьяно шедший в бой с консервативными голиафами, тайком лелеял мечту о том, чтобы предать эту самую «демократию» и «народные права», заключить блок с этими же зубрами и твердолобыми и выключить из конституции не больше и не меньше как парламентскую систему! Вот каков Ллойд Джордж, радикал из радикалов, бывший enfant terrible даже в своей собственной либеральной партии, автор новейшего социального законодательства, от которого в свое время приходили в восторг не только либерал-реформаторы, но и все оппортунистические элементы в рядах тогдашнего международного социализма, человек, которого вождь и основатель английской «независимой рабочей партии» Кир Харди торжественно приглашал в свой лагерь на пост верховного лидера! Если вчитаться как следует в вышеприведенные строки Ллойд Джорджа, то нетрудно будет увидеть, что его программа в сущности являлась предварением фашистских программ наших дней с той же мотивировкой о недостаточности парламентаризма для решения жгучих социальных проблем и в частности проблемы войны и с той же установкой на «унификацию» обеих политических партий, на установление диктатуры небольшой группы вождей, а в дальнейшем на устранение парламента как ненужной говорильни. Выходит, что отцом фашизма надлежит считать не Бенито Муссолини, а бывшего уэльского стряпчего Давида Ллойд Джорджа! Не даром он в настоящий момент выступает с похвальными речами по адресу Гитлера, усматривая в установленном им режиме оплот Европы против коммунизма и доказывая, в ответ противникам, что проводимый Гитлером террор во много раз уступает пресловутому большевистскому «террору»!

Знаменательно при этом еще то, что этот фашистский план встретил поддержку не только среди консервативных вождей, но и среди самих либералов, в том числе премьер-министра и верховного хранителя либеральных заветов, Асквита, и был сорван лишь благодаря сопротивлению рядовых консерваторов. Повидимому, в сознании своей силы — за ними шли основные и наиболее тяжелые когорты промышленно-банковского капитала и в их руках находились такие реакционные твердыни английской конституции как корона, палата лордов и судейские скамьи, — консерваторы считали излишним или, по крайней мере, преждевременным срывать парламентские покровы с диктаторской сущности буржуазной власти, в то время как либералы, чувствуя, как из-под ног у них ускользает их основная социальная база, промышленная буржуазия, а одновременно новая «рабочая» партия успешно отвоевывает у них мелкобуржуазную массу и попутчиков из рабочего класса, уже готовы были отказаться от самостоятельности и пойти на союз с более сильным классовым партнером — на «союз всадника с лошадью», как выражался Талейран, — для того чтобы создать крепкий заслон перед теми самыми массами, которые ими же были мобилизованы

для борьбы против палаты лордов. Таким образом, английский либерализм был насквозь прогнившим уже в ту пору, когда он отливал самыми яркими красками ллойд-джорджевского радикализма, социал-реформизма и «демократизма». На деле его загнивание, как хорошо знают все, кто знаком с политической историей современной Англии, началось значительно ранее и проявилось уже во время бурской войны, когда наиболее видные его представители, а именно знаменитая тройка — Асквит — Грей — Холден, заявили себя солидарными с этим разбойничьим налетом и основали группу «либералов-империалистов». Неудивительно, что Ллойд Джордж, — который, кстати сказать, стяжал себе первые шпоры в борьбе именно с этим течением, — встретил у них полное сочувствие своему плану, и еще менее удивительно, что когда через пять лет в начале войны — в мае 1915 г., его стараниями (в союзе с консервативным вождем Бонар Лоу) был вновь выдвинут этот план, то как консерваторы, так и либералы от всего сердца включились в него, и было создано первое коалиционное правительство, погубившее навеки как либеральную партию, так и самый парламент. Нынешнее «национальное» правительство из всех трех партий, включая «рабочую», является уже вторым воплощением на «расширенной основе» ллойд-джорджевского плана 1910 г. (хотя он сам и дезавуирует свое детище). Ллойд Джордж может гордиться, что он первый из политических деятелей направил историю на эти рельсы.

Только зная Ллойд Джорджа и английский либерализм со стороны, которую мы старались осветить выше, мы сможем должным образом разобраться в его воспоминаниях и критически оценить излагаемые в них мнения и факты.

Предмет его воспоминаний — империалистическая война. Уже на первых страницах мы наталкиваемся на факты, весьма характерные как для него лично, так и для английского либерализма и буржуазной Англии вообще. Оказывается, что ни он, ни его коллеги, за частичным исключением премьера, не посвящались сэром Эдуардом Греем, стоявшим во главе ведомства иностранных дел, в политику, которую он вел, и пребывали в состоянии блаженного неведения относительно того, что он проделывал за их спиной. Никогда кабинет в целом не обсуждал вопросов иностранной политики, и ни разу Грей не делал кабинету сколько-нибудь исчерпывающего доклада. Вся работа иностранного ведомства была окутана тайной, и лишь некоторые привилегированные министры из тех, которые в прошлом имели касательство к иностранным делам, позволяли себе высказывать мнения по частным вопросам, которые иногда возникали. Вообще же кабинет уделял вопросам иностранной политики «до смешного малую долю своего времени», и отдельные члены его, по признанию Ллойд Джорджа, не знали больше того, что прочитывалось ими в газетах. Надлежит отметить, что газетой, наиболее осведомленной и авторитетной в области иностранной политики в Англии, является издавна, в течение почти столетия, «Таймс», которая читается и осведомляется руководящими политиками и

дипломатами всех стран, которая часто опережает само иностранное ведомство в точной и подробной информации из самых отдаленных углов земного шара, которая вместе с тем выработала совершенный до виртуозности метод подтасовывания, подбора и расположения иностранной информации таким образом, чтобы воздействовать на читателя и, так сказать, воспитать его незаметно для него самого в желательном направлении, и притом гораздо лучше, чем это могла бы сделать открытая пропаганда в передовых статьях. Когда Ллойд Джордж говорит, что он питался информацией со столбцов газет, то это в расшифрованном виде означает: со столбцов «Таймса», консервативнейшего, нередко реакционнейшего органа английской печати, а в данный период крупнейшего и влиятельнейшего органа английского империализма, который, начиная примерно с 1902 г., с несравненным искусством и неослабной настойчивостью вел кампанию против Германии и все более и более открыто выступал за войну с ней.

Но если таково было состояние осведомленности членов кабинета и в частности Ллойд Джорджа в области внешней политики, то у парламента возможностей было еще меньше. Дважды в неделю члены палаты имели право — и широко пользовались им — делать запросы министру по поводу тех или иных его действий или событий в области внешней политики. Раз в году, в связи с бюджетом иностранного ведомства, а иногда и по другим поводам в обеих палатах происходили генеральные прения по всему регистру иностранной политики правительства. И тем не менее парламент еще менее, чем кабинет, посвящался Греем в тайны его министерства. Будучи, как справедливо отмечает Ллойд Джордж, весьма средней величиной, питаясь информацией, инспирацией, а нередко и прямо «шпаргалками» со стороны своих чиновников — в частности и особенности своего так называемого «частного секретаря», т. е. начальника кабинета сэра Вильяма Тирреля, ныне лорда Тирреля, совсем недавно влиятельного посла в Париже, — Грей тем не менее обладал исключительным талантом скрывать и говорить прямую неправду парламенту и всему миру, сохраняя при этом внушительный и авторитетный вид совершенного английского «джентльмена», вежливого, корректного, выдержанного и неспособного унизиться до лжи. Так, вплоть до 1911 г. он сохранил в глубокой тайне как от членов кабинета, так и от парламента существование тайных статей в знаменитой англо-французской конвенции 1904 г., обязывавших Англию помогать Франции завладеть Марокко и осуществить свой протекторат над ним хотя бы ценой войны. Точно так же он вплоть до самого кануна империалистической войны, до первых дней рокового августа, упорно отрицал в ответ на все запросы в парламенте существование какой-либо договоренности с Францией на предмет совместных действий против Германии, несмотря на наличие полной согласованности между военно-морскими штабами обеих стран в результате многолетних переговоров. Из бумаг Делькассе, недавно обнародованных французским писателем Моруа, мы узнаем

еще больше. Мы узнаем то, чего до сих пор вообще никто не знал, а именно что Англия все время добивалась у Франции расширительного толкования «сердечного согласия», так, чтобы оно охватывало не одну лишь возможность столкновения с Германией из-за Марокко, но вообще все случаи возможных конфликтов с ней, т. е. общего оборонительного и наступательного союза, от чего сама Франция всячески уклонялась. Все это и многое другое было искусно скрыто от кабинета и парламента в этой классической стране буржуазной демократии! Ллойд Джордж подтверждает еще одну подробность относительно дипломатической кухни Грея, существование которой внестоящая публика давно подозревала, а именно, наличие рядом с официальными донесениями английских дипломатов еще и частной переписки их с министром лично, в которой и протекала самая важная часть их сношений — интимная информация и интимный инструктаж. Официальная переписка читалась и чиновниками министерства и нередко опубликовывалась в виде белых и синих книг — тоже, конечно, соответственным образом отредактированных и причесанных — во всеобщее сведение; частная же переписка оставалась тайной даже для них и для членов кабинета, составляя «частную собственность» министра и его дипломатических корреспондентов, собственность, которая нередко уносилась ими с собой при уходе с поста.

Справедливость требует отметить, что эта система ведения иностранной политики не была специальным изобретением Грея: она испокон веков существовала в Англии, да и не в одной Англии, и Грей лишь унаследовал ее. Изъятие этой области правительственной деятельности из-под контроля парламента и даже кабинета в целом и сохранение за иностранным ведомством секретности и фактической неответственности старых времен «кабинетной» дипломатии было в свое время одним из пунктов молчаливого соглашения между аристократией и плутократией, когда последняя добивалась и добилась решающего влияния в государстве. Грей внес в эту систему лишь то новое, что он первый в истории английского либерализма громко и совершенно официально при своем вступлении в должность провозгласил принцип преемственности в иностранной политике Англии вообще, что конкретно означало, что он будет продолжать политику непосредственно предшествовавшего ему и его коллегам консервативного кабинета — политику сближения с Францией, а в дальнейшем и с Россией, и подготовки борьбы с Германией. Неудивительно, что, заимствуя политику консерваторов, Грей перенял заодно и всю консервативную систему дипломатической тайны и дипломатических методов работы: был же он сам членом знаменитой фамилии вигов — Греев, участвовавших в первоначальном компромиссе с ториями. Но удивительно то, что радикал и пацифист Ллойд Джордж, гордившийся своим мелкобуржуазным происхождением и традиционной ненавистью к вигам, вступил в один кабинет с этим Греем и нашел возможным даже солидаризироваться с ним, как свидетельствуют приводимый им разговор

с германским послом графом Меттернихом и его защита сильного флота.

Все это очень характерно для нашего автора, не устающего на всем протяжении своего повествования повторять, что он враг войны («кроме как против диких» — милое изъятие!) и убежденный пацифист. Зная его, зная, с какими людьми он нашел возможным заседать в кабинете и солидаризироваться перед парламентом и общественным мнением, зная дальше, что он уже в 1910 г. чувствовал тайное влеченье — род недуга — к консерваторам и питался кормом, преподносимым «Таймсом», — зная все это, мы теперь уже не будем удивлены, как были в свое время несказанно удивлены его современники тем, что он нашел возможным выступить в августе 1911 г. в Mansion House на банкете финансистов с знаменитой речью против Германии, которую он цитирует. В то время многие вопрошали себя, была ли эта угрожающая речь согласована с министром иностранных дел, или это было собственное политическое творчество Ллойд Джорджа. Казалось странным, чтобы он, занимавший тогда пост канцлера казначейства, никогда публично и в парламенте не вмешивавшийся в иностранные дела, внезапно почувствовал такую непреодолимую потребность выступить в таком сложном вопросе, как англо-франко-германские отношения в связи с Марокко, и притом с такой воинственностью. Больше всего, конечно, были поражены рядовые либералы и радикалы, которым он в их борьбе с реакционной политикой Грея своей речью всадил нож в спину. Теперь все ясно: не только эта речь была согласована с министром иностранных дел и премьером и имела целью усугубить впечатление в Германии, исходя из таких радикальных и пацифистских уст, но она вполне соответствовала и собственным настроениям Ллойд Джорджа. В тот момент все сторонники войны уже знали, что в его лице они обрели нового и весьма ценного союзника. Ллойд Джордж, который еще совсем недавно своей демагогией в связи с бюджетным конфликтом, социальным законодательством и выступлениями против палаты лордов сделался одиознейшей фигурой в глазах всех консервативных кругов от королевского двора до последнего лавочника, отныне стал популярным для них героем.

После этого Ллойд Джордж совершенно напрасно старается доказать, что ни он, ни кто-либо другой в Англии не хотел, да и не предвидел войны, и что если бы не скверный казус с Бельгией, то Англия, пожалуй, осталась бы в стороне от драки. Так против всех очевидностей может говорить лишь такой смелый человек, как наш автор. В Англии никто не хотел и не предвидел войны? Но как же тогда быть с его только что упомянутым выступлением в августе 1911 г., прозвучавшим как публичный вызов Германии к войне? Как быть с той реорганизацией английских военных сил, которую провел задолго до войны его друг Холден в целях десанта на правом фланге наступающей германской армии, — реорганизацией, о которой он, Ллойд Джордж, сам упоминает и восхваляет? Как

быть с военно-морским соглашением с Францией, предусматривавшим такой десант и приведшим к концентрации основных морских сил Англии в Северном море, где была построена и новая первоклассная база Росайт? Наконец — и об этом Ллойд Джордж к сожалению не упоминает — как быть с теми секретными переговорами, которые велись между английским и бельгийским штабами, начиная с 1906 г., на предмет согласованных военных действий в случае вторжения немцев в Бельгию или высадки английской армии для вторжения в Германию?

Все это слишком хорошо известно всякому, знакомому с политической историей предвоенной Европы, чтобы придавать малейшее значение смелому утверждению нашего автора. Верно лишь то, что широкая публика, которая об этих и других аналогичных действиях «своего» либерального правительства не имела ни малейшего представления, не отдавала себе отчета в близости войны еще за неделю до ее начала; верно также, что она не хотела войны. Но ведь не о ней идет речь. Как мясники, загоняющие свой гурт скота на бойню, не имеют привычки предупреждать его относительно ожидающей его участи, так и правители современных империалистических государств не видят нужды посвящать народы в те меры, при помощи которых они периодически готовят для них бойню. Напротив, они имеют всяческие основания держать их в заблуждении и подводить к бойне так незаметно, чтобы они не осознали своего положения до момента, когда всякое сопротивление окажется бесполезным или сможет легко быть сломлено. Поэтому широкая публика ничего не подозревала и еще за несколько дней до катастрофы продолжала заниматься своими делами, развлекаться, строить планы на будущее. В создании такого состояния полной анестезии сказалось большое искусство английских правителей. Но сами-то правители знали и предвидели все и в течение долгих лет разрабатывали свои военные, финансовые и политические планы до мельчайших подробностей и проводили к осуществлению их все необходимые меры.

Но Бельгия? Разве вмешалась бы Англия в войну, если бы Германия не тронула Бельгии? Ллойд Джордж уверяет, что нет. «До тех пор, пока война могла еще вылиться в борьбу между абсолютными монархиями Германии и Австрии, с одной стороны, и России и ее союзниками, с другой, общественное мнение Англии было решительно против вмешательства». Сам Ллойд Джордж развивает от себя мысль, которую он, впрочем, излагал и своим коллегам, что в случае, если бы нейтралитет Бельгии не был нарушен Германией, Англии невыгодно было бы вмешаться: гораздо более выгодно было бы для нее тогда оставаться на некоторое время нейтральной, собраться с силами, а потом продиктовать свои условия Германии под страхом присоединения к ее врагам. Можно предоставить военным специалистам решить вопрос, действительно ли такой план был очень выгоден Англии, которая вероятно собралась бы с силами лишь к тому времени, когда Франция была бы

уже раздавлена в кольце германских армий, высаженных по уничтожении французского флота где-нибудь на северном и западном берегах, и сама Англия и Ламанш находились бы под обстрелом германских «берт», установленных в Калэ и Дюнкирхене. Но не в этом дело, а дело в том, что, развивая этот хитрый план, Ллойд Джордж сам показывает, что вопрос о нарушении бельгийского нейтралитета не играл никакой роли в решении Англии присоединиться к драке между непопулярными абсолютизмами. Будь нейтралитет Бельгии нарушен или не нарушен, а Англия вмешалась бы в войну против Германии, как это было решено давным-давно.

Роль бельгийского вопроса была совсем иная: он дал возможность правительству развить нужную демагогию и мобилизовать захваченное врасплох общественное мнение — в особенности мелкую буржуазию — в пользу войны под предлогом защиты международных обязательств, прав маленькой национальности и собственной чести Англии, будто бы гарантировавшей Бельгии ее независимость. В частности, он дал предлог либеральной партии, а особенно либеральной прессе, исповедывавшей пацифизм и писавшей в прошлом громовые статьи против реакционной внешней политики Грея, с грацией совершить грехопадение, о котором они в глубине своих сердец давно мечтали.

Как раз на примере одной большой либеральной газеты («Daily News»), о которой упоминает Ллойд Джордж, пишущий настоящие строки, который работал в ее редакции, в течение многих лет до войны и в самый момент объявления ее, мог наблюдать, как совершалось такое грехопадение. Подобно той молодой монахине, упоминаемой Марксом в письме к Энгельсу, которая, как значится в протоколах инквизиции, молилась богородице, чтобы она послала ей кого-нибудь, с кем она могла бы грешить, названная газета — как впрочем большинство либеральных газет в Англии, — совершая все обряды пацифистского благочестия, в то же время живо ощущала никчемность их в мире, где грех явно одолевал, суля большие награды в виде больших тиражей, жирных объявлений и патронажа плутократии и большого света. Удивительно ли, что, как только представился случай, она, как и вся представляемая ею партия, без особого сопротивления поддалась соблазну? И удивительно ли, что, как правильно излагает Ллойд Джордж, под влиянием этой прессы толпа восторженно шумела, распевая патриотические песни? Где этого не было? В особенности в Англии, где сам народ, свободный от воинской повинности, никогда не дрался на войне, а передоверял это благое дело организованным наемникам, где вера во всемогущество национального флота была безмерна, где с такой же верой относились к многомиллионной армии русских мужиков, которая, как «паровой каток», медленно, но с убийственной методичностью пройдется по германской земле, раздавливая на ходу города и армии, и где на все дело поэтому смотрели, как на интереснейший, немного опасный, но тем более привлекательный

спорт, который приведет к финишу в три-четыре месяца — как могла толпа в этой Англии не шуметь и не радоваться и не встречать и провожать овациями министров, устроивших ей этот спектакль?

Только в одной части населения к войне отнеслись по-иному. Это был рабочий класс. И он, конечно, не представлял себе еще того ужаса, который ему готовила война, и он питал иллюзию, что она долго не продлится. Быть может, рабочая «аристократия» даже ожидала для себя кое-каких выгод в связи с неизбежным оживлением в соответствующих отраслях промышленности. Тем не менее классовый инстинкт антагонизма к буржуазии и ее партиям подсказывал английскому пролетариату недоверие, местами прямую враждебность к инсценированному военно-патриотическому спектаклю и заставлял его с подозрением смотреть на дело «национального единения», неожиданно прокламированного такими отъявленными реакционерами и врагами рабочего класса, как Бальфур, Бонар Лоу и Карсон, с одной стороны, и такими иезуитами, демагогами и краснобаями, как Асквит и сам Ллойд Джордж. Не подлежит сомнению, что смелое выступление против войны вождей рабочей партии мобилизовало бы против нее весь рабочий класс; а это означало бы полный ее срыв, если не гражданскую войну. Сам Ллойд Джордж осторожно признает, что «если бы рабочий класс был враждебен, то войну нельзя было бы проводить, как следует, а если бы рабочий класс относился лишь с прохладцей, то победу можно было бы обеспечить лишь с большими и возрастающими трудностями». Но к счастью для английского капитализма вожди рабочей партии были уже давно куплены либералами — в частности, с помощью ллойд-джорджевской демагогии — и их предательство (как и предательство социалистических вождей вроде Гайндмана и его ближайших соратников) помогло буржуазии парализовать всякое сопротивление рабочего класса. «Самые выдающиеся и влиятельные вожди движения тредюнионов, — свидетельствует Ллойд Джордж, — боролись за победу в продолжение всей войны: без их помощи она не могла бы быть достигнута». Гендерсоны, Томасы и вся их многочисленная братия, получившие за свою измену соответствующую мзду, могут гордиться, что один из красноречивейших глашатаев британского империализма и по сей день готов воздать им должное за их услуги в критический момент его истории. Конечно, заслуга этих вождей перед британским империализмом не ограничилась одним этим моментом. В период, когда армия еще составлялась из добровольцев, эти вожди играли решающую роль в агитации среди пролетарских масс за вступление в армию. Затем, когда мобилизовалась промышленность на производство снарядов и всякого рода орудий и нужно было прикрепить рабочих к определенным заводам, влить в производство огромную массу женщин, удлинить рабочий день и т. п., «рабочие» лидеры использовали все свое влияние, чтобы уговорить рабочих отказаться от профсоюзных уставов и закрепленных законодательством норм труда. Когда же наступил момент введения принуди-

тельного набора в армию — мера для английского народа ненавистная как рабство — те же лидеры употребили героические усилия, чтобы доказать рабочим массам, что «конскрипция» (conscription) не рабство, а свобода.

Нужно отметить, что хотя рабочие и поддавались этим увещеваниям, которые зачастую подкреплялись мерами принуждения со стороны предпринимателей и полицейских властей, как признает сам Ллойд Джордж, но они это делали все же нехотя, и в продолжение всей войны, а особенно с 1916 г., среди них не прекращалось забастовочное движение, создавались комитеты заводских старост и, несмотря на репрессии, усиливалась агитация против войны. Сам Ллойд Джордж испытал это настроение рабочих, когда он в 1916 г. сделал попытку выступить перед ними в Глазго. Ему не дали говорить, и он едва спасся при помощи полиции. Об этом эпизоде Ллойд Джордж умалчивает, но он подробно излагает другой эпизод в том же городе, когда он явился вместе с Гендерсоном на большой пушечный завод уговаривать рабочих не «скупиться», а трудиться. Ему удалось добиться своей цели, но лишь на время: «через несколько недель мы там опять имели неприятности, и тогда пришлось прибегнуть к решительным мерам в виде депортации нескольких вождей и привлечения к судебной ответственности других». Интересно, что во время этого визита он встретил двух местных вождей: одного, который ему весьма понравился, несмотря на его напускную свирепость, и действительно помог ему в переговорах с рабочими, и другой, который подошел к нему «с угрожающей миной и сжатыми кулаками», который ему совсем не понравился и, действительно, оказывал на рабочих «самое дурное влияние». Первый был Давид Кирвуд, тогда «левый» социалист из «независимой рабочей партии», а впоследствии министр в первом «рабочем» кабинете Макдональда, второй был Вильям Галлахер, тогда член британской социалистической партии, а ныне член политбюро коммунистической партии Великобритании. Ллойд Джордж не ошибся в своем диагнозе.

Но вернемся к началу войны. Установив, что Англия не хотела и не ожидала войны, Ллойд Джордж великодушно дает эту индульгенцию и другим участникам ее. Даже кайзер, которого он позднее хотел повесить, оказывается, не хотел войны. О царе же и его министрах, о Пуанкаре и других персонажах он отзывается как чуть ли не о пацифистах. Выходит, как он констатирует, что все, кто зажег мировой пожар, были виновны не в преднамеренном (murder), а в неумышленном убийстве (manslaugher), которое по английским законам не карается смертью. Это очень по-христиански, хотя и не соответствует истине. Но в таком случае как же все-таки война вспыхнула? Ллойд Джордж прямо не отвечает на этот вопрос, но делает одно указание, которое можно истолковать как косвенный ответ: виноват в сущности не кто иной, как Грей. Грей, видите ли, совершил одну роковую ошибку: он заблаговременно не заявил немцам, что если они нападут на Францию или на Бельгию,

то Англия выступит против них. Если бы, говорит Ллойд Джордж, Грей сделал такое заявление, то немцы не решились бы воевать, и все прошло бы благополучно. Но Грей не решался, отмалчивался и заговорил лишь тогда, когда уже было поздно.

Ллойд Джордж не один и не первый выдвигает эту теорию. Она уже выдвигалась во время войны и даже в самом начале ее не только пацифистами, но и союзниками Англии, французами и русскими, включая Пуанкаре и Сазонова. Выходит, что всех втянул в войну своей нерешительностью бедный сэр Эдуард Грей. Выходит, что Россия, самозванно выступившая в защиту Сербии, которую она же в прошлом продавала и предавала десятки раз, что Пуанкаре, ездивший в июле 1914 г. в Петербург, где сговаривался о совместных действиях, что Извольский, провозгласивший войну «своей» и т. д., — что все они были лишь втянуты в войну оплошностью Грея.

Роковая случайность, что и говорить. Но, во-первых, действительно ли установлено, что Германия отступила бы, если бы знала, что Англия не останется в стороне. На этот счет позволительны сомнения: в прошлом те же Греи и Ллойд Джорджи, не говоря уже о военных, не раз совершенно категорически заявляли, что в случае войны Германии с Францией Англия не останется нейтральной, а придет Франции на помощь всеми своими ресурсами. Правда, в течение последнего, 1913/14 г. между Англией и Германией был улажен ряд вопросов, как вопрос о багдадской железной дороге и об африканских колониях, которые в прошлом составляли основу англо-германских противоречий. В свете этих соглашений, которые действительно устанавливали нечто вроде сердечного согласия между преобладающими группами финансового капитала обеих стран, германское правительство могло рассчитывать на то, что Англия не присоединится к ее противникам. Несомненно, как указывает Ллойд Джордж, германское правительство придавало сдерживающее значение и чрезвычайно обострившемуся внутреннему положению Англии в результате нависшей над ней угрозы гражданской войны в Ирландии и, прибавим, огромного подъема рабочего движения. Вероятно этим и объясняются те слезы разочарования, которые пролил канцлер Бетман-Гольвег, когда английский посол передал ему объявление войны. Но не это был решающий момент. Несомненно, что германский штаб учитывал не только возможность, но и вероятность английского вмешательства, когда базировал свои планы наступления на Францию и на Бельгию, и заблаговременное предупреждение Грея само по себе не могло внести в эти расчеты никаких изменений. Раз Германия решила воевать — а к этому решению побуждало ее соображение, что через несколько лет у России будет готова новая сеть стратегических дорог, Франция же закончит реорганизацию своей армии на основе трехлетней службы, — то она должна была вести наступление на Францию и проходить через Бельгию, какое бы решение ни приняла Англия.

Во-вторых, только исходя из миролюбия противников Германии,

можно предполагать, что они действительно хотели, чтобы Германия, испугавшись предупреждения Грея, отступила. На деле, они были бы весьма огорчены, если бы так случилось, и последующие их сожаления являются чистым лицемерием.

Напротив, можно предположить, что Грей вовсе не совершал ошибки, когда он не повторил хорошо известного ему шага Гладстона в 1870 г., сделавшего заблаговременно заявление обоим тогдашним противникам — Пруссии и Франции о заинтересованности Англии в ненарушении бельгийского нейтралитета, и оставлял Германию в неведении о своих намерениях. Он умышленно не поднимал этого вопроса, чтобы не спугнуть Германии и не сделать войну невозможной. Такое предположение гораздо более правдоподобно, нежели то, из которого исходит Ллойд Джордж. Как бы неискусен был Грей как дипломат, однако если бы он хотел спасти мир от войны, он исчерпал бы все средства предупредить ее, включая и предостережение Германии против вторжения в Бельгию. Не забудем, что Грей вовсе не был один в руководстве внешней политикой: подле него стоял упомянутый уже выше Таррель, человек гораздо более ловкий и сильный, и его субстатссекретарь сэр Артур Никольсон, один из лучших английских дипломатов. Оба они преподали бы ему нужный совет, если бы английское правительство хотело избежать войны, и Грей, который всегда был послушным орудием в их руках, не сопротивлялся бы. Но они этого не сделали, потому что хотели войны, потому что они на протяжении по крайней мере двенадцати лет работали на подготовку ее. Такова по нашему мнению истина по этому очень много дебатировавшемуся вопросу, который выдвинул и Ллойд Джордж.

Война наконец объявлена, и наш автор рисует в трогательных словах то «национальное» единодушие, которое охватило все классы и все партии. Он не скрывает, что в большой мере это единение было достигнуто тем, что войну пришлось объявлять либеральному, а не консервативному правительству. Оно и понятно: если бы у власти были консерваторы, то либералы, находясь в оппозиции, должны были бы создать хотя бы видимость того, что они против нее, а это не осталось бы без влияния на рабочие массы. Рабочая партия должна была бы поддержать эту демагогию, а рабочие массы, отчасти поверив ей, отчасти не встречая сопротивления своему классовому инстинкту, выступили бы против войны «по-плебейски». Так оно всегда было в Англии. В старину английские социалисты даже говорили: для получения реформ наилучшая конъюнктура — это когда их дает консервативное правительство, а либералы находятся в оппозиции (таковы были времена Дизраэли-Биконсфильда), напротив, нет пакости худшей, чем когда ее делают либералы, а в оппозиции находятся консерваторы (так было во времена Пальмерстона и в египетскую войну, проведенную Гладстоном). В данном случае консерваторы, которые самим Ллойд Джорджем аттестуются как германофобы, с восторгом поддержали решение либерального кабинета в пользу вмешательства в войну. Они даже подали ему

записку, заранее уверяя его в своей всемерной поддержке, чем несомненно подтолкнули его на это решение, и «национальное» единение было обеспечено. Правда, существовала еще некоторая боязнь насчет того, какова будет позиция «рабочей» партии и ирландских националистов, но и те и другие давно уже свернули свои собственные знамена и шли за либеральным флагом. Выяснилось, что кроме двух-трех одиноких либералов, вроде лорда Морлея и малозначащего Тревелиана, да бывшего социалиста, а за последние двадцать лет либерал-рабочего Джона Бернса, никто из кабинета и вокруг него не выразил несогласия с решением либерального правительства, а все, напротив, «патриотически» пошли за ним. Но это «единение» было лишь кажущееся, обусловленное тем, что и либералы, и лидеры «рабочей» партии, и ирландские лидеры капитулировали перед консерваторами и делали их дело. Уже в 1915 г. началось возмущение в *консервативных* рядах в связи с уступками, которые правительство хотело сделать ирландцам в виде академического признания принципа гомруля; в том же году рабочие массы стали выступать против своих эксплоататоров и военных спекулянтов; в 1916 г. известное дублинское восстание дало ответ на патриотические выступления ирландских парламентариев, а в конце того же года либеральное правительство пало под ударами консерваторов, предводительствуемых на этот раз самим Ллойд Джорджем под флагом «национальной коалиции». Ллойд Джордж обо всем этом упоминает, но остерегается выявить тот основной момент в этих эпизодах, что борьба по сути дела ни на минуту не прекращалась и видимость «национального единения» сохранялась лишь непрерывным капитулированием либералов и «рабочей» партии перед требованиями консерваторов.

Начиная с момента вступления Англии в войну изложение Ллойд Джорджа преследует две параллельно идущие цели: дискредитировать не только политическое, но и военное руководство Англии до того, как он сам стал во главе либерально-консервативно-«рабочего» кабинета, и возвеличить свою роль как организатора финансов и военного снабжения, политика и даже военного стратега и, конечно, великого «патриота», борца за войну «до победного конца». Как оказывается, в качестве долголетнего канцлера казначейства, т. е. министра финансов, он, который якобы не хотел, не предвидел и не верил в возможность войны, все предусмотрел, все предуготовил, причем с первых же дней была проведена целая система финансовых мер, которые, по его мнению, спасли финансовую устойчивость и мировой кредит Англии. Это явное преувеличение. Действительно финансовая мобилизация в Англии прошла весьма гладко; но насколько известно, она прошла недурно и во Франции, и в Германии, и в ряде других стран. С другой стороны, недурно прошла в Англии, как и повсюду, и военная мобилизация, и если военные специалисты все же просчитались и, не предвидя ни длительности, ни трудности войны, не запаслись надлежащими массами людского материала и снаряжения, то то же

самое можно сказать о финансовом управлении Ллойд Джорджа, который, провозгласив вначале: business as usual — торговля идет попрежнему, должен был вскоре убедиться, что принятые и проведенные им меры были до смешного недостаточны, и должен был заняться кредитными операциями, какие ему до этого и не снились, — операциями, которые создали чудовищный государственный долг, превратили Англию в неоплатного должника Америки, подорвали ее знаменитый фунт стерлингов и создали и до сих пор непреодоленные трудности ее внешней торговле и промышленному развитию.

Преувеличенной надо признать и его оценку своих собственных достижений по части производства взрывчатых снарядов. Конечно, это дело было весьма важным, и Англия подошла к нему довольно поздно. Но неверно, что Ллойд Джордж его создал. Оно было начато и уже развивалось до его назначения министром снаряжения, но он ловко воспользовался трудностями, неизбежными в начале нового производства, и с помощью консервативной печати заставил назначить себя во главе особого министерства. С ее помощью были раздуты недочеты, которые еще существовали, и с ее же помощью были затем раздуты размеры его собственных достижений. Он сам говорит об этих достижениях в таких тонах, что если бы они не задержались на целый год и даже больше, благодаря недостатку предвидения военных специалистов, то войну можно было бы выиграть гораздо раньше. Он забывает только, что даже после гигантского расширения этого производства, когда Англия уже производила столько снарядов, что могла бы снабжать ими не только свою армию, но и армии более бедных союзников — например русскую — т. е. приблизительно со второй половины 1916 г., война еще длилась свыше двух лет и была завершена победой союзников отнюдь не благодаря изобилию снарядов и пушек, а благодаря ряду других обстоятельств, в числе которых играло немаловажную роль вступление в войну Соединенных штатов.

При всем том даваемое им описание своей работы и произведенной им организации нового министерства снаряжения представит для нашего читателя значительный интерес. Он увидит, что важнейшим элементом в работе министерства была проверка исполнения путем еженедельных докладов департаментов, ведавших той или иной отраслью производства, директору по статистике, который в свою очередь снабжал самого Ллойд Джорджа письменными резюме. Эти отчеты сравнивались затем с проектными цифрами, базировавшимися на плане, и «мы могли таким образом видеть, в какой мере каждый отдельный сектор справлялся со своей задачей». Где усматривалось невыполнение, там Ллойд Джордж устанавливал ответственность и обращался с указаниями — обычно письменными — к начальникам секторов, запрашивая о причинах невыполнения, рекомендуя средства к избежанию их в будущем, предлагая те или иные конкретные мероприятия и т. д. Кроме того, он был в личном контакте со всеми своими подчиненными целый

день, приходя на работу с 9 ч. утра и уходя в 8 ч. вечера, а иногда и позднее и раздавая им поощрения, советы и указания для исправления недостатков. Затем у него происходили еженедельные производственные совещания, в которых принимали участие главы департаментов и обсуждались результаты работы за истекший недельный период времени. При этом не обходилось без «самокритики» и создавалась привычка коллективного творчества — для англичан не совсем обычная — и даже соревнования.

Но восторгаясь своими достижениями, Ллойд Джордж, как сказано, жестоко критикует деятельность своих коллег — премьер министра, сэра Эдуарда Грея и военного министра лорда Китченера, и все военное руководство вообще — штаб, главнокомандующих и пр. Все они недостаточно энергичны, ничего не понимают в своем деле и совершают ошибки за ошибками. Никому от него нет пощады. Он инициативнее Асквита, он лучше понимает и лучше справлялся бы с проблемами внешней политики, чем Грей; как организатор и стратег он гораздо вернее достиг бы полной победы, чем Китченер и его генералы, которые вместе с их французскими собратьями беспомощно барахтались в реках бесплодно проливаемой ими англо-французской крови. Грей, например, сплошал, не умея вовлечь в войну на стороне союзников ни Турцию, ни Грецию, ни даже Болгарию. Что могло быть легче? Здесь «поднажать», там подкупить, здесь пообещать «честную добычу» (есть у него и такая добыча!), там подкрепить посылкой пары дивизий бравых английских солдат, — и все эти государства встали бы под знамена союзников и напали бы на Германию и Австрию с тыла и с флангов, в то время как хорошо вооруженная его, Ллойд Джорджа, снарядами и пушками несметная русская армия двигалась бы на Вену и Берлин с востока. К концу 1916 г. все было бы окончено.

Эти глубокие политико-стратегические мысли наш автор, заметьте, пишет в 1933 г., имея перед собой документы и мемуары не только английского, но и иностранного происхождения, которые рисуют сложившуюся в начале войны и позже международную обстановку с достаточной ясностью. Как ни умен и ловок Ллойд Джордж, но и он, наверное, не смог бы преодолеть твердую решимость русского правительства не допускать ни присоединения Турции к Антанте, ни даже ее нейтралитета, дабы не отнять у себя возможности разгромить ее и захватить Константинополь и проливы. Ллойд Джордж должен был знать, что основной целью царской России в войне было овладение этими позициями, а это было достижимо лишь при условии, что Турция будет принимать участие в войне на стороне Германии. И вот, русская дипломатия делает все возможное, чтобы не дать своим союзникам соблазниться турецким предложением сохранить дружественный нейтралитет в обмен за гарантию ее территориальной целостности, и тянет переговоры до тех пор, пока Турция, убедившись в неискренности Антанты, принимает предложение германцев. Что мог тут поделать Грей? Даже робкие его советы отвергались со всей решительностью. Аналогично обстояло с Гре-

цией. Не только король, но и народ в Греции не имел никакого желания воевать, несмотря на все старания Венизелоса и широкий подкуп отдельных лиц и органов печати. Единственное, что еще могло служить приманкой после недавних усилий и жертв в войнах 1912—1913 гг., была перспектива получения Константинополя, но как раз в этом им отказывали союзники и, в особенности, Россия, которая не поддерживала стараний своих партнеров вовлечь Грецию в бойню. И тут Грей ничего не мог поделать, как не могли ничего поделать французы, применившие гораздо более энергичные меры воздействия, чем дипломатические демарши.

Впоследствии, уже после войны, Ллойд Джордж осуществил свой план, толкнув Грецию на войну с Турцией, снабдив ее всеми средствами, финансовыми и военными, и пообещав ей «честную добычу» в виде Смирны. Результаты получились плачевные: греки были сброшены в море кемалистской армией, и сам Ллойд Джордж слетел с высоты своей власти и с тех пор больше уже не возвращался к ней.

Что же касается Болгарии, то Ллойд Джордж и по сей день обнаруживает совершенное незнакомство с болгарской проблемой в том виде, в каком она стояла перед союзнической дипломатией в начале войны. Болгария, ограбленная в 1913 г. своими сербо-греческими союзниками в войне против турок, оставленная на произвол судьбы царской Россией за то, что она осмелилась двинуться на Константинополь, и преданная Англией и Францией на лондонской конференции в 1913—1914 гг. — эта Болгария должна была бы обладать поистине христианским смирением, если бы она согласилась выступить в войне на стороне союзников, не получив даже той территориальной компенсации в виде возвращения части отнятой у нее Сербией территории, которой она требовала. Сербия категорически отказывалась уступить ей в этом, а союзники не имели ни мужества, ни власти заставить ее силой.

Ллойд Джордж в 1933 г. все еще не понимает или не знает этих простых фактов политической истории Балкан! С таким багажом знаний в области международных отношений Ллойд Джордж вмешивался, как видно из его воспоминаний, во внешнюю политику Грея и кабинета и развивает свои дипломатические соображения и сейчас.

Самым ярким актом его своевольного вмешательства в компетенцию его коллеги Грея — актом, который вызвал протесты со всех сторон и несомненно укрепил позиции германского противника, — была его беседа с американским журналистом в сентябре 1916 г., получившая историческую известность. В этой беседе он возвестил политику войны до полного разгрома противника (knock-out blow) и возражал против всяких попыток к посредническому вмешательству со стороны. Это было сказано в момент, когда и в Англии, и в Германии созревала мысль о необходимости покончить с бойней каким-нибудь компромиссом, а Америка не прочь была выступить с предложением своего посредничества. Неудивительно, что это

выступление было воспринято, как Ллойд Джордж сам говорит, с величайшим раздражением повсюду, включая английское правительство, и нет сомнения, что только боязнь скомпрометировать дело союзников удержала его коллег от публичного дезавуирования его. В своей книге он тем не менее восхваляет свое выступление и доказывает, что оно не только не повредило, но даже помогло делу союзников. Ему, который сейчас настолько ясно видит злополучные для капиталистического строя вообще и для капиталистической Англии в частности результаты войны, что выступает в защиту ревизии Версальского договора — тоже его детища! — и сторонником Германии в ее политических и даже военных требованиях, — ему и сейчас лестно фигурировать перед читателем в качестве одного из самых ярых защитников во время войны продолжения ее до победного конца. Он забывает только, что не вступи в войну Америка — что с его политикой ничего общего не имело — «победный конец» легко мог оказаться в руках немцев. Одно, однако, несомненно: в галлерее деятелей империалистической войны фигура Ллойд Джорджа была одной из самых зловещих.

Больше доверия внушает его критика военного руководства. В свое время Наполеон весьма невежливо отзывался об английской армии как об армии львов, предводимых ослами. Насчет львов можно, быть может, еще усумниться, но относительно второй породы животных Ллойд Джордж, повидимому, с Наполеоном согласен. И действительно, такой коллекции посредственностей, какую выдвинула во время империалистической войны Англия на поле брани, трудно было бы найти где-нибудь в другом месте — разве только в ее собственных военных анналах. Конечно, гений Китченера был одним недоразумением, созданным в свое время подкупленной прессой по случаю преодоления им, во главе 250-тысячной армии, 20 тысяч буров, фермы которых он сжег, а детей и жен согнал в концентрационные лагери, где они мерли как мухи. Робертсон, одно время начальник генерального штаба, был простой «салдафон», для которого современная стратегия была книгой за семью печатями и единственным качеством которого была, как выражается Ллойд Джордж, его загадочность. Главнокомандующие во Франции — раньше Френч, а затем Хейг, также представляли собой заурядных генералов без малейшей тени полководческих талантов. Неудивительно, что все операции на английском участке франко-германского фронта были сплошной кровавой неудачей, несмотря на ллойд-джорджевские снаряды и вновь придуманные танки.

Интересно, как отмечает Ллойд Джордж, что эти неудачи, а главное потери старательно скрывались не только от публики, но даже от самих членов кабинета. Пишущий эти строки хорошо помнит, какое продолжительное время английская публика держалась под впечатлением, что вступившие в Бельгию германские войска терпели поражения за поражениями, что их «густые» колонны выкашивались бравыми бельгийскими артиллерийскими частями под стенами Льежа и других крепостей, пока не промелькнула в газетах,

очевидно, по недосмотру пропущенная телеграмма о боях южнее Ле Като, во Франции. Оказывается, со слов нашего автора, что и сам кабинет не знал о жестоких поражениях при Монсе и Шарлеруа, где легла костьми почти вся экспедиционная армия, так тщательно подготовленная Холденом. Он намекает — и пишущий настоящие строки может подтвердить, — что в тот момент война во многих кругах считалась уже потерянной, и в политических клубах поговаривали о необходимости искать мира. Политическая тупость немцев, в критический момент ослабивших свое правое крыло, чтобы спасти заэльбские поместья юнкеров от нашествия русской армии, спасла положение, и англичане вздохнули свободно. Они получили передышку, чтобы создать новую и еще бо́льшую армию и вооружить ее новыми орудиями и снарядами. Тогда только военные гении Англии начали сознавать огромные размеры предпринятой ими кровавой авантюры, но, как справедливо и беспощадно разоблачает Ллойд Джордж, все их последующие операции приводили только к катастрофическим потерям при полукилометровом выигрыше в территории.

Уверенность англичан в своей непобедимости снова поколебалась и, в связи с неудачами французов на их участке и многократным разгромом русских, сербских, затем итальянских и румынских армий, уступила место разочарованию. Особенно глубоко были англичане разочарованы гигантским провалом боев на Сомме в июле — ноябре 1916 г. Ллойд Джордж по адвокатскому обыкновению преувеличивает, отрицая за этими боями какое бы то ни было значение: они все же заставили немцев отступить от Вердена, где французы терпели страшные потери. Но он прав в том, что понесенные союзниками гекатомбы оказались бесплодными и лишь более резко оттенили неразрешимость проблемы прорыва неприятельского фронта при данных силах. Почти одновременно, в конце мая и начале июня того же года, безрезультатный исход морского сражения при Скагерраке (Ютландия) показал неразрешимость и другой проблемы — уничтожения германского флота и десанта на правом фланге германцев. Остров Гельголанд, некогда обмененный немцами у англичан на Занзибар, оказался несокрушимым оплотом для германского флота и германских берегов, и знаменитая насмешка Стенли, что глупые немцы выменяли пару штанов на пуговицу, совершенно не оправдалась. Наконец, ко второй половине 1916 г. подводная война, отнюдь еще не «неограниченная», нанесла английскому торговому флоту такие огромные потери, что, как читатель узнает из книги Ллойд Джорджа, министерство торговли было до крайности встревожено, и продовольственное положение в Англии стало настолько критическим, что был назначен, по германскому образцу, над которым в свое время столько смеялись, продовольственный диктатор.

В этот момент выступил с наделавшей в свое время в осведомленных кругах много шума запиской о мире лорд Лэнсдаун, один из влиятельнейших политиков в Англии, предшественник Грея по ино-

странному ведомству в консервативном кабинете Бальфура, соавтор англо-французской конвенции 1904 г., положившей основание Антанте. Ллойд Джордж цитирует этот документ, в котором в очень осторожной форме, но вполне определенно предлагается правительству искать путей и средств к заключению компромиссного мира. Сам Грей в столь же осторожной форме согласился с мнением Ленсдауна, но военные были против, Бальфур был против, Ллойд Джордж был против и в конце концов и Асквит решил быть против.

Ллойд Джордж излагает этот эпизод с явной целью показать, насколько он и его единомышленники были правы, настаивая на продолжении войны до победного конца и уже набрасывая (записка Бальфура) план будущего расчленения Германии и передела Европы, весьма близко предваривший условия «мирных» договоров 1919 г. Но и он ясно сознавал, что военное положение, создавшееся к концу 1916 г., ни на иоту не оправдывало оптимизма, проявленного противниками Ленсдауна, и поэтому он перед коллегами выдвигал новый военно-стратегический план, переносивший центр тяжести военных действий на юго-восток, на Балканский полуостров. Он излагает этот план и многократно возвращается к нему в своей книге, считая и поныне, что осуществление его сразу дало бы победу в руки союзников. Специалисты могут лучше судить о достоинствах этого плана, но к огорчению нашего автора ни английские, ни французские военные и политики не приняли его. Они готовы были активизировать действия на Балканах, но отнюдь не за счет европейского фронта, который рассматривался ими как решающий. Самое пикантное в этом плане, однако, было то, что он базировался на нарушении нейтралитета Греции — на том самом грехе против международного права и прав малых национальностей, в совершении которого Германией благородная Англия усмотрела достаточный повод к вмешательству в войну. Если в свое время германский канцлер Бетман-Гольвег, признавая этот грех, извинял его в знаменитой фразе «необходимостью», то Ллойд Джордж, настаивая на своем плане и расписывая его в привлекательных красках, даже не задумывается над ним. Так иной раз с меридианом радикально меняются нормы морали у бравых буржуазных политиков.

Но для осуществления этого плана требовалось наличие еще одной предпосылки: восстановления совершенно истрепанной военной мощи России, которая не оправдала возлагавшихся на нее союзниками надежд и которая очень нужна была для действий на Балканах. Чтобы выяснить ее нужды и согласовать с ней будущие действия, Ллойд Джордж настаивал на устройстве военного совещания в царской ставке. Это было принято, но не было осуществлено: революционные события в России опередили даже быстроногого Ллойд Джорджа. В связи с русским вопросом он делает ряд замечаний о причинах военной слабости России, которые несомненно остановят внимание читателя. Их стоит здесь привести:

«Россия обладала такими резервами здоровой молодежи, что четыре с половиной года (?) разрушительной войны, за которыми последовали еще годы опустошительных эпидемий, революции и контрреволюции, казалось, не отразились сколько-нибудь заметно на ее неисчерпаемых людских ресурсах. К концу 1916 г. в России было призвано в армию около 13 млн. человек, и тогда считали, что еще оставалось несколько миллионов годных к военной службе лиц призывного возраста, которые еще никогда не призывались в армию. В мужестве и выносливости никто ни на той, ни на другой стороне поля брани не превосходил русского солдата. Но военное снаряжение русской армии по части орудий, винтовок, пулеметов, снарядов и транспортных средств было самое плохое из всех, и по этой причине русских били противники, уступавшие им в численности, а иногда и в боевых качествах, и уничтожали их миллионами без того, чтобы у них была малейшая возможность обороняться или бить обратно. Россия была полупримитивной крестьянской страной и не имела знаний и опыта в области промышленного производства; поэтому она не была в состоянии снабдить своих храбрых молодых защитников необходимым военным снаряжением. Несмотря на свои огромные естественные ресурсы, она не обладала теми разработанными или накопленными богатствами, которые могли бы служить основой для кредита и дать ей возможность закупить необходимое военное снаряжение и припасы... Неуменье русских использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы, естественные и благоприобретенные, было обусловлено не какими-нибудь умственными недостатками расы — напротив, русские очень способный народ, — а сохранившимися у них крестьянскими привычками к расхлябанности и неаккуратности. Для них время не играет роли, а организация не имеет значения. Они пассивно ждут смены времен года и каждый год в течение месяцев не могут делать ничего более производительного, как греться, пока возвращение солнца не призовет их к труду. Когда первая стадия работ окончена, у них опять наступает период праздношатания: они ничего не делают, предоставляя животворящим лучам солнца докончить их работу. Индустриализм Запада, требующий непрестанного, целеустремленного и сосредоточенного труда, никогда не входил в жизнь и не влиял на привычки девяти десятых русского народа».

Это — очень развязное и довольно невежественное описание жизни русского крестьянина, носившего на себе веками такое бремя беспросветного труда, какого не знал даже «индустриализм» Запада. Только в воображении Ллойд Джорджа, знания которого о России были так велики, что он, как известно, одно время принимал Харьков за генерала, русский крестьянин зимнее время проводил на печи и не умел организовать своего труда. В его словах

отчетливо слышно то глубочайшее презрение к русскому народу, которое он по существу к нему питает, восхваляя его как пушечное мясо. Верное в его словах заключается в том, что Россия в царское время действительно была «полупримитивной крестьянской страной», без промышленности, неорганизованной, расхлябанной, которую всегда били. Эту правду великолепно изложил т. Сталин в знаменитой речи:

> «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость, за отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно... Таков уж закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и поработить. Ты могуч — значит, ты прав, стало быть тебя надо остерегаться. Вот почему нельзя нам больше отставать».

Делая свои социологические выводы — как читатель видит, не лишенные остроумия, — Ллойд Джордж не учел одной малости и, выводя свои строки в 1933 г., не сделал к ним корректива, а именно, он не учел, что примитивность экономической структуры и, в частности, примитивность крестьянского уклада суть категории преходящие, обусловленные характером всего государства — в данном случае помещичье-самодержавного, — каким была Россия, фигурировавшая в империалистической войне, и что с того времени произошло некое событие, именуемое Октябрьской революцией, которое опрокинуло это государство, водрузило на его развалинах новое государство пролетарской диктатуры, которое на наших глазах с беспримерной в истории человечества энергией и целеустремленностью не просто упразднило примитивный аграрный строй на огромном пространстве бывшей царской империи, а создало на его месте в невиданно короткий срок гигантскую промышленность, уже сравнившуюся с пресловутым «индустриализмом» Запада, новый аграрный строй, основанный на коллективизации сельского хозяйства с соответствующей переделкой самого крестьянина, и на базе того и другого — огромную военную мощь, которая не только навсегда избавила народы этой страны от хронического «бития», но и сделала ее непобедимой перед лицом всего капиталистического мира.

Мы учли, отлично учли, благодаря бдительности партии и гениального вождя ее т. Сталина, уроки прошлого, которые ясны были даже буржуазному наблюдателю, как Ллойд Джордж, и мы приняли решительные меры к тому, чтобы больше не отставать, чтобы быть,

напротив, впереди всех, и чтобы не быть больше битыми. Совершенно очевидно, что никакой другой режим — ни буржуазно «демократический», ни тем более помещичье-крепостнически-самодержавный не мог бы разрешить эту задачу, требовавшую такого коллективного напряжения миллионов трудящихся, стольких жертв и таких огромных темпов: видали же мы в нашей собственной среде проявления малодушия, неверия, боязливости, с которыми партии пришлось вести жесточайшую борьбу. Отвечая им, т. Сталин в другой речи (на январском пленуме ЦК ВКП(б) в 1933 г.) указал:

> «Конечно, мы могли бы из полутора миллиардов рублей, истраченных за этот период на оборудование нашей тяжелой промышленности, отложить половину на импорт хлопка, кожи, шерсти, каучука и т. д. У нас было бы тогда больше ситца, обуви, одежды. Но у нас не было бы тогда ни тракторной, ни автомобильной промышленности, не было бы сколько-нибудь серьезной черной металлургии, не было бы металла для производства машин и мы были бы безоружны перед лицом вооруженного новой техникой капиталистического окружения. Мы лишили бы себя тогда возможности снабжать сельское хозяйство тракторами и сельхозмашинами — стало быть, мы сидели бы без хлеба... Мы не имели бы тогда всех современных средств обороны, без которых невозможна государственная независимость страны, без которых страна превращается в объект военных операций внешних врагов... Одним словом, мы имели бы в таком случае военную интервенцию, не пакты о ненападении, а войну, войну опасную и смертельную, войну кровавую и неравную, ибо в этой войне мы были бы почти что безоружны перед врагами, имеющими в своем распоряжении все современные средства нападения».

Ллойд Джордж может теперь быть спокойным за участь «России»: если он или его друзья в его собственной или других странах вздумают еще раз вовлечь ее в войну путем интервенции или нападения вообще, то она не только будет в этих странах иметь лучших союзников, чем имело в империалистическую войну царское правительство, но и даст такой отпор своим противникам, на какой не только царское, но и никакое другое правительство помещиков и капиталистов никогда не было способно. «Кто хочет мира», заявил т. Сталин на XVII съезде партии, «и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у нас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну, получат сокрушительный отпор, чтобы впредь не повадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород».

Воспоминания Ллойд Джорджа кончаются на исходе 1916 г., когда он с помощью консерваторов свергнул своего старого шефа Асквита с поста премьер-министра и сам стал во главе кабинета. Карьера бывшего провинциального «солиситора» достигла своего

апогея: превратившись из радикала-пацифиста в рьяного империалиста, он последовательно, ступень за ступенью, через министерство снаряжения, а затем военное взобрался на самую вершину политического и отчасти даже военно-стратегического руководства войной. Следующие томы должны показать нам, в чем это руководство состояло.

Ф. Ротштейн.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Большинство руководящих участников Великой войны, государственных деятелей и военных изложило в письменном виде роль, которую им пришлось сыграть в этой войне. За одним или двумя исключениями, они писали сами, хотя писание мемуаров было для них столь же новым делом, каким оно является в данный момент для меня. За исключением г. Бриана, который никогда не брал пера в руки, все руководящие участники войны рассказали по-своему, что было сделано ими, и почему; среди правителей стран — германский кайзер, кронпринц, г. Пуанкаре, президент Вильсон (при помощи г. Бэкера); среди государственных деятелей — г. Клемансо, г. Асквит, лорд Грей, г. Черчиль, полковник Хауз, принц Макс Баденский, фон Бюлов; среди военных — Фош, Гинденбург, Людендорф, Гофман, Френч, Хейг (с чужой помощью), Генри Вильсон, Першинг и многие другие. Мои книжные полки стонут под тяжестью военных автобиографий. Не приходится удивляться тому, что в течение многих лет я колебался, не зная, последовать ли мне примеру тех, кто занимал такое видное положение на мировой сцене, где и мое положение было довольно заметным. Я почти решил предоставить это дело тем, кому я полагал оставить мои документы и записки, когда произошли два факта, заставившие меня взять в руки перо и рассказать о себе своими словами.

Первым из этих фактов была болезнь, которая освободила меня от неприятной и особенно неблагодарной обязанности руководить политической партией, которая к несчастью была отравлена и парализована внутренними разногласиями среди своих наиболее известных членов. Другим было посещение одного старого товарища времен войны. Он убедил меня использовать мое уединение от активной политической борьбы для того, чтобы рассказать о событиях войны. Он напомнил мне, что я был единственным государственным деятелем, стоявшим у власти с момента объявления войны до подписания мира. Он указывал, что настоящая история войны может не быть — и вероятно не будет — написана еще в течение целого поколения, и что книги, написанные теперь участниками — военными и политиками — военного и политического руководства войны, составят основной материал, на основании которого историк создаст себе впечатление и из которого он будет черпать факты.

Все имеющиеся книги отражали точку зрения их авторов, ограниченную, конечно, теми возможностями, которые каждый из них имел, или их собственной — часто неправильной — теорией событий, или, наконец, слишком часто необходимостью оправдать себя лично. Мне было указано, что я был единственным государственным деятелем, находившимся в положении г. Бритлинга*. Я «провел» войну от начала конфликта до разрешения ее. Есть множество людей более меня знакомых с отдельными аспектами войны; есть или были некоторые, кто располагал в течение некоторого времени лучшими возможностями познакомиться с войной в целом; но нет никого (и я часто вспоминаю об этом с ужасом), кто был бы так интимно знаком с вопросами руководства войной, как я, в течение всего того времени, как война совершала свое опустошительное дело в жизненных центрах человечества.

Рассказ об этом напоминает повторение кошмара, виденного во сне, а я в течение многих лет избегал того, чтобы самому описывать ужасные подробности войны. Крайне неприятно вспоминать, как люди посвящали энергию, ум и рвение в течение четырех с половиной лет делу разрушения и жестокости. Но это необходимо, если желаешь предотвратить повторение подобного несчастья. Лучше изложить подлинные факты. Я не претендую на то, что мне известны все факты, но некоторые из них знакомы мне лучше, чем моим современникам. На страницах моих воспоминаний я старался по мере сил точно изложить их. Я вношу свою лепту не как опытный автор, а как свидетель, дающий показания о том, что осталось у него в памяти об этих огромных событиях.

Память изменяет человеку и я мог допустить ошибку в некоторых подробностях. Я буду рад, если другие поправят меня. Я подкрепил то, что было у меня в памяти, тщательно пересмотрев огромную массу документов, которую я собрал в свое время. Я подобрал эти документы и цитировал их с полным сознанием ответственности, лежащей на каждом государственном деятеле, который не должен разоблачить или опубликовать что либо, что может нанести ущерб интересам его страны. В этой области я обязан многим помощи одного из наиболее способных и выдающихся слуг английского правительства — сэра Мориса Хэнки, который просмотрел мои мемуары. Я обязан также благодарностью многим моим друзьям, которые любезно помогли мне дополнить то, что у меня сохранилось в памяти, или помогли мне вспомнить то, что я позабыл; друзья пришли мне на помощь своими собственными воспоминаниями о тех случаях, когда я имел возможность пользоваться их ценным сотрудничеством.

Д. Ллойд Джордж

Брон-ай-де
Черт.
Август 1933 г.

---

* Бритлинг — герой романа Уэльса: «М-р Бритлинг пьет чашу до дна». *Прим. перев.*

Глава первая

ГРОЗА СОБИРАЕТСЯ

1. ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ С ВОПРОСАМИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В 1904 году, в тот день, когда было объявлено об англо-французском соглашении, я приехал на несколько дней с визитом в Долмени, имение лорда Розбери. Он встретил меня словами: «Я полагаю, что и вы, так же как и все остальные, довольны этим соглашением с Францией». Я заверил его, что я в восторге от того, что в наших отношениях с Францией наступил конец взаимному ворчанию и взаимной готовности подраться друг с другом. Он ответил: «Вы все ошибаетесь. В конце концов это означает войну с Германией».

Спустя год после этого пророческого заявления я впервые стал министром. Если бы кто-нибудь сказал мне тогда, что перед тем как я перестану быть членом кабинета, я не только буду свидетелем войны между Англией и Германией, но приму активное участие в ведении войны и займу даже в этой области руководящий пост, я отнесся бы к такому заявлению, как к одному из многих нелепых добрых или злых предсказаний, которыми награждают каждого общественного деятеля различные неуравновешенные люди.

До моего назначения я принимал очень малое участие в обсуждении вопросов внешней политики и не претендовал на большее понимание этих вопросов во всех их запутанных деталях, чем то, которым обладает рядовой член парламента, читающий все газеты обеих партий *. Мои интересы были сосредоточены на вопросах внутренней политики: особых интересах Уэльса, политической дискуссии по вопросам народного образования, фритредерстве, гомруле, аграрном вопросе и социальных реформах. В области внешней политики я был всегда, как остаюсь и теперь, горячим защитником прав малых наций и я привык верить в мирное разрешение конфликтов, возникающих между народами мира. Несмотря на угрожающий рост вооружений и лихорадочное стремление к улучшению орудий войны во всех странах, между великими державами За-

* Т. е. консерваторов и либералов. *Прим. перев.*

падной Европы соблюдался мир в течение сорока лет без перерыва; благодаря этому создавалась успокоительная, хотя и иллюзорная надежда, что мир в конце концов откажется от войны как средства для разрешения международных конфликтов. Этой счастливой уверенности в постепенном и окончательном спасении мира от опасности войны способствовало, как я покажу в дальнейшем, то, что почти все мы, даже члены кабинета, оставались в полном неведении относительно наших переговоров и обязательств в области внешней политики.

Конечно мне была хорошо известна вековая вражда между Францией и Германией и то, как эта вражда поддерживалась отторжением от Франции двух наиболее дорогих ей провинций. Франко-прусская война принадлежала к числу ярких воспоминаний моего отрочества. После падения второй империи симпатии английских радикалов склонялись к Франции ввиду того, что Франция — наш ближайший сосед — обладала демократическими учреждениями, тогда как консерваторы были скорее германофилами.

В либеральной партии по традиции еще со времен Чарльза Джемса Фокса более передовые элементы были всегда дружелюбно настроены к французской республике; английские консерваторы никогда не в состоянии были разделаться с предрассудками и опасениями, вызванными французской революцией и наполеоновским эпизодом в истории Франции, а либералы-империалисты охотно следовали антиреволюционной традиции вигов.

Гладстон, вообще говоря, был страстным поклонником Франции. Бисмарковские кровь и железо никогда не привлекали его. Он был всецело либералом во внешней политике. Во время поездки в графство Карнарвон в 1892 г. я был приглашен сэром Эдуардом Уоткином в его небольшой домик у подножия горы Сноудон к обеду, на котором должен был быть Гладстон. Приглашенных было немного. Кроме членов семьи, покойный Том Эллис и я были единственными гостями. За столом и после обеда говорил почти только один Гладстон; все мы были всецело поглощены тем, что нам довелось лично встретиться и услышать этого великого человека прошлого века, и конечно были рады слушать его в молчании.

Ему было 83 года, но у него не было никаких признаков старческой слабости. Он дышал активностью. Его могучий вибрирующий голос ласкал слух. В этот вечер он бывал даже весел и шутил.

Гладстон затронул много различных тем. Он поговорил некоторое время о развитии транспорта в Англии и о связанном с ним улучшении нравов среди тех, кто работал в этой области, о пьянчужках-ямщиках и конюхах прошлого, которых заменили трезвые машинист и кондуктор наших дней. Он рассказал нам несколько забавных анекдотов из своего личного опыта, относившихся к прежним временам передвижения на лошадях. Я могу вспомнить лишь один из его рассказов. Однажды, едучи из Уэльса в Лондон, он сел впереди на почтовой карете и, стараясь провести время в пути, завязал

разговор с кучером, который представлял собою яркий пример человека, вскормленного на пиве и мясе. Не имея успеха в обычном салонном разговоре, Гладстон вытащил хорошие часы, которыми он гордился, открыл верхнюю крышку, показал механизм кучеру и стал объяснять ему, как действуют различные колесики и рычажки. Кучер ограничился лишь тем, что заметил: «Не возьму в толк, как ты заводишь часы, когда возвращаешься домой пьяным». Затем он пространно говорил о крышах из гофрированного железа и о тех затруднениях, которые возникали для строений с такими крышами в связи с поддержанием теплой температуры зимой и прохладной летом. Эта последняя тема была внушена тем, что у домика Уоткина была такая крыша. Затем Гладстон перешел к другим воспоминаниям. Он с сожалением вспоминал о том, как дорог был жженый сахар, когда он был ребенком, и с чувством рассказал, что, гуляя недавно в каком-то маленьком городке Чешира, он узнал от продавца сластей, как подешевело теперь это лакомство его давно ушедшего детства.

Затем он произнес удивительный панегирик французскому народу. Кажется, поводом послужило упоминание о туннеле под Ламаншем, за проведение которого агитировал тогда сэр Эдуард Уоткин. Гладстон совершенно ясно высказал свое мнение, что французы — народ гораздо более образованный и культурный, с более широкими взглядами, чем англичане, управлять которыми ему тогда выпало на долю. Радикалы того времени могли не соглашаться с восхвалением превосходства французского ума, к которому был склонен Гладстон, но если отвлечься от этого пункта, его выступление более или менее отражало отношение радикалов к французской республике и ее гражданам в то время, когда я начинал заниматься политической деятельностью. С другой стороны, Германия с ее милитаризмом, ее абсолютизмом и ее конституционными учреждениями, имевшими целью усилить права имущих классов и принизить и урезать права рабочих в государстве, с ее общим стремлением поставить демократию в подчиненное положение — эта Германия вызывала в значительной степени симпатии и одобрение более консервативных элементов страны.

Лорд Розбери и его друзья не разделяли чувств радикалов к французской демократии. Они относились к Франции с недоверием, а к Германии с плохо скрытым доброжелательством. В 1892—1894 гг., когда лорд Розбери был министром иностранных дел, он один или два раза втянул Англию в крупную ссору с Францией и едва не довел дело до серьезного конфликта. В палате общин его товарищ (министра), сэр Эдуард Грей, упоминая об угрозе со стороны французского продвижения в британскую сферу влияния в Судане, охарактеризовал поведение Франции, как «недружелюбный акт». Радикальные сторонники правительства были недовольны этим заявлением и относились с большим подозрением к позиции сэра Эдуарда Грея в отношении к Франции.

Образованное затем правительство Кэмпбелл-Баннермана резко делилось на две части: на радикалов, главой которых был премьер-министр, и на либералов-империалистов, представлявших собой обломок тех, кто покинул Фокса и поддерживал Пальмерстона. Главными среди них были Асквит, сэр Эдуард Грей и Холден. Между обеими группировками наблюдались заметные расхождения в вопросах внешней политики. Бывшие пробуры* унаследовали пацифистские взгляды Гладстона. Члены либеральной лиги в кабинете министров придерживались во внешней политике позиций, более близких к позициям Пальмерстона. Прежнее недоверие к Франции, которое отличало их до установления англо-французской антанты, к этому времени совершенно исчезло даже в упрямом мозгу сэра Эдуарда Грея, так как вместо этого недоверия возникли опасения и подозрения относительно намерений Германии.

Эти опасения разделяли многие. Морская судостроительная программа Германии была главной причиной этого изменения отношений со стороны ториев и либералов-империалистов к Германии. Кайзер часто хвастал грозным военным флотом Германии; он всегда смотрел на флот и морские парады с гордостью их творца. Он знал и говорил, что германский флот — великолепен. Неясно только, какую пользу флот принес Германии; рассказ о том, какое зло было порождено его созданием, останется одной из самых животрепещущих глав в истории не одной только Германии, но и всего человечества. Строительство германского флота в значительной степени вызвало мировую войну. Без сомнения оно помогло привлечь Британскую империю в число врагов Германии, а затем привело и Америку к участию в войне против Германии. Кроме того оно усилило дух наглого высокомерия, которым была проникнута германская дипломатия, и тем самым способствовало тем опасениям, которые привели другие могущественные государства к военным и морским соглашениям. Создание флота несомненно способствовало фатальному высокомерию кайзера.

Хвастливое усердие, с которым он принялся за создание своего грозного флота, стало рассматриваться как угроза не только британскому превосходству на море, но и фактической безопасности Англии. Глупые речи, которые произносились лицами, пользовавшимися немалым авторитетом и влиянием в Германии, речи, в которых заключался вызов британскому флоту, цитировались в английской печати и создавали беспокойство даже в умах, нелегко поддающихся панике. Радикальная группа в кабинете, так же как и ее коллеги-империалисты, отрицательно относилась к этой угрозе дружественным отношениям, которые она стремилась поддерживать с Германией и остальным миром.

Впервые мне пришлось непосредственно столкнуться с этим вопросом в 1908 г. после смерти сэра Генри Кемпбелл-Баннермана и занятия поста премьера Асквитом, когда я покинул мини-

* Пробуры — вернее противники войны с бурами. *Прим. перев.*

стерство торговли и сменил Асквита в качестве канцлера казначейства. Моей обязанностью стало тогда изыскание средств для судостроительных программ. Англо-германские отношения вошли таким образом в число вопросов, которыми я должен был интересоваться по должности.

Я позволю себе сказать несколько слов по поводу двух кризисов, возникших в кабинете Асквита в связи с судостроительной программой, представленной адмиралтейством. Первый из них относится к 1908 г., когда первым лордом адмиралтейства был Мак-Кенна; второй — к 1913—1914 гг., когда этот пост занимал Винстон Черчиль.

Как канцлер казначейства я никогда не противился какому-либо увеличению состава флота, которое могло бы усилить безопасность страны в связи с усилением германского флота согласно судостроительной программе германского морского ведомства. Мои возражения против требований адмиралтейства в 1908—1913 гг. могут быть сведены к четырем пунктам:

1) адмиралтейство настаивает на сохранении чрезмерной разницы между двумя флотами; поддержание такой разницы обременительно и носит провокационный характер;

2) нам следовало бы сосредоточить свои силы на постройке небольших судов для защиты наших торговых путей и меньше тратить на суда-левиафаны;

3) в мировом общественном мнении усиливается течение против роста обременительных вооружений и общее стремление к согласию между народами. Поэтому нам следовало бы сосредоточить усилия на том, чтобы достигнуть с Германией соглашения о постройке флота вместо того, чтобы заниматься провокационными судостроительными программами;

4) в споре, возникшем в кабинете министров в 1913—1914 гг., я указывал, что Германия уделяла тогда больше внимания усилению армии, чем флота.

В первом случае, когда я выступал против казавшихся мне паническими требований адмиралтейства, я встретил горячую и энергичную поддержку Винстона Черчиля. К сожалению в 1913 г. он также присоединился к большинству и, говоря словами Дизраэли, мне стало труднее вести «борьбу против раздутых вооружений», ввиду такого серьезного усиления противников.

Я не намерен входить здесь в рассмотрение этого спора по существу, но мне хотелось бы упомянуть лишь о двух или трех фактах в оправдание позиции, занятой радикальными членами кабинета. Я справился в меморандумах и ответных меморандумах, представленных обеими сторонами во время дискуссии 1913 г. Казначейство, получившее со своей стороны указания от морских специалистов, заявляло, что даже если мы будем продолжать постройку согласно старой, уже принятой программе, то еще в 1917 г. мы будем располагать следующим превосходством (над Германией).

Дредноуты . . . . более	84%
Малые дредноуты	127%
Броненосцы	278%
Легкие крейсера . . . . более	70%
Истребители и пр.	60%

Эта оценка была основана не только на числе единиц, но и на качественном соотношении сил, включавшем скорости, вес орудий и возраст судов. Адмиралтейство не соглашалось с этими цифрами. В исчислении казначейства превосходство в отношении дредноутов было преувеличено, но и проверенные данные указывали на нашу полнейшую безопасность. Казначейство и его сторонники приводили еще один довод, — именно тот, что в течение всего периода соревнования между Германией и нами за 10 лет мы всегда ускоряли темп соревнования путем увеличения размера судов, веса орудий и скорости, начав это роковое соревнование, когда мы заложили первый дредноут в 1904 г. К этому времени мы обладали подавляющим превосходством над любой комбинацией флотов других держав. Закладка дредноута казалась многим из нас проявлением бесцельного и расточительного хвастовства.

Что касается второго из предложений казначейства, — о том, что нам следовало бы сосредоточиться на постройке небольших судов и в меньшей степени на постройке больших кораблей, — то опыт войны полностью оправдал точку зрения казначейства в 1913 г. Мы терпели серьезный ущерб от недостатка крейсеров и истребителей для защиты наших военных и торговых судов от нападений со стороны подводных лодок, и адмиралтейству под руководством сэра Джона Фишера приходилось работать с лихорадочной энергией над преодолением этого серьезного недостатка. Этот недостаток сам по себе создавался не столько тем, что у нас не было достаточного количества истребителей, но и тем, что уязвимость наших больших военных кораблей и броненосцев для минной атаки была такова, что нам пришлось отдать большую часть наших истребителей на их защиту.

Что касается третьего и четвертого из указаний казначейства, то я рассмотрю их в дальнейшей части моего изложения.

Было, конечно, невозможно не ощущать беспокойства по поводу того, что постройка германского военного флота являлась вызовом британскому морскому могуществу. Адмирал Тирпиц в своих мемуарах совершенно ясно говорит об этом, и не раз кайзер точно так же высказывался по этому поводу. Я не скажу, что они определенно поставили себе целью войну с Англией, в которой наш флот был бы уничтожен. Они были бы удовлетворены, если бы их флот стал настолько могущественным, что Англия в испуге отказалась бы без борьбы от своего превосходства на море. Но Тирпиц, бывший подлинным создателем германского флота, открыто признает, что они не удовлетворились бы ничем другим.

Каким бы противником раздутых вооружений я ни был, я никогда не колебался в том, что Англия не могла позволить, чтобы создалось

подобное положение. У нас не было достаточной армии для защиты нашей страны от нападения огромных, созданных на основе всеобщей воинской повинности континентальных армий. Наш флот оставался в такой же мере единственной гарантией наших свобод и независимости, как и во времена Наполеона. Поэтому мы вынуждены были строить корабль за кораблем, — три единицы против каждых двух, построенных немцами. Наши финансовые ресурсы и верфи были достаточны для того, чтобы противостоять самым значительным достижениям Германии в области морского соперничества. Но если таково было положение, то не менее очевидно было, что подобное ничем не ограниченное соревнование вызвало бы совершенно ненужное финансовое истощение и растущее раздражение в обеих странах и в конце концов привело бы их к тому же соотношению сил, в котором они были с самого начала — с опустевшей казной и возросшим бременем долга.

Приученный с юношеских лет верить в то, что мир — единственная здоровая основа человеческого прогресса, я стремился успокоить растущую вражду между двумя народами. Как канцлер казначейства я не мог оставаться равнодушным к стоимости бесполезного морского соперничества. Оно ложилось тяжелым бременем на финансовые ресурсы, крайне необходимые для социальных реформ и национального развития. Поэтому я искал путей, чтобы достигнуть соглашения с немцами, которое позволило бы обеим сторонам ослабить темпы и уменьшить размеры морского строительства.

Удобный случай, казалось, представился, когда по предложению Грея в июле 1908 г. я встретился с германским послом — графом Меттернихом. Несколько лет спустя я составил по памяти записку о нашей встрече, которую и привожу:

«Вскоре после того как я стал канцлером казначейства в 1908 г., германский посол граф Меттерних пригласил меня к завтраку в посольство. Я никогда не встречался с германским послом и подозревал, что приглашение имело какую-то политическую цель. Вскоре после завтрака он разъяснил мне, зачем я был приглашен. Он знал, что я принадлежал к более пацифистскому крылу в правительстве. Он затронул вопрос о растущем недоверии между нашими двумя странами. Я счел это удобным случаем, чтобы объяснить ему, что действительной причиной растущей вражды в Англии по отношению к Германии было отнюдь не чувство зависти к ее быстро развивающейся торговле, но страх перед ее растущим флотом; я указал ему, до какой степени мы зависели в подвозе нашего хлеба насущного от заграницы, и что всякая страна, которая лишила бы нас превосходства на море, была бы в состоянии угрозой голода заставить наш народ в течение нескольких месяцев сдаться на милость победителя. Я настаивал также на том, что, если наша защита на море будет опрокинута превосходными мор-

скими силами противника, наша армия не сможет противостоять огромной военной машине континентальных армий. Я счел нужным указать, что по вопросу об охране наших берегов при помощи достаточно могущественного флота у нас не было расхождений в кабинете; и хотя я был одним из тех, кто противился этим гигантским вооружениям, но тем не менее, если бы наша страна оказалась под малейшей угрозой, я одним из первых предложил бы даже выпуск займа в 100 млн. фун. ст., если бы это было необходимо для постройки флота, достаточного для нашей защиты. Я сказал ему: «Если это морское соперничество будет продолжаться в такой степени, что наш народ будет серьезно опасаться вторжения врага, мы неизбежно будем вынуждены ввести воинскую повинность и таким образом создать армию, способную защищать страну от любого неприятеля». Он довольно резко ответил: «Думаете ли вы, что нам следует ждать?»

Делькассе только недавно вынужден был покинуть Ке д'Орсе * главным образом вследствие вражды со стороны Германии. Однако его прекрасно встретили в Лондоне, когда он приехал туда тотчас же после своей отставки. Я не помню, в какой связи его имя было упомянуто в нашем разговоре. Мне помнится лишь следующее: когда я сказал: «Вы уволили г. Делкассе с поста министра иностранных дел во Франции», он колко заметил: «Но, повидимому, не в Англии!». Я продолжал: «Если бы Германия потребовала отставки самого непопулярного министра в Англии, то тем самым он приобрел бы величайшую народную популярность».

Завтрак, кажется, нельзя было назвать удачным».

С тех пор как эта записка была написана, я имел возможность благодаря любезности германского министерства иностранных дел ознакомиться с германской дипломатической перепиской за рассматриваемый период. Из этой переписки оказалось, что у меня было на самом деле два свидания с Меттернихом на протяжении примерно двух недель.

Первое из них состоялось 14 июля 1908 г., когда я был приглашен к завтраку сэром Эдуардом Греем для встречи с графом Меттернихом, второе — по случаю упомянутого выше приглашения в германское посольство 28 июля. Меттерних составил подробные донесения об этих встречах, и они были представлены кайзеру, замечания которого на полях** весьма характерны для позиции Германии в эти годы. Они также заслуживают внимания, потому что проливают свет на характер кайзера, на быстрые переходы его от здравого смысла к высокомерию, которое впоследствии ускорило мировую катастрофу. Я привожу полный текст донесения

---

* Французское министерство иностранных дел. *Прим. перев.*

** Вынесены нами в подстрочные примечания с цифровыми обозначениями. *Прим. перев.*

о встрече за завтраком у Грея и извлечения из его доклада о второй встрече со мною:

«Лондон, 16 июля 1908 г.

СЕКРЕТНО.

Позавчера сэр Эдуард Грей пригласил меня к завтраку к себе домой вместе с г. Ллойд Джорджем. Теперешний канцлер казначейства в короткое время превратился из ультра-радикального валлийского юриста в одну из руководящих и пользующихся уважением фигур в его партии и в кабинете. Он мыслит, как подобает империалисту, и поэтому его уважают также и юнионисты. Если мне память не изменяет, несколько лет тому назад в качестве представителя оппозиции он позволял себе иногда выступать против Германии как истый джингоист. В качестве ответственного министра он стал по моему мнению более миролюбиво настроен.

Когда я затронул поставленный в парламенте вопрос о шпионаже, он согласился со мной, что к сожалению здесь верят всякой ерунде, как только дело коснется Германии.

Когда я указал на то, как жаль, что английская политика, казалось, готова сочетать дружбу с Францией с враждой по отношению к Германии, и что политика Антанты вызывает беспокойство в Европе, сэр Эдуард Грей заявил примерно следующее: В течение последних десяти лет Англия оказывалась несколько раз почти что в состоянии войны с Францией и Россией. Без дружественного соглашения дело дошло бы, вероятно, до войны. Антанта существует только с Францией. «Пока» нет Антанты с Россией, Германия может противопоставить этому Тройственный союз. Непонятно, как можно было говорить в этой связи о политике изоляции Германии.

Г-н Ллойд Джордж заметил, что, повидимому, Германию волнует дипломатическая поддержка, которую Англия оказывает Франции [1]. Сэр Эдуард Грей ответил, что поскольку дело касается Марокко, Англия по соглашению формально обязалась оказывать подобную поддержку.

Я заметил, что Франция в совершенной безопасности, пока она признает status quo [2]. Одна Франция не может посягнуть на мир. Однако при поддержке Англии идея реванша может в один прекрасный день возродиться [3]. Предупреждение читателю: статья в «Тан» рекомендовала Англии создать сильную армию для того, чтобы стать для других стран желанным союзником. Когда г. Ллойд Джордж выразил мнение, что он не верит в воинственные намерения Франции, хотя французы никак не могут решиться признать то, что произошло в прошлом, я ответил, что я также не верю в подобные намерения

[1] Да.

[2] Имперскую землю (Эльзас-Лотарингию — прим. перев.) [3] Прекрасно сказано.

Франции, а также, что я не имею никаких возражений к тому, чтобы Англия так или иначе разрешила свои споры с другими державами. С другой стороны, в политической журналистике друзья и защитники английской внешней политики стараются распространить убеждение, что в данном случае приходится иметь дело не только с разрешением спора, но также и с созданием оплота против германской державы. Этого нельзя согласовать с дружественными намерениями и именно так воспринимают это в Германии, почему и возникло беспокойство в Германии и в Европе вообще [4]. Сэр Эдуард Грей затем заметил, что положение неприятно осложняется тем, что мы обвиняем друг друга во враждебных намерениях. В Германии верят в предстоящее нападение со стороны Англии, а здесь, напротив, полагают, что постройка германского флота имеет в виду угрозу Англии.

Оба министра были того мнения, что в центре отношений между Англией и Германией стоит вопрос о военном флоте. Расходы на английский флот в результате германской морской программы [5] и ускорения темпа [6] постройки флота увеличатся до такой степени, и в то же время волнение по поводу германской опасности настолько усилится, что отношения между обеими странами не могут улучшиться до тех пор, пока они будут продолжать свое соперничество флотов [7]. Каждый англичанин истратит последний пенс, чтобы сохранить превосходство Англии на море [8], от которого зависит не только мировое положение Англии, но и ее существование в качестве независимого государства. Разорительные расходы, к которым приводит соперничество флотов [9], не могут улучшить отношений между двумя народами. Каждый, кто лишь немного знает Англию, понимает, что здесь нет места намерению угрожать [10] Германии английским флотом или вообще нападать на Германию. Десант, принимая во внимание размеры английской армии, конечно совершенно исключается. Г-н Ллойд Джордж шутя заметил, что князь Бисмарк сказал, когда по какому-то случаю рассматривался вопрос об английском десанте, что он предоставит полиции арестовать английский десантный отряд. На сегодня условия не изменились, поскольку дело идет о нападении на Германию со стороны Англии. Наоборот,

[4] Совершенно верно.

[5] Неверно. В результате английских притязаний на мировое господство и готовности создавать фактические опасности для себя. [6] Не было ускорения! [7] Соперничсства нет. Наше строительство ограничено законом. [8] См. Nauticus'a — *у них превосходство втрое. [9] Подобных наглых заявлений не слыхали от Англии никогда, даже в годы острейшего напряжения отношений с Россией из-за Афганистана. Англия никогда не отваживалась потребовать от России убрать войска с границы, или прекратить посылку подкреплений гарнизонам ее крепостей. [10] ?! Они уже ранее постоянно угрожали Германии.*

для Англии могущественный германский флот [11], поддержанный еще более могущественной армией, является реальной опасностью [12].

Я отвечал, что германское вторжение существует только в воображении англичан. Ни один здравомыслящий человек в Германии об этом не думает [13]. К сожалению, морское строительство стало требовать больших расходов вследствие изобретения «дредноута» [13], благодаря которому Англия потеряла свое гигантское превосходство, а другие морские народы оказались вынуждены строить такие же большие суда и поэтому производить большие расходы. Но кто виноват? В последние дни в палате общин обсуждался вопрос о постройке еще больших судов, своего рода пловучих крепостей. До тех пор пока английская политика обороны создает беспокойство в Германии, я считаю сокращение морских вооружений исключенным [13]. Спачала сэр Эдуард Грей должен ослабить политическое напряжение в отношениях между обеими сторонами и своей политикой в центральной Европе восстановить уверенность, что его соглашения не будут в один прекрасный день использованы против нас [14]. Тогда лишь будет расчищена почва для возможных переговоров о сокращении морских вооружений [15], и не раньше. Г-н Ллойд Джордж, принимавший оживленное участие в дискуссии по поводу строительства флота, ответил, что замедление темпа нашего морского строительства [16] будет больше и быстрее содействовать успокоению общественного мнения, чем какое бы то ни было политическое выступление. Мы найдем англичан готовыми в высокой степени пойти нам навстречу в установлении единого принципа для сокращения морского строительства с обеих сторон [17]. Введение дредноутов было большой ошибкой с английской стороны. Здешнее правительство готово дать все возможные гарантии [18], что никаких новых типов судов строиться не будет [19], если мы придем к соглашению. Он очень сожалел,

[11] Никогда не будет могущественным по сравнению с Англией! Это гораздо опаснее для них, чем уже теперь превосходный английский флот для нас.

[12] После моей речи в Гильдхолле это первостатейное бесстыдство. [13] Совершенно верно. [14] Очень хорошо. [15] Неверно! Об этом мы вообще не будем разговаривать. Нам никогда не будут диктовать того, как мы должны вооружаться. [16] У нас нет скорых темпов. Мы также не строим втайне дредноутов для других наций — дредноутов, которые затем покупаются Англией или скрываются под видом крейсеров, внезапно оказываясь броненосцами.

[17] Это неслыханное требование английский министр должен в начале предъявить Рузвельту, Клемансо, Мирабелло, или Японии. От их ответов он придет в восторг! Почему только нам? Потому что они думают, что моей дипломатии надоели их крики о войне или что моя дипломатия действительно потрясена этими криками. [18] Они нам не нужны. [19] Это нам безразлично.*

* Итальянский морской министр. *Прим. автора.*

что переписка между его величеством германским императором и лордом Твидмаусом не была опубликована в свое время. Из этой переписки выявились бы дружеские чувства его величества к Англии, и он усмотрел бы в письме его величества оправдание для того, чтобы начать конфиденциальные переговоры с нами о расходах на флот [20]. Если бы он уже в то время нес ответственность за государственные финансы, он настаивал бы в кабинете на опубликовании переписки [21]. Гаагская конференция не была хорошим средством [22] для того, чтобы достигнуть сокращения расходов на флот. Если, как он горячо надеется, дело когда-нибудь дойдет до этого, то не следует действовать официальным путем вроде, например, обмена нотами [23]. Неофициальные конфиденциальные переговоры, которые вовсе не должны быть достоянием гласности [24], смогут в том случае, если соглашение между нами и Англией в этом вопросе вообще возможно, скорее привести к желательному результату [25].

Сэр Эдуард Грей согласился со своим коллегой во всем, за исключением вопроса о своевременности опубликования переписки.

Я сказал г. Ллойд Джорджу, что он прав, что ни конференция, ни тем менее официальное предложение в виде ноты [26] английского правительства германскому не сможет разрешить вопроса об уменьшении расходов на флот [27], что я даже считаю, что официальное предложение [28] такого рода при создавшихся условиях носило бы весьма сомнительный характер [29] и повело бы к серьезным и опасным последствиям, но в остальном я не сошел с твердой позиции, которую я занял с самого начала своим требованием: сначала политика дружбы — затем разговоры о флоте [30].

В настоящем донесении я опустил многое и упомянул для краткости лишь о самом важном. Отдельные случайные моменты, однако, дают возможность нарисовать более полную и точную картину. Я позволю себе закончить следующими дополнительными замечаниями.

Вашему сиятельству известно, что английское правительство в течение долгого времени стремится притти к соглашению с нами по вопросу о морских расходах [31]. Перед второй гаагской конференцией и во время ее была сделана неудачная попытка в этом направлении. Если меня правильно информировали, с нашей стороны уже возникали опасения, что английское прави-

[20] Он получил бы от меня должный ответ. Никаких результатов не последовало бы. [21] Ага! [22] Правильно. [23] Я ответил бы на них снарядами. [24] Исключается! Для того, чтобы германский народ не поднялся и не разбил окон в английском посольстве! [25] Нет.

[26] Это равносильно объявлению войны. [27] Правильно. [28] Мы рассматривали бы это как объявление войны. [29] Определенно характер войны. [30] Нет! Об этом вообще никаких разговоров! [31] Исключается. Пусть они сначала добьются такого соглашения с другими великими державами.

тельство может одно или совместно с другими обратиться к нам с официальным предложением ограничить нашу судостроительную программу и что последствием этого будет немедленная опасность войны [32]. Мое твердое убеждение, что теперешнее правительство далеко от мысли [33] предъявить нам какой бы то ни было ультиматум с тем, чтобы мы либо уступили, либо начали войну. У Англии нет никаких намерений поставить перед нами вопрос в форме угрозы [34]. Англия гораздо больше стремится предотвратить дальнейшую возможность войны путем своевременного соглашения. Если я не соглашаюсь с чьим-либо желанием, то я вовсе не должен тотчас же драться с ним по этой причине. Это наступает лишь в том случае, когда я вижу, что другой сам стремится [35] заставить меня удовлетворить его собственное желание.

Я указал обоим министрам, что исполнение их желаний зависит от одного условия, истолкование которого всецело зависит от нас. Я излишне сократил бы дальнейшие возможности и обострил бы существующее положение, если бы я дал им понять, что мы никогда и ни при каких условиях не сможем притти с ними к соглашению о морских расходах. Конечно, сэр Эдуард Грей не скоро уплатит названную мной цену этого соглашения.

Меттерних».

Заключительные замечания кайзера

«Браво, Меттерних! Прекрасно справился со своей задачей за исключением одного пункта, который является самым важным. Посол совсем упустил из виду, что ему не было разрешено даже без всяких обязательств с нашей стороны [соглашаться *] — даже от своего собственного имени — на возмутительные требования английских министров и ставить в зависимость от их мирного отношения к нам уменьшение наших морских сил. Таким образом он поставил себя в очень опасное положение. Я очень огорчен за него. Необходимо указать ему, что я не желаю соглашения с Англией ценой уничтожения германского флота. Если Англия намеревается только благосклонно подать нам руку, указывая, что мы должны сократить наш флот, то это исключительная наглость, граничащая с оскорблением германского народа и его императора; это оскорбление должно было быть тут же отведено нашим послом! По тому же праву Франция и Россия могут тогда потребовать сокращения наших сухопутных сил. Лишь только одной иностранной державе под каким угодно предлогом мы

[32] Да. [33] ?? [34] В разговорах министров уже заключена скрытая угроза! Пусть они сначала померяются силами с Америкой! Последняя гораздо сильнее нас! [35] В нашем положении.

---

* В оригинале пропущено слово.

дадим право голоса в вопросе о наших собственных вооружениях, как нам придется довольствоваться ролью какой-нибудь Португалии или Испании! Германский флот строится не против кого бы то ни было и не *против* Англии, а исходя из *наших собственных* потребностей! Это отчетливо сказано в нашем морском законе и не было изменено в течение 11 лет. Этот закон выполняется до последней буквы: хотят ли англичане этого или нет, нам безразлично. Если они хотят войны, *пусть они начнут* ее; мы войны не боимся! Вильгельм R. I.*».

Я привожу ниже также важнейшие места из донесения, которое граф Меттерних послал в Берлин по поводу нашей второй встречи. Пометки кайзера на полях приведены под строкой.

«...В тот же день у меня был длинный разговор с канцлером казначейства, г. Ллойд Джорджем... Я объяснил ему, почему политический курс, которому следует Англия в течение последних шести лет, должен был привести к создавшемуся теперь неудобному положению: ранее Англия была на стороне Тройственного союза, теперь она на стороне противников Германии; Марокко брошено ею в качестве яблока раздора между Германией и Францией; во Франции идея «реванша» питается надеждой на помощь со стороны Англии; политика антанты является оплотом против якобы проводимой Германией экспансии и агрессии; в Англии царит паника по поводу несуществующего германского шпионажа и страх перед вторжением немцев; извращение намерений Германии в политической печати, клевета о целях германской политики не вызывают никаких мер к их прекращению [1]. Путем беспрепятственного отравления общественного мнения, сказал я далее, мы помимо нашего желания оказываемся поставленными в опасное положение, при котором мы видим, как зарево войны возникает на горизонте; мы оба убеждены, что наши правительства и наши народы хотели бы устранить эту угрозу [2].

Министр выказал понимание всего этого, но, подобно всем своим соотечественникам, он усматривает в морском вопросе центральный пункт англо-германских разногласий, из которого возникает все остальное, и по отношению к которому все остальное является лишь следствием... Англия, сказал он, обладает средствами и готова напрячь все силы для того, чтобы сохранить превосходство на море [3]. Гонка морских вооружений [4] неизбежно повысит напряженность обстановки и поэтому одновременно усилит опасность столкновения. В конце

[1] Прекрасная сводка! [2] Это совсем не моя мысль. Если Англия хочет войны, пусть начнет ее, и мы к ее услугам. [3] Никто не станет с этим спорить. [4] Такой гонки нет; она существует лишь в воображении англичан.

---

* Rex Imperator — король (прусский), император (германский). *Прим. перев.*

концов при обременительных вооружениях [5] сохранится большая дистанция между обоими флотами, и мы нисколько не будем ближе к нашей цели [6]. Мы только будем способствовать двум тенденциям, против которых он борется и которые не в наших интересах. Рост расходов на флот в гонке вооружений между Германией и Англией потребует изыскания новых источников покрытия этих расходов, и все умы обратятся к протекционистской партии, которая обещает новые поступления за счет иностранных государств и без дальнейшего обложения англичан... Далее: чем более германский флот будет приближаться к английскому по силе [7], тем больше будут думать, что безопасность Англии не зависит более от одного лишь флота, но что Англия должна также развить и собственную армию. Для того, чтобы иметь действительно сильную армию, есть только одно средство: воинская повинность. С быстрым ростом германского флота увеличивается возможность вторжения в страну, хотя он вовсе не верит в подобное намерение (Германии) [8], и тогда Англия будет вынуждена ввести воинскую повинность [9]. Военная партия и большое число консерваторов уже горячо желают этого. С надвигающейся германской угрозой народные массы, которые еще до сих пор не желали и слышать о воинской повинности, вскоре будут ее сторонниками... [10]. Я отвечал, что Германия имеет в своем распоряжении помимо армии достаточно средств для того, чтобы соорудить весьма внушительный флот. Даже если бремя окажется тяжелым, это необходимо, принимая во внимание международное положение. Необходимы по крайней мере десять лет [11] тяжелых трудов, чтобы создать вооруженную страну и армию, равную континентальным образцам. Если бы мы видели, что Англия переходит к системе воинской повинности, имея в виду борьбу с Германией и союз с Францией, я не думаю, чтобы мы стали терпеливо ждать окончания этого процесса [12].

...Г-н Ллойд Джордж вернулся далее к своей любимой идее — ослабить темпы морского строительства [13] и призывал меня использовать то время, пока у власти находится миролюбивое либеральное министерство...

В согласии с тем, насколько большее значение имеет флот для Англии, чем для Германии, английский флот всегда должен быть значительно сильнее нашего, чтобы дать Англии то чувство безопасности, в котором она нуждается, и в то же время должен быть достаточно мощным, чтобы предупредить появление какой-либо бессмысленной идеи нападения на Англию с нашей

[5] ? не для нас! [6] Но это вовсе не наша цель.
[7] Совершенно исключено, и таких попыток никогда не было. [8] !! [9] Это будет для них хорошо. [10] Тем лучше. [11] Святая простота. Нужно еще 50 лет. [12] Мы остались бы совершенно равнодушны к этому.
[13] Это неслыханно! Вот результат того, что Меттерних вообще

стороны [14]. Германский флот однако должен быть достаточно силен, чтобы оказать достаточную защиту нашим интересам за морем и в то же время дать почувствовать английскому флоту, несмотря на необходимое превосходство последнего, что было бы рискованно искать ссоры с нами [15]. Отношение 2 : 3, кажется ему, должно соответствовать правильно понятым интересам обеих стран [16]. Он не может ссылаться на авторитет английского правительства в этом своем заявлении и высказывает лишь свою личную точку зрения; он уверен, однако, что мы встретим *наилучший дружественный прием* у либерального кабинета [17], если бы мы были готовы обсудить вопрос о замедлении морского строительства [18]. Если бы даже мы пришли к соглашению строить ежегодно на 1 дредноут меньше, то это привело бы к полному изменению отношения к нам в Англии [19]...»

Приведенные выше выдержки дают довольно ясную картину моих переговоров с Меттернихом. Как подействовал на кайзера весь отчет и в частности то, что я осмелился из каких угодно оснований и причин предложить, чтобы был установлен предел строительству германского флота, явствует из примечаний кайзера к отчету Меттерниха, которое я привожу полностью:

«...Разговоры такого сорта, какие велись между Ллойд Джорджем и Меттернихом, совершенно недостойны Германии и носят провокационный характер! Я должен просить посла в будущем не позволять, чтобы нам так плевали в лицо. В данном случае он очень терпеливо в качестве слушателя воспринимал мнения и указания английских государственных деятелей и лишь пытался протестовать в такой форме, которая не имела никакого эффекта. Он должен был бы дать этим джентльменам, которые не желают «какой-либо бессмысленной идеи нападения на Англию с нашей стороны», ответ в роде: «идите к чорту» и т. п. Это привело бы их в чувство. То, что Ллойд Джордж посмел выступить, предлагая ограничить темпы *нашего* строительства, вообще превосходит всякие границы и является результатом того, что Меттерних стал уже в первый раз во время переговоров на опасный путь, говоря, что «эта возможность не исключается». Умные англичане пытаются поймать его на удочку и раньше или позже они потянут за веревочку и вытащат его на берег, как рыбу из воды, несмотря на «частный характер этих переговоров», «ни к чему не обязывающее высказывание личных мнений» и т. д. Ему следовало бы с самого начала отказаться от всего вообще,

дал себя втянуть в обсуждение этого вопроса. [14] В таких выражениях до сих пор разговаривали только с такими странами, как Китай или Италия! Это неслыханно!

[15] Мы еще не достигли такого положения! [16] !! [17] Блеф! [18] Нет! Трижды нет. После вышеприведенных слов никогда! [19] Ерунда!

указав, например, что «ни одна страна не позволит другой диктовать или указывать ей, каковы должны быть размеры и характер ее вооружений», и что он «вообще отказывается обсуждать этот вопрос». Что касается остального, пусть они почитают закон о строительстве флота, известный миру уже в течение 11 лет, и альманах Nauticus'a!

Меттерних должен был бы дать такого рода фанатикам удар в з... Он слишком мягок!».

Наш завтрак имел и дальнейшие последствия, о которых я не знал в то время и о которых узнал лишь недавно при ознакомлении с германскими дипломатическими документами.

Ко времени моего свидания с Меттернихом я предполагал посетить Германию в августе 1908 г., чтобы на месте изучить германскую систему страхования в промышленности и подготовить мой собственный план страхования от безработицы и болезни для Англии. Меттерних, сообщая об этом в Берлин, настаивал, чтобы английский канцлер казначейства, которого он характеризовал как «одного из наиболее выдающихся деятелей Англии, человека, который, вероятно, будет призван когда-либо стать во главе либерального правительства», был принят «наилучшим образом». В соответствии с этим кайзер устроил дело так, чтобы я был приглашен к нему. Но между тем Меттерних вскоре отправился в Германию для переговоров с имперским канцлером фон Бюловым, который выбранил его за неосторожные разговоры со мной. Я полагаю, что Меттерних предупредил фон Бюлова, что я наверно буду говорить о флоте с его императорским величеством и что, если Вильгельм сделает мне в лицо замечание в том духе, в каком он сделал их на полях донесения самого Меттерниха, может возникнуть серьезная опасность оскорбления величества. Придворному ведомству были посланы поспешные указания, и я так и не получил предполагавшегося приглашения со стороны кайзера.

Мне, однако, удалось встретиться с вице-канцлером фон-Бетман-Гольвегом, который был в это время в Берлине. Он ведал тогда вопросами страхования на случай болезни и был хорошо знаком с тем, как фактически проводилось страхование в Германии. Он любезно пригласил меня и моих спутников на парадный обед.

Бетман-Гольвег был человеком привлекательным, но не блестящим. Он показался мне умным, прилежным и в высшей степени здравомыслящим чиновником, но он не оставил у меня впечатления, что я встретил в его лице властного человека, которому назначено когда-нибудь изменить судьбы мира. Он дал нам хороший обед; к концу обеда нам подали огромные кружки мюнхенского пива. Бетман-Гольвег стал разговорчивее, выказывая готовность вступить в спор с кем угодно.

Он начал говорить о положении в Европе и с горечью упомянул об «окружении Германии железным кольцом Франции, России и

Англии". Я пытался уверить его, что, поскольку дело касается Англии, нет ни малейшего желания вступить в какие-либо враждебные комбинации против Германии, и что мы более всего стремимся жить в мирных и добрососедских отношениях с его великой страной. Я указал ему, однако, что в Англии ощущают беспокойство по поводу строительства германского флота и чувствуют, что германский флот непосредственно угрожает сердцу Британской империи; я повторил все то, что я сказал князю Меттерниху о том, что Англия — островное государство и ее существование полностью зависит от безопасности морских сообщений. Бетман-Гольвег не проявил энтузиазма по поводу германского флота, и я понял, что он сам не принадлежал к числу защитников такой судостроительной программы, которая рассматривалась бы как угроза Великобритании; но он приложил все усилия к тому, чтобы убедить меня, что германский народ не имеет желаний напасть на Англию. Он оставил у меня впечатление, что официальные германские круги действительно опасаются сближения между Францией и Англией, с одной стороны, и Англией и Россией — с другой. Они были совершенно уверены, что король Эдуард был занят организацией враждебного Германии блока. Короля считали убежденным врагом германского могущества.

Это привело с его стороны к исключительной выходке во время разговора, когда он вернулся к вопросу о растущей враждебности Англии, Франции и России по отношению к Германии и о „железном кольце", в которое они готовились замкнуть ее. „Железное кольцо!" — повторял он настойчиво, повышая голос и жестикулируя. „Англия обнимается с Францией. Она скрепляет дружбу с Россией. Но это не потому, что вы любите друг друга, а потому, что вы ненавидите Германию". Он трижды повторил и буквально прокричал слово „ненавидите". Он пришел в большое волнение и безусловно не мог более сдерживать себя, так как проявил определенную антипатию даже к Баварии, противопоставив привязанность к кайзеру восточных провинций Пруссии и Берлина и их готовность умереть за него по первому его слову — более равнодушному отношению со стороны Баварии.

Между прочим из его слов обнаружилось, что рядовой немец уверен в упадке Англии. Он явно придерживался того мнения, что мы перестали быть народом трудолюбивым; он полагал, что мы чересчур привержены к комфорту и что мы как народ чересчур полюбили праздничный отдых. Он рассказал нам, как он сам проводит свой день, как он встает в 7 часов утра и работает до восьми, затем отправляется на прогулку на лошади до девяти, когда возвращается к завтраку; после завтрака он возобновляет работу, не прерывая ее до самого обеда; так он работает всю неделю. Он сказал: „В Англии вы отправляетесь на работу в одиннадцать; вы проводите долгие часы за завтраком; вы уходите с работы в четыре; в четверг вы выезжаете за город, остаетесь там до утра вторника и называете это праздником конца недели (Week-end)".

Правда, все это было сказано после сытного обеда! Но я не вполне уверен, что здесь не проявилось лишь то убеждение об упадке Англии, которое до войны существовало на континенте и которое могло послужить основанием того презрения, с которым впоследствии военные круги Германии отнеслись к вопросу о нашем вмешательстве в войну. Уверенность в том, что английская твердость исчезла, что благополучие ослабило Англию, стала общей. Неудачливая бурская война укрепила это впечатление.

Эта точка зрения была тем характернее, что лично Бетман Гольвег относился к Англии и к англичанам весьма дружелюбно, и не только на словах, так как он отправил своего сына в Оксфордский университет. Он был убежден, что германский рабочий превосходит своими качествами английского рабочего, что германские ученые превосходят по качеству и по численности незначительную группу британских ученых, но с другой стороны, он, казалось, был лучшего мнения о высших и средних классах Англии, чем о тех же слоях населения Германии. Он приписывал превосходство германского рабочего тому, что в своей ранней молодости тот проходит суровую военную школу и в казарме приобретает привычку к порядку, дисциплине и прилежанию.

Я покинул Берлин весьма расстроенный изъявлением недоверия и подозрительности со стороны такого авторитетного и дружественно настроенного к нам лица. Мне казалось, что отношение Бетман-Гольвега было грозным показателем общего в то время мнения в руководящих сферах Германии.

С другой стороны, на меня произвела глубокое впечатление сцена, свидетелем которой я был во время той же поездки в Штутгарте. Приехав в Штутгарт, мы узнали, что предполагался показательный полет „цеппелина". Мы отправились на поле, где находился этот огромный воздушный дирижабль, и узнали, что в последнюю минуту по несчастной случайности „цеппелин" был унесен ветром и разбился. Конечно, мы были глубоко разочарованы, но разочарование казалось совершенно недостаточным термином для того, чтобы передать то состояние горя и отчаяния, в котором находилась масса немцев, бывших свидетелями катастрофы. Причиной горя не могла быть смерть людей, так как не было потеряно ни одной человеческой жизни. Казалось, что вместе с разбитым дирижаблем были разбиты надежды и упования гораздо большие, чем те, которые могут быть связаны с успехами в области механики и точных наук. Затем толпа начала петь гимн „Германия превыше всего" с подлинным патриотизмом фанатиков. Проявлением каких империалистических устремлений мог быть этот погибший дирижабль? Вот вопрос, который, казалось, вставал перед нами.

Подобные инциденты были признаком грядущих вулканических извержений; горячая лава войны, казалось, готова была выйти из дымящегося кратера вулкана. Но после этих немногих случаев соприкосновение с проблемами внешних отношений, мне пришлось в течение последующих лет вновь обратиться к волнующим вопро-

сам внутренней политики. Тем не менее я понимал, что нарастала угроза миру, что мы должны стремиться устранить эту угрозу, если возможно, мирными средствами и что не исключено и то, что эти средства окажутся безуспешными.

2. ПЛАН ПЕРЕМИРИЯ МЕЖДУ ПАРТИЯМИ

Мое замечание в разговоре с Меттернихом о возможности нашего перехода к системе воинской повинности отнюдь не было случайным или сделанным в пылу спора. Еще менее носило оно характер неприкрытого блефа, имевшего целью только убедить или произвести впечатление на германского посла.

Уже в течение некоторого времени я все более и более опасался затруднений, которые могли быть вызваны для нас прорывом нашей морской обороны. В течение многих веков мы полагались на флот для защиты страны от вторжения с континента. До сих пор флот оставался надежной защитой, и эта неприступность давала нам чувство полной безопасности. Это чувство было выражено сэром Джоном Фишером в его знаменитых словах: „Мы можем спокойно спать в постели, пока наш флот непобедим". Но быстрый прогресс научных достижений все время открывал существование сил, о которых до сих пор не подозревали, сил, которые могли быть использованы самым лучшим образом и для нужд человечества и во вред ему; я считал вполне возможным, что в один прекрасный день будет сделано изобретение, которое устранит наше превосходство и поставит нас в равное, если не худшее положение в сравнении с нашими соседями. Уже появились изобретения, которые предвещали эту угрозу. Придет ли опасность с воздуха или из морских глубин, я не знал; но никто не мог быть уверен, что подобная возможность совершенно исключена. В таком случае мы оказались бы в состоянии полной беззащитности перед лицом вторгшейся в страну могущественной армии неприятеля.

В таком положении наша слабость оказалась бы двоякой. Во-первых, армия была чересчур ничтожной, чтобы противостоять гигантским силам континента. Во-вторых, мы так сильно зависели от иностранных источников снабжения в отношении нашего питания, что если бы мы были от них отрезаны, мы оказались бы через несколько месяцев на краю голода. Это соображение среди прочих всегда заставляло меня настаивать на том, что мы должны обращать больше внимания на лучшую эксплоатацию почвы в самой Англии.

Я не соглашался с мнением лорда Робертса, что в то время большая армия противника могла быть высажена с континента, чтобы захватить Лондон. При отсутствии какого-нибудь нового, еще неизвестного изобретения наш флот был достаточно силен, чтобы предотвратить всякую попытку этого рода. Мои опасения всецело проистекали из того, что могло ждать нас в неизвестном будущем, если наука нейтрализует боеспособность наших судов.

Грозные тучи, скоплявшиеся над континентом Европы, заметно сгущались и приближались. Подводная лодка и «цеппелин» указывали

на возможную опасность, угрожавшую неприступности нашей обороны. Я полагал, что мы находились бы в большей безопасности, если бы обладали в Англии системой военной подготовки молодежи, которая обеспечила бы защиту государства в случае вторжения неприятеля. Я был противником армий континентального типа, набранных по принципу всеобщей воинской повинности, и считал, что они предназначены скорее для нападения, чем для обороны. Для последней цели мне казалось достаточным что-либо, напоминающее швейцарскую милиционную систему. Такая система, по моему мнению, могла быть принята и в Англии.

С этими мыслями я решился в 1910 г. предложить вождям обеих политических партий в Англии установить национальное сотрудничество для проведения ряда срочных мер важнейшего значения в течение нескольких лет.

В 1910 г. мы стояли перед многими серьезнейшими проблемами, которые день ото дня становились все серьезнее, при чем самые серьезные из них не были еще разрешены. Всякому проницательному человеку было ясно, что партийная и парламентская системы не могли справиться с этими задачами. В работе законодательных учреждений создалась пробка, и не было надежд на то, что машина быстро придет в движение. На горизонте показался грозный призрак безработицы. Наши соперники за границей быстро шли вперед и оспаривали у нас первенство на рынках мира. Наблюдался застой в развитии нашей внешней торговли, которая способствовала исключительному благоденствию предшествовавшего полувека, тому благоденствию, которое мы так глупо и так эгоистически использовали. Наш рабочий люд толпился в мрачных и бедных кварталах; рабочие не были уверены в том, что на завтра они не лишатся хлеба вследствие болезни или изменения хозяйственной конъюнктуры; они проявляли все большее недовольство. По мере того, как мы попадали во все большую зависимость от заграницы в отношении продуктов питания, посевная площадь в Англии все сокращалась. Сельская жизнь умирала, и мы оказались лицом к лицу с опасностью сверхиндустриализации. Чрезмерное злоупотребление спиртными напитками подрывало здоровье и трудоспособность значительной части населения. Ирландский вопрос отравлял наши отношения с Соединенными штатами Америки. Борьба вокруг конституции * угрожала революцией в Англии и гражданской войной в Ирландии. Между тем темные тучи заметно скоплялись над континентом Европы. Великие нации лихорадочно вооружались для борьбы, в которую они могли быть вовлечены видимыми или невидимыми узами, интересами или симпатиями. Были ли мы готовы ко всем грозным возможностям?

Под влиянием этих перспектив я представил Асквиту меморандум, в котором настаивал на объявлении перемирия между партиями с целью добиться сотрудничества руководящих государственных де-

* Ллойд Джордж имеет в виду борьбу вокруг реформы палаты лордов в Англии и вокруг ирландского гомруля. *Прим. перев.*

ятелей различных партий в разрешении наших национальных проблем: проблемы верхней палаты, гомруля, развития нашего сельского хозяйства, военной подготовки, потребления спиртных напитков.

Асквит отнесся к предложению весьма благоприятно, и было решено представить меморандум четырем или пяти членам кабинета. Насколько я могу вспомнить, из числа министров к обсуждению меморандума были привлечены лорд Крью, сэр Эдуард Грей, лорд Холден и Винстон Черчиль. Я не в состоянии припомнить их критических замечаний по отдельным вопросам меморандума. Все они одобрили идею меморандума в принципе, и было решено, что это предложение будет представлено Бальфуру, который все еще был лидером консервативной партии. Из других лиц я показывал меморандум только Ф. Е. Смиту (впоследствии ставшему лордом Беркенхедом) и Гарвину. Они высказали живейшее удовлетворение всем планом.

Бальфур отнесся к этому предложению далеко не враждебно; напротив, он указал, что лично он в значительной степени одобряет его идеи. Но он не был, однако, уверен в том, как воспримет меморандум его партия. К сожалению, в это время Бальфур не чувствовал себя как лидер партии твердо в седле. Выступления твердолобых против его руководства раздавались с каждым днем все громче и резче. Он посоветовался, однако, с некоторыми из своих руководящих коллег и получил от них ответы, которые отнюдь не были обескураживающими. Я узнал, что лорд Ленсдаун, лорд Коудор, лорд Керзон, Вальтер Лонг и Остин Чемберлен одобряли мой план. Когда Бальфур созвал более официальное и общее собрание своих коллег по руководству партией, он опять-таки убедился, что наиболее способные члены консервативной партии относились к плану с симпатией. Если мне память не изменяет, в оппозиции к плану находился только покойный лорд Лондондерри. Но когда Бальфур стал далее зондировать почву среди менее талантливых и поэтому более узколобых и фанатических членов своей партии, он встретил затруднения, которые оказались непреодолимыми. Он посетил меня однажды вечером в моей квартире министра финансов, чтобы обсудить положение, и я нашел, что он гораздо более колебался и проявлял большую осторожность, чем прежде. Я узнал от него, что главным препятствием, которое выдвигали его коллеги, было мое участие в кабинете министров. Я понял, что в этом заключалась растущая угроза успеху всякого подобного плана. Мое имя было несколько связано в их глазах с крайними радикальными предложениями, я наговорил им столько язвительных вещей, что руководители консерваторов более чем сомневались, смогут ли они обеспечить присоединение своих сторонников к какой бы то ни было коалиции, в которую я входил бы в качестве члена.

Я тотчас же заверил его, что поскольку дело касалось меня лично, я не буду ставить условием моей поддержки включение меня в члены министерства. Напротив, я был готов оставаться вне правительства и предоставить ему мою искреннюю активную под-

держку в качестве независимого члена палаты общин, до тех пор пока правительство будет итти по намеченному пути смело и с полным убеждением. Он сказал тогда, что ему придется посоветоваться еще с одним человеком. „Вы будете удивлены, — заметил он, — узнав, о ком идет речь". Когда я узнал, кого имел в виду Бальфур, я действительно был удивлен, что это лицо все еще сохраняло столь важное и влиятельное положение в консервативной партии, так как оно отказалось от активной политической жизни много лет назад; то был г. Эйкерс-Дуглас, бывший ранее парламентским секретарем фракции консерваторов и к этому времени носивший титул лорда Чилстона. Мне вспоминается последняя фраза, которую сказал Бальфур во время той же встречи. Положив руку на лоб и говоря как будто сам с собой, он сказал: „Я не могу стать вторым Робертом Пилем моей партии" *. После краткого промежутка времени он прибавил: „Я не знаю, впрочем, откуда может взяться второй Дизраэли; разве только это будет мой кузен Хью **, но я не представляю его себе в этой роли".

Г-н Эйкерс-Дуглас отверг предложение о сотрудничестве партий для разрешения важнейших национальных проблем, и тем делу был положен конец. Проект едва не прошел. Он был отвергнут не подлинными вождями партии, а лицами, которые по каким-то неведомым причинам, известным лишь партийным организациям, имеют большое влияние в делах партии, не обладая ни одним из тех качеств, которые возбуждают общее восхищение и доверие. В моих военных мемуарах я не могу останавливаться на возможных результатах этого проекта, если бы он был принят и проведен в жизнь, и укажу лишь на возможные последствия его принятия в области международной политики. Если бы этот проект был осуществлен, то к 1914 г. мы располагали бы 1—1½ миллионами обученных военному делу солдат, годных для действующей армии тотчас же после объявления войны. Что еще более важно, у нас были бы ружья и снаряжение для них; на деле же нам понадобилось более восемнадцати месяцев, чтобы произвести их во время великой войны, а создание производственного аппарата военной промышленности потребовало еще больше времени. В таком случае был бы налицо штат подготовленных и компетентных офицеров, которые могли бы повести солдат в бой. Если бы такая армия существовала, когда возник кризис 1914 г., и Германия знала бы о том, что участие Англии в войне не ограничилось бы «презренной маленькой армией» из шести дивизий, а к этому небольшому экспедиционному корпусу было бы добавлено целое войско обученных и полностью снаряженных людей, которые могли бы вскоре занять свое место в рядах действующей армии, то Германия проявила бы больше колебаний, раньше чем вызвать катастрофу великой вой-

* Речь идет о расколе в консервативной партии, вызванном переходом вождя консерваторов Р. Пиля в 1846 г. в лагерь противников хлебных законов. Дизраэли выступил тогда против Пиля. *Прим. перев.*

** Лорд Хью Сесиль. *Прим. перев.*

ны. Молодые люди, которых посылали в окопы в течение двух последних лет войны, получили гораздо меньшую военную подготовку, чем дало бы применение швейцарской милиционной системы тем, кто мог быть призван в войска в 1911, 1912, 1913 и 1914 гг.

Даже если бы наличие такой значительной военной силы не повлияло на ход событий в направлении мира, то ее участие в начале войны могло бы вполне оказаться решающим и могло бы сократить срок этой разрушительной борьбы.

Говорят, что в конце боев на Ипре войска обеих сторон так устали, что введение в действие одной дивизии свежих войск дало бы победу той стороне, которая получила бы столь своевременное подкрепление. Несколько батальонов территориальных войск, ни один из которых не получил даже той подготовки, которую дает швейцарская система, было брошено на передовые позиции перед концом сражения; по свидетельству лорда Френча они оказали неоценимую помощь нашим усталым войскам. Если бы вместо 19 батальонов территориальных войск с их прекрасными офицерами, которые все же были новичками в своем деле, мы имели бы три или четыре сотни батальонов хорошо обученных солдат, руководимых вполне подготовленными офицерами, сражение на Ипре по своим результатам не осталось бы неопределенным, а привело бы к нашей победе, которая могла бы освободить Фландрию и закончить войну.

То же самое относится и к дарданелльской операции. Роковая задержка в высадке войск позволила туркам подвести подкрепления; эта задержка объяснялась тем, что мы не могли выделить лишней дивизии, необходимой для того, чтобы создать экспедиционный корпус — *одной* дивизии, — до тех пор пока не стало слишком поздно и нельзя было уже добиться никаких результатов. Даже с точки зрения пополнения серьезных потерь в рядах нашей регулярной армии, возникших вследствие отступления при Монсе, тяжелых боев на Марне и на Ипре, наличие подготовленной военной милиции оказало бы нам неоценимую услугу. Молодые люди с подготовкой около 1 года наряду с регулярной армией были бы полезнее запасных, большинство которых забыло уже военное дело в условиях гражданских занятий. Все эти соображения постоянно приходили мне на ум, по мере того как продолжалась война, и всегда вызывали во мне сожаление о „великом отказе“ * 1910 года.

В пользу партийной системы можно сказать многое. Открытый конфликт партий лучше для страны, чем грязные личные интриги или закулисное соперничество интересов. Но бывает время, когда партийная система является серьезным препятствием для осуществления высших интересов народа. В этих случаях партийная система мешает подлинному прогрессу, задерживает и нарушает движение

---

* В том же 1910 г. Норман Энджелл издал свою ставшую впоследствии знаменитой книгу о будущей войне под заглавием «Великая иллюзия»; с этой «великой иллюзией» возможного успеха войны Ллойд Джордж сопоставляет «великий отказ» от своего проекта. *Прим. перев.*

вперед, и тогда страдает весь народ и страдает сильно. Я всегда буду считать отказ от предложений о сотрудничестве партий в 1910 г. лучшим примером такого рода ущерба, нанесенного интересам всей нации. С другой стороны, основанием для такого сотрудничества должно быть подлинное стремление к благоденствию страны. Прекращение вражды партий только для того, чтобы обеспечить распределение казенного пирога и власти между главными соперниками в борьбе, унижает политическую жизнь и выхолащивает ее.

3. АГАДИРСКИЙ КРИЗИС

Что касается моего участия в агадирском инциденте, то вряд ли мне необходимо распространяться о нем сколько-нибудь подробно. Этот вопрос был так полно и так правильно освещен и Винстоном Черчилем и сэром Эдуардом Греем, что мне остается дополнить немногое.

Мое вмешательство объяснялось главным образом опасением, что если позволить событиям развиваться самим по себе, то мы можем оказаться втянутыми в большую европейскую войну в связи с обязательствами, которые мы на себя приняли. Положение Франции в Марокко было обусловлено договором, заключенным лордом Ленсдоуном, и сэр Эдуард Грей в своей книге „Двадцать пять лет“ совершенно ясно указывает, что он рассматривал всякий конфликт, связанный с покушением на этот договор, как нечто совершенно отличное от какого бы то ни было конфликта между Францией и Германией по вопросу, выходящему за пределы этого соглашения; именно так, полагал сэр Эдуард Грей, должна была себя держать Англия, согласно принятым ею на себя обязательствами. Я до сих пор думаю, что в этом его мнении содержится изрядная доля истины.

Положение может быть охарактеризовано в нескольких словах. Франция, которой была предоставлена определенная сфера влияния в Марокко по алжезирасскому договору, сочла необходимым отправить экспедицию в Фец. Германия, с основанием полагая, что Франция питает намерение аннексировать Марокко, считала, что она имеет право на соответствующие компенсации в другом месте и немедленно предприняла шаги в подкрепление своих претензий; Германия начала переговоры посылкой военного корабля в марокккскую гавань — Агадир. Это была дипломатия провокационного порядка и, когда Англия, естественно недоумевая по поводу значения и возможных результатов этого дипломатического шага, отправила ноту в Берлин по этому вопросу, ее нота была оставлена без ответа в течение нескольких недель, тогда как мы узнали от Франции, что германское правительство предъявило ей совершенно невозможное требование в качестве цены за согласие оставить Агадир.

Трудно сказать, была ли тогда действительно опасность войны. В донесении Бетман-Гольвега кайзеру от 15 июля 1911 г., т. е. тогда, когда германское молчание после английской ноты продолжалось уже 11 дней, содержится зловещее место. Германский канцлер

сообщил, что министр иностранных дел фон-Кидерлен вынес из своих переговоров с французским послом впечатление, „что для того, чтобы достигнуть удовлетворительных результатов, нам безусловно придется занять очень резкую позицию". К этим словам канцлера кайзер сделал следующее замечание на полях:

> „В таком случае я должен немедленно вернуться домой. Я не могу предоставить своему правительству предпринять такого рода меры, не будучи на месте, с тем, чтобы тщательно следить самому за всеми последствиями и удерживать все нити в своих руках. Всякий иной способ действия был бы непростителен и слишком грешил бы парламентаризмом. *„Король веселится"*, а между тем мы прямо идем к мобилизации. Это не должно случиться *без меня*.
>
> Кроме того следует раньше известить об этом наших союзников. Они в свою очередь могут быть втянуты в дело".

Не может быть сомнения в точном значении этих слов. Кайзер определенно считался с возможностью мобилизации его армии ввиду создавшегося дипломатического положения. В 1914 г. мобилизация привела к войне; мобилизация в сущности означала войну.

Грубое безразличие, с которым германское правительство отнеслось к нашим заявлениям, продолжалось 17 дней — с 4 по 21 июля. Я чувствовал, что положение становится в высшей степени критическим и что мы самым нелепым образом оказываемся втянутыми в войну. Дело было не только в том, что, не послав даже формального подтверждения о получении ноты нашего министра иностранных дел, немцы обращались с нами с нестерпимой наглостью. Их молчание могло также означать, что они совершенно не отдают себе отчета в том, как мы относимся к нашим обязательствам по договору, и может быть поймут слишком поздно, что мы чувствовали себя обязанными поддержать Францию. Эти причины заставили меня произнести мою речь в Мэнсион гауз; об этой речи подробно писали уже сэр Эдуард Грей и Черчиль.

21 июля я должен был выступить на ежегодном банкете банкиров в честь канцлера казначейства и решил воспользоваться этим случаем, чтобы сделать заявление, которое предупредило бы Германию об опасности, грозившей ей вследствие безрассудства ее министров.

Я полагал, что не имею права вмешиваться в компетенцию министерства иностранных дел и делать заявление такого характера, которое могло бы отразиться на наших отношениях с Германией, не получив на то согласия со стороны премьер-министра и Грея. Поэтому, перед тем как произнести речь, я сообщил о ней премьер-министру. Он полностью одобрил текст речи и немедленно послал в министерство иностранных дел за сэром Эдуардом Греем с тем, чтобы тут же, в помещении кабинета, получить его согласие и осведомиться о его мнении. Мне помнится, что когда Грей явился,

он горячо поддержал меня в каждом слове выработанного мною проекта речи, и затем я произнес речь на банкете Мэнсион гауз *.

Как я уже указывал, и Грей и Черчиль совершенно точно рассказывают о происхождении этой речи; я подтверждаю здесь, со своей стороны, их версию, потому что в этом случае мое публичное вмешательство в область иностранной политики было настолько необычным, что появились слухи, нашедшие себе место даже в официальной дипломатической корреспонденции Германии и Австрии, что я был лишь рупором кабинета и что мне было поручено прочитать документ, выработанный правительством; я сам будто бы лишь смутно понимал значение этого документа. Даже Е. Т. Реймонд утверждает, что я лишь прочитал документ, тщательно составленный для меня сэром Эдуардом Греем. У меня нет ни малейшего желания перекладывать на кого бы то ни было ответственность в этом вопросе. Инициатива принадлежала мне; формулировки речи также были мои. Конечно, я заручился авторитетным одобрением премьера и министра иностранных дел перед тем, как выступить с таким заявлением, но моя речь не была представлена заранее кабинету в целом.

Без всякого сомнения, речь помогла очистить атмосферу и предупредить опасность внезапного вовлечения Европы в войну. По понятной причине германское правительство было вне себя от возмущения, так как их дипломатия бронированного кулака получила суровый и заслуженный отпор. Меттерниху было поручено сделать представление английскому министерству иностранных дел по поводу моей речи; он выполнил свои инструкции самым официальным образом, но его представления были встречены весьма холодно. Меттерних сообщил фон Кидерлен-Вехтеру, что „по вопросу о речи

---

* Вот то место из моей речи, которое непосредственно относится к рассматриваемому вопросу:

«Я должен также сказать следующее: я считаю необходимым в высших интересах не только Англии, но и всего мира, чтобы Англия при всех условиях сохранила свое место и свой престиж среди великих держав мира. Ее могучее влияние и в прошлом много раз было поистине бесценным для дела свободы и может стать таковым и в будущем. Влияние Англии не раз в прошлом спасало народы континента, которые иногда готовы забывать об этом, от полной катастрофы и даже от полного уничтожения. Я бы пошел на большие жертвы для того, чтобы сохранить мир. Я считаю, что ничто не может оправдать нарушения международного мира за исключением вопросов крупнейшего национального значения. Но если мы были бы поставлены в такое положение, при котором сохранение мира зависело бы от сдачи нами той великой и благотворной позиции, которую завоевала Англия в течение столетий героических достижений, при котором сохранение мира требовало бы того, чтобы мы позволили обращаться с Англией в тех случаях, когда затрагиваются ее жизненные интересы так, как если бы Англия не имела никакого веса в совете народов, то в этом случае я готов заявить со всей ясностью, что мир этой ценой являлся бы нестерпимым унижением для Англии как великой державы. Вопросы национальной чести не могут быть вопросами партийной политики. Среди партий нет разногласий по вопросу о безопасности нашей великой международной торговли. Международный мир будет лучше обеспечен, если все народы поймут, каковы должны быть условия мира...»

канцлера казначейства Грей держал себя в высшей степени осторожно, защищал речь как весьма умеренную и заявил, что считает произнесение речи совершенно уместным". На самом деле Кидерлен-Вехтер попал в весьма затруднительное положение, и ему было трудно объяснить или «разъяснить» избранный им политический курс. Австрийская дипломатическая переписка показывает, что кайзер и его министр иностранных дел считали стоявшее тогда у власти французское правительство слабым и не имевшим опоры. Германское министерство иностранных дел несомненно считало, что внезапное драматическое бряцание оружием может запугать это слабое правительство и что таким путем Германия получит значительные уступки в Марокко. Но Германия не имела никакой охоты воевать одновременно с Францией и Англией.

Кидерлен назвал мою речь в беседе с австрийским послом в Берлине „колоссальным и не честным блефом". Однако у него не было намерений довести эту игру до конца. Моя речь отнюдь не была блефом; и если бы такое же ясное заявление о нашей позиции было сделано в июле три года спустя, вполне вероятно, что вновь удалось бы избежать опасности безрассудной войны.

4. НЕОСВЕДОМЛЕННОСТЬ КАБИНЕТА В ВОПРОСАХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В течение восьми лет, предшествовавших войне, кабинет министров мог уделять смехотворно малую часть своего времени рассмотрению иностранной политики. Это объяснялось частично, но не целиком, теми политическими условиями, в которых нам приходилось работать. Правительство и парламент в 1906—1914 гг. были заняты целым рядом политических дискуссий по внутренним делам; каждая из этих дискуссий отличалась гораздо более страстным характером, чем в прошлом какой-либо другой спор между соперничавшими в Англии двумя политическими партиями. Назову вопросы народного образования, вопрос о запрещении спиртных напитков, об обложении земельной собственности (последний вопрос привел к самому серьезному парламентскому кризису со времени билля о реформе), акт о парламентской реформе, вопрос о гомруле и об отделении церкви от государства в Уэльсе. Все эти вопросы затрагивали огромное количество разнообразных интересов, чувств и страстей; партийная борьба, разгоревшаяся вокруг всех этих вопросов, была столь ожесточенной, что к 1913 г. Англия находилась накануне гражданской войны.

Конечно, некоторые вопросы внешней политики были известны тем министрам, которые принимали участие в работах комитета имперской защиты; но если не считать этой возможности знакомиться с вопросами внешней политики, то для кабинета в целом никогда не представлялось случая устроить подлинное совещание принципиального характера по основным вопросам международного

положения. Вокруг вопросов внешней политики создавалась атмосфера молчания и тайны, лишавшая три четверти членов кабинета всякой возможности на деле участвовать в разрешении важнейших вопросов, которые тогда возникали на континенте Европы и в конце концов привели к взрыву, потрясшему почти до самого основания мировую цивилизацию. В течение всех восьми лет, что я был членом кабинета, я не могу припомнить ни одного случая, чтобы нам как членам правительства было представлено такое систематическое изложение положения в Европе, какое сэр Эдуард Грей представил колониальной конференции в 1907 г. или премьер-министрам доминионов в комитете имперской защиты в 1911 г. Между тем даже в этих случаях сведения, которые министр иностранных дел сохранил в тайне, были важнее тех, которые он сообщил. Так, например, ничего не было сказано о наших военных обязательствах. В кабинете министров стремились избежать всякого упоминания о наших отношениях с Францией, Россией и Германией. На прямые вопросы всегда отвечали вежливо, но их не поощряли. Нам давали почувствовать, что в этих делах мы сталкиваемся с великим таинством и что мы слишком молодые священнослужители, чтобы претендовать на доступ в святая святых, открытую лишь для избранных. Итак, нам приходилось ограничивать нашу любознательность и сохранять наши советы для более прозаических вопросов, которыми мы занимались в течение всей нашей обычной политической карьеры в оппозиции. Дискуссии на темы иностранной политики, если их можно было назвать дискуссиями, ограничивались участием в них старших государственных деятелей, которые состояли в министерствах уже ранее. Кроме премьер-министра и министра иностранных дел, в правительстве было лишь несколько человек, в том числе лорд Лорберн, лорд Морлей, лорд Крью и в течение короткого времени лорд Рипон, от которых ждали участия в дискуссии в тех редких случаях, когда положение дел на континенте предлагалось нашему почтительнейшему вниманию. Да и на самом деле, мы вряд ли были призваны выражать свое мнение по такому серьезному вопросу, так как мы не были удостоены возможности познакомиться с действительными фактами в бо́льшей мере, чем обычный читатель газет. Я вспоминаю, как покойный лорд Нортклифф за обедом в доме лорда Беркенхеда, куда он был приглашен для встречи с несколькими министрами либерального правительства, совершенно откровенно говорил нам, что редактор большой лондонской газеты знал гораздо больше о том, что творится в столицах мира, чем любой член правительства. Он утверждал, что те сведения, которые мы получаем, тщательно процежены и профильтрованы. Он мог бы пойти дальше и сказать, что многие сведения, необходимые для того, чтобы составить себе правильное мнение, намеренно от нас скрывались. Когда министр впервые занимает министерский пост, ничто не дает ему большего сознания своего собственного значения, чем тот небольшой кожаный портфель со специальным замком, который по-

сылают вслед за ним каждый вечер по указанному им адресу. В этом портфеле якобы содержатся важнейшие и секретнейшие сведения, имеющие чуть ли не фатальное значение; сведения эти якобы рисуют положение вещей при дворах и в канцеляриях держав всего мира. На самом деле министру посылают лишь самые безобидные донесения наших дипломатических представителей за границей. Нет ни одного донесения, которое содержало бы что-нибудь такое, чего не могли бы прочесть чиновники министерства иностранных дел, которые переписывают эти донесения, машинистки министерства, которые их печатают, наборщики, которые их набирают, и многочисленные секретари, которые их просматривают; ни одно из этих донесений не могло бы нарушить наших отношений даже с самым незначительным королевством, с самой малозначущей республикой мира. Все то, что действительно имело значение, сообщалось в частных и конфиденциальных письмах наших дипломатических представителей лично министру иностранных дел, в его частных, не подлежащих оглашению ответах и в его беседах; наконец, важное значение имели беседы министра с иностранными послами в министерстве иностранных дел. Такое же, а может быть и большее значение имели соглашения, заключенные между штабами армий и морских сил Англии, Франции и России, по вопросу о том, какая роль будет предназначена силам каждой страны в случае войны с Германией. Кабинет не имел в своем распоряжении ни одного из этих важнейших сообщений. Они передавались премьер-министру и, быть может, одному или двум другим министрам. Остальные не были в состоянии оценить подлинное положение вещей. Когда лорд Рипон * занял пост лидера палаты лордов, он, будучи членом кабинета еще в дни Пальмерстона, знал из прошлого опыта своей деятельности о наличии секретных документов такого характера и просил сэра Эдуарда Грея дать ему возможность знакомиться с ними; в своем положении лидера палаты лордов он должен был иметь возможность получать подлинную информацию.

Вряд ли найдется более яркий пример такого замалчивания важнейших сведений, чем то, как скрывали от правительства в течение 6 лет военные соглашения с Францией. Я впервые узнал о них в 1911 г. во время агадирского кризиса, но кабинет в целом не мог ознакомиться с ними до следующего года. Имеются многочисленные доказательства того, что и французы и русские рассматривали эти военные соглашения как фактическое обязательство с нашей стороны притти на помощь Франции в случае нападения Германии. В общем таково мнение, которое я слышал от противников и сторонников нашего вмешательства в великую войну; а между тем кабинету никогда не сообщали об этих важнейших соглашениях, до тех пор пока мы не погрязли до такой

---

* Когда я впервые стал членом кабинета, лорд Рипон был самым старшим из министров, а я был самым младшим из них.

степени в деталях планов военной и морской обороны, что было слишком поздно опровергать выводы, которые можно было отсюда сделать. Пытаться тогда исправить впечатление, созданное в умах наших союзников, означало бы вновь вызвать к жизни в обостренной форме те неприязненные отношения с Францией, которые на время были устранены соглашением, заключенным лордом Лендсдоуном. В 1906 г. сэр Генри Кемпбелл-Баннерман и Асквит выражали серьезное сомнение в том, следует ли продолжать эти переговоры между штабами. Они в конце концов согласились на продолжение этих переговоров под давлением сэра Эдуарда Грея и лорда Холдена. Когда в 1912 г. сэр Эдуард Грей сообщил об этих переговорах и соглашениях кабинету, большинство членов правительства пришло в ужас. Чувства, которые возникли у них в связи с этими разоблачениями, мало назвать чувством неприязни; это было скорее полное потрясение. Сэр Эдуард Грей несколько ослабил опасения своих коллег настойчивыми заверениями, что эти военные соглашения в случае войны предоставляют нам полную свободу в решении вопроса о том, будем ли мы принимать участие в конфликте. Премьер-министр также использовал свой большой авторитет в правительстве, чтобы поддержать Грея в указанном направлении. Несмотря на эти заверения, некоторые министры не могли примириться с действиями, предпринятыми министерством иностранных дел, военным министерством и адмиралтейством; без сомнения эти обязательства значительно усилили их подозрения, которые сделали задачу сэра Эдуарда Грея, стремившегося в 1914 г. обеспечить полное единство мнений, гораздо более трудной.

Я лично готов был принять заверение министра иностранных дел о том, что мы не взяли на себя определенных обязательств. В моем убеждении, что мы не дали определенных обязательств военной поддержки Франции в ее спорах с Германией, меня укрепили заседания комитета имперской защиты во время агадирского кризиса. На этих заседаниях сэр Генри Вильсон с помощью указки и большой карты объяснял нам характер наших соглашений с французским министерством иностранных дел: эти обязательства возникали лишь в случае нападения Германии на Бельгию и продвижения германских дивизий через Бельгию для нападения на Францию. В этом случае наш экспедиционный корпус должен был быть отправлен на бельгийскую границу по французским железным дорогам, чтобы оказать всяческую поддержку той части французской армии, которая сопротивлялась вторжению неприятеля на этом участке. Я никогда не сомневался в том, что если немцы нарушат территориальную неприкосновенность и независимость Бельгии, то мы будем обязаны своей честью выполнить договорные обязательства по отношению к этой стране.

Глава вторая

КРАХ

1. НЕОЖИДАННОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ВОЙНЫ.

Как случилось, что мир так неожиданно погрузился в ужасный водоворот войны? На ком лежит ответственность? Даже самый проницательный государственный деятель не мог предвидеть в начале лета 1914 г., что осень того же года застанет народы мира в состоянии самого жестокого конфликта, который когда-либо был известен в истории человечества; а если бы мы обратились к обывателям, занятым своими будничными делами, то мы не нашли бы никого, кто даже подозревал о близости катастрофы. Те, кто в первые недели июля был занят сбором урожая в Англии или на континенте Европы, наверняка не подозревали, что через месяц они будут призваны в войска, что их поведут в бой, что им придется принимать участие в борьбе, которая закончится насильственной смертью миллионов и искалечит много миллионов людей. Народы неудержимо катились в пучину войны, не испытывая при этом ни страха, ни отчаяния.

Когда я впервые услышал об убийстве эрцгерцога Фердинанда, я понял, что это дело серьезное и может вызвать настолько серьезные последствия, что только твердость и ловкость правителей могут помешать развитию событий, при котором целые народы будут охвачены конфликтом. Но мои опасения были вскоре устранены тем полным спокойствием, с которым правители и дипломаты всего мира, казалось, отнеслись к этому событию. Кайзер отправился в свою обычную прогулку на яхте в норвежских фиордах. Его канцлер уехал в свое обычное путешествие на охоту в свое силезское имение. Глава германского министерства иностранных дел отправился в свадебное путешествие. Начальник генерального штаба фон Мольтке поехал лечиться на курорт за границу. Президент французской республики и французский премьер были с торжественным визитом в России и вернулись в Париж лишь 29 июля. Наше министерство иностранных дел сохраняло свое обычное спокойствие и сочло ненужным подымать тревогу даже в стенах кабинета министров. Я вспоминаю, что в июле 1914 г.

влиятельная венгерская дама, имя которой я забыл, явилась ко мне на мою министерскую квартиру и сказала, что мы чересчур спокойно относимся к убийству эрцгерцога, что оно вызвало такую бурю, которой она никогда не запомнит в истории австрийской монархии. Если не будет предпринято немедленно каких-либо шагов, то убийство это безусловно приведет к войне с Сербией со всеми теми неисчислимыми последствиями, которые такого рода война может вызвать в Европе. Однако официальные сообщения, которые мы получали, не оправдывали, казалось, такого тревожного взгляда на положение.

Я не помню никакой дискуссии по этому вопросу в кабинете министров вплоть до пятницы вечером, т. е. непосредственно перед окончательным объявлением войны Германией. Нас гораздо более беспокоила угроза неизбежной гражданской войны в северной Ирландии. Положение там всецело поглощало наше внимание и составляло основную тему наших совещаний. Черчиль вспоминает, что в пятницу 24 июля мы встретились в кабинете премьера в палате общин, чтобы обсудить вновь ирландский кризис, который день ото дня становился все более угрожающим. Когда наше совещание закончилось и члены правительства уже встали из-за стола, министр иностранных дел попросил нас задержаться еще на несколько минут, заявив что он имеет кое-что сообщить нам о положении в Европе. Затем он впервые сказал нам, что считает положение весьма серьезным, но надеется, что переговоры, которые продолжаются между Австрией и Россией, приведут к мирному разрешению конфликта. С этим заверением мы и расстались. В субботу сэр Эдуард Грей отправился удить рыбу в свое имение в Уильтшир; все остальные министры последовали его примеру и уехали из Лондона. В воскресенье пришли известия о выгрузке оружия в Хауте, близ Дублина, и о стычке толпы с военными частями, возникшей в связи с выгрузкой оружия. Волнение в связи с этим событием заслонило от нас положение вещей на континенте. В этот самый час русский посол в Париже — Извольский, который находился тогда в Петербурге, и Палеолог — французский посол в России — заявили одновременно: „На этот раз — это война“; а затем, в воскресенье после обеда, господин Сазонов, министр иностранных дел России, сделал подобное же заявление Палеологу и прибавил: „Страшно об этом подумать“. Гарольд Никольсон в биографии своего отца, покойного лорда Карнока, который был тогда несменяемым товарищем министра иностранных дел, пишет, что его отец (тогда еще не имевший титула лорда сэр Артур Никольсон) был настолько озабочен положением, что немедленно принял меры, чтобы обеспечить возвращение сэра Эдуарда Грея в Лондон. Через два дня Австрия объявила войну Сербии и через пять дней Германия объявила войну России.

Даже тогда я не встретил ни одного из ответственных членов правительства, кто не был бы убежден в том, что так или иначе удастся избежать катастрофы великой европейской войны.

2. НИКТО НЕ ХОТЕЛ ВОЙНЫ

Обращаясь мысленно назад к событиям этих немногих дней, вспоминаешь как будто какой-то кошмар; после прочтения большей части литературы, посвященной вопросу о том, почему народы бросились в войну и на ком лежит ответственность за войну, у меня не остается ничего, кроме впечатления крайнего хаоса, всеобщего помешательства, слабости и безнадежности. Среди правителей и государственных деятелей, которые одни могли дать роковой приказ, вызвавший к жизни великие армии и бросивший их через границы, нет ни одного — это совершенно ясно, — кто хотел бы войны; во всяком случае не было речи о войне в европейском масштабе. Единственным исключением является, быть может, глупец Берхтольд, австрийский премьер, на которого следует возложить главную ответственность за большую часть того, что случилось *. Что касается остальных, то перспектива войны их пугала. Меньше всего, можно сказать, хотел войны престарелый Франц Иосиф.

Хвастливый кайзер менее всего хотел европейской войны. Слабый и простоватый, но искренний русский царь также не хотел войны. В течение его царствования случайные проявления беспощадной свирепости против стачечников, евреев или революционеров, за которые его считали ответственным, не выражали с его стороны природной жестокости. Эти проявления всегда были вызваны внушением или подстрекательством, будь то со стороны правительства или со стороны членов царской семьи. Но на этот раз главный советник царя в правительстве, Сазонов, высказывал подлинный ужас перед перспективой большой войны, а в интимном кругу царской семьи даже Распутин предупреждал двор об угрозе династии, создающейся в случае, если Россия будет втянута в конфликт с ее могущественными соседями.

Правители и государственные деятели Австрии и Германии несомненно хотели небольшой войны против слабого соседа, с которым, если бы он остался один, можно было легко и быстро справиться. Эта война скоро закончилась бы, престиж Австрии был бы восстановлен проявлением ее несокрушимой мощи, а Германия еще раз показала бы себя несомненной госпожей Европы и бесспорным арбитром ее судеб. Но и эти правители и государственные деятели менее всего хотели, чтобы война, как степной пожар, распространи-

* О том, что Берхтольд готов был в случае необходимости начать европейскую войну, чтобы осуществить свои цели, свидетельствует его послание австрийскому послу в Петербурге от 25/VII 1914 г., в котором он дает послу следующие инструкции:

«Когда Ваше превосходительство дойдет до этого пункта в Ваших переговорах с г. Сазоновым, это будет удобным случаем для того, чтобы указать в связи с Вашим заявлением о наших мотивах и намерениях, что мы — как Ваше превосходительство уже будет в состоянии точно разъяснить — не ищем территориальных выгод и не имеем намерения нарушать суверенитет королевства (Сербии), но что, с другой стороны, мы готовы итти до крайнего предела в осуществлении наших требований *и не остановимся даже перед возможностью европейских осложнений*» (*Курсив автора*).

лась по всему континенту. Те, кто руководил политикой центральных держав, знали лишь, что они должны выжечь «осиное гнездо», как они называли Сербию. Они никогда, казалось, не считались с тем, что от малейшей искры могла загореться вся тогдашняя Европа. Нигде не раздалось авторитетного голоса, который остановил бы других; не было такой подавляющей отдельной личности, которая заставила бы себя слушать или могла бы руководить народами среди хаоса.

В этот тяжелый час испытаний народам исключительно не повезло: качество их государственных деятелей не соответствовало требованиям момента. Если бы в Германии у власти был Бисмарк, в Англии — Пальмерстон, Рузвельт — в Америке или Клемансо — в Париже, катастрофы можно было бы и, я полагаю, удалось бы избежать; но у руля государственного корабля ни в одной из стран не было ни одного кормчего, который мог бы сравниться с этими великими людьми. Бетман-Гольвег, Пуанкаре, Вивиани, Берхтольд, Сазонов и Грей — все это были способные, опытные, честные и заслуживающие уважения люди, но им недоставало силы мысли, воображения и изобретательности, которая одна могла бы спасти положение. В спокойную, тихую погоду все они могли бы вести государственный корабль, но в шторм они оказались совершенно беспомощны.

Положение германского корабля, руководство которым во время кризиса имело наибольшее значение, осложнялось тем, что на капитанском мостике находился государь слабый, склонный во все вмешиваться, эгоист, ставивший свое «я» во главу угла, человек, который в критические моменты запугивал всех своих подчиненных и делал все по-своему. Кайзер никогда не считался с возможностью великой войны, когда давал указания, какого курса должна придерживаться германская дипломатия, и когда покидал Берлин для поездки в норвежские фиорды. Здесь, в условиях увеселительной прогулки, он зависел всецело в деле информации о ходе кризиса, разрешение которого находилось в его руках, от какой-либо местной газетки *. Когда он вернулся и понял, что он может быть втянут в великую европейскую войну, он явно ужаснулся перед такой перспективой, но у него не было сил взять назад свои прежние инструкции. Он боялся быть обвиненным в трусости

---

* «...Мой флот крейсировал в норвежских фиордах, где я находился в обычной летней увеселительной поездке. В течение моего пребывания в Бальгольме я получал самые скудные сообщения из министерства иностранных дел и принужден был основываться главным образом на норвежских газетах, на основании которых у меня складывалось впечатление, что положение ухудшалось. Я несколько раз телеграфировал канцлеру и министерству иностранных дел, что я считал желательным вернуться домой, но меня каждый раз просили не прерывать моего путешествия... Когда после этого однако я узнал из норвежских газет — *не из Берлина* — об австрийском ультиматуме Сербии, и непосредственно вслед затем о сербской ноте Австрии, я отправился назад без всякого дальнейшего промедления...» (Мемуары б. кайзера Вильгельма 1878—1918, т. II, англ. изд., стр. 241—242).

перед лицом опасности. Так допустил он вовлечь себя в конфликт. Ему пришлось стать вождем в борьбе, к которой он не был подготовлен ни опытом, ни талантом, ни темпераментом.

Картину, которая представляется мне, когда я обращаюсь мыслью к событиям этих роковых дней, можно лучше всего сравнить с той, которую мы можем видеть в устье реки: река весело стремится к морю на большом протяжении без всякого представления о той участи, которая ждет ее в направлении, в котором текут ее воды, и вдруг невольно сталкивается с громадой океана, с морскими волнами; при столкновении возникают хаос и борьба течений.

Если бы я находился в числе присяжных суда, которому было бы поручено судить людей, которые руководили судьбами мира в этот момент, я вынес бы им скорее приговор в непредумышленном убийстве, чем осудил бы их за убийство из расчета. Краткое изложение того, что случилось, даст представление о хаосе, в котором действовали люди, не видевшие перед собой ясной цели.

Грей хотел, чтобы Россия и Австрия договорились между собой. Затем он предложил посредничество Германии в отношении Австрии, посредничество Франции в отношении России и посредничество России в отношении Сербии. С другой стороны, Германия предпочитала предоставить Австрии договориться с Сербией без чьего-либо посредничества или вмешательства. Сазонов склонялся к переговорам между Россией и Австрией; впоследствии, но уже слишком поздно, Германия склонялась к тому же. Далее Грей разбил этот план своим предложением созвать конференцию послов в Лондоне, но вместе с тем он хотел исключить Австрию и Сербию из числа представленных на конференции держав. Это была роковая ошибка. По мнению Бетман-Гольвега, если бы конференция была составлена таким образом, она слишком напоминала бы судебный трибунал, которому поручено разобрать проступок Австрии. При этом страна, которую должны были судить, не была бы даже представлена на суде, чтобы выступить в свою защиту, а судьи этого трибунала отнюдь не были бы беспристрастны — большинство было определенно враждебно Австрии, которая могла рассчитывать только на одного друга — Германию. Таковы были причины, заставившие Германию отвергнуть это предложение Грея. Германия попрежнему стояла за продолжение русско-австрийских переговоров. Кроме того, было совершенно ясно, что Германии не улыбалась мысль о созыве конференции в Лондоне. На лондонской конференции Англия, Франция и Россия были бы представлены ловкими, опытными дипломатами, враждебными австрийским целям на Балканах; с другой стороны, германский посол по многим причинам не пользовался полным доверием германского министерства иностранных дел. Помимо всего прочего, князя Лихновского подозревали в колебаниях и равнодушии к австрийским претензиям. Даже Россия без всякого энтузиазма отнеслась к идее конференции, предпочитая продолжать непосредственные переговоры с Австрией. Сазонов принял предложение о созыве конфе-

ренции только на тот случай, если непосредственные переговоры закончатся неудачей. Так провалилось предложение о созыве конференции четырех держав. Предложение Грея привело таким образом лишь к потере драгоценного времени. Это предложение по существу не было мудрым; Грей защищал его без всякого убеждения и без всякой настойчивости; он в конце концов отказался от него и отказался в сущности при первом возражении. Это была слабая и боязливая попытка выйти из положения; при первых же затруднениях, вызванных ею, эта попытка была оставлена Греем, пришедшим в состояние почти полного смятения. Затем наступило смятение общее, связанное с мобилизацией и полумобилизацией австрийской, русской и сербской армий. Вилли и Никки обменивались письмами; царь предложил обратиться к гаагскому трибуналу, а кайзер в свою очередь предложил царю взять назад приказ о мобилизации русской армии. Государи обменивались письмами под звуки походных маршей корпусов, шедших на фронт, и бряцания оружия, предвещавшего неизбежное столкновение. Теперь большинство озабоченных советников, дававших противоречивые советы, должно было уступить место «героям», которые в течение многих лет нетерпеливо ожидали этого часа и столпились уже в нетерпении у порога государственных учреждений, готовые броситься на доставшуюся им добычу — власть.

3. ОТНОШЕНИЕ ВОЕННЫХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И ГРАЖДАНСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ К ВОЙНЕ.

Тогда как дипломаты стремились к миру и по-своему хоть и неумело действовали в интересах мира, в каждой стране находились могущественные круги, которые жаждали войны. По крайней мере в трех странах, которые были наиболее затронуты кризисом, руководители армий и генералы, простые офицеры и начальники штабов стремились обнажить меч и подвергнуть испытанию свои планы и надежды. Все они верили в созданную ими военную машину; все они стремились испытать ее и выйти победителями из испытания. В Англии это стремление к войне не играло действительно никакой роли. Наше твердое убеждение в силе нашего флота, быть может, и повлияло на настроение некоторых кругов, но это влияние не было решающим. С другой стороны, в Германии с настроениями военных кругов приходилось очень и очень считаться. Тщательно рассмотрев весь имеющийся материал, я склонен думать, что в Германии эти настроения сыграли решающую роль. Популярность кайзера в армии улетучивалась. Военные поняли, что император не был солдатом в душе и что он не захочет повести их в бой, а попытается избежать сражения. Их фаворитом был кронпринц. Кайзер остро переживал это презрительное отношение военных к его личной храбрости: он боготворил армию. Кайзер знал, что всякое проявление колебаний и сомнений накануне великой войны окончательно уничтожит последние остатки уважения к нему в сердцах его бравых солдат. Решиться на это

он не мог. Итак, в последние роковые дни перед войной мы были свидетелями жалкого зрелища: перед нами был человек, колебавшийся между чувством страха, здравым смыслом и тщеславием; первые два чувства удерживают его от падения в пропасть, третье — тщеславие — беспощадно кидает его в бездну. Его письмо от 27 июля к фон Ягову является великолепным образцом того состояния смятения, которое вызвала разыгравшаяся в нем внутренняя борьба. В этом письме он пишет:

> «Требования дунайской монархии в основном удовлетворены. Немногие оговорки сербов, вероятно, могут быть устранены в переговорах; ответ Сербии являлся в сущности «полной капитуляцией» и после такого ответа исчезал *всякий повод к войне*» *.

Эту часть письма часто цитируют. Далеко не так часто приводится следующая часть письма, в которой кайзер заявляет, что по его мнению необходима гарантия выполнения поставленных требований, а также «видимое satisfaction d'honneur» ** австрийской армии; Австрия должна временно оккупировать Белград в виде залога».

Это письмо может служить доказательством роковых колебаний кайзера, вызванных внутренней душевной борьбой. Подчинение кайзера воле армии может быть иллюстрировано также на примере его отношения к вопросу о вторжении в Бельгию. Когда он понял, что поход через Бельгию приведет к вступлению Англии в войну, он послал за Мольтке и спросил его, нельзя ли будет изменить план войны и сосредоточить силы для нападения на Россию. Мольтке ответил, что было слишком поздно, что все приготовления были сделаны из расчета, что германская армия немедленно отправится через Бельгию и захватит Париж в назначенный срок. Говорят, что кайзер ответил: «Ваш дядя дал бы мне другой ответ». Тем не менее он подчинился.

Генеральный штаб бросал приманку в виде «малой войны» и оккупации Белграда с тем, чтобы начать таким образом войну большую. Только этой приманкой удалось завлечь кайзера; он оказался пленником штаба. «Малая война» требовала мобилизации и объявления войны Австрией Сербии. Это привело к частичной мобилизации в России, что в свою очередь заставило Германию объявить войну России. После этого началась в сущности и мировая война.

И в Австрии и в России ответственность за войну ложится в последнем счете на верховное командование. Верховное командование настаивало на мобилизации, когда переговоры еще продол-

---

* Курсив кайзера. Цит. по книге Lutz: «Lord Grey and the World War», стр. 257—258.

** Удовлетворение чести (франц.)

жались и положение не было безнадежным. Австрийская мобилизация привела к мобилизации армии в России для предупреждения внезапного движения австрийцев на русскую территорию. Австрия произвела мобилизацию, чтобы напасть на Сербию. Мобилизация в России имела своей задачей нанести ответный удар. Когда кайзер, испуганный грозовыми тучами на горизонте, лично обратился к царю, желая избежать войны, он просил «Никки» отменить уже изданный им приказ о мобилизации русской армии. Царь готов был согласиться на это довольно разумное требование, но генералы заверили его, что «технические трудности» отмены даже частичной мобилизации были непреодолимы. Таким образом руководители штабов в главнейших государствах континента ускорили войну, тогда как политики все еще неумело нащупывали пути к миру. Каждая армия верила в свою непобедимость и стремилась доказать свое превосходство на деле.

Мнение о превосходстве германской армии разделялось не только немцами. Я помню, как за два или три года перед войной лорд Китченер, бывший тогда сирдаром (главнокомандующим) египетской армии, посетил меня в министерстве финансов в связи с предоставлением займа для Судана. Так как это было вскоре после агадирского кризиса, мы заговорили о франко-германских отношениях. Китченер был низкого мнения о французской армии и считал, что немцы «подстрелят их, как вальдшнепов». Вскоре после этой встречи мне случилось быть на приеме в Букингемском дворце в честь какого-то иностранного государя. Я сидел рядом с каким-то другим иностранным князем, не имевшим отношения к Германии; мой сосед придерживался того же мнения о непобедимости германской армии и в тех же выражениях, что и лорд Китченер, заметил, что немцы «подстрелят их, как вальдшнепов».

С другой стороны, французская армия также была вполне уверена в своих силах. Французы верили в то, что у них были самые лучшие полевые орудия — знаменитые «75-миллиметровки» — и они не очень ошибались. Уже не в первый раз восторг обладания новым военным изобретением способствовал войне. Французы также были очень уверены в подготовке французских офицеров и великолепном качестве своих солдат. Они знали, что организация французской армии была превосходной, и у них также был неизбежный «план». С 1870 г. не было ни одного года, когда французская армия менее боялась бы своего великого соперника. Со времени своего поражения в Манчжурии русские также улучшили военное снабжение и организацию своей армии. Русские чувствовали себя неизмеримо сильнее австрийцев и считали себя вполне готовыми к борьбе с той частью германской армии, которая могла сражаться на Востоке, после того как лучшие силы ушли бы на Запад. В этом состоянии армии жаждали войны; их руководители путем ловких маневров легко поставили политиков, к тому же не знавших, что им делать, в такое положение, при котором война стала неизбежной. Так рост вооружений привел к войне.

Но армия далеко не была одинокой в своем стремлении к войне. Народные массы были во власти военной лихорадки. В каждой столице народ требовал войны. Теория, которая распространяется теперь пацифистскими ораторами из числа наиболее сварливых и выступающих поэтому наименее убедительно, что великую войну вызвали старики-политиканы, пославшие молодежь на убой, — эта теория является выдумкой. Старики в своих государственных канцеляриях беспомощно пытались предотвратить войну, тогда как молодежь в странах, боровшихся за мировое господство, нетерпеливо и громко на площадях столиц требовала немедленного объявления войны. В течение первых дней августа 1914 г. я был сам свидетелем этого. Я никогда не забуду воинственных толп, заполнивших Уайтхолл и Даунинг стрит *, когда кабинет обсуждал вопрос о войне и мире. Уже в воскресенье собрались большие толпы народа. В понедельник был банковский праздник **, и толпы молодежи собрались на демонстрацию в Вестминстере, требуя войны с Германией. В зал заседаний к нам доносился шум толпы. В понедельник после обеда я шел вместе с Асквитом в палату общин, чтобы услышать знаменитую речь Грея. У парламента была такая густая толпа, что ни один автомобиль не мог бы проехать; без помощи полиции мы не могли бы продвинуться вперед ни на шаг. Толпа была определенно настроена в пользу войны. Помню, я заметил в этот момент моему спутнику: «Все эти люди стремятся послать наших бедных солдат на смерть; многие ли из них отправятся сами на фронт?». В этих словах заключалось недостойное сомнение в храбрости и патриотизме демонстрантов. Через несколько дней рекрутский набор начался на Конногвардейской площади; эта большая площадь Лондона вся была заполнена толпой молодых людей, которые настойчиво пробивались вперед, чтобы записаться в ряды китченеровской армии. В течение многих дней из окон министерства я мог наблюдать движение тысяч и тысяч голов в сторону рекрутских бюро; я мог слышать раздававшиеся на площади выкрики имен добровольцев, страстно желавших попасть в армию. С субботы до понедельника война приобрела популярность. В субботу ко мне, как к канцлеру казначейства, явился главный директор Английского банка, чтобы заявить мне от имени Сити, что финансовые и торговые круги лондонского Сити были категорически против нашего вмешательства в войну. В понедельник наступила полная перемена. Угроза вторжения немцев в Бельгию зажгла огнем войны весь народ от моря до моря. Уже в понедельник сэр Эдуард Грей имел достаточное доказательство того, что его заявление Камбону о том, что мы придем на помощь Франции только в том случае, если этого потребует английское общественное мнение, было полностью оправдано обстоятельствами. Но в этой перемене настроений повинна была Бельгия. До тех пор кабинет

* Министерский квартал в Лондоне. *Прим. перев.*

** Банковских праздников в Англии два в году — в апреле и августе. *Прим. перев.*

министров находился целиком во власти разногласий; почти половина, во всяком случае не меньше одной трети министров противилось нашему вступлению в войну. После германского ультиматума Бельгии кабинет почти единогласно высказался за войну. Если бы Германия без всякой причины напала на Францию, я не сомневаюсь, что общественное мнение Англии потребовало бы, чтобы правительство пришло на помощь Франции, как жертве такого безрассудного нападения. Но все понимали, что на этот раз Франция была втянута в конфликт в результате своих договорных обязательств по отношению к России, и что если бы Франция оставалась нейтральной, Германия была бы только рада оставить ее в покое. Франко-русский союз был наступательным и оборонительным. Франция, поэтому, была обязана поддерживать Россию вне зависимости от того, была ли Франция непосредственно заинтересована в поводе к войне или нет. Но Англия не была в таком положении. Мы не давали обязательства притти на помощь России в любом конфликте, будь то на Востоке или на Западе. В английском народе русское самодержавие было почти так же непопулярно, как теперь большевизм. Мы отождествляли самодержавие в России с сибирскими тюрьмами для политических заключенных, с погромами беззащитных евреев, с расстрелами рабочих, единственным преступлением которых было представление петиции императору по поводу причиненной им несомненной несправедливости. Итак, до тех пор пока война могла оставаться конфликтом между абсолютными монархиями Германии и Австрии, с одной стороны, и Россией и ее союзниками, с другой, английское общественное мнение было определенно настроено против вмешательства. К несчастью сэр Эдуард Грей не пустил в ход эту карту наших договорных обязательств к Бельгии пораньше. Таким образом, быть может, удалось бы вообще предотвратить войну.

Демонстрациям в Лондоне соответствовали демонстрации в Петербурге, Берлине, Вене и Париже. Кипела кровь, и кровь должна была пролиться. Чернь и генералы были по крайней мере одного мнения. Объединившись, они вырвали инициативу из рук колеблющихся и слабых политиков, которые хотели мира, но которые не имели достаточно твердости и смелости, чтобы осуществить самые простые шаги, которые могли обеспечить мир. Описанные Эмилем Людвигом большие демонстрации в пользу мира на лондонских площадях, в то время как небольшая толпа французов собралась в Лондоне с требованием войны, являются сплошным вымыслом и притом вымыслом вредным, потому что подобный вымысел может обмануть государственных деятелей будущего, может свести их с правильного пути, может лишить их понимания реальных опасностей, с которыми им следует бороться.

Лучшим доказательством перемены в общественном мнении могут служить приводимые мною извлечения из «Дейли ньюс». Великий орган либеральной партии поздно пришел к заключению, что война в создавшихся условиях была оправдана обстоятельствами. Этот

поздний вывод свидетельствовал о той неохоте, с которой либералы во всей стране относились к перспективе участия Англии в войне. Поэтому свидетельство «Дейли ньюс» о состоянии умов в эти богатые событиями дни может считаться беспристрастным и отнюдь не вызванным военным угаром. Вот отрывок из статьи, появившейся в «Дейли ньюс» 3 августа, в которой дается точное описание настроений в народе до воскресенья и в воскресный день:

«В Англии нет военной партии. Напротив, ужасы войны уже поразили народное воображение; на улицах и площадях Лондона народные массы вчера выражали свое возмущение быстрому развитию трагических событий на континенте».

Далее следует описание толпы на следующий день, после того как стало известно, что Германия угрожает Бельгии:

«Толпа продолжала расти. От Трафальгарской площади, где толпа образовала сплошную массу, до палаты общин, где большое стечение народа образовалось близ Даунинг стрит, и вплоть до военного министерства видно было лишь море голов. С пением марсельезы проезжали в такси группы молодых людей. В течение первой половины дня лишь немногие украшали себя флажками, но постепенно к ним прибавлялись все новые и новые демонстранты. Вскоре сотни людей покупали флажки. В 7 часов вечера, когда Асквит покинул заседание кабинета, чтобы отправиться в палату лордов, толпы народа приветствовали его с исключительным воодушевлением. Это была сцена народного энтузиазма, непревзойденного в течение многих лет».

Привожу извлечение из описания «Дейли ньюс» настроений масс 4 августа, после того как мы предъявили Германии ультиматум:

«В ожидании германского ответа, громадные толпы собрались в Уайтхолле и перед Букингемским дворцом; мы были свидетелями исключительных сцен энтузиазма; министров, входивших в дом премьера, встречали громкими аплодисментами.

В течение многих лет — с той самой ночи, когда было получено известие о Мафекинге * — не было видно таких толп в Лондоне; и Уайтхолл, и квартал клубов, и Трафальгарская площадь были полны возбужденным народом».

Вот описание того безумного волнения, которым было встречено объявление войны:

«Энтузиазм дошел до апогея, когда толпа, скопившаяся перед Букингемским дворцом, узнала, что война объявлена. Полицейские сообщили, что необходимо соблюдать тишину, так как король созвал совет министров, чтобы подписать необходимые по этому случаю законоположения... Известие об объявлении войны было встречено оглушительными аплодисментами,

* Освобождение 6 мая 1900 г. бурами города Мафекинга, в котором были заперты значительные английские силы. *Прим. перев.*

которые превратились в несмолкаемый гул, когда на балконе дворца появился король Георг, королева Мэри и принц Уэльский...

Вестминстер, Чаринг Кросс и все главные улицы вокруг парламента были заполнены вчера вечером возбужденной толпой, которая готова была бесноваться. И по количеству людей и по несмолкаемому шуму толпа превосходила ту, которая была на улицах в понедельник. Повсеместно видны были флаги; слышны были патриотические песни; пройти через Трафальгарскую площадь было почти невозможно.

Враждебная толпа собралась перед германским посольством и разбила в посольстве окна. В полицейское управление было послано специальное извещение, и на место тотчас же явилась конная и пешая полиция, которой лишь с значительным трудом удалось восстановить порядок».

В свете этих свидетельств газеты, которая определенно выступала против войны, ничего не остается от утверждения, что мы начали войну вопреки ясно выраженному мнению английского народа. Все войны популярны в день их объявления. Я приведу знаменитое замечание Вальполя по поводу войны, в которую он был втянут против своей воли: «Теперь они бьют в колокола, скоро они будут бить себя в грудь». Но никогда войну не встречали таким всеобщим энтузиазмом, как 4 августа 1914 г. в Англии.

4. 4 АВГУСТА 1914 года

4 августа 1914 г. является одной из роковых дат в истории человечества. Решение, принятое в этот день от имени Британской империи, изменило судьбы Европы. Не будет преувеличением сказать, что это решение означало поворот в развитии человечества. Эхо войны уже прозвучало на востоке и на западе; огромные армии стремительно неслись на бойню. Миллионы людей двигались уже к полям сражений или примеряли свои латы, готовясь к борьбе; дороги и железнодорожные пути содрагались под тяжестью орудий, военного снаряжения и всех других грозных механизмов для уничтожения людей.

Была ли еще надежда, что удастся избежать величайшей катастрофы? Кабинет непрерывно заседал в пятницу, субботу и воскресенье. Мне было очень трудно принимать участие в заседаниях кабинета из-за совещания в казначействе по вопросу о серьезном финансовом положении, создавшемся вследствие войны. Но я слышал большинство речей и принимал участие в большей части обсуждений. Обнаружились значительные разногласия по вопросу об английском вмешательстве в русско-германскую войну, даже если Франция была бы вынуждена к участию в войне своим союзом с Россией. Грей никогда определенно не ставил перед кабинетом вопрос о том, что в этом случае Англия должна объявить Германии войну. Он ни разу не выразил по этому поводу определенного и не-

допускающего никаких кривотолков суждения и поэтому никакого решения не было принято. Но из обсуждений в кабинете министров, как и из интимных разговоров между министрами в перерывах между заседаниями, было совершенно ясно, что разногласия между нами были непримиримы; мы не могли притти к соглашению между собой по вопросу о том, следует ли Англии вступить в войну. Если бы был поднят вопрос о защите нейтралитета или целости Бельгии, то по этому вопросу не было бы ни одного инакомыслящего. Быть может лорд Морлей и Джон Бернс остались бы в стороне. Но и в этом я не уверен; если бы по этому поводу было своевременно принято решение британского кабинета, то, возможно, удалось бы убедить Германию ограничить территорию военных действий, или отказаться от ведения ее вообще, показав всю нелепость ведения ее в условиях, для Германии неблагоприятных. Но это предложение никогда не было нам сделано. В небе, покрытом тучами, оставался лишь небольшой просвет — нейтралитет Бельгии.

Тяжелые тучи быстро заволакивали горизонт, но можно было различить еще кусочек голубого неба. Ведь Германия подписала договор, которым обязалась не только соблюдать, но и защищать нейтралитет Бельгии. Сдержат ли немцы свое слово чести? В соглашении о бельгийском нейтралитете Великобритания также являлась одной из сторон. Если кто-либо нарушил бы условия соглашения, Англия была обязана выступить во всем своем могуществе против того, кто вторгся бы в пределы Бельгии. Сдержит ли Пруссия свое слово, явится ли страх перед Англией решающим? Если бы соглашение осталось в силе, положение еще могло быть спасено.

Я настаивал перед моими коллегами по кабинету на том, чтобы мы придерживались политики, которая не ограничивалась бы простым пассивным невмешательством в борьбу между Германией и Австрией, с одной стороны, и Россией и Францией, с другой. Мы не были в положении Франции. Франция была обязана по договору поддерживать Россию в ее ссоре с Германией. Мы не имели подобного обязательства. Я поэтому предложил, чтобы мы приняли немедленные меры для увеличения и усиления нашей армии как в отношении численности, так и в отношении военного снаряжения, с тем чтобы ни одна из воюющих сторон не могла позволить себе отнестись без должного внимания к нашим положениям, если бы мы сочли момент удобным для вмешательства. Если бы Германия продолжала соблюдать свои обязательства в отношении нейтралитета Бельгии, эта политика была бы самой правильной, у нас оставалось бы достаточно времени, чтобы умерить пыл страстей и дать угаснуть первому взрыву воинственного энтузиазма. Для Франции военная проблема была бы иной; события развивались бы медленнее. Вместо того, чтобы защищать границу, простиравшуюся на 500 миль и лишенную каких-либо крепостей или искусственных преград, Франция могла бы сосредоточить все свои силы на защите границы в 250 миль, где она обладала грозными крепостями. Армия в 3 миллиона

человек, включая резервы, окопавшись на этом узком участке фронта, была бы непобедимой, и Германии пришлось бы удовольствоваться защитой своих границ на западе и переброской германской армии в Польшу. Там транспортные затруднения, плохие дороги, недостаточные железнодорожные пути, огромные расстояния отсрочили бы исход войны на многие недели, если не месяцы. Двенадцать месяцев ожесточенной борьбы понадобились Германии, чтобы завоевать Польшу, и даже тогда русская армия все еще существовала и была готова возобновить борьбу в 1916 г. Вмешательство Англии в интересах мира могло бы тогда привести к более благоразумному решению. Англия была единственной державой в Европе, которая еще никогда не была разбита в европейской войне. С ее неуязвимостью для нападения, с ее могучим флотом, руководимым самыми опытными моряками мира, с ее огромными ресурсами Англия могла взять измором любую державу, если бы Англия в состоянии была бросить на чашу весов хорошо снаряженную армию в 1 миллион человек в качестве поддержки своего флота. Германия вынуждена была бы задуматься, раньше чем отвергнуть условия мира и тем самым поставить Британскую империю в ряды своих врагов. Таковы были аргументы, которые я приводил в пользу невмешательства в борьбу, если нейтралитет Бельгии будет соблюден.

Германское вторжение в Бельгию положило конец всем этим возможностям. Вместе с ним был поставлен вопрос о всех наших договорных обязательствах. В воскресенье 2 августа уже имелись налицо весьма неблагоприятные предзнаменования: поступали сообщения, что Германия сосредоточивает силы на бельгийской границе. Германия обратилась к Бельгии с предложением предоставить ей право пройти через бельгийскую территорию для нападения на Францию. Бельгийские министры колебались, но героический король Бельгии дал ответ, который представляет собой одну из наиболее волнующих страниц в истории. Английское правительство, узнав об этом, предъявило ультиматум Германии, в котором заявляло, что если 4 августа к 12 часам ночи не будут даны заверения со стороны Германии, что бельгийский нейтралитет не будет нарушен, Англии не останется ничего иного, как принять шаги к обеспечению договора о нейтралитете. Поймет ли Германия, что означает для нее война с Англией? Приостановят ли немцы движение своей армии, изменят ли они свой стратегический план, не согласятся ли они на переговоры? Как много зависело от ответа на эти вопросы. Мы могли тогда лишь подозревать о том, что это означало; теперь нам это хорошо известно. Многие из нас едва могли верить, что те, кто нес ответственность за судьбы Германии, окажутся настолько глупы, что намеренно вызовут к себе вражду Британской империи с ее неисчерпаемыми резервами и с ее твердым упорством в борьбе за поставленную цель, когда империя втянута в борьбу.

Среди тех, кто критиковал политику вмешательства Англии, можно указать на две группы. С одной стороны, это те, кто якобы верил, что эта война явилась следствием интриг со стороны финан-

систов, которые организовали все дело и продиктовали свою волю к войне в своих собственных целях. В Германии и среди друзей Германии в других странах есть и такие люди, которые приписывают наше вмешательство в войну раздражению, вызванному в Англии растущей ревностью к силе и благоденствию Германии; эти лица считают английских политических деятелей готовыми воспользоваться всяким удобным случаем, чтобы погубить грозного соперника Англии. В моем рассказе о днях войны я готов ответить на доводы обеих групп. Я был канцлером казначейства и в качестве такового я имел дело с представителями денежного мира до войны; я видел их тотчас же после объявления войны; я жил рядом с ними в течение многих дней и делал все, что было в моих силах, чтобы укрепить их расшатанные нервы, так как я знал, как много зависело от восстановления доверия на денежном рынке, и я заявляю, что денежный мир был испуган и потрясен; люди денег тряслись от страха перед перспективой войны. Было бы глупой и невежественной клеветой называть эту войну войной банкиров. Что касается второй группы людей, критикующих поведение Англии, то следует указать, что влиятельнейшие деловые круги Англии стремились избежать войны; мое последующее изложение будет достаточным ответом и на эти обвинения. В Англии не было людей, которые горячо надеялись бы на пришествие того часа, когда они могли бы разбить великого соперника в торговле.

4 августа было днем, полным слухов и всякого рода сообщений, днем волнений, когда час следовал за часом, а из Германии не получалось никаких известий. Мы имели лишь грозные слухи о дальнейшем германском продвижении к бельгийской границе. Пришел вечер. Все еще не было ответа. Вскоре после 9 часов вечера я был вызван в зал заседаний правительства на важное совещание. Я застал в зале Асквита, сэра Эдуарда Грея и Холдена; все они имели очень торжественный вид. Вскоре появился Мак-Кенна. Удалось перехватить сообщение из германского министерства иностранных дел германскому посольству в Лондоне. Сообщение не было зашифровано. В нем германскому послу сообщалось, что английский посол в Берлине потребовал свои паспорта в 7 часов вечера и объявил войну. Копия этого извещения была передана мне и до сих пор находится у меня. Я привожу ниже текст этого рокового документа в том виде, в каком он был предъявлен нам на этом торжественном заседании.

Время: 9. 5 вечера.
Дата: 4 августа 1914 г.

Нижеследующее сообщение было перехвачено военной цензурой:

«Германскому послу из Берлина.
Английский посол только что потребовал свои паспорта вскоре после 7 часов и объявил войну.

Ягов».

От сэра Эдуарда Гошена не было получено никаких извещений *. Поэтому мы не знали, что думать по поводу приведенного выше сообщения из Берлина. Оно, казалось, предвещало попытку со стороны немцев предупредить объявление войны, чтобы предпринять какие-либо внезапные действия против английских кораблей или у британских берегов. Следовало ли это перехваченное сообщение рассматривать как начало военных действий, или мы должны были ждать, до тех пор пока мы не получим официального извещения из Германии, что наши требования отвергнуты, или, наконец, мы должны были ждать истечения срока ультиматума? Мы сидели за зеленым столом в знаменитом зале, где в прошлом было принято столько исторических решений. Зал был довольно плохо освещен, и мне помнится, что не все лампы были зажжены; в сумерках могло казаться, что в совещании принимают участие великие британские государственные деятели прошлого — Чатам, Питт, Фокс, Кэстльри, Каннинг, Пиль, Пальмерстон, Дизраэли, Гладстон — все те, кто посвятил свою жизнь созданию империи, судьбы который решались на этом заседании. В этом простом ничем не украшенном тусклом зале они также размышляли над проблемами, возникавшими в их время. Но никогда не приходилось им сталкиваться с необходимостью принять такое ответственное решение, как то решение, которое выпало на долю английских министров в первые дни августа 1914 г.

Время для этого ужасного решения наступило; должны ли мы немедленно спустить с цепи дикого зверя войны или следует ждать, чтобы истек срок ультиматума, и тем самым продолжить мир хотя бы еще на два часа? Нам легко было принять решение: поручить адмиралтейству подготовить флот против всякой внезапной атаки со стороны германских судов и предупредить нашу береговую защиту против возможности таких намерений со стороны немцев; но следует ли нам объявить войну теперь или в полночь, — вот в чем был вопрос.

Срок ультиматума истекал в Берлине в полночь по центральному европейскому времени; по гринвическому времени это соответствовало 11 часам ночи. Мы решили ждать до одиннадцати. Придет ли какое-либо известие из Берлина до одиннадцати, в котором сообщалось бы о намерении Германии соблюдать бельгийский нейтралитет? Если бы такое известие прибыло, осталась бы еще слабая надежда, что удастся достигнуть какого-либо соглашения, перед тем как приведенные в движение армии бросятся друг на друга.

По мере того как приближался решительный час, в зале воцарилась глубокая и напряженная торжественность. Казалось, все ждут только сигнала, чтобы как бы по мановению жезла бросить миллионы людей в объятия смерти; оставался только слабый шанс на то, что

---

* Впоследствии мы узнали, что его телеграмма в Лондон, в которой он извещал нас о предпринятом им шаге, была задержана германскими властями. Эта телеграмма так и не достигла своего назначения; только когда сэр Эдуард Гошен спустя 9 дней вернулся в Англию, мы узнали об этой телеграмме и получили ее копию.

помилование людей, осужденных на такую участь, придет еще вовремя. Наши взоры блуждали от часов к двери, от двери к часам; почти все молчали.

«Бам! Бам!» — Металлические звуки больших часов на башне парламента раздались в тишине ночи; это были самые роковые минуты для Англии, с тех пор как существуют Британские острова. Боязливая тишина воцарилась в зале. На лицах внезапно появилось тягостное напряжение. «Гибель», «гибель», «гибель» — казалось, отбивали часы свои удары. Звуки башенных часов раздавались у нас в ушах подобно эху судьбы. Что сулило нам будущее? Кто мог предсказать нашу судьбу? Мы вызвали на бой самую могущественную военную империю, которая когда-либо существовала. Франция была слишком слаба, чтобы одна противостоять ее мощи, а Россия была плохо организована, ее армии были плохо снаряжены, ее правительство находилось во власти коррупции. Мы знали, что Англии придется испить чашу до дна. Сможет ли Англия выдержать борьбу? Ни один из нас не сомневался и не колебался ни минуты. Но мы можем, не стыдясь, признать, что от страха пульс у каждого забился чаще. Знали ли мы, что до того как мир в Европе будет восстановлен, нам придется пережить 4 года самых тяжелых страданий, 4 года убийств, ранений, разрушений и дикости, превосходящих все, что до сих пор было известно человечеству. Кто знал, что 12 миллионов храбрецов будет убито в юном возрасте, что 20 миллионов будет ранено и искалечено. Кто мог предсказать, что Европа склонится под бременем огромного военного долга; что только одна империя вынесет потрясение войны; что другие три блестящих империи мира будут раздавлены в конец и обломки их будут рассеяны в пыли; что революция, голод и анархия распространятся на большую половину Европы и что угроза их распространения повиснет над злосчастным материком.

Известно ли нам уже все, что можно рассказать о войне? Кто знает. Но если бы мы предвидели все это 4 августа, у нас и в этом случае не было бы другого выхода.

Через 20 минут после этого рокового часа вошел Винстон Черчиль и уведомил нас, что все британские военные корабли извещены по телеграфу во всех морях о том, что война объявлена и что им следует согласовать с этим свое поведение. Вскоре после этого мы разошлись. Этой ночью нам не о чем было больше говорить. Завтрашний день должен был принести с собой новые задачи и новые испытания. Когда я покинул зал заседаний, я чувствовал себя так, как должен чувствовать человек, находящийся на планете, которая вдруг чьей-то дьявольской рукой была вырвана из своей орбиты и мчалась с дикой скоростью в неизвестное пространство.

На следующий день министры столкнулись с новым и непривычным положением. До сих пор мы имели дело с нашей страной, когда она находилась в состоянии мира со всеми другими странами. Теперь нам приходилось столкнуться с проблемой Европы, брошенной в водоворот войны.

Обе палаты парламента провели после нескольких часов обсуждения мероприятия, предоставлявшие исполнительной власти неслыханные дотоле полномочия. Большинство этих мероприятий было тщательно продумано в спокойные годы мира многочисленными подкомиссиями Комитета имперской защиты. Еще ничего не было написано о том, чего удалось достигнуть этой замечательной организации в годы перед войной, и о том, до какой степени ее члены оказались в состоянии предусмотреть будущее. Основатель Комитета — граф Бальфур, — создав Комитет имперской защиты в качестве основного звена организации обороны страны, оказал этим бессмертную услугу своей родине. При Асквите Комитет имперской защиты продолжал выполнять свою задачу с неменьшим рвением и настойчивостью, ставшими традицией Комитета. Так случилось, что когда война стала фактом, планы, которые имели величайшее значение для нашего успеха, лежали в совершенно готовом виде в папках Комитета имперской защиты, были продуманы в мельчайших подробностях и вполне готовы к осуществлению. Лорду Бальфуру следует отдать должное за создание и руководство этой организацией; а Асквит заслуживает того же за то, что он полностью использовал права Комитета и еще более расширил его компетенцию; но более всего мы обязаны трем неутомимым секретарям Комитета — сэру Джорджу Кларку, впоследствии ставшему лордом Сидэнгемом, адмиралу сэру Чарльзу Оттли и самому способному как и самому инициативному из всех — полковнику сэру Морису Хэнки. Военный устав, улучшенный Комитетом под председательством Асквита, труды лорда Холдена в его бытность в военном министерстве — его организация территориальной армии, генерального штаба как мозгового центра армии и создание корпуса подготовки офицеров — могут служить достаточным ответом тем, кто обвиняет либеральное правительство в неподготовленности к возможной войне.

К этому следует прибавить подготовку флота и в частности подготовку дредноутов и броненосцев под руководством лорда Твидмауса, Мак-Кенны и Винстона Черчиля.

Но Комитет имперской защиты отнюдь не закончил свой исчерпывающий обзор возможностей и требований военной обороны, когда над нами разразился шторм. Это возможно объясняет тот факт, что два обстоятельства, которые, как оказалось, имели чрезвычайное значение, не были еще рассмотрены полностью. Первым из этих обстоятельств был вопрос о финансовом хаосе, который неизбежно должен был наступить, особенно в такой стране как Англия, которая является центром такого сложного дела, как финансирование всей международной торговли.

Вторым обстоятельством была огромная затрата военного снаряжения, необходимая в современной войне. Никто не рассчитывал на постройку земляных укреплений в таком гигантском масштабе, как это оказалось необходимым в великой войне, которую начала Европа. Линии Торрес-Ведрас простирались лишь на несколько верст. Земляные редуты Тотлебена также были не велики по своему протя-

жению. Гигантские траншеи 1914—1918 гг. занимали сотни верст. Мириады тяжелых орудий, мортир, пулеметов, миллионы снарядов, которые стали неотъемлемой частью снаряжения армий, занятых в таких обширных военных операциях, находились вне поля зрения всякого, кто изучал требования войны до 1914 г. На мою долю выпала борьба за разрешение этих двух важнейших проблем войны.

5. НЕОСВЕДОМЛЕННОСТЬ КАБИНЕТА О СТРАТЕГИЧЕСКИХ СОВЕТАХ ФРЕНЧА

Я не ставлю своей задачей систематически осветить в моем повествовании отдельные события войны. Другие уже справились с этой задачей лучше, чем это мог бы сделать я. Я просто стремлюсь внести свою лепту в историю войны, рассказав об отдельных эпизодах, к которым в частности мне приходилось иметь более близкое отношение.

Кабинету было известно очень мало о военных и морских планах. Из штатских участие в советах военных принимали премьер-министр, г. Винстон Черчиль и иногда лорд Холден и сэр Эдуард Грей.

Кабинету был неизвестен тот факт, что в военном совете тотчас же после объявления войны сэр Джон Френч выступил против отправки экспедиционного корпуса на бельгийскую границу. Первый военный совет состоялся после вступления Англии в войну 5-го августа. Кабинет министров был представлен премьер-министром, лордом Холденом, сэром Эдуардом Греем и Винстоном Черчилем; адмиралтейство — принцем Луи Баттенбергом, и армия — лордом Китченером, лордом Робертсом, сэром Джоном Френчем, сэром Гамильтоном, сэром Чарльзом Дугласом, сэром Г. К. Склейтером, сэром Джоном Коуэнсом, сэром Стенли ван Донопом, сэром Дугласом Хэйгом, сэром Дж. М. Грирсоном, сэром А. Дж. Мерреем и сэром Генри Вильсоном. На этом заседании сэр Джон Френч заявил:

«что предусмотренный план на данный случай заключался в том, что экспедиционный корпус должен быть мобилизован одновременно с французами и быть сосредоточен позади французской армии в Мобеже к пятнадцатому дню мобилизации. Тогда предполагалось двинуть этот корпус к востоку по отношению к Маасу и действовать на левом фланге французской армии против германского правого фланга. Однако, мы всегда полагали, что если мы запоздаем с нашей мобилизацией, как оно и случилось, то в этом случае нам придется изменить наш план. По мнению Френча, Мобеж не был достаточно безопасным местом для сосредоточения войск. В общем Френч полагал, что экспедиционный корпус должен быть отправлен во Францию; для этого необходимо избрать безопасный пункт, и в дальнейшем выжидать событий. Френч прибавил, в качестве возможной альтернативы, что при создавшихся условиях он готов был рассмотреть вопрос о возможности высадки в Антверпене с целью сотрудничества с бельгийцами и голландцами. Эти три армии

могли бы составить значительную силу и по необходимости сдерживали бы значительные германские силы, будучи в состоянии двигаться далее к югу. Осуществимость этого плана зависела, однако, от морских сил. В качестве альтернативы к высадке в Антверпене Френч предлагал высадку во Франции, с тем чтобы двигаться к Антверпену вдоль берега.

Повидимому Френч не получил поддержки ни от кого и не настаивал более на своих предложениях. Общим результатом переговоров было решение о том, что нам надлежит согласовать свою стратегию с французским генеральным штабом.

Если бы был принят один из предложенных Френчем планов, то, как теперь совершенно ясно, весь ход событий был бы совершенно иным, в особенности изменилось бы дело, если бы пять британских дивизий были посланы в Антверпен. На германском фланге было бы пять дивизий отборных солдат. Они значительно укрепили бы бельгийскую армию. Немцы не считали бы безопасным для себя проникать так далеко во Францию, как они проникли в дальнейшем, так как им раньше нужно было бы уничтожить эту угрозу, нависшую с фланга. Они потеряли бы таким образом драгоценное время, а выигрыш времени был основной чертой всего германского плана.

Совет, поданный главнокомандующим экспедиционного корпуса, был скрыт от кабинета и как таковой никогда не обсуждался министрами.

В течение 3 или 4 недель, которые последовали за объявлением войны, внимание правительства было сосредоточено на таких вопросах, как набор в армию, бегство «Гебена», соображения о том, что намерена предпринять Турция, известия из Греции, и время от времени на весьма неясных сообщениях с фронта, которые передавал нам в начале каждого заседания лорд Китченер своим громким и резким голосом; взгляд лорда Китченера при этом, как и обычно, был устремлен в пространство и не обращен ни на кого, что было первым признаком того, как плохо он чувствовал себя в непривычных для него условиях. Он находился в одном правительстве с людьми, которые принадлежали к той профессии, с которой он боролся всю свою жизнь и к которой у него было обычное для военных чувство презрения, смешанное со страхом. За столом, обитым красным сукном, в кабинете министров он стремился рассказать политикам как можно меньше о том, что происходило на фронте, и как можно скорее вернуться к своему делу в военное министерство. Время от времени мы слышали от него внезапно одну или две фразы, которые подобно молнии освещали истинное положение вещей. Перед тем как немцы нанесли свой первый удар, он вернулся назад из поездки во Францию, где, как мне помнится, он виделся с французским главнокомандующим генералом Жоффром и обсуждал с ним стратегический план кампании. Лорд Китченер отказался на этот раз от своей обычной скрытности и рассказал нам, каковы были намерения генерала Жоффра. По словам Китченера француз-

ский главнокомандующий не верил, что немцы пройдут через центральные и западные провинции Бельгии, потому что там не было хороших дорог, годных для продвижения больших армий со всеми необходимыми средствами передвижения и артиллерией. Жоффр полагал, что германская армия повернет к юго-восточному углу Бельгии, стремясь пробить оборону союзников в направлении Намюра. Лорд Китченер сравнил стратегический план Жоффра с поведением боксера, который защищается от своего противника левой рукой, тогда как правую руку он приберегает для неожиданного нападения на слабое место противника. Лорд Китченер сообщил нам, что по его мнению представление генерала Жоффра о германском плане войны было совершенно неправильным. Лорд Китченер высказал свое твердое убеждение, что немцы пойдут одновременно по всем 11 дорогам, которые ведут к границе, и попытаются обойти силы союзников гораздо севернее того пункта, где ожидал нападения генерал Жоффр. Однако, сказал он, Жоффр упрямо держался своего мнения. Нам скоро предстояло узнать результат этого рокового просчета.

Однажды утром я был занят в казначействе разрешением некоторых срочных финансовых проблем, когда перед заседанием правительства в мой кабинет вошел Винстон Черчиль с необычно угрюмым видом. Ясно было, что он имел сообщить мне какие-то важные новости, и так как я был окружен чиновниками, он просил меня выйти из кабинета. Мы вышли в другую комнату, и тогда он сказал мне то, что он только что слышал от Китченера: огромные германские силы наступали по северным бельгийским дорогам, они оттеснили наши войска от Монса, и в момент его разговора со мной вся британская армия полностью отступала, преследуемая неизмеримо превосходящим ее по численности противником.

В своей книге Черчиль замечает, что он «был в восторге от того, как я встретил это сообщение, и почувствовал себя легче», но у меня тогда еще в большей степени чем ранее сложилось впечатление, что нам приходилось иметь дело с необычайно сильным противником и что только мобилизация всех наших сил могла спасти Европу и весь мир от величайшей катастрофы.

В течение нескольких дней мы не получали известий о том, что происходило.

Мы ничего не знали об ожесточенной борьбе в Лотарингии, где французская армия, вторгшаяся в Лотарингию, была оттеснена назад после напряженного сражения, в котором немцы одержали решительную победу в гораздо большей степени благодаря превосходству в артиллерии, чем численному превосходству. Мы ничего не знали о поражении французов при реке Маас и продвижении германской армии в направлении Парижа. Мы совершенно ничего не знали о передвижении и планах нашей собственной маленькой армии. Мы знали лишь, что английский экспедиционный корпус покинул свои позиции на бельгийской границе, и что английские

войска теснили к югу, если не преследовали, превосходные германские силы. Нас, однако, уверяли изо дня в день, что отступавшая армия, наконец, заняла такое положение, в котором она могла оказать сопротивление наступавшим силам противника с полной надеждой на успех. А затем, на следующее утро нас ставили в известность, что наша армия вновь оставила занятые ею позиции и продолжала отступление, но готовилась к обороне на лучших позициях, которые, как мы легко могли установить, были на много миль ближе к Парижу.

Мы ничего не слыхали о поспешном переходе через Сомму, через Эн, Марну, Уазу, и в течение многих дней нам ничего не говорили об отступлении за Сену на много миль к югу от Парижа. Кабинет министров был в полном неведении вследствие отрывочных и несходных между собою сообщений, которыми нас потчивал каждое утро лорд Китченер.

Каждый день мы требовали известий от лорда Китченера. Но он говорил нам, что получаемые им сообщения от сэра Джона Френча были весьма недостаточны и сбивчивы и что он сам не имел ни малейшего представления о том, каково было положение вещей. Мы в первый раз узнали о всей серьезности и силе нашего поражения, когда в «Таймсе» вопреки цензуре появилось сообщение, в котором корреспондент давал яркое описание прохождения германских войск через Амьен, того, как германские солдаты проходили через оставленный населением город с песнью «Wacht am Rhein».

В конце концов кабинет принял решение отправить Китченера во Францию, чтобы установить, как обстоит дело на месте. Уже появились различные описания того, что произошло между этими великими военачальниками, и я не считаю, что моей задачей является примирить между собой эти разноречивые описания. Это был первый случай, когда мне пришлось убедиться в том, как могут ошибаться военачальники; их упрямство, их просчеты, их ошибки и несогласованность их действий повлекли за собой гибель цвета лучших армий, которые были двинуты в бой Францией и Англией.

Не стоит говорить о том, что мы были весьма удивлены и разочарованы этим крахом, который вовсе не был предусмотрен нами или нашими военными советниками. Но паники не было. Во Францию наскоро послали подкрепления. Вскоре победа на Марне — одно из исторических сражений всемирной истории — приостановила наступление немцев. На время окончательный крах был предотвращен, и мы получили возможность составить планы на будущее.

Опыт двух первых месяцев войны обнаружил два факта чрезвычайной важности в области военной стратегии. Если бы союзное командование во-время поняло значение этих фактов и приспособило ведение войны к пониманию этих фактов, то война пошла бы по другому. Первым из этих фактов было огромное превосходство германской артиллерии — не столько по количеству, сколько по размерам, что давало Германии определенное преимущество. Впервые тяжелые орудия стали рассматриваться, как подвижный фактор

в войне; превосходство тяжелых орудий над обыкновенными полевыми пушками привело к краху французского наступления и опрокинуло французский план кампании.

Вторым фактом было сознание трудности — даже при превосходной артиллерии — выбить храброго и упорного неприятеля из заранее подготовленных позиций, где оборонявшиеся войска обладали необходимым прикрытием. Французы потерпели полную неудачу в открытом бою в Бельгии и Лотарингии. Дальнобойность и большая разрушительная сила германской артиллерии сломили французское наступление, вызвали деморализацию французских войск и заставили их поспешно отступать, чтобы спасти войска от окончательного разгрома. С другой стороны, разбитые союзные войска с успехом отражали все нападения победоносного врага близ Нанси, хотя и здесь противник обладал тем же полным превосходством. Французы окопались на холмах близ Нанси, и немцам пришлось отступить, несмотря на их артиллерийское превосходство.

Маршал Фош в своих мемуарах пишет об уроках, которые дала война в августе и сентябре 1914 г., уроках, которыми, однако, не воспользовались:

«Вообще говоря, казалось доказанным, что новые методы действия, представленные автоматическими орудиями и дальнобойными пушками, позволяли обороняющимся войскам отражать всякую попытку противника прорваться через линию боя в течение достаточно долгого времени, чтобы самим подготовить ответное наступление. «Углубления» в линии обороны, которые образовались от частых — и успешных — атак, которые казались даже решающими, не могли быть закреплены нападающими, несмотря на значительные потери с их стороны, и не приводили к окончательному прорыву линии обороны. В течение очень короткого срока обороняющиеся войска могли сделать эти «углубления» недосягаемыми и бесполезными для нападающих.

Когда обороняющиеся войска оказывались вынуждены вследствие превосходства сил противника к отступлению, фронт обороняющихся отнюдь не бывал прорван. Контр-атаки на флангах нападающих войск часто исчерпывали резервы нападающих войск и угрожали его коммуникациям, так что сплошь и рядом противник должен был приостанавливать свое частичное наступление и отступать.

Когда мы рассматриваем все эти трудности наступления, все уязвимые места нападающих, мы приходим ко многим заключениям, позволяющим иначе подойти к целесообразности наступления, которое, будучи успешным вначале, по существу нарушало принцип новой тактики, связанной с новой артиллерией...»

Когда пришли генералы союзных армий к этим заключениям? Не ранее, чем произошли кровавые атаки в Артуа и Шампани в 1915 г., не ранее кровавых боев на Сомме в 1916 г.

Глава третья

ЛОРД ГРЕЙ

Я не могу дать полного представления о событиях, повлекших за собой войну, событиях, вызвавших продолжение войны, усиливших вызванные ею разрушения, без того чтобы не нарисовать с полной откровенностью портреты тех людей, которым суждено было контролировать и руководить этими событиями. Черты их характера часто объясняют нам, почему произошли эти события. Было бы неправильно рассматривать исторические события исключительно в свете основных факторов, которые изменить невозможно; отдельные исторические факты могут быть либо ускорены либо отложены благодаря вмешательству отдельной личности. Появление одной сильной личности в критический момент часто влекло за собой изменение хода исторических событий на многие годы и даже на целые поколения. Одаренный и способный человек часто мог отсрочить на века катастрофу, которая казалась неизбежной, и которая произошла бы, если бы не его вмешательство. С другой стороны, слабый или колеблющийся человек часто вызывал или ускорял несчастье, которое, не будь этого человека на ответственном посту, могло бы вовсе быть избегнуто, или по крайней мере отложено на долгий срок. Поэтому я не могу дать здесь моего описания великой войны, не дав некоторого представления о людях, личные качества которых способствовали ускорению войны или тому, что война не могла быть предотвращена, или, наконец, содействовали продолжению ее, когда война начала свое разрушительное действие.

Мне было чрезвычайно трудно и иногда неприятно в точности характеризовать выдающихся деятелей войны, многие из которых были моими коллегами, с которыми я всегда находился в самых лучших личных отношениях; некоторые из них работали вместе со мною в качестве моих друзей в течение более, чем десяти лет; некоторым из них я обязан лично; другие помогли мне в тех случаях, когда я становился мишенью для нападений, обычных для каждого политического деятеля, вступающего в область спорных политических вопросов.

Эти соображения в особенности относятся к оценкам личных качеств Асквита, сэра Эдуарда Грея, Бонар Лоу, Черчиля и других

выдающихся политических лидеров, с которыми я имел честь работать в течение стольких лет в атмосфере взаимного понимания и товарищества.

Поскольку лорд Грей (или как его звали тогда — сэр Эдуард Грей) был среди тех, кто играл решающую роль в событиях и политических решениях, которые повели к войне, необходимо дать откровенную оценку его качеств для того, чтобы читатель мог полнее понять последующее изложение. Руководство внешней политикой страны, которое принадлежало Грею, является неотъемлемым фактом в тех событиях, которые произошли, и личность Грея была одним из тех факторов, которые способствовали великой катастрофе. Поэтому я не могу опустить мои впечатления о Грее из моих воспоминаний о войне. Не стоило бы останавливаться на этом — это было бы недостойно моих читателей — если бы я не дал описания человека, который честно пытался, но не сумел предотвратить войну; я должен сказать здесь о его качествах и недостатках, которые в значительной степени объясняют его неудачу. Я отдаю себе отчет в абсолютной необходимости беспристрастной оценки человека, не продиктованной какими-либо не имеющими отношения к делу посторонними соображениями. В силу этого я стремился к тому, чтобы в моих политических портретах отдельных лиц не было места партийным предрассудкам.

Общественное мнение менее знакомо с сэром Эдуардом Греем, чем с каким-либо другим видным деятелем нашего времени. Его репутация, поэтому, всецело основана на гипотетических данных.

Положение сэра Эдуарда Грея в английской политической жизни было совершенно отличным от того положения, которое создал себе Асквит. Последний завоевал пост премьера исключительно благодаря блестящим талантам и большим заслугам. Ни один премьер-министр в истории за исключением Гладстона и Дизраэли не обладал более глубоким умом. У Асквита не было ни титула, ни богатства, которые могли бы ему помочь в его карьере. Ум сэра Эдуарда Грея — более обычного типа. Это отражается в его речах, которые можно назвать ясными, корректными и стройными, но которые не отличаются ни блестящим стилем, ни блеском мысли. Так он руководил и внешней политикой. Влияние Грея вызывалось другими обстоятельствами. У него были качества, преимущественно внешние, заключавшиеся в прекрасных манерах и сдержанности, которые создавали впечатление «сильного, молчаливого человека», того, кто так нравился поколению, воспитанному на Карлейле с его культом героев; те, кто полагал, что в лице Грея они обрели такого героя из Карлейля, относились к нему с обожанием. В годы войны и послевоенные годы, в эпоху Клемансо, Фоша, Ленина, Муссолини, Рузвельта и Гитлера (все ораторы) эта легенда, созданная вокруг имени Грея, была несколько забыта. Самые сильные люди мировой истории никогда не были молчаливыми. Один из самых сильных — Наполеон — был иногда даже болтлив. Но перед 1914 г. молчание было в моде, и никто не выиграл так много от этой моды, как Грей.

Грей совсем не тот человек холодной стальной твердости, которого, казалось бы, изобличают тонкие губы, сомкнутые уста, правильные черты лица и спокойная ровная речь. Грей в совершенстве обладает той корректностью речи и поведения, которую легко принимают за подлинную дипломатию, и той способностью к безмятежным излияниям безукоризненной пошлости, которую охотно принимают за подлинные государственные таланты, до тех пор пока не наступает критический момент испытания этих поверхностных качеств.

Помимо всего прочего, исключительное положение Грея вызывалось также тем, что он всегда держался в стороне от партийно-политической борьбы и никогда не состязался в ловкости в борьбе с грозными гладиаторами, прославившимися на политической арене в его время. Ему счастливо удавалось отделаться от борьбы, от состязаний в силе и ловкости с опасными фехтовальщиками парламентской борьбы. Грей был также мало склонен к спорам, как Асквит, который из всех политиков был наименее острым полемистом. Асквит не вступал в бой, пока долг не принуждал его к этому. Но он никогда не отказывался от участия в борьбе на передовых позициях, где его заставала судьба. Поэтому он становился предметом нападок во всех тех случаях, когда активные политические деятели обычно навлекают на себя справедливые и несправедливые нападки отчаявшихся противников. С другой стороны, хотя неровное отношение сэра Эдуарда Грея к различным партийным вождям показывает, что по своему темпераменту он склонен был к фракционности, тем не менее в течение всей своей политической карьеры он счастливо избегал столкновения с теми, кто в его время занимал передовые позиции на арене политической борьбы. Даже когда он деятельно участвовал в создании фракции внутри своей партии, он предпочитал оставаться в тылу, оставляя борьбу на авангардных позициях лорду Розбери, Асквиту и Холдену. Так он завоевал себе высокое положение в правительстве своей партии, не взяв на себя риска активного участия в партийной борьбе.

Задачи его политической деятельности ставили его вне рамок партийной борьбы. В оппозиции он ограничивался беспристрастным комментарием в области внешней политики. Единственная должность, которую он занимал, считалась по традиции свободной и неуязвимой для стрел и копий партийной драки. Его ведомство не подвергалось поэтому тем жестоким нападкам, которые приходится обычно переносить людям, занимающим министерские посты. На его лице не видно было ни малейших следов внутренней борьбы, потому что он систематически избегал всякой борьбы. Так ему удавалось всегда появляться перед общественным мнением с видом безмятежным и ясным. Он особенно подходил для того, чтобы представлять ведомство, которым можно было управлять в спокойных условиях с достоинством и изяществом, которые импонировали одинаково всем партиям. Отсюда его исключительное положение, при котором он не подвергался критике ни с чьей стороны.

В той политике, которая привела нас к участию в войне, сэр Эдуард Грей играл руководящую роль среди английских политических деятелей. Его руководство внешней политикой ни разу не возбуждало серьезных сомнений. Вопрос о том, мог ли Грей вывести Европу из создавшегося положения, избежав всех рифов и подводных камней, навсегда останется предметом спора; факты допускают самые различные выводы, к которым могут притти те, кто заинтересован в данном вопросе. Я склонен думать, что потомки вынесут Грею обвинительный приговор за то, как он действовал в создавшемся положении. Но в одном не может быть сомнения, что после того как война началась, всякое вмешательство Грея, как и всякий упущенный им случай вмешаться, наносили катастрофический ущерб делу союзников. Грей определенно потерпел банкротство в своих попытках избежать великой войны. Я пытался дать точное изложение фактов; эти факты дают правдивую картину, рисующую человека, бьющегося в страхе и неспособного действовать, имея перед собой твердую и ясную цель. Он следовал своей признанной политике, ожидая, что общественное мнение разрешит вопрос, в каком направлении ему надо действовать. Он напоминал мне председателя одной из парламентских комиссий — Меллора, которого я знал в шумные дни 1892—1905 гг. Парламент в этот период требовал от председателя особой твердости и справедливости. Меллор был способным, культурным и честным человеком, джентльменом по внешности и манерам, и все партии провозгласили бы его идеальным председателем в спокойные времена. Но гомрулевский парламент 1892—1905 гг. был самым бурным из тех, которые я знал, и здесь поневоле терялись учтивость и судейская вежливость господина Меллора. Тим Хили сказал мне однажды: «Меллор так хорош, так сладок, что вызывает отвращение». Когда взаимная вражда партий перешла в кулачную схватку в палате общин, Меллор совершенно не знал, что ему делать. Его попытки успокоить бурю вызывали жалость. Еще и теперь я, кажется, слышу его голос и вижу, как, поднявшись с своего места, не обращаясь ни к одной из сторон, чтобы не подумали, что он возлагает на тех или других ответственность за беспорядок, он своим вкрадчивым, но отнюдь не убедительным голосом произносит: «К порядку, к порядку, прошу!».

Слабые и неубедительные обращения сэра Эдуарда Грея к Европе, его призывы к миру всегда напоминают мне этот парламентский инцидент. В шуме событий его с трудом слышали; его голоса, конечно, не было слышно. Если бы он во-время предупредил Германию, что Англия объявит ей войну — и будет вести ее со всей силой — то результат мог быть иным. Я знаю, говорят, будто Грею мешали разногласия в кабинете министров. Однако по одному вопросу разногласий не было — по вопросу о вторжении в Бельгию. Он мог на любой стадии переговоров достигнуть более или менее полного единодушия по этому вопросу. В худшем случае, двое членов кабинета подали бы в отставку; и эти двое вышли бы из состава правительства при всех условиях, если бы страна приняла участие

в войне, все равно по какому поводу. Согласие со стороны лидеров оппозиции было обеспечено, и от имени объединенного общественного мнения Англии — от имени всего народа — Грей мог бы указать германскому правительству, что если оно введет в действие свой план похода через Бельгию, то оно встретится с активным сопротивлением Британской империи. Он мог сделать это предупреждение заранее, лишив германские военные власти всякого извинения в том, что они не изменили своих покрытых многолетней пылью бумажных планов. Когда ультиматум был предъявлен, война уже началась между Германией и ее соседями, и германский штаб мог с некоторым основанием уведомить кайзера, что было слишком поздно изменить германский план, не подвергая опасности шансы на успех. В самом деле, кайзер даже тогда стремился во избежание конфликта с Англией отвлечь германские силы с бельгийской границы и повернуть германское наступление на восток. Фон Мольтке дал ему ответ, который я приводил выше.

Грей был неудачник уже благодаря своему темпераменту. Его ум не мог действовать быстро и решительно. Говорят, что покойный сэр Хью Белл, известный промышленник-магнат севера, который в течение многих лет был коллегой Грея по правлению Северо-восточной железной дороги, однажды сказал о нем: „Грей прекрасный коллега, потому что он никогда не идет ни на какой риск; поэтому же он очень плохой сотрудник“. Это объясняет, почему Грей во-время не выступил с решительным заявлением в бельгийском вопросе, чтобы дать возможность тем, кто в Германии опасался войны, пересмотреть своевременно свои планы. Он не хотел взять на себя риск выступить с подобным заявлением. Он все еще надеялся, что война могла быть предотвращена более спокойными и более обычными методами. Ему полностью недоставало той смелости, которая необходима великому государственному деятелю.

Может ли кто-нибудь указать хотя бы на единственный успех его политики в течение его длительного пребывания у власти за исключением, быть может, договора об арбитраже с Америкой? Его балканское соглашение рассыпалось, лишь только заключившие его дипломаты покинули Лондон. Его лондонская конвенция была к счастью отвергнута, так как если бы она действовала в течение войны, она лишила бы нас нашего самого могущественного оружия против Германии. Ему не удалось удержать Турцию, а затем и Болгарию от участия в войне. Его формальные, делаемые свысока предложения перейти на нашу сторону могли только вызвать насмешку. Было много других способов добиться цели — например, послать специального уполномоченного в Турцию и Болгарию с обещанием финансовой поддержки, что могло бы повести к нейтралитету обеих стран или одной из них. Но он не прибег к этим мерам. Эти неудачи способствовали продлению войны на долгие годы и едва не вызвали поражения союзников. Его совет Греции в 1914 г. не присоединяться к союзникам был катастрофой, которая стоила нам полуострова Галлиполи и привела к разгрому Сербии. Он коле-

бался и неумело запутался, ведя переговоры о привлечении Италии на сторону союзников, и если бы не то, что он отправился в отпуск на несколько недель и передал управление министерством Асквиту, который умел в случае необходимости принимать смелые решения, Италия могла бы вполне остаться недовольной тем холодным и критическим отношением, с которым Грей встречал делаемые ею авансы. В течение нескольких дней Асквит отбросил в сторону все мелочные вопросы и пришел к определенному решению. Если бы Асквит не поступил именно так, что могло бы случиться с союзниками? Австрийские армии могли бы сосредоточить все свои силы против России, и эта великая страна уже в 1915 г. была бы раздавлена под тяжестью объединенного наступления Германии и Австрии. Во всех случаях Грей готов был считать, что педантический ход по правилам есть всегда правильный ход, что понятия корректности и правоты совпадают.

Лорд Грей принадлежит к тому классу, который по праву наследственности и традиций претендует на место среди судей мира сего, которые призваны судить и рядить простых смертных еще до того, как сами судьи имели возможность на опыте познакомиться с задачами и испытаниями обыкновенных смертных; люди такого типа сохраняют обычно судейское высокомерие всю жизнь. В качестве судей они готовы свысока — терпимо и справедливо — относиться ко всем кроме тех, кто, имея более низкое происхождение и положение в свете, посягает на привилегии, им не принадлежащие. Люди, подобные лорду Грею, не имеют представления о тяжелом труде простых смертных. Они считают, что тяжелый труд — занятие не для них. Люди из этого класса, достигшие вершин славы, подобные Пальмерстону, Рандольфу Черчилю, Солсбери и Бальфуру, бросились в требовавшую от них значительного труда политическую борьбу и пробили себе дорогу сами, нанося удары и получая их по пути к карьере; тем самым они закалили свой характер. Сэр Эдуард Грей занял положение генерала, не участвуя никогда в боях в качестве солдата; это плохая подготовка для подлинной опасности. Все было хорошо, пока мы имели дело со спокойными временами, и все, что оставалось делать Грею, было сохранение военного облика на парадах. Другое дело, когда ему пришлось столкнуться с величайшей и губительнейшей дипломатической борьбой между народами. Политические конфликты в карьере государственного деятеля являются столь же необходимым дисциплинирующим средством, как война для военного; они закаляют политика на случай опасности. Ветеран, который никогда не участвовал в бою, может избегнуть пуль и снарядов, которые задели его товарищей, но он также лишен того опыта, который будет ему полезен, когда он, наконец, должен будет принять участие в бою. В течение долгих лет, пока либералы находились в оппозиции после 1886 года, сэр Эдуард Грей никогда не принимал участия в затруднениях оппозиции. Он никогда не принимал участия в прениях в палате общин за исключением устраиваемых однажды в год

«рыцарских» турниров; он редко выступал в качестве оратора на либеральных митингах в провинции. Суровая задача — пробить дорогу партии от оппозиции к власти предназначалась для простых стрелков и кавалеристов партийной организации. Когда мы сражались в тяжелых условиях парламентской борьбы в повседневных боях в 1886, 1895 и 1901 гг., я редко видел сэра Эдуарда Грея в палате. Его действительный интерес к политике обнаружился с победой, когда пришло время делить добычу. Эту добычу он предназначал для себя и для своих друзей. Тогда-то он обнаружил активность и угрожал серьезными выступлениями в партии, если не будут считаться с его отнюдь не беспристрастными положениями.

Сэр Эдуард Грей появился тогда, когда власть была завоевана. Мы знаем в литературе типы героев, которые не сеют, не жнут, а ждут лишь участия в сборе урожая.

Лорд Грей напоминал героя Мередита также и своей национальной ограниченностью. Он редко ездил за границу. С него достаточно было и Нортумберланда, а если он не мог добраться туда и хотел переменить обстановку, то он уезжал удить рыбу в Уильтшир. Эта слабость — а для министра иностранных дел это была несомненная слабость — явилась причиной некоторых из его наиболее крупных неудач. У него не было настоящего знания заграницы; я не вполне уверен, что с этой точки зрения не следовало бы включить даже Шотландию, Ирландию и Уэльс в число иностранных государств; я не помню, чтобы Грей когда-либо выступал на митингах в этих дальних странах. Больше того, в тех случаях, когда положение могло быть спасено созывом конференции в какой-либо иностранной столице, препятствием этому становилось его нежелание покинуть Англию. Когда Грей предложил созвать конференцию послов четырех держав за несколько дней перед войной, он предложил созвать ее в Лондоне. Я укажу в дальнейшем, как эта эгоистическая национальная ограниченность помешала созыву конференции, которая могла бы и, я полагаю, должна была привлечь Болгарию на сторону союзников. Идеальный министр иностранных дел должен был бы быть чем-то средним между затворником и бродягой, т. е. между сэром Эдуардом Греем и Рамзеем Макдональдом.

В той мере, в какой лорд Грей принимал активное участие в политике, это участие было чисто личным. Лорд Грей стремился не столько к тому, чтобы осуществить принципы, которые были ему дороги, сколько к тому, чтобы убрать со своей дороги лиц, которые по той или другой причине казались ему вредными. Ни один из вождей либеральной партии не удовлетворял его разборчивым требованиям. Под руководством Гладстона он принадлежал к числу недовольных. Он чрезвычайно недоброжелательно относился к руководству сэра Вильяма Гаркорта и своим нежеланием подчиняться ему способствовал его уходу с поста руководителя партии. Грей смотрел свысока на сэра Генри Кемпбелл-Баннермана и делал

все, чтобы сместить его. В 1920—1921 гг. появились слухи, что Грей был не слишком доволен руководством Асквита.

Некоторые лица высказывали предположение, что Аристид подвергся остракизму не потому, что был справедлив, а потому, что принял тон такого же критического превосходства по отношению ко всем тем, кому приходилось на практике руководить демократией и считаться с ее изменчивыми настроениями. Я готов вполне согласиться с этим мнением. Те, кому приходилось бороться с повседневными трудностями, связанными с этими изменчивыми настроениями демократии, теряли под конец терпение. Отсюда и вынужденный уход Грея из политической жизни.

Кабинет, вынужденный вследствие создавшейся политической и хозяйственной обстановки сосредоточить всю свою энергию на вопросах внутренней политики, предоставил внешнюю политику полностью сэру Эдуарду Грею. Каждый, кто тщательно и беспристрастно ознакомится с тем, как Грей упускал представлявшиеся ему благоприятные возможности, должен прийти к выводу, что Грею недоставало знания иностранных государств, проницательности, силы воображения, широты взглядов и той смелости, граничащей с героизмом, которой требовала его великая задача.

Глава четвертая

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

1. КАК МЫ СПАСЛИ СИТИ

Политическое положение должно было конечно немедленно повлиять на неустойчивое финансовое равновесие; денежный рынок представляет собой, быть может, самую чувствительную организацию, созданную человечеством. Финансовый кризис, ознаменовавший собой начало войны, разразился за несколько дней до открытия военных действий. Это было неизбежно, потому что финансовый успех и, в сущности говоря, успех всяких деловых операций зависит от правильного предвидения, от возможности предсказать и учесть предстоящие события и подготовиться к ним. В июле 1914 г., перед тем как был предъявлен австрийский ультиматум, беспокойство на биржах мира проявилось в том, что Вена, Берлин и Париж начали в необычайных размерах продавать ценные бумаги. Эти продажи осуществлялись большей частью в Нью-Йорке. Поток приказов о скорейшей продаже ценностей вскоре принял размеры настоящего водопада. 27 июля, после того как дипломатические отношения между Австро-Венгрией и Сербией были прерваны, количество продаж настолько увеличилось, что фондовая биржа в Нью-Йорке не могла больше вынести небывалого притока обязательств, требовавших отправки наличных денег в Европу. Из Нью-Йорка крах валют распространился на остальные биржи и стал непосредственной причиной мирового финансового кризиса.

Англия была поражена крахом в особенно сильной степени, так как Лондон был финансовым центром мира и поэтому был более чувствителен чем другие столицы к потрясениям сложной кредитной системы, при помощи которой осуществляются международные хозяйственные связи. Деятельность Лондона как финансового центра зависит от плавного поступления в назначенные сроки платежей, причитающихся английским кредиторам от иностранных должников. Это в особенности относится к тем случаям, когда обязательства должников имеют форму векселей, акцептованных от их лица кредиторами; купеческая традиция, возведенная в закон, требует немедленной уплаты в срок по векселю. Это считается не-

изменным и важнейшим обязательством; неуплата по векселю — своего рода смертный грех. Всякий акцептный дом, который акцептует вексель и принимает на себя гарантию за обязательство, исходящее от иностранного должника, действует таким образом в полной уверенности, что тот предоставит в назначенный срок необходимые суммы.

Лондон не только был первым из финансовых центров мира, где осуществлялся акцепт векселей, но и значительно превосходил по размерам акцептных операций все другие города. Шелест лондонского векселя с подписью одного из крупных акцептных домов производил такое же действие на купцов в любом порту цивилизованного мира, как звон чистого золота. Лондонские финансисты, занятые в течение многих лет финансированием международной торговли, знали из продолжительного опыта, чувствовали почти инстинктивно, на чем они могли ставить свою подпись, и что следует отвергнуть вовсе. Когда я спросил однажды директора английского банка сэра Вальтера Кэнлиффа, как он узнавал векселя, которые можно было спокойно акцептовать, он ответил: «Я узнаю их по запаху». Когда вся эта тонкая финансовая паутина была порвана и сметена грубой рукой войны, Лондон естественно пришел в паническое состояние. Внезапный паралич иностранных валют на лондонском денежном рынке сделал невозможным для очень многочисленных иностранных коммерсантов, чьи векселя были акцептованы в Лондоне, приобретение английской валюты, которой они могли бы покрыть свои обязательства; они не имели возможности разменять на стерлинги средства, которыми они обладали в своих собственных странах. В общей сложности обязательства такого рода достигали многих сотен миллионов фунтов стерлингов. Если бы последовало общее банкротство, то и акцептные дома не были бы в состоянии оплатить векселя; от этого вообще зависел учет векселей, составлявших важнейшую часть актива лондонских банков.

Таким образом в последнюю неделю июля перед нами возникла вполне реальная перспектива такого краха в Лондоне, который явился бы поистине беспримерным. Положение банков, от дальнейшей деятельности которых зависело предоставление платежных средств по всем деловым операциям, также было поставлено под угрозу по другим соображениям. Лишь только отправка в Европу наличных средств, полученных за проданные ценности в Нью-Йорке, начала осуществляться в крупных размерах, как продажи были перенесены и на лондонскую фондовую биржу, где последовало значительное обесценение всех ценных бумаг. Банки имели возможность противостоять обесценению тех инвестиций, которыми они обладали сами, но дело менялось, когда речь заходила о платежеспособности большого количества должников банков, которые представили в залог свои ценности. Таким образом в течение последней недели июля цены и курсы продолжали падать. До начала подлинной паники создавшееся затруднительное положение вызы-

валось почти исключительно неспособностью других стран покрывать свои обязательства. Хотя в данном случае я не уверен, что ход событий удалось полностью предвидеть, но до некоторой степени такого рода результаты военного кризиса были предусмотрены той подкомиссией Комитета имперской защиты, которая в 1911—1912 гг. рассматривала вопрос о торговле с неприятелем. Мы встречаем указание на это в отчете подкомиссии *. Объявление войны Сербии Австрией ускорило ход событий. В этот день положение вещей было настолько серьезно, что финансовый секретарь казначейства Монтегю созвал ряд финансистов и деловых людей для встречи со мной и обсуждения создавшегося положения.

В пятницу 31 июля лондонская фондовая биржа была закрыта; все остальные фондовые биржи за исключением нью-йоркской, а также той части парижской биржи, которая называется «паркетом», закрылись еще 30 июля.

Вплоть до этого момента правительство, сохраняя тесный контакт с Сити и наблюдая за развертыванием событий, воздерживалось от принятия каких бы то ни было мер. Но в пятницу Английский банк, который уже в течение нескольких дней переносил всю тяжесть событий, происходивших на денежном рынке, повысил банковскую учетную ставку до 8%; такое повышение, которому уже раньше предшествовало повышение с 3 до 4%, объяснялось значительным ослаблением банковских резервов. На следующий день директор банка обратился ко мне как к канцлеру казначейства за разрешением превысить нормы выпуска банкнот, предусмотренные уставом банка по закону 1844 г.; эта просьба была удовлетворена правительством; от имени премьер-министра и от моего имени банку было дано разрешение в согласии с прецедентами прошлых лет — 1847—1857 и 1866 гг., когда правительству приходилось прибегать к такого же рода мероприятиям. Как и в этих случаях разрешение было обусловлено тем, что банку не было позволено производить учет векселей или выдавать ссуды по ставке ниже 10%, а банковская ставка была повышена до 10%. В этот день хотя и не было паники, многие в Английском банке требовали золота в обмен на банкноты, полученные ими в их собственных банках.

Конечно мы прекрасно понимали, что увеличение количества бумажных денег в обращении являлось лишь первым шагом к облегчению немедленных затруднений, к тому же шагом, направленным только в одну определенную сторону, и что таким образом акцептные дома и фондовая биржа не получали в сущности никакой поддержки. Но два дня — воскресенье 2 августа и понедельник 3 августа — были праздничные, что дало нам передышку. В течение почти всего воскресного дня в казначействе происходили совещания, на которых обсуждалось создавшееся положение и была выработана

* Отчет о заседаниях постоянной подкомиссии о торговле с неприятелем Комитета имперской защиты, сентябрь 1912 г., стр. 8 и 9 (англ.)

определенная политика. На этих совещаниях я имел возможность пользоваться советами сэра Джона Брадбери, талантливого руководителя финансового аппарата, и других чиновников казначейства, а также указаниями лорда Рединга и сэра Джорджа Пейша.

В результате наших совещаний было принято решение, что дальнейшим нашим шагом должна быть помощь акцептным домам; в этот вечер был выпущен королевский указ, согласно которому акцептантам векселей предоставлялся мораторий сроком в 1 месяц. Это чрезвычайное мероприятие, конечно, отнюдь не было в интересах банков и учетных контор. В действительности королевская прокламация только подтверждала и оформляла положение, которое наносило ущерб банкам и учетным конторам в особенности, поскольку следствием моратория явилась полная неликвидность важнейших статей их активов.

Отчасти вследствие этого многие наиболее видные представители банков и делового мира посетили меня для того, чтобы сообщить свою точку зрения на создавшееся положение. На совещании, продолжавшемся до 2 часов ночи в понедельник, были приняты решения, которые были представлены правительству. Одно из этих решений было проведено в жизнь 3 числа, когда было объявлено, что 4, 5 и 6 августа будут дополнительными банковскими праздниками. Это было сделано для того, чтобы получить дальнейшую передышку и выиграть время для выработки мероприятий, вполне отвечавших создавшемуся положению; однако уже тогда возникали сомнения в правильности избранного пути, поскольку существовали опасения, что наличные средства, находившиеся в обращении в праздничные дни, останутся в карманах купцов и не будут внесены в банки. В тот же день в обеих палатах был проведен во всех стадиях закон, которым подтверждалась прокламация о моратории и который предоставлял правительству право объявить всеобщий мораторий.

Эти три праздничных дня были одними из наиболее занятых и тревожных в моей жизни. Я созвал совещание, в котором участвовали министры и чиновники, а также наиболее видные банкиры и коммерсанты; это совещание работало под моим председательством в течение целого дня. Мне приходилось принимать важнейшие решения под условием последующего согласия и пересмотра их кабинетом в такой беспримерной обстановке, когда одна ошибка могла повредить кредиту и нарушить доверие, столь необходимое для полного использования силы денег как важнейшего орудия войны. Я решил привлечь к обсуждению всякого, чей опыт, знания и талант могли бы помочь мне прийти к правильным выводам.

Среди прочих лиц я пригласил к междусоюзническим совещаниям сэра Остина Чемберлена, канцлера казначейства в предшествовавшем консервативном правительстве. Его участие в совещаниях было совершенно необычным; в самом деле, самое приглашение с моей стороны не имело прецедента; но положение вещей оправдывало всякие полезные мероприятия, какими бы новыми они ни

казались. Я хорошо помню удивление Чемберлена, когда я обратился к нему в палате общин с предложением предоставить в наше распоряжение свой опыт и знания; я также хорошо помню, как быстро он предоставил себя всецело в наше распоряжение. В течение всего утра 5 числа, когда мне пришлось покинуть совещание для участия в заседании кабинета, Чемберлен занимал мое место в качестве председателя; так создалось исключительное положение, в котором член оппозиционной партии председательствовал на правительственном совещании; это было первым провозвестником коалиции. Я с готовностью подтверждаю ценность услуг, которые Чемберлен оказал нам в разрешении всех затруднений, проистекавших из финансового кризиса; он помог нам распутать сложную паутину финансового аппарата и спасти тех, кто в ней запутался. Чемберлен обладал той комбинацией опыта, авторитета, здравого смысла и смелости, которая так необходима в чрезвычайных положениях. В особенности произвела на меня впечатление уже в самом начале наших совещаний трудность примирения интересов различных секций банковского мира. Тем не менее в течение всего периода наших совещаний мне, в моем положении председателя, с готовностью помогали делом и советом все мои коллеги, из которых четверо ныне умерли: лорд Кенлифф — директор Английского банка, сэр Эдуард Гольден, председатель Лондонского городского и центрально-промышленного банка, г. Юз Джексон и лорд Сент Олдвин. Впервые я познакомился с последним в 1891 г., когда под именем сэра Михаила Хикс-Бича он проводил в палате общин законопроект о церковной десятине. Покойный сэр Самуэль Ивенс и я вели борьбу против этого законопроекта в течение нескольких дней. Сэр Михаил Хикс-Бич был совершенным парламентарием. Говорили, что у себя дома он отличается чрезвычайной вспыльчивостью, но в палате общин этот человек мог быть примером мягкости и вкрадчивости. Растерянные и крикливые финансисты избрали его своим главным представителем на этих совещаниях в казначействе, и он выполнял свои обязанности с присущим ему тактом и умением.

Наши совещания закончились только 6 августа, в последний день праздников, но мы успели сделать достаточно много, чтобы я имел возможность 5 числа сделать в палате общин предварительное сообщение о нашей работе и наших предложениях; сообщил, что уже были приняты меры для временного прекращения действия устава Английского банка, и определенно заявил, что мы решили не прекращать платежей золотом. Последнее решение, представлявшее главное отличие между тем, как регулировался денежный рынок в Англии и в других странах во время войны, помогло нам восстановить нормальное положение в области финансов, потому что оно давало возможность восстановить доверие, которое в особенности было необходимо в этот критический момент. В согласии с этим я обратился к публике с предложением отказаться из патриотических чувств от накопления золота и

подчеркнул крупное значение, которое суждено сыграть финансовому аппарату страны в борьбе, которую мы начинали. Я пояснил, что для удовлетворения потребности в денежных знаках правительство намеревалось выпустить в свет бумажные деньги достоинством в 1 фунт ст. и в 10 шиллингов; хотя выпуск и печатание этих денежных знаков в кратчайший срок требовал громадных усилий, чиновники казначейства и другие занятые в этой области лица добились того, что к концу банковских праздников будет напечатано денежных знаков на 3 миллиона фунтов стерлингов, вслед затем новые денежные знаки будут выпускаться в количестве 5 млн. фун. ст. в день, а временно законным платежным средством будут также почтовые чеки (переводы). Я также имел возможность сообщить, что тотчас же после банковских праздников учетная ставка будет понижена с 10 до 6%. Это было признаком устойчивости Английского банка и способствовало успокоению делового мира. Я разъяснил, почему необходим был ограниченный мораторий, объявленный уже ранее, и сообщил, что будет объявлен более общий мораторий на месяц; в течение этого периода банкиры будут попрежнему погашать чеки через расчетные палаты и будут выдавать наличные деньги своим вкладчикам для выдачи заработной платы и текущих потребностей. С целью внести спокойствие выступил также Чемберлен. Десятипроцентная учетная ставка применялась всего лишь в течение одного дня, субботы 1 августа, так как за этим последовали банковские праздники.

На следующий день я внес в палату законопроект о денежном обращении и банкнотах; согласно этому законопроекту выпуск новых денежных знаков и временное прекращение действия устава банка приобретали законную силу. Законопроект был проведен через обе палаты и стал законом в течение одного дня. Поскольку совещания в казначействе к этому времени закончились, я имел возможность сообщить в палате дальнейшие подробности о новом расширенном моратории, который был объявлен в этот день первым общим королевским указом. Среди множества тревожных опасений, возникавших у правительства в этот момент всеобщего напряжения, проблема финансовой устойчивости страны занимала не последнее место; в качестве ответственного за этот участок министра я ожидал с большим волнением того момента, когда денежный рынок должен будет начать функционировать вновь; мне хотелось скорее узнать о результате предпринятых нами экспериментов. С большим облегчением мог я в пятницу 7 августа, после того как открылись банки, сообщить в палате общин, что паника была предотвращена, что наличные деньги свободно вносились на текущие счета и что со всех сторон поступали благоприятные сведения о финансовом положении.

Тем не менее, хотя многое было сделано, мы отнюдь не пришли еще к концу наших затруднений. Как я уже сказал, мораторий был первоначально объявлен для того, чтобы спасти от банкротства ак-

цептные дома; но это было лишь временным выходом из положения и таким образом не решался вопрос о том, что случится по прошествии месяца, а это был весьма срочный и вполне реальный вопрос. До тех пор пока акцептные дома оставались под угрозой банкротства, положение банков и учетных контор, которые сохраняли векселя с их жиро, было неустойчивым, а кредит был парализован. Первым мероприятием, которое было предпринято для помощи банкам и учетным конторам, было соглашение от 12 августа, по которому Английский банк брал на себя обязательство учитывать выданные до моратория векселя; тем самым снималась ответственность с держателей векселей. Учтенные таким образом векселя достигли в течение нескольких дней суммы, превышавшей 100 млн. фун. ст.; банк, конечно, мог учесть их, только получив гарантию от убытка, и являлся по существу лишь агентом правительства. Это был смелый и важный шаг, так как правительство — в целях восстановления внешней торговли путем быстрого восстановления учета векселей — временно приняло на себя громадную ответственность. Действия правительства встретили общее одобрение. Но сколь решительной ни была эта мера, какую бы значительную поддержку она ни предоставляла, ее одной было недостаточно, так как акцептные дома все еще должны были нести ответственность по векселям, по мере того как им наступал срок; будучи все еще неуверенными в своей собственной платежеспособности, акцептные дома опасались вступать в новые сделки, что более всего было необходимо для восстановления доверия. Другими словами, нормальный механизм финансирования международной торговли, который являлся таким важным фактором нашего экономического существования, не функционировал более.

Поэтому, чтобы помочь акцептным домам, правительство решилось на дальнейший шаг. Распоряжением, объявленным 5 сентября, Английский банк, получив необходимую правительственную гарантию, приступил к выдаче ссуд акцептантам для оплаты векселей, срок которых истекал, с тем чтобы все претензии, которые могут возникнуть по этим векселям в случае их протеста, могли быть предъявлены через год после окончания войны. Таким образом акцептным домам было дано время для получения сумм, которые были должны им их клиенты, и акцептные дома могли продолжать вести свои дела безпрепятственно.

Итак, наконец, была разрешена проблема векселей, выданных до моратория, и консолидировано положение акцептных домов. Но мы все еще не выбрались из лесу. Следовало предупредить ряд других опасностей еще до отмены моратория. Законы о предоставлении чрезвычайных прав и полномочий судебным органам, проведенные 31 августа, устранили затруднения должников, которые не могли ранее погасить свои обязательства вследствие войны. Были также выработаны схемы — в подробности этих схем у меня нет нужды входить здесь — для разрешения затруднений, возникших в связи с ссудами на фондовой бирже и с задолженностью ино-

странных коммерсантов английским фирмам. Далее нам предстояло обсудить один важный вопрос, по которому существовало большое различие в мнениях; отсюда возникли продолжительные и тревожные дебаты. Мораторий без сомнения спас положение в разгар кризиса; когда, однако, цель моратория была достигнута и нормальное течение международной торговли и финансовых сделок было восстановлено, всякое продление моратория могло только нанести им ущерб. События августа и сентября позволили нам, однако, установить, что на основе опыта следовало пересмотреть сложившееся у нас мнение по этому поводу. В конце сентября было решено, что мораторий должен быть отменен лишь 4 ноября. Принятию этого решения, которое оказалось совершенно правильным, мы были главным образом обязаны советам лорда Рединга и сэра Джорджа Пейша; они оба на этом очень настаивали. Для нас, министров, имело значение и другое. В тех различных планах, которые были проведены нами в таком импровизированном виде во время кризиса, гарантия правительства была дана под нашу личную ответственность. Было необходимо поэтому, чтобы наши действия были возможно скорее подкреплены авторитетом парламента. Это и было сделано законом о правительственных военных обязательствах, получившим королевскую санкцию 27 ноября; это был по существу акт, освобождающий в последующем порядке министерства от ответственности за их действия.

Так мы вышли из кризиса. В течение самого тяжелого периода, длившегося около недели или десяти дней, когда Европа от неустойчивого мира переходила к состоянию войны, в лондонском Сити не догадывались, как близко стояло Сити к банкротству. Многие деловые люди подозревали самое худшее; руководители банков и коммерческих фирм были настолько потрясены грозившей им великой опасностью, что они не были в состоянии мыслить с обычным спокойствием и сохранить непоколебимым необходимое присутствие духа. Финансисты в панике — отнюдь не герои. Не следует, конечно, быть слишком суровыми к людям, которые еще вчера были миллионерами, чей кредит был тверд, как скала, и которые на завтра видят, что их состояние разбито вдребезги бомбой, брошенной издалека рукой неосторожного глупца. Самым сильным и твердым человеком среди финансовых деятелей Сити был сэр Эдуард Гольден; во всех своих выступлениях он был подлинным сыном Ланкашира с открытой душой и твердым умом. Он выделялся среди других денежных магнатов. Неудивительно, что министры и чиновники, которые могли рассматривать совершавшиеся события более спокойно и беспристрастно, в состоянии были в общих интересах найти более правильный путь и действовать в согласии с принятыми решениями. Основная разница между нашей политикой и политикой других стран была в том, что мы определенно стремились как можно скорее восстановить на нормальной основе нашу хозяйственную систему, тогда как большинство других правительств отказались от этой задачи. Нам удалось до-

стигнуть этого почти тотчас же, после того как мы начали принимать соответствующие меры. Настолько успешными были эти меры, что маятник был отброшен пожалуй слишком сильно в обратную сторону: некоторые усвоили себе отношение к войне, характеризовавшееся популярным лозунгом: «Дела идут как всегда». Хотя такого рода отношение и могло быть желательно в критический момент, чтобы восстановить доверие, зато в дальнейшем оно приводило во многих случаях к полному непониманию того, каких усилий требовала от нас борьба за существование.

Во всех случаях помощь лорда Рединга была для меня неоценима. Его знание финансов, его умение обращаться с цифрами, его проницательность, спокойствие и уверенность в суждениях помогли нам во многих серьезных случаях.

Нация великолепно перенесла великий финансовый кризис. Со стороны публики не было ни одного признака паники в этом почти беспримерном положении. Основной обязанностью правительства было сохранять контроль над положением вещей и как можно скорее восстановить нормальные условия при помощи быстрых, мудрых и в случае необходимости решительных мер. Далее, правительство ставило своей задачей сохранять и поддерживать в народе то состояние полного спокойствия, которое уничтожает всякую возможность паники.

В своей работе правительство и казначейство в значительной степени опирались на помощь директора Английского банка; его широкий кругозор, его проницательность и понимание общенациональной точки зрения, его спокойствие и сила были источником уверенности для нас; сам он всегда был добрым советником правительства. Его чувство юмора, которое он сохранял под несколько суровым и самоуверенным обликом, подымало наше настроение в те тяжелые дни. Он любил разыгрывать с нами всякого рода шутки, чтобы облегчить нам тяжелые переживания, связанные с взятым на себя бременем забот. Он делал вид, что глубоко негодует на нас за то, что мы выпустили денежные знаки в один фунт стерлингов от имени казначейства, а не от имени Английского банка. Он с презрением отзывался о качестве нашей эмиссии, о бумаге, на которой печатались эти деньги, и о их выполнении, сравнивая их с тем изящным банковым билетом 5-фунтового достоинства, который выпускал знаменитый банк, председателем правления которого состоял сам лорд Кенлифф. (Первый выпуск казначейских обязательств был временным и первые денежные знаки имели несколько примитивный характер.) Мне вспоминается его величественная фигура в одно утро, когда он своей тяжеловесной походкой вошел в кабинет министра финансов. Его лицо выражало презрение. Подойдя к моему столу, он едва пробормотал слова приветствия, торжественно открыл портфель, с которым никогда не расставался, и вынул оттуда измятую, грязную и неудобочитаемую бумажку в один фунт стерлингов. „Вот, — сказал он, — посмотрите, вчера эта бумажка пришла в банк

в этом виде. Я говорил Вам, что бумага никуда не годится. Гораздо лучше было бы предоставить это дело нам». Он смял бумажку, чтобы привести ее в такое состояние и подразнить меня. Я сказал ему об этом, и он засмеялся. По отношению к незнакомым людям он был нелюбезен, но если кому-нибудь случалось познакомиться с ним поближе, он мог убедиться в том, что это был симпатичный и мягкий человек. Мне он очень нравился. Я доверял его проницательности, его здравому смыслу, его уменью разбираться в людях и в положении.

Лорд Кенлифф не любил многословия. Я не помню, чтобы он произнес хоть одну фразу на тех многочисленных совещаниях, о которых я говорил выше. Его участие ограничивалось как будто тем, что он изредка шептал мне несколько слов на ухо во время дебатов. Впоследствии он сопровождал меня в Париж для встречи с русским министром финансов Барком и министром финансов Франции г. Рибо; в Париже мы должны были принять участие в совещании по вопросу о финансировании русских заказов в Америке. Когда возник вопрос об отправке золота в оплату русских заказов, директор банка Франции выразил свою точку зрения в длинной речи. Я сказал тогда: «Британская точка зрения будет изложена директором Английского банка». Он медленно поднялся со стула и, вздохнув несколько раз, заметил: «Мы не намерены выпускать из своих рук наше золото». Затем он вновь опустился на свое место.

Возвращаясь из Франции, мы отправились в Булонь, чтобы там сесть на пароход. Мне хотелось поехать по направлению к фронту в Бэтюн; этот городок время от времени подвергался бомбардировке, но риск был ничтожен. Однако лорд Кенлифф не согласился на мое предложение. Я был очень удивлен, так как он был человеком несомненно храбрым. Тогда он сказал: «Мой предшественник был убит близ Намюра при посещении войск. Но ему пришлось быть там по делу вместе с английским королем, и в Сити говорили по поводу его смерти: „Бедняга"; в Сити жалели о нем. Но если я буду ранен в живот в Бэтюне, в Сити скажут: „Глупец, чего ради он туда поехал"». Это было верно, и мы проехали мимо.

Но вернемся однако к вопросу о наших финансовых затруднениях в начале войны. Риск, связанный с любым мероприятием, был без сомнения в этот момент очень значителен. Но мы по необходимости должны были принимать срочные решения. Следовало всегда считаться с возможностью паники. У нас не было времени бесконечно заседать в совете министров, чтобы находить наилучший путь действия и тем самым понижать до минимума возможные издержки казны. Возможные последствия отсрочки или принятия недостаточных мер, которые не сразу восстановили бы общественное доверие, были бы слишком ужасны; поэтому от нас требовались немедленные действия. В конечном счете потери казны были ничтожны. Мы гарантировали векселей

на сумму около 500 млн. фун. ст., связанных с внешней задолженностью; известная часть этой задолженности относилась даже к враждебным странам. В конце концов все долги были погашены, за исключением нескольких миллионов. В этом случае стоявшая перед нами задача напоминала ту, которая стояла перед государственным страхованием по судоходству, хотя в последнем случае нужно было только ввести в действие план, полностью выработанный заранее Комитетом имперской защиты. Я рад был тому, что мое участие в выработке правительственной политики встретило сочувствие и завоевало доверие той части финансового и делового мира, которая до тех пор не очень доброжелательно относилась к моей деятельности в качестве канцлера казначейства.

Среди тех, к кому я обратился за советом, был лорд Ротшильд. Мои прежние встречи с ним отнюдь не располагали нас друг к другу. Лорд Ротшильд возглавлял в Сити оппозицию против моего плана пенсии престарелым и против моих бюджетных предложений в 1909 году; я нападал на него в таких выражениях, к которым до тех пор не привык глава великого дома Ротшильдов. Все его друзья сильно негодовали на меня за мои нападки на него. Однако, когда началась война, время не позволяло личным мотивам мешать делу. Страна была в опасности. Я пригласил лорда Ротшильда в министерство финансов для переговоров. Он тотчас же явился. Я обратился к нему: «Лорд Ротшильд, у нас были с Вами кое-какие политические неприятности». Он прервал меня: « Г-н Ллойд Джордж, теперь не время вспоминать об этом. Чем я могу Вам помочь?» Я рассказал ему в чем дело. Он тотчас же изъявил готовность сделать то, что было необходимо, и это было сделано.

Когда он вскоре после того скончался, все улицы, примыкающие к кладбищу, были запружены еврейской беднотой, которая пришла отдать последнюю дань этому великому князю Израиля, который никогда не забывал бедных и несчастных своего народа.

В конце концов предпринятые мероприятия не только привели к цели, но и обязательства, принятые на себя в этот период правительством, не повлекли за собой значительных убытков. Теперь, спустя 18 лет, я тщательно учел все обстоятельства и попрежнему держусь того мнения, что только смелая политика правительства, основанная на силе национального характера, позволила лондонскому Сити быстро оправиться от оглушительного удара в начале войны, продолжить работу, выполняя свою роль экономического центра всей империи — ее сердца и души.

2. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ И ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ ЗАЕМ

17 ноября 1914 г. я внес свой первый военный бюджет. По существу это был мой единственный военный бюджет. Хотя 4 мая 1915 г. я сделал обычное сообщение о бюджете, незадолго перед

тем как передать министерство финансов в другие руки и занять пост министра военного снаряжения, однако в 1915 г. я не внес никаких новых изменений в налоговое обложение. Я поступил так по двум причинам: во-первых, дополнительные налоги, которые я установил в ноябре 1914 г., только начинали приносить свои плоды; я указал на то, что хотя дополнительное налоговое обложение окажется впоследствии необходимым, но нам следовало бы подождать до осени, чтобы установить, в чем оно должно выразиться; во-вторых, единственные дополнительные налоги, которые я имел в виду немедленно ввести в действие в мае 1915 г., были налоги на спиртные напитки. Оппозиция, которую вызвали мои намерения, делала невозможным немедленное их осуществление без ожесточенной и нежелательной политической борьбы. Этого вопроса я подробнее коснусь в дальнейшем при рассмотрении проблемы запрещения спиртных напитков во время войны.

Настоящий бюджет 1915 г. был внесен в сентябре моим преемником Мак-Кенной. Этот бюджет памятен в связи с установлением так называемых пошлин Мак-Кенны, которые в последующие годы должны были сыграть такую важную роль в политической дискуссии и которые явились прелюдией к радикальному изменению нашей таможенной системы.

К ноябрю 1914 г. стало ясно, что дополнительные расходы, вызванные войной, далеко превзойдут все, что было предусмотрено бюджетом мирного времени, внесенным мною весной. Уже 8 августа палата общин вотировала правительству кредиты в 100 млн. фун. ст. на военные цели, а в ноябре оказалось необходимым обратиться к парламенту за новыми кредитами на сумму вдвое большую. Потребовались еще большие суммы, поскольку война должна была продолжаться и в 1915 г.

Вопрос, который стоял перед страной и в частности передо мною как канцлером казначейства, заключался в том, следует ли добывать эти крупные суммы всецело путем займов и тем самым увеличить национальный долг, или нужно стремиться к тому, чтобы оплачивать издержки войны путем текущего налогового обложения и тем самым уменьшить налоговое бремя для будущих поколений.

Я считал, что огромные правительственные расходы должны были повлечь за собой очень значительную валютную инфляцию. Требования военного времени поощряют нашу промышленность к беспримерной активности; кроме того, прекращение международной торговли в пределах центральной Европы и сжатие промышленной деятельности Франции и Бельгии будут означать к этому времени, что нам придется взять на себя удовлетворение значительного дополнительного спроса со стороны других стран. В результате количество бумажных денег должно будет значительно увеличиться в Англии и будет легче оплатить расходы войны, пока продолжается эта инфляционная конъюнктура, чем в дальнейшем, когда начнется промышленная депрессия, а дефляции уничтожит наши наличные сбережения.

Поэтому, когда парламент собрался вновь в ноябре 1914 г. на внеочередную осеннюю сессию, и я внес в палату общин предложение о вторичном голосовании кредитов на 225 млн. фун. ст., я в то же время внес дополнительный бюджет с целью покрыть часть этой суммы дополнительным налоговым обложением.

Дополнения к бюджету выражались в следующем. Я увеличил вдвое подоходный налог, повысив его с 1 шиллинга 4 пенсов до 2 шиллингов 8 пенсов на каждый фунт стерлингов дохода. Я также вдвое увеличил налог на сверхприбыль. Уже весной я ввел систему прогрессивного обложения сверхприбыли; согласно этой системе налог повышался от 5 пенсов на каждый фунт стерлингов с дохода свыше 3 тыс. фунтов стерлингов до максимума в шиллинг 4 пенса на доход свыше 11 тыс. фун. ст. Эти ставки были теперь увеличены вдвое. Я повысил акциз на пиво с 7 шиллингов 9 пенсов на боченок до 25 шиллингов и акциз на чай с 5 до 8 пенсов на фунт. С другой стороны, чтобы компенсировать кабатчиков за те суровые ограничения потребления спиртных напитков, которые были введены во время войны, я снизил патентный сбор с пивных, что обошлось почти в полмиллиона фунтов стерлингов.

Акциз на пиво и чай был введен, конечно, немедленно. Однако повышение подоходного налога и налога на сверхприбыль входило в силу только с последней четверти финансового года. Если бы не было дополнительного обложения, государственные доходы 1914/15 г. были бы ниже бюджетных предположений вследствие уменьшения сбора отдельных налогов и акцизов в связи с войной. В результате кратковременного действия дополнительных налогов доходы 1914/15 г. превышали мои предположения по бюджету, внесенному в мае 1914 г., на 19½ млн. фун. ст. В течение целого года эти дополнительные налоги должны были дать около 60 млн. фун. ст. дополнительных доходов.

Когда я решил составить дополнительный бюджет, я обратился с просьбой к Остину Чемберлену, бывшему канцлеру казначейства в предшествующем консервативном министерстве, принять участие вместе со мной в выработке бюджета, чтобы соглашение о мире между партиями могло быть полностью сохранено в силе и в данном вопросе. Он принял мое предложение, и мы начали совещаться по этому поводу, но вскоре он отказался от содействия правительству. Это не было результатом каких-либо личных разногласий. В палате общин 24 ноября Остин Чемберлен выступил с заявлением по этому поводу:

> «Канцлер казначейства предложил мне принять участие вместе с его коллегами по министерству в обсуждении бюджета. В тех конфиденциальных переговорах, которые у меня были с ним, у меня не было оснований жаловаться на то отношение, с которым достопочтенный министр подходил к рассматривавшимся нами вопросам; я хотел бы отметить, что министр рас-

сматривал проблемы бюджета исключительно с точки зрения государственных доходов и не позволил себе исходить из каких-либо других целей».

Но когда дело дошло до дополнительного акциза на пиво, Остин Чемберлен оказался в затруднительном положении. Связь между консервативной партией и пивоварами была очень крепкой. В качестве представителя консервативной партии он ни в коем случае не мог связать себя заранее согласием на увеличение акциза на пиво более, чем в три раза. Он заявил, что не может принять на себя личную ответственность за такую меру «даже в качестве компромисса».

Палата общин, однако, без всяких опасений приняла акциз на пиво, и бюджет с его решительным увеличением налогов был быстро проведен через законодательные органы. Легкость, с которой были приняты новые налоги, не покажется нам сегодня столь удивительной, поскольку мы привыкли к ежегодным бюджетам мирного времени, которые в 4 раза превышают военный бюджет 1914 г. Но Англия того времени еще не знала подобного налогового бремени, и если бы не энтузиазм, охвативший страну в связи с войной, то парламент застыл бы в ужасе от моих предложений.

В моей бюджетной речи в ноябре 1914 г. я сделал одно замечание, которое представляется небезынтересным и теперь. Настаивая на необходимости покрыть возможно большую часть наших военных расходов немедленным налоговым обложением вместо того, чтобы предоставить это дело будущим поколениям, я предсказал, что тотчас же после войны наступит краткий промежуток промышленного подъема, пока и в Англии и заграницей не будет удовлетворен недостаток в товарах, вызванный войной. «Но, — продолжал я, — когда закончится этот период и нам придется столкнуться с самым серьезным экономическим положением, с которым мы когда-либо сталкивались, к этому времени истощатся громадные суммы капиталов, которые в случае, если бы не было войны, оказались бы доступными для мировой промышленности. Наши покупатели на внешних рынках не смогут покупать; ослабеет и покупательная способность внутреннего рынка. Не будем обманывать себя. Великобритания столкнется с серьезнейшими проблемами в своей истории».

К сожалению последние 12 лет подтвердили это предсказание с исчерпывающей полнотой.

Внося этот дополнительный бюджет, я также объявил о выпуске первого военного займа. В августе парламент вотировал кредиты в размере 100 млн. фун. ст., а ко времени внесения дополнительного бюджета я испрашивал новые кредиты в размере 225 млн. фун. ст. Было ясно, что вскоре потребуются дальнейшие кредиты. Однако внося бюджет, я ограничивался предложением выпуска военного займа с нарицательной стоимостью в 350 млн. фун. ст.

Заем должен был быть выпущен из 3,5% по 95 фун. ст. за 100, с тем что правительство фактически получало наличными 332½ млн. фун. ст. Из этой суммы 45 млн. фун. ст. предназначались для займов нашим союзникам и доминионам; остальная часть должна была быть использована наряду с дополнительными налогами для финансирования наших неотложных военных расходов.

Заем мог быть погашен по его нарицательной стоимости в 1925—1928 гг. Если учесть его стоимость при выпуске в 95 фун. ст. за 100, то фактическая норма процента определится примерно в 3⅔%. Весь заем был очень быстро расписан с превышением против суммы выпуска.

Это был единственный военный заем, за выпуск которого я нес непосредственную ответственность. Второй военный заем был выпущен Мак-Кенной 21 июня 1915 г. Заем был выпущен на неопределенную сумму (не свыше 910 млн. фун. ст.) из 4½% по полной стоимости.

Этот заем дал 570 млн. фун. ст. к 10 июля, когда подписка была закончена, а также на 276 млн. фун. ст. консолей и других государственных ценных бумаг, конвертированных держателями в облигации нового военного займа.

Обращаясь мысленно назад, я не могу не пожалеть о том, что Мак-Кенна счел необходимым повысить ставку процента по военному займу до 4½. Быть может, эта ставка соответствовала стоимости денег на рынке в связи с котировкой других твердопроцентных бумаг. Однако в виду ограничения внешнего рынка для капиталовложений в результате войны, не может быть сомнений в том, что правительство могло получить все необходимые ему средства путем добровольной подписки, не повышая процента выше того уровня в 3⅔%, который был установлен для моего первого займа. Вкладчикам пришлось бы покупать этот заем за неимением чего-либо другого. А если бы они не захотели подписываться на военный заем, появилось бы основание для принудительного секвестра капиталов на военные цели, меры, которая в этих условиях была бы популярной и представляла бы достойный параллельный шаг с введением всеобщей воинской повинности, которое последовало вскоре.

Между тем принятие принципа, по которому английское правительство должно было платить по рыночной ставке по займам, необходимым ему для защиты родины, дорого обошлось стране. Этот принцип был также положен в основу плана третьего военного займа, который был подготовлен в конце 1916 г. и был выпущен в январе 1917 г. Бонар-Лоу, только перед этим сменившим Мак-Кенну на посту канцлера казначейства. Третий военный заем был выпущен по 95% номинала из 5%. По этой высокой ставке было расписано облигаций на сумму более 2 млрд. фун. ст. Двенадцать лет беспощадной дефляции и депрессии явились результатом стремления довести процентные ставки по займам до такого уровня. Лишь после этого стала возможной конверсия этих громадных

долговых обязательств до $3\frac{1}{2}\%$. В истекший промежуток времени на страну не только были возложены большие налоги для уплаты лишних 30 млн. фун. ст., но высокий доход государственных твердопроцентных бумаг удерживал ставки по ссудам на высоком уровне и способствовал вздорожанию ссудного капитала для промышленности, торговли и государственного строительства. Трудно подсчитать, во что точно обошлось стране во всех областях решение Мак-Кенны в 1915 году о повышении процента по государственным военным займам. Его решение было, без сомнения, подкреплено авторитетом руководящих банковских и финансовых кругов. Однако с тех пор страна имела случай не раз убедиться в том, что на эти круги отнюдь нельзя полагаться как на непогрешимых советников.

Глава пятая

БОРЬБА ЗА ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ

Начало войны застало Англию совершенно неподготовленной к сухопутным военным действиям в европейском масштабе. Нашей традиционной защитой всегда был флот, а это оружие во все времена было в полной боевой готовности. Но наша армия, которая служила нам главным образом для полицейских целей в нашей разбросанной по всему миру империи, была небольшой прекрасно подготовленной военной силой, состоявшей из профессиональных солдат; эта армия великолепно подходила для своих нормальных задач, но ни по численности, ни по снаряжению не годилась для широких военных действий против европейских армий.

К сожалению военное ведомство находилось во власти реакционных традиций. Политика военного ведомства, казалось, сводилась не к подготовке будущей войны, а к подготовке предыдущей или предпредыдущей войны. Бурская война застала нас все еще на уровне крымской кампании, а великая война захватила наших стратегов, подготовлявших будущую войну, все еще в условиях севастопольских боев с теми изменениями, с которыми наши войска на опыте столкнулись на полях Африки. К сожалению, они помнили лишь те уроки, которые лучше было бы забыть, потому что они никуда не годились, и забыли весь опыт, которым они могли бы воспользоваться в той мере, в какой он представлял прообраз будущей войны. Земляные укрепления Тотлебена и окопы Магерфонтейна и Тугелы, где наших солдат убивали невидимые стрелки, не привлекали их внимания. Зато красная линия Инкермана и славная атака конницы при Балаклаве, бурская конница, разбившая лагерь Метюэна при Клипс Дрифте, господствовали над воображением наших военных. Ум военного человека ищет опоры в традиции; память заменяет военным гибкость мысли.

Набор необходимого нам людского материала для наших армий, к счастью, не зависел от непопулярного аппарата военного ведомства. Имя и популярность лорда Китченера привлекали симпатии, и это было блестяще использовано агентами обеих великих политических партий. Из городов и сел стекалась молодежь

к местам рекрутского набора по первому призыву лорда Китченера. Первые пятьсот тысяч человек ухитрились в один месяц пройти через рекрутские конторы, и эти пятьсот тысяч вскоре увеличились до миллиона, затем до двух и трех миллионов. Описание этого бессмертного подвига было уже дано много раз; не мое дело повторять это описание здесь. По своему величию, по тому, как откликнулась на призыв вся страна, этот подвиг остается беспримерным в истории.

Принимая во внимание, что для подготовки солдат не было ни ружей, ни пулеметов, ни пушек, офицеры в отставке и унтера совершили чудеса, превратив порученный им людской материал в организованное войско.

Другое дело — снаряжение этой армии; задача доставки военного снаряжения в конце концов пала на меня. Поэтому мне следует рассказать об этом.

С самого начала все дело военного снаряжения военное ведомство ревниво сохраняло в своих руках, — все вплоть до заказов на пошивку белья и одежды. В результате наблюдались недостаток, задержка, ошибки, неудачи.

К счастью для человечества орудия современной войны не вырастают сами по себе. Их приходится изобретать и производить промышленным способом. И хотя Англия была первой промышленной страной мира, английская промышленность была почти полностью занята производством товаров мирного времени. Ей недоставало оборудования для производства ружей, пулеметов и артиллерии, в особенности тяжелого калибра. Фирм военного снаряжения было мало, методы производства в правительственных арсеналах устарели и были до-нельзя примитивны. Командующие армиями были в большинстве кавалеристы — лорд Френч и сэр Дуглас Хейг — оба были воспитаны в кавалерии и заслужили свою репутацию в качестве генералов от кавалерии. Лорд Китченер был саперным инженером. Его военный опыт оставил лорда Китченера в убеждении, что подвижность войск имела большее значение, чем вес и количество снарядов.

Производство артиллерийских разрывных снарядов, которые использовывали против нас немцы с таким убийственным эффектом, находилось, как полагало наше артиллерийское ведомство в начале войны, лишь в стадии эксперимента; вопрос об их составе и предохранителях не был еще разрешен. Артиллерийское ведомство не занималось этим серьезно и систематически; оно находилось под обаянием подавляющего значения шрапнели. Это был единственный урок бурской войны, который запомнили в военном ведомстве, и в сентябре 1914 г. наши генералы из военного министерства все еще готовились обстреливать африканские хутора и буров, скрывающихся в кустах за холмами. Шрапнель была наиболее полезным видом снарядов в Африке. Почему бы и не в Европе? В 1900 г. военное ведомство критиковали за то, что не было достаточно шрапнели; на этот раз, думали они, их не поймают и

не будут распекать за то же самое. В их мозгу не укладывалось представление о другом оружии кроме шрапнели.

Что касается тяжелой артиллерии, то обычное снаряжение армии не предусматривало в начале войны никаких орудий больше 60-фунтовой пушки. 4,7-дюймовка считалась чересчур тяжелой помехой для полевого боя. Существовало несколько образцов шестидюймовых гаубиц устаревшего образца, которые можно было наскрести, и несколько шестидюймовых орудий береговых фортов. Существовала одна только что выстроенная гаубица в 9,2 дюймов. Для всех этих тяжелых орудий было очень мало снаряжения. Наши старые осадные орудия заряжались через жерло. Генеральный штаб официально придерживался той точки зрения, что приближение полевых операций по типу к операциям осадным, как это было в русско-японскую войну в Манчжурии (наиболее близкий пример современной войны), нельзя считать непременным условием современной войны. Генеральный штаб не предусмотрел поэтому планов и не подготовил средств для таких операций. Японские армии обходили полевые укрепления русских, не пытаясь разрушить их или взять их штурмом, точно так же как лорд Френч поступил со своей кавалерией при Магерфонтейне. Почему нельзя было поступить так же и во Франции? Окопы, тянувшиеся на многие сотни миль от швейцарской границы до моря, которые нельзя было обойти ни справа, ни слева, превосходили их ограниченные представления.

Некоторые из наших старомодных шестидюймовок-гаубиц прибыли во Францию в срок для участия в бою при Эн (Aisne), но даже к концу 1915 г. Англия обладала только 24 такими орудиями на фронте, или одной батареей на корпус, т. е. одной шестнадцатой того количества, которое применяли против нас немцы. У немцев были также снаряды для гаубиц; мы имели лишь весьма скудный паек для наших гаубиц. Официально на каждый батальон английских войск полагалось 2 пулемета, но даже это скудное снаряжение не было в наличии в течение первых месяцев, хотя английским войскам приходилось сражаться с немцами, у которых имелось по 16 пулеметов на батальон. Что касается снарядов, то производство коробок для снарядов было до абсурда малым, но даже и оно превосходило производство взрывчатых веществ, которыми должны были быть наполнены коробки для снарядов, и производство фитилей для снарядов. Когда я посетил Вульвичский арсенал через несколько месяцев после начала войны, я нашел горы пустых коробок, которые медленно и лениво наполнялись ручным способом черпаком из котлов с кипящей жидкостью. Производство фитилей для зажигания снарядов совершалось таким же нелепым способом, и поэтому в них наблюдался такой же недостаток.

То был не столько вопрос о недостаточной подготовке к началу войны. Никто не предполагал до войны, что мы выставим армию во много сот тысяч человек для какой бы то ни было войны, в

которой мы примем участие. Наше военное соглашение с Францией никогда не заходило дальше посылки экспедиционного корпуса из шести дивизий для поддержки французских армий на левом фланге. Когда кабинет решил обратиться с призывом к добровольцам, он в начале имел в виду набор в 100 тыс. человек. То, что последовало за этим, превысило самые оптимистические ожидания. Когда германские армии заняли Бельгию и прорвали французскую линию обороны, очутившись у ворот Парижа, британская молодежь вступила в ряды войск в таком количестве, что весь план нашего участия в войне был опрокинут этим подъемом возмущенного героизма. Кабинет, возбужденный этим зрелищем, имел смелость довести число добровольцев до 500 тыс. Это число также было превзойдено в короткий срок.

Поэтому трудно обвинять военное ведомство или его ответственных руководителей за то, что в начале войны у них не было запасов военного снаряжения и амуниции для таких военных сил, о которых мы не думали прежде и которые мы были вынуждены теперь выставить в поле. Но на военном ведомстве остается вина за отсутствие широкого кругозора, за то, что оно пренебрегало современным развитием науки об артиллерии, пренебрегало оборудованием для производства военного снаряжения; еще более велика вина военных в том, что они оказались в высшей степени неспособны к разрешению новых задач, выпавших на их долю, не сумели довести производство военного снаряжения до того уровня, который был необходим по условиям войны в том виде, как они проявились в кампанию 1914 г.

Мы убедились, что современная война в гораздо большей степени, чем когда-либо до того, была войной химиков и промышленников. Правда, людские резервы были необходимы, а за командованием всегда, при всех условиях оставалась руководящая роль. Но армии, какую бы они не проявляли храбрость, сколь бы талантливым ни было военное командование, были бессильны при современных условиях, если у них не было достаточной и отвечающей современным требованиям артиллерии (с огромным количеством разрывных снарядов), пулеметов, аэропланов и прочих видов военного снаряжения. Сражаясь против вражеских пулеметных постов и проволочных заграждений, самые храбрые бойцы под руководством лучших офицеров могли только умирать геройской и мученической смертью. Вопрос о военном снаряжении таким образом стал решающим вопросом войны. Вскоре стало ясно, что если мы не сможем разрешить этого вопроса, мы будем обречены на бесплодное ведение войны.

2. ФИНАНСИРОВАНИЕ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА.

В начале войны единственной формой моей связи с задачами поставки военного снаряжения была моя ответственность в качестве канцлера казначейства за нахождение средств для оплаты поставщиков.

Мое представление о грядущей войне ограничивалось посещением по приглашению военного министра (Холдена) маневров близ Хангерфорда летом 1908 г. Я с волнением ожидал увидеть бой, пусть лишь бой, инсценированный в процессе маневров. Мне казалось, что на маневрах мы увидим, что собою в действительности представляет ужас войны. В маневрах участвовали настоящие солдаты с настоящими винтовками, настоящими штыками, саблями, настоящая кавалерия и пушки; солдатами руководили настоящие генералы, которые участвовали в настоящей войне. Холден и я находились вместе со штабом одной из сражавшихся армий на холме, который был защищен пехотой и полевыми орудиями. Когда через несколько лет я побывал на холмах близ Мессин и Кеммель, я понял, что имел в виду генеральный штаб, избирая площадку для военных маневров 1908 г. Министрам объяснили, что холм подвергается нападению со стороны отряда, который еще не был виден, но который ожидали вскоре увидеть выходящим из долины, расположенной на расстоянии одного километра. Мы были изрядно взволнованы, когда мы увидели неприятельских разведчиков выходящими из рядов; за ними последовали пехотинцы, которые развернулись и заняли долину. Треск ружейных выстрелов нападающих и обороняющихся, гул пушечных выстрелов с обеих сторон оглушил нас. Вот что должно быть похоже на подлинную войну. Результат сражения не долго оставался невыясненным, так как вскоре из-за прикрытия показался кавалерийский эскадрон, до того скрытый в лесу и полузащищенный проливным дождем, который как бы нарочно полил в этот момент; эскадрон храбро направился к подножию холма, храбро поднялся наверх вопреки выстрелам и снарядам, достиг парапета и занял позицию. Я понял тогда, какой представляли себе будущую войну наши генералы. Когда Холден затем попросил меня предоставить за счет казны дополнительные ассигнования на легкие орудия, я полагал, что они совершенно необходимы, чтобы предупредить возможность катастрофы в континентальной войне, т. е. такого положения, при котором кавалерийские орды континентальных армий смогут атаковать наш экспедиционный корпус на холмах Фландрии. Пулеметы были слишком скромной игрушкой для того, чтобы им было уделено место в новых ассигнованиях казначейства. Этот интересный военный опыт пришел мне в голову, когда восемь лет спустя я видел, как конные отряды огромными массами штурмовали возвышенность на Сомме у Гинши. Я вспомнил хангерфордские маневры и понял лучше чем когда-либо, что военная мания, какой бы фантастичной она ни была, сильнее смерти, сильнее многих смертей.

Пусть мне будет позволено с самого начала заявить, что ни тогда, ни в дальнейшем ходе войны поставки военного снаряжения не страдали от отказа предоставить средства для их закупки или производства. Напротив, я неоднократно повторял, что, поскольку дело касалось казначейства, последнее не будет чинить никаких препятствий, способствуя увеличению снаряжения всеми способами,

которые могут помочь нам достигнуть победы. Если выбор шел между тем, чтобы затратить лишнее золото или лишние жизни британцев, я готов был взять на себя ответственность призвать народ затратить последний грош с тем, чтобы полученные средства могли быть мудро и с пользой истрачены. Да и народ сам никогда не колебался в поддержке этой точки зрения.

5 августа 1914 г., на следующий день после объявления войны, я предложил палате общин вотировать для начала 100 млн. фун. ст. на военное снаряжение. Я поставил военное ведомство в известность, что оно могло получить любые суммы, которые были ему необходимы, чтобы способствовать ускорению поставок; в сентябре я предпринял дальнейшие шаги, твердо ассигновав особую сумму в 20 млн. фун. ст. в качестве специального фонда для финансирования производства военного снаряжения на фабриках и заводах. Я должен добавить, что премудрые руководители артиллерийского ведомства, как явствует следующая выдержка из официального отношения артиллерийского ведомства от 2 октября 1914 г., решили сначала не уведомлять промышленников об этом ассигновании.

> «Военный министр сказал мне 30 сентября, что кабинетом только что принято решение обратиться к различным фирмам — поставщикам военного снаряжения: они должны расширить свое оборудование настолько, чтобы иметь возможность выполнить крупные заказы, на много превышающие заказы, уже размещенные. Нам нужно дополнительное количество пушек, ружей и военного снаряжения, которые должны быть изготовлены по возможности в тот же срок, что и те заказы, выполнение которых уже обещано; сверх того и союзники наши должны иметь такую же возможность разместить свои заказы.
>
> Он уведомил меня, что канцлер казначейства дал согласие на то, чтобы предоставить в распоряжение упомянутых фирм 20 млн. фун. ст. в целях расширения их оборудования.
>
> Мне казалось нецелесообразным в данный момент уведомлять фирмы об отпуске упомянутой суммы, потому что до сих пор ни о каких затруднениях подобного рода мне известно не было...»

Приведенный отрывок прекрасно характеризует ту тревогу, которая охватила военное министерство при мысли о необходимости прибегнуть в виду небывалых и чрезвычайных обстоятельств к методам, не санкционированным традиционными бюрократическими порядками и рутиной.

Я скоро понял, что обычные способы испрашивать согласие казначейства на расходы денежных средств не пригодны в условиях военных затруднений и что ставить в зависимость выполнение военных заказов от ведомственной переписки между военным министерством и чиновниками казначейства было бы равносильно задержке и промедлению.

Указав, что в настоящих чрезвычайных обстоятельствах нельзя настаивать на применении обычного порядка контроля казначейства над заказами, размещаемыми отдельными ведомствами при современных ненормальных финансовых условиях, я высказал мнение, что во время войны подобные контракты должны заключаться помимо специального обращения к казначейству. Чиновникам, стоящим во главе различных департаментов военного министерства, должна быть предоставлена полная свобода заключать за своей личной ответственностью любые контракты, которые они сочтут необходимыми. Я тем более склонялся к такому упрощению процедуры, что в качестве финансового советника при военном министерстве состоял такой талантливый представитель казначейства, как сэр Чарльз Гаррис. Вряд ли можно было найти среди всех чиновников человека, который более бдительно стоял бы на страже при расходовании общественных сумм.

3. РУТИНА В ВОЕННОМ МИНИСТЕРСТВЕ.

Однако, хотя ответственным лицам и была предоставлена в финансовом отношении carte blanche в деле снабжения армии военным снаряжением, и хотя нужда в нем на фронте была чрезвычайно велика и безотлагательна, все же недостаток снаряжения не только не уменьшался, но возрастал. Военное министерство не принимало всех необходимых мер к тому, чтобы целиком использовать свои полномочия и устранить достойный сожаления недостаток, от которого наши армии столь жестоко страдали.

Несомненно, ответственные лица встретились с совершенно необычайным положением. Чтобы бороться с ним, необходимы были равным образом необычайные меры. Главная вина этих лиц состояла в том, что они совершенно не обнаружили той находчивости и гибкости ума, которые нужны были, чтобы справиться с положением, пользуясь чрезвычайными мерами. Единственный аргумент, который они могли привести в свою защиту, это то, что потребность в военных припасах возросла вне всякой пропорции в сравнении с прежним опытом; что они стремились всячески устранить недостаток, пользуясь обычными источниками снабжения, которые, однако, оказались недостаточными. Но это было ясно с самого начала. Задача состояла в том, чтобы увеличить эти источники снабжения теми способами, которые были доступны нам, как одной из трех величайших промышленных стран мира, наиболее богатых всеми необходимыми ресурсами. Какие бы средства ни были найдены для этой цели, они немедленно были бы санкционированы парламентом. Но ответственные руководители не только оказались неспособными это сделать, но наоборот, всеми способами — и с самого начала, и впоследствии — чинили препятствия всем, кто пытался им помочь или снять часть лежащего на них бремени.

До войны согласно установленному порядку военный министр в качестве члена кабинета решал, какие заказы следует санкционировать. Главнокомандующий армией должен был ставить его

в известность о всем том, что требуется для выполнения этих заказов. На основании данной информации глава ведомства военного снаряжения и материалов устанавливал их необходимое количество и в свою очередь уведомлял управляющего военными поставками, а последний обращался к признанным фирмам, поставляющим вооружение, и докладывал затем финансовому секретарю военного министерства о ценах, которые требовали эти фирмы. После соответствующего обсуждения мог быть заключен тот или иной контракт.

Однако, после того как началась война, финансовый департамент уведомил управляющего военными поставками, что нет надобности предварительно, до заключения контрактов, делать доклады о ценах, поскольку известна вся вытекающая из контрактов ответственность лиц, их заключающих. Это должно было значительно упростить порядок предоставления заказов. Но я склонен думать, что это упрощение имело своим результатом лишь большие задержки в деле военного снабжения. Оно содержало в себе, повидимому, психологическую ошибку. Приводимое ниже объяснение проливает свет на роль и значение бюрократизма. Пока чиновник, делающий заказ на поставку, знает, что его проверяет и контролирует чиновник другого ведомства, дающий санкцию на его заказ, он чувствует себя уверенно и смело. Лежащая на нем ответственность (в случае, если его обвинят в чрезмерных расходах) частично, если не целиком, переносится на другое лицо. Но теперь вся ответственность за принятое решение целиком ложится на него. Правда, чувство ответственности является стимулом для сильного, но слабого оно парализует. В памяти человека военного хранятся воспоминания о многих неприятных историях, об особых комитетах и комиссиях, назначавшихся в прошлые войны для обследования чрезмерных расходов по военным поставкам, оказавшимся плохо выполненными. Глава ведомства военного снаряжения и материалов отмечает, что он чувствовал себя чрезвычайно неудобно без обычной «смирительной рубашки» в финансовых вопросах, т. е. без контроля казначейства, и жалуется, что новый порядок «увеличил ответственность за расходы, возложенную на плечи главы ведомства военного снаряжения и материалов». Последний, чувствуя, что он уже не имеет дела с итогами, тщательно проверенными в обычном установленном порядке, тем внимательнее входил в рассмотрение каждого отдельного предложения, с которым были связаны расходы как по заключенным с различными фирмами контрактам на доставку готовых военных материалов, так и по тем контрактам, которые имели в виду связанное с нуждами его собственного ведомства строительство, оборудование машинами и т. п. Поэтому ведомство военного снаряжения и материалов чувствовало себя вынужденным в силу необычной ответственности изыскивать достаточные объяснения и оправдания в медлительности, задержках и затруднениях в деле снабжения армии военным снаряжением.

Военное министерство всегда имело дело непосредственно с правительственными органами и с небольшим вполне определенным кругом поставщиков; поэтому ему трудно было пойти на риск сношений и договоров с более широким кругом фирм. Несомненно, обращение к ряду новых, неиспытанных ранее министерством фирм и передача им заказов на военное снаряжение были делом очень серьезным и чрезвычайно ответственным. Ведомство военного снаряжения всячески воздерживалось от такого риска.

Поэтому, когда видные промышленники во всей стране громко заявляли о том, что они могут оказать помощь, и предлагали снабжать армию военными запасами и снаряжением, военное министерство делало все возможное, чтобы не давать им ходу. До меня доходили жалобы этих промышленников, что с ними обращаются так, как будто они выпрашивают и добиваются выгодных военных поставок из чистого корыстолюбия. Общая политика военного министерства заключалась в том, что оно предлагало этим непрошенным помощникам войти в сношение с фирмами, которые поставляли военное снаряжение в силу установившейся традиции, и заключать с этими последними дополнительные контракты на военное снабжение. Нужно помнить, что эти фирмы уже работали крайне напряженно, будучи завалены заказами военного министерства, требовавшего от них не только максимальной продукции, но и дальнейшего максимального расширения производства. Было ясно, что их чрезвычайно загруженная работой администрация не имела ни времени, требующегося для того, чтобы организовать целую систему вспомогательных фирм, ни желания употребить своих лучших работников для инструктирования рабочих других предприятий в области производства военного снаряжения. Далее, эти фирмы, конечно, не были чересчур склонны к тому, чтобы обучать производству военного снаряжения другие фирмы. В мирное время этим фирмам, специализировавшимся в производстве военного снаряжения, едва хватало тех заказов, которые размещали адмиралтейство, военное министерство и иностранцы. Между тем лишь немногие догадывались, как много пройдет времени, прежде чем вновь вернется мир.

Впоследствии было установлено, что некоторые из фирм военного снаряжения не только принимали от британского военного министерства заказы явно невыполнимые, свыше их производственных возможностей, но принимали гигантских размеров заказы и от русского правительства. Когда они заключали эти договоры с Россией, им должно было быть совершенно ясно, что нет ни малейших шансов на выполнение русских заказов в срок, если они будут как следует выполнять заказы британского правительства. Невыполнение русских заказов было главной причиной тех поражений, которые выпали на долю русских армий в кампанию 1914—15 гг. Война — это настоящий урожай для фирм, поставляющих вооружение. Но во всех странах эти фирмы склонны были переоценивать вместимость своих житниц.

Политика военного министерства снимала с него угрожавшую ему ответственность в связи с необходимостью контролировать работу «посторонних» фирм, но ценою того, что при вопиющей нужде нашего фронта, с одной стороны, и при огромных промышленных возможностях Великобритании, с другой, снабжение военным снаряжением проходило, так сказать, через узкое горлышко бутылки в виде небольшого числа перегруженных заказами фирм, которые были слишком заняты своей работой и не могли ни в коем случае справиться с гигантским делом организации всей военно-промышленной продукции страны, т. е. с тем, чего хотело от них военное министерство.

Организаторам войны, повидимому, мешала своего рода ведомственная традиция — закоренелое недоверие, непонимание и пренебрежительное отношение ко всем деловым людям, которые не состояли на постоянном учете военного министерства. Несомненно, что и деловые люди в свою очередь были, мягко выражаясь, смущены результатами своего соприкосновения с тем образом мысли и обхождения, который был свойствен военным. Глава ведомства военного снабжения пояснял, что метод, усвоенный в отношении некоторых из тех, кто был помощником в деле снаряжения армии, состоял в том, что их посылали в один из арсеналов для ознакомления с выполняемой там работой. Там они могли уяснить себе, в какой мере может справиться с этой работой данная фирма. Многие, говорит он, шли туда, но сравнительно немногие возвращались, чтобы сказать, что они могут с подобной работой справиться. В зависимости от того, в какой мере эти последние выполняли взятую работу по указаниям министерства военного снаряжения, определялся и характер оказываемой им правительственной поддержки. Это показывает, что существовала врожденная, хотя и основанная на недоразумении недооценка способностей, искусства, военно-инженерных талантов и науки в целом. Конечно, среди страстных искателей военных заказов много было лиц некомпетентных или думавших лишь о своей наживе. Но фильтр ведомственного бюрократизма был плохо приспособлен к тому, чтобы, отсеяв их, удержать действительно дельных и деловых людей, часто отступавших первыми от взятой на себя задачи, так как они были смущены и оскорблены таким обращением. Хорошие люди и мусор равным образом не могли проникнуть сквозь мелкую сетку, поставленную на их пути. Между тем военное министерство, зная, что оно не может рассчитывать на то, чтобы удовлетворить гигантскую потребность фронта в снарядах, тратило много времени на уговоры солдат не расходовать их столь быстро.

4. ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ НЕДОСТАТКА СНАРЯДОВ

После первых быстрых колебаний военного счастья, выразившихся в отступлении от Монса и наступлении от Марны к Эн, линия фронта в сентябре и октябре 1914 г. постепенно устанавли-

вается, образуя длинную систему глубоких траншей, столь характерных для западного фронта до самого конца войны.

Применение германскими войсками 5,9-дюймовой гаубицы в качестве полевой артиллерии было неожиданностью как для французов, так и для англичан. Ее действие на нервы солдат было столь потрясающим, что именно оно сломило силу сопротивления союзников в ранней стадии войны.

Наши войска уже испытали огромную силу германской артиллерии и сокрушающее моральное действие тяжелых взрывчатых снарядов, которые германцы применяли в таком количестве. Умение германской армии применять в период маневренной войны тяжелые орудия гораздо более крупного калибра, чем мы это считали возможным для полевой артиллерии; опустошения, которые причиняли нам их «чемоданы» и «берты», как непочтительно были прозваны гигантские снаряды германцев, были настоящим откровением для наших военных вождей — как британских, так и французских. Те способы защиты от них, которые изобретались наспех, оказывались совершенно недостаточными: армии союзников отступали, поражаемые этими смертоносными орудиями. Неглубокие траншеи, наспех вырытые в земле, нисколько не защищали от дождя разрывных снарядов, выбрасывавшихся германской тяжелой артиллерией. С другой стороны, когда пришел черед отступать германцам, они зарывались глубоко в землю, и бомбардировка легкими орудиями была бессильна против такой защиты и более тщетна, чем когда-либо. А когда война обратилась в войну окопов, мы обнаружили, что шрапнель наших полевых орудий была не только бессильна сравнять с землей парапеты, разрушить траншеи и уничтожить пулеметные гнезда, но даже снести проволочные заграждения, что единственным способом спасения жизни британцев являлось уничтожение вражеской обороны сокрушительным огнем тяжелых взрывчатых снарядов, сметавших пулеметы, сравнивавших с землей траншеи и прокладывавших проходы через проволочные заграждения еще до начала атаки.

В это время военное министерство снабжало армию только шрапнелью для полевых орудий; из снарядов, предназначавшихся даже для полевых мортир и 60-фунтовых орудий, 70% составляла шрапнель. Несколько 6-дюймовых гаубиц и одна 9,2-дюймовая, которые были высланы в октябре, стреляли тяжелыми взрывчатыми снарядами, но последних было лишь ограниченное количество*.

В первую неделю сентября 1914 г. главная квартира армии, действовавшей во Франции, обратилась к главе ведомства военного снаряжения с просьбой о присылке тяжелых взрывчатых снарядов. Просьба была повторена в более энергичной форме 15 сентября и 21 сентября, когда главная квартира определенно потребовала, чтобы 15% снарядов для полевой артиллерии были тяжелыми взрывчатыми; вскоре потребовалась более высокая пропор-

* Эти снаряды были впервые применены 31 октября 1914 г.

ция — 25%, а 6 ноября — 50%. Неделей позже процент был сокращен до 25%, но он вновь поднялся до 50% к 31 декабря. Военное министерство отказалось снабжать армию этими снарядами в испрашиваемой главной квартирой пропорции, ссылаясь на то, что «характер операций может вновь измениться, как это было в прошлом». Военное министерство упорно отказывалось признать тот факт, доказанный десять лет назад во время русско-японской войны в Манчжурии, что современная война имеет тенденцию обращаться в войну траншейных и осадных операций. Я могу добавить, что 22 октября 1914 г. французский генерал Девилль уведомил британское военное министерство, что французы вообще отказались от шрапнели и сосредоточили внимание на тяжелых взрывчатых снарядах.

Но еще более серьезной угрозой, чем недостаток тяжелых взрывчатых снарядов, была общая нехватка снарядов — того и другого сорта. Сэр Джон Френч еще 17 сентября требовал большего количества снарядов для гаубиц, указывая, что их запасы на коммуникационных линиях упали до такого низкого уровня, который является опасным. «В виду большого расхода снарядов, — писал он, — который мы вынуждены делать в настоящее время и который ожидается в будущем, это представляет собой очень серьезный вопрос. Нужно употребить всяческие усилия, чтобы немедленно выслать необходимое нам количество».

Военное министерство отвечало, что оно выслало столько снарядов, сколько могло; высланное количество увеличит запасы сэра Джона Френча приблизительно до 10-дневного количества, согласно его же расчету. Одновременно министерство предупреждало, что «запасы снарядов очень понизились, и мы не можем снабжать ими армию в таком количестве, до тех пор пока промышленность не увеличит свою продукцию до максимума». Недостаток снарядов для тяжелой артиллерии становится темой почти ежедневных телеграмм сэра Джона Френча. Так, 28 сентября он обращает внимание на угрожающий недостаток снаряжения полевой артиллерии. Он писал: «Для 18-фунтовых предполагается посылать по 15 000 лент снарядов в неделю, т. е. менее чем по 7 снарядов в день на орудие. Этого слишком мало. За последние две недели расход снарядов достигал в среднем 14 снарядов в день на орудие, несмотря на то, что эти орудия в общем были сравнительно мало заняты в битве при Эн. Вряд ли нужно повторять, что недостаток снаряжения в полевой артиллерии может сопровождаться самыми тяжелыми результатами. Можно думать, что недавние военные операции носят нормальный характер, но по моему мнению последующие операции в течение этой войны будут носить в большой мере подобный же характер; для того, чтобы армия была боеспособной, я вынужден указать, что предположенная норма снабжения снарядами возможно не удовлетворит потребности в них». В ответе военного министерства на письмо Френча, датированном 7 октября, оно приводило следующие оправдания: «Что касается Вашего письма от 28 сен-

тября, то совет армии (т. е. военное министерство) предписал мне указать следующее: им предусматривалось в первую очередь и было выслано такое пополнение, которое почти в полной мере *достигает количества снаряжения на орудие, установленного перед войной*» (курсив мой).

Военное министерство обещало увеличить снабжение, и сэр Джон Френч, отвечая ему 10 октября, возражал, что даже это повышение обеспечит армию лишь 9 снарядами на орудие в день для 60-фунтовых, 11 снарядами для 4,5-дюймовых гаубиц, и если считать все дивизии — лишь 6 снарядами в день для 18-фунтовой полевой артиллерии. Затем последовал ряд настойчивых телеграмм из Франции — с требованием дать больше снарядов, а в период первой битвы при Ипре фельдмаршал по радио сообщил лорду Китченеру: «Если запасы снарядов на коммуникационных линиях не будут немедленно доведены по крайней мере до установленного количества и если количество их не будет и впредь поддерживаться на том же уровне, то возможно, что войскам скоро придется сражаться без поддержки артиллерии. Огромное сражение, уже длившееся несколько дней, продолжается до сих пор; последуют самые тяжелые результаты, если не хватит артиллерийского снаряжения».

В ответ на это военный министр сообщил Френчу следующее: «Как только выработка военного снаряжения достигнет той нормы, которую Вы расходуете, я отвечу на последний пункт Вашего письма... Конечно, Вы будете пока экономить снаряды...». Три дня спустя глава ведомственного снаряжения писал в главную квартиру: «Я не могу сказать, каково будет впредь снабжение снарядами, так как это целиком зависит от исполнения больших заказов, которые даны фирмам, поставляющим снаряжение». Он прибавил, что не может увеличить количество 4,7-дюймовых снарядов, не уменьшив их количества у вновь комплектуемых дивизий. Френч ответил, что он был вынужден сократить количество расходуемых снарядов для гаубиц до 10 лент в день на орудие и что вскоре придется сократить до этой же нормы количество снарядов, выпускаемых в день 18-фунтовыми полевыми орудиями. Он ходатайствовал об отправке военного снаряжения, которое предназначалось ведомством военного снабжения для батарей, еще не посланных за море: «Я полагаю, что более важно снабжать как следует снарядами батареи, уже находящиеся здесь в действии, чем держать снаряды в Англии для батарей, которые должны быть отправлены в будущем». В постскриптуме он прибавил весьма настойчиво: «*Я должен подчеркнуть огромную важность ближайших двух недель.* Я хотел бы поставить особое ударение на третьем пункте моего письма Д. Ф.» (курсив Френча).

Два дня спустя, 31 октября, Френч вновь по телеграфу повторил свою просьбу, на которую военное министерство согласилось. Китченер сверх того высказал мнение, что Жоффр должен послать больше французских пушек с полным запасом снаряжения. Но когда, спустя еще два дня, сэр Джон Френч просил об отправке новой

пехотной дивизии, то ему было предложено выбрать между территориальной дивизией Стюарта Уортлей «без артиллерии, для которой мы не получили снаряжения», и VIII дивизией *, еще не вполне обученной, с артиллерией, лишенной запасов снарядов, которые уже были ранее отосланы.

В течение ноября и декабря недостаток снаряжения все возрастал. Уже 12 ноября главная квартира телеграфировала о присылке бо́льшего количества снарядов для 4,7-дюймовых гаубиц. Военное министерство в своем ответе сообщило, что было послано в последнюю неделю, и прибавило: «Мы не можем продолжать снабжение в прежних размерах». Сэр Джон Френч телеграфировал 12 декабря лорду Китченеру: «Я сильно беспокоюсь в связи с вопросом о наших запасах военного снаряжения». Китченер ответил, что количества производимых снарядов недостаточно даже для тех орудий, которые уже действуют на фронте, и поэтому он сомневается в целесообразности отправки новых батарей во Францию, так как «очевидно было бы неэкономно держать во Франции батареи, которые не могут быть использованы по недостатку снарядов». 31 декабря Френч писал в военное министерство: «Имеющегося количества артиллерийского снаряжения совершенно недостаточно для ведения наступательных операций даже в небольших размерах; это не подлежит никакому сомнению. Недавний опыт показал, что снарядов хватит лишь на часовую бомбардировку небольшого участка вражеского фронта, и даже в случае такой операции не останется снарядов, чтобы отбить контратаку или оказать достаточную поддержку наступающим колоннам. Принимая во внимание характер операций, которые мы ведем и которые предстоят в будущем, нужно признать, что *снабжение артиллерийскими снарядами* представляется решающим по своему значению фактором. От количества военного *снаряжения будут зависеть последующие операции британской армии*» (курсив мой.)

Членам кабинета не было показано ни одно из этих писем сэра Джона Френча, и они ничего не знали об их существовании.

5. ПЕРВАЯ КОМИССИЯ КАБИНЕТА ПО ВОЕННОМУ СНАРЯЖЕНИЮ

Может быть, в начале не всем было ясно, насколько жизненным был вопрос о военном снаряжении и каким важным и безотлагательным он должен был сделаться в дальнейшем. Взоры наши в эти первые ранние месяцы войны были в большей степени устремлены на величественное зрелище записи первого миллиона человек в ряды новой армии, на скопление этих людских резервов. Этот людской поток, устремившийся в ряды армии, тем больше увеличил трудности

* Официальная история военных действий во Франции и Бельгии, т. II, стр. 450, отмечает, что 8-я дивизия не была «подготовлена» согласно требованиям английского командования... Дивизия собралась в Герслей парке, близ Винчестера — между 19 сентября и 2 ноября; отправка ее во Францию началась 4 ноября. Поэтому не было времени для подготовки бригады и дивизии в соответствии с мирными условиями.

военного снабжения, что среди записавшихся было много высоко квалифицированных рабочих, технические знания которых были чрезвычайно важны для увеличения продукции военного снаряжения. Но и эти специалисты либо были увлечены потоком общественного энтузиазма, либо записывались в волонтеры под влиянием укоров и примера своих сограждан. Некоторым из нас было ясно, что вооружение и боевое снаряжение нашей армии, получение которых связано с большими трудностями, не менее важно, чем человеческая сила. Когда донеслись первые предостерегающие слухи о недостатке в снаряжении, испытываемом нашими войсками во Франции, когда стали распространяться слухи о затруднительном положении наших военно-промышленных фирм, забитых заказами, мы почувствовали, что следует что-то предпринять, чтобы справиться с положением.

В сентябре я настаивал на назначении специальной комиссии кабинета для рассмотрения вопроса о пушках, снарядах и ружьях. Однако лорд Китченер сперва так сопротивлялся этому, что кабинет отверг мое предложение. К Китченеру в это время относились с таким уважением, что его коллеги не решались в какой-либо мере поколебать его авторитет. Однако в начале октября мне удалось убедить кабинет. Была назначена комиссия для изучения вопроса о положении военного снабжения, для изыскания средств к увеличению продукции и ускорения сдачи изготовленного снаряжения. Комиссия состояла из следующих семи членов: военный министр (лорд Китченер), лорд канцлер (лорд Холден), канцлер казначейства (Ллойд Джордж), морской министр (Черчилль), министр внутренних дел (Мак-Кенна), министр торговли (Ренсимэн), министр земледелия (лорд Люкас)*.

Эта комиссия собиралась шесть раз в период между 12 октября 1914 г. и 1 января 1915 г. и взяла на себя инициативу в некоторых наиболее важных вопросах политики и очередных мероприятиях. Так как работы этой недолго просуществовавшей комиссии легли в основу дальнейших мероприятий в деле военного снабжения, я дам здесь краткий очерк ее деятельности. На первом своем заседании 12 октября комиссия рассматривала вопрос о снабжении пушками новых армий и предложила давать заказы на артиллерию в гораздо большем количестве, чем это предполагало доселе военное министерство. Было предложено заказать 3 тыс. 18-фунтовых полевых орудий, сдача которых должна была произойти в мае 1915 года; ранее же было заказано всего 892 орудия, причем срок сдачи их был предусмотрен в июне. Я настойчиво указывал на то, что производственная способность существующих фирм, изготовляющих вооружение, должна быть расширена, что сверх того должны быть мобилизованы немедленно огромные промышленные ресурсы всей страны в целом для производства не только орудий, но и предметов военного снаряжения; я настаивал на необходимости использования в тех же целях крупных машиностроительных и

* Впоследствии был убит на фронте.

им подобных предприятий. Глава ведомства военного снаряжения возражал мне, указывая, что производство орудий, ружей и снарядов — дело, требующее большой точности, долгого опыта и высоко квалифицированных рабочих, что немногие фирмы, которые обладают необходимым опытом и кадрами рабочих, заключили ряд дополнительных контрактов на всю ту работу, которую эти «посторонние» фирмы могут выполнить, что таким образом все технические возможности страны, к которым можно отнестись с доверием, уже целиком использованы. Сделать что-либо сверх этого и предоставить дело выработки военного снаряжения предприятиям, у которых нет в данном отношении необходимого опыта, было бы слишком рискованно. Он указывал на опасность изготовления неточных снарядов. Они могут привести к взрывам орудий. Такова была его точка зрения по поводу существующих способов снабжения военным снаряжением. Конечно, при чрезвычайном расширении производства, как этого требовали обстоятельства, могли быть допущены известные дефекты в выполнении заказов; но будущее показало, что риск от плохо спроектированных трубок гранат — в чем было повинно ведомство военного снаряжения — был гораздо больше, чем от беспечности британских промышленников. Обсуждался также вопрос о нехватке ружей. Не было никаких видов на снабжение наших солдат-волонтеров ружьями в течение многих месяцев, если бы не были предприняты особые усилия, чтобы ускорить производство ружей. Была послана депеша представителю военного министерства в Соединенных штатах Америки с предписанием выяснить максимальное количество полевых орудий и ружей, которое можно получить от американских фирм военного снаряжения. Всего требовалось 1500 18-фунтовых орудий и полмиллиона ружей.

Ответ на этот запрос показал, что было мало надежды обеспечить дополнительную поставку вооружения из Америки ранее сентября 1915 г.

На следующий день — 13 октября — нашу комиссию посетили представители государственных орудийных заводов, Армстронга-Виккерса, заводов в Ковентри и фирмы Бердмор. Относительно финансовой стороны дела я обещал представителям приглашенных фирм, что правительство найдет капитал, нужный для расширения производства как самих фирм, выделывающих вооружение, так и других фирм, заключающих с ними дополнительные договоры на поставку вооружения; кроме того правительство компенсирует их, если обнаружатся убытки. Получив такие обещания, представители фирм заявили о готовности максимального увеличения продукции, и в результате этого собрания названные фирмы приняли на себя обязательство повысить число заказанных пушек с 878 до 1616, с тем чтобы они были готовы не позже августа 1915 г.

После этого второго заседания я решил посетить Францию и познакомиться с французскими методами производственного снаряжения, о которых я скажу несколько ниже.

Следующие заседания 20 и 21 октября были посвящены вопросу о взрывчатых веществах, относительно которых военный министр должен был дать дальнейшую информацию, а также вопросу о снабжении армии ружьями; было решено на много увеличить количество ружей, уже заказанных и подлежавших сдаче в июне 1915 г. В результате было решено сделать большие заказы в Соединенных штатах, а также дать субсидии местным английским фирмам, которые согласились бы расширить производство. Затем в целях мобилизации возможных дополнительных ресурсов было решено образовать комиссию из представителей фирм, производящих вооружение, для распределения заказов между отдельными фирмами.

Эта сводка дает представление о тех основных вопросах, которые обсуждались в октябре на первых четырех заседаниях комиссии. Довольно скоро стало ясным, что хотя субсидии и являются очень существенным моментом, но все же это далеко не все, что нужно было, чтобы справиться с положением.

Трудность увеличения заказов на военное снаряжение и ускорения выполнения уже распределенных заказов при тех методах, которыми пользовалось военное министерство, становилась с каждой неделей все более явной. Существующие заводы военного снаряжения уже работали полным ходом, но военное министерство, повидимому, не могло добиться увеличения их производительности или их числа. Англия была богаче других стран по разнообразию промышленного оборудования, огромная часть которого была впоследствии использована и применена для производства вооружения. Военно-промышленные предприятия постоянно жаловались на недостаток рабочих рук, чтобы оправдать невыполнение заключенных ими контрактов; однако в стране все же было бо́льшее количество рабочих рук, чем то, которым пришлось обходиться в последующий период войны. Число обученных рабочих, правда, уменьшалось изо дня в день в результате призыва в армию, производившегося без всякого разбора. Высшие чиновники военного министерства, ответственные за весь план снабжения оружием и за все его производство, упорно придерживались своих узаконенных методов. Они упорно отказывались применить единственно действительный способ использования промышленных и рабочих ресурсов страны в целях обеспечения соответствующего увеличения производства.

Для того чтобы еще более выяснить возможность увеличения нашего снабжения военным снаряжением, я решил после второго заседания комиссии посетить Францию и посмотреть, что было сделано там в целях расширения производства. В этом посещении мне сопутствовали лорд Рединг, впоследствии главный судья, и сэр Джон Саймон, бывший затем генеральным стряпчим.

Наша компания — лорд Рединг, сэр Джон Саймон и я — покинули Ньюхевен в полночь 16 октября и пересекли Ламанш на истребителе в направлении на Дьепп. Это было мое первое ощущение непосредственной близости войны. Как только мы вышли из Ньюхевена, огни были потушены, так как около Шербурга утром видели герман-

скую подводную лодку. Мы должны были ехать необычной дорогой, шли медленно, так что переезд через канал занял больше времени, чем требовалось для обычного пакебота.

В Дьеппе нас встретили представители французского правительства. С ними мы посетили некоторые из полей битв к северу от Парижа. Одним из автомобилей, встретивших нас, управлял драматург Анри Бернштейн, игравший перед тем такую видную роль в обвинении Кайо во время процесса его жены. Нас повезли в Санли и Бовэ, а также в ряд других местностей. Нижняя часть Санли представляла собою груду развалин — результат германской бомбардировки. Впервые мы увидели произведенные войной разрушения. В Крейль мост через реку был взорван французами, чтобы прикрыть их отступление от германцев, и мы переезжали реку по понтонному мосту. Проехав на автомобиле по стране, местами казавшейся совершенно лишенной жителей, потому что здесь наступали германцы, мы вечером достигли Парижа. Париж тоже походил на покинутый жителями город. Все веселье, шум и оживление схлынули в Бордо еще в период августовской паники. Елисейский дворец, палата депутатов, Люксембургский дворец, правительственные здания были заперты; охранять их остались лишь немногие храбрецы. Президент, министры, депутаты — почти все, за исключением Клемансо и Бриана, уехали. Правительство до сих пор жило в Бордо. Вспоминали, что Клемансо, когда его спросили, следует ли правительству покинуть Париж в виду того, что германцы были почти у ворот столицы, ответил: «Да, фронт слишком далек от Парижа». Вся парижская молодежь — на фронте; пожилые люди, вооруженные ружьями старой системы с длинными штыками, несут караульную службу. Значительное число остального населения, особенно богатых кварталов, в поисках безопасности уехало к югу, когда германцы быстрыми рейдами приближались к Парижу. Отели были заперты, в магазинах, за исключением тех, где продавались необходимые для жизни продукты, не было ни покупателей, ни зрителей у витрин. Немногочисленные жители на улицах выглядели серьезно и озабоченно. Перед войной платья парижанок всегда казались мне несколько мрачными, так же как и одежда средней британской женщины, которая казалась темной; но в настоящее время одежды как мужчин, так и женщин, выглядели чернее, чем всегда, потому что доблестная французская армия в ужасных сентябрьских боях понесла более ужасные потери, чем когда-либо несла какая-нибудь другая армия и притом в такой короткий срок. Париж стал мрачным городом.

В воскресенье утром в 10 часов мы достигли цели нашего путешествия: нам нужно было выяснить, в какой мере французское правительство организовало частную промышленность для производства военного снабжения и в какой мере, имея в виду французский опыт, можно было организовать нечто подобное в Соединенном королевстве. Генерал Сент Клер Девилль, изобретший знаменитую 75-миллиметровую пушку, был уполномочен французским правительством

дать нам всю необходимую информацию. Он и капитан Канбфор отдали в наше распоряжение свои знания и опыт. Генерал Девилль поразил меня. Он олицетворял собой блестящий пример спокойного, вдумчивого и серьезного француза. Канбфор прекрасно говорил по-английски (он был в мирное время богатым купцом и фабрикантом в Лионе) и хорошо знал Англию. Они объяснили нам, какие меры были предприняты во Франции для того, чтобы увеличить производство пушек, снарядов и т. п., и что предположено сделать в будущем для дальнейшего развития производства. Они рассказали, как правительство немедленно после того, как разразилась война, созвало инженеров и промышленников для обсуждения вопроса о наилучшем использовании всех фабрик и мастерских, которые могли бы помочь государству. Большое затруднение состояло в недостатке обученных рабочих, потому что при мобилизации никто не успел подумать об этой необходимости, и все в возрасте, подходящем для военной службы, пошли на фронт. Правительство делает теперь все возможное, чтобы получить обратно квалифицированных рабочих, хотя это и является чрезвычайно трудным, так как они рассеяны по различным точкам в различных частях боевого фронта. Все же известное число таких специалистов уже возвращено с фронта. Вооружение изготовляется частными фирмами, и частное производство его быстро возрастает.

В Англии не сделано было попыток вернуть крайне необходимых для организации военного производства квалифицированных рабочих, ушедших в территориальные или китченеровские армии, до тех пор пока не было организовано в мае 1915 г. министерство военного снаряжения. К этому времени многие из этих рабочих уже пали на фронте в напрасных боях — напрасных, главным образом из-за недостатка пушек и снарядов, которые можно было бы с их помощью изготовить. Производство военного снаряжения чрезвычайно сильно пострадало от этой ошибки.

Генерал Девилль указал, что мы в Англии имеем огромное количество великолепно оборудованных машиностроительных и других фабрик с самыми разнообразными машинами и техническим оборудованием: наше положение поэтому благоприятнее, чем положение Франции в смысле дальнейшего увеличения продукции военной промышленности. Он предложил ознакомить наше правительство с тем методом развития военной промышленности, который они разработали во Франции. Мы сообщили об этом предложении в военное министерство, но я никогда не слыхал, чтобы оно имело какие-нибудь благоприятные последствия. Хотя мы и напоминали представителям нашего ведомства военного снаряжения о поданной Девиллем мысли, все это оказалось бесплодным.

В Париже меня посетил лорд Роберт Сесиль, разыскивавший сына своей сестры, занесенного в списки пропавших без вести. В результате своих поисков он выяснил, что юноша был тяжело ранен и перенесен вместе с другими в деревенский дом. Здесь раненым была оказана помощь, были сделаны перевязки и оста-

новлено кое-как кровотечение. В это время деревней завладели германцы. Доктор, ухаживавший за ранеными, предупредил германского офицера, что перевозка этих раненых приведет неизбежно к их смерти. Однако несмотря на это, они все же были перенесены на повозки и должны были быть увезены в качестве военнопленных. В результате все они умерли. Если бы они были оставлены и поправились, они могли бы возвратиться на фронт и помогли бы убивать германских солдат. Такова безжалостная логика войны.

Лорд Роберт также предпринимал шаги к тому, чтобы была отслужена похоронная служба по павшим британским солдатам, которые должны были для этого быть выкопаны из земли, где это возможно, и вновь похоронены с религиозными обрядами; это была печальная и тяжелая задача. Он указывал, что британское правительство должно послать для этой цели специальную миссию. Я обещал выяснить это дело.

Нам удалось получить интервью с генералом Галлиени — военным губернатором Парижа. Он был несомненно замечательной личностью. Генерал Галлиени выглядел совершенно больным — бледным и крайне исхудалым. Смерть казалось высосала из него жизнь. Впоследствии мы узнали, что он страдал серьезной внутренней болезнью. От нее он и умер в 1916 году. Но до самой смерти он был человеком решительным, смелым и бесстрашным. Еще незадолго до нашей встречи ему удалось внести заметный вклад в общее дело и способствовать победе на Марне. Мы обсуждали с ним весьма подробно общее военное положение.

В понедельник рано утром мы покинули Париж и отправились на автомобиле в Амьен — главную квартиру северной армии. По пути мы проезжали Мондидье. Германские аэропланы только что бомбардировали город, и осколки германских бомб вряд ли успели остыть к тому времени, когда мы приехали. Здесь я услышал впервые в моей жизни треск разрывающихся снарядов, имевших целью убийство людей, и мое первое ощущение заставило меня содрогнуться. В Амьене мы посетили главную квартиру генерала Кастельно — одного из наиболее способных руководителей войны. Он уже приобрел большую репутацию в жестоких боях при Гран Куронн на лотарингском фронте, где под его руководством французам удалось отбить германские попытки прорвать фронт в этом опасном месте. Его личность произвела на нас глубокое впечатление. Это был человек низкого роста, с высоким лбом, умными темными глазами, спокойный и серьезный в обращении. Я поехал с ним к линии французской обороны, проходившей за Дулланом. По пути генерал рассказывал о ходе военных операций, который бывает столь неожиданным, что опрокидывает все планы военных штабов обеих сторон. Было ясно, что ни германские, ни французские генералы не предвидели, что война обратится в серию осадных операций гигантского масштаба.

«Я предполагал, — сказал Кастельно, — что будут большие планомерные битвы с перерывами между ними недели на две или

около того для отдыха и подготовки к новой битве. Но здесь — я пришел со своей армией из Лотарингии в Нормандию — мы сражались беспрерывно 79 дней и ночей и все еще продолжаем сражаться».

Он давал ответы на мои вопросы; некоторые из них могли показаться странными, но были всегда яркими. По дороге к фронту мы встретили походный госпиталь, и я спросил Кастельно, не везут ли это раненых в лазарет, находящийся за линией фронта. Он ответил: «Человек, вовлекший нас в войну, имеет душу дьявола». Он рассказал о потерях, которые были огромны с обеих сторон. «Прусская гвардия, — сказал он, — сметена; французы тоже потеряли слишком много храбрых людей». Он выражал сожаление по поводу их потери и сказал: «Я просматриваю списки этих мертвых героев и, когда узнаю, как они умерли, слезы выступают у меня на глазах. Приходится признать, что не было ни одного среди них, который не был бы более крупным человеком, чем я».

Двое из его собственных сыновей оказались в этих списках убитых. Он имел обыкновение каждое утро прочитывать своему штабу имена убитых офицеров. В одно из таких утр в списке оказалось имя его собственного сына. Когда он дошел до имени сына его горло сжала спазма — единственный признак эмоции — прежде чем через его губы прошли слова: «Шарль Кастельно». И затем он продолжал спокойно читать до конца список убитых.

Давая пояснения относительно военного положения, он стал очень серьезен, когда начал говорить о том, что обе армии оказались в тисках, которые очевидно невозможно разорвать.

Я спросил, какое количество людей находится под его командой, и он ответил, что у него девять армейских корпусов. «Ну, — заметил я, — это бо́льшая армия, чем те, которыми командовал Наполеон когда-либо в одной битве». Его ответ носил характер обращенного к самому себе монолога. «О, Наполеон, Наполеон! Если бы он был теперь среди нас, он уже придумал бы еще что-либо». На мой вопрос, что он думает об исходе войны, и смогут ли французы выгнать врага из Франции? Кастельно ответил: «Так нужно».

Ответы, которые давали мне генерал Кастельно, а затем генералы Фош и Бальфурье по вопросу о военном положении, оставили у меня впечатление, что даже самые способные французские военные руководители были в этот момент совершенно потрясены военной дилеммой, которую поставила перед ними неожиданная перемена тактики германских армий. Они ожидали маневренной войны и эти ожидания сказывались в снаряжении и организации армии. Не предполагалось вести осадных операций, в которых 75-дюймовки могли играть лишь подчиненную роль. В отдельных пунктах союзное командование пыталось пробить земляные крепости, воздвигнутые немцами, и повсюду их ждали неудача и значительные потери. Теперь французские генералы искали „новых методов“.

К сожалению они были слишком прямолинейны и не замечали того, что находилось по сторонам.

Генерал видимо пользовался большой популярностью среди своих солдат, посещал их в траншеях, шутил с ними, называл их «своими ребятами» и спрашивал, хватает ли им пищи. «С избытком», — сказал один солдат, отправлявшийся на свое место в траншею с большим прекрасным французским хлебом подмышкой.

Я узнал, что настроение солдат совершенно иное, чем в начале войны. Тогда они были терроризированы огромными снарядами врага и в ужасе отступали пред страшными взрывами. Нужна была весьма твердая рука, которая смогла бы парализовать этот охвативший армию ужас. Мы слышали, что генерал Модюи, который присоединился в то время к нашей компании (слывший, между прочим, одним из самых отважных французских генералов), применял по отношению к своим солдатам очень сильное средство. Когда одна часть была сломлена огнем германской артиллерии, Модюи на следующий день заставил их опять итти по направлению к линии вражеского огня. Когда отряд вошел в полосу обстрела, генерал приказал остановиться, повернуться и начал производить обычное военное ученье. Каждый, кто попытался бы бежать, знал, что будет расстрелян на месте. Когда генерал нашел, что солдаты привыкли к орудийному огню, он отвел их обратно. Я спросил Модюи, верна ли эта история, которую про него рассказывают. Он улыбнулся и сказал: «Да, я потом наградил их за это». — «И чем же именно?» — спросил я. — «Когда мы ходили затем в атаку, — последовал ответ, — я позволил им итти на двести метров впереди остальных». — «Замечалось ли у них после этого какое-либо колебание и нарушение военной дисциплины?» — «Нет, никогда» — последовал ответ. Факты падения дисциплины отмечались главным образом среди тех солдат, которые прибыли на фронт из отдаленных от границы департаментов Франции, не сохранивших воспоминаний о каком-либо тевтонском нашествии в прошлом; крестьяне, набранные из этих местностей, были склонны думать, что сражаются за то, что непосредственно затрагивает лишь жителей северной Франции. Но и в частях, состоявших из людей, привезенных из отдаленных департаментов, дисциплина и порядок в настоящее время вполне установились. Они все знали, что идет смертельная борьба, и были покорны и спокойны. На некоторых лицах все же был отпечаток ужаса, следы которого не могли устранить привычка и дисциплина.

Мы проследовали в главную квартиру генерала Бальфурье и здесь впервые наблюдали бомбардировку деревень германской артиллерией— непрерывную, но, впрочем, довольно слабую. Серьезного боя не было и донесения обеих сторон неизменно гласили — «на этом фронте без перемен».

Я делал все возможное, чтобы уяснить себе путем вопросов, задававшихся мною генералу Кастельно, генералу Бальфурье и

всем прочим, кого я встречал, характер задачи, которая стояла перед союзниками, в виду того что германская армия окопалась в глубоких траншеях. Повсюду были следы предусмотрительности и прекрасной подготовки германцев. Двигаясь на Париж, они в то же время рыли траншеи, которые приготовлялись заранее на случай отступления. Ими были приняты все меры предосторожности, предусмотрены всякие случайности.

Здесь я впервые имел случай встретиться с генералом Фошем. Это был человек совсем другого типа, чем Кастельно. Та роль, которую Фош сыграл в недавней победе на Марне, лишь увеличивала мое желание его повидать. Фош более соответствовал британским представлениям о типичном французе: живой, энергично выражающий свои чувства, постоянно жестикулирующий. Его движения были столь же выразительны, как и его речь. Но каким бы образом он ни выражал свои мысли — жестом или голосом, — он всегда говорил хорошо и по существу. Его высокий, широкий лоб и проницательные глаза выдавали в нем человека исключительно одаренного. Я спросил его, не хочет ли он передать что-либо британскому кабинету. «Скажите им, что отступления больше не будет», — заявил Фош. Я спросил далее, могу ли я также сказать, что будет наступление? Он подумал, очевидно приведенный моим вопросом в некоторое замешательство, и после некоторой паузы ответил: «Это зависит от людей и материалов, которые вы сможете бросить на линию фронта». Он сказал, что бельгийцы должны были отступить под натиском германцев, но он дал бы им следующий совет: «Если вы хотите сохранить вашу землю, заройтесь в нее и держитесь за нее зубами».

В главной квартире дивизии Бальфурье мы видели германского военнопленного — прусского гвардейца, который только что был приведен сюда. Он был ранен в руку и очевидно сильно страдал. Лорд Рединг говорил с ним и выяснил, что германец был жителем Берлина. Пленник держался с большим достоинством, не был ни угрюм, ни излишне разговорчив, но очевидно остро сознавал свое положение. Он имел вид образованного человека. «Итак, — сказал французский генерал, — вы не должны тревожиться. Вас возьмут в госпиталь и будут ухаживать так же, как за нашими ранеными». — «Ваши люди тоже находят у нас хорошее обращение», — возразил германец. Генерал пожал плечами. «Во всяком случае, — сказал он, — для вас это только вопрос времени. Когда кончится война, вы вновь будете свободны и вернетесь домой». — «Ах, — сказал с тоской пленник, — дом это единственное, что имеет значение в жизни».

Я спросил молодого французского офицера, сопровождавшего меня на фронте, верны ли рассказы о германской жестокости по отношению к женщинам. «Нет, — ответил он, — они их, как общее правило, оставляют в покое». И затем прибавил, цинически пожав плечами: «Они не ценят женщин».

На этой стадии войны не было видно значительных внешних следов опустошения. Сотни дальнобойных орудий, которые впослед-

ствии сносили с лица земли города и деревни и разворачивали поля, еще не начали своей разрушительной работы. Страна в целом не обнаруживала следов грабежа и опустошения. Крестьяне были на полях, часто упрямо работая под обстрелом германских снарядов. Мне рассказывали об одной старой женщине, работавшей в картофельном поле, когда снаряд разорвался в опасной близости от нее. Она на минуту остановилась, посмотрела на него и вновь принялась за свое дело. Повсюду было такое чувство, что каждый спокойно примирился с установившимся положением вещей, которое угрожало затянуться на неопределенное время. Жители деревень, подвергавшихся бомбардировке, покидали их с наступлением дня и вновь возвращались ночью на ночлег. Раз рано утром мы встретили старика и женщину, только что покинувших свой дом в бомбардируемой деревне, уйдя из нее на день. Старая женщина несла подмышкой утку, вероятно предназначавшуюся на обед. Они были погружены в разговор и, повидимому, философски относились к своему положению.

Когда мы достигли британской главной квартиры в Сент Омере, мы узнали, что сэр Джон Френч только что выехал по направлению к Менану, где уже, как гласило донесение, «сражались». Это было начало ужасной ипрской битвы.

Глава шестая

НЕДАЛЬНОВИДНАЯ ПОЛИТИКА

1. БОРЬБА ЗА ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Несмотря на то, что комиссия кабинета рекомендовала обратиться к более полной мобилизации технических ресурсов страны, для производства вооружения, военное министерство продолжало придерживаться своей старой практики и оставалось в зависимости от определенных фирм, поставлявших вооружение. Если бы война кончилась к рождеству, эта официальная ведомственная политика министерства могла бы удовлетворить нас. Хотя лорд Китченер в одном из своих немногих интервью с представителями прессы, данном 4 декабря 1914 г., и говорил о возможности, что война продлится три года, авторитетные лица из военного министерства, ответственные за снабжение оружием, с трудом представляли себе характер и вероятную продолжительность борьбы. Это выяснилось в связи с переговорами по поводу закупки ружей в США.

Военное министерство решило не заключать новых договоров на поставку ружей помимо тех, которые уже заказаны, если доставка их не будет гарантирована к 1 мая 1915 г. В этой связи я приведу здесь письмо, написанное мною руководителю ведомства военного снаряжения 23 ноября 1914 г. относительно действий военного министерства:

> «Дорогой генерал ван Доноп, лорд Рединг показал мне Ваши письма к нему по вопросу о дальнейших заказах на ружья в Америке. На основании этих писем, я полагаю, Вы держитесь того мнения, что если доставка ружей не будет обещана к 1 мая 1915 г., то позже армия уже не будет нуждаться в дополнительных ружьях сверх тех, которые Вам обещаны после этой доставки. Я должен сказать, что это несколько удивляет меня в виду тех данных, которые известны мне, как члену правительственной комиссии. Если только Вами не сделаны огромные дополнительные заказы к тому количеству ружей, которое Вы ранее предполагали заказать, то мы наверное почувствуем очень острую нужду в них уже в сентябре. Мы исходили

ранее из предположения, что армии Китченера ограничатся той цифрой набора, которая тогда была санкционирована парламентом. С тех пор, однако, парламент предписал произвести набор еще одного миллиона людей. Предусматривается ли в обещанном Вам из разных источников количестве ружей вооружение этого дополнительного миллиона людей?

Я полагал бы, что поскольку имеются заслуживающие полного доверия фирмы в Америке, готовые поставить Вам дополнительное количество ружей, то даже если бы они были доставлены в значительном количестве лишь в конце следующего года, все же по-моему было бы весьма ценно принять такое предложение.

Будьте любезны уведомить меня, так как я обещал сообщить мистеру Гренфеллю вполне определенно, какое решение принято по этому вопросу военным министерством.

Искренно Ваш *Давид Ллойд Джордж.*

P. S. Дальнейшие поставки ружей потребуются для корпусов центральной ассоциации волонтеров, образование которых было недавно санкционировано военным министерством. Они уже насчитывают 200 тыс. человек и будут увеличены согласно предположению военного министерства до одного миллиона».

У меня не сохранилось письменного ответа на это письмо, но вероятно глава ведомства военного снаряжения говорил со мной на эту тему при личной встрече.

Эта неспособность реально представить себе масштаб той войны, которую мы вели, количество требующегося вооружения и военного снаряжения была характерна для военного министерства в первые месяцы войны. Когда в декабре стало ясно, что поставки снаряжения, обещанные главными поставщиками, не поступают, то отсюда не был сделан вывод, что виной этому — сама система производства военного снаряжения. Количество военного снаряжения, обещанное главными поставщиками, оказалось преувеличенным; другие же фирмы встречались часто с непредвиденными трудностями и не выполняли заказов. Эти неудачи однако рассматривались военным министерством, как доказательство правильности той точки зрения, что технические трудности изготовления вооружения приведут к неудачам неопытных в этом деле промышленников и могут быть преодолены только известными министерству фирмами — его постоянными поставщиками.

Военное министерство при содействии министерства торговли старалось добиться перемещения квалифицированных рабочих машиностроительных и других предприятий на заводы военного снаряжения. Хотя в своей непосредственной цели этот проект потерпел неудачу, однако он имел то значение, не предусмотренное его авторами, что помог сломить политику военного министерства, имев-

шего дело исключительно с традиционными источниками военного снабжения. Когда к этим независимым фирмам обратились с предложением передать другим фирмам их квалифицированных рабочих, многие запротестовали, указывая, что они уже выполняли некоторую работу для правительства в качестве субагентов или снабжали материалами другие фирмы, выполнявшие контракты; и даже те, которые до сих пор не производили такого рода работ, выдвигали самые серьезные возражения в связи с предложением передать своих лучших и наиболее искусных рабочих другим частным фирмам, изготовляющим вооружение. Вместо этого они выражали готовность производить военное снаряжение.

Обсуждение данного вопроса предпринимателями происходило в первой половине января 1915 г., и сэр Г. Льюелин Смит из министерства торговли, констатируя жалкие результаты этого обсуждения в меморандуме от 23 января, указывал:

> «Я пришел к заключению, что если для производства вооружения требуется большое количество рабочих в дополнение к тем, которые могут быть получены путем привлечения английских и бельгийских безработных, то необходимо прежде всего точно установить, какое количество заказов может быть передано другим фирмам заводами, производящими вооружение, или дано им непосредственно; эти заказы нужно распределять справедливо, чтобы целиком использовать преимущества имеющегося оборудования и рабочих рук».

Полезный результат вмешательства министерства торговли заключался в том, что глава ведомства военного снаряжения согласился санкционировать предложение, согласно которому биржи труда должны были извещать фирмы, что последние могут при желании заключать контракты на работы по снабжению армии. Условием заключения контрактов ставилось производство соответствующего осмотра предприятия и выяснение, в какой мере оно в состоянии выполнить контракт. В течение первых восемнадцати месяцев войны было проверено при помощи бирж труда около 11 тыс. фирм. Это привело к выдвинутому ведомством торговли проекту систематического обзора состояния машиностроительных и родственных им предприятий. Проект этот был, однако, оставлен в виду того, что федерация предпринимателей машиностроительной промышленности, которая должна была играть активную роль в выполнении этого плана, выдвинула возражения. Федерация ссылалась при этом на отсутствие информации относительно типа контрактов, которые намерено предложить фирмам военное министерство. Министерство внутренних дел также решило произвести перепись оборудования, что и было произведено в марте через фабричных инспекторов. Результаты были сообщены военному министерству. Однако существенный успех в смысле использования всех технических возможностей страны не был достигнут.

2. НЕДОСТАТОК В СНАРЯДАХ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ.

Меморандум, подписанный лордом Китченером 9 января 1915 г. и обращенный к главной квартире английской армии во Франции, констатирует положение дел с военным снаряжением к началу 1915 г. с откровенностью, которая должна была произвести несомненно обескураживающее действие на главнокомандующего и его армию:

«В настоящее время представляется невозможным поддерживать снабжение артиллерийским снаряжением на том уровне, который Вы считаете необходимым для наступательных операций. Прилагаются все усилия — во всех частях света — чтобы получить возможность неограниченного снабжения военным снаряжением, но как Вы хорошо знаете, результаты до сих пор далеки от того, чтобы мы могли, как следует, снабжать снарядами в количестве достаточном для наступления то огромное количество пушек, которое находится в настоящее время в Вашем распоряжении. Вы указали, что наступательные операции в новых условиях, созданных настоящей войной, требуют огромной затраты артиллерийского снаряжения, так что, например, может потребоваться на срок от 10 до 20 дней от 50 до 100 снарядов в день на одно орудие; и если не может быть накоплен такой запас снарядов для боя, то было бы неблагоразумно начинать наступательные операции против вражеских окопов. Конечно, невозможно с точностью рассчитать, как долго могут продолжаться наступательные операции, однажды начатые, прежде чем не будет достигнута стоящая перед нами цель; однако очевидно, что перерыв подобных операций до достижения преследуемых ими целей из-за недостатка артиллерийского снаряжения может поставить нашу армию перед серьезными испытаниями».

Ни содержание этого меморандума, ни его задача не были сообщены Китченером кабинету *. В течение января и февраля количество телеграмм, получаемых главой ведомства военного снаряжения из главной квартиры действующей армии, непрерывно возрастало; телеграммы обычно гласили: «запасы снарядов сильно уменьшились», «полученное количество снарядов гораздо ниже установленной нормы», «просьба по возможности ускорить дальнейшее снабжение снарядами». 21 января генерал ван Донон писал начальнику генерального штаба во Францию: «Мне представляется совершенно безнадежным называть Вам числа, когда мы сможем доставить вам пушки и снаряды».

Та информация, которую мне удавалось получать, несмотря на

* В первую неделю боев на Сомме у нас было в $3^1/_2$ раза больше пушек во Франции, чем на 1 января 1915 г., и расходование снарядов в неделю составляло 237 снарядов на пушку в день для артиллерии, принимающей участие в бою.

замалчивание военными властями общего положения, увеличивала мое и без того острое беспокойство. Поэтому четыре дня спустя — 22 февраля 1915 г. — я обратился с меморандумом к кабинету; в нем я представил некоторые соображения, относящиеся к ведению войны. Привожу выдержки из него:

«Первая и величайшая трудность — это вопрос о военном снаряжении. Число людей, которое мы можем выставить, чрезвычайно ограничивается из-за недостатка пушек и ружей. Мы находимся в невыгодном положении по сравнению с германцами в смысле материальном, но зато имеем большие преимущества в других отношениях. Что касается невыгоды нашего положения, то оно состоит в том, что германцы, а также австрийцы, уже в начале войны имели гораздо большее количество военных материалов и более мощные заводы для выпуска снаряжения по сравнению с союзными странами. С тех пор они несомненно достигли гораздо большего в области использования своих промышленных ресурсов для увеличения производства военных материалов. Германия — наиболее организованная страна во всем мире, и ее организованность сказалась полностью.

Таковы невыгодные стороны нашего положения. Но каковы же наши преимущества? Промышленные ресурсы, находящиеся в распоряжении союзников, во много раз превышают те, которыми могут располагать Германия и Австрия. В этом отношении Россию вряд ли можно принимать в расчет, но зато промышленные ресурсы Франции и Великобритании, вместе взятых, по меньшей мере равны ресурсам Германии и Австрии; а так как морские пути открыты для союзников, то они могут легче доставать материалы. Но независимо от этого к их услугам фактически вся Америка, эта величайшая промышленная страна во всем мире, и Япония.

Я полагаю, что Франция напрягла все свои ресурсы до последней степени и вряд ли может сделать больше. Она в настоящее время запретила продажу абсента, и это будет иметь благоприятное действие на производительность труда ее рабочих. Итак, Франция делает все, что может, для общего дела. Я не думаю, чтобы Великобритания до сих пор сделала такие же усилия, которые возможны в области производства военного снаряжения. Правда, за последние несколько месяцев достигнуты большие результаты, но я искренне думаю, что мы можем удвоить наше производство, если тщательно организуем наши заводы. Все машиностроительные заводы нашей страны должны быть обращены на производство военных материалов. Население должно быть готово ко всяким лишениям и даже трудностям, пока будет продолжаться процесс перестройки. Что касается Америки, то я вполне уверен на основании всего, что я слышал, что мы только приступили к использованию этого непочатого края военного снабжения.

Особое внимание следует обратить на установку машин для изготовления ружей и пушек. Я слышал, что постройка таких машин требует нескольких месяцев, но если они будут готовы даже только в сентябре, они все же нам понадобятся*. Мое первое предложение поэтому состоит в том, что правительство должно добиться полномочий, если оно еще по закону их не имеет (я полагаю, что военное законодательство уже дает правительству эти права), и мобилизовать полностью промышленную мощь нашей страны для изготовления военных материалов в кратчайший срок. Я всегда считал, что полное право распоряжаться железными дорогами обеспечивает нас необходимыми полномочиями без того, чтобы приходилось особо обращаться к помощи законодательства. Однако законодательство, которое предоставило бы нам право распоряжаться по нашему усмотрению любым заводом в стране и прибегать к мерам, необходимым для борьбы с затруднениями в области труда и нехватки рабочих рук, несомненно усилило бы наше положение. Мы могли бы также получить полномочия закрыть кабаки в районах, где производится военное снаряжение. Что касается наших железных дорог, то я несколько времени тому назад внес в военное министерство предложение о способах их использования. Я не уверен в том, в какой мере оно уже осуществлено».

В это время проблема военного снаряжения так и не была разрешена. Правительственная комиссия по делам вооружения перестала существовать. Последнее заседание ее происходило 1 января 1915 г., после чего деятельность ее прекратилась под мертвящим действием морозов, которые посылались на нее с вершин военного министерства. Комиссия была уничтожена бесследно. Министерство торговли все еще пробовало, хотя и безуспешно, провести свой проект переброски обученных рабочих с заводов и мастерских, не работавших на нужды войны, в предприятия, которые производили предметы вооружения. Военное министерство, казалось, тщательно закрывало глаза на громадные масштабы стоявших перед ним задач, а наша армия на фронте ожидала с ужасом приближения летней кампании, зная, что запасы боевых припасов совершенно недостаточны и виды на их увеличение самые мрачные.

На конференции, происходившей на Даунинг-стрит 10 в пятницу 5 марта 1915 г., где присутствовали премьер, лорд Китченер, я, генерал ван Доноп, Мак-Кенна, лорд Крью, сэр Джордж Гибб и сэр Джордж Асквит, — конференции, о которой я привожу некоторые данные в помещаемом ниже письме к Бальфуру, — я вновь

* Без необходимых новых машин производство не могло быть пущено в ход. Эти дополнительные машины не были заказаны в течение шести месяцев после принятия большой пушечной программы, которое состоялось вслед за Булонской конференцией по вопросам артиллерийского снабжения. Это был один из первых шагов, предпринятых министерством военного снаряжения.

настаивал на том, что должны быть вполне использованы существующие машиностроительные фирмы; в частности я обращал внимание на необходимость ускорить производство ружей, бывшее до сих пор столь недостаточным, и на то, что во многих частях не было ружей для военных упражнений. Однако и лорд Китченер и генерал ван Доноп — оба, казалось, были совершенно удовлетворены видами на снабжение ружьями: они рассчитывали иметь к началу 1916 г. около двух миллионов ружей. Когда я указал, что палата общин уже вотировала набор 3 млн. человек, Китченер пришел в смущение и заявил, что военное министерство еще не начало подсчета военного снаряжения, т. е. количества пушек, снарядов и т. п. для такой огромной армии.

На конференции было решено произвести обследование для выявления всех машин, которые могли быть использованы для производства военных материалов, но в настоящее время не применялись для этой цели, и лорду Китченеру было поручено произвести подсчет снаряжения, необходимого для армии в 3 млн. человек.

3. ПЕРЕПИСКА С БАЛЬФУРОМ

С исчезновением в январе комиссии кабинета министров по делам военного снаряжения перестал существовать тот орган, который мог бы действительно подталкивать чиновников военного министерства в этом важнейшем вопросе и заставить их выполнять задачи, которые они оставляли без внимания.

Незадолго до конференции 5 марта я вошел в сношения с Бальфуром и время от времени излагал ему свои опасения насчет общего положения; особенно сильное впечатление я произвел на него указаниями на задержки в снабжении наших войск, которые были результатом отказа военного министерства от использования всех наших промышленных ресурсов. Я твердо верил в его патриотизм и преклонялся перед его огромными умственными способностями. Он хорошо знал господ военных. Он не забыл их самодовольства времен бурской войны. Он страдал от него и в то время. Ошибки командования способствовали тогда дискредитированию его министерства. По возвращении с конференции я получил от него следующее письмо.

«4. Карльтон Гарденс
Пель-Мель 10.3.1
5 марта 1915 г.

Мой дорогой канцлер казначейства,

Я думаю, Вы не обидитесь на то, что это письмо я диктую, так как мой почерк — настоящая мука для моих корреспондентов. Я совершеннейшим образом уверен, что Вы совсем не безразлично относитесь к вопросам, о которых мы с Вами имели разговор третьего дня. Оставляя совершенно в стороне вопрос о волнениях среди рабочих, я должен сказать, что положение представляется мне крайне неудовлетворительным, и если Вы

не возьмете в свои руки дело организации технических ресурсов страны в интересах военного снаряжения, то я не думаю, чтобы можно было ожидать улучшения. Я боюсь, что это несомненный факт: отдел заказов военного министерства сознательно отказался от представлявшейся недавно возможности получить нужные для изготовления ружей машины. Эти несчастные полагают, что у нас их уже достаточно.

Мне очень трудно понять, каким образом у нас достаточно снаряжения даже для наших собственных нужд, не говоря уже о наших союзниках. Оставляя в стороне то, что мы можем закупить за границей, я полагаю, что собственное производство в настоящий момент совершенно недостаточно. Мы вырабатываем около 45 тыс. новых ружей в месяц, а набираем в месяц до 60 тыс. человек. Большое число наших рекрутов поэтому невооружены.

Лорд К., повидимому, больше занят вопросом о снарядах, чем о ружьях.

Каждый знает, что не представляет никаких трудностей изготовить металлическую оболочку снаряда желательных размеров. Вся трудность состоит в изготовлении трубок. Но пусть кто-нибудь докажет мне, что при соответствующей организации невозможно увеличить производство трубок. Может быть это и так, но я совсем не склонен принимать это на веру на основании утверждений чиновников ведомства снабжения в военном министерстве. Они, может быть, и прекрасные люди, и хорошо выполняют свою работу, но у них нет необходимой подготовки для того, чтобы успешно использовать промышленные ресурсы страны.

В связи с этим я не могу не удивляться позиции, занятой в настоящее время русским министерством иностранных дел. Оно не только безразлично относится к возможному увеличению сил союзников путем присоединения новых государств к Антанте; оно как будто даже против этого. Это можно было бы понять, если бы они обладали подавляющей силой хорошо вооруженных армий. Но если они так плохо снабжены, как мы склонны предполагать в моменты пессимизма, то их самоуверенность поистине поразительна.

Лично я скорее был бы рад, если бы греков можно было послать для оккупации Смирны и ближайшей территории. Это могло бы способствовать выступлению итальянцев, а также было бы дополнительным аргументом в пользу того, чтобы не использовать греков на Галлиполийском полуострове. Я не вполне понимаю, почему адмиралтейство выражало столь сильное желание получить их помощь; его план высадки больших сил на полуострове и вытеснения турок дюйм за дюймом с территории полуострова представляется мне совершенно абсурдным. Если единственная дорога, по которой может быть доставлено снаряжение туркам, частично разрушена и успешно

обстреливается военными судами, то мы можем спокойно оставить галлиполийский гарнизон вариться в собственном соку — при том однако предположении, что военные суда могут самостоятельно уничтожить форты, как это утверждает адмиралтейство *.

Я не предполагал, впрочем, беспокоить Вас всеми этими соображениями. Единственно, чего я хотел, обращаясь к Вам с этим письмом, это только просить Вас сделать все возможное, чтобы привлечь посторонних промышленников на помощь военному министерству.

Искренно Ваш

Артур Джемс Бальфур».

Прежде чем я получил это письмо, я сам написал Бальфуру следующее:

«Марта 6-го, 1915.

Дорогой г. Бальфур,

Вчера у нас было неофициальное заседание для обсуждения вопроса о затруднениях с рабочими на Клайде и Тайне. Присутствовали премьер и лорд Китченер, а также Мак-Кенна, сэр Джордж Гибб и сэр Джордж Асквит; адмиралтейство не было представлено. Обсудив вопрос о последствиях стачки на Клайде, мы перешли к проблеме военного снаряжения.

Ван Доноп уверил нас, что с ружьями дело обстоит удовлетворительно. Он уверен, что в конце сентября можно будет снабдить ружьями всех рекрутов, которые проходят сейчас курс военного обучения. Это вооружение включает ремонтированные ружья. По словам ван Донопа около 130—140 тыс. ружей не стоило бы ремонтировать для фронта, но они достаточно хороши, чтобы учиться убивать германцев в Англии.

Если набор и дальше пойдет таким же темпом, как сейчас, то мы сможем снабдить ружьями наши новые военные силы приблизительно к началу февраля следующего года. Так будет обстоять дело согласно оптимистической оценке ван Донопа относительно количества производимых ружей. В настоящее время выпускается от 30 до 40 тыс. ружей в месяц, и ван Доноп вправе был сказать, что ружья поступают ранее установленных сроков. Постепенно он рассчитывает ускорить производство, доведя в сентябре количество выпускаемых ружей до 100 тыс. штук в месяц, а в декабре до 155 тыс. штук. *Он не может ускорить производство ружей в настоящее время, потому что потребуется девять месяцев для изготовления необходимого оборудования и машин.* Если бы это было сделано в августе прошлого года, то мы имели бы достаточно ружей

* Я не разделял взглядов Бальфура относительно возможности форсирования проливов без занятия Галлиполи. Если бы мы поручили эту задачу греческой армии в начале войны, все последующие трудности были бы таким образом устранены.

для наших новых армий в июне вместо сентября — разница весьма существенная, потому что при настоящей норме выработки ружей мы не можем отправить на фронт наши новые военные силы до конца лета. Эти данные гораздо лучше, чем я рассчитывал, но весьма серьезным является то обстоятельство, что они совершенно не предусматривают снабжения ружьями наших союзников. Между тем русские, как Вы знаете, находятся в крайне плачевном положении из-за недостатка ружей. Лучше обстоит у них дело со снарядами *.

Вчера мы еще раз вынесли постановление о необходимости принять меры к организации промышленности. Они были приняты в октябре и за последнее время действительно осуществлялись. Военное министерство признает, что у него большая нехватка в снарядах, ружьях и трубках для гранат, что оно ничего не может предпринять в этом году, чтобы помочь военным снаряжением нашим союзникам. Эти признания носят зловещий характер, поскольку речь идет о перспективах войны на ближайшие двенадцать месяцев... Ничто не может помочь такому положению кроме назначения энергичного, бесстрашного человека, который встал бы во главе нового министерства, такого человека, которого не мог бы обольстить или обмануть ван Доноп или испугать кто бы то ни было другой.

Я искренне желаю, чтобы Вы присутствовали на этом заседании. Все эти соображения приходится настойчиво предлагать военному министерству, и один тот факт, что это все еще необходимо делать в конце восьмого месяца войны, сам по себе наводит на размышления по поводу организации военного министерства. Настаивать на этом было весьма неприятным делом, и я с горечью должен сказать, что меня очень мало поддерживали. Весьма существенно, чтобы Ваше влияние и положение служили мне поддержкой в этом вопросе. На особом заседании, которое назначено в ближайшее время, Китченер должен будет сообщить дальнейшие цифры. Я надеюсь, что оно будет назначено в начале недели и что Вы сможете присутствовать на нем. *Судьба войны зависит от решительных действий, которые должны быть предприняты немедленно с тем, чтобы организовать наши промышленные резервы в целях увеличения продукции военного снаряжения не только для нас, но и для наших союзников.*

На вчерашнем заседании было выяснено, что мы ничего не можем сделать для оказания помощи России, и самое большее, что мы можем сделать до конца года, это вооружить и снабдить снаряжением наши новые войска.

Искренно Ваш

Д. Лл. Джордж».

---

* Военное министерство скрыло от кабинета факты, свидетельствовавшие о серьезном недостатке снарядов на западном фронте.

4. ЗАКОНЫ О ЗАЩИТЕ КОРОЛЕВСТВА И ПРОБЛЕМА ВОЕННОГО СНАБЖЕНИЯ

Спустя четыре дня после описанного совещания, 9 марта 1915 г., я предложил палате общин билль об изменении и расширении постановлений акта о защите королевства. Это было третье издание ДОРА (Defence of the Realm Act — D. O. R. A.), которое должно было чрезвычайно расширить полномочия, предоставленные властям для обеспечения снабжения военным снаряжением.

Первый «Акт о защите королевства» был издан 8 августа 1914 г. и давал широкие полномочия правительству в области издания постановлений, необходимых для регулирования деловой жизни в военных условиях; второй закон, проведенный 28 августа 1914 г., еще более расширял эти полномочия, включив право контроля над военными фабриками и их рабочими.

Третий акт ДОРА расширил право контроля, разрешив правительству брать в свое распоряжение и использовать любую фабрику или мастерскую, контролировать ее производство, перевозить ее машины, куда это окажется необходимым, распоряжаться пустующими участками для строительства жилищ для рабочих, изготовляющих военное снаряжение, и аннулировать любые контракты, которые служат препятствием для работы фирм, производящих военные материалы.

Возможность пользоваться такими полномочиями, предоставленная правительству новым законом, несомненно чрезвычайно усилила его позиции в дальнейших сношениях с фирмами и рабочими. Если бы эти полномочия применялись разумно, с достаточной решительностью и без потери времени, то они весьма способствовали бы устранению наиболее серьезных затруднений, с которыми нам пришлось встретиться в это время. Правда, министерством торговли была сделана попытка использовать свое право брать в распоряжение фабрики, производящие вооружение, чтобы таким образом бороться с чрезмерными прибылями, которые получали их владельцы и которые вызывали крайнее недовольство среди рабочих. Последние не без основания указывали, что обращенные к ним призывы приложить все силы для увеличения производства были в сущности призывами увеличить богатство и сверхприбыли лиц, наживавшихся на войне. Переговоры по этому поводу окончились неудачей, и позже я разрешил этот вопрос при помощи специального постановления о чрезмерных прибылях, включенного в закон о военном снаряжении.

Во время обсуждения билля Бонар Лоу сделал ряд ценных замечаний. Он начал свою речь следующим заявлением:

> «Я хотел бы немедленно отметить, что полномочия, которые в настоящее время испрашиваются, являются самыми обширными из всех, которые правительство когда-либо испрашивало у палаты общин. Они позволяют правительству обратиться к любой фабрике и указать, что она должна и чего

не должна делать; или указать, что принадлежащие данной фабрике машины не используются наиболее выгодным способом и что они будут у нее взяты и использованы для другой цели». (Канцлер казначейства — «Для производства военных материалов».)

Бонар Лоу заявил далее, что самый факт обращения правительства за такими чрезвычайными полномочиями и его стремление поскорей провести соответствующий закон дают основания для беспокойства. Затем он продолжал:

> «В своей речи в палате общин в прошлый понедельник я сказал, что в одном отношении у меня имеются сомнения, делает ли правительство все, чтобы окончить войну. Я выражал тогда эти сомнения. Я не знал ничего определенного, как не знаю и в настоящий момент. Но я выражал сомнение в том, что мы имеем достаточное количество оружия и военных припасов. И я сказал, что если положение действительно таково по прошествии семи месяцев войны в такой стране, как наша, являющейся величайшей промышленной страной в мире, где имеются огромные возможности приспособления одной отрасли промышленности для нужд другой, если действительно имеется такой недостаток, то это результат того, что промышленные ресурсы страны не используются с максимальной выгодой. Я не понимаю почему, — если билль является необходимостью, этого не предусмотрели в августе или сентябре и почему этот билль не был внесен тогда же».

Эта выдержка из речи Бонар Лоу свидетельствует о той тревоге, которая возникала в связи с неуменьем военного министерства наилучшим образом использовать возможности нашей промышленности. Во время обсуждения этого вопроса я между прочим сказал, что «правительство ищет настоящего, крепкого, делового человека, обладающего достаточной энергией, который мог бы толкнуть дело, сдвинуть его с мертвой точки и довести до благополучного конца». Фразу подхватили и общество стало напряженно ждать, когда же появится такой «толкач». Лорд Китченер пытался кое-как удовлетворить этому требованию.

Билль прошел без голосований и возражений. Ведомство военного снаряжения не могло жаловаться на то, что у него не было всей полноты власти для наилучшего использования всей промышленной мощи страны. Однако не замечалось никаких признаков особого рвения с его стороны использовать эти новые полномочия и расширить производство военных материалов за пределы того узкого круга известных министерству фирм, которые уже производили военное вооружение. Поэтому я убеждал премьера созвать новое совещание, чтобы еще раз обсудить положение. На этом совещании решено было назначить особую комиссию для рассмотрения данной проблемы. Эта комиссия собралась 22 марта и составила

набросок плана, в результате чего премьер написал мне следующее письмо:

«10. Даунинг стрит,
Уайтхолл Ю-З
22 марта 1915 г.

Мой дорогой канцлер казначейства,

По поводу совещания, происходившего сегодня днем, и тех заключений, к которым мы пришли, я хотел бы представить Вам одно или два дополнительных соображения.

1. После некоторого размышления я прихожу к выводу, что проект исходит в общем из правильных установок.

2. Представляется существенным, чтобы в работе комиссии участвовал Китченер.

3. Что касается состава предположенной комиссии, то я склонен думать, что (с политической стороны) кроме Вас и А(ртура) Б(альфура) в вашем составе должен быть финансист-практик, вроде Монтэгю.

4. Что кроме данных Вам двух (более или менее способных) деловых людей, скажем, Гранта и Артура Пиза (я надеюсь, Вы наведете дальнейшие справки относительно того и другого), Вы должны приглашать на Ваши „официальные заседания", как их называет Бальфур, представителей адмиралтейства и военного министерства. От адмиралтейства могут быть такие люди как Блек и, может быть, Гопвуд, от военного министерства — ван Доноп и сэр Чарльз Гаррис (последний — человек действительно высоких качеств).

Может быть, Вы сообщите мне о Вашем мнении по поводу данных предложений во время или после заседания кабинета.

Всегда Ваш Г(е р б е р т) А(с к в и т).

Но 25 марта лорд Китченер написал ему письмо, в котором настаивал, чтобы деятельность комиссии была поставлена в строгие рамки; она никоим образом не должна вмешиваться в работу фирм, постоянно производящих вооружение; она не должна заключать контрактов с какой-либо фирмой, которая уже выполняет какую-либо работу по прямому или дополнительному договору для военного министерства; ей не должно быть предоставлено право использовать рабочую силу, имеющуюся в распоряжении какой-либо фирмы, которая в будущем может быть зарегистрирована в военном министерстве, как возможный источник получения военного материала. Короче, эта комиссия должна была стать органом, не имеющим никакой реальной силы. Она должна была действовать в качестве совещательного органа при военном министерстве. Всякий дельный и полезный совет, исходящий от нее, был бы отвергнут заранее, т. е. положение дел оставалось бы таким же, каким оно было и до назначения комиссии.

Бальфур, которому это письмо было показано, написал мне:

«...Я не могу не питать подозрения, что К. плохо представляет себе существо проблемы, которая стоит перед ним в течение уже семи месяцев.

Я не думаю, что Вы достигнете чего-либо в результате этой переписки. Единственное, что можно еще сделать, — это поговорить с К. непосредственно, хотя я знаю, как трудно рассчитывать на успех этого предприятия...»

Но никакие аргументы не могли убедить военного министра в том, что комиссия должна иметь действительную исполнительную власть. По своему уставу она была преимущественно совещательным органом. Обсуждение, которое заняло целых три недели, привело лишь к плачевному результату. Во время обсуждения покойный Эдвин Монтегю, человек исключительной проницательности и чувства реальности, представил правительству весьма резкий меморандум. Этот меморандум стоит прочесть как свидетельство современника о трудностях, которые приходилось испытывать нам в наших отношениях с военным министерством.

«Премьеру!

Канцлер казначейства, Бальфур и я отправляемся сегодня после полудня, чтобы повидать ван Донопа и Бута. Но я нахожу нужным еще раз кратко изложить Вам, как я представляю себе положение.

Можно представить себе двоякого рода комиссию. С одной стороны, Вы можете оставить ответственность за снабжение военным снаряжением непосредственно в руках лорда Китченера, действующего при этом через посредство разных других лиц, которых он избирает для этой цели. Вы можете сосредоточить все контракты, ресурсы, право инициативы и направления работы в руках ван Донопа и перегруженного работой министра, который неоднократно признавал, что он некомпетентен в этом вопросе в силу недостаточного знания английских условий. Если вы сделаете это, то лорд Китченер будет приветствовать комиссию, которая скажет ему, в чем он ошибается. Ни сам он, ни его подчиненные не будут поставлены в необходимость принимать советы комиссии; комиссия не будет нести никакой ответственности, и судьба ее будет такая же — в этом отношении я нисколько не сомневаюсь — как и комиссии кабинета, созданной в прошлом сентябре. Вы можете назначить такую комиссию, но я вполне убежден, что она не поведет к увеличению производства военного снаряжения, и Вы увидите, что ни канцлер казначейства, ни Бальфур, ни кто-либо другой не захотят тратить своего времени на работу в такой комиссии.

Не мое дело давать объяснения факту, что военное министерство, или скорее, как я думаю, ван Доноп продолжает упорно, лицемерно, предубежденно сопротивляться закупке ру-

жей и увеличению количества военного снаряжения; но то, что подобное решение совершенно неудовлетворительно, доказывается следующими фактами:

1. Лорд Китченер, как он сам говорит, не знает ничего по этому вопросу.

2. Лорд Китченер перегружен работой.

3. Лорд Китченер соглашается, что лучше было бы принять во внимание советы сентябрьской комиссии (но он этого не сделал).

4. Лорд Китченер совершенно спокойно относится к данным, которые ничего не стоят, если не будут обеспечены рабочие руки. Он с полным удовольствием говорит о машинах, которые обеспечены за счет правительства и которые однако стоят из-за отсутствия рабочих; он совершенно счастлив при мысли о максимуме в 350 тыс. снарядов, вырабатываемых ежемесячно, максимуме, которого еще вовсе нет. Но если Вы будете исходить из предположения, что для армейского корпуса требуется 100 пушек и каждая пушка требует 17 снарядов в день, то это значит, что для одного корпуса нужно 1700 снарядов в день, 51 тыс. снарядов в месяц. Другими словами, 350 тыс. снарядов хватит на 7 армейских корпусов, а мы говорим об армии в миллион человек.

С другой стороны, Вы можете иметь комиссию, которая будет ответственной и возьмет на себя отныне ответственность за недостаток военного снаряжения, комиссию, которая попытается оживить деятельность ван Донопа, что Китченеру не удалось. Эта комиссия, на каких бы условиях ни произошла передача в ее руки дела снабжения армии в прошлом, будет впредь нести ответственность за все имеющие быть заключенными в будущем договоры на поставку военного снаряжения. Нет никакой необходимости в точных условиях такой передачи, и лорд Китченер может быть уверен, что комиссия будет руководиться лишь одним мотивом — увеличением количества военного снаряжения. Все, что требуется — это уверенность, что военное министерство не будет впредь стремиться опекать комиссию, обманывать ее, пренебрегать ее советами и вести совершенно независимо от нее свою работу. Комиссии необходимо не только существование, но и власть. Ей нужна передача Китченером части его компетенции. Он будет представлен в комиссии Бекером, ван Донопом и Бутом. Эта комиссия не будет находиться в распоряжении Китченера. Что это будет так, ясно из его непрестанных возражений и попыток противодействовать ее назначению.

Извините меня, что в частном письме, обращенном к Вам, я позволяю себе охарактеризовать отношение Китченера к Вашим предложениям о работе комиссии как неуместное и дерзкое, так как он принял их, когда они были ему пересланы после одобрения со стороны канцлера казначейства, а затем

внес ряд поправок, включив их в свой собственный проект, так что Ваши предложения сделались совершенно бесполезными для той цели, которую имели в виду Вы и канцлер казначейства. Вы предполагали, что комиссия должна участвовать в заключении всех новых контрактов; он применил Вашу мысль в том смысле, что комиссия должна принимать участие во всех новых контрактах, которые она заключит. Это значит превращать практическое предложение в бессмысленный фарс.

Мне представляется очевидным, что разница между двумя предложениями в данном случае носит принципиальный характер и разрешить вопрос можете только Вы сами. Ответственность теперь лежит на Вас. Надо выбирать между точкой зрения Ллойд Джорджа или Китченера. Если вы выберете первую из указанных выше возможностей (т. е. проект Китченера), план потерпит неудачу и Китченер попрежнему будет варить британскую армию в ее собственном соку. Если Вы выберете вторую возможность, с Китченера будет снята ответственность и она падет на Ллойд Джорджа и Бальфура (попутно Ллойд Джордж будет иметь возможность по-своему вести переговоры с рабочими, изготовляющими военное снаряжение).

Я почтительно беру на себя смелость указать Вам, что положение серьезно и что отсрочка не улучшит его. Если Вы думаете, что положение останется удовлетворительным, если Китченер попрежнему возьмет верх, то я этим ограничусь. Если же вы думаете, что ситуация требует принятия предложения Джорджа, то Вы должны заставить Китченера подчиниться, потому что, я уверен, примирить столь существенную разницу в принципах нельзя иначе, как подчинив либо один, либо другой Вашим желаниям».

В данном случае премьер, повидимому, решил пойти на компромисс, который оказался совсем непригодным. В конце концов первое заседание комиссии состоялось 12 апреля 1915 г. — спустя три недели после того, как военный совет в самом срочном порядке решил ее назначить. С 12 апреля по 13 мая 1915 г. состоялось всего пять заседаний этой комиссии. Когда же в конце мая произошла реконструкция правительства и было образовано министерство военного снаряжения, ему были переданы функции этой комиссии.

За пять дней до первого заседания комиссии лорд Китченер образовал в военном министерстве комиссию производства вооружений с помощью Джорджа М. Бута, участника машиностроительной фирмы Бута. Это он стал известен как тот необходимый «толкач», который мог обеспечить рабочими руками все фирмы, постоянно поставлявшие вооружение; этим фирмам были даны значительные субсидии для расширения производства, и они то и встретились с затруднениями в смысле получения необходимых для расширения производства кадров.

Комиссия по вопросам производства вооружения оказалась неофициально, хотя и не непосредственно, подчиненной комиссии военного снаряжения при кабинете министров. С самого начала Бут совещался со мною относительно шагов, которые он предполагал предпринять по организации труда в различных районах для производства вооружения.

О работе комиссии военного снаряжения вряд ли необходимо здесь говорить подробно. Ей были даны премьером полномочия, которые номинально позволяли ей принимать все необходимые шаги для наиболее быстрого и действительного использования всех экономических возможностей страны для производства и снабжения военным снаряжением армии и флота. Фактически она была обречена на бесплодие, во-первых, вследствие полного нежелания военного министерства снабжать ее необходимой для выполнения лежавших на ней обязанностей информацией, во-вторых, из-за полного отказа военного министерства предоставить на ее усмотрение вопросы организации производства предметов военного снаряжения. О первой трудности рассказывает Бальфур в своем обращении к комиссии:

> «Военное министерство естественно возражает против сообщения данных о количестве солдат, которое оно предполагает отправить на фронт к какому-либо определенному числу. По всей вероятности комиссия не захочет оказать давления на министерство в таком важном политическом вопросе. Это умолчание со стороны военного министерства делает однако крайне трудным правильное исчисление количества военного снаряжения, которое потребуется на то или иное время».

Исторически важно было само признание со стороны правительства, что военное министерство и адмиралтейство не могут выполнить наряду с другими своими обязанностями ставшую столь грандиозной задачу снабжения военным снаряжением в военное время; это послужило одной из ступеней к созданию министерства военного снабжения.

Первоначально членами комиссии были: я — в качестве председателя, Бальфур, Эдвин Монтегю, Джордж Бут, Артур Гендерсон, наряду с генералом ван Донопом и Гарольдом Бекером от военного министерства и сэром Фредериком Блеком и адмиралом Тюдором от адмиралтейства. 26 апреля на первом заседании комиссии были кооптированы сэр Г. Льюелин Смит от министерства торговли и сэр Перси Джируар.

Среди задач, взятых на себя этой комиссией, была посылка делегации во Францию для дальнейшего и более детального изучения организации военной промышленности Франции и принятие проекта, представленного на обсуждение комиссии сэром Перси Джируаром и имевшего в виду районную организацию производящих вооружение фирм.

Важно отметить, что на последнем заседании комиссии военного снаряжения, состоявшемся 13 мая, первым пунктом порядка

дня был меморандум, представленный Бальфуром, в котором последний указывал на недостаток в полевой артиллерии для дивизий, подлежавших отправке на фронт, и на то, что даже для тех пушек, которые были у дивизий, имелась лишь половина необходимого снаряжения на июнь и менее половины на июль.

5. ВЕЛИКИЙ СКАНДАЛ СО СНАРЯДАМИ

Хотя недостаток в военном снаряжении обнаружился весной 1915 г. во всех или почти во всех отраслях снабжения военными материалами, нужда в артиллерийских снарядах на фронте оказалась особенно большой.

31 декабря 1914 г. сэр Джон Френч сообщил военному министерству на основании опыта пяти первых месяцев войны, какое требуется количество снарядов, чтобы защищать фронт, и какие дополнительные расходы необходимы во время наступления. Для основной артиллерии нашей армии — 18-фунтовых орудий, 4,5-дюймовых гаубиц и 4,7-дюймовых полевых пушек — он сделал следующий расчет:

50 снарядов на пушку в день для 18-фунтовых орудий,
40 " " " " " 4,5-дюймовых,
25 " " " " " 4,7-дюймовых.

Число снарядов на пушку в день, которым фактически снабжалась наша артиллерия, по месяцам было таково:

		18-фунтовые орудия	4,5-дюймовые орудия	4,7-дюймовые орудия
1914	ноябрь	9,9	6,8	10,8
	декабрь	6,0	4,6	7,6
1915	январь	4,9	4,2	7,6
	февраль	5,3	6,5	5,3
	март	8,6	6,5	5,3
	апрель	10,6	8,2	4,2
	май	11,0	6,1	4,3

Эти цифры не требуют комментариев с моей стороны. Они говорят сами за себя. Последствия недостатка в снарядах были трагическими для наших войск, которые обороняли фронт в течение этих месяцев. В течение этих месяцев наши войска подвергались бомбардировке, не имея действительной возможности ответить на нее. Между тем возможность ответить была бы подлинной защитой. Германцы воздержались бы от обстрела наших окопов, если бы знали, что на каждый их снаряд мы можем ответить снарядом. Но они слишком хорошо знали, что могут вносить опустошения в ряды наших несчастных солдат, оставаясь почти безнаказанными. Когда мы шли в атаку, наше наступление не могло быть поддержано надлежащей артиллерийской подготовкой и уничтожением

батарей противника; наши солдаты останавливались перед проволочными заграждениями, где их расстреливали из пулеметов. Это бедствие было результатом крайней недостаточности предварительной бомбардировки. Это была вина нашей артиллерии. Ее орудия были недостаточно крупного калибра, а снарядов для тяжелых и легких орудий было не только чересчур мало, но они также не подходили к данной цели: это была преимущественно шрапнель.

21 декабря 1914 г. я заявил в палате общин: «Всякая экономия на расходовании военных материалов ведет к безрассудной растрате человеческих жизней: вот великий урок, полученный нами в вопросе о военном снабжении». Правильность этого утверждения была проверена в следующие месяцы, когда наши солдаты были оставлены без снарядов и не могли отвечать на германский обстрел. Я уже рассказал о том, как сэр Джон Френч в конце 1914 г. постоянно требовал все больше военного снаряжения; он продолжал и в дальнейшем посылать настойчивые просьбы об увеличении доставки снарядов. 13 марта 1915 г., когда битва при Нев-Шапель продолжалась уже третий день, сэр Джон Френч послал лорду Китченеру следующую телеграмму:

«Задержка в продвижении вперед объясняется сегодня усталостью войск, но больше всего недостатком военного снаряжения. Если мы хотим достигнуть ценных результатов, мы должны получать от Вас возможно большую поддержку людьми и военным снаряжением».

16 марта он телеграфировал:

«Доставка снарядов в особенности для 18-фунтовых и 4,5-дюймовых орудий значительно меньше того, что я предполагал. Я должен поэтому прекратить дальнейшие наступательные операции, до тех пор пока не будет накоплено достаточное количество военного снаряжения».

В другой еще более настойчивой телеграмме, посланной в тот же день, он добавлял:

«Промедление крайне плачевно. Теперь — время бороться. Неужели ничего нельзя сделать для ускорения боевых операций?»

Вслед за этими телеграммами сэр Джон Френч послал военному министру письмо, датированное 18 марта, в котором заявил, что усилия военного совета в области снабжения военным снаряжением «неизменно разочаровывают своими результатами».

«Если снабжение не может быть значительно увеличено, то наступательные действия армии будут носить характер толчков с значительными перерывами между атаками. Поэтому они не смогут привести к решительным результатам.

До настоящего времени грязь и недостаток артиллерийского снаряжения были важнейшими из факторов, препятствовавших развитию нашего наступления. Но теперь погода и состояние почвы уже не мешают больше нашим операциям...

Я желал бы указать со всем тем авторитетом, который дает мне мое положение главнокомандующего британской армии, действующей во Франции, что цели правительства его величества не могут быть осуществлены, если не будет увеличено в чрезвычайной степени снабжение боевыми припасами артиллерии, что позволит армии предпринять наступательные действия. Я желаю подчеркнуть очень серьезный характер тех усилий, которые должны быть сделаны, чтобы добиться этой цели».

Ответ военного министерства на это письмо содержал жалобу на то, что артиллерия израсходовала в первые 16 дней марта от 200 до 220 снарядов на орудие, т. е. около 13 снарядов в день на каждую пушку. Сюда были включены снаряды, израсходованные в невшапельской битве.

Для этой операции снаряды берегли в течение многих недель. Военное министерство просило «*ввиду результатов сражений, которые, повидимому, привели противника в состояние расстройства и деморализации,* соблюдать крайнюю экономию в расходовании военного снаряжения»; особенно настойчиво предлагалось экономить тяжелые снаряды (курсив мой).

Было лишь одно объяснение чрезмерной бережливости лорда Китченера, независимо от общего склада его ума. Единственная кампания, которая принесла Китченеру славу и положение, благодаря которому он стал лордом, была начата на основе подсчета стоимости всей операции, представленного им самому суровому из всех канцлеров казначейства — сэру Микаэлю Гикс Бич. Последний отказывался санкционировать операции против Махди, не имея тщательного подсчета их стоимости, причем издержки были впоследствии урезаны до последней возможности. Лорд Китченер старался держаться в пределах этой сметы и успел в этом. Грозный канцлер приобрел себе репутацию человека, готового вести борьбу против любого предложения, откуда бы оно ни исходило, если оно влекло за собою дополнительные расходы. Каждый проект рассматривался им всецело с этой точки зрения. Иногда это вызывало объединение всех других ведомств против казначейства. Рассказывают относящуюся к тому времени историю, которая может послужить иллюстрацией внутренних конфликтов в кабинете, вызывавшихся этой особенностью бережливого канцлера. Консервативного министра спросили однажды после заседания кабинета, было ли решено что-нибудь важное сегодня? Он ответил: «Ничего, кроме того, что мы как обычно голосовали в числе 19 против одного Гикса». Лорд Китченер, зная репутацию канцлера, умел играть на этой струне, согласившись провести экспедицию с минимальными расходами.

Вот курьезная иллюстрация того, в каком направлении работала мысль Китченера в этих вопросах: как раз после битвы при Нев-Шапель Китченер своей обычной походкой военного вошел в зал заседания правительства, бросая преувеличенно зловещие взгляды, — что было верным признаком поднимающегося гнева. Усев-

шись, он воскликнул хриплым голосом, с трудом сдерживая волнение: «это ужасно, ужасно!»

«Очень тяжелые потери?» — спросили мы боязливо. — «Я не думаю в этот момент о потерях людьми, — возразил Китченер, — но о всех даром потраченных снарядах». Ему только что сообщили о количестве снарядов, израсходованных в сражении.

Цитированный выше ответ сэра Джона Френча на жалобы военного министерства по поводу больших затрат военного снаряжения не содержал никаких указаний на то, что германская оборона «приведена в расстройство и деморализована» и что это было достигнуто действием тяжелых разрывных снарядов нашей артиллерии. Он прибавил:

> «Я не обладаю никакими данными насчет того, что предварительная бомбардировка Нев-Шапель была чересчур жестокой; наоборот, в двух местах она была недостаточна, и результатом этого были тяжелые потери...
>
> Наш урон и размеры приобретенной территории служат лучшим свидетельством того, в какой степени расходование артиллерийского снаряжения было чрезмерным и расточительным».

Вся приобретенная нами территория составляла всего около 1 кв. мили; наши потери достигали 12 892 чел., из них 583 офицера и 12 309 нижних чинов.

Выступая в палате лордов 15 марта 1915 г. во время второго чтения второго закона ДОРА, на который я уже ссылался, лорд Китченер, оставив свою сдержанность, заявил:

> «Работа по вооружению и снаряжению новых армий зависит в большей степени от возможности получить требующиеся для войны материалы... Несмотря на прилагаемые усилия, мы к несчастью все же должны констатировать, что военное производство не только не покрывает наших потребностей, но не отвечает и нашим ожиданиям, так как очень большое количество заказов не выполняется в обещанный срок.
>
> Прогресс в снаряжении наших армий и в снабжении действующих на фронте войск всеми необходимыми военными материалами серьезно задерживается из-за трудностей получения достаточного количества рабочих рук и из-за задержки в производстве необходимых машин».

Открытое признание трудности положения с вооружением и военным оборудованием со стороны Китченера произвело глубокое впечатление на нацию и значительно способствовало успеху переговоров, которые я вел в течение следующих нескольких дней с представителями тред-юнионов в целях предотвращения стачек и локаутов в предприятиях, выполняющих военные заказы, и частичного привлечения для выполнения военных заказов необученных рабочих. Переговоры эти имели своим результатом так называемое «казначейское соглашение», данные о котором я привожу несколько ниже.

В течение следующих нескольких недель наступило относительное затишье в получении новых известий о недостатке военного снаряжения. Новых крупных военных операций на британском фронте во Франции не предпринималось, и возможно, что переговоры, которые велись в это время с Италией, чтобы вызвать ее вмешательство в войну на нашей стороне, заставили наши военные авторитеты быть более осторожными в сообщении новых данных о наших затруднениях с военным снабжением.

Впечатление, что наши дела в данном отношении обстоят благополучно, было усилено письмом лорда Китченера Асквиту от 14 апреля:

«Военное министерство, 14 апреля 1915 г.

Мой дорогой премьер,

Я имел беседу с Френчем. Он сказал мне, что я могу поставить Вас в известность, что имеющихся в настоящее время запасов военного снаряжения ему достаточно для ближайшего наступления».

На основании этого заверения премьер произнес 20 апреля свою знаменитую ньюкэстльскую речь, в которой заявил, что нет никаких оснований утверждать, что наша армия или армия наших союзников находится в бедственном положении или стеснена в своих действиях из-за недостатка в снабжении военным снаряжением; что неверны и несправедливы предположения, будто в работе нашей военной промышленности господствует общая вялость как среди предпринимателей, так и среди рабочих.

На следующий день я принял участие в дебатах по поводу военного снабжения в палате общин. В своей речи я выражал полное доверие деятельности военного министерства и подчеркнул огромность стоящей перед ним задачи. Телеграммы с фронта, содержащие жалобы на недостаток снарядов, не сообщались кабинету. Я не знаю, видел ли их даже премьер. Лорд Китченер заверял меня в то время, что снаряжение армии может быть признано достаточным. На основе этой информации, дававшейся военным министерством, я защищал, как умел, политику правительства в вопросе о недостатке снаряжения. Я хотел склонить военное министерство к тому, чтобы оно приняло участие в наших усилиях увеличить военное снаряжение. Я знал, что этого можно добиться, лишь убедив тех, кому принадлежал в этом деле верховный контроль, отойти от традиционных идей и практики; в это время я старался по возможности действовать убеждением. Поэтому я отмечал в своей речи в палате общин скорее достижения военного министерства, чем недостатки его деятельности. Я указал, что в то время как мы обещали французам послать всего лишь шесть дивизий, мы фактически уже отправили на фронт в шесть раз больше этого количества. «Такова была проблема, с которой встретилось военное министерство, с которой оно должно было стоять лицом к лицу. Я не говорю, что оно не могло сделать больше,

но я хотел бы указать палате общин на то, что фактически сделано военным министерством».

Я кратко остановился на некоторых препятствиях, которые стояли на нашем пути: на вопросе о спиртных напитках, на ограничении рабочего времени, на вопросе об ограничении профсоюзных правил на производстве. Затем я коснулся тех усилий, которые были сделаны для устранения этих препятствий комиссией военного снаряжения и комиссией производства вооружения.

Мой вывод был оптимистическим. Это вытекало из моей уверенности в том, что в вставшей перед нами проблеме нет ничего такого, с чем не могла бы справиться и что не могла бы преодолеть наша нация. Фактически я был далек от оптимизма в оценке наших подлинных успехов, но выразить публично мои взгляды в данный момент значило бы принести больше вреда, чем пользы в связи с дипломатическими переговорами, которые велись в это время с Италией.

Представители оппозиции обратили внимание на расхождение между тем, что сказал вчера в Ньюкэстле мистер Асквит, и утверждением лорда Китченера пять недель назад в палате лордов, что производство военного снаряжения не соответствует ни нашим ожиданиям, ни нашим потребностям. Они требовали дополнительных данных о положении и лучшего согласования деятельности правительственных учреждений, занятых производством предметов военного снаряжения; с этим последним требованием я полностью соглашался в своей речи.

Я полагаю, что лорд Китченер, повидимому, не вполне понял Френча в вопросе о достаточном снабжении снарядами нашей армии во Франции. Несомненно, что столь решительное утверждение мистера Асквита в Ньюкэстле было быстро и драматически опровергнуто всего лишь два дня спустя, когда германцы начали свою грандиозную атаку на Ипре, во время которой ими впервые было применено новое ужасное орудие войны — газы. Наши армии оказались в весьма плачевном положении из-за недостатка артиллерийского снаряжения, при помощи которого можно было бы вывести пехоту из смертельных объятий газовых облаков.

Применение газа было новым доказательством чрезвычайной важности техники в этой войне. Это был способ борьбы, к применению которого мы были совершенно не подготовлены; мы не знали средств борьбы с такой атакой. Чувство гнева и ужаса охватило всю нацию. Главные упреки должен был вызвать факт, что нами не было принято никаких мер для защиты наших солдат от этого смертельного оружия, хотя мы получили из французских источников не одно предостережение — 30 марта и 15 апреля — о том, что немцы подготовляют новый способ атаки; 17 апреля, за пять дней до того, как они сами применили это средство, германцы ложно обвинили нас в применении снарядов и бомб с удушливыми газами. Это должно было послужить оправданием для предстоящего использования нового жестокого средства войны.

Примитивные способы защиты наших войск от паров хлора были наспех придуманы нашими солдатами тут же в траншеях. В самой Англии лорд Китченер проявил глубокую личную заинтересованность в вопросе изыскания средств для защиты от газов. Военное министерство тотчас же занялось этим вопросом. Но этот эпизод еще увеличил растущее в обществе беспокойство по поводу нашей неподготовленности к борьбе с врагом, имеющим в своем распоряжении все средства науки, руководимым искусными техниками, располагающим организованной промышленностью, — врагом, который решился на самое беспощадное применение всех преимуществ, которыми он обладал.

Серьезный урон, нанесенный нашему фронту этим новым средством борьбы, побудил верховное командование предпринять 9 мая контратаку при Фестюбер, чтобы ослабить давление, которое испытывали наши войска в районе Ипра. В своей книге «1914» лорд Френч пишет об этом сражении следующее:

«Несмотря на все наши просьбы мы получили тяжелых взрывчатых снарядов менее 8% всего числа и имели возможность провести лишь 40-минутную артиллерийскую подготовку этой атаки. Я провел несколько часов на башне полуразрушенной церкви, непосредственно наблюдая за ходом сражения. Ничто после битвы на Эн не произвело на меня более глубокого впечатления в связи с ужасным недостатком в артиллерии и снарядах, чем события этого дня. Наблюдая с возвышенности, я видел ясно неравенство сил в артиллерийском поединке — немцы отбивали атаку за атакой. Недостаток поддержки со стороны артиллерии удваивал и утраивал наши потери в людях».

Наш урон в этой битве был очень тяжел. Не выиграли мы ничего.

Спустя три дня после этой битвы меня неожиданно посетили два господина — один из них оказался секретарем сэра Джона Френча — Бринсли Фицджеральдом, другой — одним из его адъютантов — капитаном Ф. Гестом. Они были присланы, чтобы сообщить Бальфуру, Бонар Лоу и мне некоторые факты и документы, касающиеся недостатка в военном снаряжении. Они имели с собой копии писем и меморандум сэра Джона Френча, указывавший на нужду в тяжелых взрывчатых снарядах и требовавший дополнительного месячного запаса артиллерийских снарядов, который должен был быть доставлен в ближайшие три месяца. Главнокомандующий пытался обращаться к военному министерству с возражениями и получал в ответ лишь контрвозражения. Теперь он решил действовать через голову официальных руководителей военного министерства и обратиться непосредственно к видным политическим деятелям и представителям прессы.

Сэр Джон впоследствии указал, что основанием для его обращения ко мне со своей жалобой был интерес, который я всегда проявлял к данному вопросу. Стремясь усилить начатую им кампанию, Френч, чтобы поделиться своими соображениями об опас-

ности настоящего положения, решил дать информацию и изложить свои взгляды военному корреспонденту „Таймса". 14 мая в этой газете появился отчет, составленный на основании данных, сообщенных Френчем, и носивший следующие заголовки:

«НУЖДА В СНАРЯДАХ. БРИТАНСКИЕ АТАКИ ОТБИТЫ — ПРИЧИНА В ОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ ВОЕННОГО СНАРЯЖЕНИЯ»

Так как этот отчет практически представлял собою лишь изложение материала, который был сообщен мне посланными Френчем лицами, то я цитирую его здесь:

«Результаты наших атак в прошлое воскресенье в районе Фромелль и Ришберга оказались неудачными. Мы нашли врага гораздо более прочно укрепившимся, чем ожидали. Мы не имели достаточного количества тяжелых взрывчатых снарядов, чтобы сравнять с землей вражеские укрепления, как это делают французы. Когда наша пехота храбро атаковала окопы в двух последовательных атаках, она нашла вражеский гарнизон не потерявшим присутствия духа, проволочные заграждения во многих местах неразрушенными, пулеметы со всех сторон в боевой готовности. Мы не могли удержаться в захваченных окопах и отказались от мысли бросить в дело наши резервы, ввиду отсутствия шансов на успех наступления.

Атака была хорошо задумана и храбро проведена. Пехота действовала блестяще, но условия были слишком трудными. *Отсутствие неограниченных запасов тяжелых взрывчатых снарядов было роковым препятствием, помешавшим нашему успеху...*

Германские войска в этом сражении показали себя с гораздо худшей стороны. Мы можем с успехом сражаться с ними в открытом бою, но пока мы не снабжены в достаточном количестве военным снаряжением, необходимым для окопной войны, мы всегда будем наступать при весьма невыгодных для нас условиях.

Чтобы прорвать прочную броню траншей, нам нужно больше тяжелых взрывчатых снарядов, больше тяжелых гаубиц и больше людей. Эта особая форма войны не имела прецедентов в истории.

Несомненно мы можем смести германскую броню, если будем иметь необходимые средства. Итак, мы должны их иметь и возможно скорее».

Эта статья вызвала серьезную тревогу и уныние в обществе. В первый раз открыто было заявлено о серьезном недостатке военного снаряжения на фронте; и я могу прибавить, что посещение представителей сэра Джона Френча равным образом и мне дало впервые ясную и авторитетную информацию относительно того,

насколько серьезно было положение. Как я сказал, кабинету не показывались многие телеграммы, которые присылал главнокомандующий, и мы вынуждены были строить наши суждения на основании общих заявлений и слухов и по-своему истолковывать факты на основании одного лишь здравого смысла. Хотя я активно интересовался вопросом об увеличении производства военного снаряжения и помогал военному министерству в этом деле всеми находившимися в моем распоряжении средствами, все существенные телеграммы с фронта по вопросу о недостатке снарядов от меня скрывали.

Теперь однако стало ясно, что через 8 месяцев после начала войны, несмотря на все усилия, предпринятые для разрешения этого вопроса, нам все еще роковым образом не хватало снаряжения для войны того характера, в какой нам пришлось участвовать. Поскольку я могу судить, еще хуже было то, что у нас и в перспективе не предвиделось достаточного количества снарядов, если мы сохранили бы в целости свой бюрократический аппарат. Жертвы людьми не приносили никаких результатов, война затягивалась, конечная победа могла быть поставлена под вопрос, если кто-нибудь не занялся бы немедленно этим делом.

Я был так сильно взволнован всем этим, что обратился к Асквиту с нижеследующим письмом.

«19 мая 1915 г.

Мой дорогой премьер,

Мне были сообщены некоторые факты по вопросу о военном снаряжении, и я чувствую себя обязанным обратить на них Ваше внимание. Я пишу Вам, поскольку мое назначение на пост председателя комиссии по военному снаряжению непосредственно исходило от Вас.

Для того, чтобы как следует выполнить наши функции в качестве комиссии правительства, мы должны были иметь возможность получать всю информацию о характере особенно необходимых снарядов и имеющихся запасах снаряжения. Мне теперь сообщают, повидимому, из вполне достоверного источника:

1. Для того чтобы атаковать великолепно укрепленные окопы, защищенные заграждениями из колючей проволоки, шрапнель бесполезна; необходимы тяжелые разрывные снаряды.

2. Те, кто отвечает за руководство операциями на фронте в течение многих месяцев, ставили об этом в известность военное министерство и требовали прежде всего, чтобы 25% всех снарядов, посылаемых во Францию, были тяжелыми разрывными; затем этот процент был повышен до 50.

3. Несмотря на настоятельные требования фронта, процент тяжелых разрывных снарядов для 18-фунтовых пушек никогда не превышал 8%; когда в прошлое воскресенье было предпринято большое объединенное наступление с целью прорыва германского фронта французской и английской армией, фран-

цузы подготовили атаку превосходной бомбардировкой тяжелыми разрывными снарядами, которые совершенно разрушили германские окопы и проволочные заграждения, и таким образом имели возможность продвинуться на 4 мили внутрь германского расположения без значительных потерь людьми. Несмотря на то, что французы широко расходовали свои тяжелые разрывные снаряды, они все еще обладают запасами в многие сотни тысяч снарядов такого же типа, с которыми они могут продолжать борьбу. С другой стороны, наши армии располагали едва 45 тыс. тяжелых снарядов. Из этого числа 18-фунтовых было 18 тыс. Им поэтому приходилось рассчитывать на действие шрапнели, так что, когда наступили наши войска, германские позиции были едва затронуты бомбардировкой. Немцы вставали в окопах и издевались над нашими наступавшими войсками, а затем спокойно уничтожали их тысячами. Сами немцы едва потеряли двести человек.

Мне сообщают, что в прошлую субботу атаку пришлось производить ночью — дело весьма рискованное вследствие недостатка в тяжелых разрывных снарядах — и после боя у нас оставалось для всех наших пушек не более 2 тыс. тяжелых разрывных снарядов.

4. Полный отчет о состоянии снаряжения был послан главной квартирой во Франции много недель тому назад, затем был отправлен также другой отчет о состоянии артиллерии. Ни один из этих отчетов не был представлен в комиссию по военному снаряжению, и я полагаю, что Вы также не видели этих отчетов.

Если эти сведения приблизительно верны, то я не решаюсь даже подумать, на каких мерах будет настаивать общественное мнение, если сведения эти станут известны. Но совершенно ясно, что деятельность комиссии по военному снаряжению, от которой скрывают эти важнейшие данные, превращается в фарс. Я не могу поэтому продолжать председательствовать в комиссии при таких условиях. *Вот уже восемь месяцев, как я обратил внимание кабинета на необходимость мобилизовать все наши технические ресурсы для производства военного снаряжения.* В октябре прошлого года я привез из Франции полный отчет о том, как справилось с этой задачей французское военное министерство. Кабинет решил тогда, что те же методы должны быть применены и у нас, и для этой цели была создана правительственная комиссия. Мы собрались в военном министерстве, и под председательством военного министра было решено, что необходимые меры будут приняты. *Я с сожалением должен сказать — после обследования этого вопроса, — что эти меры не приняты нигде, за исключением одного Лидса.*

Правительственная комиссия не может обладать исполнительной властью; ее дело предлагать или рекомендовать те

или иные меры. Действовать должно ответственное министерство. Но военное ведомство не сделало ничего, и результатом недостатка в тяжелых разрывных снарядах являются ужасные потери людьми.

Частные фирмы не могут вырабатывать шрапнель вследствие сложного характера снарядов; но все сходятся на том, что любой машиностроительный завод может легко производить тяжелые разрывные снаряды, как более простые. Французский опыт это доказал.

Искренно Ваш

Д. Ллойд Джордж».

Это письмо сыграло роль — и немаловажную — в тех событиях, которые привели к реконструкции правительства путем создания первой коалиции — вопрос, который я рассматриваю более подробно в дальнейшей части настоящих мемуаров.

Лорд Нортклифф, которому в то время принадлежали не только «Дейли Мейль», но и «Таймс», лично отвечал за помещение в «Таймсе» корреспонденции от военного корреспондента газеты, полковника Репингтона. В течение долгого времени лорд Нортклифф получал бесконечный поток писем от солдат с фронта о недостатке в снарядах, но все его усилия опубликовать эти жалобы во всеобщее сведение разбивались о цензурные запрещения. Он не был удовлетворен известием о предстоящей реконструкции правительства. Он приписывал вину за недостаток снарядов лорду Китченеру и решил, если это окажется возможным, убрать его с министерского поста. Узнав, что предположено сохранить Китченера в реконструированном правительстве, он поместил 21 мая в «Дейли Мейль» статью под заголовком:

«СКАНДАЛ СО СНАРЯДАМИ
ТРАГИЧЕСКАЯ ОШИБКА ЛОРДА КИТЧЕНЕРА»

В этот день «Дейли Мейль» и «Таймс» были торжественно сожжены на бирже. Но кампания продолжалась. 25 мая «Таймс» поместил письмо епископа Ферса, тогда епископа города Претории в Южной Африке, а теперь епископа Сент-Албанса; епископ Ферс тогда только что вернулся с фронта. Нижеследующие отрывки из его письма дают некоторое представление о том положении, которое он застал на фронте.

«...Когда батальон за батальоном пехоты и, как это было на ипрском участке, полк за полком кавалерии, сидя в окопах, по неделям днем и ночью испытывают бомбардировку вражеской артиллерии тяжелыми разрывными снарядами, знают, что мы не располагаем артиллерией, способной ответить на огонь неприятеля, то не приходится удивляться тому, что солдаты приходят к одному естественному заключению, а именно, что страна не смогла предоставить им достаточно снарядов и достаточно пушек, чтобы отразить врага.

Когда каждую ночь и каждый день солдаты в окопах знают, что на каждую ручную гранату или ружейный выстрел, или бомбу, которые они бросают в ряды неприятеля, они получат ответных пять или десять, то вывод, который напрашивается у солдат, также вполне очевиден — именно тот, что на родине не отдают себе отчета в том, каково положение, а если знают о том, что делается, то не стараются послать необходимые снаряды... Солдаты знают, что для страны было бы самоубийством требовать от них, каков бы ни был их энтузиазм, чтобы они сражались с неприятелем, превосходно снабженным большими пушками и необходимыми снарядами, если они сами не снабжены столь же действенными орудиями войны.

В этом случае в умах солдат создается лишь одно впечатление, что почему-либо народ не знает всей правды, не понимает их положения, что страна не поддерживает их, так как, зная свою страну, они не сомневаются, что если Германия может производить снаряды, то Англия также в состоянии это делать, если захочет...

Разговоры о репрессиях при помощи газа есть попросту новый метод затуманить сознание народа и скрыть от него основное — недостаток в тяжелой артиллерии, тяжелых разрывных снарядах и других законных орудиях войны.

Солдаты на фронте... знают, что производство военного снаряжения, производство одежды и амуниции для войск, производство предметов питания и многих других необходимых предметов для армии — все это столь же важно для войны, как и их деятельность на фронте. Они спрашивают — я слышал эти вопросы сам от раненых в госпиталях и от здоровых солдат в окопах — «почему я, вступивший добровольцем в армию, должен отвечать высшей мерой наказания — расстрелом за ослушание приказу или дезертирство только потому, что мое дело выпускать те снаряды, которые сработаны моим соседом в Англии, а ему разрешается безнаказанно покидать свое место, когда ему заблагорассудится? Почему я подлежу наказанию, отказываясь итти в окопы, если моя зарплата не повышена на пенс в час, а ему разрешено бастовать, и министры уговаривают его вновь стать на работу обещаниями прибавки? Почему я должен терпеть это каждый день и каждую ночь, когда он, который выполняет лишь другую часть того же дела, может по-своему изменять условия своей работы?

Когда правительство будет знать, что оно имеет возможность мобилизовать все человеческие и материальные ресурсы нации, тогда и только тогда оно может планировать выпуск продукции к определенному сроку. Только тогда может оно требовать от своего главнокомандующего, чтобы он удовлетворил их ожидания...

Хотя мы сдерживаем врага непобедимым энтузиазмом и безрассудным самопожертвованием наших войск, мы не можем и никогда не сможем разбить его, если мы не предоставим нашим солдатам на фронте превосходства в военном снаряжении, превосходства над повидимому достаточными и нисколько не уменьшившимися запасами противника...»

Тот же мотив звучал в интервью капитана Джерси де Кнооп, только что вернувшегося с фронта, которое ускользнуло от цензора и было опубликовано в «Нортвич Кроникль» от 22 мая 1915 г.

«...Капитан сообщил сотруднику газеты в среду 19 числа, что он должен обратиться к стране с призывом послать на фронт еще солдат и еще снарядов. На родине, повидимому, не отдают себе отчета в том, до какой степени критическим является наше положение на фронте... Немцы, — продолжал он, — попрежнему обладают неограниченными запасами снаряжения... Вы можете в газете обратить особое внимание на недостаток солдат и снарядов. Я должен с сожалением сказать, что в десятидневном сражении при Ипре наши войска понесли тяжелые потери вследствие недостатка снарядов. Немцы забрасывали нас снарядами. В том ожесточенном бою, который происходил при Ипре в четверг, мы потеряли 1 850 человек в двух наших кавалерийских дивизиях. Мы сражались в этот день в наших окопах, и то был для наших солдат ужасный день, так как немцы ожесточенно нас обстреливали, а мы не могли отвечать им, как следует, из-за недостатка снарядов. Пусть на родине каждый поймет, что значит такое положение, пусть поймут, что победа в войне невозможна без соответствующего снабжения».

Приведенные выдержки представляют собой впечатление наблюдателя и участника. Я приведу теперь в качестве свидетельства артиллериста цитату из замечательного письма, написанного мне в этот период капитаном Фицгербертом Райтом, членом парламента от Леоминистера, который служил офицером в артиллерии на западном фронте. Его письмо было помечено: «Бельгия. 29/5/15». Он писал:

«Я вновь вступил в 4-ю северно-центральную артиллерийскую бригаду в начале войны и служу здесь в качестве капитана и начальника колонны снаряжения в течение 13 недель... В качестве начальника колонны я отвечаю за все снабжение снарядами. Мы были в распоряжении двух дивизионов — 4-го и 46-го во второй армии. Когда мы впервые попали на линию огня в первую неделю марта, нам разрешили выпускать по 20 снарядов на пушку в день: *80 снарядов в день на батарею.* Мы непрерывно участвовали в боях. Наш паек теперь — 2 снаряда на пушку или *8 снарядов на батарею в день.* Это не потому, что у нас нет попаданий или нет мишени. Генерал Смис-Доррен публично и частным образом расточал нам высшую

похвалу за меткость и точность наших выстрелов, и нашими артиллеристами восторгаются пехотинцы, через головы которых они стреляют; что касается мишени, то мы ежедневно видим германские окопы, мы видим, как немцы возводят новые и новые укрепления, прямо-таки требующие обстрела. Я вернулся сегодня после недельного пребывания в нашей 1-й батарее, которая расположена в пункте, удобном для наблюдения, и говорю о том, что сам видел. Командиры батарей в нашей бригаде и в других бригадах не имеют разрешения выпускать хотя бы один снаряд без разрешения генерала, командующего бригадой.

Адъютант артиллерии сообщил мне, что ему пришлось отправить 1 500 снарядов в 1-ю армию во время недавних боев на юге, и у него теперь совершенно исчезли запасы снарядов; о том же говорил мне и один из офицеров бригады тяжелой артиллерии; его бригады не в состоянии стрелять даже по приказу, так как снаряды на исходе. Мои батареи в течение 12 недель выпускали в среднем по 60 снарядов в неделю. Конечно я не знаю, в чем причина этого, но я подозреваю и мы все подозреваем, что нам вообще нехватает снарядов. Как бы то ни было, мы таким образом поощряем неприятеля к наступлению, так как немцы отправляют ежедневно в ответ на каждый наш снаряд от 20 до 30 снарядов. Мы не знаем и не заботимся о том, кого следует в этом винить; мы знаем лишь, что нас посадили в отношении снарядов на голодный паек, и наша пехота ежедневно обречена на ужасную смерть в случае наступления на нашем участке с немецкой или с нашей стороны. О других участках я знаю только по наслышке. Мы не хотим снарядного голода, не одним хлебом жив солдат...

Это еще не все; немцы превосходят нас по числу и качеству своих пушек; их артиллерия бьет на более далекое расстояние; я говорю при этом не только о нашей бригаде, но вообще. Поскольку дело касается нашей бригады, наши пушки были довольно стары в Южной Африке, а теперь совсем устарели. 5-дюймовые гаубицы вообще не следовало посылать сюда. Я подымал этот вопрос в прошлом сентябре через Тальбота и пытался получить 4½-дюймовые гаубицы, но получил непосредственно ответ из военного министерства, что это невозможно, так как производство пушек не покрывает еще наших потерь и пушек нет. Однако мы делаем все, что в наших силах, и на хороших, скрытых от неприятеля позициях, на небольшом расстоянии имели, как я уже упоминал, хорошие попадания. Если бы мы были открыты, или нам пришлось стрелять более чем на 3 500 ярдов, нас стерли бы с лица земли в пять минут. Мы выпускаем снаряд в минуту, и снаряд через 20 секунд доходит до места назначения. Перестрелка в количестве от 10 до 15 снарядов в минуту легко покончила бы с нами.

И это не все: неприятель превосходит нас по своему артиллерийскому вооружению; у нас мало или вовсе нет снарядов — таково положение дел по части артиллерии, если не считать того, что большая часть снарядов, которые мы имеем, это шрапнель, что не относится к моей бригаде, которая имеет только лиддит — что еще менее полезно, чем дождь, так как от него немцы хотя бы чувствуют в окопах сырость...

Обратимся теперь к положению пехоты — лучшей пехоты не было никогда. В нашей дивизии на батальон приходится по два пулемета. У немцев их шестнадцать; наши регулярные войска имеют по шесть или восемь; в нашей дивизии две окопных мортиры на фронт не менее трех миль; у немцев мортиры попадаются с частыми промежутками по всему фронту; наши ручные гранаты во многих случаях начинены ручным способом и действительно разрываются только в руках; немногие из них достигают цели, и немцы отвечают 50-фунтовыми бомбами. Мы называем это — доказательством нашего превосходства. Превосходство, надо полагать, в храбрости, но во всяком случае, не в военном снаряжении. По сравнению с германскими прожекторами наши кажутся пустяковыми. Мы не применяем газов. Лично я надеюсь, что нам не придется прибегнуть к ним, хотя если правильно то, что сообщает воздушная разведка, а именно, что железнодорожная колея, которая достигает германской линии фронта, есть на самом деле гигантский газопровод, то нам вероятно не придется использовать это оружие, даже если мы того пожелаем.

Разве все эти факты могут наполнить гордостью сердца англичан, сыновей самой богатой, или одной их самых богатых стран мира? Разве не должны мы горевать и бить в набат по этому поводу?

Если мы получим снаряды, мы сможем держаться, хотя нашу бедную пехоту будут громить попрежнему. Если мы получим много снарядов, мы сможем итти вперед. Вам, я полагаю, известно, что одна из наших команд подготовки офицеров гордится названием клуба самоубийц; так весело житье-бытье этих людей. Разве это название не оправдано нашими потерями; на ком лежит ответственность за это?

Впрочем неважно, на ком лежит ответственность: надо устранить это безобразие. У Вас есть смелость и сила воли десятерых. Пусть Вам будет дано больше власти!

Я надеюсь, что мои ошибки стиля или формы не заставили Вас думать, что я преувеличиваю. Я лишь поставил точки над и, подтвердив полностью письмо епископа Ферса. Мы с ним старые друзья со школьной скамьи...»

В моем распоряжении находится связка писем, которые носят на себе следы синего карандаша цензора или штамп цензуры: «Не для печати». Эти письма были посланы мне в это же время Норт-

клиффом в подтверждение сообщений, которые он получал из Франции, но которые ему не разрешалось помещать в печати. Том Кларк в своей интересной книге: „Мой дневник работы у Нортклиффа" описывает, при каких условиях эти письма попали ко мне:

«25 мая 1915 г. цензура бюро печати запретила опубликование нескольких сообщений с фронта, в которых офицеры подтверждали заявления Нортклиффа о недостатке снарядов; Нортклифф приказал мне не представлять их цензору. Когда ему было указано, что нас могут изловить на каком-нибудь формальном нарушении закона, он сказал: „Мне так часто грозили в течение последних недель, что мне теперь не страшно. Пошлите эти цензурные гранки Ллойд Джорджу и Керзону. Они знают правду, и это позволит им убедиться, как бюро печати ее замалчивает"».

Я привожу ниже несколько образцов, выбранных наудачу из этого собрания жалоб и обращений:

«В офицерском собрании вчера вечером присутствовало несколько офицеров-артиллеристов; они были очень взволнованы. Они получили приказ от главного командования выпускать только определенное количество снарядов в день, и их требования о доставке новых запасов снарядов всегда не выполнялись под каким-нибудь предлогом...»

«...Нам приходится сидеть, стиснув зубы, в окопах, когда немцы тяжелыми разрывными снарядами разносят их на части; большинство наших потерь в описанной мною 15-часовой бомбардировке именно этим и объясняется... Из нашего состава в 150—200 человек после последней атаки остались невредимыми 13».

Среди этих задержанных цензурой документов было сообщение по телефону из Франции от В. Бич-Томаса. Это сообщение гласило:

«Теперь, когда огромное число потерь на короткий период времени уменьшилось, следует отметить непосредственную конкретную причину большей части потерь, о которых читатели только что узнали. Центрами разрушения были Ипр и возвышенность Обер. На Ипре германская артиллерия превосходила нашу в отношении двадцати к одному. Потери могли быть меньше, если бы окопы были лучше построены и если бы ранее поняли необходимость строить глубокие и прочные запасные окопы с помощью специалистов. Но основной причиной был недостаток артиллерии, хорошо снабженной снарядами. На возвышенности Обера мы потеряли в одно утро до десяти часов три тысячи человек. Германские линии были прорваны только в одном месте. Наступление было приостановлено на обоих флангах, так как не хватало тяжелых разрывных снарядов и не были уничтожены ни скрытые пулеметы противника, ни его проволочные заграждения. Я могу привести здесь свидетель-

ство одного моего друга. Он был дважды ранен, пытаясь перелезть через проволочное заграждение, которое осталось совершенно целым, один раз он был ранен, когда лежал на земле, и другой раз шрапнелью, которая разорвалась позади него, когда он вернулся в окоп, откуда он отправился в бой. „Бо́льшее количество разрывных снарядов в распоряжении метких артиллерийских стрелков привело бы нас в Лилль" — таково было общее мнение».

Это сообщение было полностью запрещено цензурой, точно так же как и конец следующего отчета о лекции, прочитанной только что вернувшимся с фронта священником Оливером Ресселлем в Пиблсе (запрещенное цензурой место из отчета заключено в скобки):

«Я хотел бы представить Вам картину наступления. Солдаты вышли из окопов, чтобы расчистить путь для атаки и затем наступать на неприятеля. Когда место было расчищено пулеметами, выпускавшими 500 выстрелов в минуту, оказалось, что неприятельские окопы были защищены колючей проволокой. Когда эта проволока сметена, решительные бойцы наступают, продвигаясь в неприятельские окопы. Но если проволока осталась цела, солдаты, идущие вперед, *доходят до проволоки и повисают на ней.* (Сердце разрывается на части, когда видишь, как солдаты идут вперед и затем останавливаются один за другим в борьбе, в сражении, в бою, пока усталые они не сваливаются на землю, как мокрое платье. А почему? Потому что нет достаточного запаса тяжелых разрывных снарядов, чтобы разрушить проволочные заграждения на мелкие части и дать возможность нашим солдатам пробиться к врагу)».

Приведу далее отрывок из письма (с пометкой бюро печати — *„не для печати"*), написанного офицером территориальных частей от 17 мая 1915 г.:

«„Отсутствие неограниченного запаса тяжелых разрывных снарядов было роковым препятствием для нашего успеха" — вот слова, которые следовало бы написать большими буквами на стене каждого завода в Англии... Повидимому, на родине даже не представляют себе, что жизни их родных и друзей, которые продолжают сражаться с таким бесспорным и скромным мужеством, всецело зависят от наших запасов взрывчатых веществ... Число потерь в такие дни неудач, как прошлое воскресенье, могло бы быть по крайней мере вдвое меньше, если бы наша артиллерия обладала достаточными запасами тяжелых разрывных снарядов. Я часто слышал, как солдаты выражали желание, чтобы в одном из наших окопов на фронте мог присутствовать представитель тех, кто занят в промышленности на родине, и видел бы волнение и тревогу офицеров и солдат, когда они следят за тем, как производится бомбардировка неприятельских

окопов перед наступлением. Нет никого, кто не понимал бы, что от интенсивности и продолжительности артиллерийской подготовки зависят жизни и шансы на успех наших бойцов. В этих случаях шрапнель не дает никакой уверенности тем, у кого есть малейший опыт; они знают, что шрапнель имеет такое действие, как если бы в распоряжение немцев бросили горсть гравия, и что в пределах 200 ярдов их могут остановить германские пулеметы. Когда германские снаряды уничтожали первую линию наших солдат, многие из нас были свидетелями того, что вторая линия непосредственно вслед за тем бросалась через парапет на верную и сознательную смерть.

Быть свидетелем такой героической настойчивости и такого самопожертвования со стороны бойцов, которые не скоро могут быть заменены другими, равными им по храбрости и по опыту, и знать, что все это вызвано запоздалой организацией военного дела на родине, вызывает мысли, которые нельзя выразить в печати».

Хотя сообщения подобного рода не проникали в печать из-за цензуры, факты, которые в них сообщались, становились общим достоянием всех редакций газет, а затем и бесчисленных семей в стране. Этот факт без сомнения сыграл важную роль в подготовке страны к перемене правительства, объявленной 19 мая, когда Асквит, пригласив своих коллег по либеральному кабинету подать в отставку, реконструировал свое министерство на базе коалиции с включением лидеров консервативной партии.

Глава седьмая

ПОЛИТИКА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Ни один народ, занятый борьбой с грозным противником, не может позволить себе расточать свою энергию в партийной распре. Последние дни июля 1914 г. застали традиционные партии Англии в состоянии острейшего политического конфликта со времени подавления восстания якобитов. Мы стояли лицом к лицу с перспективой братоубийственной войны, которая раздробила бы страну на несколько враждебных группировок, подобно тому как это было в годы великих гражданских войн. Угрожавшее в Ульстере восстание против господства ирландского парламента отнюдь не было простым обманом. Северные оранжисты, перед тем как подчиниться, сражались бы против гомруля с оружием в руках. Куррагский инцидент, нелегальный ввоз оружия в Ульстер, за которым последовало вооружение Юга (с которого началось кровопролитие последующего шестилетия) — все указывало на возможность кровавой борьбы на политической арене. Еще недавно политические и религиозные вопросы решались на британских островах силой оружия. Никогда нельзя с уверенностью сказать, что это не повторится вновь. «Что было, то будет, и что было сотворено, будет сотворено, и нет ничего нового под луной». Эти слова, которым более двух тысяч лет, оправдываются в жизни каждого поколения; было бы не слишком умно думать, что они не применимы больше в отношении какой бы то ни было области человеческой мысли или деятельности. Мыслитель и борец всегда работали в тесном контакте — более или менее вынужденном. Их взаимное понимание не всегда было достаточным. Консерваторы, которые присутствовали на митингах оранжистов, говорили мне, что они никогда не были свидетелями такого глубокого возмущения, какое вызвала угроза силой подчинить протестантов Севера власти католиков Юга. С другой стороны, я сам никогда не был свидетелем такого безудержного проявления жестокого гнева, как в палате общин, когда покойный Джон Уорд и Дж. Х. Томас разоблачили попытку нескольких офицеров нарушить конституцию угрозой непослушания приказу и отказа от выполнения законов, которые они не одобряли. Север вооружился, Юг вооружился. Что могло случиться?

Не было уверенности, что кровопролитие, раз начавшись, ограничится одной Ирландией. В самой Англии есть города, где трудно было бы поддерживать порядок среди приверженцев воюющих между собой вероисповеданий, если бы началась борьба между ними в Ирландии. Влияние мудрых советов, может быть, возобладало бы. Но, быть может, и нет. Человечество было слишком подготовлено к пролитию крови, как нам предстояло убедиться через несколько дней. Затем, подобно могучему урагану, пришла настоящая война; это была борьба не сект и партий, а борьба народов и материков; первая вспышка гражданской войны потонула в огне великой войны. Тем не менее распространявшееся пламя внутреннего конфликта в Англии поощряло поджигателей войны в Германии и Австрии. Предполагали, что Англию можно временно скинуть со счетов. Без ее упорства и помощи Франция и Россия были бы разгромлены. Ульстерские волнения, без сомнения, были фактором, ускорившим великую войну.

Как плохо германские правители знали дух британского народа! По первому зову выступил весь народ. В британских рядах не было заметно прорыва. Палата общин, чтобы противостоять общей опасности, тотчас же отразила это объединение всех партий и вероисповеданий. Настроение палаты резко изменилось. Еще за несколько дней до начала войны консерваторы не давали говорить премьеру, взволнованные выше всякой меры и забывшие о соблюдении парламентских приличий. Вскоре они же аплодировали до исступления, когда он с хватавшим за живое красноречием призывал народ на борьбу с завоевателями Бельгии. В течение одного дня горячие политические страсти улеглись и сменились справедливым гневом, слишком глубоким для того, чтобы легко перейти в ту кипучую ярость, которая так часто всплывает на поверхность мелкой партийной склоки. Осенью и зимой 1914 г. и ранней весной 1915 г. тот же дух господствовал в политике. Исчезли партийные распри и горечь партийной борьбы. На деле либеральное правительство пользовалось более единодушной и более полной поддержкой со стороны своих консервативных противников, чем со стороны либералов и лейбористов, на которых оно опиралось.

Причины этого весьма интересны и многозначительны; они в значительной мере объясняют политические события последующих шести лет. Прежние войны, в которых Англия принимала участие, отнюдь не прекращали борьбы партий. Скорее эти войны лишь подогревали личную и партийную борьбу. Некоторые из прежних войн явились причиной партийных распрей.

Перемены, которые произошли в 1914 г., не могут быть объяснены предположениями, что мы бо́льшие патриоты, чем наши предки. В последние годы консервативная партия становилась все более и более враждебной Германии. Соперничество между обеими империями за господство на море и на рынках мира в значительной степени объясняло удивительный поворот в отношениях консерваторов к Германии. Война с Германией была популярна среди вождей кон-

серваторов, рядовых членов партии и в консервативной печати. Многие консерваторы хотели войны, и когда война пришла, а у власти оказалось либеральное правительство, это было приятным совпадением, о котором они не смели и мечтать. В их поддержке войны были нотки восторга. С другой стороны, либералы чувствовали себя связанными долгом чести бельгийским договором, и они охотно последовали политике, намеченной величайшим из вождей либералов* в 1870 г., когда он защитил Бельгию от вторжения во время франко-прусской войны. Итак, консерваторы вступили в войну с энтузиазмом, а либералы по убеждению и с неохотой. Особенно консерваторы были удовлетворены выбором Асквита, назначившего лорда Китченера военным министром и членом кабинета. Лорд Китченер не принадлежал ни к одной партии; но если у него вообще были политические симпатии, они клонились в сторону консерватизма. Даже эти симпатии основывались скорее на предрассудках, чем на убеждениях. У него не было ни времени, ни склонности приобрести убеждения в его занятой жизни на посту, вдалеке от партийных распрей на родине. Как бы там ни было, его назначение в военное министерство было гарантией, что войну будут вести решительно и что ее ведение не будет подчинено партийным соображениям. Выбор Китченера на пост фактического военного диктатора дал удовлетворение и уверенность всей стране, в особенности консервативной партии. Без сомнения, назначение Китченера несколько ослабило критические нападки на правительство, так как сомневаться в действенности военного руководства значило критиковать лорда Китченера. В первые месяцы войны его влияние было решающим. Одно его изображение на плакатах значило больше, чем все обращения всех вождей всех политических партий.

Либеральное правительство обладало работоспособным большинством в палате общин. Правда, это большинство состояло из коалиции различных групп либералов, ирландских националистов и лейбористов. В течение большей части последнего пятидесятилетия страной по преимуществу управляли коалиции. В парламенте 1914 г. консерваторы составляли самую большую партию, но они не могли привлечь ни одной другой группы. Поэтому либеральное правительство не могло быть снято иначе как при роспуске парламента, а об этом и думать нельзя было в условиях великой войны. Было бы чудовищным преступлением погружать нацию в атмосферу партийной борьбы, когда даже единство нации едва спасало страну от поражения, настолько могущественным был наш враг. Во главе консерваторов стояли люди высокой честности и больших способностей, патриотизм которых был выше подозрения: Бонар Лоу, Бальфур, лорд Ленсдоун, сэр Эдуард Карсон и лорд Керзон. Такие люди были слишком честны, чтобы желать победы на выборах такой дорогой ценой для всей страны. Либералы признают, что их действия во время войны были проникнуты высокими мотивами пат-

* Гладстоном. *Прим. перев.*

риотизма и что в этот период они готовы были отказаться от всяких чисто партийных соображений, от всякой партийной распри и в полной мере поддерживать своих политических противников у власти до того момента, пока они использовали эту власть в интересах победы Англии.

Солдаты и офицеры, матросы и адмиралы, которые по призыву родины переносили тяжелые испытания и шли на смерть на морях и океанах от Скапа Флоу до Кормандельского берега Индии, на чужой земле от Ньюпорта до Ниневии, принадлежали к различным политическим толкам и партиям, многие из них вообще не подчиняли свой разум определенной партийной дисциплине. Члены политических партий и союзов оставили дома знаки своей партийной принадлежности и присоединились к новому братству самопожертвования; другие, кто еще не имел определенного мнения и не связал ни с одной партией свою политическую судьбу, также стали членами нового товарищества бойцов. Они ожидали и имели право ожидать, что их и без того опасное положение не будет ухудшено нелепыми распрями на родине со стороны тех, кто имел возможность заниматься несвоевременной враждой с полной безнаказанностью для себя. Трата умственной и физической энергии на традиционную партийную борьбу, которая не имела отношения к поднятым войной вопросам (и которая не могла быть разрешена во время войны), ослабила бы фронт, который отнюдь не обладал излишними силами, и увеличила бы опасности, которые и без того были едва ли не чрезмерны. Вот почему Франция, разделенная на множество партий, представила миру образ, на котором морщины партийной склоки сгладились до неузнаваемости, священный союз партий заменил прежнюю борьбу. Британия также образовала единый фронт вместо прежней партийной борьбы.

С точки зрения национального единства были несомненные преимущества в том, что к моменту объявления войны у власти стояло либеральное, а не консервативное правительство. Еще одно преимущество заключалось в том, что стоявшее у власти правительство пользовалось поддержкой рабочей партии. Это обеспечило поддержку крупных рабочих организаций, деятельность и сочувственная поддержка которых были необходимы для решительного ведения войны. Если бы рабочая партия была враждебна войне, войну нельзя было бы успешно вести. Если бы рабочая партия оставалась равнодушной, победы удалось бы достигнуть с большим и с бо́льшим трудом. Самые выдающиеся и самые влиятельные вожди тред-юнионов содействовали победе во время войны. Без их помощи победа не была бы достигнута. Но помимо и выше всех этих соображений в качестве фактора, способствовавшего национальному единству, имел значение тот факт, что война была объявлена партией, которая по своей традиции и по опыту относилась к войне с глубочайшим отвращением, партией, которая в особенности со времени Гладстона, Кобдена и Брайта считала себя призванной содействовать делу мира.

Весной 1915 г. произошли значительные изменения в отношении парламента к правительству. Число интерпелляций возросло, дебаты затягивались, атмосфера становилась все более критической, правительству в большей степени готовы были бросить вызов, чем прежде. Значительное недовольство — и не только у консерваторов — вызывало управление министерством внутренних дел, возглавлявшимся Мак-Кенной. Его политика в отношении жителей Англии — подданных враждебных нам государств — казалась чрезмерно мягкой и не соответствующей тем опасностям, которые проистекали от возможного шпионажа с их стороны. Вся страна представляла собою военный лагерь и арсенал, и ценные для неприятеля сведения можно было получить везде без назойливого высматривания или выпытывания. Суровые и раздражительные ответы Мак-Кенны, формально правильные и исчерпывающие, вызывали недовольство. Формально выполняя все свои обязанности в этой области, министр явно показывал свое внутреннее несогласие с духом тех распоряжений, которые ему приходилось делать. И в народе просыпалась тревога. Родные бойцы погибали на поле сражения, а между тем с британских берегов в руки неприятеля, без сомнения, проникали ценные для врагов сведения. Дальнейшие события показали, что сведения, представлявшие огромную ценность для Германии, проникали из Англии при посредстве лиц, которые жили в полной безнаказанности в условиях установленного Мак-Кенной снисходительного режима. Война — дело беспощадное, и в условиях войны нельзя проводить чересчур тонкие различия. В народе справедливо полагали, что война не время для того, чтобы рисковать национальной безопасностью в интересах педантической справедливости. Тревога в стране нашла отражение в выступлениях в обеих палатах, и брошенный правительству вызов, в начале носивший дружественную форму, вскоре сменился настойчиво звучавшими нотками открытого гнева.

Затем проникли слухи о том, что наши храбрые войска были недостаточно снабжены снарядами. Солдаты погибали под непрерывным огнем противника, обладавшего самыми мощными пушками и огромными запасами тяжелых разрывных снарядов. Наши потери росли в геометрической пропорции. Хотя осторожное военное министерство скрывало от народа цифры наших потерь, росло убеждение, как я уже указывал выше, что наши потери были значительны. С этим убеждением в народном сознании связывалось и то, что наши войска были беспомощны перед лицом тевтонской опасности. Эти факты были слишком ярки, чтобы не вызвать криков возмущения со стороны тех, кому они были известны. Статья в «Таймс» заставила бы парламент занять резкую позицию в вопросе о позорном недостатке снарядов, если бы Асквит не предупредил вмешательство парламента шагом, полным драматической неожиданности.

Глава восьмая

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В МАЕ 1915 года

Политический кризис никогда не возникает без причины. На политическом горизонте собираются тучи, иногда в одном, а иногда сразу во многих местах. Внезапно одна из этих туч приобретает грозовой оттенок и начинает приближаться с удивительной быстротой; этого довольно, чтобы разразилась гроза, прозвучал гром и ударила молния.

Политический кризис мая 1915 г. не был исключением из этих правил политической метеорологии. Он был обязан своим возникновением ряду факторов, которые действовали уже в течение некоторого времени. Наконец еще одна причина недовольства правительством переполнила чашу и вызвала ураган, который смел с лица земли либеральное правительство, выдержавшее много бурь и непогод. Было бы неправильно приписывать смену правительства исключительно или главным образом недостатку снарядов для армии. Общее недовольство ведением войны, недовольство, симптомы которого множились и которое достигло своего апогея во второй половине мая, было вызвано не только тем, что было осознано положение со снарядами. Другими сопутствующими факторами были: неудача наступления во Франции, с которым были связаны неосторожные надежды; разочарование в результатах дарданельской операции, сопряженное с сознанием, что эта экспедиция была либо плохо задумана, либо неискусно проведена. Разногласия между морским министром и главным адмиралтейством усиливали это впечатление.

В связи с этими различными основаниями для тревоги в различных направлениях наблюдалось общее недовольство политикой правительства, его неторопливым отношением, спустя рукава, к весьма серьезным вопросам жизни и смерти для всех союзников, для Британской империи и для сотен тысяч храбрецов, которые отдавали свою жизнь родине. Войну не вели ни с достаточной серьезностью, ни с должной энергией. Еще в начале 1915 г. я настаивал, что руководство военной требует более серьезного отношения. *В течение пяти с половиной недель от 6 апреля до 14 мая военный совет не созывался*, и созданный правительством аппарат для общего наблюдения за руководством военными действиями не имел возможности отправлять те функции, для выполнения которых он был создан.

У многих лиц, хорошо относившихся к либеральному правительству, царило искреннее убеждение, что если не будет достигнуто улучшение в ближайшее время, то мы проиграем войну. Это мнение еще в большей степени разделяли многие члены оппозиции, которая до тех пор лойяльно поддерживала правительство, но которую все более озабочивало создавшееся положение. Действительно, было очевидно, что если не будут приняты срочные меры, чтобы убедить страну, что руководство военными действиями вновь усилено, то грозят опасности серьезных разногласий в стране, и эти разногласия могут привести к борьбе партий. Ничто не могло быть более роковым для партийного единства, которое было столь необходимо для победы в этой борьбе не на жизнь, а на смерть.

14 мая военный совет вновь заседал после долгой спячки. Это заседание носило чисто формальный характер и проходило при участии лишь одного или двух специально вызванных членов. В этот день в печати появилась резкая статья по поводу положения со снарядами, о которой я писал в предшествующем разделе, а на следующий день произошел инцидент, который привел дело к кризису. Это была отставка лорда Фишера из адмиралтейства из-за политики в вопросе о Дарданеллах. В виду полемики, которая возникла впоследствии по вопросу о вмешательстве политиков в распоряжения адмиралов в чисто стратегических вопросах, интересно отметить, что именно этот кризис возник отчасти из-за полного подчинения министров нашему главному военному советнику в вопросах сухопутной войны, и отчасти благодаря тому, что мнение нашего главного советника в вопросах войны на море было отвергнуто большинством министров и генералов. Уже давно было известно, что лорд Фишер был противником попытки прорвать Дарданеллы силами одного флота, но его отставка, лишавшая страну услуг самого выдающегося морского специалиста, явилась спичкой, которая зажгла пожар, раздутый всеобщим недовольством. Так ушло правительство, при котором началась война.

Я узнал о предполагавшейся отставке лорда Фишера совершенно случайно. Утром в субботу 15 мая, проходя через парадный подъезд дома премьер-министра, я встретил лорда Фишера и был поражен происшедшей с ним резкой переменой. Вместо обычной любезной приветливости я натолкнулся на вызывающую суровость; нижняя губа его рта выдавалась вперед, а углы рта были более обозначены, чем обычно. Восточные черты его лица более чем когда-либо напоминали деревянного идола восточного храма.

«Я подал в отставку!» — сказал он мне вместо приветствия, и когда я поспешил спросить его о причинах, он ответил: «Я больше не мог этого выдержать». Он затем сообщил мне, что намеревается повидать премьер-министра, не желая больше принимать участие в дарданельской «глупости», и в тот же день отправляется в Шотландию.

Я попытался убедить его подождать до понедельника, что дало бы ему возможность изложить свою точку зрения в военном совете,

но он отказался ждать хотя бы лишний час. Я объяснил, что в совете он ни разу не высказывал своего несогласия с планом экспедиции или с самой идеей ее, что, хотя я был членом военного совета и противником этого предприятия с самого начала, я не слышал от него ни одного слова протеста; что было бы только справедливо, чтобы мы имели возможность в совете слышать его возражения, учесть его совет и принять необходимые меры. Он ответил, что Черчилль был его начальником и что традиции морского ведомства не позволяют ему публично выражать разногласия со своим начальством. Я напомнил ему, что речь шла не о какой-либо обычной комиссии, а о военном совете и что в качестве члена совета он был обязан свободно высказывать свою точку зрения своим коллегам; в ответ на это он заметил, что он с самого начала сделал энергичный протест по поводу всей экспедиции в частном разговоре с премьером, на котором таким образом лежала ответственность за сообщение членам военного совета его точки зрения. Лорд Фишер имел в виду в данном случае разговор, который он и Черчилль вели с Асквитом до заседания военного совета 28 января. Об этом протесте не было вовсе сообщено совету.

Поскольку мне не удалось убедить лорда Фишера, я отправил письмо Асквиту. Он был на свадьбе Джеффри Хауарда (Асквит проявлял странную любовь к свадьбам и похоронам и редко пропускал их). Я сообщил ему, что считал бы крайне важным, если бы он тотчас же принял лорда Фишера. Но сила убеждения и авторитет премьера были также недостаточны для лорда Фишера, который затем посетил Мак-Кенну, своего прежнего начальника по адмиралтейству. Мак-Кенна также был противником дарданельской экспедиции. Он к сожалению часто находится под влиянием своих личных чувств по отношению к тому или иному деятелю или событию. В этот момент Винстон Черчилль был для Мак-Кенны наиболее ненавистным человеком, так как именно он сменил Мак-Кенну на посту морского министра. Он поэтому совсем не стремился избавить своего заместителя от выпадавших на его долю забот. Мы не знаем, что случилось на свидании лорда Фишера и Мак-Кенны; факт остается фактом, что импульсивный старый моряк уехал в тот же вечер в Шотландию и его отъезд привел к неизбежному кризису, так как политические круги в Лондоне были уже во власти тревожных слухов. Распространилось общее убеждение, что дело идет плохо и что мы можем проиграть войну, если будем продолжать в том же духе.

Затем в тот же день я встретился с Мак-Кенной. Лорд Фишер рассказал ему о разговоре со мной. Мак-Кенна заметил, что «старик» был в состоянии крайнего упрямства и не повиновался голосу убеждения.

В следующий понедельник утром Бонар Лоу, который в течение многих лет был моим личным другом и поддерживал со мной более дружеские отношения, чем это обычно бывает между политическими противниками, принимающими деятельное участие в партийной распре, явился ко мне в казначейство.

Сообщив мне, что он получил казавшееся ему правдоподобным известие, что лорд Фишер подал в отставку, он в упор задал мне вопрос, так ли это; затем он упомянул о полученном им неподписанном письме, которое было явно написано Фишером. Почерк и стиль лорда Фишера были так характерны и размашисты, что трудно было ошибиться в том, кто мог написать такое письмо. Подпись была излишней.

Когда я сказал Бонар Лоу, что его сведения верны, он подчеркнул всю важность этого вопроса с политической точки зрения, в особенности в связи с его убеждением, что правительство не имело должной информации о положении со снарядами. Консервативная партия, указал он, последовательно поддерживала правительство в течение многих месяцев войны, не стремясь извлечь из этого выгод для себя; между тем среди консерваторов наблюдалось растущее недовольство этой политикой безграничной поддержки, особенно в связи с обращением с иностранцами — подданными враждебных государств, недостатком снарядов и неудачей дарданелльской экспедиции. Дело дошло до такого состояния, что по мнению Бонар Лоу он не мог более сдержать своих партийных товарищей. Между тем было важно избежать всяких разногласий перед лицом врага. После некоторого обсуждения мы решили, что единственным средством сохранить единый фронт была организация более полного сотрудничества партий в руководстве войной. Я попросил его подождать несколько минут, пока я отправлюсь переговорить по этому поводу с премьер-министром. Я пошел один к Асквиту и совершенно откровенно изложил ему обстоятельства дела. Премьер тотчас же признал, что во избежание серьезного парламентского конфликта, который безусловно нанесет ущерб престижу правительства, если и не приведет к его поражению, необходимо реконструировать кабинет и ввести в состав правительства некоторых вождей консервативной партии.

Это решение было принято с почти невероятной быстротой. Я вернулся к Бонар Лоу и пригласил его сопровождать меня в зал заседаний правительства, чтобы переговорить об этом с премьером. В течение какой-нибудь четверти часа мы пришли к убеждению, что либеральное правительство должно уйти в отставку и быть заменено коалиционным правительством. Было решено, что Бонар Лоу напишет письмо премьеру, в котором объяснит создавшееся положение, и позволит тем самым премьеру обсудить этот вопрос со своими руководящими коллегами.

В тот же день я получил нижеследующее письмо от Бонар Лоу. Приложение к этому письму дает хорошее представление о позиции, которую Бонар Лоу занял в утренних переговорах вначале со мною, а затем с премьером.

«Лэнсдоун гауз
Баркли сквер, 3
17 мая 1915 г.

Дорогой Ллойд Джордж,

Прилагаю копию письма Асквиту.

Вы увидите, что мы несколько изменили нашу позицию в том

смысле, что мы не предлагаем столь определенно коалиции, но существо дела осталось тем же.

Искренне Ваш

А. Бонар Лоу».

«Лэнсдоун гауз
17 мая 1915.

Уважаемый г-н Асквит,

Лорд Лэнсдоун и я с тревогой узнали, что лорд Фишер подал в отставку, и мы пришли к заключению, что мы не можем допустить перехода палаты к очередным делам, если этот факт не станет известен палате и не подвергнется обсуждению.

Мы полагаем, что пришло время, когда мы должны были бы получить от Вас ясное сообщение о том, какой политики намерено придерживаться правительство. По нашему мнению дело не может продолжаться так, как теперь, и нам кажется неизбежным какое-либо изменение в составе правительства, если оно желает сохранить в достаточной степени доверие народа и довести войну до победного конца.

Положение в Италии делает особенно нежелательным всякую партийную полемику в палате общин в настоящий момент, и если Вы готовы принять необходимые меры, чтобы добиться указанной мною цели, а отставка лорда Фишера будет между тем отложена, то мы изъявляем готовность отказаться от выступления. В противном случае мне придется сегодня обратиться к Вам с интерпелляцией об отставке лорда Фишера и требовать чтобы было назначено время для обсуждения создавшегося в связи с его отставкой положения.

Ваш А. Бонар Лоу».

История создания нового правительства была описана с различных точек зрения многими писателями большого и малого таланта. Самые назначения были результатом своеобразного торга между партиями. Наибольшая полемика возникла по поводу лорда Холдена и Мак-Кенны. По совершенно несправедливым основаниям консерваторы возненавидели обоих и твердо намеревались исключить их из состава правительства. Они оба были личными друзьями премьера, при чем дружба Асквита с Холденом продолжалась много лет. Чем, собственно говоря, провинились оба министра в глазах консерваторов? Лорд Холден был создателем и организатором экспедиционного корпуса, который так быстро и так успешно помог союзникам в их борьбе. Экспедиционный корпус был великолепной организацией. Лорд Холден был создателем генерального штаба, который спас бы нас от многих роковых ошибок, если бы он не был по существу распущен лордом Китченером. Корпус подготовки офицеров, который дал новым армиям великолепный подбор молодых офицеров, также был создан им. Но в одной из своих философских диссертаций, которые доставили ему и его друзьям равное наслаждение, он назвал

Германию своей «идейной родиной». За этот давний «первородный грех» он должен был быть изгнан из общества патриотов. В консервативных кругах царило также глубокое убеждение, что лорд Холден после своего посещения Берлина не предупредил правительство о подготовке к войне, которую проводила Германия и которую он должен был наблюдать. Все это, по моему мнению, было совершенно несправедливо и означало глубокую несправедливость к человеку, патриотическая энергия которого оказала бо́льшие услуги стране в области реорганизации армии, чем удалось оказать какому-либо другому военному министру со времени Кардвелла. Однако вокруг вопроса о его участии в правительстве поднялась настолько страстная борьба, противники лорда Холдена так мало поддавались убеждению, что Асквит и лорд Грей пожертвовали дружбой в интересах дела.

Преступление Мак-Кенны, как я уже упоминал, заключалось в том, что в качестве министра внутренних дел он чересчур снисходительно относился к иностранцам. А в дни, когда мерцание свечи в фонаре у берега становилось сигналом неприятелю, снисходительность министерства внутренних дел к иностранцам — подданным враждебных государств — у нас в стране казалась предательством. Итак, он должен был уйти в отставку. Асквит спас его и пожертвовал Холденом. Лорд Холден не умел бороться за себя лично. Мак-Кенна был на это способен. Итак, лорду Холдену пришлось уйти в политическую ссылку, а Мак-Кенна получил второе место в правительстве.

Между тем, в этот самый день вопрос о военном снаряжении обсуждался в палате общин, где, как сказал один из членов парламента, одно слово врезалось в умы всех: «снаряды». Были выставлены аргументы в пользу образования коалиционного правительства, и от правительства требовали, чтобы оно предоставило время для обсуждения вопроса о снарядах в целом. Асквит отказал в этом. На следующий день в палате лордов лорд Китченер признал промедление в производстве снаряжения, промедление, которое можно было предусмотреть и которое объяснялось беспримерными и почти неограниченными требованиями, предъявленными к промышленным ресурсам страны. 19 мая премьер заявил в палате, что предполагалось «реконструировать правительство на более широкой политической и личной базе». Другими словами, общее недовольство руководством войной убедило его в необходимости сформирования первого коалиционного правительства. В тот же день я вновь написал Асквиту, который нес личную ответственность за мое назначение на пост председателя комиссии военного снаряжения; об этом письме я уже упоминал ранее. Я указывал, что тяжелые разрывные снаряды были необходимы для уничтожения проволочных заграждений; что требования нашей армии во Франции не были удовлетворены; что сообщения нашей главной квартиры во Франции по этому вопросу не были доведены до сведения комиссии, председателем которой я состоял; что если такая важная информация не представлялась комиссии, то деятельность ее

превращалась в фарс, и что при этих условиях я принужден был сложить с себя обязанности председателя. Я также напомнил ему, что привезенный мною из Франции доклад в октябре прошлого года, в котором я описывал работу французского военного министерства, был положен под сукно. Я стремился, чтобы вопрос о военном снаряжении был поставлен сразу же во главу угла деятельности новой коалиции. В национальных интересах я не считал возможным, чтобы этот вопрос был затемнен полемикой вокруг Дарданелл или вопросом об обращении с иностранцами.

Так как общее политическое положение оставалось неясным, я решил отложить на несколько дней предполагавшуюся мною поездку по некоторым центрам производства снарядов с целью непосредственного обращения к рабочим военной промышленности. 21 мая несколько министров и лидеров консервативной оппозиции собрались на совместное заседание на Даунинг стрит. Это было по существу первое заседание новой коалиции. Важнейшей темой наших занятий на этом заседании и в течение всей недели был вопрос о составе нового правительства. Этот вопрос был окончательно разрешен лишь поздно вечером 25 числа. Задача была очень трудной, так как приходилось привести в равновесие претензии партий, а также претензии отдельных лиц.

Асквит почтил меня особым доверием в течение этого времени. Установление состава правительства отняло драгоценное время, но в конце концов с этим вопросом было покончено. Важнейшим изменением было смещение Винстона Черчиля с поста морского министра и назначение его канцлером герцогства Ланкастерского — пост, обычно предоставляемый либо начинающим членам правительства или выдающимся политическим деятелям, которые достигли старческого возраста. Это было жестокое и несправедливое смещение. Неудача дарданельской операции объяснялась не столько торопливостью Черчиля, сколько медлительностью лорда Китченера и Асквита. Та часть несчастного предприятия, которая приходилась на долю Черчиля, была разработана им со всей возможной тщательностью до мельчайших подробностей. Ни о чем не было забыто, ничто не было упущено, поскольку речь шла о морских операциях. Все роковые задержки и неудачи были вызваны руководителями военного ведомства. Правда, идея односторонней морской операции помимо одновременного сухопутного выступления армии возникла благодаря нетерпеливой настойчивости Черчиля, но и премьер и лорд Китченер были также убеждены, что это было правильно. Когда я узнал, какой пост был в конце концов предложен Черчилю, это было для меня неприятным сюрпризом. Я считал, что сохранение за ним поста морского министра привело бы к ненужной полемике, принимая во внимание разногласия, которые вызвали кризис. Кроме того консерваторы не согласились бы и не могли согласиться при данных условиях на сохранение за ним поста морского министра. Но для удовлетворения их пожеланий было совершенно ненужно сбросить его с поста рулевого на нижнюю палубу, где он мог лишь убирать

за другими. При первом распределении мест, в котором я принимал участие, было решено поручить ему колониальное ведомство; в качестве министра колоний он мог бы с пользой применить свою энергию к организации имперских ресурсов. До сего времени я не могу объяснить себе причины изменения прежнего плана. Сила падения потрясла Черчиля, и в течение одного или двух лет войны его великолепный ум не мог быть использован более для руководства войной.

Помимо вопроса о назначении отдельных лиц одним из наиболее важных решений, особенно из относившихся ко мне лично, было решение о создании самостоятельного ведомства под управлением министра для тяжелой и сложной задачи — мобилизации национальных ресурсов для производства военного снаряжения. Таким образом военное ведомство было избавлено от задачи, которая была для него слишком обременительна. Поскольку я все время выказывал большой интерес к этому вопросу, всемерно настаивая на его важности, и был главой правительственной комиссии, которой он был поручен, премьер предложил мне взять ответственность за новое министерство военного снаряжения.

26 мая 1915 г. были опубликованы имена министров нового коалиционного правительства, и в печати появилось следующее извещение:

> «Премьер-министр решил создать ведомство под названием министерства военного снаряжения, которому поручается организовать производство военного снаряжения. Г-н Ллойд Джордж взял на себя организацию и временное управление этим министерством, и в течение того времени, которое он проведет на посту министра военного снаряжения; он освободит пост канцлера казначейства».

Правительство было реконструировано, коалиция создана и военный совет преобразован в дарданельскую комиссию — название, которое более соответствовало его деятельности. Вследствие общей перестановки, вызванной политическими переменами, созданная вновь комиссия собралась фактически лишь 7 июня — через три недели после заседания того совета, который был ею заменен. Действительно, в это время, когда и на востоке и на западе подлежали разрешению срочные вопросы, лица, которым был поручен верховный контроль над нашей политикой и военными действиями, собрались лишь однажды за девять недель. Я был так занят организацией нового министерства военного снаряжения, что не имел возможности уделять так много внимания, как прежде, общим вопросам ведения войны и не участвовал в течение июня в заседаниях новой комиссии.

Глава девятая

МИНИСТЕРСТВО СНАРЯЖЕНИЯ: СОЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА И ПРОБЛЕМА РАБОЧЕЙ СИЛЫ

1. МОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

В духов день 1915 г. я окончательно ушел из министерства финансов и принял обязанности министра снаряжения. Это было для меня тяжелым решением. В качестве канцлера казначейства я занимал высшее и самое ответственное место после премьер-министра — ближайшее к нему по парламентскому значению. В этой роли я разработал и провел ряд мер по улучшению социального строя, она отвечала моим склонностям и убеждениям; и я менял ее на ужасное дело изготовления орудий для изувечения и убийства людей.

Как бы много я ни сделал прямо и косвенно, чтобы поддержать и ускорить создание этого министерства, что я считал особенно срочным и необходимым, я меньше всего желал взять на себя руководство им. У меня не было никакого желания менять министерство финансов на нечто неизведанное. Я не могу сказать, чтобы я приступил к исполнению моих новых обязанностей с чувством радостной уверенности. Я брался за организацию дела для меня совершенно нового. Беглый взгляд на работу министерства вскрыл передо мной картину полного беспорядка и хаоса. Я покидал хорошо налаженное и хорошо организованное министерство, обеспеченное штатом испытанных работников гражданского ведомства, регламентированное во всех своих разветвлениях строго определенными правилами и традициями, работающее совершенно плавно. Я принимал министерство без штата, без регламента, без традиций. Всякое новое ведомство всегда встречает несколько подозрительное отношение со стороны более старых учреждений. Но ведомство, чьи отношения были особенно существенны для успеха нового министерства, относилось к нему не просто с недоверием, а с глубокой враждебностью, скрытой под маской пренебрежения. Самое его существование было официальным признанием несостоятельности, национальным приговором, вынесенным верховным судом парламента военному министерству. Из тела военного министерства был вырезан кусок, и рана причиняла боль. Мы не имеем исторических свидетельств об ощущениях

Адама, после того как жена была сотворена из его ребра. Он должен был чувствовать себя больным и недовольным; однако в данном случае сознание, что операция принесла ему помощника-супругу, вполне примирило его с этой резекцией. Военное министерство, конечно, относилось подозрительно и враждебно к новому министерству, и помощь, которую последнее предлагало и оказывало ему, не могла смягчить враждебности военных лордов. Хотя лорд Китченер лично относился ко мне весьма учтиво, но его окружение не сочувствовало новому начинанию, и в дальнейшем враждебность его и других ведомств побудили Китченера согласиться на создание преград на моем пути. Этот антагонизм был одной из трудностей, которую я предвидел и от которой немало терпел.

Я шел на чрезвычайно рискованное политическое предприятие. Существовали многочисленные поводы для серьезных конфликтов с организованными рабочими по вопросам рабочего законодательства, рабочего времени, зарплаты, ограничения текучести и, что было всего серьезнее, насчет того, что я называл разводнением, т. е. смешением квалифицированного и неквалифицированного труда. Здесь мы затрагивали один из самых чувствительных нервов тред-юнионизма. Предстояло разрешить вопрос о спиртных напитках, что вело к конфликту с одной из мощных отраслей промышленности в Англии и Уэльсе, в Шотландии и Ирландии. Неудивительно, если мой старый дядя и приемный отец Ричард Ллойд, к совету которого я особенно прислушивался, писал мне и советовал не покидать министерства финансов. Все же, не взирая на это, рассматривая всесторонне национальное положение, учитывая огромное жизненное значение надлежащего снабжения снаряжением для нашего успеха в войне, вспоминая настойчивость, с которой я добивался организации этого министерства от правительства, я чувствовал, что долг чести обязывает меня принять этот пост, раз премьер-министр считал, что я был лицом, наиболее пригодным для этого. Я принял решение, и я никогда не имел основания об этом сожалеть. Когда я возвращаюсь теперь к проблемам, стоявшим тогда передо мной, к трудностям, которые окружали меня в предпринятом деле, к моей собственной неопытности и, наконец, к хаосу и путанице, с которыми я столкнулся, я чувствую, что во многих отношениях создание министерства снаряжения было самым страшным делом, за какое я когда-либо брался.

Меня должно было ободрить в связи с серьезностью этого шага письмо, полученное тогда от г. Асквита. Письмо гласило:

«10, Даунинг стрит, С. В.
25 мая 1915 г.

Мой дорогой Ллойд Джордж,

Я не могу заключить эту смутную и бурную главу нашей истории, чтобы не сказать Вам, какую помощь и поддержку я находил всегда у Вас. Я никогда не забуду Вашей преданности делу, Вашего бескорыстия, Вашей творческой силы и того, что

в конце концов, может быть, всего ценнее — Вашей беззаветной преданности.

Эти редкие качества помогают переносить темные и грязные стороны политической деятельности, в которой постоянно проявляется огромная роль мелких личных мотивов, они освещают эту мрачную картину ярким отблеском благородства.

Благодарю Вас от всего сердца.

Искренне Вам преданный

Г. Г. Асквит».

Это письмо, полученное от человека, который был моим коллегой на протяжении 10 лет и чьим главным заместителем в парламентских делах я являлся, доставило мне величайшую радость. Черная струя яда еще не успела отравить чувство глубокого доверия между нашим капитаном и младшими офицерами государственного корабля.

Затем ко мне приходили слова ободрения с разных сторон — от друзей, близких и далеких, которые желали мне блага и сознавали страшную ответственность моей новой работы. Среди этих писем было одно, которое я особенно ценил за глубину понимания и искренность, — письмо Теодора Рузвельта, великого государственного деятеля Америки, чья проницательность и замечательное мужество всегда вызывали во мне преклонение.

«Ойстер Бэй,
Лонг Айленд, Н.-И.
1 июня 1915 г.

Мой дорогой Ллойд Джордж,

В известном смысле это не мое дело. Но как один из Ваших друзей и почитателей я хочу поздравить Вас с созданием коалиционного кабинета и особенно с Вашим участием в его работе. Я хочу поздравить Вас главным образом с тем, что Вы сделали в связи с войной. Когда закончится война, Вы снова займетесь рабочим вопросом, ирландским гомрулем и многими другими делами. Но сейчас Ваша первая забота спасти Вашу родину, и я восторгаюсь тем, как Вы отдались всем сердцем этому великому делу. Я огорчен, что Редмонд не нашел возможным участвовать в правительстве, конечно, у него могли быть свои основания, мне неизвестные, помешавшие ему это сделать.

Передайте мой привет Эдуарду Грею.

Преданный Вам

Теодор Рузвельт».

Сближение этих трех известных имен — Рузвельта, Асквита и Грея — напомнило мне, как незадолго до войны я встретил первого из них на данном сэром Эдуардом Греем г. Рузвельту завтраке, за которым Асквит и я были единственными гостями. Г-н Рузвельт не принадлежал к тому типу людей, который мог привлечь симпатии Асквита. Его страстность отталкивала невозмутимого англичанина. Асквит был человеком непоколебимых предрассудков,

которых он никогда не скрывал. Это сообщало известную заносчивость его манере обращения с людьми, которые ему не нравились. Было ясно из разговоров за столом, что Асквит испытывает инстинктивную антипатию, близкую к презрению, к стремительному американцу. Премьер-министр совершенно не принимал во внимание подлинную значительность этого человека. Он был раздражен его провинциализмом. Рузвельт изрекал самые банальные вещи с такой же деланной и чудовищной напыщенностью, как и те подлинные истины, которые свидетельствовали о проницательности и широте его взглядов. Чем более избитой и пошлой была мысль, тем с большей напыщенностью она изрекалась. Такой характер разговора всегда раздражал британского премьера и придавал оттенок надменной иронии его лицу и голосу. Рузвельт это чувствовал, и постепенно бурный поток его мыслей и чувств застывал. Завтрак совсем не удался.

Королевский приказ, содержавший формальное назначение меня министром снаряжения, был фактически издан только 9 июня, в день, когда акт об образовании министерства снаряжения получил силу закона. Но не дожидаясь этого, я немедленно принялся за организацию нового министерства.

Помещение, отведенное под министерство, находилось в Уайтхолл гарденс № 6 — славном старом доме вблизи Уайтхолла, который никогда не предназначался для учреждений. Он был очищен незадолго перед этим известным торговцем произведениями искусства г. Локкет Эгнью. Он больше подходил под квартиру человека с художественными наклонностями, чем под главную контору фабриканта.

Я пошел туда с двумя своими секретарями и увидел, что, прежде чем приступать к созданию нового министерства, необходимо было раздобыть по крайней мере основные принадлежности учреждения. Мое первое же соприкосновение с рутиной характеризует работу этой бюрократической язвы.

Единственное оборудование канцелярии нового министерства состояло из двух столов и одного стула. Мои секретари дали срочное распоряжение о доставке необходимой обстановки, но еще до ее получения явились представители департамента общественных работ за тем немногим, что у нас было, на том основании, что оно не принадлежит новому ведомству и потому должно быть забрано. В конце концов они стали снисходительнее и оставили мне один стол, за которым я мог писать, и один стул, чтобы сесть за этот стол.

Описание визита в мое министерство в то время, данное полковником Хаузом, вполне совпадает с моими воспоминаниями:

«Это был, кажется, первый день пребывания Ллойд Джорджа в его новом помещении в Уайтхолле в качестве министра снаряжения. В комнате не было обстановки, кроме стола и одного стула. Он настаивал, чтобы я занял стул, но я отказался, заявив, что сидеть на столе скорее приличествует мне, чем члену кабинета министров.

Он много говорил о «военной рутине», с которой собирался возможно скорее разделаться. Он был полон энергии и энтузиазма, и я убежден, что кое-что скоро произойдет в его министерстве. Он более похож на мужественных воинствующих политических деятелей Америки, чем кто-либо из членов кабинета... В нем есть динамичность, отсутствующая у его коллег и совершенно необходимая в этот великий час...»

Рутина была побеждена при первом же столкновении с ней. Единственным несчастьем было временное общее неудобство. Вопреки всем законам и правилам я удержал за собой стол и стул, пока мне не была передана подходящая обстановка в надлежащем количестве. Я скоро выяснил, что это была не серьезная атака, а предварительная разведка и бряцание оружием. Впоследствии рутина прибегла ко всем средствам своего богатого арсенала — отсрочкам, задержкам и прямому противодействию. Более страшный и неожиданный враг явился в образе человеческого тщеславия. Я занимал старомодную гостиную, где все стены отсвечивали длинными зеркалами. Они могли служить необходимой принадлежностью для парикмахерской или для торговли шляпами, но я находил их совершенно невозможными при деловых обсуждениях вопросов вооружения. Когда заходили посетители, я замечал, что глаза их устремлялись мимо меня и что мысли их скоро следовали за блуждающим взглядом. Я понимал причину этой рассеянности. Сверкающие зеркала отражали лица и выражение моих собеседников из каждого угла. Это было слишком сильно даже для самого сурового делового человека. Я не стану утверждать, что мне чужды обычные человеческие слабости, но я сам был пресыщен созерцанием на протяжении целого дня лица, исполненного неуверенности и страха. Я велел прикрыть зеркала. Трудность номер два была таким образом устранена.

Я уселся в своей пустой комнате, чтобы обозреть свою задачу. В чем она заключалась? С одной стороны, я должен был охватить все обширное поле деятельности по снабжению снаряжением — несчетные требования армии и многообразие различных материалов, процессов и согласований, необходимых для производства этих предметов. С другой стороны, я должен был выяснить наличные источники материала, машин и рабочей силы внутри страны и за границей для удовлетворения этих требований. Я должен был закрепить за собой наличные источники и организацию производства снаряжения военного министерства. Надо было расчистить поле деятельности и подобрать подходящих людей для руководства каждой секцией.

Прежде всего надо было набрать сотрудников. Министерство снаряжения было от начала до конца организацией деловых людей. Его основной отличительной чертой были проведенные мной назначения опытных деловых людей на руководящие должности исполнителей. 14 июня 1915 г. я объявил в палате общин о своем намерении максимально использовать «деловые умы общественности... одних у себя под рукой в Лондоне для указания, для совета, для осведомления,

для инструктажа, для руководства» «на местах, чтобы организовывать и вести дела к нашей выгоде в каждом отдельном месте». Во главе каждого департамента я поставил одного из выдающихся командиров промышленности, которым придал авторитет и оказывал личную поддержку, чтобы дать им возможность преодолеть рутину и пассивность, характеризующие обычное ведение дел по правительственным подрядам и поставкам. Я не имел канцелярского штата кроме двух своих способных личных секретарей — г. Дж. Т. Дэвиса (ныне сэра Джона Т. Дэвиса) и мисс Ф. Л. Стивенсон, которые последовали за мной из министерства финансов. Мисс Стивенсон была первой женщиной, назначенной секретарем министра. С тех пор, я вижу, этому примеру последовало большинство министров и начальников департаментов. Впоследствии г. (ныне сэр) Вильям Сазерленд вызвался помогать мне, когда переписка и интервью грозили затопить мой небольшой штат. Он был опытным гражданским чиновником и человеком выдающихся способностей. В предстоявшее мне тревожное время его острая проницательность не раз предохраняла меня от скрытых политических ловушек. Департамент труда министерства торговли предложил свою помощь по надзору и руководству за нашими соглашениями по труду. За это я был весьма благодарен. Артиллерийское управление мало могло мне помочь. Но и за малое я также был благодарен. Военное министерство предоставило в мое распоряжение сэра Перси Джируара. О нем мне еще придется говорить. Но надо было найти людей, которые должны были организовать и толкать вперед производство пушек, ружей, пулеметов, гранат и окопных мортир. Каких людей было мне искать? Я получал сотни писем от всяких политических крикунов, карьеристов и их восторженных друзей. Я имел большое число предложений от директоров разных компаний. Они предлагали временно предоставить в мое распоряжение директоров своих предприятий, доказавших свои способности. Мне надо было прежде всего самому определить тип людей, нужных мне для высших должностей. Сэр Эрик Геддес говорил мне недавно, что, когда он посетил меня на новой работе, ему казалось, что я вытаскивал из кармана имена и распределял их между делами, ждавшими исполнения. Но мне кажется, что задача возглавить департаменты надлежащими людьми не могла быть разрешена столь просто.

Я знал, что деятельность нового министерства и его шансы на успех зависели от того, удастся ли мне привлечь надлежащих людей и поставить их на надлежащее место. Недостаточно было внимательно изучить свидетельства и рекомендательные письма — даже добросовестные, — удостоверяющие плодотворную работу, проведенную людьми в прекрасно налаженном деле, в котором они работали и откуда они готовы были временно уйти для службы государству. Здесь каждый был призван наладить дело, которого он совершенно не знал, и делать его лучше, чем специалисты, выросшие и проведшие всю свою жизнь на этой работе. Самой трудной задачей был выбор между двумя типами удачливых деловых людей. Отдельные ошибки было

легко заметить и устранить. Сведущие люди, всесторонне знакомые с вопросом, но не обладающие основной способностью претворять свое знание в плодотворное действие, представляли величайшую опасность. В этом можно было разобраться путем осторожного выяснения их прошлого и таким образом избежать этой опасности. Существуют старательные и осторожные люди, в совершенстве овладевшие всеми деталями своей профессии и занимающиеся этими деталями постоянно и усердно. Таким путем они постепенно создают дело, если же в их распоряжение переходит уже существующее дело, то они сохраняют и постепенно расширяют его. Они не обладают даром интуиции, быстротой решения и силой, позволяющими импровизатору творить и быстро разворачивать новые гигантские предприятия даже с ранее незнакомыми ему материалами. Они полезны на вторых ролях, но в качестве организаторов дела привели бы к беде. Великие импровизаторы всегда редкость, но в критические моменты их ценность для страны бесконечна. Именно такие люди необходимы мне на руководящих постах. При всяком великом кризисе время — решающий фактор, а эти люди сберегают дни, недели и месяцы, которые отделяют победу от поражения. Отбирая руководителей, я должен был учитывать все эти соображения.

Я не могу утверждать, что мой первый выбор всегда был лучшим; но я думаю, что это был лучший возможный выбор в данное время. Я убеждался, что некоторые были прекрасными работниками при наличии контроля и руководства со стороны других, но не могли нести ответственность высшего руководства. Я пришел тогда к убеждению, что на людях следовало бы отмечать их важнейшие способности, как отмечают на воинской тележке: «грузить не больше трех тонн». Люди «грузоподъемностью в три тонны» прекрасно справляются с работой, пока вы не навьючите их сверх сил, отпущенных им провидением. Я видел такие случаи и в судебной и в политической практике: авдоката, который приобрел большую практику в качестве помощника и совершенно провалился, облачившись в шелковую тогу поверенного; политического деятеля, который много обещал в должности товарища министра и оказался неспособным стать во главе департамента. В процессе работы я обнаружил также, что в самом министерстве некоторые первоклассные работники лучше подходили к другой работе, чем та, на которую они были первоначально назначены.

В течение войны пренебрежение к этим правилам было одним из источников наших многочисленных несчастий: прекрасного бригадира производили в корпусные командиры, корпусному командиру поручали командование армией, и ни один из них не отвечал возложенной на него высшей ответственности. Во флоте было также немало примеров блестящих капитанов, вознесенных не в меру своих способностей. Все же при всех возможных недоразумениях я переводил их на другие места и находил им заместителей. Но качества самих людей меня никогда не обманывали, и когда они попадали на надлежащее место, они проявляли себя первоклассными работ-

никами. Люди, которые оказывались негодными для первоначально назначенной им работы, становились незаменимыми на столь же ответственной должности, на которую они в конце концов попадали. Иные с работы, на которой они оказывали выдающуюся пользу, выдвигались на другие более ответственные места, где особенно требовалась их активность.

Ни одно учреждение не имело еще такого подбора людей. Они создавали живую связь со всей промышленной жизнью страны и империи во всех ее ответвлениях. Пользуясь распространенным выражением, «все средства производства, распределения и обмена» были сконцентрированы под их началом.

Г-н Эрик Геддес одним из первых явился предложить свои услуги. Он пришел из управления Северо-восточной железной дороги и сам напоминал мощный паровоз этой дороги. Такое впечатление произвел он на меня, когда в одно прекрасное утро вкатился ко мне в комнату. Он сразу поразил меня как человек исключительной силы и способностей. Я знал, что это находка, и был благодарен лорду Церсбро, председателю компании, за предложение отпустить его на время войны. Он оказался одним из самых выдающихся людей, которых государство призвало на помощь в этот тревожный для Британии и империи час. О нем не раз будет речь в моей истории войны.

Был здесь также сэр Эрнест Мойр, построивший одни из наших лучших доков и гаваней, человек исключительного умения и такта. Пришел нам на помощь сэр Альфред Гопкинсон, человек не менее опытный. Был здесь и сэр Герберт Льюэлин Смит. Впервые встретив его в министерстве торговли в 1906 г., я считал, что из всех наших работников гражданского ведомства он обладал самым изобретательным и творческим умом и что вдобавок его продолжительная служба в министерстве торговли, разумеется, привела его в непосредственное соприкосновение со всеми отраслями торговли и промышленности во всем мире. Затем в министерстве был г. Джон Хантер, руководивший постройкой нашего самого большого и известного моста; были сэр Гардмен Летвер и сэр Джон Манн, два самых способных чиновника по счетной части. Были опытные финансисты как сэр Александр Роджер, оказавшийся энергичным и деятельным организатором. Железоделательная и сталелитейная промышленность предоставили нам свои лучшие силы. Фирмы по изготовлению вооружения предоставили в наше распоряжение не только сэра Перси Джируара, но и сэра Глина Веста, обладавшего еще значительно бо́льшим практическим опытом в современном производстве орудий. Был у нас также сэр Чарльз Эллис, чей мягкий привлекательный характер был так кстати среди этих людей с боевым темпераментом. Стевенсон (впоследствии лорд Стевенсон) добровольно перенес свой опыт по организации в стране торговых предприятий известного завода шотландского виски на дело организации и распространения в провинции не менее пьянящего духа патриотизма. Вместе с сэром Гербертом Льюэлином Смитом

работал г. Беверидж (ныне сэр Вильям Беверидж), обладавший несравненным знанием рабочего вопроса. Организацией бытового отдела наших новых предприятий ведал г. Сибом Раунтри, не только прекрасный хозяйственник, но и знаток социальных вопросов, пользующийся мировой известностью. Угольная промышленность дала нам динамическую фигуру г. Л. В. Льюэлина. Железнодорожное дело ссудило нам не только сэра Эрика Геддеса, но и сэра Генри Фаулера и сэра Ральфа Веджвуда. Работал здесь также сэр Артур Дакхэм, один из способнейших инженеров в стране, человек совершенно исключительных познаний и способностей. Судоходство было представлено г. Джорджем Бутом, членом известной фирмы «Братья Бут»; хотя он считался принадлежащим к категории людей, которых я назвал «политическими крикунами», он был совсем иным и имел ряд неоценимых качеств. Он умел скорее примирять, чем вызывать разногласия, а его такт и живость представлялись мне бесценными в министерстве, в котором преобладали люди догматического склада ума. В это министерство солидного и мирного индустриализма через ворота министерства торговли проник легкий ветерок с высот Парнаса, занесенный г. Умберто Вольфом. Сэр Вальтер Лейтон, статистик министерства снаряжения, стал теперь одним из самых выдающихся экономистов в мире. Доктор Аддисон, парламентский товарищ министра, был человеком интеллектуальных способностей высшего порядка, богатый идеями, изобретательностью и мужеством. Моим военным секретарем, назначенным мной чиновником связи с военным ведомством, был сэр Айвор Филипс, опытный солдат и прекрасный деловой работник. Департамент взрывчатых веществ дал мне выдающегося судейского работника — лорда Флетчера Маультона. Это был один из тончайших умов Англии; как обычно бывает, тонкость его ума порождала недоверие и непонимание со стороны людей ограниченных. Он был не только одним из величайших юристов своего времени, но и человеком выдающихся научных знаний. Когда он предоставил свои большие дарования в распоряжение военного ведомства для разрешения новых проблем, связанных с неизвестным до того времени спросом на снаряды, он принес стране неизмеримую пользу. Таков был личный состав этого странного министерства. Это было если не министерство всех талантов, то министерство всех «искусств» — война и мир, производство, транспорт, право, медицина, наука, гражданская служба, политика, поэзия, — все нашло здесь своих лучших представителей. Это был изумительный подбор талантов, огромная мобилизация вулканической энергии. Правда, я видел, что без твердого контроля и осторожного соединения неизбежны постоянные взрывы, которые будут нарушать работу машины в целом. Прежде всего я назначил сэра Перси Джируара старшим инженером нашего концерна. Он был вполне человеком китченеровской школы. Он работал в Египте с Китченером и ради него. Когда разразилась война и лорд Китченер вступил в исполнение своих обязанностей, сэра Перси вытребовали из предприятий Армстронга и возложили на него часть организации

снаряжения по военному министерству. Я перенял его вместе со всей проблемой снаряжения.

Сэр Перси Джируар пользовался почетной известностью, приобретенной им своими выдающимися достижениями в инженерном деле в нашей колониальной империи. Он был человеком исключительных природных дарований и образованности и проявлял изобретательность, которая приближалась к гениальному восприятию целесообразного. Вдобавок к большому личному очарованию он обладал приятным чувством юмора, располагая в то же время множеством интересных и занимательных воспоминаний. Я обнаружил у него ораторский дар убеждения, неоценимый на собраниях, созывавшихся нами в Лондоне и в провинции для стимулирования сотрудничества с министерством снаряжения. Хотя он был первоначально специалистом по железнодорожному делу и достиг успехов в этой области, но его участие в предприятиях Армстронга принесло ему опыт по производству всякого рода военного снаряжения. Вскоре я обнаружил, что и он начал сдавать подобно своему старому начальнику, лорду Китченеру. Оба они израсходовали свои исключительные физические силы в тяжелом труде в климатических условиях, неблагоприятных для людей, которые родились и выросли в умеренном климате. Его запасы жизненной силы выгорели под тропическим солнцем при проведении больших дел: сохранился еще живой ум, привычки и движения говорили о былой энергии, но все это проявлялось в беспокойной суетливости вместо упорной деятельности. Он бросался из военного министерства в министерство снаряжения и затем обратно в военное министерство, где проводил бо́льшую часть своего времени, он метался из департамента в департамент, нигде не углубляясь в существо дела. Когда он заходил ко мне, он всегда так спешил, что никогда не садился. Он вбегал в мою комнату как человек, преследуемый идеей, которая схватит его, если он слишком долго задержится.

В его манерах была одна забавная особенность. Я заметил, что, когда я приставал к нему с неудобными вопросами насчет подробностей наших достижений, он как будто прятался за свои очки, и я ничего не мог от него добиться. От него я ничего не мог узнать о том, что делалось в различных департаментах министерства, потому что свою информацию он собирал в военном министерстве и она могла поэтому только спутать. Эта лихорадочная суета производила сперва впечатление напряженного стремления привести всех в движение, но я скоро убедился, что это был лишь признак изношенной нервной системы. Поневоле я должен был признать, что у него уже не было твердых нервов и уменья спокойно работать — основных качеств для главного организатора в новом ведомстве, где было столько новых людей, совершенно непривычных к порученной им работе, — что здесь нужен был человек совсем иного масштаба. Итак, мы расстались.

Его место осталось незамещенным. Я пришел к заключению, что толкать и подгонять по мере надобности должен я сам при содействии подобранных мной энергичных начальников департаментов.

Описывая эти назначения в речи в палате общин от 29 июля 1915 г. и докладывая об успехах организации нового министерства, я сказал:

«По существу говоря, нам надо было создать новый штат. Это — очень трудное предприятие, если надо сделать это немедленно, так как совершенно ясно, что все зависит от материала, от людей, которых вы изберете. В обычных условиях вы затратите немало времени, чтобы подобрать себе исполнителей. Но это становится почти невозможным, когда дело происходит в условиях кризиса. К счастью, в наше распоряжение к нам на службу пришли люди, занимающие весьма значительное место в деловом мире, — люди с большим опытом, из которых многие руководят очень крупными предприятиями. Они добровольно пришли на службу в министерство снаряжения и выполняют большую работу каждый в своей области. Мне думается, я могу сказать, что не менее 90 человек с первоклассным деловым опытом добровольно предоставили себя в распоряжение министерства в большинстве без всякого вознаграждения (Аплодисменты.) Некоторые из них заведывали очень крупными концернами, и фирмы, с которыми они были связаны, большей частью, если не всегда, платят им жалованье, которое государство не в состоянии платить. Эти люди исключительно полезны; без их помощи было бы фактически совершенно невозможно в импровизированном порядке создать большое учреждение в тех масштабах, в каких необходимо было его организовать и устроить».

Подробно изложив современное состояние снаряжения, насколько позволяло время и собранная мной информация, я подчеркнул несколько основных ведущих моментов:

1. Военное ведомство не провело серьезного изучения своих нужд и не приняло во внимание, что британская армия должна была превратиться в гигантскую силу не менее чем в семьдесят дивизий, что она должна будет прорвать чудовищные окопные укрепления в два или в несколько рядов и что эта операция будет длительной. Так например, оно не приняло определенного решения относительно числа и калибра пушек, необходимых для этой цели. Количество и тип заказанных пушек явно не соответствовали задаче. Не было исчислено также количество пулеметов, необходимых для такой значительной армии.

2. Пока не было определено число и, главное, калибр орудий, никто не мог исчислить количество и калибр потребных снарядов.

3. Не производилось подсчета пулеметов, необходимых для армии, борющейся в современных условиях.

4. Совершенно не была изучена способность нашей страны или Америки изготовить необходимое количество орудий, снарядов, пулеметов и винтовок. Впоследствии, когда программа была установлена, выяснилось, что мы не имеем в Великобритании и не можем приобрести в США оборудование, необходимое для ее

осуществления. Мы должны были заняться изготовлением этих машин, прежде чем приступить к производству специальных пушек.

5. Военное министерство не изучило наших возможностей в области изготовления взрывчатых веществ для снарядов. Выяснение вопроса новым министерством показало: (а) что наши возможности в этом отношении составляют не более одной десятой потребности и (б) что даже при наличии прочих необходимых ингредиентов мы располагали лишь небольшой долей обычно употребляемых взрывчатых материалов. Нам надо было поэтому поощрить изыскания по производству других одинаково пригодных взрывчатых веществ и обеспечить приготовление нового подбора составных элементов в соответствии с результатами опытов.

Я ужасаюсь при мысли о том, что случилось бы, если бы мы допустили сохранение такого положения дел в течение еще нескольких месяцев, не замечая его и, следовательно, не пытаясь его изменить. Чувствительность военного министерства к малейшему намеку, что принятые методы не совсем хороши, и сопротивление всякой попытке со стороны штатских выяснить эти методы и их последствия могли бы задержать раскрытие этой гибельной небрежности, и время для ее исправления было бы упущено. Даже при самой напряженной работе самых способных практиков и ученых страны, направленной к выяснению, изучению, обсуждению вопросов для установления потребностей, выявления недочетов и средств к их исправлению и к организации производства, мы все же оказались в состоянии удовлетворить требования армии лишь к летней кампании 1916 г. Так невероятна история этого отсутствия предвидения и вдумчивого отношения, что необходимо дать более подробное и документальное освещение этого важного вопроса. Я собираюсь сделать это в ходе моего дальнейшего повествования. Этот рассказ содержит полезные уроки для любого бюрократически поставленного предприятия. Он содержит также предостережения тем, кто неосмотрительно толкает нации к войне. Они должны хоть сколько-нибудь сознавать размеры риска, которому они подвергаются, и опасный характер игры, в которую они пускаются.

Выпавшая на мою долю работа была не из тех, которые делаются за письменным столом. Одна из срочных задач заключалась в обеспечении дружного сотрудничества служащих по части обращения фабрик и мастерских на производство оружия. Столь же важно было обеспечить добрую волю рабочих и их готовность к дальнейшему повышению производительности труда и связанному с этим смешению кадров *. Я знал, что рабочий вопрос будет одной из главных трудностей. Поэтому в течение первой недели июня я объехал районы, где были сосредоточены машиностроительные заводы, для возбуждения энтузиазма к производству военного снаряжения.

---

* Под смешением кадров Ллойд Джордж понимает предоставление неквалифицированным рабочим работы, обычно предоставлявшейся квалифицированным, что встречало сопротивление со стороны тред-юнионов. *Прим. перев.*

В Манчестере, Ливерпуле, Бирмингаме, Кардиффе и Бристоле я встретился с представителями главных машиностроительных фирм и заинтересованных тред-юнионов и побуждал их организовать местные комитеты для содействия производству военного снаряжения и для размещения заказов между отдельными предприятиями так, чтобы обеспечить максимальную выработку предприятий района. Я доказывал важность перенесения ответственности на места и децентрализации, как средства избежать потери времени и бюрократизма, и призывал деятелей хозяйства и профсоюзных работников к совместной единодушной работе. Я хочу привести отрывок из речи, произнесенной мной в Манчестере и содержавшей призыв, с которым я обращался к служащим и рабочим:

> «Я, правда, лишь несколько дней возглавляю это министерство. Я имел раньше известное представление о положении дела, но то, что я увидел сейчас, убеждает меня с подавляющей ясностью, что страна не сконцентрировала еще и половины своих промышленных сил вокруг проблемы успешного завершения этой великой борьбы. Настоящая война решается посредством военного снаряжения. Мы сражаемся против самого организованного общества в мире — самого организованного и в мирной деятельности и в войне, а мы работали не спеша, полагаясь на самотек, на слепой случай. Такими методами мы недолго сохраним наше место как нация даже в условиях мира. Страна требует теперь использования всего машинного оборудования для изготовления военного снаряжения, она требует для этой цели от каждого максимального напряжения его уменья, изобретательности, труда, силы, энергии, словом всех его ресурсов, всего, что может помочь преодолеть трудности и восполнить наши недочеты. Мы должны мобилизоваться так, чтобы в кратчайший срок выработать максимум лучших и самых нужных военных материалов. Это даст победу, это даст большую экономию народных сил и средств, потому что это сократит войну. Это сохранит огромное количество человеческих жизней...»

Я указал, почему правительство на основе закона о защите королевства присвоило себе права контроля над промышленными предприятиями и требует, чтобы работа для государства, для страны выполнялась раньше всякой частной работы. Я рассмотрел затем отношения между правительством и рабочими. Две вещи имели решающее значение для успешности новой организации по военному снаряжению — увеличить возможность переброски рабочей силы и обеспечить ее большую подчиненность руководству и контролю со стороны государства. Государство должно иметь возможность сказать, где и при каких условиях оно должно использовать данного человека. «Когда дом охвачен пожаром, вопросы установленного порядка и прецедентов, вопросы этикета, сроков, разделения труда должны отпасть». Я добавил еще:

«...Я могу только сказать, что введение принуждения как существенного элемента организации народных ресурсов квалифицированного промышленного и ремесленного труда не означает непременно военной мобилизации в обычном смысле этого слова. Мобилизация означает набор армий в принудительном порядке для ведения войны за границей. Если бы такая необходимость возникла, я уверен, что ни один человек, к какой бы партии он ни принадлежал, не стал бы возражать. Но прошу вас не говорить о том, что это антидемократично. Мы не раз спасали наши свободы в нашей стране, вводя обязательную воинскую повинность. Франция спасла свободу, завоеванную ею во время великой революции, от покушения со стороны тиранических военных империй исключительно системой обязательной военной службы. В настоящее время две величайшие европейские нации — Франция и Италия — защищают свое национальное существование и свободы на основе принудительной воинской повинности. Она не раз была в руках демократии могучим орудием завоевания свободы и ее защиты...»

Я призвал рабочих отказаться на время войны от неписанных законов, ограничивших выпуск продукции, и с своей стороны поручился, что сдельные нормы не будут сокращены. Я настаивал также на временной отмене профсоюзных правил, запрещающих привлечение на производство неквалифицированных рабочих во избежание безработицы среди квалифицированных рабочих. Я подчеркнул, что отказ немобилизованного труда подчиниться дисциплине оказывался в странном противоречии с положением добровольческой армии на фронте:

«Мобилизованный рабочий не может выбирать место действия. Он не может сказать: „Я готов сражаться у Нев-Шапель, но не желаю сражаться у Фестюбера, и я не желаю приблизиться к месту, которое называют Уайперс*". Он не может сказать: „Я пробыл в траншеях восемь с половиной часов, а мой профсоюз не разрешает мне работать больше восьми часов"».

Имея в виду специально то, что мне нужно было от Ланкашира, я добавил в своей речи в Манчестере:

«Частные предприятия Ланкашира при полной мобилизации и загрузке могут выработать четверть миллиона сильно взрывчатых снарядов в месяц. Мне говорят здесь, что вы можете выработать значительно больше. Хорошо: чем больше, тем лучше! Но мы хотим, чтобы вы исходили из указанной цифры, а затем доведите продукцию до миллиона».

---

* Игра слов: Ypres — Ипр, где происходили кровопролитные сражения, произносилось английскими солдатами, как „Wipers" — от глагола „wipe" — сметать (все на своем пути). *Прим. перев.*

Я привожу газетный отчет об этом собрании, потому что он дает хорошее представление о настроении, господствовавшем в тех классах, к которым был обращен призыв:

«Манчестер, четверг (3 июня).

Лорд Дерби и ланкаширцы устроили сердечный прием Ллойд Джорджу... Особые комитеты по снаряжению были организованы для трех частей Ланкашира с охватом всего графства... Состоялось успешное предварительное обсуждение лучшего порядка распределения работы. Г-н Ллойд Джордж заявил, что он добивается по одному Ланкаширу выработки четверти миллиона снарядов в месяц и в ответ получил обещание дать в скором времени один миллион в месяц.

Все это прекрасно, но трагедия состоит в том, что эта организация не была осуществлена шесть месяцев назад. Манчестерские предприниматели говорят, что они неоднократно запрашивали раньше у военного министерства указаний насчет того, что нужно, но от них отделывались вежливой благодарностью или отсылками их к бюро труда».

На следующий день я говорил о том же в Ливерпуле. Я повторил рабочим мои заверения относительно временного характера отступлений от действующего законодательства и практики, с которыми их просили согласиться.

Была проведена резолюция, в которой присутствующие обещали сделать все для увеличения производства снаряжения. Эта резолюция была поддержана в характерной речи одного из рабочих представителей. Ее стоит процитировать.

Г-н Кларк, представитель союза механиков, поддержал резолюцию. Он сказал:

«Мы узнали теперь, что дела на фронте идут не так хорошо, как мы думали. Определенные газеты скрыли от нас правду и представили вещи в слишком розовом свете. Только вчера, заслушав речь г. Ллойд Джорджа*, рабочие узнали о страшной остроте положения. Теперь, когда мы это знаем, я уверен, трудностей не будет».

Печать следующим образом комментировала речь:

«В руководящих профсоюзных кругах Лондона речь г. Ллойд Джорджа вызвала единодушное сочувствие. Один видный тред-юнионист сказал: „Мы в восторге от определенного характера речи и жалеем только, что она не была сказана восемь месяцев назад. Нас возмущала кампания за обязательную воинскую повинность, когда мы знали, что сотни тысяч людей не могли немедленно получить снаряжения“».

Пока я был занят таким образом стимулированием организации страны для производства снаряжения, билль о министерстве снаря-

---

* Мою речь в Манчестере.

жения был проведен в парламенте. Этим было оформлено новое министерство и определены его полномочия. Они были изложены следующим образом в статье 2-й закона. Я цитирую этот раздел как прекрасный образец четкости и эластичности, необходимых законодательству в борьбе с исключительными обстоятельствами.

> «Министр снаряжения получит административные права и обязанности в отношении снабжения снаряжением в настоящей войне, каковые могут быть возложены на него указом его величества, и его величество, если найдет нужным, чтобы в связи со снабжением снаряжением известные права и обязанности какого-нибудь правительственного учреждения или органа власти, установленные законом или иным порядком, были переданы или выполнялись параллельно министром снаряжения, может также королевским указом принять к тому необходимые меры; всякий приказ, изданный в развитие этого раздела, может включать любые дополнительные указания, которые окажутся необходимыми для обеспечения наилучшего действия этого указа».

Другими словами, функции нового министерства как в части обязанностей, ранее относившихся к военному министерству и адмиралтейству и ныне передаваемых ему, так и в части новых обязанностей не были определены парламентским актом; их определение предоставлялось королевскому указу, что позволяло без потери дорогого времени, неизбежно связанной с парламентским производством, приспособлять полномочия к возникающим нуждам.

Вначале было дано указание, что новое ведомство будет руководствоваться «общими нуждами и специальными требованиями» военного совета. Это могло быть истолковано в таком смысле — и военное министерство действительно старалось навязать такую интерпретацию, — будто министерство было только департаментом снабжения, лишенным всякой инициативы и уполномоченным действовать только по программам и распоряжениям, исходящим от военных властей. К счастью королевский указ, определявший мои функции, был более точен. Он так определял мои обязанности:

> «Обеспечить такое снабжение снаряжением в настоящей войне, какое может быть затребовано военным советом или адмиралтейством, *или вообще будет найдено необходимым*».

Эта последняя спасительная оговорка, которую я отметил курсивом, давала мне полномочия, которыми я вполне воспользовался для непосредственного ознакомления с настоящими и будущими нуждами армии и для разработки планов их удовлетворения. Будь я ограничен близорукими взглядами военного совета, мы продолжали бы запаздывать с работой по снабжению до самого конца войны.

Мне хотелось бы привести по этому вопросу выдержку из официальной истории министерства снаряжения. Эта книга была написана спустя много лет после того, как я покинул министерство.

Я не нес ответственности за ее подготовку и, как правило, со мной не обсуждали ее содержания ни в одной части. По вопросу о моем понимании моих министерских обязанностей здесь говорится:

> «Этот широкий взгляд на свою роль и обязанность проявлялся на протяжении всей его деятельности в качестве министра снаряжения, и его взгляд на характер и вероятную длительность предстоящей борьбы имел глубокое влияние не только в отношении программы снаряжения, принятой непосредственно в то время, но дал также возможность министерству впоследствии справиться с значительно более обширной программой. Он развернул работу министерства в таком объеме, что количество орудий, орудийного снаряжения, винтовок, пулеметов и траншейного оборудования было почти достаточным, чтобы довести страну до конца войны. Значительные расширения, проведенные при его преемниках, были направлены главным образом к удовлетворению потребности в самолетах, химическом вооружении и к увеличению продукции стали для судостроения, автомашин, танков и железных дорог».

В определенных кругах пытались играть на том, что новые предприятия, организованные министерством снаряжения, и сделанные им новые заказы на снаряды стали давать результаты в большом объеме лишь к весне 1916 г. и что до того времени основная масса снабжения, поступавшего в полевые армии, шла по нарядам, выданным еще военным министерством до создания нового министерства.

Я не имел ни малейшего желания претендовать на незаслуженное одобрение министерства снаряжения или отнимать у военного министерства малейшую долю его прав на похвалу. Но по долгу чести в отношении многих прекрасных сотрудников, помогавших мне в организации производства снаряжения, и в отношении выполненного ими великолепного дела я обязан указать, что это утверждение неосновательно.

Правда, военное министерство — отчасти под давлением комитета снаряжения при кабинете министров и отдела снаряжения военного комитета, организованного весной 1915 г., о деятельности которых я уже говорил, — разместило значительные заказы на снаряды внутри страны и за границей. Но одно дело — дать заказ и совсем другое дело — обеспечить его исполнение. К 29 мая 1915 г. из 5 797 274 штук снарядов, заказанных военным министерством со сдачей в указанный или более ранние сроки, фактически поступило только 1 968 252 штук — и это после десяти месяцев войны. Еще существеннее то обстоятельство, что из общего числа изготовленных снарядов только небольшая часть была снабжена трубками и наполнена взрывчатыми веществами. Они представляли всего на всего коллекцию безвредных стальных мячей. Меры, принятые министерством для реорганизации военной про-

мышленности по всей стране и для увеличения производства в эти первые семь месяцев его существования, сказались в том, что размер поставок по заказам военного ведомства возрос с двух миллионов на 1 июня до 14 миллионов к концу декабря 1915 г. Впервые были приняты соответствующие меры для снабжения снарядов взрывчатым веществом и фитилями.

Провал реализации заказов военного министерства был обусловлен в значительной мере его упрямой и глубокой приверженностью иметь дело только с признанными фирмами по изготовлению вооружения и предоставлять этим фирмам самим организовывать — или оставлять неорганизованными — прочие машиностроительные заводы страны. Артиллерийское управление могло бы осуществлять полный контроль над всеми производственными возможностями страны: ему были фактически переданы соответствующие права по закону о защите королевства, внесенному мной 9 марта 1915 г., но этими правами артиллерийское управление не воспользовалось. Артиллерийское управление оставалось при убеждении, что передача производства снарядов неопытным фирмам слишком рискованное дело и что единственное спасение — в передаче заказов зарекомендованным фабрикам по производству вооружения, которые должны сами раздобывать нужные составные части. В отношении заказов, переданных в Америку, военное министерство было вынуждено отказаться от этих принципов по настоянию комитета кабинета министров, но внутри страны упорство военного министерства оставалось непоколебимым. Маленьким людям свойственно нежелание менять свои привычные методы, так как изменение предполагает критику прошлого.

Что касается исполнения заказов военного министерства, то разница в поставках за время с августа 1914 г. по июнь 1915 г. и с июня 1915 г. по апрель 1916 г. определялась тем обстоятельством, что за последний период министерство снаряжения взяло на себя непосредственно организацию частных фирм и налаживание общей работы по производству снаряжения, а с августа 1915 г. приняло в свое ведение также государственные артиллерийские заводы, включая королевскую лабораторию в Вульвиче, которая в это время вела еще почти всю работу по наполнению и окончательному изготовлению снарядов. Она вела эту работу вялыми темпами, устарелыми довоенными методами, и г. Альбер Тома́, французский министр снаряжения, посетивший Вульвич в это время, назвал ее «*старым сараем*».

Неуменье военного министерства заглядывать вперед сказалось далее в его неспособности создать планирующий орган для изучения потребностей, возможностей и вероятных перспектив на будущее вместо простой регистрации количества снаряжения, имеющего поступить по размещенным заказам.

Когда надо было изготовить известный вид снаряжения или его части, артиллерийское управление никогда не изучало предварительно производственных возможностей внутри страны и способов их ис-

пользования. Иначе оно обнаружило бы, что для использования этих возможностей в полном объеме необходимо было обеспечить получение некоторых машинных частей, шипов и кружал, изготовление которых должно было занять несколько месяцев. То обстоятельство, что на это не было обращено внимания в начале войны, не только привело к тому, что были потеряны понапрасну десять месяцев, но повлекло за собой еще несколько месяцев тревожного, рокового ожидания, прежде чем можно было приступить к производству в необходимом количестве пушек, винтовок, пулеметов и даже снарядов. Третьей и в некоторых отношениях самой гибельной ошибкой было то, что никакого внимания не было обращено на проблему взрывчатых веществ. Ничего не было сделано для расширения работ по начинке снарядов даже в пределах тех заказов на оболочки снарядов, которые уже были даны. Артиллерийское управление даже не занялось по существу вопросом о том, было ли обеспечено достаточное снабжение взрывчатыми материалами хотя бы в пределах его собственной ограниченной программы. Я покажу дальше, что военное министерство было уже предупреждено лордом Маультоном насчет того, что предусмотренное снабжение будет недостаточным и что поэтому необходимо изменить состав взрывчатых веществ. Если бы эта прискорбная ошибка не была исправлена во-время, британская армия не была бы снабжена в 1916 г. даже третьей частью материалов, необходимых для ее операций.

Артиллерийское управление придерживалось утвержденной системы и относилось пассивно или даже враждебно ко всяким новшествам. Эта пассивность проявилась в отношении к лорду Маультону, который в декабре 1914 г. требовал предоставления ему исполнительной власти по части производства сильных взрывчатых веществ; в вопросе о включении в сферу его деятельности изготовления зарядных трубок весной 1915 г.; в затягивании приема новых видов сильных взрывчатых веществ и в нежелании одобрить пушку Стокса. Быть может, самой яркой иллюстрацией ограниченности кругозора руководящих работников военного ведомства явился их отказ (поддержанный, надо заметить, министром) признать необходимость орудий, заказанных мной в августе 1915 г. сверх требований военного министерства. Об этом случае я говорю подробнее в другом месте.

Большая часть специальных мер, осуществленных после организации министерства снаряжения для расширения производства, могла быть с равным успехом проведена в 1914 г. Именно эти специальные меры позволили значительно ускорить выполнение заказов военного министерства, которые должны были быть сданы во второй половине 1915 г. и дать огромное увеличение продукции в 1916 г. по непосредственным заказам министерства снаряжения.

В июле министерство снаряжения переняло от военного министерства производство и ответственность по заключенным контрактам. Поэтому его деятельность носила двоякий характер. С одной сто-

роны, оно должно было подгонять выполнение заказов по этим контрактам, непосредственно входя в работу фирм, занятых изготовлением вооружения, и помогая им устранять возникающие затруднения по части материалов и рабочей силы; с другой стороны, оно одновременно создавало новые источники снабжения, организуя частные фирмы для производства снаряжения или учреждая новые государственные предприятия и обеспечивая их необходимым оборудованием, рабочей силой и материалами.

Необходимо известное усилие, чтобы охватить огромный масштаб нашей деятельности. Немногие могут сразу представить, как много заключают в себе слова «военное снаряжение», какое огромное число разнородных промышленных предприятий связано с его производством.

Так например, в изготовлении пушки или снарядного ящика участвуют металлообрабатывающее производство, доменные печи, железо- и сталелитейные производства, кузни, штамповальни, машины для чеканки, прокатные заводы, проволочно-гвоздильные предприятия и раньше всего угольные копи и железные рудники. Для их изготовления нужны заводы, а заводы в свою очередь требуют набора инструментов, электрических двигателей, заводского оборудования, машин, насосов, турбин, гужевого и железнодорожного транспорта, котельных и инженерно-строительных работ.

Взрывчатые вещества для начинки снарядов и для выталкивания их из пушки требуют наличия химических заводов, лакокрасочных предприятий, газовых заводов, а также значительного количества весьма тщательно проведенных лабораторных опытов, исследований и испытаний.

Мелкое оружие, амуниция и все разнообразные предметы окопного оборудования в своих многочисленных составных частях требуют черных и цветных металлов, текстильных изделий, оптических стекол, вулканитов.

Вопрос о снарядах широко овладел всеобщим вниманием в момент организации министерства, и создалась угроза проглядеть, что новое учреждение принимало на себя ответственность за производство и снабжение не только амуницией — пушками, винтовками и пулеметами, но также механическим транспортом, траншейным оборудованием, оптическими приборами и стеклом, металлами и материалами, бомбами, ядовитыми газами, железнодорожными материалами, машинными частями, строевым лесом, электрической энергией, сельскохозяйственным инвентарем, минералами, нефтью, строительными материалами.

Вместо принятого военным министерством порядка заключать контракты с немногими испытанными фирмами на поставку готовых изделий — метод, прекрасно действовавший в мирное время, но показавший свою полную непригодность в этой войне, — министерство снаряжения должно было непосредственно заниматься добыванием каждого вида сырья и промежуточными стадиями производства отдельных составных частей предметов снаряжения;

и это в количествах и в отношении такого множества разнообразных предметов вооружения, о которых до того времени не имели представления.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕНТРА И ПЕРИФЕРИИ

Когда в июне 1915 г. закон об учреждении министерства снаряжения был представлен парламенту, существовали три учреждения, занятые вопросами снаряжения, а именно:

а) Организация снабжения снаряжением, подчиненная военному министерству и возглавляемая главным фельдцехмейстером. Ею заправляли почти исключительно военные, и туда попал только один ответственный работник из штатских — лорд Маультон — на правах председателя комитета по снабжению сильновзрывчатыми веществами.

б) Комитет по производству вооружения, организованный лордом Китченером во главе с сэром Перси Джируаром и Дж. М. Бутом первоначально ведавший вопросами снабжения военной силой. Он проделал действительно весьма полезную, но небольшую по масштабам работу в области организации мест.

в) Комитет военного снаряжения, ныне фактически прекративший свое существование, поскольку его председатель сделался министром снаряжения.

На протяжении июня большая часть снабженческих функций, относившихся к ведомству генерала ван Донопа, перешла к новому министерству, которое поглотило также работу комитета по производству вооружений. Таким образом к 1 июля вместо трех упомянутых органов осталось только одно министерство, ведающее производством и снабжением. В ведении артиллерийского управления остался до августа 1915 г. вульвичский арсенал; до конца года на управлении лежала ответственность за разработку планов и изобретений.

С самого начала были учреждены четыре департамента: сэр Перси Джируар получил департамент снабжения военным снаряжением в узком смысле слова, лорд Маультон — департамент снабжения взрывчатыми материалами, бригадный генерал Л. К. Джексон — департамент военно-технического снаряжения, г. Беверидж принял на себя заведывание секретариатом и организацией труда.

Им помогал ряд опытных специалистов, названных выше. Я не буду вдаваться в детали всей этой своеобразной организации, а покажу ее структуру на примере одного отдела. Сэр Перси Джируар, главный директор департамента снабжения, имел под своим непосредственным началом девять лиц, из которых каждый был занят одним специальным делом или специальной группой дел. Один из них г. Э. К. Геддес (ныне сэр Эрик Геддес) исполнял функции заместителя главного директора. Ему был поручен высший надзор за группой подотделов, из которых каждым заведывал опытный специалист, г. Э. В. Мойр нес ответственность за пулеметы, г. Ф. Т. Гопкинсон — за мелкое оружие, г. Дж. М. Браун — за вин-

товки, майор В. К. Саймон — за пушки и экипировку, зарядные ящики и оптическое снаряжение, наконец, г. Д. Бэйн — за транспорт неконной тяги. По мере того как война развивалась, значение некоторых из этих подотделов возросло, и для них потребовалось безраздельное внимание особого представителя главного директора. К моменту моего ухода из министерства департамент снаряжения, — один из трех снабженческих департаментов (два других ведали взрывчатыми веществами и траншейным снаряжением), — был разделен на десять основных подотделов, половина которых подразделялась на четыре или пять секций каждый; этими разнообразными департаментами, подотделами и секциями руководили по деловому опытные деловые люди.

Так мы организовали нашу штабквартиру. Так же подошли мы к организации страны в области производства снаряжения.

Я упоминал уже, как комитет по производству вооружения, действуя под руководством комитета военного снаряжения и при моей активной поддержке, приступил в апреле и мае к созданию организаций на местах.

В ряде районов были созданы районные комитеты по вопросам производства снаряжения; они занялись организацией государственных предприятий по производству снарядов. Первый такой опыт был проведен в Лидсе и был одобрен правительством 13 мая по представлению комитета военного снаряжения. Описание опыта, проделанного в Лидсе, было издано в виде брошюры под заглавием «National Munitions Factories. Working Model» («Национальные мастерские по производству снаряжения. Образец работы») с целью поощрить подобные начинания в других районах.

Мой объезд в течение первой недели июня имел в частности целью поощрение этой системы. На всех собраниях я настаивал на немедленной организации комитетов и советовал, чтобы районы по возможности координировали свои усилия, создавая не различные, а одну и ту же организацию.

Этот призыв послужил толчком к широко развернувшейся деятельности и значительно ускорил оформление местных организаций в тех районах, которые я посетил. В течение июня дух ревностной энергии в целях ликвидации недостатка в снаряжении охватил всех. Ежедневно в новое министерство являлись депутации от местных комитетов. Многих я принимал лично и старался сделать все, чтобы поощрить их, дать им руководство и помощь. Обширная корреспонденция поступала от деловых людей, предлагавших свои услуги и запрашивавших информацию относительно потребностей, спецификации, контрактов, условий труда. Предложение услуг со стороны деловых людей встречало поощрение, и они охотно откликнулись на наше отношение к ним. На данном этапе необходимо было избегать всего, что могло вызвать задержку или замешательство, и я вскоре убедился в необходимости усилить отдел министерства, ведавший местными организациями.

В начале июня я поручил составление схемы местной органи-

зации г. Стевенсону, вошедшему в «районный департамент» г. Буста почти сразу после организации нового министерства и занимавшемуся вопросами, связанными с организацией местных комитетов.

Я привожу в общих чертах принятый нами план местной организации, он может пригодиться тем, кто будет призван к организации национальной энергии в иных целях.

Принятая схема была в общих чертах изложена мною в речи, произнесенной в палате общин 23 июня:

> «Ни один штаб, как бы он ни был хорош, не может справиться из центра с огромной и новой по характеру работой, которая должна быть проведена в течение нескольких ближайших недель во имя спасения родины. Мы решили поэтому организовать страну по районам. Я возлагаю большие надежды на намеченную мной децентрализацию. У нас нет времени для организации центрального ведомства, достаточно мощного и достаточно хорошо вооруженного, чтобы заменить большую часть местных сил... Есть только один путь плодотворной организации сил страны в положенный нам срок. Он состоит в том, чтобы каждый район сам взялся за выполнение своей работы, а мы с своей стороны предоставим в его распоряжение все, что может дать правительство в области консультации и снабжения материалами, поскольку мы сами предложили снабжать материалами всех, кто в них будет нуждаться. Все, что относится к специальной консультации, спецификации, образцам, инспектированию и материалам — все это мы можем дать; но мы должны возложить непосредственно на крупных дельцов каждого района дело местной организации, так как с этим делом они справляются».

Стевенсон следующим образом описывает свой образ действий.

> «Я прежде всего потребовал карту. С равным успехом я мог потребовать, чтобы мне дали луну. Но я не сдался, вышел и купил карту, стоимость которой государство все еще мне не вернуло. Я разбил карту на десять областей, границы которых (за немногими исключениями) совпадали с границами графств, и приступил к децентрализации на общих коммерческих основаниях. Эта схема была одобрена г. Ллойд Джорджем, и в каждой области (Ньюкестле, Манчестере, Лидсе, Бирмингаме, Кардиффе, Бристоле, Лондоне, Эдинбурге, Глазго, Дублине и Бельфасте) были учреждены областные канцелярии для разгрузки центра, для осведомления мест и разрешения местных затруднений. Довольно забавно, что не было включено в схему одно графство — Герефорд — с пометкой: „мы оставим его за министерством земледелия“. Но в этом графстве, которым мы пренебрегли, впоследствии было устроено одно из крупнейших в королевстве производств по начинке снарядов...»

Внутри отдельных областей было назначено около пятидесяти административных советов. Порядок работы был примерно сле-

дующий: административные советы принимали заказы, скажем, на определенные количества снарядов, подлежавших сдаче в определенные сроки и по определенным ценам. Эти заказы распределялись между отдельными заводскими фирмами района или поручались государственным предприятиям, состоявшим в ведении этих советов. Советы несли ответственность перед правительством за изготовленные снаряды.

Областные канцелярии вели общее наблюдение за местными административными советами и имели в своем составе организационного секретаря, главного инженера и чиновника по труду. На секретаря наряду с секретарскими обязанностями были возложены функции административного чиновника и подотчетного лица по району; он отвечал за операции по выдаче удостоверений на получение нефти фирмами, занятыми работой по снаряжению, и за ряд других дел. Инженер должен был заниматься максимальным развитием ресурсов области в соответствии с директивами, которые время от времени давал министр снаряжения, делать подробные доклады о состоянии оборудования, инспектировать национальные мастерские по изготовлению снарядов, давать заключения о производственных возможностях фирм, сообщать о ходе выполнения контрактов. Чиновник по труду должен был, конечно, наблюдать за наличием и распределением труда; значительное расширение предприятий и связанное с этим смешение основных кадров, а также изучение общих условий труда потребовали в дальнейшем — в ноябре 1916 г. — разделения этой работы между двумя самостоятельными чиновниками, занимающимися соответственно вопросами смешения кадров и общим обследованием условий труда.

Ошибочно было бы полагать, что это подстегивание местной энергии и создание районных организаций проходили легко и гладко. Особенно на первых порах это требовало постоянного внимания и очень тщательного руководства, чтобы механизм работал правильно.

Постоянно приходилось преодолевать трения и препятствия и вносить согласованность в работу. Мне приходилось постоянно разрешать местные и общие вопросы — одни существенные, другие мелкие, — которые тормозили работу. 26 августа 1915 г. я издал меморандум, озаглавленный «Положение для руководства административными советами», дававший сводку заключений, к которым мы пришли на основе наших совместных совещаний. В дальнейшем он служил их конституцией.

Подводя краткий итог некоторым результатам, достигнутым административными советами в области привлечения к производству снаряжения ранее неиспользованных фирм, я могу сказать, что в течение войны они обеспечили выработку 65 миллионов оболочек снарядов и свыше 606 миллионов химических элементов к ним; около 10 миллионов различных предметов траншейного снаряжения и свыше 4 миллионов предметов, связанных со снабжением авиации.

При этом нельзя сказать, что работа велась, не считаясь с государственными расходами, так как установлено, что национальные мастерские под руководством административных советов сохранили стране $1^3/_4$ млн. фунт. ст. в сравнений со средними ценами, ранее назначавшимися поставщиками.

Много было сделано за время войны такого, что, как показал опыт, в другой раз надо будет сделать иначе — хотя, упаси бог, чтобы это еще раз повторилось! Но безусловное мнение всякого, имевшего отношение к областным организациям и к административным советам как организациям военного времени, что именно такая система должна быть снова принята, если придется когда-либо снова мобилизовать частные ресурсы страны для снабжения вооружением.

Таков был созданный нами аппарат. Моя дальнейшая забота заключалась в нахождении методов, которые обеспечили бы каждому отделу скорейшее овладение его делом и быструю ликвидацию прорывов и промахов на любом участке, не давая им незаметно разрастаться и вести к катастрофе.

В результате моего объезда некоторых индустриальных районов и сношений с руководителями, служащими и рабочими промышленных предприятий министерство привело в движение всю страну. Я собрал прекрасный штат первоклассных работников для руководства работой в центре. Теперь, когда машина была собрана, оставалось пустить ее полным ходом.

Далее я установил порядок, согласно которому каждый департамент министерства по своим разделам — пушкам, взрывчатым веществам, снарядам, пулеметам, бомбам, заводскому оборудованию, рабочей силе и т. д. — в лице своего руководителя представлял еженедельный отчет о ходе работы в данной отрасли г. В. Дж. Лейтону, заведующему статистическим отделом, а последний собирал эти доклады и снабжал меня еженедельной сводкой. Лишь только данный отдел окончательно налаживал работу и приступал к производству, он должен был представить план предполагаемого выпуска продукции. Еженедельные отчеты о фактически достигнутых результатах постоянно сопоставлялись с плановыми показателями, и таким образом мы получали возможность следить, в какой мере каждая отдельная секция справлялась со своей работой.

Еженедельный баланс, составлявшийся г. Лейтоном, отражающий планы и их выполнение по каждому департаменту, передавался мне в конце недели. Я брал его с собой на свою дачу в Уолтон Хитсе, так как я по возможности всегда старался в субботу вырваться из Лондона. Здесь я брал эти недельные балансы и тщательно их прорабатывал, делая заметки по вопросам, возникавшим у меня в связи с ходом работ. Заметки потом диктовались на машинку и рассылались управляющим департаментами. Несколько образчиков, взятых наудачу, покажут характер этих записок:

«Д-р Аддисон.

Еженедельный отчет:

Траншейное оборудование.

Несоответствие между планом и исполнением убийственное. Какие меры приняты для увеличения продукции? *Поступление бомб* также не соответствует ожиданиям.

Д. Лл. Дж.

30/9/15».

«Сэр Фредерик Блэк.

Заметки по недельному отчету к концу недели 18 сентября.

Несоответствие между числом обещанных и поставленных снарядов ужасное, расхождение достаточно прискорбно в отношении частных поставщиков, но когда дело касается национальных мастерских, это — явление ненормальное. Нет ли средств для улучшения положения? Чья обязанность затребовать объяснений от частных поставщиков и от административных советов и чья обязанность наблюдать за выполнением программ?

Я боюсь, что департамент, ведающий этим разделом работы, чрезвычайно перегружен. Люди, ведающие этим делом, исключительно способны, но у них слишком много дел.

Фабрики по начинке снарядов.

Учитывая срочную необходимость расширения производства по начинке снарядов, нужно признать, что настоящий доклад не столь утешителен, как я бы того хотел. Собеседования на конференциях, имевших место за последние два-три дня, поправят дело, но я надеюсь, что особое внимание будет обращено на эту особенно важную отрасль. По вопросу о национальных мастерских по производству снарядов и их начинке я предлагаю собрать на совещание лучших строителей и просить их о поддержке в подыскании для нас людей, которые ускорят постройку этих предприятий. Прошу проследить за исполнением.

Д. Лл. Дж.

30/9/15».

«Генерал Дю Кейн.

Я понимаю, что задержка в поставке снарядов для шестимиллиметровых гаубиц объясняется отчасти задержкой сдачи определенных картузов для N. T. C. зарядов. Может ли это быть ускорено?

Д. Лл. Дж.

14/3/16».

«Генерал Дю Кейн.

Так как было много волнений из-за непригодности запалов и оболочек снарядов, я очень боюсь, чтобы не было дальнейших

провалов. Вы очень расхваливали последние проекты, но я хотел бы думать, что вопрос достаточно проверен и что всякие случайности исключены. Очень многое зависит от этих последних наметок; если они не оправдаются, снаряжение в критический момент не даст нужных результатов. Я поэтому был бы очень рад, если бы Вы приняли необходимые меры, чтобы доказать в полном объеме реальность новых планов.

Д. Лл. Дж.
10/5/16».

В дополнение к этому артиллерийскому обстрелу записками и вопросами по адресу заведующих департаментами моего министерства я был, конечно, в постоянном личном контакте с ними в течение недели, оказывая им возможную помощь поощрением, поправками и советами. Я находился в министерстве с 9 часов утра до 8 часов вечера, часто еще позже, и сотрудники министерства могли совещаться со мной, если возникали какие-либо трудности.

В самом начале работы министерства я ввел систему созыва еженедельных совещаний управляющих департаментами, на которых я мог устно обсуждать с ними основные моменты их недельных отчетов и все вопросы, содержавшиеся в моих замечаниях, которые требовали дальнейшего обсуждения.

Их совместное присутствие на этих собраниях представляло значительные преимущества и давало экономию времени. Ведь каждый из них на вопрос о несоответствии его продукции с запроектированными цифрами мог сослаться на то, что он не был снабжен каким-нибудь сырьем, полуфабрикатом, или другими составными частями, необходимыми для производства, которым ведала его секция. В таком случае (поскольку сотрудник, ведающий снабжением этим недостающим материалом, также присутствовал на заседании) вопрос мог быть немедленно выяснен и получалась большая экономия времени и бумаги, которые были бы израсходованы иначе на соблюдение условной рутины протоколирования жалоб одного, пересылки их другому для дачи объяснений и так далее, — точно мячи, которыми департаменты перебрасываются между собой, а в результате множится не производство, а переписка.

Я все время стремился настроить моих сотрудников в духе наивысшего рвения всеми средствами, которые могут побудить человека к наилучшей работе — похвалой, соревнованием, боязнью подвергнуться критике, а главное возбуждением непосредственного чувства патриотизма. Я думаю, что все, знавшие работу министерства, признают, что эти старания увенчались успехом.

Эти собрания также возбуждали здоровое соревнование. Ни один заведующий департаментом не хотел, чтобы было обращено внимание на невыполнение планов его отделом на собрании, на котором присутствовали его коллеги. Не было времени считаться с личной чувствительностью. Страна переживала тяжелый кризис,

и время ценилось на вес золота. Мы уже потеряли месяцы, мы не смели терять ни одного дня.

Работа всех отделов министерства была тесно связана между собой. Недовыполнение в области начинки снарядов могло быть результатом неудовлетворительного снабжения снарядными трубками или сильновзрывчатыми веществами. Это могло в свою очередь произойти от недостатка рабочей силы в каком-нибудь отдельном районе. На наших еженедельных совещаниях могли быть немедленно вскрыты причины происшедших перебоев, и соответствующему сотруднику могло быть поручено исправление недочетов. Вместе с тем могли быть выдвинуты на месте срочные мероприятия, чтобы временно обойти трудности.

Эти собрания дали еще то, что мало по малу развилось очень прочное содружество между людьми, которых я собрал около себя. Они представляли разношерстную толпу. Каждый из них был опытным руководителем, привыкшим вести свое собственное дело и скорее давать, чем получать приказания. Для успешности работы министерства было важно, чтобы они научились жертвовать своей независимостью в совместной коллективной работе. Этот процесс начался на наших еженедельных собраниях, если даже вначале они и выступали обычно в роли взаимных обвинителей. Постепенно они стали действительно друзьями и, может быть, за одним или двумя исключениями превратились под конец в тесно спаянное трудовое содружество со здоровым корпоративным духом.

Мои усилия стимулировать успешную работу не могли, конечно, ограничиваться штатом министерства. Я должен был находиться в постоянном соприкосновении с промышленностью по всей стране. Я часто посылал за фабрикантами какой-нибудь определенной отрасли — по производству пушек, винтовок, станков — для обсуждения с ними вопросов о выпуске их продукции и поощрения их к большей активности. Я ездил по стране, посещая предприятия, беседуя с рабочими, сглаживая затруднения в области труда, улаживая конфликты, добиваясь увеличения выработки. Честь оставшихся в тылу была порукой тем, кто был на фронте, что они будут снабжены полностью и скоро, в меру человеческих возможностей оружием и средствами обороны, необходимыми в их борьбе. Я считал своим долгом не жалеть никаких усилий, не упустить ни одного разумного средства для исполнения этого обязательства.

Я был упорным работником всю свою жизнь, с ранних лет и до настоящего времени. Но я никогда не работал так тяжело, как во время налаживания организации по снабжению снаряжением, даже в сравнении со временем моего премьерства, при всей напряженности и трудности этих последних лет.

Я обычно работал час или два до завтрака, прочитывая важнейшие бумаги и делая на них пометки. Моей привычкой было приглашать к завтраку лиц, которые хотели видеть меня или которых я хотел видеть по делам снаряжения. Иногда важные и влиятельные американские посетители желали обсудить со мной теку-

щие вопросы, не обязательно связанные с министерством снаряжения, и завтрак был подходящим временем для встречи с ними.

Но мой рабочий день начинался еще значительно раньше. Обычно проснувшись я тотчас же брался за бумаги и доклады, которые я с вечера приготовлял у своей кровати.

В 9 часов я был на работе в своем кабинете в министерстве снаряжения. Требования дела вынуждали к ломке многих старых традиций. После рассмотрения поступивших важных писем и документов наступала очередь каких-нибудь вопросов, которыми я заранее решил заняться в это утро — скажем, пушки, начинка снарядов, винтовки; надо было повидать заведующих департаментами и урегулировать их вопросы; надо было договориться о распределении сырья, может быть, между спорящими претендентами и т. д. Часто также надо было присутствовать по утрам на заседаниях кабинета, хотя в течение первых нескольких недель моего заведывания министерством срочные дела исключали возможность моего присутствия. Мне передавали, что на одном заседании г. Бальфур спросил: «Куда делся министр снаряжения? Я уже некоторое время не вижу его».

Второй завтрак использовал я обычно подобно первому — как удобное время для встречи с людьми, с которыми надо было обсудить срочные дела по вопросам снаряжения. Днем я должен был быть в палате общин. Ответив на многочисленные очередные вопросы, касающиеся моего департамента, я обычно уходил, если позволяло дальнейшее содержание повестки дня, чтобы заняться своими делами.

Постоянные затруднения возникали со стороны военного министерства, требуя совещаний с лордом Китченером и часто с премьер-министром. Эти совещания часто затягивались. Военное министерство было в это время источником постоянных трудностей.

Затруднения с рабочей силой вынуждали меня к частым посещениям промышленных центров, к совещаниям с рабочими депутациями и заведующими предприятий. Особенно в первое время, до установления общего контроля за доходами, среди людей был широко распространен вредный дух, и синдикалистские агитаторы причиняли мне немало беспокойства. В этом отношении особенно много беспокойства причинил нам район Глазго; но значительные волнения обструкционистского характера имели место также в Ньюкестле, Шеффильде и других областях.

Я не стану упоминать о различных общественных собраниях в стране, на которых мне приходилось время от времени выступать для привлечения внимания нации к жизненным вопросам, стоявшим перед нами, и для поддержания энтузиазма в деле производства снаряжения. Это время вспоминается мне как непрерывная гонка, не позволявшая, кажется, ни на минуту выпустить вожжи из рук. Я предъявлял к министерству, ко всему моему штату самые жесткие требования. Но мне думается, я могу утверждать, что я ни от кого не требовал больше, чем делал сам.

3. РАБОЧИЙ ВОПРОС

Если вспомнить вопросы, которые в начале войны стояли перед страной в связи с вооружением и снаряжением армии, покажется странным, что в то время в некоторых кругах ожидали и опасались острой безработицы. В течение первых недель комитет по предупреждению и ликвидации нуждаемости при кабинете министров предложил мэрам во всей стране образовать местные комитеты по борьбе с безработицей. Министр по делам местного самоуправления г. Герберт Семюэль требовал от местных властей организации в срочном порядке общественных работ и разработки планов на случай возникновения серьезного кризиса. Служащие и рабочие машиностроительной промышленности устроили 19 августа 1914 г. собрание «для обсуждения путей и средств сокращения безработицы в связи с народным бедствием». Управляющий военными поставками выпустил в этом же месяце циркуляр от имени военного министерства, озаглавленный «Меморандум по вопросу о сокращении безработицы во время войны», в котором рекомендовал отказ от сверхурочной работы как средство распределения наличной работы между бо́льшим числом рабочих рук.

Однако к середине сентября министерство торговли обнаружило что опасения насчет безработицы не оправдываются: в ноябре оказался неудовлетворенным спрос на 6 тыс. рабочих для производства вооружения; недостаток в рабочей силе возрастал по мере роста потребности в снаряжении, пока не стал одним из самых острых вопросов.

Комитет снаряжения при кабинете министров, назначенный, как я уже писал, в октябре 1914 г., не собирался с 23 октября до 23 декабря. На этом последнем заседании было установлено, что вопрос о рабочей силе стал исключительно тяжелым.

Три основных причины вели к обострению положения на рынке труда. Прежде всего тот факт, что вербовка особенно ударила по районам тяжелой промышленности, в частности по тем, которые связаны с машиностроением. Между 4 августа и 4 ноября 1914 г. вербовка дала на 10 тыс. жителей в восточной Англии всего 80 человек, в западной Англии — 88, тогда как в Йоркшире, Дэрхеме и Нортумберленде — 150, в графствах Уорикшире и Мидленде — 196 и в южной Шотландии — 237; все последние районы — с преобладающим промышленным населением. Такой же высокий процент дала мобилизация в Южном Уэльсе и других промышленных центрах. К октябрю 1914 г. 12,2% всех рабочих машиностроительной промышленности мужского пола ушли в армию, а к июлю 1915 г. это число возросло до 19,5%. К сожалению, в большинстве случаев самые энергичные и знающие квалифицированные рабочие уходили под знамена, а наименее способные оставались в тылу.

Вторая причина заключалась в том, что в результате сокращения предложения рабочей силы и роста спроса положение рабочего становилось особенно выгодным. Хозяева не хотели ссориться и рас-

считывать рабочего, которого трудно было заменить, возрастало также соперничество из-за привлечения квалифицированных рабочих. Рассчитанный в одном месте, рабочий мог немедленно получить другую работу, часто за бо́льшую плату. Это породило среди некоторых рабочих склонность к слабому уплотнению рабочего дня, небрежности в работе и в некоторых случаях к пьянству. Несомненно, число рабочих, на которых падало это обвинение, составляло сравнительно небольшой процент ко всей массе рабочих. Тем не менее срыв работы со стороны нескольких рабочих на предприятии часто влечет за собой задержку всех остальных рабочих, занятых в производстве. В результате мы далеко не получали полного продукта труда даже от того кадра рабочих, который был оставлен на производстве.

Третья причина недостатка рабочих для производства снаряжения заключалась в указанной мной политике военного министерства, которое работало лишь с ограниченным числом фирм. В результате большинство машиностроительных предприятий страны очень мало или ничего не делало для производства снаряжения и выполняло частные заказы, следуя лозунгу «дела идут, как всегда». Это означало, что большая часть рабочей силы в машиностроении не была мобилизована на производство снаряжения.

Поэтому было совершенно ясно, что для разрешения рабочего вопроса необходимо было провести следующие меры:

а) прекратить вербовку квалифицированных рабочих; по возможности вернуть из армии тех, которые уже были взяты; наконец, увеличить пополнения путем максимального привлечения добавочной неквалифицированной рабочей силы, могущей быть использованной в процессе производства без ущерба для дела;

б) обязать рабочих лучше использовать рабочее время; не допускать порчи работы (брака) и постоянной перемены работы;

в) обеспечить более строгий контроль за продажей спиртных напитков в районах производства снаряжения;

г) обучать и использовать женщин на работе, которая это допускала;

д) объединить необходимые предприятия по производству снаряжения и наличную рабочую силу по всему королевству или путем перевода всех рабочих на предприятия, изготовляющие снаряжение, или путем распределения производства между всеми предприятиями королевства.

До организации министерства снаряжения разрешение вопросов труда лежало прежде всего на министерстве торговли, действовавшем в согласии с военным министерством. Министерство торговли уделяло много времени и сил этому вопросу и разработало разные планы для его разрешения. Однако ряд причин помешал этим планам принести желательные результаты.

На заседании комитета имперской обороны 27 января 1915 г. лорд Китченер высказал опасение, что любая попытка сохранить за британскими предприятиями их основные кадры рабочих могла прямо

или косвенно повредить вербовке в армию в большей степени, чем это кажется на первый взгляд. Он возражал против всякой системы, требовавшей ограничения добровольной вербовки. Благодаря позиции, занятой лордом Китченером, комитет в своем заключении ограничился советом, чтобы фирма в случае ухода на войну ценного рабочего для данного предприятия замещала его женщиной или мужчиной, негодным к военной службе.

В течение января 1915 г. были приняты меры к освобождению ценных квалифицированных рабочих, состоящих в армии, и к возвращению на предприятия, изготовляющие снаряжение, на которых они работали раньше. Но до лета 1916 г. лишь незначительное число их было действительно освобождено в этом порядке. Военное министерство выработало в марте 1915 г. свой план «отсева», но в течение первых семи или восьми месяцев войны, когда увлечение вербовкой достигло апогея, наиболее необходимые нам предприятия понесли потери, которые не могли быть возмещены всеми последующими усилиями. Уж если человек вступал в армию, никто не мог заставить его против воли вернуться к гражданской работе, а влияние всего военного начальства — от старшего офицера до младшего капрала — было направлено к удержанию его в армии, если казалось, что он становится полезным солдатом.

В общем, можно сказать, что работа вербовщиков в деле лишения страны ее лучших квалифицированных рабочих не подчинялась никакому реальному контролю в течение первого года войны. Все влияния, идущие извне, были против удержания в тылу квалифицированных рабочих, особенно большое значение имел патриотизм рабочих, которых часто нельзя было убедить, что их работа необходима для снабжения армии. Более того, во время действия системы добровольной вербовки тот, кто оставался на своем месте в тылу, подвергался обвинению в трусости и оскорблениям на улице.

В результате обсуждений комитета снаряжения при кабинете министров от 23 декабря 1914 г. был сделан ряд усилий для расширения и пополнения наличных ресурсов рабочей силы.

Широко принимались бельгийские рабочие; было введено на военные заводы некоторое число женщин. Первый систематический опыт по привлечению женщин для замены мужского труда был сделан министерством торговли 16 марта 1915 г. В два с половиной месяца, к 4 июня 1915 г., в специальном военном реестре числилось 78 946 женщин, взятых на учет для работ, связанных со снаряжением; из этих женщин 1 816 уже работали.

Дальнейшая история применения женского труда в производстве снаряжения представляет одну из самых блестящих страниц в истории. В другом месте я даю некоторые сведения об их исключительном рвении и мужестве в работе по начинке снарядов. Одна из любопытных революций, совершенных войной, заключалась в том, что руководство делом организации женщин и девушек для служения государству взяли на себя те самые люди, которые перед войной были самыми ожесточенными противниками правительства в вопросе

об избирательном праве женщин. Г-жа Панкхерст и ее дочь Кристабель, мисс Анни Кенней, г-жа Драммонд и другие видные суфражистки были первыми деятельницами этого нового крестового похода.

18 июля 1915 г. они возглавили огромную женскую военную демонстрацию, в которой тысячи женщин-демонстранток прошли по улицам Лондона в дождь и грязь, сопровождая депутацию, направлявшуюся ко мне как министру снаряжения для приветствия по случаю введения национального реестра и для предложения своей помощи родине. Г-жа Панкхерст, выражая пожелание женщин о допущении их к работе на военных предприятиях, просила одновременно об установлении заработной платы, которая обеспечивала бы им их жизненный уровень (прожиточный минимум) и предохраняла бы их от притеснений и эксплоатации со стороны фабриканта. В ответ я поручился, что будет установлен соответствующий минимальный заработок за месячную работу и что сдельная оплата будет одинакова для мужчин и для женщин. Эти условия, настойчиво и твердо проводившиеся министерством за все время войны, оказали прочное влияние на положение женщин в стране. Хотя основная работа, в которой были заняты женщины, была временной, и правила, явившиеся результатом соглашения, относились только к женщинам, занятым на работе, которая прежде считалась мужской, все же устанавливался определенный стандарт, от которого уже нелегко было отойти в дальнейшем. Можно утверждать, что низкая и колеблющаяся заработная плата, которую женщины в металлообрабатывающей промышленности получали до войны, уже никогда не вернется.

В предприятиях военного ведомства и в металлообрабатывающих и химических предприятиях, которые к середине 1916 г. были заняты производством снаряжения по крайней мере на 75%, число занятых женщин и девушек возросло с 82 589 в июле 1914 г. до 340 844 в июле 1916 г. К ноябрю 1918 г. общее число женщин, занятых на предприятиях, прямо или косвенно подведомственных правительству, достигло 1 587 300. Эти цифры дают известное представление об огромных усилиях, проявленных женщинами для блага родины в течение войны.

Пришлось преодолеть немало трудностей, чтобы добиться допущения в таком объеме женщин-работниц в те отрасли промышленности, куда раньше допускались только мужчины. Но я не буду сейчас дальше отвлекаться в эту сторону, поскольку это лишь часть общего вопроса смешения рабочих кадров, который я рассматриваю ниже.

В течение первых месяцев 1915 г. министерство торговли приняло ряд мер для пополнения числа рабочих на военных предприятиях за счет остальных машиностроительных фирм. Это отвечало политике военного министерства — передавать заказы только признанным фирмам, изготовляющим снаряжение, и основывалось на предположении, что прочие фирмы выполняют невоенные заказы.

Были достигнуты совершенно ничтожные результаты; с одной стороны, обнаружилось, что многие из этих фирм уделяют часть своих сил работам по снаряжению по субдоговорам, с другой стороны, фирмы весьма остро реагировали на предложение похитить у них их лучших рабочих и требовали вместо этого передачи им самим исполнения заказов военного ведомства. Дальнейшие трудности возникали из-за нежелания рабочих бросить свои дома и поступить на работу в какой-нибудь отдаленной части страны на незнакомое предприятие. Вскоре стало ясно, что переброска рабочей силы с коммерческой на государственную работу могла быть осуществлена только принудительными мерами.

Многие фирмы, не связанные с правительством, сами дали понять, что в одном отношении они, действительно, готовы приветствовать принуждение. Они были связаны договорами по выполнению невоенных коммерческих заказов и не могли нарушить договоры под угрозой штрафа, хотя сами желали притти на помощь государству. Между тем, если бы государство применило к ним закон о защите королевства, эта трудность была бы преодолена.

Согласно заключению юристов для этого требовалось освобождение от принятых обязательств или включение предприятия в систему предприятий, подконтрольных правительству, исходя из того, что наличные предприятия не справляются с работой. Выход давался новым законом о защите королевства, внесенным мной в палату общин 9 марта 1915 г. Этот закон уполномочивал правительство «требовать от любой фабрики или мастерской выполнения любой работы в соответствии с распоряжениями адмиралтейства или военного совета, изданными в целях приспособления предприятия или мастерской или их производственных планов для наилучшего использования на производство военных материалов». Далее предусматривалось, что «в случае, если выполнение данным лицом какого-либо договора находится в противоречии с необходимостью для этого лица или для другого лица исполнить какое-либо требование, распоряжение или запрещение адмиралтейства или военного совета, то это обязательство является законным основанием для защиты от всякого иска, направленного против этого лица по случаю неисполнения им договора, поскольку это вызвано указанным противоречием».

Однако, вследствие того, что военное министерство упорно придерживалось своих излюбленных традиционных методов работы исключительно с признанными им фирмами, это положение было сравнительно мало использовано до учреждения министерства снаряжения.

Безусловно самой трудной задачей в рабочем вопросе было обеспечение полного сотрудничества рабочих в срочном деле производства снаряжения при одновременном прикреплении рабочих к определенному предприятию, при повышении интенсивности труда и непрерывности работ, запрещении забастовок и особенно при

ослаблении профсоюзных правил, которое должно было открыть возможность широкой замены квалифицированных рабочих неквалифицированными и значительного использования сверхурочного труда в случаях крайней необходимости.

Во время обсуждения первого проекта закона о защите королевства, представленного 26 февраля, было сперва предложено включить статью, запрещающую под угрозой уголовного преследования забастовки и локауты на предприятиях, занятых производством военных материалов, и устанавливающую принудительный арбитраж в случае каких-либо конфликтов. Я решил, однако, посмотреть, что можно сделать для достижения этой же цели путем добровольного соглашения с тред-юнионами.

Сообразно с этим 17 марта 1915 г. было созвано собрание представителей тред-юнионов «для обсуждения с министром финансов и министром торговли некоторых важных вопросов по труду, вытекающих из последних решений правительства, получивших свое выражение в измененном законе о защите королевства, в целях принятия дальнейших шагов по организации ресурсов страны для удовлетворения требований армии и флота».

Совещание состоялось в мрачном зале казначейства, где в одном конце помещался золоченый трон королевы Анны. Когда-то здесь заседали короли и королевы, являвшиеся сюда для обсуждения финансовых вопросов с лордом казначейства. Последний государь, сидевший на этом троне, был Георг I из ганноверской династии. Поскольку он не знал английского языка, а лорд казначейства не знал немецкого, наши государи положили конец формальности присутствовать на этих собраниях в казначействе для урегулирования финансовых вопросов, и некогда вычищенный и сверкавший трон имел теперь жалкий и заброшенный вид. Комната была настолько переполнена представителями от рабочих различных союзов, что некоторые из них вынуждены были просто прислониться к этому расшатанному трону последнего Стюарта. Я просил г. Бальфура участвовать в совещании. Ему не раз приходилось выступать на собраниях с большим участием рабочих, но это был первый опыт совместного заседания с ними на равных основаниях. До сих пор только он разговаривал с ними, теперь они говорили с ним. На его лице было комическое выражение растерянности и удивления. Такое выражение я видел на его лице, когда в танцовальном зале отеля Меджестик в Париже во время мирной конференции он увидел солдат, матросов и чиновников, дико несущихся по комнате с дамами из состава секретариата под свирепый визг джаз-банда, имитирующий негритянскую песню.

Он был удивлен, увидев, что рабочие представители так хорошо умеют говорить. Они кратко и ясно сформулировали свои пункты, не тратя слов и времени. С другой стороны, в их манере и тоне была нотка агрессивности, к которой он не совсем привык со стороны данной категории людей. Некоторое время он был совершенно подавлен и сохранял полное молчание. Даже после того как они

ушли, он не сразу пришел в себя. Он любил новые впечатления, но другого сорта. Это было знамение, впервые появившееся в той части неба, где на протяжении четверти века он светил один, и крайняя близость этого знамения возбуждала беспокойство. Его государственные представления были унаследованы от того времени, когда королева Анна сидела на этом троне. Они изменились лишь постольку, поскольку самый факт, что королева Анна сидела на нем последней, означал победу над абсолютизмом и в этих пределах изменял конституцию в духе демократизма. Но здесь была совершенно другая картина. Он видел, как эти дюжие рабочие опирались и сидели на ступенях трона умершей королевы и на равных началах договаривались с нынешним правительством по вопросам, близко касающимся ведения великой войны. Королева Анна поистине умерла! Годами с противоположных скамей (в палате общин) я наблюдал за выражением лица Бальфура. Глядя на него теперь, я чувствовал, что его ум, пытливый и свободный от предрассудков, растерялся перед этим внезапным откровением новой силы и что ему нужно время, чтобы освоиться с этим опытом.

Конференция заседала с 17 по 19 марта 1915 г.

Открывая обсуждение, я сказал, что присутствующие призваны обсудить вопрос о необходимости расширения производства снаряжения и те меры по организации промышленности, которые правительство предлагает принять в этих целях. Все воюющие страны убедились, что расходование военных материалов превзошло все предположения. Я указал на полученные правительством жесткие полномочия по контролю и полному подчинению себе тех предприятий в стране, которые производят военное снаряжение или могут быть обращены под соответствующее производство, и заявил, что этот вопрос я хотел бы обсудить вместе с ними.

«Передача в ведение государства» этих предприятий не означает, что их владельцы и руководители будут просто выставлены, а на их место будет поставлен какой-нибудь адмирал или генерал. Предприятия будут управляться попрежнему, за исключением того, что они будут целиком обращены на производство снаряжения и что, конечно, при таком контроле будет ограничена частная прибыль.

Но если министерство торговли идет таким образом на ограничение прав и интересов капитала в лице владельцев и руководителей предприятий, то оно вправе потребовать также от рабочих ограничения их обычных привилегий, насколько это окажется жизненно необходимым в интересах нации. В частности я хотел договориться, чтобы известные профсоюзные правила, которые могут быть вполне оправданы в мирное время, были изменены таким образом, чтобы избежать затруднений в работе на национальную оборону в настоящих критических условиях и чтобы в случае возникновения споров — будь то по вопросам отступления от обычных профсоюзных правил, будь то по вопросам рабочего времени и норм оплаты — дело улаживалось в порядке мирного арбитража, а в ожидании арбитража рабочие должны были продолжать работу.

Правительство не говорит, что рабочие никогда не должны жаловаться или требовать увеличения жалования. «Наше положение сводится к тому, что во время разрешения выдвинутого вопроса работа продолжается... Мы хотим притти к определенному соглашению с вами по этому вопросу, прежде чем взять на себя контроль над этими предприятиями».

Я затем представил делегатам тред-юнионов ряд предложений, имевших целью недопущение приостановки работы на предприятиях, работающих на государственные нужды, по причинам забастовки или локаута в ожидании разрешения споров, могущих возникнуть между нанимателями и рабочими. Я предлагал, чтобы все эти споры передавались на арбитраж, чтобы на время войны было приостановлено действие профсоюзных правил, направленных к ограничению выработки или против применения малоквалифицированного и женского труда.

После этого рабочие представители остались одни для выработки собственного проекта обязательств, которые они готовы были принять по этим статьям. Этот проект был обсужден, исправлен, и подконец, 19 марта, г. Артур Гендерсон представил меморандум, который был принят при двух только расхождениях. Соглашение было подписано со стороны правительства мной самим и г. Ренсименом, а со стороны рабочих представителей г. Гендерсоном и г. Мосесом. Я взялся заготовить достаточное число копий для всех союзов для рассылки всем членам их правлений.

Этот документ был известен под названием «казначейского соглашения». На протяжении войны оно играло большую роль во всех переговорах с рабочими, так как точно устанавливало, на началах, которые сами руководители тред-юнионов признали справедливыми, условия организации работы по производству снаряжения. Оно давало право на прием неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих для пополнения существующих кадров квалифицированных рабочих при условии, что вновь нанятые рабочие будут получать такую же заработную плату, какая обычно уплачивалась за эту работу; оно устанавливало порядок арбитража, заменяющего забастовки; оно устанавливало также, что частные прибыли фабрикантов подлежат ограничению.

На следующей неделе специальное аналогичное соглашение было заключено мной с объединенным обществом механиков, представители которого присутствовали на предыдущей конференции, но без права подписи.

При всем значении достигнутых решений эти два соглашения не могли быть сразу обращены в действие. Оставалась одна трудность. Рабочие совершенно естественно отказывались утвердить вынесенные предложения, ограничивающие их собственную свободу, пока правительство не осуществит мероприятий по ограничению частных прибылей. Г-н Ренсимен был в это время занят серьезными переговорами с руководителями военных фирм, стремясь достигнуть соглашения об основах ограничения частных прибылей, но эти пере-

говоры кончились ничем. Вопрос был в конце концов разрешен законом о военном снаряжении в июне 1915 г., установившим, что предприятия, занятые производством снаряжения, могут быть подчинены контролю министерства, что прибыли подлежат ограничению и что на таких подконтрольных предприятиях приостанавливается действие профсоюзных правил, ограничивающих выработку.

Этот вопрос о контроле над частными прибылями имел действительно огромное значение для всего вопроса о рабочей силе и для постановки рабочего вопроса в целом. Было бесполезно ссылаться на серьезность момента и требовать от рабочих, чтобы они отдали все свои силы производству, отказались от забастовок и борьбы за повышение заработной платы, отказались от правил и ограничений, установленных в их защиту и отвоеванных ими у предпринимателей в многолетней борьбе, если они видели, что сами эти наниматели собирают огромные состояния, наживаясь на этих самых исключительных обстоятельствах. В «меморандуме по вопросу о рабочей силе для военных заводов» сэра Г. Льюэлина Смита от 9 июня 1915 г. это положение было определено следующим образом:

> «Как представители рабочих на двух конференциях, имевших место в казначействе, так и сами наниматели (например, принятая сегодня депутация владельцев судостроительных предприятий) видят основную трудность в том, что рабочие, работая на военных предприятиях, все же продолжают чувствовать, что они работают в основном на частного предпринимателя, что между ними только денежная связь и что в настоящих условиях такая связь совершенно не может обеспечить контроля...
>
> Пока предпринимательская прибыль не подчинена контролю, рабочий чувствует, что всякая жертва с его стороны в части его прав и преимуществ непосредственно увеличивает прибыли частных лиц, и в результате такого подозрения их нежелание приносить жертвы становится непреодолимым».

Совершенно верно, что за это время заработная плата проявляла постоянную тенденцию к повышению и что, кроме того, в связи с полной нагрузкой рабочего дня и сверхурочными работами, рабочие зарабатывали значительно больше, чем прежде. Но, с другой стороны, цены на продукты питания и другие предметы потребления также возрастали в пропорции, которая, пожалуй, обгоняла рост заработной платы. В результате забастовки все учащались. Г-н И. Г. Митчель из департамента промышленности, характеризуя в июне 1915 г. общие тенденции последних шести месяцев, писал:

> «Я вполне убежден, что рабочие беспорядки вызваны в значительной мере людьми, которые считают, что, в то время как их призывают проявить патриотизм и отказаться от использования занятого ими прочного экономического положения, предпринимателям, торговцам и фабрикантам дана полная сво-

бода широко использовать национальную нужду. Это было прямо заявлено мне руководителями забастовки машиностроительных рабочих в Клайде в феврале этого года. Когда рабочие убедились, что ничего не делается для подавления и предотвращения эксплоатации со стороны предпринимателя, это дало волю подавленному было желанию урвать побольше в общей свалке. Это привело к тому, что теперь многие союзы открыто эксплоатируют нужды нации. Если работа имеет государственное значение, то это служит основанием, чтобы требовать больше денег. Руководители тред-юнионов, которые с августа прошлого года до февраля этого года добросовестно удерживали своих членов от предъявления повышенных требований, сейчас поддерживают их стремление максимально использовать благоприятные обстоятельства».

Я могу следующим образом кратко охарактеризовать положение рабочего вопроса к моменту создания министерства снаряжения в июне 1915 г.

Вербовка в армию забрала с предприятий значительное число основных рабочих и проводилась дальше без всяких ограничений, кроме тех, которые вытекали из запоздалого отсева ведущих кадров на главных военных предприятиях. Лордом Китченером были даны распоряжения, разрешающие освобождение из армии квалифицированных рабочих, особенно необходимых предприятиям, занятым работой на войну. Однако из четверти миллиона рабочих металлообрабатывающей промышленности, ушедших в армию, фактически было возвращено всего около 5 тысяч.

Принцип смешения кадров, принятый в «казначейском соглашении», еще не был утвержден тред-юнионами и не вошел в силу.

Прибыли фирм, занятых военной работой, все еще не были ограничены и достигали небывалых размеров. Волнения в промышленности, вызываемые этим обстоятельством, быстро росли. В то время как в начале 1915 г. министерство торговли зарегистрировало только 10 конфликтов, повлекших за собой остановку работ, в феврале возникло 47 новых конфликтов, в марте 74, в апреле 44 и в мае 63. Таково было общее положение, с которым столкнулось министерство снаряжения в рабочем вопросе с самого начала своего существования.

Моим первым шагом в борьбе с этим положением было внесение в парламент 23 июня 1915 г. билля о военном снаряжении. Эта мера должна была оформить в законодательном порядке различные предложения, обсужденные уже с предпринимателями и рабочими предприятий, изготовляющих снаряжение. Он касался улажения трудовых конфликтов, запрещения локаутов и забастовок, контроля над предприятиями, занятыми производством снаряжения, и ограничения их прибылей, надзора за рабочими этих предприятий и их награждения орденами; он предусматривал также создание в порядке добровольной мобилизации отряда рабочих по производству

снаряжения, находящегося в распоряжении министерства и направляемого на работу туда, где являлась в том особенная нужда. Внося этот билль, я напомнил палате общин, каким ужасным делом оказалось производство снаряжения в современной войне, и наметил шаги, которые я намерен был предпринять для организации с этой целью народных ресурсов. Я упомянул о некоторых трудностях, как, например, в вопросе о снабжении сырьем. Я намекнул, что правительство может признать необходимым установить полный контроль над рынком металлов. Оно должно будет круто обойтись с людьми, которые пытаются припрятать необходимые материалы, чтобы использовать в своих интересах повышение цен. Оно должно будет принять меры для предотвращения недостатка в угле. Наличные машины часто стояли без дела за отсутствием квалифицированных рабочих, эти рабочие находились в армии, их надо было разыскать и вернуть с фронта на производство. Надо прекратить задержки в работах из-за небрежности немногих и избежать сокращения продукции из-за внутренних писаных и неписаных правил. Я сказал, что вопрос об обязательной службе на производстве военного снаряжения был предметом совершенно откровенного обсуждения между мной и руководителями тред-юнионов и что я был вынужден указать, что, если рабочая сила будет недостаточна для производства военного снаряжения в количестве, необходимом для безопасности страны, введение обязательной службы окажется неизбежным. Руководители тред-юнионов противопоставили этому предложение, чтобы правительство дало им возможность обеспечить нужное количество людей. Они заявили: «Дайте нам семь дней, и если в течение семи дней мы не сможем получить нужного числа людей, мы признаем, что наша позиция значительно ослаблена». На это я дал согласие. Но я пояснил, что даже если нужное количество рабочих явится добровольно, все-таки билль должен включать полномочия на заключение с ними договоров в обязательном порядке и на поддержание дисциплины на предприятиях. Здесь также было достигнуто согласованное решение об учреждении специального суда по правонарушениям на предприятиях военного снаряжения.

Я перешел затем к важным мероприятиям, устанавливаемым биллем в области ограничения прибылей в производстве снаряжения:

«Тред-юнионы настаивали и, я думаю, правильно настаивали на получении своей доли от сделки. Они заявили, что рабочие готовы работать на государство, отдать в его распоряжение все свои силы, приостановить действие профсоюзных правил, поскольку они будут знать, что работают на благо страны. Но они выдвигают постоянное возражение, что прекращение действия профсоюзных правил, выгодных для них, ведет к увеличению прибылей предпринимателя. С этим они не могут согласиться и заявляют, что дают согласие на все остальные статьи при условии, что в билль будет вне-

сен пункт, ограничивающий прибыли на предприятиях, работающих на государство, и что перечисленные мною положения относятся только к предприятиям, на которые распространено ограничение прибылей. Поэтому мы предлагаем установить контролируемые предприятия с тем, чтобы там, где государство берет на себя контроль, осуществлялись все перечисленные мной условия. Я имею в виду все предприятия, на которых в данное время производится военное снаряжение. На практике это означает, что государство принимает на себя контроль над прибылями этих предприятий, и приостановление действия специальных правил будет направлено исключительно к выгоде государства, а не частного предпринимателя. На этих условиях руководители тред-юнионов готовы принять внесенные мной предложения».

Билль о военном снаряжении быстро прошел все стадии парламентского производства и 2 июля получил королевское утверждение. Предоставленные им полномочия были немедленно использованы для разрешения рабочего вопроса.

Я систематически добивался возвращения из армии квалифицированных рабочих на работу для производства снаряжения. 9 июня я разослал циркулярное письмо машиностроительным и судостроительным фирмам для получения от них списков квалифицированных рабочих, состоявших у них на службе и ушедших в армию; телеграммы были разосланы генерал-адъютантом военным начальникам для выявления квалифицированных рабочих, служащих в их частях. Я поднял этот вопрос перед лордом Китченером в конце месяца и изложил то, что считал основой нашего соглашения.

Однако возврат квалифицированных рабочих из рядов армии при таком строгом ограничении проходил не очень успешно. С июля по конец октября 1915 г. общее число возвращенных в порядке основного плана освобождения известных категорий квалифицированных рабочих или в порядке индивидуального освобождения по специальным требованиям их собственных предприятий едва ли превысило 5 000. Цвет квалифицированных рабочих, ушедших в армию, либо уже находился на фронте, либо в воинских частях внутри страны. Выступая 20 декабря 1915 г. в палате общин, я сказал:

«Мы пытаемся вернуть людей из армии... Это то же, что пробиться через проволочные заграждения без тяжелой артиллерии. Траншеи следуют за траншеями. Вы имеете дело не только с армией, корпусом, дивизией, бригадой, батальоном, отрядом, но каждая рота и даже каждый взвод борются за то, чтобы не дать своим людям уйти. Я не удивляюсь и не порицаю их. Люди, квалифицированные для какого-нибудь одного дела, остаются квалифицированными людьми в любом деле. Ваши толковые и искусные люди являются полезными

людьми в окопах, и никто не хочет их лишиться. Поэтому каждый воинский начальник сопротивляется уходу хорошего, толкового квалифицированного рабочего. Как указывает мой достопочтенный друг, эти люди сами испытывают такое чувство, что они бегут от опасности, чтобы вернуться к комфорту, высоким заработкам и барышам, и это им неприятно. Это делает им честь...»

К августу я убедился, что основная масса нужных нам людей находится в забронированных частях, и письменно обратился к лорду Китченеру с настойчивой просьбой освободить по крайней мере самых ценных из них.

В течение августа и сентября 1915 г. шла переписка между министерством снаряжения и военным министерством относительно распоряжений по возвращению из армии рабочих на производство снаряжения.

Действительно, в сентябре были приняты меры по составлению списка всех квалифицированных рабочих указанной категории во всех частях, еще не отправленных на фронт, и из числа назвавшихся около сорока тысяч были признаны отвечающими требованию. К концу октября были предприняты шаги по размещению этих лиц на предприятиях.

Как ни велики были трудности при проведении плана возвращения из армии квалифицированных рабочих, еще бо́льшие препятствия мешали осуществлению смешения рабочих кадров, хотя в конечном счете в этой области были достигнуты значительно бо́льшие результаты.

Основное противодействие смешению кадров оказывали союзы квалифицированных рабочих. В течение долгих лет для защиты от угрозы уменьшения заработной платы, безработицы, черной работы они создали сложную систему правил и обычаев для контроля за нормами выработки и ограничения доступа в промышленность. Эти правила были зачастую крайне искусственны. Выполнение определенной работы разрешалось только людям, принадлежащим к определенному союзу, даже если по своему характеру она могла быть сделана каждым опытным рабочим без специального предварительного упражнения; лицо, выполняющее одну работу, не вправе было производить какую-либо самую простую подготовительную работу, которая по этим правилам возлагается на членов другого профсоюза, оно должно было стоять, сложа руки, и ждать, пока вызовут этого представителя другого профсоюза и он выполнит эту отдельную частную операцию. Ограниченность спроса на рабочую силу заставила тред-юнионы использовать все средства для ограничения предложения, и они не без основания боялись, что если теперь двери будут широко раскрыты, то затем после войны они будут страдать от насыщенности рынка труда, и что если четкие границы между союзами будут однажды стерты, трудно будет их восстановить. Не падение

заработной платы во время войны пугало их: я поручился, что этого не будет. Скорее это был страх потерять традицию секретности и технических трудностей, созданную ими для защиты своих союзов, опасения избыточного предложения труда в данной отрасли промышленности, что должно было привести в будущем к безработице, уменьшению норм зарплаты и снижению прожиточного минимума. Патриотический призыв, продиктованный национальной необходимостью, с трудом противостоял этим вполне естественным и — как оказалось затем в некоторых случаях — справедливым опасениям. Клемансо как-то сказал, что нетрудно убедить француза отдать жизнь за родину, но что своих денег он не отдаст. Не приходится этому удивляться, если вспомнить, что в современной действительности патриотический жар слишком часто остывает под холодным душем «деловых соображений». Организованные рабочие устремились под родные знамена, когда добровольцев призвали на смертный бой, но мне говорили, что люди, которые изо дня в день видели смерть в лицо и нуждались в снарядах для собственной защиты, писали домой своим товарищам из тред-юнионов, уговаривая их не сдавать ни одной привилегии их союза, хотя точное соблюдение этих привилегий препятствовало пополнению снаряжения, в котором сами они испытывали такую острую нужду. Люди, которые наживались на войне, были часто братьями и отцами тех, кто страдал и умирал на фронте, и при изменившихся обстоятельствах могли бы сами проявить такое же самопожертвование. Но к сожалению, подходя к деловым вопросам, обнаруживаешь, что дела всегда остаются делами и не терпят соперничества. Наши государственные деятели совсем недавно вновь открыли эту общеизвестную истину в Оттаве.

Может быть беда была еще в том, что первой отраслью машиностроения, где пришлось поставить вопрос о смешении кадров, было станкостроение, между тем оно считалось главной крепостью квалифицированного труда, и его продукция, в отличие от производства снарядов или пулеметов, должна была сохранить свое значение и после войны. Но когда мы попытались увеличить производство снаряжения в стране, мы увидели, что нам прежде всего не хватает станков для машин даже для выполнения заказов, уже размещенных военным ведомством, тем более для той значительно увеличенной продукции, которой добивалось министерство снаряжения. 15 июля на созванном мной совещании с рабочими станкостроения было достигнуто соглашение с тред-юнионами относительно работ ночной смены и смешения рабочих кадров. Но когда чиновники министерства попытались провести в жизнь это соглашение, они натолкнулись на ожесточенное сопротивление со стороны старших мастеров и местных советов тред-юнионов. В арсенале в Вульвиче местный комитет постановил: «Мы отказываемся поддержать предложение о допущении малоквалифицированных рабочих на работу, которая сейчас выполняется вполне квалифицированными механиками, поскольку не доказано утверждение о

недостатке рабочей силы». На предприятиях гг. Дж. Ленг и с-ья в Джонстоне рабочий комитет объявил: «Ни одна женщина не должна быть поставлена на производство токарных станков, а если это будет сделано, рабочие будут знать, как защитить свои права». Это было в августе 1915 г., и я должен был сделать тщательный выбор между принятием жестких мер или попыткой достигнуть соглашения. Если бы серьезные действия оказались успешными, не вызывая широкого сопротивления, они значительно ускорили бы процесс смешения. Если бы они разбились о массовое сопротивление квалифицированных рабочих — так как было ясно, что нельзя будет наказать всех, — то кампания за смешение могла совершенно провалиться. Между тем министерство снаряжения делало еще только первые шаги, и сознание огромной и срочной нужды в увеличении производства снаряжения еще не вполне овладело умом и воображением всей массы рабочих. Я избрал путь убеждения.

9 сентября 1915 г. я посетил конгресс тред-юнионов в Бристоле и обратился к нему с речью по этому вопросу. Я рассказал им, как немецкие профсоюзы организовали и развернули свою работу по производству снаряжения. Война, заявил я, превратилась в борьбу германских и австрийских заводов с заводами Британии и Франции. Но пока наша страна плохо ведет эту борьбу. Только 15% машинного оборудования, пригодного для производства винтовок, пушек и снарядов (всего этого нам нехватает), работает в ночную смену. Указанный вопрос — прежде всего вопрос рабочих рук. Если бы даже каждый квалифицированный рабочий давал максимальную продукцию, этого все-таки было бы далеко недостаточно. Путь смешения кадров преследует не удаление квалифицированного рабочего для замены его неквалифицированным, а сосредоточение квалифицированных рабочих на той работе, которую действительно только они могут сделать. В настоящее время высококвалифицированные рабочие с многолетней практикой делают работу, которая с равным успехом могла бы быть сделана после нескольких недель или даже нескольких дней обучения. Мы не можем экипировать армию, если организованные рабочие не захотят помочь нам, приостановив на время войны действие ограничительных правил, затрудняющих наилучшее использование квалифицированного труда, и не дадут применить, где только возможно, неквалифицированный труд под квалифицированным руководством.

Я перешел затем к разъяснению договора, заключенного с представителями тред-юнионов на совещаниях в министерстве финансов.

«Выполнило ли правительство договор? (Голос: «Нет!») Я вам сейчас отвечу. Речь идет о прибылях, об ограничении прибылей. Скажет ли кто-нибудь, что мы не выполнили договора? (Голос: «Никто не знает!») Никто не знает? Мы объявили 715 предприятий, изготовляющих военное снаряжение, «контролируемыми предприятиями»; мы поставили их под контроль государства... И не

забывайте, что мы просили тред-юнионы приостановить действие правил только на тех предприятиях, на которых установлен контроль над прибылями. Что сделали мы в отношении контроля над прибылями? Мы установили над ними контроль парламентским актом... Мы ограничиваем прибыли на основе их довоенных доходов... Они могут лишь оставаться на уровне довоенных доходов при одновременном запрещении увеличения капиталовложений. Что мы делаем с избытком? Мы сдаем его в казначейство на покрытие расходов по ведению войны (рукоплескания). Это делается впервые в истории нашей страны. Фактически мы переняли всю машиностроительную промышленность нашей страны и поставили ее под контроль государства. Я видел резолюции, которые принимаются время от времени на съездах тред-юнионов (смех) относительно национализации промышленных предприятий страны. Мы это сделали (рукоплескания и смех)...»

Я указал конгрессу на положение, оформленное парламентским актом, о восстановлении прежних условий по окончании войны. Далее я гарантировал им, что сдельная оплата на предприятиях, изготовляющих снаряжение, нигде не будет снижена в результате увеличения выработки и что неквалифицированные рабочие — мужчины и женщины — будут оплачиваться по тем же нормам, которые были установлены для квалифицированных рабочих за переданную им работу. Рассмотрев таким образом, как правительство с своей стороны выполняет договор, я позволил себе открыто высказаться о нарушении соглашения тред-юнионами. Я сослался на отказ допускать малоквалифицированных рабочих, на конфликты между котельщиками и паяльщиками по поводу разграничения их работы, на наложение взысканий на рабочих, которые работали быстрее среднего. «Ко мне поступила жалоба из Вульвича, что там имеет место сознательная попытка снизить выработку. Комитет по вопросам труда расследовал вопрос, и один профсоюзный работник защищал поведение рабочих в этом деле. Смысл его показаний сводился к следующему — я цитирую сейчас доклад следователя: «Свидетель со стороны тред-юниона выразил сожаление, что должен признать, что рабочие в некоторых районах ограничивали выработку в целях сохранения ставок, достигнутых до войны, и что эти явления имеют место вплоть до настоящего времени». Поистине, это не значит выполнять договор (Голос: «Это нечестно!»). Я с этим согласен...»

Справедливость требует отметить тот факт, что многолюдное собрание представителей тред-юнионов слушало мою откровенную речь не только без враждебности, но с возрастающим сочувствием. Неделю спустя состоялось заседание исполнительного комитета тред-юнионов для обсуждения вопроса о смешении кадров. На собрании был принят ряд благоприятных резолюций. Исходя из этого одобрения, я организовал Центральный комитет по снабжению производства снаряжения рабочей силой в составе представителей от министерства, от предпринимателей и от рабочих под председа-

тельством г. Артура Гендерсона, который продолжал сотрудничать с министерством по организации смешения кадров и по разрешению многообразных вопросов норм оплаты, местных условий труда, переброски рабочих и т. п., возникавших в связи с этим.

К концу 1915 г. в некоторых областях рабочие беспорядки создавали серьезные препятствия производству снаряжения. Я подозревал, что в отдельных случаях невыполнение предприятием обязательств по сдаче продукции обусловливалось в известной мере вялостью и негодностью управления, но во многих случаях можно было проследить деятельность определенных лиц на самом предприятии, которые сознательно возбуждали недовольство. Беспорядки не создавались тред-юнионами и их официальными представителями. Последние добросовестно придерживались своего соглашения с правительством. Но на крупнейшем предприятии по производству снаряжения возникли беспорядки, известные как движение фабрично-заводских старост. Эти старосты избирались рабочими данной фабрики или мастерской для представления жалоб администрации. Они считали, что должны оправдать свое существование, выискивая нарушения, на которые не обратил внимания местный секретариат тред-юниона. Постепенно это сделалось ужасным поводом для беспорядков в главных областях производства снаряжения. Глазго был одним из худших районов, и волнения среди рабочих серьезно нарушали производство, особенно сдачу тяжелых орудий. Я решил посетить предприятия, чтобы самому познакомиться на месте с действительным положением и представить этим людям и их руководителям точные данные относительно военного положения и той опасности, в какой оказывались их товарищи-рабочие на фронте из-за отсутствия в достаточном количестве тяжелой артиллерии для ведения борьбы с неприятелем на равных основаниях.

В сопровождении г. Артура Гендерсона я прибыл в Глазго в рождественский вечер, и мы оба отправились на предприятия Бердмора, где сдача тяжелой артиллерии особенно сильно запаздывала из-за рабочих волнений. По моей просьбе бригадиры предприятия были собраны, и я сообщил им, зачем я пришел. Я просил их содействия в деле ускорения производства. Человек, который был, повидимому, их руководителем, выступил вперед и произнес речь о рабском положении труда на частных предприятиях. Это был крепкий мужчина с красивым открытым лицом, естественная веселость которого прикрывалась искусственной хмуростью, которую ему удалось придать своей от природы мягкой внешности. Он принял торжественную позу и сказал громким, прерывающимся голосом: «Я в такой же мере являюсь рабом сэра Вильяма Бердмора, как если бы буква Б была выжжена у меня на лбу!» — и провел при этом рукой по покрытому рубцами лбу. Таково было мое первое знакомство с г. Давидом Кирквудом.

Я установил, что с ним в конце концов легко иметь дело как с человеком разумным. Он обещал, что если г. Гендерсон выступит

от нашего имени на открытом рабочем собрании, он (Кирквуд) сделает все, чтобы его выслушали спокойно.

Был еще другой оратор, который показался мне природным дикарем. Он стал прямо против меня с устрашающим видом и сжатыми кулаками и говорил угрюмым, сердитым голосом. Я должен сказать, что остальным его товарищам это поведение было совсем неприятно. Впоследствии мне пришлось встречаться с г. Галлахером, коммунистом, чьи манеры были вполне приличны и голос мягок, но который, по моему глубокому убеждению, должен был оказывать самое пагубное влияние на рабочих.

На следующее утро (в первый день рождества) мы выступали перед большим собранием рабочих в Сент-Эндрьюз Холле. Г-н Гендерсон председательствовал. Четыре пятых рабочих хотели услышать все, что будет сказано, но меньшинство твердо решило сорвать собрание и лишить нас аудитории. Они были особенно раздражены против г. Гендерсона, и ему пришлось особенно плохо. В общем, меня отлично выслушали, прервав только несколько раз, но несерьезно. Г-н Кирквуд, соблюдая условие, обратился к самым неспокойным элементам с просьбой спокойно слушать. Посещение оказало, по крайней мере временно, успокаивающее действие и ускорило производство. Но через несколько недель произошли новые волнения, и тогда пришлось прибегнуть к мерам строгости: некоторые из руководителей были высланы, против других было возбуждено преследование.

Однако пока мы были еще далеки от полной победы. Надо было еще пробиться через ряд ограничений и преград. Даже великое потрясение неспособно выкорчевать глубоко укоренившиеся подозрения.

В данном случае корни этих подозрений ушли так глубоко, что устояли в течение всего этого ужасного года. В течение осени 1915 г. продолжались споры и разногласия относительно порядка применения смешения кадров, и в декабре я внес измененный билль о военном снаряжении, чтобы сообщить силу закона отдельным пунктам, по которым было достигнуто соглашение. Даже на этом этапе смешанный союз механиков продолжал воздерживаться. Когда билль поступил уже в комитет, он прислал делегацию к г. Асквиту и ко мне, вооруженную резолюцией, объявлявшей, что ряд изменений, которые они предлагают,

> «...имеет существенное значение как мера справедливости в применении закона о военном снаряжении от 1915 г., и эти изменения должны быть включены в исправленный закон, если мы хотим сохранить свое влияние на наших членов для обеспечения требуемого высокого уровня продукции. Далее, необходимо, чтобы комитет, выделенный конференцией, встретился с премьер-министром и министром снаряжения для предъявления им решений конференции как *основы для дальнейшего сотрудничества*».

Скрытая угроза этой последней фразы в резолюции естественно рассердила г. Асквита. Вызванная на объяснения делегация заявила, что она не имела в виду угроз и желала только обеспечить, чтобы разные положения, предусматривающие защиту уровня заработной платы и условий найма, установленные двумя циркулярами министерства снаряжения (циркуляры Л2 и Л3), получили силу закона. На мой вопрос, могут ли они привести хоть один случай, когда неквалифицированному рабочему, принятому на контролируемое предприятие, было отказано в соответствующем жаловании, г. Браунли, секретарь союза, должен был признать, что не может сделать этого, а г. Асквит и я указали им, что некоторые из их людей упорно пытаются сорвать смешение кадров и в настоящее время выдвигают малообоснованные возражения для оправдания своего поведения. Я предложил встретиться с ними по вопросу о включении в билль положений этих двух циркуляров, если они с своей стороны пообещают впредь действительное сотрудничество в проведении смешения и не будут прибегать к новым требованиям только как к поводу, чтобы ничего не делать.

Делегация приняла это предложение и подписала документ, по которому конференция и члены общества обязывались принять план смешения и активно содействовать его осуществлению, если правительство включит в билль нормы оплаты и условия труда, установленные для контролируемых предприятий двумя циркулярами министерства снаряжения.

Билль был возвращен в комиссию и исправлен в соответствии с этим соглашением, после чего смешение кадров быстро двинулось вперед.

4. КОРОЛЕВСКОЕ ПООЩРЕНИЕ РАБОЧИХ, ПРОИЗВОДЯЩИХ СНАРЯЖЕНИЕ

Рассказ о мерах, направленных к тому, чтобы организовать работу на предприятиях, занятых производством снаряжения, побудить рабочих отдать все свои силы и подчиниться контролю и временной отмене излюбленных профсоюзных правил и обычаев, был бы неполон, если бы мы не воздали дань королю за большую помощь, оказанную им нации, путем ободрения и поощрения рабочих, производящих снаряжение, и тех, кто участвовал в создании районных организаций.

Трудно переоценить значение пользы, принесенной стране королевскими посещениями районов, где велось производство снаряжения, и личными сношениями между ним и рабочими. Я показал в своем рассказе, какая ужасная пропасть грозила создаться между людьми в окопах и людьми, оставшимися дома, на предприятии. В то время как те, кто ушел на фронт, сознавали, что они служат королю и отечеству, и вместе с костюмом хаки восприняли дух истинного товарищества и не знающего сомнений служения отечеству, — тем, которые остались в обычной мирной обстановке своего предприятия, было трудно вырваться из старой

привычной атмосферы ревностной заботы о своих правах — точно они имели дело только со своими нанимателями, — освободиться от страха перед эксплоатацией, от готовности бастовать при малейшем опасении посягательств на свои с трудом завоеванные привилегии. Нелегким делом было убедить их, что они тоже состоят на службе у государства для защиты родины; и в этом отношении чрезвычайно удачным было решение короля лично общаться с ними, пожимать им руки, беседовать с ними и непосредственно обращаться к их патриотизму и гражданскому чувству.

Весной 1915 г., когда рабочие волнения стали давать себя чувствовать, король Георг начал посещать места производства снаряжения. 17 марта он отправился в арсенал в Вульвиче и осмотрел королевские пушечные и лафетные мастерские и королевскую лабораторию, где изготовлялись и испытывались взрывчатые вещества. В конце апреля он точно так же посетил прочие королевские мастерские — мастерские мелкого оружия в Энфильде и пороховые мастерские в Уольтам Аббей. Вслед за личным посещением он отправил специальное послание рабочим этих мастерских, выражая глубокий интерес к их работе и убеждение, что все занятые на этих предприятиях рабочие, каждый в отдельности и все, вместе взятые, приложат максимум усилий для поддержания своих товарищей на фронте. 12 мая король совершил двухдневную поездку в Портсмут, посетил местное адмиралтейство и снова по возвращении отправил им послание, в котором «признавал за ними долю участия, которая в силу их верности долгу принадлежит им в сохранении мощи и дееспособности флота».

Не успел он вернуться в Букингемский дворец, как он уже снова уехал в недельный объезд верфей и военных мастерских севера. 17 и 18 мая он провел в Клайде, совершая с раннего утра обход судостроительных верфей. На крупнейшей верфи Фейрфильдской судостроительной и машиностроительной К° рабочие подали ему резолюцию, выражающую их верность и решимость двинуть вперед с максимальной быстротой и производительностью выполнение государственных работ, на которых они были заняты. Отвечая, король заявил, что эта резолюция «встретит общее приветствие и укрепит уверенность нации в конечной победе. Я буду поистине счастлив, если мое посещение Клайда в какой-нибудь мере явится толчком к выражению патриотической решимости со стороны рабочих одной из важнейших верфей этого славного промышленного центра».

Из Клайда король отправился в Тайн, где тоже провел два дня и лично беседовал с многими рабочими военных предприятий и верфей. Он повидался с членами комитета вооружений северо-восточного побережья и ободрил их в их работе. Он произнес речь, в которой благодарил рабочих за то, что ими сделано, но внушал, что надо сделать еще больше. Он высказал надежду, что все ограничительные положения и правила будут отменены и все будут работать для единой общей цели. Со стороны короля это

был мужественный жест, направленный к тому, чтобы помочь разрешению трудной проблемы о временной отмене профсоюзных ограничений, которые к этому времени весьма тормозили производство. Он продолжил свою деятельность через две недели, отправив комитету вооружений послание, призывающее «рабочих сделать все, что они в силах». Король Георг закончил этот объезд посещением Барроу-ин-Фернесс 21 мая. Здесь он получил от рабочих Уольсенда письменное заверение выполнить в срок правительственный заказ и ответил одобрением. 10 июня он отправил послание рабочим Барроу, приветствуя их «преданность и решимость сделать максимум возможного для содействия победоносному окончанию великой войны, которая свирепствует уже десять месяцев».

Образование министерства снаряжения вызвало сочувственное внимания короля. Я с глубокой признательностью вспоминаю проявленную им ко мне благожелательность в моем тяжелом деле и постоянную готовность к личной помощи и поощрению, столь ценным для поддержания и поднятия духа рабочих, производящих снаряжение. 22 июля он снова пустился в путь и объехал районы производства снаряжения в Мидленде. В Ковентри он обошел предприятия и лично беседовал с рабочими всех предприятий. Члены комитета по производству вооружения в Ковентри были ему представлены. Затем он отправился в Бирмингам, где провел следующий день. Он с таким интересом входил в самый процесс производства снаряжения, что членам его свиты трудно было его увести и дать ему возможность во-время поесть. И здесь также он настаивал, чтобы ему были представлены члены комитета снаряжения и районного административного совета, и в разговоре с ними тепло высказывался о «рвении и хорошем состоянии духа», замеченных им у рабочих. За этим также последовало через десять дней специальное послание.

В конце сентября король совершил еще один объезд, посвященный вопросам снаряжения, на этот раз по Йоркширу, и провел три дня в Лидсе и Шеффильде. Он вращался среди рабочих, свободно болтая с ними. В Шеффильде он узнал одного рабочего, который служил с ним, когда он был мичманом на «Вакханке», судне его величества. Он заметил другого, изготовлявшего снаряды, и сказал ему: «Я рад, что вы понимаете значение той работы, которую вы делаете. Без достаточного снабжения снарядами мы не можем рассчитывать на победу».

Такие слова, сказанные главой государства мастеровому в личной беседе, естественно как искра облетали предприятие. Это личное общение, свободное от помпы и всяких следов высокомерия и гордости, придавало поездкам короля в районы производства снаряжения большое значение в деле возбуждения энтузиазма среди рабочих и преодоления их сопротивления принятию новых методов регламентации. Это было настоящей службой людям, сражавшимся на фронте, которых неприятель грозил раздавить превосходством своего снаряжения.

Поощрение рабочих, изготовляющих снаряжение, было, конечно, лишь одним из бесчисленных дел, которые война возложила на государя, — дел, которым он отдавался с неутомимым рвением, так что он сильнее, чем когда-либо, укрепил привязанность к себе своего народа. Среди всех воюющих стран только его трон не поколебался в эти критические годы. Большая часть тронов была сброшена. Как один из тех, на чью долю выпала честь занимать высокое и ответственное место у престола во все время войны, я имел особую возможность наблюдать, как прекрасно выполнил король свой долг перед родиной. Но нигде его участие не было столь плодотворным и ценным, как в деле ободрения рабочих в производстве снаряжения.

5. ПЬЯНСТВО

Одним из самых серьезных препятствий, оказавшихся на пути к увеличению производства снаряжения, было развитие пьянства в некоторых областях страны. Франция круто разделалась с этим вопросом, запретив абсент. Россия запретила водку. Вопрос о свободной продаже спиртных напитков был всегда тем предметом, которого правительству было опасно касаться, и военное правительство, которое естественно стремилось избегать всех спорных вопросов, уклонялось от его разрешения в течение ряда месяцев. В результате мы потеряли немало продукции. Нам сегодня трудно понять, как серьезно отразилось пьянство на сокращении выработки. Современная Англия стала значительно более трезвой страной, чем была когда-либо на моей памяти. Еще сейчас немало случаев пьянства, отчего страдает народное здоровье. Но вид пьяного мужчины или женщины стал редким зрелищем, и потребление алкоголя резко сократилось. Дисциплина и ограничения, вызванные требованиями войны, немало способствовали этой благотворной перемене. Это должно быть навсегда причислено к одному из благ, случайно явившихся следствием злого дела. Память о довоенных условиях постепенно слабеет, и все труднее становится представить себе положение, которое господствовало в то время. В довоенное время было в три раза больше дел о пьянстве, поступавших на судебное рассмотрение, чем теперь. В 1913 г. было в два с половиной раза больше потреблено спиртных напитков, чем теперь.

Это может дать молодому поколению, растущему в новых и лучших традициях современности, известное представление о том, как широко развивалась невоздержность к вину в некоторых областях нашей страны вплоть до самой войны. В течение первых пяти месяцев войны это стало серьезным моментом в борьбе за предотвращение поражения. На внутреннем фронте два постыдных зла — алкоголизм и спортивный профессионализм — были нашими самыми опасными врагами. Одна из тем моей книги — рассказ о том, как мы разбили обоих, однако не без тяжелых потерь. Первоначально война вызвала скорее увеличение наклонности к пьянству и, действительно, превратила ее в подлинную опасность для нации.

Легко понять, что так и должно было случиться. Внезапный натиск необычной опасности побудил многих, находящихся вне опасной зоны, предаться печальной философии: «Будем есть и пить — особенно пить — потому что завтра... наши товарищи могут умереть».

Дезорганизация, внесенная войной в общий строй общественной жизни, безрассудное возбуждение, охватившее всех, чувство, что скрижали закона снова разбиты вдребезги среди грома и молний со страшного Синая, толкнули некоторых, независимо от пола, к излишествам всякого рода. Поскольку работа на военные нужды увеличила заработки, тот, кто пил, пил запоем и при этом мог претендовать на снисхождение, чего не было прежде. Это зло не ограничивалось мужчинами, оно распространилось также на женщин. Мое внимание было особенно обращено на этот вопрос из-за сообщений, что неумеренное пьянство среди рабочих предприятий, занятых производством вооружения, серьезно мешает производству. Доклады очевидцев имели весьма серьезный и тревожный характер, особенно в связи с фактом, о котором я уже был осведомлен, что поступления военного снаряжения отставали и что шли упорные слухи о серьезных нехватках во Франции.

Потребление спирта стремительно возрастало. Пьянство значительно увеличилось, особенно в промышленных районах, от которых мы зависели в снаряжении. Однажды в понедельник утром значительный процент рабочих не вышел на работу, когда же они появились во вторник, на них были видны следы субботнего разгула. Некоторые стали растягивать свой отдых на конец и начало недели. После одного из четырех самых крупных праздников значительное число рабочих не вышло на работу в течение целой недели. Неудивительно, если выпуск продукции был неудовлетворителен. Подобные доклады, поступавшие ко мне, я передавал в военное министерство и в адмиралтейство. Они отвечали, что были осведомлены об этих печальных фактах и что их официальные отчеты говорили о еще худшем положении дел, чем те, которые я передавал им. Я пришел к заключению, что время требовало, чтобы этой опасности, грозившей нашим армиям, был немедленно и решительно положен конец. 28 февраля 1915 г. я начал обрабатывать общественное мнение по вопросу об этом растущем зле с целью подготовить возможность решительных действий. В этот день, выступая в Бангоре, я сказал:

> «Я слышу о рабочих на военных предприятиях, отказывающихся работать полную рабочую неделю, когда нация этого требует. Они составляют меньшинство. Подавляющее большинство принадлежит к классу, на который мы можем вполне положиться. Остальные составляют меньшинство. Но вы должны помнить, что ничтожное меньшинство рабочих может остановить всю работу. В чем причина зла? Иногда причина одна, иногда другая. Но будем совершенно откровенны: основная

причина — влечение к пьянству. Они отказываются работать полное время, когда же они снова выходят на работу, их сила и работоспособность понижены из-за того, как они провели свой отдых. Пьянство наносит больший ущерб в войне, чем все немецкие подводные лодки, вместе взятые... Нам даны широкие полномочия по борьбе с пьянством, и мы намерены их использовать. Мы будем пользоваться ими в духе умеренности, мы будем пользоваться ими осмотрительно, разумно, но мы будем пользоваться ими совершенно безбоязненно, и я уверен, что, раз нужды страны этого требуют, страна нас поддержит и не допустит никакого снисхождения, могущего помешать выполнению ее задач в этой страшной войне, которую нам навязали».

Спустя месяц, 29 марта 1915 г., ко мне явилась депутация от федерации судостроительных рабочих, которая единодушно настаивала на полном запрещении спиртных напитков на все время войны. В частности, они требовали закрытия кабаков и клубов в районах производства снаряжения. Они указывали, что, несмотря на воскресную и сверхурочную работу, среднее проработанное время почти на всех верфях не достигало нормального числа часов в неделю и, хотя работа велась днем и ночью семь дней в неделю, общая производительность рабочей силы была ниже довоенной. Депутация считала, что это было вызвано главным образом пьянством. Цифры недельной выручки кабаков, расположенных рядом с верфями, с очевидностью доказывали рост продажи спиртных напитков. В результате повышения цен на спиртные напитки и увеличения числа рабочих, занятых на верфях, выручка возросла в одном взятом под наблюдение кабаке на 20%, в другом — на 40%.

Во что обходилось пьянство стране, можно наглядно показать на таком примере: починка военного судна, поступившего на срочный ремонт, задержалась на целые сутки из-за отсутствия заклепщиков, которые кутили и пьянствовали. Депутация заявила, что это один из сотни подобных же случаев. Запрещение спиртных напитков требовалось не только по причинам сокращения производства. Пока кабаки будут функционировать, найдутся люди, которые будут нарушать порядок в верфи, будут приходить на работу с опозданием и в пьяном виде. Они настаивали на полном запрещении спиртных напитков на все время войны. Это не была, конечно, депутация трезвенников. Их внешний облик отнюдь не напоминал людей, которые отдают часы своего отдыха служению в «армии спасения». Этот случай объяснил мне, почему, когда в Америке был введен запретительный закон, большинство предпринимателей оказалось его стойкими поборниками. Это объясняло также разговоры этих предпринимателей о том, что они проводят четкую границу между национальным запретом и своим личным воздержанием.

Эти факты надо было серьезно учесть. Отвечая депутации, я сказал:

«Победа на войне — сейчас всецело вопрос снаряжения. Это не только мое личное мнение, но и мнение нашего великого генерала сэра Джона Френча. Он совершенно ясно высказал свое убеждение по этому вопросу. Мне думается, я могу смело заявить, что в этом убежден и военный министр и все те, кто хоть сколько-нибудь знаком с военным вопросом. Для того чтобы победить, мы нуждаемся только в увеличении, и в огромном увеличении, числа снарядов, винтовок и всего прочего вооружения и снаряжения, необходимых для ведения великой войны. Вы нам сегодня совершенно ясно доказали, что пьянство на предприятиях, связанных с этим производством, серьезно мешает производству. В данный момент я могу вам только обещать, что на все, сказанное вами моим коллегам и мне, будет обращено самое серьезное внимание. Я имел честь быть сегодня утром на приеме у его величества и могу вам сказать, что он глубоко озабочен этим вопросом — весьма глубоко озабочен — и я убежден, что его подданные в этой стране разделяют его заботу».

Его величество действительно был озабочен и встревожен вопросом о пьянстве и обсуждал со мной различные методы борьбы с ним. Из разных концов к нему поступали донесения о потерях в производстве, причиняемых пьянством. Сам он с своей стороны готов был на всякие личные жертвы для достижения этой цели, и 30 марта, на следующий день после посещения депутации, он прислал мне через своего секретаря лорда Стамфордхема замечательное письмо, в котором, отмечая, что «только самыми серьезными мерами можно справиться с тяжелым положением, создавшимся на наших военных предприятиях», заявлял:

«Мы располагаем донесениями не только от предпринимателей, но и от чиновников адмиралтейства и военного ведомства, ответственных за поставку военного снаряжения, за перевозку войск, их продовольствие и амуницию. Они с несомненной очевидностью указывают на пьянство, как на главную причину того, что мы не можем обеспечить производство военных материалов, необходимых для удовлетворения требований действующей армии, и что происходят столь значительные задержки в отправке необходимых подкреплений и снабжения на помощь нашим войскам на фронте.

Сохранение этого положения вещей должно неизбежно привести к продлению ужасов и тягот этой ужасной войны.

Мне остается добавить, что, если это будет признано желательным, король готов показать пример, отказавшись сам от потребления спиртных напитков и запретив их потребление королевскому штату, чтобы не было в этом отношении раз-

ницы между богатым и бедным, поскольку имеется в виду его величество».

Этот королевский жест получил известность как «обет короля», и нация была призвана стать на этот путь, следуя примеру короля. Это было весьма мудрое предложение, так как рабочие обычно жаловались — и не без основания, — что предприниматели и члены так называемых высших классов, постоянно поучая и порицая их за пьянство, сами свободно и зачастую сверх всякой меры употребляли спиртные напитки, в которых стремились отказать своим служащим. «Королевский обет» и тот факт, что многие выдающиеся деятели и видные представители различных отраслей промышленности последовали примеру его величества и присоединили свое обязательство, значительно усилили позицию правительства в проведении ряда последовательных мер по ограничению и контролю над продажей напитков. Лорд Китченер позже всех поддержал инициативу короля и присоединился к ней. За министерскими и военными обедами постоянным предметом общего обсуждения было влияние полного воздержания на проницательность и работоспособность военного министра, на их увеличение или уменьшение или пребывание в состоянии status quo, причем высказывались три различных точки зрения, поддерживавшиеся и оспаривавшиеся с равным увлечением.

К несчастью, несмотря на свою значительную моральную ценность, пример короля не получил достаточно широкого распространения, чтобы оказать глубокое влияние на проблему в целом. Палата общин наотрез отказалась провести постановление о самоотречении со стороны своих членов, и такое поведение народных законодателей помешало «королевскому обету» стать исходным пунктом большого добровольного движения за народную трезвость, как того хотели король Георг и его советники. Поэтому оставалось только закрепить первоначальный импульс в законодательном порядке.

В это время я серьезно занимался вопросом об овладении торговлей спиртными напитками путем скупки государством всех частных акций, чтобы таким образом обеспечить правительству полную свободу в проведении любой меры, продиктованной национальными интересами, не опасаясь могучего влияния, которое торговые интересы всегда оказывали на политику нашей страны. Для этого я поручил сэру Вильяму Плендеру изучить вопрос о возможной общей стоимости акций, которые пришлось бы приобрести. 30 марта он представил мне предварительную докладную записку, которая устанавливала, что рыночная цена акций пивоваренных предприятий составляла около 68 786 тыс. фун. ст., тогда как ценность имущества, принадлежавшего пивоваренным предприятиям Великобритании, включая все занятые дома, а также ценность пустующих кабаков и разных патентов, составляла от 225 до 250 млн. фун. ст.

Надо отметить, что эта ориентировочная оценка не включала стоимости винокуренных заводов.

Я добился затем назначения «финансового комитета по торговле напитками» для дачи заключения правительству относительно мероприятий, подлежащих принятию в случае решения правительства купить пивоваренные заводы Англии и Уэльса, установить контроль над предприятиями розничной торговли напитками, которые не будут приобретены таким путем, и запретить временно розничную торговлю спиртными напитками, разрешив только продажу пива не свыше определенной крепости. Комитет представил 15 апреля 1915 г. доклад, содержавший ряд предложений относительно объема и порядка приобретения государством этих акций в случае, если бы такая мера была принята. Комитет оценивал общую стоимость имущества пивоваренных заводов и патентов на содержание пустующих кабаков в Англии и Уэльсе в 250 млн. фун. ст., не считая специальных расходов по оплате лицензий, выданных в качестве компенсаций держателям патентов на оптовую продажу, компенсаций должностным лицам и служащим и всяких других расходов, вытекающих из проведения этой покупки.

Политикам, выросшим в довоенных традициях национальной экономии, сумма, связанная с этой покупкой, представлялась ужасной. При великих тяготах, которые мы уже несли по финансированию войны, некоторые считали безумием избрать этот момент, чтобы пойти на такую огромную новую трату. Между тем требуемая сумма составляла только одну сороковую часть окончательной стоимости войны. Взамен нация получила бы фонд, который, исходя из нынешних прибылей, должен был приносить ей 8%.

Я проводил настоящую политику трезвости. Но значительная часть поборников трезвости решительно вооружилась против возмутительного предложения запятнать государственную честь тем, что государство сделалось бы производителем и распределителем спиртной отравы. А между тем они не возражали против участия в том же деле путем обложения прибылей, полученных от продажи этой отравы их согражданам. Совесть святоши — эксцентричная вещь, и доводы не убеждают, а только раздражают верующих. Сопротивление этой группы росло. В деловом отношении я столкнулся с той трудностью, что акции, с которыми мне приходилось иметь дело путем покупки или компенсации, были так многочисленны и разнообразны по своему характеру, что операция грозила затянуться на много месяцев. Я добился согласия на мой проект со стороны некоторых крупнейших владельцев пивоваренных заводов. Я не терял надежды обеспечить также согласие остальных. Лидеры консервативной партии были запрошены о своей позиции в этом вопросе и заявили, что они не окажут никакого сопротивления этой мере, если правительство придет к заключению, что она необходима как военная мера. Но ряд влия-

тельных местных выборщиков сумел оказать такое давление на премьер-министра, что он стал опасаться серьезных волнений внутри своей партии. Учитывая срочность проблемы сокращения пьянства в интересах производства снаряжения, я решил в данный момент начать с более узкой реформы.

Во время хода переговоров я получил от г. Эдвина Монтегю в письме, которое он мне прислал, следующее остроумное изложение тезисов против ограничения продажи напитков:

«1. Я верю и верю твердо, что почти всегда, кроме случаев апоплексии, язвы желудка, воспаления печени, человек, умеренно потребляющий алкоголь, — лучший гражданин, лучший человек и более сильная личность, чем без оного. Медицина говорит, что алкоголь есть яд; но как многие другие яды, в умеренном количестве он полезен, а полное воздержание представляется мне таким же нравственным недостатком, как и невоздержанность.

2. Я не могу признать доказанным, что пьянство создало нам в настоящей войне сколько-нибудь значительные затруднения, требующие применения героических мер. Зло существует — существует потеря времени, нежелание работать. Совершенно верно, что, несмотря на воскресную и сверхурочную работу, во многих важных производствах среднее число часов, проработанных в неделю, ниже довоенного. Но я уверен, что это происходит в значительной мере вследствие самой сверхурочной работы. Если человека заставляют один день работать значительно дольше, чем он привык, то на следующий день у него нет желания работать, и если он свободен в своих действиях, то может вовсе отказаться работать. Как бы то ни было, наша партия считает, что тред-юнионы — хорошее учреждение. Они, должно быть, установили эмпирически рабочий день и его продолжительность, потому что опыт показал им, что член их союза может регулярно проработать, скажем, максимум 8 часов, чтобы дать производительность, на которую он способен. Они настаивали, чтобы сверхурочную работу считать сверхурочной, потому что они убедились, что она экономически плоха, и мне кажется, война доказала, что требование сверхурочной работы ведет к нерегулярной работе, к сокращению выработки, и что ее следует по возможности избегать.

3. Правильно, что доходы от продажи спиртных напитков велики, но это вызвано главным образом Вашими налогами, которые повысили стоимость пива, а также увеличением стоимости сырья и рабочей силы, что увеличило стоимость виски.

4. Верно, что предприниматели и чиновники приписывают все зло даже не пьянству, а широкому потреблению спиртных напитков. Но Вы должны помнить, что хотя склад ума тори существует по обе стороны палаты общин, однако

Вы сейчас впервые пришли в соприкосновение с умом тори, в основном циничным и бесстыдным, и я невольно чувствую опасения, что Вы считаете его таким же честным и лишенным предрассудков, как и тот склад ума, к которому Вы привыкли. Я считаю это дурным складом ума. Этот тип ума считает рабочего машиной, лишенной всяких интересов и не имеющей права на человеческое уважение. Как машина, делающая 500 оборотов в минуту, может сделать 30 тыс. оборотов в час и 300 тыс. в десять часов, так и человек, думают они, будучи способен просверлить в час 6 отверстий, должен в 10 часов просверлить 60, а в 100 часов — 600 отверстий. Если в их системе что-нибудь не ладится, они привыкли относить это за счет отсутствия патриотизма и недостаточного сознания долга, грубых привычек этих животных, которых они считают низшей расой. Если Вы скажете мне, что эти данные засвидетельствованы не только предпринимателями, но и военным и морским министерством, то я считаю этот источник информации еще менее заслуживающим доверия. Эти господа, которые делают свои выкладки на бумаге, теоретически, исключая все человеческие факторы, несомненно считают британского рабочего невыносимой язвой. Они были бы рады регулировать все его действия, отмерять ему пищу, как матросам на судне или арестанту на галерах, определять, когда ему ложиться спать, когда вставать, где жить, даже что думать, они не прочь поучать его и, пожалуй, даже сечь, уподобляя его идеальному негру, работающему на среднего владельца угольных копей в колониях.

5. Говорят, что праздники будут менее привлекательны для рабочих, если кабаки будут закрыты. Но Вы же не собираетесь закрыть кабаки; я полагаю, Вы исходите из убеждения, что Вы не можете по справедливости лишить всякого возбудителя человека «армии труда», работающего в ужасных климатических условиях, на открытом воздухе, и Вы разрешите ему все-таки получить легкое пиво. Но тогда он пойдет в питейный дом за легким пивом, точно так же, как сейчас он ходит за крепким пивом. Праздники будут для него столь же привлекательны. Если же Ваша цель сделать их непривлекательными, то Вам следует закрыть заодно картинные галереи и лишить его всякой возможности развлечься.

6. Каждый из членов депутации, посетившей Вас в прошлый раз, пьет умеренно — так они Вам заявили — но они были бы оскорблены, если бы Вы сказали им, что они не годятся для работы из-за этой привычки, и я, право, боюсь, что Вы подвергаетесь серьезной опасности оскорбить или создать представление, что Вы оскорбляете людей нашей страны, независимо от их принадлежности к тому или иному классу, нарушая их свободу. С.-х. рабочий, честный и дисциплинированный рабочий, мелкий торговец, движимые чувством патриотизма и исполняю-

щие свои обязанности, могут решить, что те, кто ведет войну, не доверяют им, и Вы можете понизить военный энтузиазм нашей страны. Со всех сторон, от оппозиции, от рабочей партии, от сторонников полного воздержания и от сторонников запойного пьянства, от всяких политических интриганов я слышу разговоры о том, что Вас ждет сопротивление. Но, конечно, Вы преодолеете все это, и я хотел только в заключение предложить Вам следующие две важных вещи:

а) Вы должны сговориться с рабочими, чтобы их согласие уменьшило Ваши трудности. Вы должны убедить предпринимателей дать им на время что-нибудь другое.

б) Вам следует, по-моему, обсудить финансовые вопросы с соответствующими специалистами. Вы, конечно, не дадите свести себя с пути владельцам пивоваренных и винокуренных заводов, которые непрочь избавиться от предприятий, из-за которых они вынуждены постоянно бороться с враждебностью общества.

Но я думаю, что директор Английского банка мог бы дать нам указания о лучшем способе осуществления Вашего проекта. Если Вы выпустите 4%-ную государственную ренту на 200 млн. фун. ст., то я опасаюсь, что это окажет катастрофическое действие на наш кредит. Ирландская земельная рента может служить примером влияния такого выпуска специальных государственных бумаг для специальной цели. Я не понимаю, как Вы можете рассчитывать, что Ваши приятели-пивовары станут сохранять эти акции: они побегут на рынок, чтобы продать их, когда же они упадут до 50 за 100, это повлечет за собой падение курса также остальных государственных бумаг, пусть даже не в такой мере. Я полагаю, что Вы должны были бы сразу просить комитет по котировке ценных бумаг установить для них минимальный курс, чтобы исключить возможность их продажи по крайней мере в настоящее время.

Обратите внимание на то, что, начав с шуток, я под конец делаю два конкретных предложения. Что касается всех моих возражений, то я готов признать теперь, что я неправ и что Вы идете полным ходом к цели».

Это язвительное письмо может дать представление о разногласиях, которые существовали в рядах правительства по вопросу о спиртных напитках. Что касается предположения г. Монтегю, что уменьшение продукции вызвано усталостью от сверхурочной работы, то цифры, которые я привожу дальше относительно среднего рабочего времени, существующего в настоящее время на верфях и фабриках, дают по этому вопросу исчерпывающий ответ.

Решив отказаться на время от намерения скупить всю винокуренную промышленность, я подготовил мероприятие для обеспечения более эффективного контроля — мероприятие, которое в дальнейшем дало возможность провести опыт государственной покупки

и государственного управления торговлей напитками в ограниченном объеме в определенных областях страны. Имея в виду эту программу, я внес в палату общин 29 апреля в дальнейшее развитие закона о защите королевства дополнительный (№ 3) билль о защите королевства, имеющий целью борьбу со злом, проистекающим от пьянства, в тех областях производства снаряжения, где его действие оказалось особенно гибельным для страны. В то же время я намечал другие планы для ограничения этой опасности во всенародном масштабе.

Представляя этот билль палате, я обратил внимание на поступившие весьма тревожные сведения относительно влияния неумеренного пьянства. Выборка из этих фактов была напечатана несколькими днями позже в виде правительственной Белой книги. Последняя содержала статистические данные относительно потери времени на верфях и в машиностроительных мастерских в Клайде и Тайне, отчеты чиновников адмиралтейства и министерства внутренних дел.

Отчеты почти единодушно повторяли одно и то же утверждение относительно потери времени и энергии в результате потребления спиртных напитков. Сводные статистические данные по 15 фирмам в районе Клайда показывали, например, что из общего числа рабочих-металлистов 27,6% работали свыше 53 часов в неделю, 39,4% — от 40 до 53 часов и 33% работали меньше 40 часов в неделю. Отставало меньшинство, но это меньшинство было достаточно велико и существенно, чтобы гибельно влиять на наше национальное производство.

Предложенное мной мероприятие имело целью поставить все области, имеющие значение для производства и перевозки военных материалов, под особый контроль в части поступления и продажи спиртных напитков. Районы эти устанавливались королевским приказом, и к ним должны были применяться правила, уполномочивающие правительство закрывать в этих районах частные питейные заведения и сосредоточивать в своих руках всю продажу спиртных напитков; приобретать полностью или на срок все помещения или предприятия, пользующиеся патентами; открывать без патента закусочные с правом продажи напитков; вообще контролировать выдачу патентов и продажу спиртных напитков в этих местностях. Билль был надлежащим образом проведен, и была организована центральная контрольная палата по делам торговли напитками. Последняя издала 12 июня ряд правил, устанавливающих ее право во всех областях, поступающих под ее контроль, закрывать все пользующиеся патентом торговые помещения и клубы, регулировать часы их торговли, запрещать продажу и отпуск определенных категорий спиртных напитков, устанавливать правила и ограничения для пользующихся патентом торговых предприятий или брать их под свой непосредственный надзор, регулировать размер завоза напитков в данный район и их переброску в пределах района. Затем она устанавливала за собой право запрещать в определен-

ном районе всякую продажу напитков помимо контрольной палаты, запрещать попойки и пр.

В июле ряд королевских указов определил основные районы производства снаряжения и поставил их под надзор контрольной питейной палаты. В течение последующих месяцев палата стала осуществлять на деле свои права и в октябре 1915 г. издала ряд запретительных указов. Жестокому ограничению подверглись часы продажи спиртных напитков; так, для района Лондона эти часы были сведены в ноябре к тем, которые прежде были установлены для воскресных дней.

Следует отметить, что я отказался от полного запрещения спиртных напитков, хотя этого требовали от меня с полным убеждением многие, не причастные раньше к движению против «зеленого змея». Я достаточно ясно понимал бесполезность законодательных мер, которые опережают общественное убеждение и общественное сознание, что впоследствии наглядно показал пример Соединенных штатов. Ограничения и частичные запрещения нация примет, а государственный контроль при устранении частной прибыли и эксплоатации может обеспечить довольно значительные реформы. Я свел свои задачи к этой практической программе.

Даже этот скромный проект встретил весьма жестокую оппозицию, и в своих дальнейших предложениях по ограничению пьянства мне пришлось сначала потерпеть почти полное поражение. В речи от 29 апреля я заявил, что намерен внести в бюджет прогрессивно возрастающий налог на пиво крепких сортов, учетверить акциз на вино, удвоить акциз на водку и разрешить употребление спиртных напитков крепостью не свыше 25—36 градусов с применением контроля. Эти предложения вызвали значительную оппозицию как в самой палате общин, так и за ее пределами. Особенно раздражена была ирландская партия, что объясняется наличием в этой стране крупных пивоваренных и винокуренных заводов. Шаг за шагом я был вынужден отказаться на время от всей предложенной системы обложения и смог удержать только одно небольшое, но все же вполне полезное ограничение, состоявшее в запрещении продажи спиртных напитков моложе трех лет в целях запрещения новых, особенно сильно действующих напитков. Даже вокруг этого вопроса разгорелись ожесточенные споры, отражавшие интересы конкурирующих фирм, — война «между чаном и патентом», — потому что у фабрикантов, изготовлявших виски по способу холодной очистки, создался обычай сохранения их в чанах на несколько лет, тогда как продукция предприятий, производивших простую перегонку, поступала непосредственно на рынок.

Но потерпев поражение в первом туре, я все же смог в последующие годы провести политику высокого обложения спиртных напитков, понижения их крепости и поощрения продажи легкого пива. В этой кампании я смог использовать помощь контролера по продовольственным делам, в ведении которого находился отпуск зерна,

необходимого для пивоварения и винокурения. Не только было ограничено общее количество зерна, отпускавшегося для этих целей, но самый отпуск производился при условии соблюдения определенной пропорции пива легких сортов и водки пониженной крепости. Нация повторяла песенки мюзик-холля, сетующие на «пиво Ллойд Джорджа», но статистические данные говорили о резком сокращении пьянства. Принудительное разведение спирта и упразднение пива крепких сортов имели особенно благотворное влияние, значительно сокращая содержание спирта в потребляемых напитках. Среднее недельное число осужденных за пьянство в Англии и Уэльсе, составлявшее в 1913 г. 3 482, упало в первой половине 1917 г. до 929.

Следующая таблица показывает общее потребление чистого спирта в Великобритании за годы войны:

1914 г.	89 млн. галлонов
1915 »	81 » »
1916 »	73 » »
1917 »	45 » »
1918 »	37 » »

Эта таблица дает общее количество алкоголя, которое было потреблено в виде всяких спиртных напитков — водки, вина и пива. Быстрое падение потребления за последние два года лишь частично связано с тем, что миллионы наших граждан ушли на фронт. В основном оно должно быть отнесено за счет принятой и укреплявшейся политики ограничения пьянства.

В то время как путем последовательных мер по налоговому обложению, понижению крепости и количественному ограничению спиртных напитков в стране нам удалось значительно сократить их фактическое потребление и особенно потребление спирта, мы, с другой стороны, настойчиво проводили в промышленных районах, занятых производством снаряжения, ограничение часов продажи спиртных напитков и размеров самой продажи. Но я отнюдь не удовлетворился принятием чисто отрицательных мер. Контрольная питейная палата получила право взять в свои руки все дело продажи напитков в ряде районов. В виде опыта она осуществила это право в четырех районах, в первую очередь в Гретна Грин. Здесь-то и получил начало карлейлевский эксперимент государственного управления торговлей спиртными напитками. Этот эксперимент производится и теперь, и я могу на этот счет ограничиться ссылкой на мнение многих весьма компетентных наблюдателей, которые считают, что он вполне оправдал уверенность инициаторов этого смелого мероприятия и показал, что государство способно упорядочить снабжение спиртными напитками с соблюдением условий, обеспечивающих распространение трезвости и соблюдение общественных приличий. Положительная деятельность контрольной палаты сказалась еще в другом существенном направлении — в изыскании для указанных районов удовлетворительной замены для кабаков, поскольку сократилась их доля участия в заполнении свободного времени рабочих.

Это привело ее к назначению трактирной комиссии. В своем первом отчете от 12 октября 1915 г. контрольная палата устанавливала:

> «...Палата склонна считать, что неумеренное пьянство часто объясняется отсутствием соответствующих возможностей получения еды, освежающих напитков, развлечений, что особенно дает себя чувствовать в связи с продолжительностью работы и сверхурочной работой».

Палата указывала, что пьянство часто возникало, когда еда была недостаточной и неудовлетворительной, и считала существенным

> «доставить значительному числу лиц в определенное время приличное питание... за умеренную цену.
>
> Стремясь удовлетворить эти требования, палата вела свою работу в двух направлениях. Она стремилась:
>
> а) увеличить возможность получения подходящих блюд в питейных домах и
>
> б) устроить, где надо, трактиры для рабочих на самих предприятиях или вблизи таковых, отпускающие хорошую еду и легкие прохладительные напитки за умеренную плату».

Ряд благотворительных организаций оказал значительное содействие в распространении таких трактиров, как, например, заведения христианского союза молодых людей и христианского союза молодых женщин, комитет лэди Лоуренс по устройству трактиров для рабочих, изготовляющих снаряжение, армия спасения и церковная армия. По поводу снабжения трактиров помещениями и оборудованием возник вопрос, кто будет финансировать это дело — палата или предприниматели. Казалось желательным, чтобы ответственность за это дело взяли на себя предприниматели, так как это входило в их интересы; в то же время при такой организации дела можно было надеяться, что трактиры эти сохранятся на долгое время. Поэтому я добился от казначейства утверждения распоряжения, согласно которому контролируемые предприятия могли покрывать расходы по постройке и оборудованию трактиров из текущих доходов в порядке раздела III закона о военном снаряжении 1915 г. при условии, что эти строения сохранялись впредь и навсегда под трактирами за исключением случаев, когда будет дано разрешение министерством снаряжения или иным правительственным учреждением, к которому перейдут его права.

Это положение действовало с ноября 1915 г. до ноября 1918 г. За это время было утверждено открытие 867 трактиров на контролируемых предприятиях. Общая стоимость этих трактиров, подлежавшая списанию за счет валовой прибыли, составляла 1 909 135 фун. ст. На предприятиях, к которым были прикреплены эти трактиры, числилось около миллиона рабочих.

Привычка к регулярной и доброкачественной еде, развившаяся благодаря этим трактирам, вместе с понижением крепости спирт-

ных напитков содействовала закреплению послевоенных навыков — умеренности в потреблении спиртных напитков и более здоровой жизни, к которым мы сейчас привыкли.

Достигнутые успехи дали мне полное право заявить депутации общества трезвости, посетившей меня в 1917 г. и добивавшейся полного запрещения спиртных напитков, что, ограничив свои задачи практическими и достижимыми пределами, мы сумели за последние один-два года значительно сильнее продвинуть дело народной трезвости, чем это было сделано до сих пор на протяжении значительно большего времени всеми средствами убеждения и принуждения, вместе взятыми.

6. ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ

В должности министра снаряжения лично меня особенно привлекала возможность сделать кое-что для улучшения социальных и производственных условий на предприятиях, которые прямо или косвенно попадали под мой контроль. Законодательство отражало растущее в промышленности как со стороны рабочих, так и со стороны предпринимателей стремление к повышению жизненного уровня на предприятиях. В вопросах этого рода закон не может значительно опережать общественное мнение, рискуя в противном случае остаться мертвой буквой. Ряд мероприятий зависел в большей или меньшей степени от требований рабочих, от успешных опытов просвещенных предпринимателей, рвения реформаторов-практиков и от роста влияния прогрессивного общественного мнения.

Они представляли, конечно, тот минимум требований, который мог быть предписан промышленности в законодательном порядке. Их действие было ограничено, и они шли не очень далеко в обеспечении максимально достижимой меры довольства, здоровья и комфорта для рабочих. Некоторые предприниматели выступали пионерами в хорошем деле добровольного создания улучшенных условий для своего штата, но в это время они были скорее исключением, чем правилом.

Учреждение министерства снаряжения и данное им новое направление промышленному развитию привели к значительным изменениям в общем положении.

Прежде всего государство в лице министерства сделалось непосредственным нанимателем промышленного труда в крупном объеме; в еще более крупном масштабе оно сделалось им косвенно в отношении предприятий, занятых производством снаряжения и подчиненных его контролю. Оно получало таким образом возможность применять меры убеждения — и в случае нужды принуждения — в отношении всех предпринимателей в стране и повышать благосостояние рабочих на все время работы по найму.

Во-вторых, уход из промышленности в армию значительной части мужского населения вызвал применение женского труда в масштабе, никогда не наблюдавшемся раньше, и в тех промышлен-

ных отраслях, которые раньше обслуживались исключительно мужчинами. Конечно, и до войны существовал значительный кадр женщин-работниц, занятых на определенных предприятиях — особенно на текстильных.

Теперь они однако вторглись в необычную область тяжелой промышленности вплоть до предприятий по начинке снарядов и даже судостроительных заводов. На большинстве этих предприятий существовали тяжелые и неприемлемые условия, на которые до сих пор соглашались рабочие-мужчины; было однако признано невозможным применить их к женщинам.

Создавался таким образом исключительно благоприятный случай для развития в промышленности крупного передового движения за улучшение общих условий рабочего быта. Эту возможность я в качестве министра снаряжения широко использовал в дальнейшем.

Одной из первых задач министерства снаряжения было создание государственных предприятий по изготовлению взрывчатых веществ и начинке снарядов. С августа 1915 г. специальный инспектор министерства по женскому труду занялся посещением этих предприятий по мере их открытия и установил контакт с административными советами по весьма важным и разнообразным вопросам, касающимся условий женского труда на этих часто опасных предприятиях. Его обязанности заключались в оказании помощи и совета при выборе женщин-надсмотрщиц, в обучении работниц специальным видам работы, в обеспечении наличия на производстве врачей и сестер милосердия. В сентябре 1915 г. я назначил комитет по охране здоровья рабочих в производстве снаряжения для дачи заключений по вопросам, касающимся «профессиональной усталости, рабочего времени, и других моментов, влияющих на здоровье и физическую работоспособность» рабочих, производящих снаряжение. Это был сильный по составу комитет, представлявший концентрированный опыт министерства внутренних дел, предпринимателей, рабочих и медицинских экспертов. Его председателем был сэр Джордж Ньюмен, а в числе его членов — сэр Томас Барлоу, Леонард Э. Хилл, три ответственных чиновника департамента промышленности министерства внутренних дел, сэр В. М. Флетчер, секретарь комитета медицинских исследований г. Клайпс, профессор Бойкотт, г. Самуэль Осборн и г-жа Г. Дж. Теннант. Комитет принес неоценимую пользу за время войны своими предложениями, давшими нам практическую программу работ по охране труда; он стал предтечей комитета по изучению профессиональной утомляемости, который со времени войны провел столь важные исследования по вопросам производительности промышленного труда. В течение осени 1915 г. департамент снабжения при министерстве снаряжения в контакте с комитетом проводил меры по улучшению положения рабочих, занятых на производстве снаряжения в национальных мастерских. В декабре 1915 г. я пошел дальше и назначил г. Б. Сибома Раунтри директором секции охраны труда, поручив ему организацию секции. Г. Раунтри хорошо из-

вестен не только как крупный предприниматель, но и как передовой и весьма успешный пионер в деле улучшения условий труда на своих предприятиях. Я рад воздать должное его искусству, энергии, старанию и уменью в деле организации нового департамента. Проделанная им работа видоизменила условия труда в производстве снаряжения в период войны и оставила прочный след на работе всех наших предприятий.

Перед новой секцией охраны труда стояла тяжелая задача. Условия труда в большинстве существующих предприятий были тяжелы и примитивны, не было заботы о здоровьи и благополучии рабочих вне обязательного минимума, установленного фабричным законом. Тяжесть труда была, конечно, значительно усилена в связи с военными нуждами. Рабочее время увеличилось, в помещениях наблюдалось значительное скопление рабочих. Создание новых и расширение старых предприятий совершалось на скорую руку, и эти новые помещения часто оказывались занятыми, прежде чем успевали позаботиться о необходимых принадлежностях в виде умывальных, гардеробных, столовых и трактиров. Вдобавок их штат усиленно пополнялся женщинами и девушками, для наблюдения за которыми не было установлено соответствующих положений.

Комитет по охране здоровья рабочих в производстве снаряжения в меморандуме, относящемся к январю 1916 г., требовал внимания к этой стороне вопроса:

> «При дальнейшем сохранении нынешней продолжительности рабочего времени, отсутствии здорового и благожелательного надзора, невозможности получить хорошую сытную пищу, при большой трудности передвижения невозможно обеспечить длительное сохранение высокого уровня производительности, на который женщины безусловно способны».

Согласно измененному закону о военном снаряжении, принятому в январе 1916 г., я получил право контроля не только над нормами зарплаты, но и над условиями труда женщин, работающих на производстве снаряжения, а также малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих и детей, получающих на контролируемых предприятиях работу квалифицированных рабочих. Тем не менее секция охраны труда министерства, сохраняя за собою эти права, стала на путь осторожной политики, предпочитая не принуждать фирмы, а воспитывать их в духе желательности проведения мероприятий по охране труда их служащих. Г-н Раунтри утверждал, что это был единственный способ обеспечить сохранение после войны улучшенных условий труда, созданных таким образом.

В первую очередь секция охраны труда естественно посвятила свои главные усилия тому, чтобы обеспечить надлежащие условия труда женщинам-работницам. Вначале эти условия были часто даже хуже условий мужского труда, так как они не были приспособлены к их нуждам и так как на предприятиях не было женщин, пользующихся властью, к которым работницы могли бы апеллировать.

В апреле 1916 г. я провел закон, согласно которому во всех национальных мастерских, где работали женщины и девушки, вводился институт женщин-надсмотрщиц, утверждавшихся в секции охраны труда. Введение надсмотрщиц в национальных мастерских послужило прецедентом для распространения этой меры на контролируемые предприятия. В том же месяце секция приступила к расширению инспекции по охране детского труда.

Проведение мер по охране труда требовало штатов и соответствующей организации. Штаты включали инспекторов и помощников инспекторов охраны труда, а в более крупных предприятиях — патронесс, сестер милосердия, женщин-врачей высшей квалификации, гардеробщиков и т. д.

Меры по охране труда включали стирку белья, санитарные мероприятия, гардеробные, трактиры, наличие сидячих мест в цехах, снабжение плащами и шапками, создание условий для отдыха. Некоторых предпринимателей приходилось убеждать, что одна сломанная чашка и кувшин холодной воды — оборудование, недостаточное для штата в 300 рабочих, что рабочие, занятые усиленным тяжелым трудом, должны получать чистую питьевую воду, а не подвергаться риску тифозного заболевания от питья воды, предназначенной исключительно для производственных нужд; что производительность труда рабочего возрастет, если ему не придется работать целый день в платье, насквозь промокшем с утра по дороге на фабрику; что они должны для этого получать еду в удобных условиях в общей столовой или — еще лучше — получать дешевую и сытную еду в трактире, а не проглатывать наспех жалкую еду тут же у машины.

Достигнутые результаты показали, что политика убеждения оправдала себя. Требование на инспекторов охраны труда настолько возросло, что департаментом были организованы специальные курсы для их обучения; впоследствии этим занялось лондонское Высшее экономическое училище и большинство провинциальных университетов. К моменту заключения перемирия на предприятиях, изготовляющих снаряжение, работало свыше тысячи инспекторов разных категорий. Учитывая, что часть из них назначалась в обязательном порядке в предприятиях T. N. T. (тринитротолуол) и почти в обязательном порядке в национальных мастерских, мы все же получаем около 700 инспекторов, добровольно назначенных владельцами предприятий и административными советами.

Деятельность департамента по охране труда обеспечила примерно 350 тыс. рабочих национальных мастерских и государственных предприятий уровень физического благосостояния, значительно повышавший минимальные требования фабричного закона и положения о мастерских, и кроме того стимулировала в большей или меньшей мере организацию трактиров, комнат для отдыха, медицинской помощи и других видов материальных удобств на значительном числе контролируемых предприятий, на которых было занято не меньше 400 тыс. женщин, работающих в производстве снаряжения. Эти улучшенные условия труда распространились в дальнейшем хоть в не-

которой степени примерно на 1 250 тыс. мужчин и около 250 тыс. детей, также работавших на контролируемых предприятиях и в национальных мастерских.

Департамент провел сам или способствовал проведению 11 738 надстроек или новых домов для рабочих, занятых в производстве снаряжения. Он обеспечил меблированные комнаты свыше 23 500 рабочим и провел ряд других мер по размещению рабочих и выдаче им ордеров в частные дома. Он сам организовал трактиры и столовые на большинстве из 150 тыс. национальных мастерских и государственных предприятий.

Его работа по стимулированию разумной заботы о здоровьи и комфорте служащих, об установлении удобного времени для работы, о гигиенических условиях труда менее поддается статистическому учету, но и она оказала серьезное и прочное влияние на общие условия труда в нашей национальной промышленности.

Уже в 1917—1918 гг. годичный отчет фабричного инспектора свидетельствовал о влиянии, оказываемом движением по охране труда, вызванным министерством снаряжения, на условия труда в предприятиях, не связанных с производством снаряжения.

> «Хлопчатобумажные, суконные и шерстоткацкие фабрики, прачечные, гончарное и кондитерское производство, где, за единичными приятными исключениями, условия труда до сего времени оставались без изменения, сейчас начинают испытывать влияние нового движения... В этом и многих других отношениях подъем к 1917 г. социального благополучия на предприятиях, не работающих по снаряжению, отнюдь не является таким внезапным, как многие склонны думать.
>
> Просвещенные рабочие этого требовали, а просвещенные фабриканты в течение ряда лет показывали, что требования улучшения условий труда правильны и исполнимы. Сейчас здравый смысл пробудился, и все видят, что надо поторопиться. Материальное улучшение осуществлено не только в национальных и контролируемых предприятиях. Общий дух управления быстро изменился на многих фабриках и заводах, где не введено никаких новых правил охраны труда и не применяется государственный контроль над прибылями».

Законодательные меры по распространению охраны труда развернулись в полном объеме к моменту прекращения работы департамента. Принципы, устанавливавшиеся министерством снаряжения средствами убеждения, постепенно воспринимались министерством внутренних дел, оформлявшим их законодательным путем. Начиная с августа 1916 г., объединенное временное положение по полицейскому управлению, по фабрикам и пр. давало точные полномочия на введение обязательным путем мер охраны труда. Положение о ремесленных конторах 1918 г. уполномочивало ремесленные конторы «делать представления» правительственным учреждениям относительно условий труда в их ремеслах. Одновременно в организо-

ванных промышленных предприятиях значительное число объединенных промышленных советов занялось вопросами рабочего времени, условий труда и обучения. Впереди появилась перспектива законодательного установления 48-часовой рабочей недели для всех фабричных рабочих.

В свете этих и других фактов последующего развития речь, произнесенная мной как министром снаряжения в феврале 1916 г., имеет некоторое пророческое значение:

> «Странная ирония! Но немалая компенсация заключается для нас в том, что изготовление орудий разрушения служит в то же время основанием для введения более человеческих условий в промышленности. А между тем это так. Старые предрассудки исчезли — появились новые идеи. Предприниматели и рабочие, общество и государство сочувствуют новым методам. Нельзя упускать эту счастливую возможность. Возможно, когда отшумит война, когда производство снарядов станет кошмаром прошлого, — усилия, ныне употребленные, чтобы смягчить трудности, чтобы обеспечить благосостояние рабочих, чтобы перебросить мост симпатии и взаимного понимания между предпринимателями и рабочими, оставят прочные плоды неругимой ценности для рабочих, для нации, для всего человечества».

Глава десятая

СТРАТЕГИЯ ВОЙНЫ. ВОСТОЧНЫЙ ИЛИ ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

На предшествующих страницах я рассказал кое-что о порядке организации министерства снаряжения и о тех «человеческих» проблемах, с которыми оно столкнулось. Прежде чем перейти к дальнейшему изложению его практических достижений в области производства снаряжения, я должен вернуться к краткой характеристике тех боевых фронтов, для которых требовалось это снаряжение, к той стратегии, которой это снаряжение должно было служить.

Потребовались упорные и непрерывные усилия для преодоления рутины и инертности военных, что тормозило снаряжение наших войск. Аналогичная задача обеспечения наилучшего использования наличных ресурсов людской силы и снаряжения была еще тяжелее. Она осуществлена фактически лишь в заключительный период войны. Я хочу теперь кратко обрисовать положение дел и рассказать о своих усилиях провести то, что, по моему мнению, было единственным мудрым решением.

В течение первых месяцев войны не было подлинного военного совета, который следил бы постоянно за военным положением, направлял и согласовывал наши усилия. В Англии заметна была склонность действовать не спеша, с прохладцей, полагаясь на случай.

После больших сражений на Марне и Ипре война, казалось, становилась нормальным явлением. Войну начали признавать, как нечто обычное в повседневном существовании народов. Всюду люди применялись к военным условиям. Чиновники высшие и низшие не были исключением. Это может объяснить то, что в наших действиях мы «не спешили». Немцам не удалось захватить Париж. Правда, их армии твердо обосновались в Бельгии и некоторых наиболее богатых департаментах Франции, но им не удавалось пойти дальше этих осенних завоеваний. Сражение на Ипре обеспечило безопасность портов Ламанша. В Польше шли сражения, и русская армия была остановлена и стеснена немцами, но с другой стороны русские наступали в Галиции. Центральные державы остановились. Мы могли использовать это время для набора и снаряжения

войск. Такова была официальная точка зрения; я не уверен, что она отличалась от общенациональной к концу 1914 года.

Казалось мы забыли, что с каждым днем войны мы расточали жизни и средства впустую, что в России выявилась опасная слабость в снаряжении ее огромной армии, что еще один год войны мог поэтому привести к разгрому России и оставить все бремя военных действий на нас и на Франции, что положение Сербии было опасным и что центральные державы могли в любой день смести ее с лица земли и открыть себе дорогу на Восток, что, если мы немедленно не проявим энергии, мы не сможем выставить хорошо снаряженную армию до третьего года войны — все эти возможности, казалось, не нарушали общего равнодушия.

Поскольку речь идет о народе, это настроение объяснялось безусловным доверием к нашим военным вождям и морским адмиралам. То, что я уже знал о казенном отношении к снаряжению нашей армии и о том, как военные круги не умели понять новых условий войны, создавшихся во Франции, убедило меня, что подобное равнодушие не имело никакого оправдания. Это побудило меня написать премьер-министру нижеследующее письмо:

II, Даунинг Стрит, 3.
31 декабря 1914 г.

«Мой дорогой премьер,

Я беспокоюсь за исход войны в случае, если правительство не примет решительных мер, чтобы справиться с создавшимся положением. Я не вижу признаков того, что наши военные вожди и руководители обсуждают какие-либо планы, как нам выйти из теперешнего неудовлетворительного положения. Если бы я не был свидетелем прискорбного недостатка предусмотрительности, которым они отличаются, я не допускал бы и мысли о возможности того, что люди, занимающие столь ответственное положение, могут быть столь мало предусмотрительны. Вспомните инцидент, возникший по поводу пушек и снаряжения. Когда я поднял этот вопрос в кабинете, то оказалось, что военное министерство заказало всего на всего 600 пушек. Эти пушки должны были быть изготовлены еще до сентября. Огромные промышленные ресурсы страны не были мобилизованы, чтобы получить пушки, ружья и военное снаряжение. Вопрос о возможности получения снаряжения из Америки не был изучен. В результате деятельности и предложений правительственной комиссии нам обещаны 4 тыс. пушек, при этом раньше установленного срока. Предусмотрена также доставка для этих пушек необходимого количества снаряжения. С ружьями дело обстоит пока неудовлетворительно...

До последней недели не было сделано никаких реальных попыток выяснить положение России. Теперь К(итченер) при-

гласил, наконец, приехать в Англию представителя русской армии, который должен прибыть и приступить к переговорам об оказании России помощи в области военного снаряжения. Уже два месяца я настаивал на необходимости этой меры. Если бы это было сделано тогда же, то мы бы уже теперь могли помочь России, потому что Архангельск до сих пор открыт, и спасли бы ее от грозящего ей недостатка снарядов.

Нельзя ли устроить ряд заседаний военной комиссии комитета имперской защиты в ближайшее время? Случайные заседания через неделю или две ни к чему не приведут.

Извините меня за нарушение Вашего вполне заслуженного отдыха, но я чувствую, что продолжение того застоя и бездействия, в котором мы находимся, является весьма опасным.

Искренно Ваш *Д. Ллойд Джордж*».

Это письмо повело к созыву военного комитета для обсуждения создавшегося положения. Для того, чтобы создать себе представление о прениях и решениях, принятых этим комитетом, необходимо вспомнить, в каком положении находились военные дела в это время.

Когда по климатическим условиям кампания 1914 г. закончилась на всех фронтах, высшее командование — политическое, военное и морское — во всех воюющих странах имело достаточно времени, чтобы осмотреться и принять решение о дальнейшем ведении операций. Первоначальные планы всех армий оказались обманчивыми и были разбиты в недавней борьбе. Из всех искусных планов, тщательно подготовленных и проработанных специалистами, в течение ряда лет хранившихся в их столах, чтобы быть претворенными в сокрушительное действие, «когда придет настоящий день» — ибо все они напряженно ждали своего дня — ни один не уцелел уже после первого боя. Каждый из этих планов заключал в себе какую-либо ошибку.

Существовал давно подготовленный германский план раздавить Францию в течение нескольких недель фланговым движением подавляющих сил через Бельгию и затем перебросить победоносные войска на восток для расправы с армиями России. Он был разработан до мельчайших деталей. Ничего не было упущено, кроме размера и значения британского военного вмешательства, а также и того, может быть, столь же важного факта, что исполнение плана зависело от других людей, нежели те, кто его составлял. Этот план полностью провалился, и его обломки были рассеяны по берегам Марны и Изера. Шкафы берлинского генштаба были пусты. Препятствия, ожидавшие непобедимый план, не были заранее известны. Необходимо было выработать новый план.

Французский план наступления первой и второй армии к югу от Меца и четвертой и пятой — к северу от него не имел никаких шансов на успех. Он исходил из предположения, которое никогда

не могло осуществиться. Британская идея — удерживать немцев на бельгийском фронте, пока французы будут вести атаку с юга, основывалась на таком же полном непонимании германской стратегии, как и заблуждения французских генералов. Англичане лишь следовали французской стратегии. Если бы было принято предложение сэра Джона Френча об оккупации Антверпена, то положение было бы иным.

Австрийцам снилась легкая прогулка от Белграда до Ниша; их ждало жестокое разочарование, так как сербские крестьяне нанесли два страшных поражения этим собравшимся на прогулку завоевателям. Русские имели некоторые успехи против Австрии и против Германии; но если у них был какой-нибудь план, то он никогда не был осуществлен. Вторжение в Восточную Пруссию было лишь рыцарской импровизацией, чтобы спасти Францию от ошибок ее генералов. Оно закончилось крахом у Танненберга.

Великие бои 1914 г. рассеяли все мечты, разбили все надежды военщины обеих воюющих сторон. В результате военные руководители утратили всякое представление о путях к достижению конечной победы. Каждая армия имела свои неудачи. Каждая армия имела свои успехи. К концу кампании 1914 г. все они радовались своим победам и забыли о своих поражениях. Таково было общее настроение на фронте и в тылу. Но никто не имел ясного представления о том, что нужно предпринять сейчас. Надо было придумать совершенно новые планы для кампании 1915 г. В одном отношении стратегическая проблема стояла одинаково для обеих воюющих сторон. Куда надо было направить основные усилия: на восточный или западный фронт? Обе борющиеся армии сделали попытку прорвать укрепления противника на западе и потерпели неудачу после самых кровавых боев. Немцы признали бесполезность попыток прорвать западный барьер и повернули на восток. Усилив свои укрепления на западе, они рассчитали, что смогут сдерживать союзные силы, противопоставив двух солдат трем солдатам объединенной франко-английской армии. Со стороны союзников были значительные расхождения по вопросу об «обходном движении» с восточного фланга. Спор, развернувшийся по этому вопросу, изображался как борьба между дилетантами и профессиональными военными, между невежественными политиками и испытанными бойцами. Это — шуточное и скорее глупое искажение тех разногласий, которые разделяли лиц, ответственных за ведение войны в союзных странах с 1915 г. и до самого конца войны. С обеих сторон были высокостоящие политические деятели; точно так же выдающиеся военные специалисты защищали оба плана. Во Франции Мильеран, ярый приверженец Жоффра, был именно в силу этого «западником». С другой стороны, Пуанкаре, Бриан, Пенлеве и Альбер Тома были настойчивыми поборниками «обходного движения» с восточного фланга центральных держав. Жоффр был безусловным западником до весны 1916 г., когда все его попытки наступления закончились страшными неудачами. Он затем испробовал жалкий компромисс, когда даже опе-

рация, поддержанная всеми имеющимися в распоряжении средствами, была уже запоздалой. Пуанкаре и Бриан восприняли свои восточные идеи от генерала Галлиени, человека испытанных талантов, одного из самых умных союзных генералов, и от генерала Франше д'Эспере, самого здравомыслящего и удачливого военного вождя.

Генерал Кастельно также примкнул к идее балканской операции. Генерал Галлиени особенно сомневался в возможности прорвать окопные заграждения на западе. Среди британских генералов лорд Китченер всегда сомневался в возможности прорыва на западном фронте и с самого начала склонен был искать обходного пути в Средиземном море. Даже сэр Джон Френч признавал, что если попытки прорыва на западе в 1915 г. потерпят неудачу, желательно будет повести наступление на юго-восточном фланге противника. Мне придется вернуться к высказываниям этого великого воина, когда я коснусь обсуждения этого вопроса в комитете кабинета министров.

Так как я пишу не историю войны, а мои личные мемуары о войне, то я намерен специально остановиться на активном участии, которое я принял в этот ранний период войны в борьбе за идею развернутого организованного нападения на центральные державы на юго-востоке Европы. В определенных кругах меня жестоко критиковали за мою дерзкую настойчивость в этом вопросе, и я вынужден поэтому установить те соображения, которые побудили меня выступить против стратегии, действительно оказавшейся повинной в удлинении войны, в огромном увеличении числа человеческих жертв и в росте тягот. Именно она поставила дело союзников под угрозу полной и непоправимой катастрофы.

Как мог вообще человек штатский, никогда не изучавший военной науки, заняться стратегическими вопросами? Почему не предоставить решения этой части военной проблемы людям, которые посвятили всю свою жизнь ее изучению? Тем, кто обвиняет меня, что я мешался в дела, о которых я знал лишь из книг о прошлых войнах, я отвечу, что по мере развития событий становилось все яснее даже для самого неискушенного любителя, что военщина ведет свое дело из рук вон плохо. Союзная стратегия во Франции была кровавой ошибкой, которая чуть было не привела нас к непоправимому поражению. Когда она провалилась, союзники не имели наготове другого разумного плана. Наши генералы были совершенно сбиты с толку решением немцев окопаться. Они не сумели придумать ничего лучшего, как пожертвовать миллионами людей в безнадежном усилии прорваться. Даже тут они не учли необходимости содействия техники для проведения такой операции, они по настоящему систематически не продумали методов обеспечения своих армий необходимым снаряжением для реализации своих планов.

Слабость их разумения в этот период наглядно выступает при чтении печальной истории безумных наступлений, уничтоживших в течение нескольких лет цвет британской и французской молодежи,

которую усиленно гнали под огонь пулеметов, искусно замаскированных и защищенных.

Ответственность за успех или неудачу лежала прежде всего на правительствах, и они не могли сбросить с себя какую-либо часть ответственности ссылкой на то, что они доверились специалистам, которые явно не отвечали своей задаче.

К концу года свыше миллиона юношей записались добровольцами и были включены или в армии Китченера, или в территориальные войска, приток многих тысяч все продолжался. Это был цвет нашей молодежи в физическом, умственном, нравственном отношении. Из всех областей общественной жизни лучшая часть молодежи нашей страны ушла в армию. Правда, нельзя было сказать, что они надели уже солдатскую форму, так как даже в странах, располагавших наибольшими возможностями по части изготовления людских одеяний, военное ведомство не успело еще раздобыть необходимых запасов форменной одежды для всех своих рекрутов. Но уже было ясно, что человеческий материал, обучавшийся повсеместно солдатскому ремеслу, был качественно несравненно выше всего того, к чему до сих пор привыкли самые искушенные унтера. Были выкачаны все физические силы из университетов, то же произошло во всех других областях. Рабочие, углекопы, сельские рабочие — все принесли в виде дани своих избранных представителей.

Кое-где еще существовал предрассудок против ухода из дому для поступления в армию. Вербовочные комиссии еще встречали затруднения в некоторых областях, где сохранились традиционные взгляды на счет юношей, которые по каким-либо дурным причинам «убегали в армию». Для преодоления этого предрассудка потребовалось время и убеждение. Я сам принял участие в этой вербовочной агитации, особенно среди диссидентов, которые всегда старались держаться в стороне от армии, а также среди моих соотечественников — валлийцев всех вероисповеданий. По этим причинам, не говоря уже о моей ответственности как члена кабинета, объявившего войну, я чувствовал особую обязанность позаботиться, чтобы люди, которые добровольно шли на смерть за честь родины, были снабжены всем, что было лучшего в стране, и чтобы их доблесть была использована наилучшим образом на поле сражения. События последних нескольких месяцев поколебали во мне все прежнее доверие к мудрости военного руководства, и я был полон страха, что цвет британского юношества будет уничтожен из-за профессионального упорства, ограниченности и непонимания.

Я не претендовал на знание стратегии, но были определенные факты, очевидные даже для не посвященных в таинства войны.

Во-первых, прямой подсчет ресурсов обеих воюющих сторон по части людей, материалов, денежных средств устанавливал подавляющее превосходство союзных держав, при условии, что эти ресурсы получат разумное направление и надлежащее использование.

Это превосходство союзников было, однако, полностью нейтрали-

зовано тем, что две из трех великих держав, входящих в антигерманскую коалицию, имели снаряжение, гораздо худшее, чем у врагов. В отношении тяжелой артиллерии Франция также уступала противнику. Таким образом, наиболее срочной проблемой для союзников был вопрос о снаряжении. Если они не примут исключительных мер для того, чтобы восполнить пробел в этой области, победа оставалась для них недосягаемой. Две державы из трех (Англия и Франция) обладали значительной производственной мощностью, и Америка с ее огромными ресурсами также была к услугам союзников в этой области. Третья держава — Россия — была очень слаба в части производства военных материалов и не имела кредитов для покупок за границей; но обладала неисчерпаемыми резервами лучшего человеческого материала. Поэтому проблема снаряжения заключалась в использовании наличных ресурсов в стране и за океаном для того, чтобы усилить и улучшить нашу военную машину, не теряя времени, и, во-вторых, в том, чтобы справедливо распределить продукцию военных материалов между союзниками.

Во-вторых, немцам удалось в значительной мере нейтрализовать численное превосходство союзников на западном фронте благодаря лучшему снаряжению и устройству самой большой и мощной системы укреплений, когда-либо известной в истории войн.

Не было возможности флангового обхода немецких линий во Франции или Фландрии, всякая же попытка овладеть ими путем фронтальной атаки была связана с такими колоссальными потерями, что ни один здравомыслящий человек не мог считать такие человеческие жертвы допустимыми, пока существовала какая-либо возможность пробиться на другом более уязвимом фронте. Во всяком случае союзники не располагали необходимым количеством орудий, чтобы пытаться прорвать фронт на западе с какими-либо шансами на успех, и нужны были годы, чтобы вооружить армию артиллерией соответствующих калибров и в соответствующем количестве для такой операции.

В-третьих, если на западе центральные державы обладали непрерывным фронтом в 600 миль, который не представлял особых естественных трудностей для устройства окопных укреплений в смысле длины и качества почвы, то восточный и юго-восточный фронты растянулись на тысячи миль, причем во многих местах болотистая почва оказывалась летом слишком мягкой, а зимой слишком твердой для рытья окопов. Помимо всего им не хватило бы людей для защиты такой огромной крепости.

В-четвертых, на восточном фронте германцам и австрийцам противостоял враг, который мог выставить миллионы храбрецов, известных своим бесстрашием и военным искусством, нуждавшийся только в соответствующем вооружении, чтобы его число и доблесть могли сломить всякое сопротивление.

На юго-восточном и южном секторе этого фронта армии центральных держав, защищавшие эти позиции, рекрутировались из на-

селения, которое на три пятых принадлежало к народностям, враждебным господствующим нациям обеих империй и связанным дружескими узами с пограничным населением союзных государств. Славяне, румыны и итальянцы, составлявшие большинство населения, подвластного Францу-Иосифу, в мирное время стремились уйти изпод господства привилегированной национальной касты; поражение германской империи могло ускорить торжество их стремлений, тогда как победа тевтонов отсрочивала их осуществление на неопределенное время.

Из пятидесяти миллионов населения Австро-Венгрии было только 12 миллионов немцев и 10 миллионов венгров. Свыше 30 миллионов составляли народности, бывшие плотью от плоти и кровью от крови тех наций, с которыми Австрия уже вела войну или готовилась воевать. Даже венгры без большого увлечения подчинялись безрассудному руководству Вены. Было известно, что граф Тисса, самый способный и уравновешенный политический деятель Венгрии, был решительным противником безумной военной авантюры против Сербии. Австрия была тем более уязвима, что ее провинции, прилегавшие к странам ее нынешних или завтрашних неприятелей, были населены народами, родственными по крови врагам империи. Этот источник слабости австрийских войск сказывался на протяжении всей войны, и от этой опасности они не могли уберечься. Стоило русским получить заметное превосходство в наступлении — и славянские части сдавались легко и даже с плохо скрытым удовольствием слабо вооруженным наступающим русским войскам. Один чешский отряд ушел в русский плен с развернутыми знаменами.

Было также совершенно ясно для всякого, кто рассматривал возможности на Балканах с некоторым знанием настроений и характера их населения, что союзные державы при своевременных и решительных действиях могли бы сорганизовать из этих воинственных народов, населяющих беспокойный полуостров, к югу от Дуная до Галлиполи и дальше до Пелопоннеса грозный союз с тренированной и обстрелянной в боях армией. Сербия в это время могла бы выставить до 300 тыс. человек. Румыны могли выставить в бой по крайней мере полмиллиона. Греки имели 400 тыс. обученных людей. Болгары были обязаны глубокой признательностью России за ее участие в их освобождении, а память о крестовом походе, проведенном Гладстоном для защиты их от турецкого ига, влекла сердца болгар к Британии; они тоже могли бы предоставить в распоряжение союзников 400 тыс. человек. Все эти контингенты состояли из храбрейших бойцов со свежим боевым опытом. Организация такого союза потребовала бы расходов, которые в общей сложности были бы меньше военных затрат одной недели, падавших на налогоплательщиков Британии и Франции.

Известные трудности представлял бы также предварительный уговор о разделе добычи. Но это отнюдь не было непреодолимым препятствием. Грабителей ждало достаточно честной добычи, не требовавшей нарушения принципов национальной свободы и самооп-

ределения. Славянские провинции южной Австрии удовлетворили бы Сербию. Румыния была бы более чем удовлетворена перспективой аннексии Трансильвании с ее тремя миллионами единокровного населения. Болгарию можно было бы втянуть в войну перспективой аннексии Адрианополя и порта на Эгейском море. Наконец, греки имели претензии на побережье Малой Азии, где их соплеменники построили цветущие города и возделали плодоносные равнины.

Необходимо было немедленно заняться вооружением этих армий. Это был бы постепенный процесс. Для начала легкую артиллерию и амуницию с небольшим числом пулеметов можно было раздобыть на существующих уже предприятиях, производящих снаряжение. Присутствие стотысячной британской или смешанной англо-французской армии, что составляло половину тех сил, которые были впоследствии посланы к Дарданеллам, и треть тех сил, которые были принесены в жертву весной и летом 1915 года в бесплодных атаках против неприступных немецких окопов во Франции и Фландрии, усилило бы моральную мощь балканских армий благодаря одному лишь присутствию солдат и знамен великих западных держав. Такой состав имел бы огромное влияние на сплоченность и поднятие духа этого мощного соединения.

Центральные державы были гораздо лучше подготовлены к войне в области военного снаряжения, чем союзники. Прорыв во Франции требовал перевеса в артиллерии самого тяжелого калибра и преобладающего количества амуниции. Союзники не могли надеяться достигнуть перевеса в этом отношении в течение двух лет. Вопрос о худшей подготовке в области тяжелой артиллерии не представлял таких исключительных затруднений в крупной операции на восточном или юго-восточном фронте, как на западном. Восточный фронт, не будучи так хорошо укреплен, позволял союзникам с более легкой артиллерией и меньшим снаряжением в бо́льшей степени использовать свое численное превосходство. Русские повторно доказали это своим наступлением на австрийцев. Они только не могли использовать своих побед вследствие недостатка снарядов для полевых орудий и недостатка винтовок. Этот недостаток мог быть восполнен их западными союзниками, если бы они отказались от своего непрактичного и дорого стоящего наступления.

Не говоря уже о разноплеменном составе австрийских армий, последние по своей организации, подготовке, военному снаряжению и командованию не могли сравняться со своим великим военным союзником. По этим причинам Австрия часто была источником слабости и всегда была источником тревоги для германского генерального штаба: несколько раз ему приходилось посылать дивизии, которых у него было в обрез на своем собственном фронте, для того чтобы спасти Австрию от разгрома или удалить какую-либо угрозу с ее границ. Эта слабость, которая была вполне ясна германскому штабу и вызывала у него такую тревогу, упускалась из виду французским и британским командованием. Поэтому

государственные деятели и опытные генералы обращались к французскому и британскому командованию с призывом не заставлять армии вновь и вновь переходить в наступление, которое приводило к одним лишь потерям, не пытаться наступать на неприступную линию германского фронта, в то же время совершенно упуская из внимания уязвимый фронт, на котором можно было достигнуть прорыва с одной третью тех сил, которые так щедро затрачивались в ужасной бойне западного фронта.

Эти соображения, которым я посвятил несколько недель, побудили меня в конце декабря 1914 года написать следующий меморандум, который я разослал членам военного совета:

«Комитет имперской защиты.

Положение на фронте и задачи правительства.
Меморандум канцлера казначейства.
члена кабинета министров Ллойд Джорджа.

2 Уайтхолл гарденс Ю. З.
1 января 1915 года.

СООБРАЖЕНИЯ О ПОЛОЖЕНИИ НА ФРОНТЕ

В настоящий момент, когда солдаты нового набора проходят военную подготовку и вместе с территориальными частями будут готовы к концу марта к отправке на фронт по крайней мере в количестве пятисот тысяч человек, я полагаю, что наступило время, когда правительство должно запросить военных экспертов о том, как следует использовать эти великолепные силы. Эта армия совершенно иного характера, чем те, которые мы до сих пор отправляли за границу. Эта армия состоит почти исключительно из верхушки рабочего класса, средней и мелкой буржуазии. По своему воспитанию, по уму и силе характера солдаты этой армии значительно превосходят солдат всякой иной армии, которую когда-либо мы создавали в Англии; так как эта армия состоит из людей таких классов населения, которые вообще не часто порывают с домом и чья судьба поэтому вызывает на родине наибольшие опасения, английский народ примет непосредственное участие в их судьбе в такой степени, какую он не проявлял никогда ранее в отношении наших военных экспедиций. Поэтому, если эту великолепную армию бросят на бесцельные военные предприятия, вроде тех, свидетелями которых мы были в течение последних нескольких недель, в стране будет расти негодование по поводу обнаруженного в наших планах недостатка предусмотрительности и проницательности; это негодование трудно будет преодолеть. Я могу прибавить, что операции, подобные тем, которые мы наблюдали в течение последних нескольких

месяцев, должны неизбежно подорвать стойкость и мужество самых лучших войск. Хорошие солдаты не остановятся перед любой опасностью и перенесут любые лишения в том случае, если это предвещает конечный успех, но подобное повторяющееся наступление на неприступные позиции в конце концов приводит в отчаяние самых твердых бойцов.

Я хотел бы поэтому обратить внимание на несколько соображений по поводу создавшегося положения на фронте.

1. Тупик, создавшийся на западном фронте

Я не могу претендовать на какие-либо познания в военном деле, но то немногое, что я видел и слышал во Франции о положении на фронте, наряду с чтением по тому же вопросу в пределах, которые были для меня возможны, давно убедило меня, что всякая попытка прорвать хорошо подготовленную германскую линию фронта на западе окончится неудачей и приведет к ужасающим потерям. Я тогда же выразил это мнение своим коллегам. Генерал Фош сказал мне, что французы не будут более отступать, и я вполне мог оценить его уверенность, после того как я проехал мимо окопов, следовавших один за другим от Парижа до позиции на Эн. Французские генералы уверены, что если бы даже вся германская армия, ныне оперирующая в Польше, была брошена на западный фронт, французские и английские части все же могли бы устоять. То же самое, конечно, относится к германским позициям. Несколько дней тому назад нам сообщили, что немцы со своей стороны в течение последних месяцев построили окопы того же типа вплоть до самого Рейна. После трех или четырех месяцев самой упорной борьбы французы ни в одном пункте не продвинулись вперед даже на несколько миль. Изменить сколько-нибудь серьезно положение мы сможем, только бросив на этот фронт еще полмиллиона человек. Для того чтобы прорвать фронт, необходимо по крайней мере иметь трех солдат против одного; наши подкрепления не дадут нам и двух против одного или даже числа, сколько-нибудь приближающегося к подобному превосходству. Не лучше ли поэтому признать невозможным разрешить эту задачу и попытаться придумать какой-либо иной путь, на котором удастся использовать численный перевес, который получат союзники через несколько месяцев?

2. Удлинение и разуплотнение неприятельского фронта

Другим соображением, которое должно иметь для нас значение, является важность в наших интересах разуплотнить линию неприятельского фронта, заставив неприятеля удлинить его. Немцы защищают теперь фронт в 600 миль. Никакие потери не уменьшат их сил настолько, чтобы сделать невозможным защиту этого фронта в целом или в какой-либо части. По французским данным, 79% раненых возвращаются на фронт;

54% раненых во французской армии уже вернулись в окопы; 25% выздоравливают и вскоре вернутся. Печать всегда совершает величайшую ошибку, преувеличивая потери неприятеля; при этом всегда упускают из виду легкий и излечимый характер ранений. Но если удлинить вдвое линию теперешнего германского фронта, то даже при существующей норме потерь неприятельский фронт не может легко быть прорван.

3. О необходимости заставить неприятеля сражаться в невыгодных условиях.

Неприятель в настоящее время сражается в стране, которая великолепно пригодна для его теперешней окопной тактики. Он был бы поставлен в невыгодное положение, если бы мы заставили его сражаться в открытом бою.

4. Необходимость одержать где-либо решительную победу

Есть еще одно соображение политического и военного характера, которое нельзя упускать из виду в подобной войне на истощение. Мы вынуждены требовать от нашего народа все новых усилий и жертв и должны также считаться с колеблющимися нейтральными странами с их большими армиями; эти нейтральные страны все еще не решили, что им предпринять. Существует реальная опасность, что народы Великобритании и Франции устанут от длинных списков потерь, от однообразных и банальных телеграмм из генерального штаба, которыми обычно сопровождаются эти списки и в которых сообщается о «сильном артиллерийском бое», о «небольшом продвижении вперед», о «занятии вновь окопов», о потере которых никогда не сообщалось, и т. д. с тем результатом, что мы не продвинулись ни на шаг после многих недель упорных боев. Британское общественное мнение уже не обманешь сообщениями, в которых преувеличивают слабые успехи и умалчивают о неудачах; нейтральные государства никогда не обманывались на этот счет. В народе скоро поймут, что немцы занимают теперь бо́льшую часть союзной территории, чем они занимали ко времени боев на Эн. Это справедливо и в отношении Бельгии, и в отношении Франции и Польши. На этих оккупированных территориях находятся некоторые из богатейших угольных залежей и промышленных центров Европы. Самые решительные наступления, сопровождавшиеся самыми кровавыми потерями, не могли поколебать германских позиций и не помогли нам продвинуться вперед ни на один шаг. Только определенная и решительная победа, которая выразится в захвате неприятельских орудий и пленных, в занятии больших пространств неприятельской территории, сможет убедить народ в том, что великие жертвы, которые он приносит, приводят к ощутительным результатам. Только такая победа мо-

жет убедить нейтральные государства в том, что для них, наконец, вполне безопасно связать свою судьбу с нами.

5. Альтернативное предложение

Поскольку эта цель не может быть достигнута наступлением на западном фронте, следует искать какую-либо иную возможность. Я позволю себе выдвинуть одно-два предложения. Я слышал о проекте наступления со стороны Дании на северную германскую границу. Этот проект связывают с именем лорда Фишера. В настоящий момент я не в состоянии высказать определенное мнение по этому поводу, так как я хотел бы иметь более полное представление о возможных военных и морских последствиях такого начинания. Оно кажется мне в высшей степени опасным, и я отнюдь не уверен в том, что оно оправдает назначение, которое имеют в виду авторы проекта. Шлезвиг-Голштиния с ее узким перешейком может быть легко защищена сравнительно небольшими германскими силами, которые окопаются против вражеской армии, пытающейся проникнуть на территорию Пруссии. В пределах этого фронта не было бы места для операций с фланга. Но в данный момент я не собираюсь заняться критикой этого плана. Я намерен скорее выдвинуть другой план, который, как мне кажется, обещает больше успеха, и предложить этот план вниманию премьер-министра и его советников. Этот план потребует *двух самостоятельных операций*, которые должны иметь одну общую цель — привести Германию к поражению, отняв у нее точки опоры, и кроме того заставить ее настолько удлинить свою линию защиты, чтобы сделать ее гораздо более уязвимой. Я поясню эти два соображения несколько более подробно.

6. Первая операция

«Я предлагаю, чтобы наши новые силы вместе с сербами, румынами и греками были брошены в наступление против Австрии. Присоединение Румынии и Греции может быть обеспечено, если эти страны будут уверены, что им придут на помощь значительные английские военные силы. Румыния могла бы выставить на фронт 300 тыс. человек, сохраняя в то же время достаточные силы для того, чтобы сдерживать болгар. Так как намеченный шаг мог бы заставить болгар сохранить подлинный нейтралитет, то румыны могли бы выделить еще 200 тыс. солдат. Сколько людей могли бы выделить мы сами? К началу апреля мы будем иметь в Англии 700 тыс. человек, прошедших шестимесячную подготовку, в том числе 400 тыс. территориальной армии, из них 200 тыс. будут к этому времени находиться в лагерях в течение восьми месяцев. У нас во Франции будет армия в 300 тыс., если только мы не будем

бесплодно затрачивать ее на проволочные заграждения. Французы могут легко оборонять свой фронт против немцев, которым придется защищать Силезию, после того как австрийцы уведут часть своих войск для защиты своих южных границ. Нам понадобятся 200 тыс. опытных солдат, чтобы подкрепить новые армии. У нас таким образом окажется около 1 миллиона человек. 400 тыс. могут быть оставлены здесь в качестве резерва для отправки во Францию в том случае, если французы окажутся под серьезным ударом до того, как разовьется диверсия против Австрии на юге. Часть этих 400 тыс. может быть отправлена в Булонь, чтобы находиться под рукой в случае нужды. Затем за счет этих 400 тыс. можно время от времени пополнять экспедиционный корпус. Таким образом останется 600 тыс. для экспедиции против Австрии. Постепенно их число может быть увеличено, по мере того как будут снаряжаться новые армии.

Таким образом создается армия от 1 400 до 1 600 тыс. человек для нападения на Австрию на ее наиболее уязвимом фронте. Там почти без исключения население Австрии относится к нам дружелюбно, так как состоит из славянских народностей, которые ненавидят и немцев и мадьяр. Мы могли бы отправить наши войска либо через Салоники, либо высадить их на Далматинском побережьи. Мы могли бы захватить близлежащие острова, которые могут стать великолепной базой для военных запасов, не слишком удаленной от железнодорожного пути через Боснию в Австрию. Эта операция заставит австрийцев снять значительные силы у Кракова и таким образом оставить Силезию незащищенной. Австрийцы не могут снять всю свою армию для того, чтобы противостоять этому новому нападению, так как в этом случае русские перейдут Карпаты и займут либо Вену, либо Будапешт. Образуется фронт, слишком длинный для того, чтобы австрийские армии были в состоянии удерживать его или окопаться на нем. Немцам придется удерживать фронт на огромном протяжении длиною в общей сложности в 1 200 миль, а союзники впервые смогут использовать свой численный перевес, которым они будут располагать к этому времени *. С другой стороны, если немцы откажутся покинуть свои границы и предоставят австрийцев их собственной судьбе, то мы быстро справимся с двуединой монархией как военной силой, и тем самым освободится около 2 500 тыс. человек (включая русских) для наступления на немцев.

7. Два преимущества, вытекающие из этого предложения.

1. Таким образом нам удастся достигнуть чего-то, что можно назвать победой, и народ будет готов поддерживать всеми

* Немцы окажутся также под угрозой нападения со стороны огромных сил, которые к тому времени сможет выставить Россия.

силами войну на более продолжительный срок, не ворча и не скупясь.

2. Италия не только будет чувствовать себя смелее в отношении центральных держав в результате этой мощной демонстрации военной силы, но ей придется выступить в ее собственных интересах, так как военные операции будут проходить в значительной части вдоль побережья, которое Италия стремится присоединить к своим владениям, поскольку итальянское население здесь является преобладающим. Италия наверно очень ревниво смотрит на оккупацию этой территории сербскими войсками, и итальянское общественное мнение не поддержит никакого предложения со стороны итальянского министерства о помощи Австрии, если мы ясно скажем, что побережье перейдет в руки Италии, если она поможет завоевать его.

8. Вторая операция

Вторая операция сводится к нападению на Турцию. На мой взгляд нападение на Турцию требует соблюдения четырех условий:

1. Наступление на Турцию не должно потребовать таких значительных сил, выделение которых ослабило бы наше наступление на главных фронтах.

2. Мы должны действовать на недалеком расстоянии от моря с тем, чтобы не затрачивать больших сил на поддержание коммуникаций, и в случае необходимости пользоваться поддержкой флота.

3. Наше наступление должно заставить Турцию вести борьбу на большом расстоянии от ее баз и в условиях, для нее невыгодных.

4. Наступление должно дать нам возможность одержать сенсационную победу, которая подымет настроение внутри страны и вызовет упадок настроения у наших врагов.

Быть может, следует добавить к этим четырем условиям и пятое: с этой точки зрения было бы большим преимуществом, если бы мы одержали победу на территории, которая подействовала бы на народное воображение.

Какие военные действия могли бы удовлетворить этим условиям? Предполагают, что турки собирают большую армию для вторжения в Египет. Данные разведки показывают, что турки собрали 80-тысячную армию в Сирии и что они медленно продвигаются к египетской границе. Я бы позволил им ввязаться в это предприятие, а затем, пока они будут заняты нападением на наши силы близ Суэцкого канала, я предложил бы высадить в Сирии 100 тыс. человек, чтобы отрезать их от базы. Они не смогут долго продержаться в Сирии, если их железнодорожные сообщения будут прерваны. Поэтому им придется либо сражаться, либо сдаться. Расстоя-

ние от Константинополя до Сирии не позволит им во-время подвести подкрепления, чтобы добиться изменения положения вещей. 80 тыс. турок будут разбиты, и вся Сирия окажется в наших руках. Давление на Россию со стороны Кавказа будет ослаблено; турецкая армия в Европе не сможет настоящим образом атаковать наши коммуникационные линии, так как ей придется принять меры для улучшения своих позиций в Сирии и для возможного возвращения этой провинции.

Если мы не подготовим какого-либо проекта в этом роде, я откровенно отчаиваюсь в возможности нашего успеха в этой войне. Я не вижу другой возможности, кроме состояния полной неподвижности с обеих сторон. Один лишь процесс экономического истощения не даст нам победоносного мира, пока Германия сохраняет богатые территории наших союзников. Ни одна страна не сдалась еще в результате одного лишь экономического давления без поражения на поле сражения. Берк всегда был занят пророчествами о победе в результате истощения Франции. Война с Францией продолжалась 20 лет, после того как он выступил со своими бесцельными предсказаниями. Германия и Австрия обладают еще 3 миллионами молодых людей, столь же подготовленных в военном деле, как и солдаты китченеровских армий, и готовых занять место тех, кто находится теперь в окопах, если они падут в бою. При таких темпах процесс истощения займет 10 лет. По богатству почвы, по количеству полезных ископаемых, по своему оборудованию, стоящему на уровне современной науки и техники, Германия является страной огромных ресурсов. По числу людей, получивших научную подготовку, Германия — самая богатая страна мира. Этого не следует упускать из виду, когда мы говорим о ее возможном истощении. Без сомнения, немцы будут ощущать сильный недостаток в меди. Но мы не должны возлагать на это слишком больших упований. Отрасли германской промышленности, зависящие от меди, пострадают, но тем или иным способом медь для военного снаряжения будет найдена. Небольшие количества меди просочатся сквозь нейтральные страны; последние не смогут противостоять высоким ценам, которые предложит Германия за их запасы меди. Кроме того в Германии имеются кой-какие медные рудники. Некоторые из них работали с прибылью к началу войны. Наверное, имеются многие небогатые местные руды, разработка которых была невыгодной при нормальных условиях, как и на медных рудниках Северного Уэльса, но которые станут немедленно прибыльными, когда цена на медь увеличится в 2 или 3 раза. Кроме того, они обладают неисчерпаемыми запасами угля и железа, а до тех пор пока в их распоряжении находятся равнины Венгрии они могут удовлетворительно питаться. В Германии наблюдаются энтузиазм и чувство уверенности, которое не может быть уничтожено путем двухлетней или трехлетней

осады германских армий, окопавшихся на неприятельской территории. Мы не сломим германский дух с помощью бомбардировки, подобной бомбардировке Диксмюде или Рулерса.

Мы не можем позволить событиям итти своим путем. Мы должны быть предусмотрительны и обсудить возможный план того, как довести войну до победного конца. Затруднения продовольственного характера и в области военного снаряжения, тяжелые экономические затруднения, финансовые трудности, даже лишения и нужду — народы перенесут с готовностью, пока их армии остаются на неприятельской территории. Но лишь только наступит безусловное поражение, даже скромные экономические затруднения окажут свое действие. Нанесение Германии такого поражения неосуществимо при теперешнем способе наступления, и мы должны искать других путей.

Если будет принято решение на основе такого плана кампании, какой я наметил в данной записке, понадобится много недель для необходимых приготовлений. Я не могу вспомнить, чтобы в наших дебатах в комитете имперской защиты когда-либо предполагалась подобная операция. Поэтому почва для нее не подготовлена. Понадобится некоторое время, чтобы собрать необходимые сведения о стране, с тем чтобы решить, где произвести высадку войск и как повести наступление. Транспортные средства необходимо подготовить тщательно и в тайне. Можно будет собрать крупные силы в Средиземном море, якобы для отправки в Египет. Быть может, окажется целесообразным послать авангардный отряд через Салоники на помощь Сербии. Необходимо будет заключить военные соглашения с Румынией, Сербией, Грецией и, быть может, Италией. Все это займет время. Экспедиции, задуманные и предпринятые с недостаточной тщательностью и без должной подготовки, обычно заканчиваются катастрофой. Поэтому я настаиваю на том, чтобы заручиться мнением экспертов по этому вопросу и принять решение без промедления.

Д[авид] Лл[ойд] Дж[ордж]».

Когда я писал этот меморандум, у меня был опыт пяти месяцев войны в современных условиях. После четырех с половиною лет ближайшего знакомства с проблемами войны я остаюсь сторонником основных взглядов, изложенных в меморандуме.

Обе враждебных армии пытались прорваться через укрепленные позиции противника на западном фронте и потерпели неудачу. После кровопролитнейших сражений немцы признали неосуществимость попыток прорваться на западе и решили начать дело на востоке. Укрепив свои позиции на западе, они рассчитывали сдерживать союзные армии силами, составлявшими по два солдата на трех английских и французских. Когда впоследствии немцы изменили свой план и напали на хорошо укрепленные французские позиции при Вердене, их атаки были отбиты, и они лишь затратили попусту

драгоценное время и средства. Среди союзников были значительные разногласия по поводу возможности «обходного движения» с восточного фланга.

Возникшая по этому поводу полемика изображалась как борьба между любителем-штатским и воином-профессионалом, между несведущим политиком и сведущим военным. Это — безрассудное и довольно глупое искажение той идейной борьбы, которая шла среди людей, ответственных за ведение войны в союзных странах, — с 1915 года и до конца войны. Высокопоставленные политические деятели занимали различные позиции в этой борьбе. Но и военные выдающихся способностей расходились в этом вопросе между собой.

По поводу своего меморандума я имел беседу с лордом Китченером. Его отношение к меморандуму безусловно не было отношением профессионального военного, который недоволен вмешательством со стороны профанов в военном деле. Напротив, Китченер в значительной степени согласился с общими взглядами, выраженными в меморандуме. Он подчеркивал невозможность прорвать германский фронт на западе и изгнать германские армии из Франции и Фландрии без того, чтобы не пойти на совершенно немыслимые жертвы; он советовал найти другой путь, который позволил бы разбить центральные державы при меньшей потере человеческих жизней.

На следующий день, после того как я разослал свой меморандум, лорд Китченер в один из периодически наступавших у него моментов гениальной проницательности написал следующее замечательное письмо сэру Джону Френчу в главный штаб английской армии во Франции:

«2 января 1915 г.

Нет почти никаких признаков предполагающегося прорыва со стороны французской армии. Возможно, что французы встретились с той же проблемой, что и Вы на Вашем участке, а именно с окопами, благодаря которым атака превращается только в бесцельную затрату людей за несколько ярдов совершенно бесполезного пространства. Все более распространяется убеждение, что хотя и необходимо защищать наши позиции, но войска сверх тех, которые необходимы нам для этой цели, могли бы быть с лучшими результатами использованы в другом месте.

Я полагаю, мы должны теперь признать, что французская армия не в состоянии осуществить достаточно серьезный прорыв германской линии обороны и тем привести к полному изменению военной ситуации и уходу германских войск из северной Бельгии. Если это так, то германские линии защиты во Франции должны рассматриваться как крепость, которую нельзя взять штурмом и которую нельзя также обложить со всех сторон; поэтому германский фронт на западе может быть сдерживаем лишь силой, достаточной для осады, в то время как военные действия должны вестись в другом месте.

Вопрос о том, *где* можно добиться определенных результатов, открывает широкое поле для обсуждения и заслуживает серьезного изучения. Что думают по этому поводу у Вас в штабе? Россия испытывает серьезное давление со стороны турок на Кавказе и едва может сдерживать германское наступление в Польше. Необходимы свежие силы, чтобы изменить положение; Италия и Румыния кажутся наиболее вероятными источниками этих сил; поэтому при всей его трудности представляется заманчивым каждый шаг, способный привлечь эти силы на нашу сторону».

В этот момент Китченер был определенно противником того суеверного предрассудка, что судьбы войны должны решиться на западном фронте, и изменил свою точку зрения в пользу обходного маневра.

Приходя к этому заключению, я не хочу этим сказать, что на лорда Китченера повлияли аргументы, представленные ему в моем меморандуме за день до того, как он написал это письмо; но высказывая взгляды, которые у него без сомнения уже сложились по поводу того, что нет смысла затрачивать новые армии на невозможные лобовые атаки во Франции, он знал, что он мог рассчитывать на политическую поддержку этих взглядов в кабинете министров. В то же время Винстон Черчиль также склонялся к этим же взглядам. Лорд Китченер, Черчиль и я пришли к одинаковым выводам независимо друг от друга.

Несколько дней спустя сэр Джон Френч, приехавший из Франции для участия в заседании комитета, занятого рассмотрением стратегического положения на фронте, выразил свое мнение, что «полный успех в борьбе против немцев на западном фронте был хотя и возможен, но мало вероятен». Если окажется, что прорваться невозможно, то, соглашался сэр Джон Френч, было бы «желательно обратиться к новым сферам действия — например в Австрии».

Весьма показательно совпадение: предложение, почти идентичное моему, было сделано 1 января 1915 года генералом Галлиени Бриану и французскому премьеру Вивиани. Галлиени был человеком испытанного ума и считался одним из наиболее способных союзных генералов. Пуанкаре в своих мемуарах с симпатией упоминает о планах Галлиени и затем указывает, что генерал Франше д'Эспере уже давал ему подобные советы, когда Пуанкаре посетил штаб его армии на западном фронте. Взгляды генерала Галлиени по этому вопросу изложены его секретарем в высшей степени интересной книге «Говорит Галлиени»:

> «Участие Франции в войне на востоке, вмешательство одной из наших армий в военные действия на балканском фронте — вот вопросы, которые интересовали его больше всего с тех пор как он стал министром. Он ожидал от этого участия последствий, которых в то время никто не предвидел.
>
> С 1914 года французская экспедиция на Балканы могла и должна была принести нам счастливое разрешение вопроса —

единственное разрешение, которое позволило бы быстро привести войну к победному концу. Галлиени жаловался на то, что *нельзя было прорваться на западном фронте.* Это было доказано нам германским наступлением на Изере, предпринятым в исключительно благоприятных условиях и тем не менее неудачным. Поэтому нам следовало найти другой путь. — На восток. Взять Константинополь, *но как?* Нам необходимы гавань, набережные, чтобы высадить войска, и железная дорога, чтобы отправлять их. Поэтому надо воспользоваться Салониками. Через Салоники на Константинополь. Затем двигаться вверх по Дунаю с балканскими народами, которые присоединятся к нам.

Таким путем был бы разрешен важный хлебный вопрос. Румыны и даже русские, порты которых мы таким образом открыли бы, не были бы вынуждены продавать хлеб по ничтожной цене Германии и таким образом снабжать ее.

Таков был мой план. Я посетил Бриана, который отправился на совещание с Жоффром. Жоффр сказал: «Это — личное честолюбие Галлиени, который хочет получить в свои руки командование. Я не дам ни одного солдата. Зачем искать вдалеке, вне Франции то, *чего я добьюсь здесь в марте* (1915 г.). Я уверен, что мы прорвемся и заставим немцев убраться к себе домой».

Мы говорили по поводу этого плана с англичанами, которые с ним согласились. Этот вопрос был весьма тщательно изучен здесь и нашими союзниками. Именно вследствие сопротивления Жоффра англичане решили — по мысли руководителей их флота — взять Константинополь с моря, и французы последовали за ними».

Меня заверили на основании безукоризненных данных, что генерал Кастельно был того же мнения.

Джон Бьюкенен, который явно заимствовал свои взгляды у военного ведомства, в своей книге довольно презрительно упоминает об идее посылки войск в Салоники, как о «фантазии г. Ллойд Джорджа». Тот факт, что у некоторых из самых выдающихся государственных деятелей и военных во Франции возникла та же самая «фантазия», мирит меня с этим легкомысленным замечанием, являющимся следствием слабой осведомленности.

Я привел мнение достаточно бесспорных военных авторитетов в пользу того, что моя мысль о нападении на центральные державы со стороны Балкан не была продуктом необузданной фантазии штатского профана, легкомысленно занявшегося вопросами, в которых он ничего не понимал.

Когда такие выдающиеся военные высказывали сомнение в том, возможен ли прорыв через препятствия, созданные немцами на западе, они не имели в виду, что этого вовсе нельзя добиться —

никогда и никакой ценой. Они имели в виду, что этого нельзя добиться в такой срок, с такими затратами средств и жизней, на какие мог бы пойти нормальный человек. «Западники» никогда не представляли себе конкретно, что такое гибель миллионов лучших сынов Франции и Британии. Вначале они обманывали себя уверенностью в скорой победе. Впоследствии западный фронт стал храмом Молоха, требовавшего и оправдывавшего такие жертвы, которые даже самому фанатичному из его служителей казались немыслимыми в 1915 г.

Политику таких гекатомб на западном фронте общественное мнение Англии, Франции и Италии терпело лишь благодаря искусной системе сокрытия неудач и умолчаний о потерях.

Мы не «прорвались» на западном фронте до осени 1918 г., хотя мы сделали несколько попыток в 1915, 1916 и 1917 гг., каждая из которых заканчивалась ужасной бойней. В каждом случае потери, которые нам приходилось нести, были значительно больше тех, которые мы причиняли врагу, хотя официально эти потери были якобы меньше. Пока немцы не ослабели от недостатка в количестве и качестве питания, пока они не столкнулись с колоссальными подкреплениями союзных армий из Америки, наше наступление на западном фронте неизменно заканчивалось неудачей в осуществлении целей, которые мы себе ставили. Даже тогда нам не удалось вытеснить их из Франции и Бельгии до перемирия, и они отказались от сопротивления лишь тогда, когда турки и болгары были разбиты на юго-востоке и Австрия поэтому решила выйти из боя. Французы и мы потеряли более 5 млн. человек убитыми и ранеными в сменявших друг друга наступлениях на укрепленные немцами по всем правилам военной науки позиции на западе. Сэр Виллиам Робертсон в одном из нескольких меморандумов, которые он представил кабинету министров для того, чтобы дать ему представление о важнейших принципах стратегии, однажды указал: «каждый дурак знает, что никогда нельзя быть слишком сильным в решающем пункте». Это замечание не становится менее справедливым от того, что представляет собой общее место. Но каждый умный человек знает также, что решающим пунктом является тот, где имеется наибольший шанс разбить противника, и что только дурак намеренно изберет для сражения пункт, представляющий наибольшие затруднения для победы, и даст врагу наилучшую возможность отразить атаку. «Каждый дурак» должен знать также, что наступление в решающем пункте должно быть сделано в решающий момент. В 1915 г., конечно, еще не наступил момент, когда западный фронт был бы решающим. Несчастные глупцы, вниманию которых представлял свой меморандум сэр Виллиам Робертсон, знают теперь, во что обошлась миру стратегия, требовавшая нападения на противника в том пункте, где противник был сильнее всего. Но к сожалению тогда этого не предвидел никто, за исключением немногих «пророков» — любителей и военных. У французов было по крайней мере некоторое извинение тому, что они не желали посылать своих войск за пределы Франции.

Клемансо почти ежедневно напоминал своим соотечественникам: «немцы в Нуайоне», т. е. немцы находились в 40 милях от любимой столицы Франции, которую однажды они едва не захватили, если бы только они закрыли кулак, прежде чем убрать руку. Несколько лучших провинций Франции были заняты немцами, и только вождь, располагавший безраздельным доверием своих сограждан, мог обладать необходимым влиянием для того, чтобы в этих условиях заставить их согласиться снять французских солдат и французские пушки с линий обороны своего отечества и отправить их за сотни верст на восток, где им предстояло вести борьбу рядом с народами, за дело таких народов и за освобождение таких провинций, в которых они нисколько не были заинтересованы.

Но британское военное командование не имело подобного извинения. Веллингтон был послан в Испанию не потому, что Кастльрой предпочитал испанцев португальцам, а потому, что некто, стоящий у власти в Англии, понял, что Пиренейский полуостров был тем флангом, с которого английские войска могли наносить самые опасные удары своему великому противнику. Шерман в знаменитом походе через штат Георгию действовал по тому же принципу.

Таковы были соображения, которые заставили Винстона Черчиля и меня одновременно, но без предварительного сговора, притти к выводу, что наилучшей помощью, которую могла оказать союзникам Англия с ее господством на море, были бы организация, снаряжение и подкрепление наступления на самый слабый пункт могучей крепости, созданной центральными державами.

Глава одиннадцатая

ВОЕННЫЙ СОВЕТ И БАЛКАНЫ

В течение первых двух месяцев войны не было оформленного военного совета. Его место занимали спорадические и нерегулярные совещания между военным министром и первым лордом адмиралтейства, или обоими вместе и премьер-министром, или премьер-министром и каждым из них в отдельности. Иногда в этих совещаниях принимал участие министр иностранных дел. Мне очень редко приходилось бывать на этих совещаниях, и это происходило только в том случае, когда обсуждению подлежали вопросы, непосредственно относившиеся к области финансов. В конце ноября премьер-министр решил создать военный совет. В начале января он созвал этот совет для рассмотрения предложений, выдвинутых Винстоном Черчилем, сэром Морисом Хэнки и мною. Черчиль со всей неумолимой силой и настойчивостью и с тем знанием дела во всех его подробностях, которые отличают его в тех случаях, когда он действительно заинтересован в том или ином вопросе, настаивал на преимуществах своего дарданельского плана. Я указывал на те основания, по которым следовало, на мой взгляд, предпочесть высадку в Салониках. План захвата Дарданелл с моря в прошлом рассматривался уже не раз морскими экспертами, когда предполагалось оказать давление на турецкие власти в Константинополе. Каждый раз этот план отвергался, как слишком рискованный без оккупации не только Галлиполийского полуострова, но также и азиатского побережья. Каждый раз, когда рассматривался этот проект, указывались опасности, с которыми действительно пришлось встретиться, когда этот план затем был испытан союзниками. Трудности были очевидны: они проистекали из задачи прорваться с флотом через узкий пролив, защищенный с обеих сторон укрепленными высотами. Всегда опасались того, что даже если бы удалось прорваться через проливы, несмотря на мины и укрепления, то проливы могли быть закрыты вновь и флот оказался бы в ловушке, если оба берега оставались бы в руках неприятеля. Когда греки предложили присоединиться к союзникам в начале войны, они готовы были послать достаточный отряд войск для занятия Галлиполийского полуострова. Ход всей войны совершенно изменился

бы. Но по какой-то непонятной причине сэр Эдуард Грей отклонил греческое предложение о помощи. Его скучный педантизм способствовал вовлечению Англии в войну, но он же мешал нам вести войну, когда мы уже были в нее вовлечены. Более мужественная и толковая политика в балканском вопросе вовлекла бы Грецию и Болгарию в войну на стороне союзников. Италия также ранее примкнула бы к нам.

Если бы лорд Китченер имел в своем распоряжении достаточные силы для того, чтобы разбить галлиполийский гарнизон, а также занять азиатское побережье проливов и там выдерживать наступление турецкой армии на континенте, в пользу дарданельского плана можно было бы сказать очень многое. Но Китченер упорно настаивал на том, что не может выделить более одной бригады. Я был убежден, что это была недооценка людских ресурсов, которыми он располагал, недооценка, вызванная прежде всего опасением, что русская армия может потерпеть катастрофу и тем самым Германия получит возможность сосредоточить большие силы на западном фронте. Кроме того лорд Китченер время от времени испытывал непонятный страх при мысли о том, чтобы обнажить самое Англию, удалив регулярные войска и оставив ее незащищенной перед лицом несуществовавшей опасности со стороны неприятеля, который даже не решался выпустить в Немецкое море свои суда, разве что для прогулки на несколько часов — туда и назад полным ходом.

Был также другой фактор, который играл значительную роль в оценке лордом Китченером наших наличных военных сил в этой стадии войны. У него было свойственное старому боевому генералу презрение к качествам нашей территориальной армии. Он всегда помнил волонтеров времени своей молодости — плохо организованные части войск, которым недоставало снаряжения, которые не имели достаточной боевой подготовки и вообще имели слабое представление о военной дисциплине. Добровольческие части были на положении сирот у военного ведомства и пополняли свои скудные средства за счет местных концертов, балов и сборов пожертвований. Я вспоминаю их финансовые затруднения. Присяжный поверенный, к которому я был приписан, был капитаном местных территориальных частей в своем городке. Имеющиеся у меня знания военного искусства я приобрел от сержанта территориальной части, к которой я принадлежал. Он муштровал солдат, играя на рожке в военном оркестре и продавая билеты на концерты полкового оркестра. Когда Китченер вернулся в Англию, чтобы взять на себя руководство военными действиями, и застал территориальную армию численностью в 270 тыс. человек, он отнесся к ней так же, как к прежним волонтерам, над которыми издевались солдаты регулярной армии; то было несколько сот тысяч молодых людей, которыми командовали офицеры из числа интеллигентов среднего возраста, которым позволяли надевать мундир и играть в солдаты. Он не учел той революции, которую осуществил в отношении этих частей гений Холдена. Первый же про-

должительный и интимный разговор с Китченером, который произошел вечером следующего дня после объявления войны, он посвятил почти весь издевательствам над территориальной армией. Он был всегда готов подшучивать над ней. Эта недооценка в течение первых нескольких месяцев имела серьезное значение для всего хода войны. Есть компетентные военные, которые утверждают, что Китченер мог бы с легкостью бросить по крайней мере еще десять дивизий великолепных войск в бой в решающие дни сражений на Ипре, если бы он больше доверял территориальным частям, которыми тогда мог располагать. Нет также сомнений, что, если бы он знал о том, чего стоят эти части, он мог бы к весне 1915 года отправить несколько дивизий в Салоники. Эти части представляли собой великолепный людской материал; к этому времени они приобрели шестимесячную подготовку в лагерях. Балканский экспедиционный корпус не должен был непременно состоять из одних только территориальных частей. Некоторые из территориальных дивизий могли быть посланы во Францию, для того чтобы сменить солдат регулярной армии, которая защищала неприступные окопы; а эти прекрасно подготовленные солдаты могли быть использованы на Балканах для подкрепления экспедиционного корпуса. Погода не благоприятствовала наступлению во Фландрии. В Египте также находились значительные силы австралийцев и новозеландцев; эти силы также могли быть посланы в Салоники. Мы все знаем, какие это были первоклассные солдаты.

Но если не принимать в расчет территориальную армию и войска доминионов, то, даже располагая одной-двумя дивизиями, число которых можно было бы удвоить, присоединив к ним такой же французский отряд, лорд Китченер явно не был в состоянии в этот момент отправить достаточное количество войск, чтобы одновременно прогнать турок из Галлиполи и защищать Чанак от наступления основной турецкой армии. С другой стороны, оккупация Салоник не была крупной военной операцией. Греки не выразили бы никакого реального протеста против десанта, кроме того поблизости не было неприятельских сил, которые могли бы помешать десанту. Первые два или три месяца можно было посвятить улучшению железнодорожного сообщения, что было весьма необходимо. Паровозы и вагоны для перевозки войск и военных материалов могли бы быть доставлены, запасные пути построены и дороги улучшены *. К тому времени, когда зимние снега на Балканах должны были растаять и разлив рек от Дуная до Вардара

* В официальной истории военных действий в Македонии написано по поводу пригодности Салоник для десанта следующее: «Пропускная способность железнодорожных путей была низкой, но по мнению британского генерального штаба она могла быть значительно повышена под английским или французским контролем; предполагалось, что обычное число в 6 поездов в каждую сторону по Белградской линии могло быть по крайней мере удвоено, если бы было достигнуто заранее соглашение с Грецией. Шоссейное сообщение с новой Сербией и в пределах последней было гораздо хуже железнодорожного, но и оно могло быть улучшено...»

прекратился бы, лорд Китченер мог бы собрать на месте значительные силы, и с помощью французских войск, которые могли быть выделены к этому времени, салоникская армия стала бы настолько мощной, что болгары не решились бы выступить на стороне наших врагов. Авторы официальной истории войны определенно придерживаются этого мнения *. Задолго до того, как Германия освободила бы силы, связанные ее большим наступлением в России, объединенные силы союзников на Балканах — силы Сербии, Англии и Франции с вероятным пополнением в полмиллиона человек из Греции и Румынии образовали бы столь могущественную армию, что для Австрии даже с помощью Германии попытка начать наступление на таком трудном участке была бы безнадежна. Балканский бастион служил бы в нашем тылу неприступной крепостью вместо того, чтобы оказаться тем непроходимым и непреодолимым препятствием, к тому же защищаемым решительными противниками, каким мы нашли его в 1916—1918 гг.

Даже имевшегося тогда в нашем распоряжении военного снаряжения было достаточно, чтобы позволить нам защищать такую позицию против любого неприятеля.

Шрапнель, которой у нас был достаточный запас, пригодилась бы в борьбе против войск, наступающих в открытом поле, — войск, которые были бы заметны с высот, которые должны были занимать союзники. Мы могли бы тогда на досуге улучшить снаряжение и боевую организацию наших балканских союзников и, когда все было бы готово, мы начали бы наступление на Австрию совместно с Россией и Италией. Италия примкнула к союзникам в мае и сделала бы это ранее, если бы ранее на Балканах были предприняты решительные действия в серьезном масштабе.

В военном совете у нас состоялся ряд совещаний по выдвинутым здесь различным и исключающим друг друга предложениям. Эти совещания продолжались несколько дней. Сэр Джон Френч был вызван из Франции, чтобы принять участие в одном из этих совещаний. Его мнение, о чем я уже упоминал выше, склонялось в пользу нападения на Австрию.

Я выдвинул перед военным советом аргументы в пользу десанта в Салониках, но я оказался в невыгодном положении и не мог убедить своих коллег. Винстон Черчиль находился в постоянном контакте с лордом Китченером, а когда Черчиль имеет план, который создался в его могучей голове, то он, как хорошо известно каждому, кто знаком с методами действия Черчиля, неутомим в своих попытках привлечь на свою сторону каждого, кто имеет голос в решении этих вопросов. С другой стороны, я встречался с лордом Китченером лишь в очень редких случаях. В это время оба военных министра держались в стороне и мало встречались с кем-либо. Они были очень заняты и не могли уделять свое время штатским профанам.

* «Английская официальная история военных действий в Македонии», стр. 48.

План первого лорда адмиралтейства имел также другое преимущество, которое оказалось решающим. Он готов был действовать, не дожидаясь немедленной отправки войск. Его предложение сводилось к чисто морской операции в своей начальной стадии. Войска необходимо было доставить лишь после того, как флоту удалось бы прорваться через проливы, т. е. после того как форты были бы разрушены. Даже затем роль войск оставалась скромной. Лорд Китченер знал, что осуществление такой задачи с помощью флота потребует некоторого времени. Это означало, что пока у него не будут требовать ни войск, ни военного снаряжения. С другой стороны, салоникский план требовал немедленной высадки некоторого количества войск с пушками, военным снаряжением, запасами, морским и сухопутным транспортом. Мысль о чисто морской операции очень улыбалась находившемуся в затруднительном положении военному министру, от которого постоянно требовали посылки на фронт новых и новых войск и все нового и нового снаряжения. Его заботы на два или три месяца переходили к адмиралам. Итак, лорд Китченер присоединился к сторонникам дарданельского плана, и это решило дело. Все министры в военном совете, включая премьера, сэра Эдуарда Грея, Бальфура и лорда Крью, последовали за Китченером, согласившимся на дарданельский план. Я один защищал другое мнение, сомневаясь в успехе дарданельского наступления. Лорд Фишер хранил молчание. Я не знал в то время, что он и другие адмиралы были противниками этого начинания в том случае, если это будет чисто морская операция, не поддержанная войсками с суши.

Итак, было принято решение в пользу дарданельского плана, и были тотчас же начаты приготовления для проведения его в жизнь. Черчиль приступил к выполнению плана с присущими ему темпераментом и энергией. На следующем заседании военного совета я настаивал, чтобы были приняты какие-либо меры для того, чтобы сделать салоникскую экспедицию более осуществимой в том случае, если нападение на Дарданеллы закончится неудачей. В согласии с этим, после того как было принято решение в пользу дарданельского плана, я добился единогласного одобрения советом предложения, по которому лорду Китченеру предлагалось немедленно принять меры для улучшения транспорта между Салониками и Нишем путем удвоения железнодорожных путей, где было возможно, и увеличения числа паровозов, запасных путей, вагонов и других средств сообщения на салоникской железной дороге. Лорд Китченер обязался заняться этим вопросом. Но ничего не было сделано во исполнение решения военного совета, и оно было оставлено в дальнейшем без внимания. Когда мы были вынуждены к концу года послать экспедиционный корпус, чтобы помешать победоносным центральным державам и Болгарии дойти до Средиземного моря и силой заставить Грецию подчиниться им, то оказалось, что не было построено ни одного запасного пути, не проложено ни одного лишнего рельса, не доставлено ни одного

лишнего вагона. Не было даже установлено, каковы транспортные условия вообще и как может быть улучшено шоссейное и железнодорожное сообщение. В результате, когда осенью центральные державы начали наступление на Сербию, генеральный штаб в качестве одного из аргументов против посылки в то время экспедиционного корпуса на помощь находившимся в весьма стесненном положении сербам привел то соображение, что не было возможности переправить сербам такого рода подкреплений вследствие транспортных условий. Даже к концу 1916 г., когда генерал Жоффр полностью убедился в важном значении Салоник и союзники занимали эту часть Греции уже в течение 12 месяцев, число войск, которые могли быть отправлены и использованы в этом районе, было поневоле ограничено благодаря тому, что вплоть до этого времени не было принято мер для улучшения транспортных условий. Достаточные силы не могли быть отправлены в Салоники именно по этой причине.

Лишь только военный совет кабинета министров пришел к окончательному решению о том, что дарданельский план следует привести в исполнение, я перестал выдвигать сомнения в правильности этого решения, полагая, что будет лучше энергично проводить тот или другой из этих планов наступления на неприятеля с фланга, чем вовсе отказаться от самой идеи предпринять что бы то ни было в этом направлении. Я продолжал настаивать на отправке войск в Галлиполи во-время и в достаточном количестве и особенно при достаточном количестве артиллерии и снарядов. Пока продолжались совещания и приготовления, с Балкан приходили сообщения, которые подчеркивали опасность промедления. Весьма интересное письмо известного историка Дж. Тревелиана, адресованное господину (теперь лорду) Френсису Акланду, было показано членам кабинета, в том числе и мне. Тревелиан вместе с Ситон Уотсоном, крупнейшим автором в вопросах балканской политики, путешествовал в то время по балканским странам, и его письмо представляет собою весьма спокойное изложение действительного положения вещей и позиций различных балканских государств в это время.

«София, 15 января 1915 г.

Дорогой Френсис Акланд,

Мы * прибыли сюда из Ниша вчера и отправляемся завтра в Бухарест. Мы имели продолжительный разговор с сэром Генри Бакс Айронсайдом **, который придерживается такого же серьезного мнения, что и г. Де Граз ***, об опасности, угрожающей Сербии в случае, если на нее произведет наступление большая австрийская армия с помощью одного германского корпуса. Так как все, что мы видели и слышали в Сербии, заставляет нас полагать, что Сербия не сможет отразить с успехом подобного

* Т. е. Тревелиан и Ситон Уотсон.
** Английский посол в Софии.
*** Английский посол в Сербии.

наступления, если ей не придут на помощь, то мы телеграфировали сегодня Грею, настаивая, чтобы были сделаны все дипломатические и военные усилия для спасения Сербии и для того, чтобы предупредить уничтожение нашего влияния на Ближнем Востоке, которое несомненно последует за катастрофой в Сербии.

Я писал Вам примерно в том же духе из Ниша — возможно, что Вы получите оба письма одновременно, — и настаивал на присылке британских войск из Египта или еще откуда-нибудь, если против Сербии выступят немцы или значительные свежие силы австрийцев. Моральное впечатление на таких восприимчивых людей, как сербы, было бы очень велико, как велико было впечатление от доставки военного снаряжения в декабре. Моральное впечатление на австрийцев также будет очень велико; австрийцы были очень расстроены в декабре ложным известием, что русские примкнули к сербам во время ответного наступления сербов; они думали так, потому что заметили у сербов десять русских адъютантов. Даже присутствие наших матросов в Белграде нанесло австрийцам большой моральный ущерб.

Мы не телеграфировали из Ниша, но не потому, что Де Граз не соглашался с нашей точкой зрения, — я говорил с ним по этому поводу, и он находился под глубоким впечатлением опасности, грозящей Сербии, и был убежден в необходимости военной помощи, если произойдет ожидаемое вторжение, в особенности с помощью немцев. Я отложил посылку телеграммы до тех пор, пока не прибыл сюда, потому что хотел знать, существует ли какая-либо опасность, что Болгария выступит против Греции, если греки пойдут вверх по долине Вардара на помощь Сербии. Бакс Айронсайд уверен, что такой опасности больше нет, что Болгария решила теперь соблюдать нейтралитет, по крайней мере до тех пор, пока Сербия не раздавлена и все шансы на победу Антанты в этих краях не уничтожены. Если это так, то мы могли бы воспользоваться долиной Вардара, чтобы переправить британские войска на помощь Сербии; грекам также следовало бы начать двигаться в том же направлении. Уотсон указывает, что британские войска можно также послать одновременно или только через Антивари или через Далмацию, но здесь мы соприкасаемся с военными вопросами, которые находятся вне моей компетенции. *Основное* заключается в том, что мы должны либо спасти Сербию, либо потерять весь Ближний Восток, с последствиями для всего хода войны, которые Вы можете себе представить.

Мы еще не были в Бухаресте. Быть может, пребывание в Бухаресте нам ничего и не даст. Но хотя все и надеются на выступление Румынии, никто из тех, с кем мы виделись, будь то серб или англичанин, не имеет никакой уверенности в том, что Румыния выступит до того, как решающее сражение будет

выиграно или потеряно. Поэтому для спасения Сербии, если на нее нападут значительные неприятельские силы, надо принять другие меры, кроме усилий заставить Румынию примкнуть к нам.

Вы удивитесь, может быть, почему мы так мало сообщали в письмах и телеграммах о македонском вопросе. Я сообщал Вам в последнем письме, какова общая точка зрения сербов по этому вопросу. Но так как мы не знаем, что предпринимает и предпринимал по этому поводу князь Трубецкой, то мы не имеем достаточных данных, чтобы давать советы или судить о том, может ли какое-либо особое разрешение македонского вопроса спасти сейчас Сербию, так как критический момент неприятельского вторжения может наступить теперь в любое время. Вообще мы можем сказать на основании многочисленных переговоров с сербами, начиная от наследника престола до менее высокопоставленных лиц, что чем больше заходит речь об экспансии в сторону Адриатического побережья и образования Югославии, тем более готовы сербы уступить Македонию — и последнее лишь по дружественному настоянию великих держав, являющихся ее союзниками.

Необходимо иметь в виду, что сербы — народ весьма впечатлительный, хотя в них и имеется известное упорство. Они могут начать отступать, даже в беспорядке и отчаянии, и затем, если что-либо будет сделано, или случится что-либо, что их воодушевит вновь, они могут сделать чудеса.

В дипломатическом отношении все кажется неопределенным и меняется час от часу; действие или бездействие Румынии и Болгарии — а может быть и Греции — зависит от этих колебаний. Не будет слишком нелепым предположение, что окончательный выбор Румынии и Болгарии, каждой порознь и обеих вместе, будет зависеть от результата предстоящей попытки завоевать Сербию, если эта попытка будет сделана. Конечно, румыны должны помочь спасти Сербию во время этого вторжения и, *может быть*, они это сделают; все усилия должны быть приложены к тому, чтобы они поступили именно так. Но следует подготовить и другие планы для спасения Сербии, исходя из того предположения, что Румыния не выступит до тех пор, пока не убедится в том, кто будет победителем, так как это предположение является единственно осторожным. Мы не хотим создать впечатление, что Сербия находится при последнем издыхании. Состояние духа в Сербии великолепно, и сербская армия, хотя и понесла огромные потери, находится в хорошем состоянии. Но если, как теперь ожидают, Германия и Австрия мобилизуют против нее силы, которые превышают ее возможности сопротивления, то исход всей войны может зависеть от того, будет ли сделана попытка помочь ей.

Джордж Тревелиан».

Нам предстояло очень скоро убедиться, насколько точными были предсказания Тревелиана и Ситон Уотсона о Болгарии и Сербии. Мы получили другие извещения, которые подтвердили впечатление от письма Тревелиана. На Балканах создавалась ужасная путаница, и ясно было, что балканские государства присоединятся к той стороне, которая выступит наиболее смело.

В конце января было получено донесение от нашего посланника в Софии с ссылкой на русского министра иностранных дел, который выражал большие опасения по поводу возможного поведения Болгарии. Посланник считал эти опасения весьма обоснованными. Он указывал, что в Софии росло впечатление, что Россия терпит неудачи, что, когда погода достаточно улучшится, чтобы позволить немцам наступать, Варшава должна попасть в руки немцев. Таково было мнение болгарских генералов, и посланник предупреждал нас, что, если Болгария не будет убеждена в том, что наша сторона победит, никакие территориальные обещания не привлекут ее к союзу с нами. Болгары не столько были заинтересованы в вопросе о территориальных приобретениях, сколько в вопросе о ходе военных действий, за которыми они настороженно следили, перед тем как решить, к какой из сторон примкнуть. Я обратил внимание лорда Китченера на эту телеграмму, в результате чего возникла следующая переписка:

«29 января 1915 г.

Дорогой лорд Китченер,

Вы без сомнения видели шифрованную телеграмму № 14 во вчерашних вечерних сообщениях из Софии. Настолько ясно, что в интересах Германии раздавить Сербию для того, чтобы отвлечь Болгарию от тройственного соглашения и освободить себе путь в Константинополь, что было бы рискованно сомневаться в правильности того, что изложено в телеграмме. Французы откладывали помощь Антверпену, до тех пор пока не стало слишком поздно. На этот раз ответственность лежит на нас и нам не удастся оправдаться, если случится катастрофа.

Искренне Ваш Д. Ллойд Джордж».

«Военное министерство Уайтхолл

29 января 1915 г.

Мой дорогой Ллойд Джордж,

Мне кажется, мы все видим опасность. Трудность положения заключается в том, что наши силы связаны во Франции и что момент требует сил для борьбы в Сербии. Отправиться в Сербию со слабыми силами, вроде одной бригады, было бы бесполезно за исключением того случая, если за этой бригадой

последуют другие, так как над нами будут лишь издеваться, когда узнают, что мы прислали столь ничтожную армию. Мы можем заставить Грецию принять участие в войне; но очень мало греческих войск смогут достигнуть Сербии, если Болгария будет сохранять ту позицию, которую она заняла.

Я думаю, что Болгария хочет гибели Сербии и с этой целью стремится предотвратить всякую возможность помощи Сербии со стороны Румынии и Греции. Прошу Вас обратить внимание на приложение к этому письму и вернуть его мне.

С почтением Китченер».

Что касается заявления лорда Китченера о том, что он может уделить лишь одну бригаду для оккупации Салоник, то у него в Англии имелась к этому времени прекрасная дивизия регулярных войск, которые не были посланы еще ни на один фронт. Эта дивизия представила бы прекрасное ядро для 14 территориальных дивизий, которые в это время имелись в самой Англии. Две или три дивизии этих храбрых территориальных войск он вскоре послал во Фландрию и счел достаточно пригодными для размещения в первой линии окопов против лучших войск Германии. В Египте находились также 39 тыс. австралийцев и новозеландцев. Все они были по крайней мере равны тем войскам, которые могли противопоставить им болгары или австрийцы. На западном фронте французы и мы уже значительно превосходили немцев своей численностью, и хотя нам недоставало необходимой для наступления тяжелой артиллерии, мы показали себя, даже когда мы были много слабее, достаточно сильными, чтобы противостоять атаке со стороны немцев. Если бы мы послали эти дивизии на Балканы, французы могли бы послать и послали бы такое же количество войск. Их гордость не позволила бы им отказаться от участия в равной степени на таком важном участке военных действий. В этом отношении они всегда проявляли некоторую полезную для нас щепетильность, если не ревность. Если бы французы и мы, вследствие этой экспедиции на восток, были вынуждены беречь людей на западном фронте, то удалось бы избежать нелепых попыток наступления, которые стоили союзникам более миллиона солдат в течение первых четырех месяцев 1915 года. На западном фронте находилось предостаточно людей для поспешных и плохо обдуманных начинаний, но только одну бригаду, как уверял Китченер, можно было уделить для такой экспедиции, которая, как показали события еще до конца 1915 года, была совершенно необходима, чтобы спасти дело союзников от величайшей катастрофы.

Приложение к письму лорда Китченера было посвящено позиции Румынии, которая также изображалась в качестве наблюдающей и выжидающей стороны, еще не готовой взять на себя риск примкнуть к союзникам. Я ответил по этому поводу лорду Китченеру:

«Министерство финансов
Уайтхолл
29 января 1915 г.

Дорогой лорд Китченер,

С благодарностью возвращаю донесение из Софии.

Я почти уверен, что не удастся заставить балканские государства решиться (примкнуть к нам), пока они не увидят британских солдат.

Искренне Ваш Д. Ллойд Джордж».

На заседании военного совета 28 января лорд Китченер вновь обнаружил один из тех проблесков гениальной проницательности, которые время от времени ярко освещали перед нами те сложные проблемы, с которыми нам приходилось иметь дело. Он сказал, что находится «под впечатлением тех преимуществ, которые получает Германия в силу своего центрального положения. Это позволяло ей координировать все действия неприятельских армий. Союзники, с другой стороны, все действовали независимо». По его мнению «необходимо было создать какую-либо центральную власть, орган, в котором были бы представлены все союзники и которому были бы доступны все сведения. Наступление следовало начинать одновременно на разных фронтах. Это вызвало бы одновременные же требования о содействии, обращенные к германскому главному штабу со всех театров военных действий. Такое одновременное наступление могло бы продолжаться около десяти дней, после чего наступил бы период спокойствия. Во время наступления следовало приостановить всякое сообщение между союзными странами и Германией».

Я был всецело согласен с предложением лорда Китченера и сказал, что вскоре отправляюсь в Париж для встречи с министрами финансов союзных стран. Возможно, представится случай сделать неофициально подобное предложение и побудить одного или нескольких союзников формально внести такое предложение. Бальфур на это согласился. Мы пришли к решению, что мне надлежало отправиться в Париж с тем, чтобы позондировать почву относительно возможности создания центрального органа, который явился бы для союзников средством для взаимной консультации и бо̀льшей координации их усилий.

Примерно в конце января или начале февраля Лондон посетил французский военный министр Мильеран, чтобы обсудить создавшееся положение. Он был твердым и настойчивым выразителем взглядов французского главнокомандующего. Он ставил своей задачей защиту генерала Жоффра и боролся за свое дело со всей стойкостью и судейской ловкостью умелого адвоката. Генерал Жоффр не хотел расстаться ни с одним батальоном своей армии. Он был убежден, что может прорваться через германский фронт в том же году. Впоследствии его уверенность привела к ужасным результатам в виде ряда кровавых и бесцельных попыток наступления, которые достигли

своего кульминационного пункта в наступлении в Шампани, отбитом с потерями в 200 тыс. человек. Однако все решения военного совета были ему изложены, включая и то, что мы намерены были сделать приготовления к десанту в Салониках, который должен был высадиться, когда у нас будут войска для этой цели. При посещении Парижа я обнаружил, что Мильеран не уведомил об этом своих коллег.

В начале февраля я посетил Францию вместе с директором Английского банка (покойным лордом Кенлиффом), чтобы встретиться с французским министром финансов Рибо и русским министром финансов Барком и обсудить условия, на которых следовало предоставить ссуду России, дав ей возможность произвести необходимые закупки в Америке. При этом посещении я воспользовался случаем, чтобы обсудить все военное положение с руководящими членами французского правительства. Я также посетил главную квартиру сэра Джона Френча и встретился там в первый раз с сэром Виллиамом Робертсоном. Он до тех пор не принимал участия в сражениях ни прямо, ни косвенно. В начале войны он был генерал-квартирмейстером и в качестве такового, по слухам, организовал все снабжение во время беспорядочного и поспешного отступления от Монса к общему удовлетворению армии. Затем он был выдвинут с поста интенданта на пост стратега, в то время он был начальником штаба у сэра Джона Френча. До того он не нес ответственности за планы сражений. Впоследствии он стал главным советником верховного главнокомандующего в вопросах военной стратегии и тактики в таких, например, сражениях, как Нев-Шапель и Лоос. Это был человек, производивший сильное впечатление той медленностью речи и определенностью выступлений, которые вызывают доверие у профанов, непосвященных в таинства военного искусства. Он был также не лишен того грубого юмора, который нравится армии, в особенности, когда не стесняются в выражениях и когда резкие насмешки относятся к кому-либо другому, а не к тем, кто их повторяет.

Обсуждение этого вопроса не привело тогда ни к чему, так как французское командование было вполне убеждено, что верховное руководство сухопутными операциями находится и должно находиться в руках Франции. Руководство морскими операциями французы были готовы оставить за нами. Но по их мнению, поскольку дело касалось континента, у нас не было ни сил, ни опыта, которые позволяли нам претендовать на равный авторитет в области военной стратегии.

После моего возвращения мы вновь обсуждали вопрос о наших намерениях в отношении Сербии. Я очень сожалел о допущенном промедлении на Балканах. Я указал, что военный совет одобрил в принципе сербский проект несколько недель назад. Когда я был в Париже, я обсуждал его с членами французского правительства и в результате этот проект был представлен вниманию французского кабинета, который одобрил его в принципе.

Я считал несомненным, что если мы ясно заявим о том, что пошлем дивизию, французы сделают то же самое. Они очень стреми-

лись принять участие во всяком важном начинании на Ближнем Востоке.

Впоследствии я изложил в письме к сэру Эдуарду Грею результат моих переговоров в Париже и в британской главной квартире.

«7 февраля 1915 г.

Мой дорогой Грей,

Во время моего посещения Парижа я несколько раз имел случай обсудить с французскими министрами балканский вопрос. Когда я впервые упомянул о нем в разговоре с министром финансов, я обнаружил, что Мильеран не уведомил своих коллег о том, что ему во время пребывания в Англии было сделано предложение о посылке экспедиционного корпуса в Салоники. Я обнаружил далее в разговорах с премьер-министром Делькассе и Брианом, что они также оставались в неведении относительно переговоров, которые велись в Англии между Мильераном и английскими министрами. Они были удивлены и весьма недовольны тем, что они не были извещены об этом. Я нашел, что их отношение к этому проекту было гораздо более дружественным, чем отношение Мильерана. Бриан — наиболее выдающийся человек в правительстве — был определенно сторонником такого плана; он сказал мне даже, что он уже в течение некоторого времени настаивал перед генералом Жоффром на желательности подобной диверсии. Я встретил Бриана у сэра Френсиса Берти, и мы втроем имели продолжительную беседу о создавшемся положении. Бриан сказал мне, что кабинет рассматривал план в четверг, что Мильеран был единственным противником плана, Делькассе несколько колебался, не зная, каково будет отношение к нему со стороны России, но весь остальной состав кабинета единогласно высказался в пользу принципиального решения о посылке экспедиционной армии в составе двух дивизий, лишь только представится возможность, с тем, чтобы приготовления были начаты немедленно, а войска посланы тотчас же, после того как удастся убедить генералов Жоффра и Френча в возможности их выделить. Французы хотели, чтобы французская армия была представлена в экспедиционном корпусе. Они поэтому предложили послать одну британскую и одну французскую дивизию. В заседании правительства присутствовал президент республики; он также одобрил этот план.

Речь идет теперь о том, чтобы переубедить Жоффра. Бриан, а также президент были того мнения, что если совместная нота была бы направлена (от имени Англии и Франции) Румынии и Греции с запросом, готовы ли они объявить войну немедленно, в случае отправки в Салоники двух дивизий, и если бы они ответили утвердительно, то вне сомнения генерал Жоффр с радостью уделит необходимые силы. Бриан сказал, что было бы нелепо предполагать, что если 40 тыс. человек, снятые на западе, привлекут 800 тыс. человек на востоке, то чтобы нашелся

какой-нибудь генерал, который решится возражать против такого плана.

Бриан заявил Берти и мне, что он предложит — на заседании кабинета, которое должно было состояться вчера, — чтобы соответствующая совместная нота была послана Румынии и Греции. Присутствовавший русский министр финансов Барк горячо поддержал это предложение и выразил мысль, что Россия охотно пошлет небольшой отряд для оккупации сербской Македонии с тем, чтобы сделать невозможным нападение со стороны Болгарии. Извольский, с которым Барк советовался по этому поводу, был того же мнения.

Французы очень хотят быть представленными в экспедиционном корпусе. Бриан считает желательным с точки зрения окончательных условий мира, чтобы Франция и Англия закрепили за собой право голоса в решении балканского вопроса тем, что у них будут там военные силы. Он не хочет, чтобы Россия чувствовала себя единственным арбитром и судьей балканских народов.

Я нашел, что президент, Бриан и премьер-министр весьма скептически настроены по поводу того, что может предпринять или предпримет Россия в ближайшем будущем. Они весьма сомневались в том, сможет ли Россия вследствие недостатка в винтовках и снарядах в течение многих месяцев добиться на восточном фронте действительного перевеса сил; они во многом разделяли точку зрения нашего военного министерства насчет количества войск, которое действительно сможет вооружить Россия ближайшей весной и летом.

Я не знаю, каково мнение Делькассе после вчерашнего заседания совета министров, но я надеюсь, что Вы примете во внимание в разговоре с ним по этому поводу, что, за исключением Мильерана, он был единственным из французских министров, кто вообще высказывал какие-либо сомнения в осуществимости этого плана. Бриан является сторонником такого рода операции в гораздо более широком масштабе; *он сказал мне, что запросил по этому поводу мнение специалистов французского военного министерства, и они вынесли положительное заключение при условии, что генерал Жоффр и лорд Китченер смогут выделить войска.*

Берти присутствовал и слышал весь разговор; быть может, он сам сообщил Вам его содержание. Когда мы оба впервые посетили президента, он рассмотрел все возражения против плана, но я мог убедиться, что даже тогда он весьма сочувственно отнесся к этой мысли, и в совете министров на следующий день, как я уже указывал, он выступал в пользу ее принятия.

Вчера я виделся с сэром Джоном Френчем и генералом Робертсоном, новым начальником штаба. Каждый военный, с которым я встречался с начала войны, относил Робертсона к

числу талантливейших из наших генералов; он произвел вчера глубокое впечатление на директора Английского банка Монтегю и на меня. Это умный, твердый и проницательный человек. Ни один генерал за исключением Китченера не произвел на меня такого впечатления, как Робертсон. Френч упомянул о плане экспедиции и вначале проявил враждебное отношение к нему, не в принципе, но по той причине, что он не мог выделить необходимых войск. *Однако он вызвал Робертсона и, когда я объяснил последнему точно, в чем заключался проект, он без колебаний заявил, что это был хороший стратегический план. Он придерживался этой точки зрения в течение всего обсуждения.* Это значительно повлияло на позицию Френча. Я сказал ему, что мы очень хотели бы сослаться на его мнение в подкрепление нашего собственного во всяком проекте, который затрагивал военные действия, находившиеся на его ответственности. В конце концов он согласился, что если румыны и греки обещают выступить в ответ на наше обязательство послать экспедиционный корпус в Салоники, он выделит по крайней мере дивизию для этой цели. Он готов также и, по моему мнению, охотно приехать сюда, чтобы обсудить этот план в военном совете. Он предложил, чтобы его пригласили, и я надеюсь, что премьер-министр и Китченер найдут возможным пригласить его присутствовать на ближайшем заседании военного совета.

Робертсон пошел бы дальше, нежели Френч: он послал бы не одну, а две дивизии тотчас же, если бы выступила Греция, и даже только ради того, чтобы форсировать решение балканских государств. Он считает, что посылка двух дивизий заставит Болгарию по крайней мере сохранить нейтралитет. Если Бриан, — что он обещал сделать, — будет иметь такой же успех в своей попытке убедить генерала Жоффра, то нет причин, по которым экспедиционный корпус не мог бы быть отправлен самое большее через неделю или десять дней.

Я уверен, Вы согласитесь, что по многим основаниям следует послать совместную ноту без промедления. Из секретных телеграмм, полученных в течение последних нескольких дней, совершенно ясно, что какое-либо соглашение между балканскими странами немыслимо. Я полагаю, что позиция сербского премьер-министра, о которой сообщают наши телеграммы из Ниша, останется неизменной. Я сомневаюсь, чтобы он мог согласиться отдать значительную часть сербской территории заранее, не получив взамен ничего определенного. Это произвело бы такое расхолаживающее впечатление на сербскую армию, что парализовало бы ее действия. Сербская армия так блестяще сражалась, что это было бы для нее несчастьем.

Несколько зловещих телеграмм свидетельствуют, что Болгария определенно становится в оппозицию к Тройственному согласию. Одна из телеграмм говорит об успехе болгарской

миссии в Берлине по вопросу о займе. Немцы не такие дураки, чтобы давать деньги, не получив заверений о поведении Болгарии в определенных случаях. Затем телеграммы из Дедеагача об установке мин. Эти мины могут быть использованы только против держав Антанты. Носятся слухи об организации банд для нападения на ж.-д. пути; еще несколько телеграмм подтверждают то же. Затем и румынские известия в настоящий момент неутешительны — среди прочих известий привлекает внимание заботливость, с которой они объясняют, почему они заключили заем в Англии. Я боюсь, что они имеют лучшее представление о положении русских, чем мы, и что они теряют веру в силы России. *Если таким образом мы не хотим упустить открывающихся на Балканах значительных возможностей, то мы не должны медлить долее. Если мы не начнем действовать там во-время, мы заслужим самое суровое осуждение.* Читая секретные сводки, я чувствую, что остались считанные дни. Мой вчерашний опыт говорит мне, что генералы, если правильно подойти к ним, поддаются убеждению. Ни один генерал не любит, чтобы у него отбирали часть войск для действий в другом месте. Его мысли по понятной причине сосредоточены на тех операциях, которые непосредственно ему поручены, за исключением разве того случая, когда он действительно очень большой человек, который к тому же несет ответственность не только за свой непосредственный участок; ни Жоффр, ни Френч не находятся целиком в таком положении.

Я хотел бы встретиться с Вами завтра, чтобы дать Вам более полный отчет о моих переговорах, но я считал желательным послать Вам это краткое изложение, перед тем как Вы повидаетесь с Делькассе.

Искренне Ваш

Д. Ллойд-Джордж».

В разговорах, которые я затем вел с премьер-министром и министром иностранных дел, я настойчиво требовал, чтобы была немедленно созвана конференция либо в Салониках, либо на одном из греческих островов; к участию в конференции необходимо было привлечь министров иностранных дел Франции, России, Сербии, Греции и Румынии, чтобы обсудить положение на Балканах и постараться установить основу для соглашения о взаимном сотрудничестве всех участников борьбы против центральных держав. Я весьма определенно придерживался того мнения, что болгарскому правительству также следует предложить прислать своего представителя на эту конференцию. Сэр Эдуард Грей возражал против такой конференции на том основании, что он не имел возможности покинуть министерство иностранных дел на такой продолжительный срок, какой требовался для участия в конференции на таком расстоянии. Я указал, что отправляясь на Бриндизи, он мог бы очутиться на месте скорее чем через неделю и что ему не пришлось бы находиться в отсут-

ствии более чем пятнадцать-двадцать дней. Не трудно было бы также отправиться туда и Сазонову, так как поездка из Петрограда в Салоники заняла бы не больше трех-четырех дней. Министр иностранных дел, однако, так несочувственно отнесся к этому предложению, что оно провалилось.

Если бы это предложение было принято, то союзники могли бы образовать и привлечь на свою сторону балканскую конфедерацию. Необходимо предоставить широкие полномочия не только для того, чтобы условиться о территориальных разграничениях, но и для того, чтобы обещать Балканам широкую финансовую поддержку. Балканские королевства, которые никогда не отличались богатством, были истощены войнами с Турцией и между собой. Займы со стороны Англии и Франции побудили бы их пойти на риск войны. Это был не вопрос подкупа, а чистой необходимости, так как им необходимо было военное снаряжение для войны, неизбежно связанной с такого рода союзом. Немцы понимали это. Поэтому они не доверили своих интересов обычным дипломатическим представителям, а послали в Софию специального эмиссара с высоким положением и прекрасными способностями. Он понимал значение предоставления финансовой помощи Болгарии и пообещал ей хорошее вознаграждение. Это не было решающим моментом в выборе Болгарии, но несомненно способствовало ее решению. Грей, быть может, не был тем человеком, который действительно мог бы объединить все эти разрозненные и враждебные элементы Балканского полуострова. Но он мог найти себе подходящего помощника или заместителя для этой цели. Царь Фердинанд в это время не был еще таким германофилом, как обычно предполагают. Напротив того, он был определенно настроен против кайзера. Фердинанд был человеком, чрезвычайно гордящимся знатностью своего рода. Он был Бурбоном. А Вильгельм в одном из приступов свойственного ему мальчишеского безрассудства обидел Фердинанда, когда оба они были однажды вместе в гостях в одном и том же замке. Вильгельм довольно грубо отнесся к болгарскому царю, еле поклонившись ему при встрече. Надменный Бурбон никогда не простил оскорбления. Фердинанд лично охотнее сотрудничал бы с русским царем и с королями Англии и Италии. Но так как исход войны был весьма сомнителен, он выжидал более или менее определенных указаний насчет того, в какую сторону повернется военное счастье. К сентябрю шансы на выступление Болгарии в пользу центральных держав определились, и Фердинанд на это согласился. Но весной того же года результаты переговоров с ним могли быть иными. Мы намеревались тогда напасть на Дарданеллы. К сентябрю наши атаки были отбиты. Правда, и весной успехи русских войск были незначительными, но положение России отнюдь не было безнадежным. К осени русская армия была в беспорядке отброшена за пределы Польши. Фердинанд тогда пришел к выводу, что Болгария должна выступить на стороне победителей — немцев. Вследствие отсутствия инициативы мы упустили возможность организовать союз, который решил бы участь войны к 1916 году.

Я просил военный совет послать на балканский театр военных действий большие силы, если не имелось в виду испробовать на Балканах специальные дипломатические средства.

19 февраля состоялось заседание военного совета; выступления на этом заседании проливают яркий свет на различные точки зрения, которые существовали в то время по вопросу о перспективах войны.

«Лорд Китченер заметил, что военный совет должен весьма серьезно обсудить положение, перед тем как решить вопрос об отправке XXIX дивизии на Восток. Положение в России значительно ухудшилось в течение последней недели или двух. Русские понесли значительные потери людьми и, что еще более серьезно, потеряли большое количество винтовок, в которых они нуждаются. Если немцы сумеют нанести достаточно решительное поражение русским, они окажутся в состоянии быстро перебросить значительные силы во Францию. Тогда на западном театре военных действий возникнет большая нужда в подкреплениях.

Ллойд Джордж согласился, что положение очень серьезно. России мог быть нанесен решающий удар. Следовало ли нам признать, что мы бессильны перед лицом такой возможности. *По мнению оратора, немцы не пошлют своих войск на Запад, а постараются разгромить Сербию и разрешить балканский вопрос. В настоящий момент преобладает мнение, что Германия будет стремиться завоевать северо-восточный угол Сербии с целью установить прямое сообщение с Болгарией и добиться непосредственного доступа к Константинополю.*

Премьер-министр согласился с этим мнением, но сказал, что считает, что наиболее правильный путь лежит в направлении Дарданелл, где необходимо нанести сильный удар.

Лорд Китченер согласился с премьер-министром. Если отказ в отправке XXIX дивизии может в какой бы то ни было степени поставить под вопрос успех нападения на Дарданеллы, он согласен отправить дивизию. *Оратор выразил сомнение в том, что немцы нападут на Сербию, как полагал Ллойд Джордж.*

Ллойд Джордж выразил мнение, что нам следовало послать больше трех дивизий. Стоило пойти на некоторый риск, чтобы успешно провести решающую операцию, которая может помочь выиграть войну. Из обсуждения оратор вынес впечатление, что максимальные силы, которые могли быть выделены для операции на Востоке, представлялись в следующем виде:

Австралийцы и новозеландцы (включая кавалерию)	39 000
XXIX дивизия	19 000
Морская дивизия	10 000
Матросы	4 000
Французская дивизия	15 000
Русские	10 000
Итого	97 000

Лорд Китченер сказал, что он всецело стремится поддержать дарданельскую операцию, но считает, что двух дивизий на месте сначала будет достаточно. Было бы бесцельно посылать с Запада войска, которые могут понадобиться ему здесь.

Сэр Эдуард Грей спросил, насколько безопасно положение на Западе.

Ллойд Джордж сказал, что он говорил по этому поводу с многими командирами, которые были на фронте. Все соглашались, что наша армия не могла бы провести успешного наступления без значительных потерь людьми; то же самое было справедливо в отношении французской армии. Без сомнения, это относилось и к немцам; поэтому для немцев было бы самым лучшим, если бы мы их атаковали. Им так же дорого обошлась бы попытка сломить нас, как нам попытка сломить их...»

24 февраля состоялось дальнейшее обсуждение, которое представляет очень полезное дополнение к предшествующему отчету.

«Ллойд Джордж согласился, что следует послать на Ближний Восток военные силы, которые могут быть использованы, если окажется необходимо, после того как флот расчистит вход в Дарданеллы для оккупации Галлиполийского полуострова или Константинополя. Он хотел бы знать, однако, если бы морская атака не удалась (а это было в сущности чем-то вроде опыта), предполагается ли использовать армию там, где флот потерпел неудачу.

Черчилль указывал, что этого не предполагалось делать. Оратор сказал, что мыслим случай, когда флот почти достигнет успеха и присутствие сухопутного отряда будет иметь решающее значение в ту или другую сторону для всего предприятия.

Ллойд Джордж выразил надежду, что армия не понадобится и что от армии не будут требовать, чтобы она таскала каштаны из огня для флота. Если нас постигнет неудача у Дарданелл, мы должны быть готовы немедленно попытаться предпринять что-либо другое. По мнению оратора, дарданельская операция обязывает нас предпринять какие-либо действия на Ближнем Востоке, но не обязательно только осаду Дарданелл».

Глава двенадцатая

ПРОМЕДЛЕНИЕ СО СТОРОНЫ СОЮЗНИКОВ

Те скудные и осторожные сообщения о ходе войны, которых удостаивались члены правительства, не посвящали нас в то, что действительно происходило на полях сражения или в штабах. У нас создавалось впечатление, что военные власти считают наилучшим не сообщать нам слишком многого. Тайна была необходима для успеха. Премьер-министр и Черчиль знали гораздо больше о положении, чем мы. Но и они не были вполне осведомлены. Военному совету не было представлено какого-либо продуманного меморандума о военном положении с характеристикой относительной мощи союзников и центральных держав. Я часто сомневаюсь, взял ли кто-либо в военном ведомстве на себя заботу по составлению такого тщательного обзора. Мы поэтому ничего не знали о количестве войск на разных фронтах, поскольку дело шло о наших собственных войсках, о войсках наших союзников или врагов; мы не знали, какими резервами мы располагаем, сколько артиллерии, пулеметов, винтовок и снарядов у обеих сторон, когда будут готовы выступить на фронт наши новые армии. Лорд Китченер говорил нам, что у него не было войск для посылки в Дарданеллы. Мы должны были принять его заявление на веру, так как он никогда не снисходил до подробностей. Нам приходилось решать каждый вопрос, не будучи осведомленными о самых важных фактах. Те из нас, которые были членами так называемого военного совета, были в несколько лучшем положении, чем другие министры, которым приходилось довольствоваться небрежными замечаниями лорда Китченера в начале каждого заседания кабинета. Нам приходилось рыскать там и сям по собственной инициативе в поисках информации, необходимой для нас в качестве членов военного совета. Иногда мы выпрашивали у господ военных то или иное важное сведение, но чаще мы испытывали лишь унижение, ничего не узнав.

Я усердно искал правды. Несмотря на искаженные и прикрашенные сообщения с фронта, я был убежден, что мы не имеем успеха. Я был также убежден, что мы не делаем всего, что можем. Мы решили предпринять серьезную операцию у Дарданелл. Мы также решили подготовить почву для возможного выступления в Сало-

никах, если дарданельская операция не увенчается успехом. Я видел ясно, что ни одного из этих планов мы не приводили в исполнение, используя все наши наличные военные силы. Мы только попусту теряли время и откладывали решения. Мы создавали большие новые армии, но не принимали должных мер, чтобы их снарядить. Наш конечный успех очень зависел от России. Но мы ничего не знали о ее планах и очень мало знали о людских ресурсах и запасах военного снаряжения, с которыми ей приходилось выполнять эти планы. Мы знали о России лишь то, что она терпела поражения, что ей недоставало винтовок и что этот недостаток все увеличивался, так как русская армия теряла больше винтовок при отступлении, чем пополняла потери за счет производства нового снаряжения. Но мы и не старались установить, как обстоит дело. Усилия отдельных союзников не были согласованы. Не было связного единого плана действий. Не было никакого учета времени. Мы слишком лениво и случайно разрешали вопросы жизни и смерти. Это происходило не из-за медлительности, а из-за отсутствия определенного плана и решительности. Я начал понимать, что у нас царило не спокойствие, а смятение. Несмотря на официальное замалчивание, просачивались обрывки тревожных новостей и слухи. Они вызывали у меня беспокойство за ход событий и еще большее беспокойство по поводу того, как обстояло дело с руководством войной у союзников.

22 февраля я разослал моим коллегам нижеследующий меморандум:

«Я хочу изложить моим коллегам некоторые соображения по поводу создавшегося положения. Следует признать, что положение в высшей степени серьезно и, если не будут приняты меры решительные и смелые, дело может кончиться непоправимой катастрофой для союзников и для будущего Британской империи. Некоторым из моих коллег эти слова могут показаться проявлением пессимизма. Я надеюсь, что перед тем, как они придут к такому выводу, они окажут мне честь ознакомиться с причинами, которые привели меня к моим заключениям.

Наша печать и вся страна до сих пор рассматривали ход военных действий под углом зрения непрерывного успеха. Этот метод прост. Каждое пустяковое военное событие, которое служит нам в пользу, раздувается; в печати дают о нем заголовки на полстолбца и описания на страницу. С другой стороны, серьезные неудачи вроде тех, которые выпали на долю наших русских союзников в течение последних дней, описаны в нескольких строчках мелким шрифтом и разъяснены в передовой. Я боюсь, что многие, более знакомые с действительным положением вещей, мыслят точно так же. Они сосредоточивают свое внимание на таких событиях и сторонах войны, которые соответствуют их надеждам, и в то же время наме-

ренно закрывают глаза на события, вызывающие тревогу. Единственный путь к конечному успеху — путь реальной действительности. Если у нас не будет сил смотреть правде в лицо, как бы неприятна она ни была, мы никогда не справимся с положением.

Каковы важнейшие факты в создавшемся положении? Союзники не занимают теперь ни одного километра германской территории. Почти вся Бельгия занята немцами. Некоторые из богатейших областей Франции и России прочно заняты неприятелем. Немцы занимают теперь бо́льшие пространства союзной территории, чем когда-либо ранее. Еще более серьезный факт: сохраняя занятые ими территории на Западе, они, наконец, добились полного военного превосходства на Востоке. Правда, после того как русские были изгнаны из Восточной Пруссии, они несколько месяцев тому назад снова вернулись туда; но, как указал лорд Китченер, есть серьезная разница между тем, что происходило тогда и что происходит теперь... Тогда русские были в состоянии ввести в дело значительные резервы и таким образом разбить врага, а германские резервы не были готовы вступить в бой. Теперь положение обратное. В ряды германских войск вступили значительные резервы. Замечательный отчет голландского офицера, разосланный лордом Китченером, указывает, что, после того как немцы направили значительные подкрепления в Восточную Пруссию и северную Польшу, чтобы разбить русских, они все еще обладают большими резервами, которые могли быть введены в дело, но которые не были посланы на фронт, потому что им там нет места.

Таково теперь положение немцев. А как обстоит дело у русских?»

Я перешел затем к подробному рассмотрению серьезного положения русских в связи с недостатком винтовок, а также к анализу положения и перспектив союзников в отношении людских резервов. Я обращал внимание на то, что бесполезно принимать во внимание огромные резервы людей, имеющиеся в России, не учитывая вопроса об их вооружении. И я приходил к выводу, что до тех пор, пока мы не примем мер, чтобы вооружить русских, центральные державы будут располагать бо́льшим количеством вооруженных бойцов, чем союзники.

«Принимая во внимание превосходное снаряжение германо-австрийских войск и то, что они — как мы имели возможность убедиться во время наших атак — великолепно окопались на союзной территории, безнадежно было бы рассчитывать на победу до тех пор, пока мы не обеспечим за собой значительного численного перевеса. Где можем мы найти силы для этого? Согласно сообщению военного ведомства, Россия не в состоянии выставить и содержать даже 2 млн. полностью вооруженных и снаряженных бойцов на всех своих фронтах.

Даже если бы Россия в состоянии была это сделать, нам все же недоставало бы около 2 млн. человек. Вы заметите, что в составленной мною таблице я указал, что Англия выставит 2 млн. Когда может Англия дать 2 млн.? Когда может Англия послать 1 млн. на фронт? Разве мы уверены, что к тому времени, как мы будем готовы выставить 1 млн., Германия не пополнит свои резервы по крайней мере столькими же бойцами.

Мне очень жаль, что я вынужден был нарисовать столь грозную картину, но я был бы счастлив, если бы мог считать, что открывающиеся перед нами перспективы не требуют для своего изображения тех мрачных красок, которыми я пытаюсь их передать. Разосланный лордом Китченером голландский отчет приводит еще более грозные цифры. Если эти цифры хоть сколько-нибудь правильны, мы не можем надеяться довести войну до победного конца в течение многих лет. Но даже если исходить из моих более оптимистических данных, проблема остается наиболее серьезной из всех, которые когда-либо приходилось разрешать британским государственным деятелям.

Первая наша задача заключается в том, чтобы точно установить, в каком положении мы находимся. Кто может представить нам заслуживающую доверия оценку военных ресурсов союзников? Нам следовало бы созвать совещание военных авторитетов трех стран, на котором было бы откровенно изложено, в каком положении находится каждая из них, и была бы заключена военная конвенция на будущее время. Генерал Педжет — хороший солдат, но он не вполне подходит по своим качествам для подобного обследования вопросов военного снаряжения. Мы знаем, во всяком случае приблизительно, в каком положении находится Франция. У нас нет ни малейшего представления о том, каково положение России. Я очень настаивал еще в октябре 1914 г., чтобы мы приняли решительные меры и точно установили, в каком положении дело с военным снаряжением в России. Мы имеем право не только просить, но и требовать откровенности со стороны наших русских союзников. Россия вступила в войну не для того, чтобы помочь Франции, Бельгии и нам самим; Франция выступила, чтобы помочь России, когда ей угрожали; Бельгия выступила из-за Франции; мы начали войну, чтобы защищать Бельгию. Итак, косвенно мы вовлечены в войну, потому что Россия подверглась нападению. Германия не только была в мире с нами, но чрезвычайно стремилась сохранить мир не только с нами, но и с Францией. Она начала эту войну, чтобы попытаться свести счеты с Россией, прежде чем Россия была бы готова напасть на Германию. Мы помогаем России людьми, военным снаряжением, деньгами. Франция и Англия уже предоставили России ссуду в размере

50 млн. или 60 млн. фунт. ст. и обещали дать еще 100 млн. фунт. ст. Мы поэтому имеем право требовать откровенности от России. Германии известно все о силах России — об их численности, расположении и военном снаряжении. Мы требуем от нашей великой союзницы лишь того, чтобы нам были предоставлены сведения, которыми уже располагают ее враги.

Что за этим следует? Все усилия должны быть сделаны для того, чтобы увеличить число людей, которых мы можем выставить на фронтах, и сократить срок, в течение которого они могут быть отправлены в действующую армию. Как это сделать? Если Франция могла выставить 3 млн. человек под ружье, а Германия — 6 млн., то все союзные страны, исходя из численности их населения, должны иметь возможность выставить раньше или позже 20 млн. человек. Это, может быть, и неосуществимо, но эта цифра служит указанием на то, какие огромные резервы пригодных для несения оружия людей имеют в своем распоряжении союзники. Задача состоит таким образом в том, чтобы:

1) дать военную подготовку и снарядить этих людей в кратчайший срок;

2) сохранить status quo без значительного ухудшения до тех пор, пока союзники не будут готовы довести свои армии до размеров, значительно превосходящих силы противника.

Как достигнуть обеих этих целей?»

Далее следовало рассуждение на тему о срочной необходимости развивать все наши возможности в области производства военного снаряжения, которое я уже приводил выше, говоря о борьбе за военное снаряжение.

Я писал далее:

«Обратимся теперь к вопросу о людских резервах. Франция повидимому мобилизовала в ряды войск всех, кого могла. Это далеко не так в отношении Британской империи и России. Великобритания, исходя из соотношения между численностью войск и численностью населения во Франции, должна была бы иметь под ружьем 3 500 тыс. человек вместо 2 млн. Колонии должны были бы выставить, исходя из того же соотношения, 1 200 тыс. вместо 100 тыс. Я полагаю, что ценой особых усилий мы могли бы выставить причитающиеся на нашу долю 3 500 тыс. или, если бы мы отстали с производством необходимого снаряжения, мы безусловно могли бы выставить 3 млн. человек. Я все еще думаю, что для этого нам нет необходимости прибегать к принудительному набору. Молодежь Англии запишется добровольно в ряды войск, если ей будет разъяснено, что ее услуги необходимы родине. Несколько раньше я выступил с предложением, что лучше всего установить определенную цифру набора для каждого графства и каждого города, исходя из численности его населения, предоставив остальное местному патрио-

тизму и давлению со стороны местных людей. Если мы официально объявим, что такое-то графство должно дать, скажем, 10 000 человек, что до сего времени в ряды войск записалось 6 000 и что еще 4 000 должны записаться, чтобы выполнить задание, местный патриотизм обеспечит нам дело набора.

Следует также изыскать какие-либо средства, чтобы заставить наши самоуправляющиеся колонии взять на себя большую ответственность в деле военного набора. Колонии находятся в настоящее время под впечатлением, что они делают все, чего от них ждут. Следует поставить их в известность о реальной опасности. Публикуемые нами оптимистические телеграммы заставили их верить, что все идет хорошо и что им остается только послать несколько тысяч солдат в доказательство своего сочувствия и уважения к метрополии. Когда они поймут, что метрополия действительно находится в опасности, я не сомневаюсь, что они проявят отзывчивость.

Россия, исходя из французского соотношения, должна была бы выставить под ружье 12 млн. человек. Это, вероятно, больше того, что Россия могла бы снарядить в течение нескольких лет; но учитывая ее первоочередную ответственность за возникновение войны, поскольку дело касается союзников, необходимо, чтобы число ее солдат находилось в известном соотношении к ее огромным людским ресурсам.

Все это по необходимости должно отнять известное время. Мы действовали до сих пор так, как если бы война не могла ни в коем случае продлиться дольше, чем до осени этого года. Мы должны теперь занять совершенно иную позицию, считая, что война продлится не только весь этот год, но вполне возможно и весь следующий год. Поэтому необходимо затратить средства на установку оборудования, которое значительно ускорит производство винтовок и пушек, всех видов снаряжения и патронов уже к концу этого года и к началу следующего. Если окажется, что моя оценка положения слишком пессимистична, то худшее, что может произойти, это то, что мы затратим значительную сумму денег и причиним большие неудобства населению. Все это пустяки в сравнении с катастрофой, которая может возникнуть вследствие того, что мы проведем еще год войны в условиях недостаточной подготовки. Этого народ никогда не простит — после того предупреждения, которое мы уже получили, — да и не следует надеяться, что нам это простят.

Что же следует предпринять? Дело представляется так, что в течение большей части текущего года союзники вынуждены довольствоваться худшим положением, нежели Германия. В течение этого периода максимум, на что мы можем надеяться, это то, что мы сможем удержать занимаемые нами ныне позиции. Можем ли мы достигнуть даже такого результата, не привлекая на помощь свежих сил? Принимая во внимание

подавляющие силы, которыми располагает Германия, на этот счет возможны, по крайней мере, некоторые сомнения. Есть только два направления, в которых мы можем искать содействия — это балканские государства и Италия. Мы могли привлечь балканские страны уже несколько месяцев тому назад, но союзникам не повезло в этом отношении. Мы успели только вовлечь турок в стан наших врагов, не добившись привлечения на нашу сторону ни одной балканской державы. Слишком ли поздно предпринять что-либо теперь? Лорд Китченер на днях указал в совете, что немцы пошли на риск, атаковав русских всеми своими силами до того, как им удалось вполне подготовиться к отражению атак наших подкреплений в апреле. За исключением наших первоначальных операций в отношении Турции, где быстрота действия была безупречной, все случаи рискованных выступлений с нашей стороны носили другой характер: мы обычно рисковали слишком поздно. Важный и чреватый последствиями шаг, который мы предприняли, пытаясь прорваться через Дарданеллы, должен иметь решающее значение в том или ином смысле на Балканах. Готовы ли мы к тому или иному разрешению балканского вопроса?

Если эта великая операция удастся, то при готовности немедленно воспользоваться этим успехом ее влияние может быть решающим в отношении балканских государств. Это означает, что, если мы будем располагать большими силами, готовыми не только занять Галлиполи, но и предпринять любую другую операцию, которая может оказаться необходимой для обеспечения нашего превосходства в этой области, Румыния, Греция и, я полагаю, вполне возможно, что и Болгария выступят на нашей стороне. Если, с другой стороны, у нас не будет сил на месте, то результат этого блестящего удара может быть сведен к нулю. Привести Болгарию, Румынию и Грецию к союзу с Сербией — значит бросить в общей сложности армию в 1 500 тыс. человек в тыл Австрии. Это ослабит давление не только на Россию, но косвенно и на Францию. Это даст нам возможность уравнять силы и даст время должным образом вооружить русскую армию.

Рассмотрим теперь другую возможность, — возможность неудачи дарданельской операции. Если не предпринять немедленно предупредительных мер, она может иметь катастрофическое значение на Балканах, а быть может и вообще на Востоке. Один болгарский генерал указал, что не только Болгария, но и Румыния и Италия могут выиграть многое в территориальном отношении, примкнув к Германии. Есть только одна гарантия против ускорения катастрофы на Балканах в случае неудачи при Дарданеллах. Должны быть сосредоточены мощные британские силы, чтобы помочь нашим балканским друзьям. Разве совершенно невозможно, чтобы мы опередили наши апрельские приготовления на три-четыре недели и таким образом

последовали примеру немцев, которые рискуют, лишь бы только оказаться во-время на месте?

Посылка большого экспедиционного отряда без сомнения требует значительных приготовлений — судов, транспортов для перевозки войск и военного снаряжения в Салоники или на Лемнос, а также перевозочных средств для перевозки их на материк; комитет имперской защиты постановил несколько недель тому назад, чтобы эти приготовления были начаты немедленно; таким образом, лишь только будет решено послать экспедицию, никаких проволочек вследствие недостатка сухопутного или морского транспорта не будет. Мне известно, что адмиралтейство сделало все, что было ему поручено в этом отношении; я не знаю ничего о мерах, принятых военным ведомством касательно ж.-д. путей и шоссейных дорог.

Я предлагаю наконец немедленно послать в Грецию и Румынию специальную дипломатическую миссию для переговоров о военной конвенции на основе нашей готовности отправить и содержать на Балканах значительные военные силы. Германия не ограничивалась обычными дипломатическими представителями там, где встречались какие-либо более серьезные возможности для того или иного дружественного или враждебного изменения позиции в отношении к ней как участнице войны. Германия отправила фон дер-Гольца в Константинополь, Софию и Бухарест, фон Бюлова в Италию, Дернберга в Америку. Она не ставила себя в критическое положение из-за собственных Бакс Айронсайдов. Без сомнения все эти господа по-своему очень хорошие люди, но один тот факт, что они так долго оставались на второстепенных дипломатических постах, доказывает, что по мнению министерства иностранных дел они не обладают качествами первоклассных дипломатов.

Д[авид] Лл[ойд] Дж[ордж]

Постскриптум. После того как все это было уже написано, я прочитал замечательный отчет генерала Педжета, который в основном подтверждает ту точку зрения, которую я не раз высказывал по поводу положения на Балканах. Премьер-министр любезно предоставил мне возможность ознакомиться с этим документом. Я почтительно настаиваю, чтобы все члены военного совета имели возможность знакомиться с отчетами, которые имеют близкое отношение к принимаемым ими решениям. Советоваться с людьми, не доверяя им тех сведений, которые сделали бы их мнение единственно ценным, — хуже чем бесцельно.

Д[авид] Лл[ойд] Дж[ордж]

22 февраля 1915 г.».

По получении этого меморандума лорд Фишер послал мне письмо, которое стоит воспроизвести как характерный комментарий со стороны в высокой степени замечательного человека.

«Адмиралтейство.

Уважаемый г. Ллойд Джордж,

Я совершенно согласен с Вашей феноменальной запиской. Вчера еще мне пришлось писать следующие слова в письме к одному очень влиятельному лицу:

Стремительность в войне является истинной осторожностью, а обычная осторожность в войне преступна.

Дарданельская операция без солдат бесцельна!

Ваш

Фишер.
23/2/П.»

Лорд Китченер отправил генерала Педжета на Балканы для того, чтобы составить отчет о тамошнем положении. Этот отчет подтвердил всю ту информацию, которую я собрал ранее по вопросу о перспективах и возможностях в этой области. Согласно отчету Педжета сербской армии после ряда блестящих побед над превосходными австрийскими силами удалось очистить страну от неприятельских войск, и теперь Сербия находится на твердых позициях за дунайской границей. У сербов не было ни такого количества войск, ни перевозочных средств, ни военного снаряжения, которые позволяли бы им начать наступление, но весьма талантливые генералы, которыми они имели счастье обладать, считали, что если Румынию удастся убедить примкнуть к Антанте и выступить против австрийцев с армией в 300 тыс. человек, то сербская армия в соответствии с этим начнет наступление. Отчет требовал, чтобы одна или две дивизии британских, французских или русских войск выступили совместно с сербской армией; присутствие британских войск несомненно побудит Болгарию сохранить нейтралитет, если вообще Болгария не воспользуется этой возможностью для нападения на турок. Такие действия с нашей стороны, или даже определенные предложения таких действий, по мнению генерала Педжета, заставят Румынию выступить в такое время, когда ее помощь будет неоценимой. Во время перехода русских войск через Карпаты наличие румынской армии даже в составе 200 тыс. человек, оперирующей на южном фланге несколько деморализованной уже австрийской армии, могло бы оказать русским чрезвычайную помощь. Румыния колебалась, но решение будет принято ею тотчас же, если британские войска примут участие в кампании на Дунае. Между Белградом и Веной нет укреплений в современном смысле слова.

Таково было существо отчета Педжета. Это было мнение солдата, подтверждающее то мнение, которое создалось уже у других военных и невоенных наблюдателей.

Через полтора года Румыния присоединилась к союзникам с армией в четыреста или пятьсот тысяч человек, но к этому времени Россия была разбита и сломлена. Ее армии были отброшены на сотни верст в направлении к Петрограду. Русские не могли оказывать сопротивления в своей собственной стране. Балканы находились в руках центральных держав, сообщение между Западом и Румынией было полностью прервано; мы не могли притти ей на помощь ни людьми, ни военными материалами и, сражаясь в одиночку, Румыния пала, не оказав никаких услуг союзникам своими жертвами. Той незначительной помощи, которую могла предоставить Россия последним остаткам разбитой румынской армии, оказалось недостаточно.

Через два или три дня после того, как был разослан мой меморандум, лорд Китченер разослал свой ответ на него. Этот документ был образчиком того смешения проницательности и тупости, которые составляли умственный багаж этого исключительного человека:

«Замечания военного министра по поводу меморандума канцлера казначейства о ведении войны.

Я хотел бы сделать следующее замечание по поводу весьма интересной записки канцлера казначейства о ведении войны.

Я не буду вдаваться в рассмотрение цифр, упоминаемых канцлером, так как серьезность нашего положения может быть понята и учтена помимо вопроса о числе участников войны с обеих сторон. Канцлер справедливо указывает, что русский колосс, как некоторые называли нашу союзницу — Россию, не имел того влияния на ход войны, какого ожидали оптимисты. Тем не менее, по моему мнению, Россия вела борьбу исключительно успешно и, по моему мнению, она спасет нам шесть месяцев из тех трех лет, которые, — как помнят мои коллеги, я указал в палате лордов, — может продлиться война. Мы должны помнить, что с самого начала нашим главным союзником было время, и хотя немцы напрягли все силы, им не удалось нанести нам окончательного удара в течение семи месяцев войны. Правда, они занимают большие территории за пределами Германии, но из-за одного этого война вовсе не обязательно должна закончиться в их пользу.

Если мы одержим победу, конец войны должен наступить в силу одной из двух следующих причин: 1) вследствие решительной победы или ряда решительных побед союзников, которые могут быть одержаны за пределами германской территории, как и в пределах Германии; 2) вследствие истощения, ибо когда Германия не в состоянии будет больше содержать достаточные военные силы на фронте, она должна будет просить мира. Я полагаю, что было бы интересно получить — и я веду переговоры с лордом Маултоном о том, чтобы это было сделано, — математическое исчисление тех сроков, когда истощение за-

ставит наших врагов просить мира. *Насколько я могу теперь судить об этом, такое положение может наступить к началу 1917 г.**

Я оставляю без внимания возможность наступления голода в Германии и Австрии, где приходится кормить 105 миллионов гражданского населения.

Что касается практических предложений канцлера казначейства, то я рад узнать, что в Англии имеются заводы для производства военных материалов, но действительной основой всего дела является, по моему мнению, организация квалифицированных рабочих для работы на военных заводах, и если канцлер казначейства сможет помочь нам в этом и в других вопросах труда, с которыми мы сталкиваемся, я не сомневаюсь, что в свое время мы сможем набрать в армию и подготовить для фронта бóльшее число людей — вплоть до 3 млн. человек.

В тех усилиях, которые мы делаем теперь для того, чтобы набрать, вооружить и снарядить 2 млн. человек, мы сталкиваемся с серьезными трудностями; одно из наиболее значительных затруднений заключается в том, что наши промышленники постоянно не в состоянии из-за недостатка в квалифицированных рабочих выполнять свои обещания о поставках оружия, военного снаряжения и пр. Этот недостаток мог быть значительно восполнен привлечением неквалифицированных рабочих для работы на тех же машинах; но профсоюзные ограничения не допускают этого. Одним из наиболее существенных вопросов является поэтому вопрос о соответствующем изменении профсоюзных правил о труде.

В настоящее время работает комиссия, в которой военное ведомство было представлено с самого начала сэром Джорджем Гиббом. Комиссия занята вопросом организации труда. Насколько мне известно, комиссии удалось побудить тред-юнионы к соглашению по вопросу об устранении существующих профсоюзных ограничений; но если бы канцлер казначейства использовал свое уменье вести переговоры с тред-юнионами и занялся этим вопросом немедленно, он значительно помог бы нам в деле подготовки необходимой армии труда. Я совершенно согласен с ним, что закрытие питейных заведений в рабочих районах имело бы весьма полезный результат; но такое мероприятие должно быть проведено с осторожностью, так как рабочие могут быть недовольны таким вмешательством в их жизнь. Я предлагаю поэтому, чтобы питейные заведения были закрыты до одиннадцати часов утра; таким образом удалось бы достичь того, что рабочие приходили бы на работу, не имея возможности напиться пьяными с утра.

Мы делаем огромные усилия, чтобы увеличить число наших войск на фронте до 2 млн. человек. Мы только теперь на-

---

* Курсив Ллойд Джорджа.

чинаем убеждаться в том, как мало сделано, и испытываем все трудности, с которыми мы должны столкнуться лицом к лицу при создании новых армий. До тех пор пока мы не будем в состоянии ввести в бой значительные новые силы, я сомневаюсь в том, следует ли нам пытаться развертывать нашу работу за исключением раздачи заказов на необходимое нам военное снаряжение. Конечно, нам следует продолжать производство по крайней мере в теперешнем масштабе, не говоря уже о новых попытках увеличения производства военных материалов. Основной трудностью, которую я предвижу, будет, конечно, вопрос о привлечении рабочих кадров.

Когда наши новые армии будут готовы к отправке на фронт, для нас приобретет, конечно, чрезвычайное значение вопрос о том, чтобы использовать их наилучшим образом и добиться решительных результатов; нам не следует допускать, чтобы эти новые армии приняли участие во всякого рода военных предприятиях, имеющих побочное значение.

Многое зависит от успехов флота в прорыве через Дарданеллы, но у нас нет достаточного количества войск для атаки турецких войск на Галлиполийском полуострове. По мере того как положение дел на Ближнем Востоке выяснится, мы в большей мере в состоянии будем установить, как наилучшим образом использовать наши войска, которые к этому времени получат соответствующую подготовку и снаряжение.

Китченер.

25 февраля 1915 г.».

Этот документ является первым, в котором наши генералы высказались в пользу «войны на истощение». До этого признанной целью было прорваться через германский фронт и заставить немцев отступить за Рейн, превратив германские войска в недисциплинированную толпу.

В мою задачу не входит описание хода военных операций и поэтому не буду пытаться излагать здесь историю дарданельской кампании с ее бесчисленными ошибками и трагическим концом. Винстон Черчиль в своей работе о «Мировом кризисе» изложил мастерски эти обстоятельства. Своевременная высадка нескольких тысяч солдат позволила бы легко разбить тот жалкий гарнизон, которому турки со свойственной им небрежностью поручили защиту Галлиполи. Когда мы в апреле 1915 г. послали армию в несколько десятков тысяч человек, туда уже прибыли турецкие подкрепления, достаточно сильные, чтобы помешать нам захватить Галлиполи. Мы всегда запаздывали. Мы состязались в медлительности с нетороплиными турками, и каждый раз турки выигрывали в этом состязании, приходя первыми к цели. Турки, известные своей медлительностью, оказывались на месте раньше нас; мы упустили все шансы, которые турки нам предоставляли.

Пока развертывалась эта трагедия у всех на глазах, пока передо мною проходили ее отдельные сцены и отдельные акты, я оставался беспомощным зрителем, который не занимал такого официального положения и не имел такого личного влияния на военных руководителей страны, которое позволяло бы мне действительно вмешаться в ход дел.

В течение всего лета сербы оставались в оборонительном положении, тогда как наши силы растрачивались на западном фронте, где мы вели одну атаку за другой на германские позиции, защищенные гораздо более мощной артиллерией, чем та, которая находилась в распоряжении союзников. Сотни тысяч британских и французских солдат были убиты и ранены; снаряды затрачивались на бесплодные и дорого стоящие атаки против неприступных укреплений. Как только они убедились в том, насколько бесплодны были наши усилия в Дарданеллах, они перестали беспокоиться по этому поводу и отложили дело до осени. Они были правы. Десятки тысяч союзных войск пали в запоздалых и поэтому бесплодных атаках на Ачи Баба и высоты близ Сувлы, а также в попытках удержать крутые склоны Анзака. На востоке, как и на западе, германская тактика дала значительные успехи. Итак, немцы предоставили туркам борьбу на юго-западном фланге, а на западе они оставляли в окопах значительно меньшие силы, чем те, с которыми союзники на них нападали; в то же время немцы обратили свое внимание на восток, решив не только помочь находившимся в тяжелом положении австрийцам, но и стремясь разбить русскую армию на протяжении всего восточного фронта и по возможности уничтожить ее.

Глава тринадцатая

КАТАСТРОФА В РОССИИ
ТРАГИЧЕСКИЕ ОБРАЩЕНИЯ РУССКИХ ПОЛКОВОДЦЕВ

Неспособность союзного военного командования понять, что судьбы войны решаются в конце концов в зависимости от военного снаряжения воюющих сторон на суше, море и в воздухе, стала ясна каждому в результате русских поражений в 1915 г. и тех серьезных последствий, которые были ими вызваны.

На западном фронте мы хвастались тем, что нам удавалось отнять у неприятеля территорию в два-три километра длины и в один километр глубины. В 1915 г. мы одержали несколько побед такого рода. Эти победы были достигнуты ценой огромных потерь с нашей стороны. В общей сложности нам удалось вырвать из немецких когтей несколько квадратных километров французской и бельгийской территории. Мы затратили на это более десяти миллионов снарядов и потеряли много сотен тысяч людей. За тот же период на восточном фронте немцы оттеснили русские армии на фронте в пятьсот миль на расстоянии от девяноста до трехсот миль от их первоначальных позиций. Здесь играл роль каждый снаряд. Цена, которую уплачивали немцы за эти значительные успехи в виде потерь людьми, была в половину меньше той, которую стоили достигнутые нами ничтожные результаты. Немцы захватили больше городов и областей, чем мы захватили деревень и изрытых снарядами полей.

Великое отступление 1915 г., когда русские армии были в беспорядке и с небывалыми потерями оттеснены из Польши и Прибалтики до самой Риги, объяснялось исключительно недостатком у русских артиллерии, винтовок и снарядов. В моем распоряжении находятся относящиеся к тому времени донесения британских офицеров о России, где они наблюдали эту кампанию; я также имел возможность познакомиться с некоторыми письмами русских генералов с фронта в военное министерство. И те и другие документы дают нам убедительное и живое доказательство, что поражение русской армии было вызвано недостатком военного снаряжения. Еще в конце 1914 г. сопротивление русской армии угрожало прекратиться вследствие недостатка артиллерии и снарядов. Уже в

ноябре и декабре 1914 г. генерал Янушкевич, начальник штаба главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, посылал отчаянные письма с фронта военному министру генералу Сухомлинову.

Я привожу ниже несколько примеров, взятых из этих писем; при чтении этих извлечений может показаться, что мы имеем дело с истерическими выкриками, если бы не то, что эти заявления были вполне оправданы трагической действительностью.

«2/XI 1914 г.

Янушкевич — Сухомлинову.

...Буду бесконечно Вам благодарен за армию, если признаете возможным подтянуть Рузского для скорейшей выделки снарядов. Это мой кошмар. С уменьшением числа орудий и числа патронов стали выбывать из строя на 50—60% больше». (Янушкевич заявил даже, что одно лишь появление снарядов на фронте, даже не взрывающихся, может поднять дух войск.)

«...Нельзя ли сверх всего увеличить число гранат (трубок не надо, а выстрелы будут). Все же будет поддержан дух войск. (Утопающий хватается за соломинку). Дело с подбором винтовок удалось все-таки наладить: до 50% обеспечено...»

Генерал Сухомлинов в ответ послал телеграмму, которой хотел несколько успокоить Янушкевича, но которая должна была произвести на него тяжелое впечатление. Сухомлинов делал все, что мог, чтобы увеличить производство военного снаряжения, но ему приходилось писать следующее:

«...Сам езжу по заводам и понукаю, но натыкаюсь на забастовки, отсутствие угля, недоставку станков из-за границы, — у нас их нет».

Приходилось винить рабочих, углекопов, железнодорожников и заграницу. Не виноваты были только одни царские министры. Насколько пренебрегали вопросом о снаряжении несчастных русских солдат, явствует из более подробного письма Янушкевича Сухомлинову от 6 декабря 1914 г.:

«Знаю, что причиняю Вам хлопоты и тревогу своими воплями, но что же делать. Ведь волосы дыбом становятся при мысли, что по недостатку патронов и винтовок придется покориться Вильгельму... *Чем меньше патронов, тем больше потери.* Если бы сразу влить тысяч 150—250, то можно было бы в 1—1½ недели отбросить противника и сразу выиграть положение... Вот почему я считаю своим долгом бить Вам челом. Много людей без сапог отмораживают ноги, без полушубков или телогреек начинают сильно простуживаться. В результате там, где перебиты офицеры, начались массовые сдачи в плен, иногда по инициативе прапорщиков. Чего нам

дохнуть голодными и холодными, без сапог, артиллерия молчит, а нас бьют, как куропаток. У немцев лучше. Идем. Казаков, отбивших атакой 500 пленных, последние изругали: кто вас, ироды, просил: опять голодать и мерзнуть не желаем. Правда, это — печальные случаи, но они грозны. Вот почему я теперь так кликушествую. Англичане предлагают помочь выполнить заказы у себя, в Америке и в Японии. Будьте милостивы приказать заказать все, что возможно (подковы, патроны, ружья). Лишнего не будет. Все проглотит армия, как ненасытное чудовище. Простите бога ради. Верьте, что не преувеличиваю, а говорю по совести...»

Шла война, которую в течение многих лет предвидело царское правительство. На этот предмет делались приготовления; по крайней мере французские крестьяне давали достаточно наличных средств для этих приготовлений. Как же были затрачены эти средства?

Великий князь Николай, командовавший русской армией, был хорошим солдатом и честным человеком. Он считал, что его коллеги и товарищи по армии были столь же честны. Его разочарование проявляется в письмах его начальника штаба. Привожу ниже еще одно письмо Янушкевича неподражаемому Сухомлинову.

«10/XII 1914 г.

Чтобы Вас не тревожить, я по приказанию В. К. (великого князя) послал вопль по телеграфу генералу Вернандеру, рисуя ему картину с патронами. Оба главнокомандующих (фронтами) прислали такие депеши, что волосы дыбом становятся. Патроны исчезают. У немцев уже появились статьи, что мы при последнем издыхании, так как почти не отвечаем на их огонь, что по показанию наших солдат (пленных) мы таем без пополнения, и артиллерии запрещено стрелять. Отсюда вывод, что победа близка. А пополнения, обещанные к 1 декабря, действительно не идут».

Янушкевич — Сухомлинову.

«Февраль 1915 г.

...По 2—3 раза в день фронты просят патронов, а их нет. Жутко на душе...»

Сухомлинов — Янушкевичу.

«24 февраля 1915 г.

...Восьмой месяц ожесточенной кампании дает себя знать истощением запасов снарядов во всех армиях, а у нас в особенности.

Решительно все возможные только меры принимаются, и вел. кн. Сергей Михайлович, теперь стоящий во главе этого дела, может убедиться, что постоянные заказы за границей не способствовали развитию у нас частной промышленности, а на

одних казенных заводах далеко не уедешь, в особенности, если еще и средства на это надо было добывать чисто боевым способом — в штыки и с риском потерять служебную позицию...»

Сведения о положении дел в России, дошедшие к этому времени до меня вопреки молчанию военных властей, усилили мое и без того острое беспокойство. В феврале я изложил свои взгляды в следующем письме Асквиту:

«Казначейство.
Уайтхолл, Ю. З.,
18 февраля 1915 г.

Мой дорогой премьер,

Описанное сегодня утром на заседании кабинета лордом Китченером положение весьма серьезно, и я настоятельно рекомендую, чтобы военный совет тотчас же рассмотрел этот вопрос. Через 7 месяцев, после того как началась война, мы еще не знаем хотя бы приблизительно, в каком положении находится Россия. Сэр Джон Френч сказал мне, что по его сведениям Россия будет обладать в следующем месяце тремя миллионами полностью снаряженных бойцов на фронте и что тогда русские могли бы оттеснить назад германские и австрийские армии. По подсчетам военного ведомства русская армия составляет в настоящее время 1 200 тыс. Если информация сэра Джона Френча правильна, то Россия сможет двинуть в марте подкрепления в количестве 1 800 тыс. Теперь мы узнаем, что у русских нет ружей для новых рекрутов, и что Россия может производить лишь 40 тыс. ружей в месяц. Таким темпом они смогут ввести в действие лишь пятьсот тысяч человек к февралю будущего года. Между тем немцы берут в плен ежемесячно больше 40 тыс. русских вместе с ружьями. Где правда? Нам следовало ее знать. От этого зависит наша судьба.

В октябре прошлого года я позволил себе выразить сомнение в подготовленности России в этой области и предложил тогда предпринять определенные шаги, чтобы установить, в каком она находится положении. Я полагал тогда, что быть может следует организовать встречу военных министров трех правительств, или их ответственных представителей. Х... человек ничтожный, без всякого авторитета и способностей. У... для такой работы — не лучше.

Нам следовало бы организовать тщательное и вполне откровенное обследование всего военного положения, с тем чтобы установить наилучший способ поправить наши дела; в противном случае нас ждет неизбежная катастрофа.

Между Востоком и Западом наблюдается печальное отсутствие согласованности в действиях и, до тех пор пока оно

продолжается, немцы будут одерживать победы. *Одни оптимистические попытки самообмана не помогут нам уцелеть среди этого урагана.*

Искренно Ваш

Д. Ллойд Джордж».

Ничего не было предпринято, однако, для улучшения положения. Русские генералы попрежнему отправляли с фронта послания в том же роде, и такие же ответы приходили от самодовольных министров из Петрограда.

Янушкевич — Сухомлинову.

Март 1915 г.

«...Наша стратегия теперь замерла, и мы не можем ничего предпринять, ибо немощны материально. Лишь бы отбить; обидно, что вместо возможности к ежемесячному вливанию 1 440 рот должны удовлетвориться 350...»

Янушкевич — Сухомлинову.

Март 1915 г.

«В русско-японскую войну дрались недели две, а прозябали 2—3 месяца, а теперь есть части, находящиеся в непрерывном бою уже 85 дней. Это уже не бой, а титаническая борьба на смерть... На сердце прямо тяжко. Мне так по ночам и чудится чей-то голос: «Продал, прозевал, проспал».

Как и обычно в России, когда поражение объяснялось коррупцией и непригодностью правительства, вину возлагали на других. В особенности удобно было свалить дело на евреев.

Янушкевич — Сухомлинову.

«27 апреля 1915 г.

...Взрывают уже кое-где мосты, склады. Все это за деньги, вероятно, проделывают жиды. *Больше некому.*

Вопрос патронов и ружей — скажу — кровавый».

Янушкевич — Сухомлинову.

«21 мая 1915 г.

...Иванов, исходя из сорока выстрелов в день из винтовки, считая по пять тысяч винтовок в дивизии, требует 8 млн. ружейных патронов в день и 40 парков легких снарядов в месяц. Если сравнить с колоссальным расходом французов в последней операции в Шампани (100 тыс. в сутки, 10 дней, сверх 50 тыс. по всему фронту ежедневно), то язык прилипает к гортани...

Со всех сторон слышен клич: «Даешь патроны».

Янушкевич — Сухомлинову.

«27 мая 1915 г.

Вчера на участке одного из полков немцы выпустили 3 тыс. тяжелых снарядов. Снесли все. А у нас было выпущено едва сто...»

Некоторое представление о трудностях, с которыми сталкивались в России в попытках увеличить производство военного снаряжения, можно получить из следующих извлечений из докладов британскому правительству находившегося тогда в России английского офицера:

«26 мая 1915 г.

Носятся слухи, что начальником главного артиллерийского управления будет назначен Маниковский... и что великому князю Сергею будет предложено выйти в отставку по болезни... Маниковский говорит, что великий князь Сергей — человек больших способностей, но никогда не нюхавший пороха; великий князь любил артиллерийское управление и все царившие в управлении порядки, подобно тому как муж любит жену, хотя и убеждается, что она дурная женщина... Великий князь Сергей работал много и знаком с вопросом во всех его подробностях, хотя он очень болен и должен был бы быть в постели. Его недостаток тот, что он упорно недооценивает число снарядов, необходимых на одно орудие в месяц, и не видит необходимости в достаточных запасах. *Он слишком доверился обещаниям Виккерса и Крезо, чья неспособность выполнить русские заказы нарушила все расчеты...»*

Янушкевич писал в тот же день, что главнокомандующий назначил лорда Китченера своим агентом, предоставив ему полную возможность заказывать для России любое количество гранат, винтовок и снарядов. Он добавлял, что: «предоставлять такие полномочия иностранному генералу — значило итти наперекор русским законам, но поскольку дело идет о том, победит ли Россия или будет разбита, мы плюем на эти законы...»

В донесении от 30 мая он писал:

«Технический специалист французской миссии полагает, что было бы невозможно построить новые заводы, так как уже наблюдается недостаток в подготовленном техническом персонале...

...Русское правительство по мнению иностранных экспертов должно было бы дать большие заказы за границу, в надежде, что лорд Китченер сможет предоставить для России снарядные трубки».

Русские упорно верили в лорда Китченера и с уверенностью говорили о снарядах, которые они должны получить при его посредстве и под его гарантию.

Вот еще письмо Янушкевича военному министру:

«Июнь 1915 г.

Заказ Китченеру дан, так как политическая обстановка и призрак забастовки и пр. не дают права игнорировать это, хотя и мало выгодное, заграничное предложение, *но обеспеченное ручательством Китченера* помочь в срок... Армии III и VIII растаяли. В корпусах из трех дивизий по 5 тыс. штыков. Кадры тают, а пополнения, получающие винтовки в дни боя, наперебой сдаются».

Янушкевич — Сухомлинову.

«Июнь 1915 г.

...Послали кислую телеграмму Иванову. Ответ: «в 12 корпусе — 7 дивизий в составе 12 тыс. штыков. Нет винтовок и 150 тыс. стоит без ружей... Час от часу не легче. Ждем от Вас манны небесной. Главное — нельзя ли купить винтовок...»

Следующее послание от 8 июня проливает свет на то, как воспринимали русские генералы последствия своей собственной бездеятельности, недостатка предусмотрительности и энергии:

«...Французская техническая миссия считает, что Смысловский мешает всякому улучшению дела. Французы говорят, что Смысловский мешал их работе всеми средствами, находившимися в его распоряжении, потому что, если бы французам удалось наладить производство снарядов в России, это было бы прямым доказательством неспособности артиллерийского управления, которое — скажут в этом случае — могло бы увеличить производство много месяцев тому назад...»

Читая эту историю русского поражения, кажется, что переживаешь трагедию, вызванную летаргией страны, недостатком предусмотрительности, конфликтом между патриотизмом и профессиональной гордостью, который мешал делу производства военного снаряжения не только в одной России.

Мы получали также донесения от британских офицеров непосредственно с восточного фронта. Они сообщали по свежим следам сражений:

«Первая армия безнадежно слаба в смысле тяжелой артиллерии. Так например, первый туркестанский корпус был вынужден вести борьбу с двумя орудиями тяжелого калибра против сорока двух у неприятеля. В результате одиннадцатая сибирская дивизия почти уничтожена. Германское превосходство в области тяжелой артиллерии создало, повидимому, нечто вроде паники».

Дело заключалось не в том, что русские не могли укрепиться для защиты. Русских теснили на территории, которая в течение 30 лет укреплялась с целью обороны высококвалифицированными

техниками. Большие крепости, которые были искусно построены и укреплены с затратой огромного труда, были разрушены в несколько часов ужасным артиллерийским огнем германской армии. Русские с их более слабой артиллерией вследствие недостатка снарядов не могли отвечать на огонь немцев. Для того, чтобы спасти свои войска от окончательного уничтожения, русским оставалось только отступать. Им недоставало пулеметов, которые позволили бы вести арьергардные бои, задерживать продвижение неприятеля и наносить ему такой ущерб, который со временем ослабил бы его силы и заставил остановиться. В этой неравной борьбе техники и людей потери приходились почти исключительно на долю русских, и эти потери должны считаться колоссальными. У них не было пушек, которые могли бы выдержать более часа систематический обстрел беспощадного врага, а когда русским случалось воспользоваться немногими орудиями, то эти орудия либо приводились в негодность снарядами противника, которые падали в расположение русских войск подобно дождю, либо русские быстро расходовали свой ничтожный запас снарядов.

На другом участке фронта, где русские имели значительные успехи в борьбе с австрийцами, победоносные русские войска должны были отступать из-за недостатка военного снаряжения. Все те снаряды, которые могли быть пущены в ход, были необходимы, чтобы сдержать германское наступление. Побежденные австрийцы мстили тогда за свое отступление, чувствуя себя в полной безопасности в отношении к своему разоруженному противнику.

В цитированном выше донесении мы встречаем следующие указания (18 июня 1915 г.): «Так как русским приходится беречь снаряды, немцы могут безнаказанно расстреливать русских солдат».

В другом донесении говорится:

«Все попытки наступления в последнее время были простым убийством, так как мы нападали без достаточных приготовлений, имея перед собой врага, обладавшего большим количеством полевой и тяжелой артиллерии. Надо полагать, что потери, в обычном смысле этого слова, составляют около 1 500 тыс.».

Вот еще одно извлечение из донесения с другого участка фронта, простиравшегося на 900 миль, когда немцы все еще продолжали расстреливать беззащитных русских солдат на значительном расстоянии:

«Эта армия (3-я русская армия) превратилась теперь в безвредную толпу. Нам сильно недостает снарядов и пушек. Все понимают, как бесплодно посылать людей на фронт, пока между неприятелем и нами такое неравенство в артиллерии». К этому времени — через 10 месяцев, после начала войны, — Англия только начинала организацию своих огромных промышленных ресурсов для того, чтобы производить орудия и снаряды для самой себя.

Пока не явились на фронт немцы с их превосходной артиллерией и военной техникой, русские прекрасно справлялись с австрийцами.

Но когда пришел Макензен со своими тяжелыми орудиями и превосходно обученными германскими солдатами, русские оказались совершенно не в состоянии выдержать напор германской армии. По словам одного английского офицера «на восемнадцатый день отступления русских войск в мае 1915 г. бои продолжаются и русские попрежнему отступают. Я полагаю, что у них мало съестных припасов. Русская армия до сих пор была чересчур избалована тем, что против них сражались австрийцы. Русские не знали, что значит настоящее сражение... Возможно, что даже и теперь русские сохраняют численное превосходство, но дух третьей армии временно подорван». В июне тот же английский офицер сообщал, что третья армия доведена до одной четверти своей прежней численности, а дух войск значительно ослаблен вследствие потерь от артиллерийского огня, на который русские не в состоянии отвечать вследствие недостатка снарядов и патронов. Русский генеральный штаб в своих официальных объяснениях причин отступления указывал, насколько немцы превосходили русские войска в смысле артиллерии, и замечал по этому поводу, что все русские в зоне огня, которые не были убиты или ранены, были оглушены или контужены. В этом поразительном документе содержится абзац, который напоминает слова одного выдающегося английского генерала, заметившего, что глупо баловать войска, говоря им, что они могут надеяться, что неприятельская армия будет разбита предварительной бомбардировкой, перед тем как солдатам придется напасть на врага. «Ясно, что вражеская пехота, которая была избалована подобной поддержкой со стороны артиллерии и привыкла атаковать только тогда, когда неприятельские войска испытали на себе всю тяжесть обстрела, будет вскоре принуждена сражаться в более тяжелых условиях».

Полковник Нокс, один из наиболее проницательных и осведомленных английских офицеров на русском фронте, заметил по этому поводу тогда же (30 мая 1915 г.): «Жаль, что бедные русские солдаты не могут быть точно так же избалованы».

Этой катастрофе русской армии способствовал не только недостаток артиллерии; у русских был недостаток также в ружьях и патронах. Из новобранцев, прибывавших на фронт для пополнения огромных потерь, только 25% имели винтовки. На фронте не было ружей, чтобы восполнить недостаток в них. Один из английских наблюдателей сообщал 18 июня:

> «Немецкая артиллерия повсеместно превосходит по численности русскую; конечно, у нас гораздо меньше снарядов. Русская пехота не только принуждена итти в бой без достаточной артиллерийской подготовки, но многие из пехотных частей по численности значительно меньше, чем полагается по штату, так как нет достаточного количества винтовок для их вооружения; в довершение всего есть угроза, что не хватит ружейных патронов».

Когда русские сдерживали напор неприятеля, они могли воспользоваться для тех, кто не был вооружен винтовками павших в бою: они снимали с убитых ленты ружейных патронов; но когда началось отступление, этот источник иссяк и недостаток патронов стал еще более ощутительным.

Это было в начале июня, сражения продолжались до конца сентября. К июлю русские перестали надеяться на победу; их стратегические планы ограничивались задачей выбраться из положения, не доводя дело до уничтожения армии. Приходилось думать о том, чтобы не допустить огромного поражения наподобие седанской катастрофы. Искусное отступление — такова была высшая тактическая цель.

Другой английский наблюдатель писал:

«29 августа 1915 г.

Солдаты совершенно измучены непрерывным отступлением каждую ночь и рытьем окопов каждое утро; каждый день они вновь и вновь подвергаются артиллерийскому обстрелу, на который они едва могут отвечать... Потери огромны. За одно лето 1915 года во время отступления русская армия потеряла более 1 500 тыс. человек».

По словам одного русского офицера «недостаток военного снаряжения угрожал обескровить русскую армию».

Вначале русские генералы утешали себя мыслью, что немцы исчерпали все свои запасы снарядов в первом наступлении, что они не в состоянии будут продолжать артиллерийский обстрел в прежнем масштабе и что, лишь только они оставят позади склады, где они имели накопленные в течение многих недель запасы, как исчезнут преимущества, которые предоставляло им превосходство их артиллерии. В конце концов им пришлось пережить горькое разочарование, так как в течение всего лета и до глубокой осени немцы возобновляли наступление теми же методами и в условиях артиллерийского превосходства, которое лишь возрастало по мере того, как русские теряли пушки и снаряды. В течение нескольких недель, после того как появился цитированный выше характерный документ относительно опасности избаловать войска чрезмерной артиллерийской подготовкой, избалованные немцы продолжали теснить русские войска через реки, через болота, уничтожая тщательно подготовленные укрепления и грозные крепости, до тех пор пока не пришла русская зима, которая когда-то погубила Наполеона и которая вновь помогла преследуемым защитникам святой Руси.

В Англии мы готовы были сравнивать огромную мощь России с паровым катком, который движется медленно, но который стирает все на своем пути. Французы сравнивали русских скорее с молотилкой, которая постепенно вбирала в себя все силы немцев и в конце концов перемалывала их. Поражение 1915 года показало, что немцы были молотилкой, а русские — попавшими в машину колосьями.

Пока с восточного фронта приходили эти тревожные донесения, до меня дошли достоверные слухи, что военное министерство было недовольно характером этих донесений и предпринимало шаги к снятию с должности их составителей. Донесения с восточного фронта заставляли отчаиваться бравых вояк, которые окопались в министерстве. Вопрос о том, были ли эти донесения верны или нет, даже не ставился. Готовы были поступить по старому обычаю: чем больше правды, тем хуже клевета. Эти донесения были весьма мало радужными и производили глубокое впечатление своей справедливостью; поэтому военное министерство намеревалось снять с должности того, кто отвечал за их отправку, хотя бы составитель донесений, видя всю тяжесть положения, считал, что его прямой долг поставить в известность об этом своих начальников. Когда я из достоверного источника узнал об этом, я немедленно отправился к премьеру и сэру Эдуарду Грею, прося их вмешаться в дело. Слишком много реальных фактов от нас скрывали на всех фронтах, и я доказывал, что уволить человека, потому что он своевременно сообщал нам, каково было подлинное положение вещей, было бы возмутительно и опасно. Премьер-министр немедленно вмешался, и этот выдающийся офицер остался на своем посту. Но подробные донесения о поражениях на восточном фронте и о причинах этих поражений были значительно смягчены по тону в 1916 г. по сравнению с теми, которые поступали к членам кабинета годом раньше. Я не имею сведений о том, смягчались ли эти отчеты в Лондоне или в Петрограде.

Эти оглушительные поражения явились основой русской революции. Подлинное положение вещей можно было скрывать от английских министров и с помощью цензуры — от английского народа; но его нельзя было скрыть в течение продолжительного времени от тех, кто был в этом более всего заинтересован — от русского народа. Когда искалеченные солдаты возвращались к себе домой и привозили известия о нескончаемых поражениях, о том, что эти поражения объяснялись недостатками подготовки к войне со стороны правительства, когда они рассказывали соседям об ужасных потерях, которые понесли русские войска в результате этой слабой подготовки, то результатом всего этого было вначале общее потрясение, а затем растущее возмущение. В одной небольшой деревне из 26 молодых крестьян, которые пошли на фронт, 24 были убиты. Русский крестьянин думает медленно, но городские рабочие выразили свое возмущение в уличных волнениях, которые были подавлены полицией, стрелявшей в войска. Толпа кричала вслед полицейским: «Ироды, у вас нет патронов для немцев, но достаточно, чтобы убивать своих русских».

В самой армии недостаток снаряжения, естественно, создавал чувство растущего недовольства и недоверия. Вначале это чувство было направлено против союзников; затем оно обернулось против царя и его слуг, и, наконец, царский режим и союзники стали предметом глубокого и справедливого возмущения. Я привожу ниже донесение

с восточного фронта, которое было получено мною тотчас же после вступления в должность министра военного снаряжения:

«29 августа 1915 г.

Офицеры не могут понять, почему Англия с ее высоко развитой промышленностью не может помочь России в военном снаряжении. Меня спрашивают, почему мы не посылаем им снарядов и ружей. Когда я пытаюсь объяснить, что нам не хватает для собственных потребностей, мне просто не верят и продолжают доказывать, что помочь России было бы в наших собственных интересах, так как они будут сражаться, если мы предоставим им снаряжение».

Глава четырнадцатая

ПОЧЕМУ РУССКИЕ АРМИИ БЫЛИ ПЛОХО СНАРЯЖЕНЫ?

Горькие упреки удивленных английским равнодушием русских офицеров, солдаты которых погибали вследствие недостатка в снарядах, справедливы по существу. История предъявит счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе. Английские и французские генералы не научились понимать того, что победа над немцами в Польше оказала бы большую поддержку Франции и Бельгии, чем незначительное продвижение французов в Шампани или даже захват холма во Фландрии.

Англия и Франция бесспорно могли бы спасти Россию, если бы они приняли необходимые меры и приняли их своевременно, например, если бы были мобилизованы промышленные ресурсы нашей страны для производства военного снаряжения, чуть только мы решили выступить в августе 1914 г., и если бы союзные полководцы своевременно предусмотрели, — а они должны были это предусмотреть, когда немцы после сражения на Марне окопались на территории Франции, — что война превратится в оборону и нападение на огромные земляные сооружения—окопы. В таком случае уже в августе и сентябре 1914 г. можно было начать систематически развивать производство ружей, пулеметов, тяжелых орудий и соответствующего количества снарядов. Это было бы легче начать тогда, чем впоследствии, так как все необходимые нам квалифицированные рабочие находились на заводах и не были еще отправлены на фронт. В результате, если бы мы действовали быстро и в широком масштабе, нам удалось бы к концу года увеличить наше производство более легких снарядов на много сотен тысяч, а к лету 1915 г. мы имели бы в нашем распоряжении великолепный набор орудий всех калибров — легких, средних и тяжелых, при полном комплекте снарядов. Мы могли бы пополнить наши запасы сотнями тысяч ружей и, что столь же важно, мы могли бы иметь много тысяч пулеметов, которые вследствие промедления не поступили до конца 1916 г. В 1915 г. это великолепное оборудование превосходило потребности

наших армий для обороны. Новые рекруты не могли принять участия в бою до сентября 1915 г., до этого времени лишь около одной десятой следующего набора фактически было послано на фронт в дополнение к регулярной армии и территориальным частям. Это позволило бы нам, не ограничивая наших собственных потребностей, вдвое увеличить число имевшихся у России средних и тяжелых снарядов и более чем утроить ее ничтожные запасы снарядов. Мы могли бы доставить русским необходимое число винтовок и несколько сот пулеметов для защиты их укрепленных позиций. Если бы французы с своей стороны выделили хотя бы скромную часть своих запасов орудий и снарядов, то русские армии, вместо того чтобы быть простой мишенью для крупповских пушек, стали бы в свою очередь грозным фактором обороны и нападения.

Тот факт, что военное руководство союзников оказалось не в состоянии использовать гигантские ресурсы России, является наилучшим доказательством отсутствия предусмотрительности и обычной деловой сообразительности, что едва не стоило нам победы и затянуло войну на годы; благодаря этому возросли потери, воцарился хаос и произошла гибель многих.

Россия обладала такими резервами здоровой молодежи, что $4^1/_2$ года разрушительной войны, за которыми последовали еще годы жестоких болезней, революции и контрреволюции, казалось не отразились на ее неисчерпаемых людских ресурсах. К концу 1916 г. в России было призвано в армию около 13 млн. человек; тогда считали, что все еще оставалось такое же количество годных к военной службе лиц призывного возраста, которые никогда не были призваны в армию. Что касается 13 млн. уже призванных в войска, то первый контингент этой многомиллионной армии был хорошо подготовлен и им руководили способные офицеры. Большинство тех, кто ожидал своей очереди у входа в бойню в России, получил такую же подготовку к военной службе, которую Англия, Франция и Америка могли дать своим рекрутам в течение последнего года или двух лет войны. Когда Дума жаловалась на огромные потери, один русский генерал сказал: «Не стоит беспокоиться. Слава богу, людей у нас при всех условиях достаточно». По храбрости и выносливости русский солдат не имел себе равного среди союзников и врагов. Но военное снаряжение русской армии по части пушек, винтовок, пулеметов, снарядов и транспортных средств —было хуже чем у всех, и по этой причине русских били более малочисленные противники, часто уступавшие русским по своим боевым качествам; так убивали русских миллионами, в то время как у них не было никакой возможности защиты или мести. Россия была примитивной крестьянской страной с неразвитой промышленностью, поэтому Россия не была в состоянии вооружить своих храбрых бойцов необходимым оружием. Несмотря на огромные естественные ресурсы страны, Россия не обладала накопленным богатством или достаточным залогом, который позволил бы в кредит закупить необходимое военное снаряжение на единственном нейтральном рынке мира, ко-

торый мог удовлетворить ее потребности, — в Соединенных штатах Америки. С другой стороны, Франция с населением, равным около одной трети населения России, вскоре исчерпала свои людские ресурсы; для того чтобы восполнить пробелы, которые создавала война во французских войсках, Франции приходилось вновь и вновь производить набор на фабриках, заводах и крестьянских фермах, посылать вновь на фронт раненых и калек, вышедших из госпиталей, и призывать в войска подростков, которые достигли призывного возраста во время войны. Франция дополнила свои человеческие ресурсы цветнокожими из своих африканских и азиатских колоний. Франция бросала в огненную печь войны всех, кто мог быть принесен в жертву Молоху. Французские дивизии насчитывали в начале войны по двадцать тысяч человек каждая. К 1918 г. большинство дивизий было доведено до 4000 человек; с трудом удавалось удерживать их даже на таком уровне. Но Франция обладает некоторыми из лучших военных арсеналов в мире для производства оружия, в особенности для сухопутной войны, а французские инженеры являются прекрасными специалистами в целом ряде областей военной техники. Возможности производства военного снаряжения и всяких механических орудий войны, казалось, были ограничены только размерами спроса. Франция также располагала богатством, накопленным многими поколениями бережливых и трудолюбивых французов. Кредит Франции стоял высоко.

Что касается Великобритании, то к началу войны она обладала несколькими миллионами молодых людей призывного возраста. Однако лишь 4% из них получили какую-либо военную подготовку. Лишь только война была объявлена, сотни тысяч добровольцев записались в войска. Но только постепенно их удалось влить в армию, обучить и дисциплинировать. Только к концу второго года войны было выставлено около миллиона новых английских солдат. К этому времени Франция потеряла более двух миллионов, а Россия около пяти миллионов солдат. У нас не было офицеров и унтер-офицеров, вообще не было кадров, которые могли бы в кратчайший срок из лучших рекрутов сделать солдат, способных померяться силами с лучшей армией мира. Но Англия была величайшей промышленной державой Европы. Во всем мире не было более квалифицированных рабочих металлургической промышленности; возможность использовать их для производства военного снаряжения была вскоре доказана на опыте. Англия была также величайшим кредитором мира. Англия предоставила займы миру на 4 миллиарда фунтов стерлингов; это было достаточной гарантией британского кредита; Англия пользовалась таким кредитом в Америке, который позволял ей гарантировать любой заказ на оборудование, который Америка способна была выполнить. Англия и Франция совместно устроили значительный кредит России в Америке, но когда я занял пост министра снаряжения, я нашел, что более мощные в финансовом смысле державы постарались лишить Россию шансов использовать свои иностранные

кредиты. Альбер Тома и я старались сделать все, что было в наших силах, для того, чтобы добиться справедливого распределения и согласования союзных заказов в Америке. Но тогда уже было едва ли не слишком поздно.

Если бы Англия обследовала свои собственные невыявленные ресурсы и мобилизовала их для военных целей немедленно, после того как она рискнула своим величием и жизнью своих сынов, участвуя в мировой войне, то она была бы в состоянии в конце лета 1915 г. снабдить два миллиона русских солдат столь же мощным артиллерийским парком, как тот, который был предоставлен в распоряжение полутора миллионов английских войск летом и осенью 1916 г. При известной помощи со стороны Франции, — а как я покажу ниже, французские войска могли с легкостью в своих собственных интересах предоставить России известную часть своего снаряжения, — и с помощью американских заводов, для которых порукой мог быть английский кредит, Россия могла бы легко сдержать Германию в кампании 1915 г. и победить худшие австрийские войска. Что же случилось вместо этого? Я пытался вкратце изложить трагическую историю катастрофы, которая поразила великую страну; миллионы ее храбрых сынов были убиты и искалечены благодаря неподготовленности ее правительства и благодаря слепой и эгоистической тупости ее друзей.

Неуменье русских использовать имеющиеся в их распоряжении естественные и приобретенные ресурсы вовсе не объяснялось какими-либо умственными недостатками. Русские — чрезвычайно способный народ. Но у них сохранилась крестьянская привычка излишней медлительности и отсутствия точности. Для них время не играет роли и организация не имеет значения. Они ждут в бездействии в течение целой зимы, чтобы пришло лето с его сельским работами; зимой они только согреваются на печи. Когда работа окончена, наступает новый период досуга. Промышленная цивилизация Запада, которая требует непрерывного, хорошо организованного, точного труда, не повлияла на жизнь и привычки 90% русского народа. Во время войны мне пришлось встретиться с несколькими примерами этого врожденного и укоренившегося свойства русских, которое влияет на всю их деятельность. Один русский офицер, с которым я встретился на конференции во время войны, заявил мне, что настоящие русские были по существу непрактичными мечтателями, он предложил мне назвать русского, который когда-либо обнаружил способности делового характера в торговле, в финансах или политике. Я назвал нескольких. Он говорил по поводу каждого: «Это не русский, это немец», или «он армянин», «он грузин», «он швед», «он еврей». Тогда я спросил его: «А вы?» Он отвечал: «Я грек». Это, конечно, чересчур огульное обвинение народа, который насчитывает более ста миллионов люда и который совершил немало великого. Но мой деловой опыт в сношениях с русскими показал мне, что в этом циническом замечании содержалась немалая доля истины.

Вот характерный пример странного сочетания гения и неспособности. Русские химики — люди исключительных знаний, способностей и силы воображения. В начале 1915 г. русское интендантское управление встретилось с такими же затруднениями, которые пришлось преодолеть и нам. Недоставало взрывчатых веществ, которые до сих пор употреблялись для снарядов и патронов; было необходимо немедленно найти новый вид взрывчатых веществ. Дело было передано химикам. Через несколько недель, после того как ученые химики не пришли, повидимому, ни к какому практическому результату, в лаборатории был послан запрос, чтобы установить, насколько удалось приблизиться к разрешению проблемы. Оказалось, что химики забыли о срочной задаче, которая им специально была поручена. В своих экспериментах они натолкнулись на новое химическое открытие, которое было для них гораздо более важно, чем взрывчатые вещества для снарядов, и они продолжали работать над ним с интересом и энтузиазмом, заставившим их забыть, что их родина была вовлечена в борьбу с внешним врагом не на жизнь, а на смерть и что к ним обратились за помощью в попытке предупредить грозившую катастрофу. Вот еще одна иллюстрация тех же практических недостатков русского темперамента. Когда немцы применили в России первую газовую атаку, были использованы вначале такие же примитивные предохранительные средства, что и у нас, которые были изобретены тут же на месте. Когда этих средств оказалось недостаточно, обратились за помощью к англичанам и французам. Нас просили немедленно доставить партию противогазов, которые были изобретены для защиты союзных войск на Западе. Мы немедленно послали в Петроград сотни тысяч масок последнего образца. Перед тем как отправить их на фронт они были представлены предварительно на заключение русскому химику, который не колеблясь пришел к заключению, что противогазы далеко не во всех отношениях были хороши. Поэтому партию задержали в Петрограде, пока русские профессора были заняты изобретением лучших масок. Превосходный противогаз так и не был изобретен. Английские маски были в конце концов отосланы по назначению, но за это время много тысяч храбрых солдат задохлось от газа.

Если бы мы не знали о том, как слаба была производительность русской промышленности при самодержавном строе, мы могли бы указать на большие арсеналы в Перми и Петрограде и на многие другие хорошо оборудованные заводы в этой обширной стране. Мы могли заявить, что мы честно считали, что Россия вполне в состоянии удовлетворить потребности своих армий без значительной поддержки извне. Альбер Тома сказал мне по возвращении из России в 1916 г., что он позавидовал Путиловским заводам близ Петрограда. Эти заводы были оборудованы новейшими машинами. В этом отношении они превосходили лучшие из французских арсеналов. Но руководство никуда не годилось, было лениво, беспечно и допускало ошибки. Неспособность русских к руководству не была, однако, новым открытием и не нужно было специально ездить в Россию, чтобы

обнаружить эту черту русских. Во всяком случае к 1915 г. об этом было хорошо известно на Западе. Англия и Франция должны были совместно предотвратить гибельные для дела союзников последствия этой неспособности, предоставив России оборудование, которое там не могли произвести. Когда в мае 1915 года тевтонский ураган пронесся над обреченными армиями московитов, их великолепные арсеналы могли выпустить лишь первые четыре больших орудия, к производству которых приступили в начале войны. Но в 1914 г. из-за границы не поступило в Россию ни одного орудия бо́льшего калибра, чем 3-дюймовки, и в 1915 г. России пришлось столкнуться со всеми затруднениями без всякой действительной помощи в области тяжелой артиллерии и снарядов, от недостатка которых страдала ее храбрая армия.

Глава пятнадцатая

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ БЫ, ЕСЛИ СОЮЗНИКИ ОБЪЕДИНИЛИ СВОИ СРЕДСТВА?

Пока русские армии шли на убой под удары превосходной германской артиллерии и не были в состоянии оказать какое-либо сопротивление из-за недостатка ружей и снарядов, французы копили снаряды, как-будто это было золото, и с гордостью указывали на огромные запасы снарядов, готовых к отправке на фронт. Я вспоминаю конференцию по вопросам военного снаряжения в Париже, на который французские генералы со всей гордостью собственников, достигших зенита своего богатства, с увлечением приводили статистические данные о накопленных ими миллионах снарядов. А какова была роль Англии, когда она только приступала к производству снарядов по-настоящему, к производству сотен больших и малых пушек и сотен тысяч снарядов всех калибров? Английские генералы рассматривали производство военного снаряжения с такой точки зрения, как-будто речь шла о большом состязании или скачках и было необходимо, чтобы Англия была снабжена одинаково, а если возможно, то лучше всякого другого участника состязания. Военные руководители Англии и Франции, казалось, не понимали самого важного — что они участвовали совместно с Россией в общем предприятии и что для достижения общей цели необходимо было объединить их ресурсы, причем каждый должен был самым обыкновенным образом взяться за выполнение того, что было ему по силам. Дух коллектива совершенно отсутствовал в течение первых лет войны. Каждый из участников слишком много думал о своих собственных достижениях, и очень мало думал о победе всего коллектива. Французские генералы признавали важнейший факт, что Россия имела огромное численное превосходство над другими, но это признание никогда не приводило к каким-либо практическим результатам, за исключением постоянного требования, чтобы Россия прислала большую армию во Францию на помощь французам с тем, чтобы ослабить потери самой Франции в защите ее собственной территории. Пушки, ружья и снаряды посылались Англией и Францией в Россию до ее окончательного краха, но посылались с неохотой; их было недостаточно, и когда они

достигли находившихся в тяжелом положении армий, было слишком поздно, чтобы предупредить окончательную катастрофу.

В ответ на каждое предложение снабдить Россию снарядами французские и английские генералы заявляли в 1914, 1915 и 1916 гг., что им нечего дать и что уже посланное дано в ущерб себе. Это было вполне правильно, если стратегически правильными были в эти годы их бестолковые и расточительные попытки прорваться через мощную линию германских укреплений. Союзное командование на западном фронте никогда не считалось с тем, что вплоть до осени 1916 г. немцы сохранили перевес в области тяжелой артиллерии не только на Востоке, но и на Западе. Я не уверен, что они даже понимали это. Они могли видеть свои собственные пушки; у них не было представления об артиллерии противника. В 1916 г. мне показали французский меморандум, в котором приводились сравнительные данные о германской и французской артиллерии в самом крупном бою за время войны — в бою под Верденом — через три месяца после того, как начался бой и обе стороны подвезли все пушки, которые они могли собрать со всего фронта.

Данные, приведенные в этом меморандуме, показывают, что немцы не только обладали численным превосходством артиллерии под Верденом, но что у них было приблизительно 740 тяжелых и очень тяжелых пушек против 224 у французов, т. е. больше чем в 3 раза. У них было больше пушек, в том числе тяжелых, чем у французов на Западе, хотя они сосредоточили огромную массу артиллерии на восточном фронте против России.

Западные генералы сошлются на эти цифры в доказательство того, что они не могли отправить ни одной пушки и ни одного снаряда со своего фронта в помощь какому-либо другому фронту. Между тем эти цифры показывают лишь нелепость попыток наступать с худшей артиллерией на позиции великолепно снаряженной армии, обладающей лучшими орудиями. Всякий, кто видел германские укрепления, поймет, каким сложным предприятием была попытка взять их с бою. Крепости Бомонт-Амель, Позьер и Тиепваль могут послужить примерами в этом отношении. Они были оборудованы и вырыты под землей, укреплены железным кольцом и бетоном, так что ни один снаряд не мог проникнуть внутрь. С таким же успехом можно было атаковать катакомбы. С другой стороны, задача немцев, нападавших на французские окопы, была столь же безнадежна. Союзники обладали значительным численным превосходством на западном фронте. Союзные армии также могли окопаться, они также обладали достаточным количеством пушек, пулеметов, ружей и гранат, чтобы помешать всякой попытке прорваться. Таков был урок Вердена.

На русском фронте не было такой же нужды в тяжелой артиллерии, как на Западе. Ни австрийцы, ни немцы не были в состоянии соорудить такую гигантскую линию двойных и тройных траншей вдоль этого огромного фронта. Здесь война была в бо́льшей степени маневренной войной. 75-миллиметровки с должным количеством снарядов могли здесь иметь успех. Миллионы снарядов, попусту за-

траченных в упрямых и нелепых атаках на Западе, сослужили бы здесь полезную службу. Если бы русские обладали достаточной артиллерией, чтобы прорваться через австрийский фронт, более легкая и подвижная артиллерия довершила бы остальное. Несколько сот лишних пулеметов с достаточным количеством снарядов полностью остановили бы германское наступление.

Каждый, кто имел случай познакомиться с донесением нашего талантливого военного аташе на восточном фронте или с какой-либо заслуживающей доверия историей кампании 1915 г., знает, что сокрушительные поражения, которые потерпели русские армии, вызывались не численным превосходством немцев (русские превосходили немцев по численности по всему фронту) или недостатком храбрости, выносливости и дисциплины у русских солдат; их безграничная храбрость в тяжелых условиях всегда останется чудом. Эти поражения русских не следует приписывать также недостаточному военному искусству русских генералов. По общему мнению они удачно провели отступление. Попытки германского командования зайти в тыл русским ни разу не увенчались успехом, и русским удавалось отступать, не потеряв в большом количестве снаряжения. Это объяснялось умелым руководством генералов и прекрасными боевыми качествами солдат. Легко вести в бой великолепно снаряженную армию, воодушевленную надеждой на победу. Совсем не легко руководить разбитой армией, разочаровавшейся в победе, после того как ее неоднократно бил в бою неприятель, о котором известно, что он обладает гораздо лучшим снаряжением. Великий князь Николай Николаевич и его генералы заслуживают, чтобы мы это признали. Но почему в таком случае эта храбрая армия под руководством столь искусных генералов бежала подобно стаду овец по равнинам Польши и болотам Галиции. Ответ следует искать в приведенных мною отрывках из донесений беспристрастных английских офицеров, присутствовавших при этой агонии храбрецов, которых бюрократическая тупость лишила средств самозащиты и защиты страны, за которую они готовы были отдать жизнь. Они не были побеждены лучшими войсками; у них не было случая помериться силами грудь с грудью с солдатами неприятельской армии, сражавшейся против них. Они видели миллионы германских снарядов, проносившихся по воздуху в направлении к их окопам, разрывавшихся и вносивших разрушение и смерть, они слышали грозную трескотню пулеметов, которые вели в бой наступавшие немцы, но они редко встречались с врагом, который расстреливал их на безопасном расстоянии из пушек и ружей. Русские укрепления расстреливались чудовищными германскими пушками. Те, кому удавалось остаться живым после бомбардировки, оказывались без малейшего прикрытия, которое могло бы защитить их от такого дождя пуль и осколков снарядов, какое человечество не запомнит со дней Содома и Гоморы. Когда русские наступали, их расстреливали из пулеметов. Отступление в боевом порядке было для них единственным способом спастись самим и спасти свою страну. Даже при

отступлении сотни тысяч солдат погибали от шрапнели и тяжелых разрывных снарядов.

Если бы русская артиллерия была вдвое сильнее, особенно по числу пушек среднего и тяжелого калибра, и русские имели достаточное количество снарядов, если бы русские позиции могли быть защищены достаточным числом пулеметов, германские войска встретили бы на восточном фронте то же сопротивление, которое они встречали при наступлении на западном фронте, и они не могли бы позволить себе нести те потери, к которым приводили их непрерывные атаки. На австрийском фронте, где качество неприятельских войск было в силу ряда уже упоминавшихся мною причин, — причин, которые ни в коей мере не затрагивают достоинства австрийских войск, — значительно хуже, чем на германском фронте, храброе наступление русских вслед за достаточной предварительной артиллерийской подготовкой не только нанесло бы поражение австрийцам, но этот успех мог привести русские войска к воротам Вены. Австрийские армии сильно отличались от германских. Русские одерживали сравнительно легкие победы над австрийцами, но они не были в состоянии использовать их вследствие недостатка артиллерии. Хорошо снаряженная русская армия могла бы перейти через Карпаты, проникнуть на венгерскую и австрийскую равнины, пробиться к славянским братьям в Хорватию и Чехо-Словакию и угрожать столице двуединой монархии. Румыния при этих условиях чувствовала бы себя в безопасности и могла бы бросить свои 500 000 войск на австрийцев, а Болгария признала бы, что на стороне союзников сражаться выгоднее, или соблюдала бы нейтралитет.

Могут сказать, что немцы тогда пришли бы на помощь своему главному союзнику. Конечно это так. Они должны были бы притти на помощь Австрии в интересах самосохранения. Но они не могли бы оказать действительной поддержки Австрии без того, чтобы не ослабить значительно западный фронт. Они не могли бы увести часть своих войск с польского фронта, так как это позволило бы русским проникнуть в Пруссию. Сражения при Лоосе, в Артуа и Шампани, если бы они вообще произошли, проходили бы в условиях вдвое более благоприятных для французской армии, чем это было в действительности, когда эти сражения превратились в нелепую бойню для тысяч храбрецов. Молодежь обеих стран была принесена в жертву неправильным и устаревшим теориям военного дела, которые уже давно были опровергнуты повторным испытанием. Жертвы были напрасны. Они не освободили Франции и не могли спасти Россию. Западные генералы после неудачи оправдывались в своем стремлении осуществить эти расточительные бои тем, что находившаяся в тяжелом положении Россия нуждалась в наступлении на западном фронте, чтобы помешать немцам увеличить свои силы на восточном фронте. Немцы ни разу не прекратили своего победоносного шествия из-за того, что на расстоянии многих сотен верст от западного фронта французские и английские генералы накапливали стальные резервы в тылу и делали другие сложные при-

готовления, чтобы послать своих солдат под расстрел германских пулеметов в бесплодных попытках прорваться через линию германских укреплений. Генералы всегда были уверены в победе «на этот раз». Прежний опыт должен был ослабить их уверенность. Мы могли бы лучше всего помочь России, если бы мы отправили ей часть того военного снаряжения, которое мы без толку растрачивали в боях, не приводивших ни к чему, кроме и без того огромных потерь в рядах собственных войск.

Итак, если бы мы отправили в Россию половину тех снарядов, которые затем были попусту затрачены в этих плохо задуманных боях, и 1/5 пушек, выпустивших эти снаряды, то не только удалось бы предотвратить русское поражение, но немцы испытали бы отпор, по сравнению с которым захват нескольких обагренных кровью километров французской почвы казался бы насмешкой. Кроме того Австрия была бы разгромлена. Только быстрая переброска на австрийский фронт нескольких дивизий германской пехоты и нескольких батарей германской артиллерии могла бы спасти двуединую монархию от катастрофы. Если бы Россия одержала победу, Болгария вступила бы в войну на стороне союзников. Балканская федерация, включавшая Сербию, Румынию и Грецию, а может быть, и Болгарию на юге, и итальянская армия на западе совместно с русской армией на востоке могли бы в бою против разбитой и разъединенной Австрии закончить войну в 1915 г. Быть может, этот расчет грешит в сторону оптимизма. Но вполне очевидно, что если бы снаряжение русской армии было усилено, Австрия была бы в конце кампании 1915 г. на пороге катастрофы. Германии трудно было бы предотвратить крах в лагере ее ненадежного союзника. К весне 1916 г. Англия, Россия, Италия и Балканская федерация, хорошо снаряженные (конечно если бы своевременно было начато производство снарядов), могли бы начать объединенное наступление против Австрии, которое завершило бы ее распад. Изолированная и ослабленная Германия должна была бы тогда столкнуться лицом к лицу с полными сил Францией и Англией; она с радостью заключила бы мир, признав себя побежденной и разбитой.

Вместо этого мы предоставили Россию ее судьбе и тем самым ускорили балканскую трагедию, которая имела такое значение в продлении войны.

Анализируя положение через год после вступления в войну, я пришел к убеждению, что дела на Востоке и Западе складывались неблагоприятно для союзников. Все наши атаки во Франции привели к дорого стоящим неудачам. Я был убежден — до известной степени мои взгляды разделял и лорд Китченер, — что наступление, которое мы предпринимали в то время, закончится кровопролитным поражением для союзников. Армии нашего величайшего союзника были в таком положении, что приходилось провозглашать их избавление от полного уничтожения триумфом стратегического искусства. Великолепный урожай покоренной Польши стекался в опу-

стевшие амбары Германии, где урожай был плох. Таким образом блокада оказывалась безрезультатной. На Ближнем Востоке мы не продвигались вперед в Месопотамии, и нас не только сдерживали турки в Египте, но мы еще находились в повседневном страхе перед вторжением в дельту Нила турецких войск, которые могли захватить Суэцкий канал. В Галлиполи мы терпели поражение за поражением, и появились слухи, оказавшиеся слишком справедливыми, что Сербия вскоре будет раздавлена под пятой беспощадных тевтонских армий. Десять недель, проведенных мною в министерстве военного снаряжения, убедили меня в справедливости жестокой истины, что большая часть этих неудач могла быть избегнута, если бы мы вовремя организовали наши ресурсы и мудро распределили их. Это убеждение побудило меня опубликовать в сентябре 1915 г. нижеследующую записку. Я стремился вывести общественное мнение из того состояния покоя и самодовольства, в котором оно пребывало благодаря официальным донесениям о сомнительных победах. Я полагал, что это единственный путь к изменению создавшегося положения. Перечитывая эту записку теперь, через 17 лет, когда есть возможность обдумать историю 1914 и 1915 гг. в спокойной обстановке кабинета, я не нахожу существенных ошибок или преувеличений в том обзоре положения союзников, который я тогда составил.

«Через год после начала войны я более, чем когда бы то ни было, убежден, что Англия не могла оставаться нейтральной, не поставив под угрозу свою безопасность и не рискуя своей честью. Мы не могли оставаться молчаливыми зрителями и сидеть сложа руки, когда страна, которую мы обязались защищать честным словом, была разорена и раздавлена другим поручителем ее нейтралитета. Когда дети и жены англичан погибали жестокой смертью на судах в открытом море от германских подводных лодок, английский народ должен был свести счеты с империей детоубийц. Все, что случилось с начала войны, ясно показало, что подобный милитаризм, настолько бесчестный и гнусный, что не считал себя связанным какими бы то ни было обязательствами, забывший об элементарных требованиях человечности, представлял собою самую ужасную угрозу цивилизации. Несмотря на то, что устранение этой угрозы обойдется человечеству не дешево, благоденствие всего мира требует, чтобы этот милитаризм был вызван на бой и уничтожен. Тот факт, что мощь этой военной клики, как показали события, превосходит представления самых отчаянных пессимистов, служит лишь дополнительным аргументом в пользу необходимости ее уничтожения. Чем больше мощь, тем страшней угроза.

Неудачи войны не поколебали моей уверенности в конечной победе, конечно при том условии, что народы союзных стран, до того как станет слишком поздно, бросят все силы на борьбу. В противном случае нас ждет поражение. Союзные страны обладают огромным перевесом в области сырья, необходимого для

снаряжения войск, численным превосходством армий, большими ресурсами в области денежных средств, металлов и машин. Но все эти ресурсы должны быть мобилизованы и использованы. Было бы неверным считать, что в течение первого года войны эта задача была удовлетворительно разрешена. Если бы союзники во-время поняли все могущество их грозных и на все готовых врагов, более того, если бы они учли собственную мощь и ресурсы и приняли решительные меры к их использованию, то на сегодняшний день мы были бы свидетелями триумфа нашей артиллерии, которая забрасывала бы снарядами германские окопы, сеяла бы огонь в германских рядах и отогнала бы неприятельские легионы к границам Германии.

Каково же подлинное положение вещей? Оно хорошо известно немцам и каждому в любой стране, участвующей или не участвующей в войне, кто читает сообщения с фронта: несмотря на все средства Англии, Франции, России — на средства почти всего промышленного мира — центральные державы тем не менее попрежнему в огромной мере превосходят нас в области военного снаряжения и артиллерии. Результаты этого факта крайне печальны. Железная пята Германии погрузилась глубже, чем когда-либо, в почву Франции и Бельгии. Польша целиком стала германской; за нею следует Литва. Русские крепости, считавшиеся неприступными, распадаются подобно песочным домикам под неудержимым напором тевтонского вторжения. Когда начнется отлив тевтонских войск? Когда удастся остановить их напор? — Лишь тогда, когда союзники будут обладать достаточным количеством военных материалов.

Я напоминаю об этих неприятных фактах, так как хочу побудить моих соотечественников напречь все силы, чтобы изменить создавшееся положение. Говорить о подобных событиях — весьма неприятная задача, которая выпадает на долю государственного деятеля. Вместе с тем тот государственный деятель, который избегает смотреть правде в глаза или уклоняется от того, чтобы заставить других считаться с действительным положением вещей, повинен в измене стране, которой поклялся служить.

Во всех союзных странах в большой мере осознали это; делаются грандиозные усилия, чтобы снарядить действующие армии. Я знаю, что делается у нас в этой области; наши усилия без сомнения огромны. Но не можем ли мы достигнуть большего в смысле количества отправляемых на фронт войск или снаряжения? Только самые крайние усилия могут доставить нам победу. Напрягли ли мы теперь все силы, чтобы возместить потерянное время? Набрали ли мы всех нужных нам людей, чтобы быть в состоянии в будущем году на фронте хотя бы успешно защищаться? Понимает ли каждый, кто может нам помочь в бою или в производстве военного снаряжения, что малейшая ошибка означает крах? Сколько людей в Англии полностью понимают все

значение русского отступления? В течение года Россия, несмотря на недостаток снаряжения, сдерживала напор половины германских и четырех пятых австрийских войск. Все ли понимают, что в настоящий момент Россия принесла всю свою лепту — и какую героическую лепту — на алтарь борьбы за свободу Европы, и что в течение многих месяцев мы не можем рассчитывать на ту же активную поддержку со стороны русских армий, которой мы пользовались в прошлом? Кто займет место России, пока русские армии будут перевооружаться? Кто вынесет тяжесть, которая до сих пор лежала на плечах России? Нельзя рассчитывать на то, что Франция вынесет более тяжелое бремя, нежели то, которое она выносит теперь с той спокойной смелостью, которая поразила и тронула весь мир. Италия бросает свои силы в бой. Что она может сделать еще? Остается только Англия. Готова ли Англия заполнить тот огромный пробел, который создастся, пока Россия будет перевооружаться? В состоянии ли Англия полностью справиться со всеми возможными осложнениями ближайших месяцев на Западе, не упуская из виду Востока? От ответа, который дадут на эти вопросы правительство, предприниматели, рабочие, финансисты, молодые люди, которые способны носить оружие, — от ответа всего народа нашей великой страны зависит свобода многих поколений народов Европы.

Один умный и проницательный наблюдатель заметил мне на днях, что, по его мнению, политика Англии в течение ближайших трех месяцев определит исход войны. Если мы не в состоянии будем обеспечить наши фабрики и заводы достаточным количеством рабочих, которые необходимы для производства военного снаряжения для наших армий, потому что нам помешают нарушить установления, пригодные лишь в нормальных условиях; если будут сохранены в силе ограничения производства военного снаряжения, если народ будет колебаться призвать в случае необходимости всех способных носить оружие к защите чести и существования страны; если жизненно необходимые решения будут откладываться в долгий ящик; если мы будем пренебрегать событиями и не будем готовы к ним; если мы дадим повод к обвинению нас в том, что мы идем к краху, не обращая внимания на врага, — тогда у меня нет надежды. Но если мы пожертвуем всем, что имеем и что любим, для родины, если наши приготовления во всех областях будут проникнуты духом настойчивости, решительности и боевой готовности — тогда наша победа обеспечена».

Глава шестнадцатая

БЕСПЛОДНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНИКОВ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Пока немцы были заняты своими гигантскими операциями на восточном фронте, чтобы разбить и уничтожить великие русские армии, командование французской, английской и итальянской армий, чтобы притти им на помощь, не могло придумать ничего лучшего, чем бросать огромные массы своих собственных войск на неприступные позиции неприятеля во Франции, Фландрии и в австрийских Альпах. Ни одно решение их врагов не могло в большей мере соответствовать интересам центральных держав, чем эта политика, проводимая с упрямой и бессмысленной настойчивостью, политика, в которой был принесен в жертву цвет союзных армий в напрасных попытках пробиться сквозь укрепления, прекрасно вооруженные пушками и пулеметами, за которыми находилась вторая и третья линии столь же укрепленных позиций — на случай, если первая линия будет взята. Союзники в то же время продолжали столь же неудачно свои попытки захватить Галлиполи с недостаточным числом войск, плохим снаряжением и способностью начинать всякое дело слишком поздно. Если бы своевременно $1/5$ тех солдат, которые были принесены в жертву в бесплодных атаках во Франции, была послана в качестве подкрепления для дарданельской экспедиции, Галлиполи можно было бы захватить с относительной легкостью. Мы терпели поражение за поражением, и каждое из них было тяжелым ударом, который наносил ущерб нашему престижу на Балканах, где Болгария и Румыния следили за ходом событий. По мере того как разгром России становился все более и более очевидным, усилия наших друзей в Болгарии делались все слабее и слабее, германофильская партия в военных кругах в Софии становилась все более настойчивой и уверенной, коварному болгарскому царю казалось ясным, какая сторона сулит ему больше благ, и храбрая сербская армия за Дунаем приходила в состояние все большего и большего отчаяния. Сербам представлялась теперь неизбежной гибель их изолированного отечества.

Между тем западные генералы были целиком во власти одной идеи — идеи прорыва германского фронта, которая подобно мании за-

ставляла их подготовлять все новые и новые, по их мнению, решающие атаки на линию германских укреплений. Следующую атаку предполагалось начать в сентябре. После того как это решение было принято, в уме лорда Китченера возникло сомнение в правильности такой политики.

Согласно официальной истории войны, опубликованной военным министерством, английское командование после конференции по вопросам военного снаряжения в Булони впервые предприняло тщательное обследование военного снаряжения армии на западном фронте; обследование касалось французской, английской и германской армий, в особенности в отношении тяжелой артиллерии и снарядов. Обследование показало, что у немцев было вдвое больше артиллерии, чем у союзников, и что германское производство снарядов за день вдвое превышало производство снарядов во Франции и Англии, вместе взятых:

> «Принимая во внимание различные, имеющие значение факторы, английское командование пришло к убеждению, что наступление на западном фронте, чтобы иметь некоторые шансы на успех, должно быть осуществлено на фронте протяжением не менее 25 миль, силами не менее 36 дивизий, вооруженными 1 150 тяжелыми орудиями и гаубицами при соответствующем количестве полевой артилллерии. Английское командование полагало, что такое количество орудий и снарядов не могло быть доставлено до весны 1916 г. и что до тех пор следовало предпочесть — вне зависимости от общего положения — оставаться на западном театре войны в состоянии активной обороны».

Этот правильный вывод не был сообщен генералами их правительствам достаточно своевременно, чтобы повлиять на решения последних. Я не помню, чтобы лорд Китченер когда-либо сообщил кабинету или военному совету заключение английского командования, о котором теперь сообщается в истории войны.

Штатским лучше не говорить, что события доказали их правоту и неправоту генералов. Но лорд Китченер наконец уведомил кабинет, что он был противником осеннего наступления, которое предполагал начать в сентябре генерал Жоффр и в котором по желанию Жоффра английская армия должна была участвовать, наступая на правый фланг германских армий. Сэр Джон Френч полностью сознавал недостатки и опасности предполагавшейся операции и, я полагаю, что в начале сэр Дуглас Хейг разделял его мнение. Эти недостатки и опасности были указаны с большой настойчивостью членами кабинета, в том числе и премьер-министром; сам лорд Китченер выразил свое согласие по крайней мере с некоторыми из этих опасений. Тем не менее кабинет в целом (за исключением по крайней мере двух его членов) принял точку зрения лорда Китченера, заключавшуюся в том, что у нас не было другого выбора, как согласиться с планом, на котором так упрямо и нелепо настаивал французский главнокомандующий. Наши новые армии приняли впер-

вые участие в бою и сражались с чрезвычайной храбростью; десятки тысяч наших солдат пали в бесполезном наступлении при Лоосе.

Накануне этого наступления лорду Китченеру было поручено посетить Францию, чтобы убедить генерала Жоффра отложить наступление, но его миссия закончилась неудачей. Он сообщил, что генерал Жоффр был убежден, что по политическим и военным соображениям (среди первых главное место занимало положение в России) необходимо начать наступление немедленно и в широком масштабе. Сэр Джон Френч согласился с ним, что этот шаг настоятельно необходим с военной точки зрения. Лорд Китченер, хотя и не был оптимистически настроен насчет возможных военных достижений, ожидавшихся от этого наступления, твердо придерживался того мнения, что мы не могли отказать Жоффру в просимом им содействии без серьезного и, быть может, рокового ущерба для дела союзников.

Даже после того как неудача этого последнего нелепого наступления 1915 г. стала совершенно очевидной для всякого здравомыслящего наблюдателя, генерал Жоффр настаивал в течение многих недель на том, чтобы одна атака продолжала следовать за другой. Когда он убедился в том, что дальнейшие попытки были бесплодны и приводили лишь к увеличению и без того огромных потерь, он сообщил своему правительству, что у него нет намерения продолжать свой план наступления в том же году. Поэтому Жоффр заявил о своей готовности помочь осуществлению того проекта, который был ему предложен наиболее способными членами французского правительства и который сводился к посылке войск в Салоники на помощь Сербии. Перед тем как генерал Жоффр убедился в этом на основании горького опыта, английские потери во время наступления в Шампани втрое превышали потери в дарданельской операции. Были затрачены миллионы снарядов — в общем около 10 млн. Половина тех бойцов, которые пали во время этого преступного наступления, могла бы захватить Галлиполи или, если бы их отправили в Салоники, сумела бы помочь Сербии вторгнуться в Австрию за Дунай. Одной трети снарядов было бы достаточно, чтобы предотвратить отступление русских.

Глава семнадцатая

ТРАГЕДИЯ СЕРБИИ

Что происходило с союзниками на восточном и юго-восточном фронте в то время, как западные генералы с упорством козла пытались прошибить лбом неприступную стену? Я уже описывал, как потерпела поражение русская армия вследствие недостатка снаряжения. Каково было положение Сербии? Из Софии, Бухареста, Афин и Ниша приходили грозные известия, что Австрия собирает большую армию в долинах Дуная. Затем мы узнали, что в Австрию прибывают в большом количестве германские войска. Было известно, что Болгария уже почти решила присоединиться к центральным державам и вместе с ними напасть на Сербию.

Грозные последствия русского поражения вскоре проявились в изменении позиции Болгарии. В середине августа 1915 г., когда казавшаяся неприступной Ковенская крепость пала под обстрелом германской артиллерии и русские армии ежедневно оттеснялись шаг за шагом по направлению к Петрограду, английское министерство иностранных дел получило известие от английского представителя в Софии о том, что захват Ковно произвел глубокое впечатление на правящие и военные круги болгарской столицы и дал основание рассчитывать на окончательное поражение русских войск. Наш представитель в Болгарии предупреждал нас, что даже наиболее благосклонные к нам круги в течение последних дней «были настолько подавлены военным могуществом Германии, что колебались занять такую позицию, которая открыла бы Болгарию нападению со стороны Германии». Несколько недель спустя хитроумный Фердинанд, который скрывался за уступчивым министерством, пока не решил, какая из сторон в мировой войне могла больше заплатить ему и скорее выиграть войну, счел, что наступил момент открыто выступить на стороне Германии и Австрии. Когда Сербию постиг удар, мы не могли пожаловаться на то, что у нас не было своевременной информации о судьбе, уготованной ей центральными державами. В конце сентября проникли известия, что австрийцы сосредоточивали войска в долинах притоков Дуная и что несколько германских дивизий уже прибыли к ним в качестве подкрепления. Нет сомне-

ний в их намерениях и в том, что они ведут дело к их немедленному осуществлению.

О вероятности австро-германского нападения на Сербию упоминалось в печати; это было даже предметом обсуждений в палате общин в конце сентября 1915 г. Когда этот вопрос был поднят, сэр Эдуард Грей сделал следующую декларацию:

> «Если, с другой стороны, болгарская мобилизация приведет к тому, что Болгария выступит на стороне наших врагов, *мы готовы предоставить нашим друзьям на Балканах всю ту поддержку, которая нам по силам, и тем способом, который представляется им наиболее желательным; эта поддержка будет предоставлена в согласии с нашими союзниками без оговорок и без ограничений. Мы, конечно, ведем переговоры с нашими союзниками по этому поводу, и я полагаю, что выражаю здесь также их точку зрения*».

Как затем сказал сэр Эдуард Карсон, после того как удар Сербии был нанесен:

> «Это была одна из самых важных деклараций, которые министр когда-либо делал в палате. Я поверил в то, что эта декларация соответствовала политике правительства его величества; даже более того, я поверил, что наши военные советники никогда не позволили бы нам сделать такую декларацию, если бы мы не имели наготове плана, не сделали приготовлений, чтобы помочь нашей храброй маленькой союзнице на поле брани».

Декларация Грея удовлетворила взволнованную палату общин. С восторгом цитировали ее по всей Сербии в качестве обещания, что могущественные друзья Сербии на западе придут ей на помощь, если с ней случится какое-либо несчастье, и конечно придут во-время, чтобы ее спасти. Немцы отдавали себе лучший отчет относительно ценности союзных обязательств, чем английский парламент или сербский народ. Они не замедлили и не остановили своего наступления. Германские военные руководители пришли к заключению, что им нечего было опасаться тщательно подготовлявшегося наступления на западном фронте. На самом деле они приветствовали его. Они хорошо знали генерала Жоффра и были убеждены, что пока его внимание было сосредоточено на его планах наступления в Шампани, он ничего не предпримет на каком-либо другом театре военных действий. Союзные генералы подготовляли дымовую завесу — не для того чтобы скрыть свои собственные намерения (эти намерения были заметны с любого аэроплана), но для того чтобы скрыть от себя самих намерения центральных держав; генералы боялись, что понимание целей противника побудит государственных деятелей союзных стран отвлечь свои силы от погони за неосуществимым.

Наступление на западном фронте началось 25 сентября. Через два дня всякому умному наблюдателю стало ясно, что французы потерпели неудачу в своей главной цели — в попытках прорваться

сквозь германский фронт. Немцы знали это и продолжали отправлять дивизию за дивизией на Дунай. Между тем генерал Жоффр настойчиво бросал войска в бой для захвата германских укреплений с тем, чтобы убедиться, после того как ему удалось их захватить, что в ста шагах находилась следующая столь же укрепленная позиция немцев. Так продолжалось несколько недель, и в сплошной линии окопных укреплений не было найдено ни одной щели. В этом не было ничего нового. Каждый солдат на французском фронте мог бы заранее сказать Жоффру то, в чем он убедился после потери десятков тысяч драгоценных жизней. Сэр Вильям Робертсон в написанном им тогда меморандуме отмечал: «Мы прекрасно знаем, что нет непреодолимых трудностей в том, чтобы прорваться сквозь первую линию обороны. Это удавалось на западном фронте несколько раз в течение лета. Гораздо большие затруднения возникают в связи со второй и третьей линиями обороны». Пока это продолжалось, западные генералы, не обращая внимания на призывы о помощи со стороны сербов, следивших за тем, как ураган мчался со всей силой к их стране, продолжали терять драгоценное время на разрешение безнадежной задачи. Раз занявшись ею, французские и английские генералы нашли для себя затруднительным вывести свои армии из боя без новых тяжелых усилий. Они бросили все свои резервы в расставленную немцами мышеловку; их ждали стальные зубы тевтонов, жестоко впивавшиеся в тело союзных армий. Враг мертвой хваткой схватил врага.

7 октября немцы и австрийцы перешли Дунай в пяти различных пунктах. В тот же день в Англии была получена об этом телеграмма. Как я указываю ниже, лорд Китченер не видел этой телеграммы до следующего дня и, когда военный совет собрался, чтобы обсудить военное положение, Китченеру 8 октября не было известно, что армии центральных держав уже вторглись в Сербию. Когда он узнал наконец и сообщил об этом кабинету, было решено, что он должен тотчас же отправиться во Францию для совещания с генералом Жоффром о новом положении, создавшемся на востоке. 9 октября генерал Жоффр представил ему следующий меморандум:

«*Меморандум генерала Жоффра английскому военному министру от 9 октября 1915 года.*

Причины для вмешательства союзников на Балканах сводятся к необходимости помешать осуществлению германских проектов на новом театре военных действий, который открыт немцами, и к моральному обязательству не оставить нашу союзницу Сербию одну при нападении наших общих врагов.

Инициатива операций на Балканах принадлежит нашим противникам и они в состоянии сохранить там численное превосходство, что бы мы ни предпринимали. Не может быть поэтому и речи о том, чтобы мы дали себя вовлечь в общее сражение, которое не имеет шансов на успех.

Мы должны ограничить свою роль предотвращением разгрома сербов, обеспечить их связь с морем и в конечном итоге

обеспечить зону отступления. Мы должны также преградить немцам путь в Салоники.

Таким образом, наши войска должны:

1) укрепить и удержать Салоники в качестве базы для французской, английской и сербской армий;

2) защитить и удержать железнодорожную линию между Салониками и Ускюбом, чтобы обеспечить коммуникационную связь с сербской армией и снабжение этой армии;

3) прикрывать правый фланг сербской армии, мешая всякой попытке противника захватить центральную Сербию.

Чтобы достигнуть этих целей, кажется достаточным корпус в 150 тыс. человек; эта цифра превосходит то количество, которое могут выставить на этом фронте болгары.

В том случае, если иное расположение сил Греции и Румынии заставит союзников занять другую позицию и увеличить в дальнейшем свои силы на этом фронте, то, по мнению генерала Жоффра, Франция, обладая ограниченным числом солдат, не сможет принять участия в этих усилиях, и ответственность за них ляжет всецело на британское правительство.

Генерал Жоффр настойчиво рекомендует, чтобы итальянскому правительству была внушена мысль о необходимости, во первых, отправить войска в Салоники, а затем — проложить путь в Сербию через Дураццо».

Этот документ содержит предложения, настолько похожие на те, которые я настойчиво и много раз выдвигал перед кабинетом министров, что я чувствую себя в праве обратить внимание читателя на их сходство. Единственная разница во времени — разница роковая. Если бы этот документ был составлен на три — или даже на два — месяца раньше и были бы приняты немедленные меры, Балканы не попали бы в руки Германии и предсказание Китченера о победе союзников в 1917 г. оправдалось бы. Теперь было слишком поздно, чтобы предупредить катастрофу; это было ясно каждому, чей взор простирался за пределы окопов, лежавших перед его глазами. По генерал Жоффр не был одарен такой широтой взгляда.

Меморандум 11 октября подвергся обсуждению на общем собрании комиссии, все еще носившей название дарданельской комиссии. Военное командование представило комиссии заключение, что не следует отправлять никаких войск на средиземноморский фронт — в Дарданеллы или Салоники — до тех пор, пока не закончится наступление во Франции.

И сэр Дуглас Хейг и генерал Жоффр заявляли, что их целью был захват большой территории с тем, чтобы закрепить уже имеющиеся достижения. По их мнению, наши позиции на некоторых участках были таковы, что нам приходилось либо наступать, либо отступать. Сэр Вильям Робертсон полагал, что это потребовало бы еще длительных сражений вблизи Лооса. Запрошенный о том, повлечет ли за собою какое-либо стратегическое изменение благоприятный результат предполагавшейся операции, Робертсон признал, что стра-

тегически положение не изменится, если генерал Жоффр не сможет одновременно продолжать наступление в Шампани. Нам дали понять, что генерал Жоффр фактически уже пришел к заключению, что общее наступление должно быть отложено на три месяца. Большое наступление было таким образом признано неудавшимся. Тем не менее французский главнокомандующий заявлял, что он не мог послать каких-либо войск из Франции, пока он не знал, не намереваются ли немцы перейти в контрнаступление. Этого нельзя было определить в течение двух недель. Согласно указанию Робертсона это означало, что ни английские ни французские войска не могли быть уведены с поля сражения еще в течение двух или трех недель. Пока длилось это обсуждение, немцы и австрийцы наступали в Сербии в течение 4 дней. В тот же день болгары отправили триста тысяч солдат через коммуникационные линии между Сербией и Салониками. Поистине превосходная стратегия! Превосходные генералы! Превосходные государственные деятели, которые мирились с такой стратегией и с такими генералами!

У военных экспертов требовали информации о том, когда они будут в состоянии выделить войска для отправки на Балканы. О том, куда направить эти войска, когда они будут выделены, говорили много, попусту и туманно. Некоторые члены комиссии предлагали, чтобы войска были отправлены в Дарданеллы с тем, чтобы поддержать галлиполийский корпус и тем самым позволить ему предпринять новую атаку на турецкие позиции. Французы противились этому плану в случае, если в то же время не будет отправлена армия на азиатский берег. Они твердо придерживались того мнения, что простой захват Галлиполи и форсирование проливов только завлечет союзный флот в ловушку, которая тотчас же закроется за ним, как только флот войдет в Мраморное море. Союзный флот не будет иметь там возможности восполнить свои запасы топлива и вскоре будет приведен в состояние негодности. Французам следовало бы подумать об этом, перед тем как согласиться на дарданельскую экспедицию. Другие, в частности Бонар Лоу и сэр Эдуард Карсон, стояли за высадку войск в Салониках и немедленное выступление в помощь сербам. Начальник штаба воспротивился этому, заметив, что салоникская железная дорога не имела достаточных перевозочных средств, чтобы позволить союзникам отправить сколько-нибудь значительное количество войск даже до Ускюба. Тут обнаружилось, что, хотя военный совет еще в январе решил принять немедленные меры для постройки второй колеи, где это было возможно, для постройки подъездных путей и увеличения подвижного состава, однако ничего не было предпринято для выполнения этого решения. Я поддержал точку зрения, которую настойчиво выдвигали Бонар Лоу и сэр Эдуард Карсон. Я дополнил их соображения предложением, чтобы мы немедленно снеслись с греками и румынами, обязавшись от имени союзников немедленно отправить в Салоники 250 тыс. солдат, если они со своей стороны изъявят готовность присоединиться к попытке спасти Сербию. Я указал, что румыны могут

выставить в поле 40 тыс. человек, а греки по крайней мере 200 тыс. человек, что вместе с нашими 250 тыс. это составит в общей сложности 850 тыс.; что с такими силами Болгарию можно заставить оставаться нейтральной (если же она выступит, ее можно будет разгромить). Во всяком случае это позволит сербам устоять в борьбе против предпринятого против них наступления. Лорд Керзон и другие члены совета полагали, что было слишком поздно отправлять войска для поддержки сербов и, что лучше было бы использовать наши войска для подкрепления галлиполийского экспедиционного корпуса с тем, чтобы предпринять новое наступление на турок. Другие предлагали высадку в Александрете, третьи — чтобы мы отправили наши войска в Египет, не решая заранее вопроса об их конечном назначении или действиях. В этом смысле они не исключали возможности использования Александреты, Салоник или западного побережья проливов. Пока предполагалось послать какого-нибудь выдающегося генерала в средиземноморский район для обследования и поручить ему представить совету свое заключение, как лучше всего поступить.

Решение, принятое советом при таких разногласиях, вполне отражает охватившее всех отчаяние.

«1) Надлежит дать немедленно инструкции для отправки *тотчас же по окончании начатых военных операций* значительных и достаточных сил из Франции в Египет, не решая вопроса об их конечном назначении; на адмиралтейство возложить обязанность позаботиться о перевозочных средствах.

2) Назначенному специально для этой цели генералу надлежит немедленно отправиться на Ближний Восток, где произвести обследование имеющихся условий, составить донесение и заключение о том, какой цели должно быть уделено наше внимание.

3) Предложить генеральному штабу указать, какие изменения считал бы штаб возможным внести в представленный им меморандум с оценкой военного положения, если Греция и Румыния присоединятся к союзникам».

Этот вывод означал, что Сербию фактически оставляют на произвол судьбы. Объединенные армии Германии, Австрии и Болгарии легко устранили с своего пути ослабленную и плохо снаряженную сербскую армию, захватили Балканы и расчистили путь к Константинополю.

Между тем было решено послать в средиземноморские районы генерала Монро. 31 октября он рекомендовал эвакуировать Галлиполийский полуостров. На первом заседании нового военного совета 3 ноября, о котором мне еще придется упоминать в дальнейшем, было решено отправить лорда Китченера, чтобы он сам обследовал положение на месте. Это решение было продиктовано не только военными соображениями. Влияние лорда Китченера в правительстве было уже не тем, каким оно было в первый год войны. За последний месяц оно значительно упало. В 1914 г. он был почти военным

диктатором, и принятые им решения по всем вопросам, относившимся к войне, были окончательными, члены кабинета испытывали явный страх перед ним, перед его репутацией и его огромной популярностью среди всех слоев народа. Его слово было решающим, и никто не смел бросить ему вызов на заседании правительства. Я полагаю, что могу претендовать на то, что был первым, кто не соглашался с ним в вопросах военного снаряжения и в других менее важных вопросах, вроде вопроса о создании валлийской дивизии и назначении диссидентских священников. Но мои коллеги относились к моему вмешательству в эти вопросы с тревогой, близкой к ужасу. Постепенно ошибка за ошибкой, которые совершали военные, ответственность за которых он нес в качестве военного министра, уменьшили его престиж и ослабили его влияние; широко распространилось мнение, что он больше не нужен. Это убеждение нашло практическое выражение в назначении сэра Вильяма Робертсона начальником имперского генерального штаба с чрезвычайными полномочиями за счет власти лорда Китченера. На этот раз мы надеялись в душе, что если лорд Китченер отправится на средиземноморское побережье и в особенности, если он вернется в Египет, место его величайшего триумфа, он может счесть желательным остаться там, чтобы руководить большими силами, расположенными на востоке Средиземного моря, в Египте, Галлиполи, Салониках или Александрете. Когда его назначение было решено, один из членов кабинета бросил мне записку, в которой было написано: «Мальбрук в поход собрался. Но вернется ли он?»

Я был очень встревожен оставлением Сербии на произвол судьбы и пренебрежительным отношением к самым очевидным мерам предосторожности, которые могли бы помешать этому. 12 октября я направил следующий меморандум своим коллегам:

«Неспособность четырех великих держав спасти одну за другой маленькие страны из числа тех, которые полагались на их защиту, является одним из самых печальных результатов войны.

Оценка создавшегося положения на Балканах, данная генеральным штабом, свидетельствует об отчаянии. Ее можно свести к двум словам: «Слишком поздно». Можно было легко предвидеть, что поход через Сербию и Болгарию будет одним из самых очевидных и выгодных мероприятий для германского генерального штаба, так как позволит связать германские железные дороги с турецкими:

1. Они могут попытаться нанести прямой и чувствительный удар Британской империи — в сущности единственный прямой и чувствительный удар, который им под силу.

2. Они могут иметь в своем распоряжении резерв в два или в три миллиона лучших бойцов в дополнение к их собственным резервам и таким образом изменить в свою пользу соотношение сил в той войне на истощение, которая теперь происходит.

3. Они могут иметь достаточные шансы уничтожить значительные английские силы, которые теперь держатся зубами за Галлиполийский полуостров.

4. Они могут нанести тяжелый удар нашему престижу на Востоке.

5. Они могут сделать недействительным наше превосходство на море.

6. Предоставив военное снаряжение туркам, а затем, быть может, также персам и афганцам, они могут заставить нас в 1916 г. отвлечь большие массы войск от главного театра военных действий во Франции для защиты наших собственных владений в Египте и на Дальнем Востоке.

7. Они могут тем же путем отвлечь большое количество русских войск на защиту кавказских границ России и русских интересов в Персии.

8. Всего этого они могут достигнуть, преодолев сопротивление плохо снаряженной армии в 300 тыс. человек сербов, большая часть которых в настоящее время не может им противостоять, так как Сербия стоит перед перспективой нападения со стороны враждебной болгарской армии с тыла. Напасть на такую небольшую армию отнюдь не представляется весьма сложным для военной державы, которая справилась с крупнейшими армиями России, будучи в состоянии одновременно сдерживать объединенные силы Франции и Англии. Совершенно ясно, поэтому, даже для человека невоенного, что нападение на Сербию весьма привлекало немцев, даже слишком привлекало, чтобы они не воспользовались представившейся им возможностью.

Есть две или три причины, из которых ясно, почему немцы не могут отложить выполнение этого плана:

1. Военное снаряжение турок мало-помалу приходит к концу и Турция не могла бы выдержать тех наступлений, которые мы предпринимали на Галлиполийском полуострове, в течение продолжительного времени без того, чтобы ее запасы военного снаряжения не были пополнены.

2. Приближается зима, когда сербские дороги становятся трудно проходимыми.

3. В этом году немцы имеют несомненный перевес над союзниками:

а) в военном снаряжении;

б) в количестве бойцов на фронте и подготовленных резервов.

В будущем году положение Германии и союзников будет одинаковым в обоих отношениях. Было бы не похоже на немцев, если бы они не поспешили воспользоваться своим временным превосходством.

Легко, конечно, быть крепким задним умом, но эти соображения не раз повторялись мною в течение последних месяцев на заседаниях военного совета и правительства. Я не раз испытывал терпение моих коллег частыми упоминаниями о

Сербии и Ближнем Востоке. Я представил их вниманию две записки, в которых говорил о возможном развитии событий на Ближнем Востоке еще в декабре 1914 г. и в феврале 1915 г. Штатскому человеку кажется удивительным, почему военное командование пренебрегало необходимыми предосторожностями и не предупредило такого тяжелого удара по нашей империи, когда каждому внимательному наблюдателю было ясно, что этот удар неизбежен. Кажется невероятным, что на пятый день, после того как немцы фактически предприняли наступление в Сербии, мы еще не имеем плана действий, если не считать посылки какого-нибудь генерала — имя которого еще не установлено — на средиземноморское побережье для того, чтобы установить план действий. Кабинет может не сомневаться. Когда английскому общественному мнению станет ясно, что нас застали врасплох и что мы не предпринимаем никаких мер, чтобы противостоять германскому наступлению, исчезнет всякое доверие к нашим способностям вести войну. И это будет совершенно справедливо.

Меня могут спросить: что же делать теперь? Вопрос заключается не в том, *кого* следует обвинять, а в том *как* можем мы выйти из этого положения. Я не вполне уверен, что эти вопросы не совпадают. Я намерен вернуться к обсуждению этой темы в дальнейшем, потому что я считаю ее чрезвычайно важной. Нас так часто вводили в заблуждение, что было бы преступно и глупо с нашей стороны полагаться на наш теперешний военный аппарат в наших заботах о безопасности империи. Но обращаясь теперь исключительно к создавшемуся на Балканах запутанному положению, я полагаю, что даже теперь нам следовало бы сделать еще одно великое усилие спасти Сербию. Есть две причины, по которым это следует сделать. Первая из них заключается в том, что оставить Сербию на произвол судьбы значило бы нанести роковой удар престижу Великобритании среди союзников, а также во всем мире. Враждебное отношение Болгарии и нейтралитет Греции и Румынии следует приписать тому убеждению, которым прониклись все нейтральные страны, убеждению в непобедимости Германии и в том, что мы бессильны защищать народы, которые заслужили этой защиты. Наша полная неспособность защитить Бельгию была первой причиной этого убеждения. Наша неспособность оказать действительную поддержку России лишь подтвердила его; предоставление Сербии ее судьбе еще более укрепит это убеждение в умах всего человечества. Наш урон на Востоке прямо не поддается подсчету.

Вторая причина заключается в том, что Сербия в настоящее время служит единственным препятствием для военного восстановления великой и враждебной нам мусульманской державы, которая явится угрозой для Египта, Триполи, Туниса, Алжира, Марокко, а также для наших владений в Индии. Вне сомне-

ния, предотвратить такую катастрофу следует даже ценою огромных усилий, если мы на них еще способны.

Согласно расчетам генерального штаба германские и австрийские армии, участвующие в операциях против Сербии, насчитывают 200 тыс. человек; кроме того сюда следует присоединить 300 тыс. болгар. Таким образом нам придется иметь дело с армией в общей сложности в 500 тыс. человек, поскольку речь идет о Балканах. Насколько мне известно, генеральный штаб полагает, что немцы не в состоянии значительно увеличить сверх этой цифры численность своих армий на Балканах, не ослабив фронта в России или Франции. Сербия обладает армией в 300 тыс. храбрых солдат, руководимых способными генералами. Австрийское поражение в прошлом году показало, что это так. Сербы сражаются в хорошо известных им географических условиях; при этом сербы ведут борьбу с той ожесточенностью, которая характеризует оборону небольшого горного народа, защищающего свою родину. Таким образом количественно объединенные болгарские и тевтонские армии превосходят сербов только на 200 тыс. человек. Разве нельзя восполнить этот пробел, когда от этого так много зависит для союзников? Разве нельзя убедить или заставить выступить Румынию или Грецию даже теперь? Одни лишь обращения к чувству чести и к договорным обязательствам не подействуют на них и в малой мере. Они, понятно, думают лишь о собственной безопасности и парализованы в своих действиях силами Германии и нашим бессилием. Им необходимо показать, что мы вполне в состоянии предоставить им всю необходимую военную поддержку для их защиты и для того, чтобы позволить им выполнить свои обязательства. Почему бы нам не обещать им нашей поддержки в том случае, если они немедленно придут на помощь Сербии? Они обладают достаточным количеством военного снаряжения и людей, необходимых для трехмесячной кампании. Румыния, Сербия и Греция, вместе взятые, могли бы вывести в поле почти миллион человек, которые противостояли бы полумиллиону немцев и болгар. Мы могли бы сдерживать турецкие силы в Галлиполи с тем, чтобы помешать Турции послать сколько-нибудь значительные подкрепления на помощь болгарам. Турция имеет достаточно людей, но пока немцы не дойдут до Константинополя, у Турции не будет необходимого снаряжения для новых армий. Если мы заявим Греции и Румынии, что в случае, если они немедленно выступят, мы можем предоставить тотчас же в их распоряжение 30 тыс. человек, которые к тому времени уже высадятся в Салониках, и что в течение месяца мы обяжемся довести число наших войск до 100 тыс.; что через 2 месяца численность наших войск составит 150 тыс. и что к концу года мы выставим на Балканах по крайней мере 250 тыс. человек; что кроме того мы поможем им военным снаряжением, — обещание, которое Франция и мы легко можем им дать, если мы откажемся от

наступления на западном фронте, — вся позиция Греции и Румынии изменится; кроме того мы можем взять на себя обязательства с помощью Италии предоставить русским 500 тыс. ружей и тем самым дать возможность России выставить в поле еще 750 тыс. человек. Если бы это было сделано, то Румыния полагала бы себя в полной безопасности против любой австро-германской атаки, так как австро-германские армии были бы полностью заняты отражением русских армий. В этих условиях Россия могла бы даже твердо обещать выделить 100 тыс. человек, чтобы помочь румынам против какого бы то ни было нападения.

Создавшееся положение можно назвать отчаянным, и только немедленные и даже безрассудно смелые действия могут спасти дело. На какой риск идем мы, давая такое обещание?

1. Нам придется отложить наступление на западе. Если это наступление не удалось теперь после очень длительной и тщательной подготовки, почему должно оно удасться через 3 месяца? Положение французов и наше собственное положение в смысле тяжелой артиллерии не будет значительно лучше — во всяком случае вплоть до конца весны будущего года. Мы — т. е. французы и англичане — потеряли уже от 500 до 600 тыс. человек в предпринятых нами с мая 1915 г. двух крупных попытках прорвать германский фронт. Игнорировать этот полученный нами дорого стоящий урок и сделать новую попытку такого же характера без достаточного количества тяжелой артиллерии и снарядов значило бы преступно растрачивать жизни прекрасных бойцов, добровольно записавшихся в новые армии.

Нам, может быть, не удастся выполнить наше обещание в отношении Румынии и Греции. Французы обещали предоставить 64 тыс. человек, когда закончится наступление. Я не уверен, не включают ли эти 64 тыс. те 15 тыс. французских войск, которые уже высажены в Салониках. Допустим, что это так. На пути в Дарданеллы находятся в настоящее время довольно значительные отряды английских войск. Эти отряды можно было бы спокойно послать в Салоники, оставив их там до того момента, пока турки в Галлиполи отрезаны от новых запасов снаряжения, которые они надеются получить от немцев. Таким образом численность наших войск в Салониках достигнет цифры в 100 тыс. человек (64 тыс. французов и около 35 тыс. англичан). Нам придется лишь доставить остальные 150 тыс. Насколько мне известно, французы заявляют, что на западном фронте с помощью нашей армии они будут иметь перевес почти в 1 миллион человек над немцами. Если с западного фронта будет снято 400 тыс. человек, наш перевес все еще будет подавляющим. Немцы уже наглядно показали, что перевес 3 : 2 не дает возможности наступающим войскам прорваться сквозь хорошо укрепленную линию обороны. Почему в таком случае следует полагать, что немцы, менее многочисленные, чем союзники, смогут про-

рваться через нашу линию защиты. Разве французские и английские солдаты настолько уступают германскому ландштурму.

Если бы немцы подвезли на западный фронт полмиллиона солдат с восточного фронта, они все же остались бы в меньшинстве. К тому же усиленное давление со стороны русских войск, благодаря тем подкреплениям, которые мы помогли бы снабдить оружием и выставить на фронт, не позволило бы немцам не только снять с восточного фронта новые войска, но заставило бы их, возможно за счет резервов, пополнить свои ряды на восточном фронте.

3. Рассмотрим вопрос о том, в состоянии ли мы предоставить России 500 тыс. винтовок. Что может этому помешать? Заказанные в Америке винтовки ожидаются в ближайшее время, и мы можем, — чтобы наша отчаянная попытка выйти из создавшегося положения оказалась удачной, — выделить 150 тыс. винтовок, которые позволят снарядить 200 тыс. русских солдат, готовых во всех отношениях к отправке на фронт. Тот временный риск, с которым нам приходится считаться и который возникнет вследствие отправки этих винтовок, нельзя даже сравнить с тем риском, который создастся, если ничего не будет предпринято, чтобы спасти положение на Балканах. На условиях достаточной финансовой поддержки итальянцы не откажутся дать 300 тыс. своих винтовок, а французы без сомнения выделят 50 тыс. винтовок, чтобы помочь делу союзников в этот наиболее тяжелый момент.

Я серьезно настаиваю на том, чтобы Румынии и Греции были сделаны соответствующие предложения немедленно. Если Греция не пожелает выступить, то обращение к ней может принять форму требования выполнить свои договорные обязательства в отношении Сербии. Мы вступили в эту войну, чтобы заставить соблюдать международные договоры, поэтому требование такого рода не может быть истолковано как угроза маленькому народу, так как мы в настоящее время ведем войну с величайшей военной державой мира как раз из-за прав малого народа. Греция всегда находится в зависимости от державы, которой принадлежит господство на море. Германия не может защитить ее от нас, и я получил из достоверных греческих источников сведения о том, что такого рода политическая линия произведет бо́льшее впечатление на короля Греции, чем обращение к его чести и призыв выполнить свои обязательства в отношении Сербии.

Мне представляется, что предложение разрешить сложившийся кризис посредством нового наступления на Галлиполийском полуострове является совершенно безрассудным. Мы неоднократно терпели поражение, когда у турок был недостаток в военном снаряжении. Можем ли мы иметь успех теперь, когда они получат подкрепление в виде германской тяжелой артиллерии и достаточного количества снарядов? Не исключено, что

турки, получив новое снаряжение, могут сбросить нас в море, до того как наша армия в Галлиполи получит подкрепление. В донесении полковника Хенки эта возможность предусмотрена совершенно ясно. Если мы не примем во внимание его предостережения, мы навлечем на себя большую ответственность. Но даже если нам удастся сдержать наступление турок, то наша атака на турецкие позиции, которые оказались неприступными во время прежних атак наших храбрецов, закончится потерей еще 50 или 60 тыс. людей. Каждому, кто прочтет представленный генеральным штабом меморандум, должно быть совершенно ясно, что штаб в своем первоначальном плане не имел в виду посылки подкреплений в Галлиполи. Штаб был вынужден к этому давлением со стороны, влиянием тех лиц, которые заинтересованы в успехе дарданельских операций. Вставка в первоначальный план сделана так плохо, что каждый из нас при чтении документа может в этом убедиться. Генеральный штаб советовал нам ограничиться исключительно наступлением во Франции, между тем мы теперь не только соглашаемся послать генерала, чтобы разработать новую тактику в районе восточной части Средиземного моря, но до получения донесений от него решаем послать с западного фронта 150 тыс. человек. Мы решаем ослабить наше положение на том фронте, где генеральный штаб, не жалея своей репутации, все время настаивал на максимальных усилиях.

Давид Ллойд Джордж
12 окт. 1915 г.».

На этот меморандум я получил ответ от лорда Грея:

«Министерство иностранных дел
13 октября 1915 г.

Мой дорогой Ллойд Джордж,

Ваш меморандум поступил в тот момент, как телеграммы в Бухарест и Афины были уже отправлены; этот пункт вашего меморандума уже предрешен.

Я не могу считать себя судьей в создавшемся военном положении, но так как Китченер согласился с Вами, — Вы желали этого и премьер одобрил план, — то я считал себя обязанным послать соответствующие телеграфные инструкции немедленно. С политической точки зрения я точно также одобряю линию, которая взята нами теперь, и рад возможности выступить дипломатическим путем в направлении, которое найдет действенную поддержку теперь или в будущем.

Я полагал, что все наши дипломатические усилия бесполезны, если они не опираются на военные или морские успехи, когда они лишены даже возможности успеха и не содержат

предложений о конкретных действиях. Последние телеграммы уже не заслуживают подобных упреков.

В остальном я не хотел бы спорить с Вами на стратегические темы и, если я не соглашаюсь с выводами Вашего меморандума, то это потому, что наши решения в области стратегии — как я считаю, должны быть основаны на добросовестной работе штаба. Я все время настаивал на усилении штабной работы и, насколько мне известно, Вы настаивали на том же; надо надеяться, что штаб во главе с Марреем будет продолжать свою полезную деятельность, поощряемый к этому правительством. Я не хотел бы отвергать выводов штаба. Но я согласен, что мнение, выраженное генеральным штабом касательно операции на Галлиполийском полуострове, является скорее временной рабочей гипотезой, нежели окончательным заключением.

Необходимо, однако, срочно притти к заключению, следует ли пытаться прорваться через Дарданеллы или эвакуировать Галлиполи; так по крайней мере кажется мне, и я охотнее согласился бы с любым решением, чем примирился с отсутствием всякого решения.

Я не уверен в том, направлен ли Ваш меморандум специально мне или нет; он посвящен главным образом военной стратегии, в вопросах которой я более нуждаюсь в руководстве, чем в состоянии руководить другими.

Искренно Ваш Э. Грей».

Фраза в письме Грея, где он пишет о штабной работе, может показаться иронией. Но Грей писал это совершенно серьезно. То, как обманули его генералы, заставившие его в палате общин обещать поддержку Сербии, которую они не имели надежды осуществить, казалось, не уменьшило доверия Грея к заявлениям господ военных.

В отправке войск на средиземноморский театр войны произошло значительное промедление. 19 октября в Англию прибыл Мильеран, бывший тогда французским военным министром, в сопровождении генерала Жоффра. У меня сохранилась следующая памятная записка о переговорах, которые были у меня с Мильераном; эта записка составлена одним из моих секретарей.

«Ллойд Джорджа посетил сегодня Мильеран, который заявил, что Ллойд Джордж оказался прав и что экспедицию на Балканы следовало отправить прошлой весной. Мильеран в настоящее время озабочен тем, что дарданельская операция оказалась неудачной, и хотя он опасается, не слишком ли поздно оказать сколько-нибудь действительную поддержку на Балканах, тем не менее он согласен с необходимостью для Франции и Англии направить туда войска. Мильеран и Ллойд Джордж вместе составили план кампании на Балканах».

По этому плану:

«Основной целью единого экспедиционного корпуса является предотвращение попытки немцев пробиться к Константинополю.

Если к тому времени, когда прибудут новые войска на Балканы, Сербия все еще будет сопротивляться германскому наступлению, французские и британские силы должны сохранить неприкосновенным железнодорожное сообщение.

Если к моменту прибытия войск в восточную часть Средиземного моря немцы уже пробьются к Константинополю, то правительства Англии и Франции решат тогда, как им следует поступить, запросив совета у своих штабов... Оба правительства соглашаются послать Сербии на помощь достаточные силы — в количестве 150 тыс. человек.

Если существующее положение значительно изменится вследствие непредвиденных обстоятельств, оба правительства предпримут совместные шаги в интересах общего дела; войскам будут даны новые указания».

Греции настойчиво предлагали послать войска, чтобы помочь России, но обращение к Греции черезчур запоздало, так как к этому времени армии центральных держав и Болгария покончили с сопротивлением Сербии, и греки могли заявить, что они боятся выступить против победителей, когда вблизи нет союзных войск, которые могли им помочь. Перед глазами у них была судьба Сербии. Сербия была покинута союзниками вопреки торжественному обещанию своевременной поддержки. Греки, понятно, опасались, что и их оставят на произвол судьбы. События войны на восточном фронте естественно произвели впечатление на все юго-восточные государства в гораздо большей степени, чем захват нескольких километров во Франции. Русские армии были разбиты; Сербия находилась во власти врага; дарданельская экспедиция оказалась совершенно неудачной; даже на Западе союзникам не удалось прорваться, а немцы, побеждавшие на всех фронтах, двигались к югу семимильными шагами. Они уже были на склонах Балканских гор; они угрожали вскоре перейти Балканы. В этот момент между ними и греческой границей не было никакого препятствия. Греция с ее небольшой армией была бы легко раздавлена этим грозным чудовищем.

Сэр Эдуард Карсон, возмущенный тем, что, по его мнению, Сербия была обманута, подал в отставку. Бонар Лоу и я разделяли его мнение по поводу всего дела, но в общем решили, что мы не можем выйти из состава правительства в такой критический момент.

Распространилось убеждение, что руководство войной было недостаточно активно и что кабинет министров должен взять на себя более непосредственную ответственность за дело. Были внесены предложения о создании военного совета, который осуществлял бы более постоянный контроль над ведением войны. Среди тех, кто сделал в этом смысле представления премьеру, был и я. 29 октября я получил от него следующий меморандум:

«Ведение войны.

Насколько я понимаю, Ваше предложение заключается в том, чтобы был образован небольшой комитет в составе правительства с числом членов не менее трех и не более пяти, — специально для разрешения вопросов, связанных с ведением войны.

Предполагается, что комитет время от времени будет обращаться к другим членам кабинета для получения от них сведений, выявления их точки зрения, или с тем, чтобы обеспечить их участие в его решении — в зависимости от того, идет ли речь о том или ином вопросе, непосредственно связанном с ведомством данного министра, или какими-либо другими соображениями.

Состав и численность кабинета остаются без изменения.

Пленум кабинета министров будет постоянно осведомлен о решениях и действиях комитета, и во всех вопросах, которые связаны с изменением политики или новым курсом, кабинет должен быть привлечен к обсуждению, до тех пор пока не будут приняты практические меры.

Парламент должен быть уведомлен о том, что руководство войной налажено таким образом; имена членов комитета должны быть сообщены парламенту.

Г. Г. Асквит.
28 октября 1915 г.».

31 октября я ответил Асквиту:

«11 Даунинг стрит
Уайтхолл, Ю. З., 1,
31 октября 1915 г.

Мой дорогой премьер,

Сожалею, что должен обеспокоить Вас, когда Вы и без того встревожены создавшимся положением. Но я чувствую, что должен высказать Вам мои соображения, перед тем как Вы придете к окончательному решению. Назначение небольшого комитета с более или менее солидными полномочиями будет без сомнения значительным улучшением в сравнении с той боярской думой, которая до сих пор в лице кабинета была занята разрешением военных проблем. Но если не произойдет полного изменения в руководстве военным ведомством, новый комитет будет так же бессилен предпринять что-либо, как оказались бессильны кабинет и прежний военный совет. Наше военное руководство совершило все те ошибки, на которые мог надеяться и которых мог желать неприятель. Даже штатскому наблюдателю было совершенно ясно, после того как началась война, что эта война будет разрешена превосходством в качестве и количестве материальных ресурсов и численным перевесом войск. Союзники обладали преимуществами в обоих отношениях; невероятный недостаток предусмотрительности и энергии со стороны военного ведомства позволил устранить оба эти преимущества.

Что касается вопроса о материальных ресурсах, то тогда как немцы затратили всю осень и зиму 1914 г. на производство винтовок, пушек и снарядов для летней кампании, наше военное министерство не предприняло ничего серьезного вплоть до конца 1914 и начала 1915 г. Далее, то, что оно сделало, было сделано под давлением со стороны; и даже тогда военное ведомство ограничивалось выдачей заказов, не стараясь контролировать их выполнение или возможность их выполнения. В результате мы проиграли кампанию 1915 г. Мы не могли помочь России снарядами, потому что даже теперь мы не имеем достаточного количества снарядов; нет также достаточного количества винтовок, тяжелой артиллерии и траншейного оборудования не только для России, но и для себя. Еще до сих пор все недостатки работы военного ведомства не были полностью разоблачены. Эти недостатки значительно больше, чем я предполагал, когда впервые взял на себя задачу создания министерства военного снаряжения. Военное министерство заказывало снаряды, не принимая должных мер для того, чтобы проследить, что все материалы для производства снарядов имеются в достаточном количестве; так, выяснилось, что большие запасы снарядных коробок оказались нагроможденными в Вульвичском арсенале, у которого не было никаких возможностей заняться их начинкой.

Что касается вопроса о войне на истощение, то в случае решительных действий на Балканах мы могли бы дополнить наши людские резервы по крайней мере полутора миллионами человек, в большинстве превосходных бойцов. Румыния, Греция и, я полагаю, Болгария могли бы в этом случае выступить; но их можно было убедить не словами, а быстрыми решительными действиями. С другой стороны, мы могли бы отрезать неприятеля от источника тех великолепных людских ресурсов, который представляет собою Турецкая империя; Турция только ждет военного снаряжения, чтобы стать одной из наиболее грозных военных машин в мире. В июле разведывательное управление военного министерства предупредило Китченера, что немцы вероятно попытаются прорваться в Константинополь. Нас все время предупреждали, что Болгария занимает в отношении нас все более враждебную позицию. Отдельные члены кабинета, в том числе и я, настаивали на том, чтобы были приняты меры предупреждения против этого вероятного шага со стороны Германии. Однако ничего не было сделано; даже когда пришли сведения, что немцы и австрийцы собирают войска в долинах Венгрии и в Буковине, не было составлено никакого плана действий. Китченер не знал даже, что немцы и австрийцы перешли Дунай через 20 часов после того, как в военное министерство пришли известия о том, что они переправились через эту реку в пяти местах одновременно. Через 2 недели после перехода немцами Дуная он намеревался лишь послать генерала на средиземноморское побережье, чтобы составить донесение о создав-

шемся положении. Спустя много дней после того, как путь к Константинополю через Болгарию был освобожден, и несколько недель после того, как фактически началась борьба, от исхода которой может зависеть судьба нашего протектората над Египтом, нас вынуждают к активности французы. Вспомните, что комитет имперской защиты еще в феврале решил, что необходимо сделать все приготовления для десанта в Салониках на случай, если кабинет решит осуществить этот десант. Китченер оставил это решение без всякого внимания; когда Сербия подверглась нападению со стороны Германии, ни один мул не был куплен для перевозки оружия.

В народе могут еще ошибаться на счет Китченера, но в тот момент, как эти факты будут изложены в палате общин, у меня не будет сомнений в том, что подумают и что скажут все.

Если бы я думал, что назначение небольшого комитета покончит со всеми этими чудовищными ошибками, я был бы удовлетворен. В течение многих месяцев я продолжал надеяться, что каждая ошибка должна быть наконец последней, и каждый раз бывал поражен способностью наших великих генералов делать все новые ошибки. В декабре 1914 г. я писал Вам, обращая Ваше внимание на глупость военного министерства, и указывал, что, по моему мнению, если мы не проявим большей решительности в руководстве военными действиями, то дело для нас как правительства должно кончиться неизбежной катастрофой. На каждой стадии войны я протестовал, иногда в письменной форме, иногда в форме личного вмешательства на заседаниях кабинета и военного совета задолго до того, как нортклиффовская печать начала свою кампанию. В лучшем случае нас ждут малые успехи в течение ближайших недель; в худшем — в ближайшие недели Сербия будет окончательно разгромлена; мы вынуждены будем к отступлению на Балканах; на Галлиполи нас также ждет поражение. Страна вынесет это; вынесет и больше этого, если будет знать, что делается все, что в человеческих силах и что можно предусмотреть на пути к победе; но доверие страны значительно подорвано тем, что обнаружилось в балканском вопросе — свидетельством нашей неподготовленности. Дружественная печать обнаруживает симптомы волнения. Верность и лойяльность нашей партии Вашему руководству до сих пор спасали правительство, но, простите меня, если я скажу, что сомневаюсь в том, спасет ли это нас и в дальнейшем, если Сербия будет разгромлена, если наши войска будут разбиты в Дарданеллах и в связи с этим обнаружатся все факты, связанные с ведением войны. Тогда каждая ошибка и каждая неудача будут поставлены нам в строку — всем вместе, а не каждому в отдельности. Скандал в палате общин придет позже всего. В начале печать и общественное мнение выскажутся против нас; за ними последует профессиональный партийный политик, и мы должны иметь наготове хороший ответ на его недоуменные во-

просы, когда придет время. Может быть лишь один хороший ответ — это тот, что Вы уже покончили с тем бесплодным режимом, который царил раньше и который вел нас от одной нелепости к другой. Я вполне готов вынести неизбежный скандал, который наступит, когда этот ответ будет дан, но я неохотно прихожу к заключению, что не могу больше отвечать за теперешнее руководство войной, и завтра на заседании кабинета я намерен с Вашего разрешения поднять этот вопрос.

Искренно Ваш

Д. Ллойд Джордж».

Упомянутый в моем письме факт, что лорд Китченер не знал о том, что немцы перешли через Дунай, через 20 часов после того, как известие об этом поступило в военное министерство, может быть подтверждено нижеследующей памятной запиской, составленной через несколько дней после заседания комиссии одним из моих секретарей:

«На заседании кабинета на прошлой неделе, до того как началось германское наступление на Сербию, но когда известий о нем ожидали в любой момент, Ллойд Джордж запросил Китченера, не было ли каких-нибудь известий о переходе немцами Дуная. Китченер сказал, что к тому времени, как он отправился на заседание, он не получил никаких известий об этом. Ллойд Джордж заметил, что соответствующее извещение могло поступить уже с тех пор и сказал, что он попросит секретаря премьера позвонить по телефону в военное министерство и запросить его, не было ли получено каких-либо новостей на эту тему, так как он считал чрезвычайно важным знать, когда немцы начали переправу через Дунай. Ниже приведен ответ, полученный Ллойд Джорджем и зачитанный им кабинету. Эта телеграмма была получена военным министерством день тому назад. Китченер не выразил ни малейшего удивления тому, что эта телеграмма не была ему представлена. Вот копия телеграммы:

«*Вчера* вечером неприятельские войска перешли Дунай в составе одного батальона; австрийские войска перешли Саву в пяти различных пунктах между Сабаком и Белградом. Неприятельские войска переправились пока в незначительном количестве. Сражение продолжается».

Тотчас же после того как эта телеграмма была прочитана на заседании кабинета, сэр Эдуард Карсон переслал мне нижеследующую записку:

«К[итченер] не читает телеграмм, а мы не знаем о них — это недопустимо.

Е. К[арсон]».

Четвертого ноября я получил следующее письмо от Асквита:

«Секретно:

10 Даунинг стрит
Уайтхолл, Ю. З.,
3 ноября 1915 г.

Мой дорогой Ллойд Джордж,

Я хотел уведомить Вас еще до завтрешнего заседания кабинета, что ввиду разногласия во мнениях между Монро и другими генералами по вопросу о судьбе дарданельской операции, я устроил дело так, что Китченер отправится немедленно (завтра вечером) в Александрию, и после посещения Галлиполи в Салоник, где он будет иметь совещание со всеми нашими военными и дипломатическими специалистами, находящимися на месте, он представит нам свои соображения касательно плана действий на восточном театре войны.

На это время я намерен взять на себя руководство военным министерством и уверен, что в течение ближайшего месяца мне удастся исправить там дело и в частности притти с Вами к полному соглашению по всем важнейшим вопросам, связанным с проектируемым производством и поставкой военного снаряжения.

Таким образом мы избегаем немедленного устранения Китченера с поста военного министра, достигая между тем тех же результатов. Я полагаю, что даже Бонар Лоу не будет возражать против такого плана.

Искренне Ваш
Г. Г. Асквит.

P. S. Это письмо предназначено только для Вас; я не упоминал об этом ни одному из наших коллег, но я считаю чрезвычайно важным, чтобы Вы и я действовали в этом вопросе сообща».

Немцы вторглись в Сербию 7 октября. Кабинет решил 11 октября послать на средиземноморское побережье генерала, который должен был на месте решить, какие действия следовало предпринять. Как я уже упоминал выше, на этот пост был назначен генерал Монро. Назначенный 15 октября, он выехал 22 октября и прибыл в Мудрос 28 октября. 31 октября он рекомендовал эвакуировать наши войска с Галлиполийского полуострова и перевести их в Египет, где они могли быть перевооружены. Между тем известное число английских и французских войск высадилось в Салониках; первый контингент войск достиг Салоник 3 октября. 7 октября фактически высадились в Салониках только 2 дивизии; в тот же день 7 октября войска центральных держав начали наступление против Сербии. Если бы мы отказались от рокового наступления во Франции тотчас же, как выяснилось, что мы не можем иметь успеха в основной цели этого наступления, и немедленно послали на Средиземное море количество солдат, равное тому, которое впоследствии погибло в бесплодных атаках, мы могли бы удерживать

балканскую крепость с помощью остатков сербской армии. Ни немцы, ни австрийцы, ни болгары не обладали необходимыми силами, чтобы прорваться через Балканы, встречая сопротивление таких войск.

Растущее чувство тревоги, переходившее в стремление критиковать военное руководство, отражается в письме, полученном мною в это время от ныне покойного лорда Чарльза Бересфорда. В это время лорд Бересфорд был все еще выдающейся фигурой, пользовавшейся в значительной степени популярностью и уважением. Он всегда обладал своеобразным умением чувствовать события, что отражалось даже в его чудаковатых выходках и в его эксцентричных и часто несдержанных заявлениях.

«1, Грейт Кэмберлен плейс,
Лондон, 3.
16 октября 1915 г.

Дорогой г-н Ллойд Джордж,

Извините, что я принужден диктовать это письмо.

Я надеюсь, что буду иметь возможность видеть Вас в палате на будущей неделе, так как я полагаю, что было бы неумно и политически неправильно пытаться встретиться с Вами в другом месте, кроме какого-либо частного дома или палаты общин; слишком многие готовы делать поспешные выводы; слишком многие тотчас же решат, что я затеваю какую-то интригу.

По моему мнению мы неудержимо идем к неизбежному поражению. У нас нет определенной политики, определенной цели; ничто не продумано заранее. Необходимо, чтобы мы эвакуировали Галлиполийский полуостров. Бухта Сувлы и Анзак должны быть эвакуированы в ближайшее время, так как они залиты водой. Теперь слишком поздно было бы высадить армию в Малой Азии; страна вскоре превратится в болото. В процессе эвакуации нам придется потерять наш арьергард, но это будет лучше, чем потерять все находящиеся там 140 тыс. человек, да еще 140 или 200 тыс. человек необходимых подкреплений; наши потери и так очень велики, теперь к ним присоединились болезни. Мы не можем прорваться через Дарданеллы и напрасно терпим потери и наносим ущерб престижу Англии, оставаясь на Галлиполийском полуострове. Я полагаю, что флот мог бы прикрывать отступление, даже отступление арьергарда, за исключением небольшой его части.

Повсеместно меняются фронты, создаются новые позиции и ставятся новые задачи. Мы поставили перед собою теперь новую задачу и создали новый фронт в Салониках — это превосходный предлог для того, чтобы эвакуировать ставшие невозможными позиции в Галлиполи.

Нам необходимо в Салониках около 200 тыс. союзных войск. Было бы роковой ошибкой посылать эти войска туда небольшими отрядами. Если сербы будут разгромлены, немцы про-

бьются к Константинополю. Ресурсы всей Азии будут для них открыты; Румыния и Греция из страха, вероятно, выступят на стороне Германии. В настоящее время в мусульманских странах вспыхнула искра, которая при этих условиях может разгореться в яркое пламя — в особенности, если мы останемся на Галлиполи. Обращаясь мыслью в будущее, мы должны признать, что нам вероятно придется увести значительную часть нашей армии из Франции, чтобы вести борьбу в защиту нашей империи на Востоке и в Египте. Без сомнения следует обратиться с каким-нибудь посланием к Греции или как-либо заставить греков выступить на той или другой стороне.

Когда народ узнает правду, наступит страшное возбуждение, и я боюсь, что всему кабинету придется выйти в отставку. Демократии перестают управляться разумом, когда они находятся во власти чувств. Если народ вызовет падение правительства, кого мы поставим на его место? У нас наступит хаос во время величайшего кризиса, который когда-либо переживала империя.

Большая опасность заключается в том, что лорд Китченер является членом кабинета, народ ему верит, но народ не знает, что Китченер напрасно теряет время в разговорах на политические темы. Я не раз был у него и говорил ему, что ему следовало бы выйти из состава правительства, заявив, что у него нет времени участвовать в правительстве. Его дело — взять перо и бумагу, написать сколько людей ему нужно и сколько нужно снарядов и артиллерии и представить это правительству. Вопрос о том, как правительство достанет этих людей, не должен его вовсе касаться. Это политический вопрос огромной трудности, который должен быть обсужден правительством. Затруднения лорда Китченера могут быть легко проиллюстрированы тем положением, в каком он очутился бы в случае дебатов в кабинете по вопросу об обязательной военной службе или добровольном наборе. Какую позицию он займет?

На войне необходимы быстрые решения и немедленные действия. Ни те, ни другие невозможны без определенной политики и без ясной цели, которую должны поставить пред собой военные и морские силы. От этих сил зависит успех или неудача политики. У правительства нет политики, у командования нет цели. Не нужно быть членом правительства, чтобы видеть опасность, проистекающую для нашей империи, вследствие этого печального положения. Мы затрачиваем дни и недели, когда каждый час, каждая минута имеет огромное значение для нашего ближайшего будущего.

По моему мнению наша политика должна заключаться:

1) в эвакуации Дарданелл;

2) в посылке 200 тыс. союзных войск в Салоники с достаточным количеством артиллерии;

3) в том, чтобы прервать железнодорожное сообщение между

Белградом и Константинополем каким-либо образом на участке между Нишем и Софией.

Я знаю эту местность и знаю, с какими трудностями сопряжено это дело; но на войне необходимо нести риск и преодолевать трудности, если желаешь достигнуть существенных результатов. Тот риск, который мы взяли на себя в Галлиполи, ничем не оправдан. Мы как будто искали поражения, а между тем это поражение заденет наш престиж на Балканах, у союзников и, что хуже всего, в нашей огромной восточной империи.

Искренне Ваш

Чарльз Бересфорд».

Это письмо отражает возраставшее и распространявшееся сомнение тех, кто следил за ходом событий, обладая приобретенными на основе политического опыта знаниями. Обыватели все еще верили в руководство, хотя были несколько удивлены положением. Их вера в Китченера и их неизменная уверенность в том, что фортуна на стороне Англии, все еще не были поколеблены.

Один пример того, до какой степени наши военные руководители умели запутать дело, заслуживает быть отмеченным. После возвращения лорда Китченера к концу ноября из его путешествия на Балканы, антипатия британского генерального штаба ко всяким операциям на этом театре войны привела к заключению о желательности отозвания салоникской экспедиции. По слухам, Китченера убедил в этом хитрый и красноречивый греческий король Константин. Генеральный штаб советовал, чтобы мы покинули Салоники и Дарданеллы и сосредоточили свои силы на защите Египта.

Французское правительство имело достаточно инициативы, чтобы категорически возражать против этого предложения. Оно настаивало на том, что такого рода действия будут поняты на Востоке, как свидетельство слабости и отсутствия воли, что будет означать окончательную потерю Балкан. Такая политика не только приведет к окончательному оставлению последних остатков армии нашего последнего союзника на Балканах — Сербии — на произвол судьбы, но и будет означать для Румынии и Греции неизбежность присоединения к Германии; в этом случае к Германии присоединится еще армия в составе миллиона солдат; под угрозой окажется южный фланг русской армии, и весь балканский полуостров, в том числе и гавани Греции станут базой для операций германских подводных лодок в Средиземном море. В пятницу 3 декабря 1915 г. французское правительство отправило нам резкую телеграмму, в которой бросало вызов неуверенной политике Англии, обвиняя нас в нерешительности за то, что мы соглашались на оставление Салоник и вообще за образ наших действий в Греции. Французское правительство горько жаловалось, что мы не следуем решению парижского совещания, которое было принято за неделю перед тем, и что лорд Китченер повидимому достиг соглашения с королем Константи-

ном, которое отнюдь не совпадало с намерениями Франции. Франция требовала, чтобы представители британского правительства встретились с французскими представителями на следующий день в Кале для обсуждения создавшегося положения.

Между тем английское правительство еще не пришло к окончательному решению по этому вопросу. Вопрос откладывался с одного заседания на другое. После получения телеграммы французского правительства, премьер-министр отправился в Кале, захватив с собой лорда Китченера и г. Бальфура. Он не пригласил меня участвовать в этом совещании, без сомнения потому, что мое серьезное сопротивление намерениям оставить Балканы было хорошо известно, и я даже не знал о телеграмме французского правительства до субботы утром, когда наши представители уже отправились в Кале.

По их возвращении нас уведомили, что им удалось убедить французов в правильности своей точки зрения, и что было принято решение об эвакуации Салоник. Но телеграммы из Парижа в понедельник отнюдь не подтверждали этого истолкования решений совещания и показывали, что французы все еще были весьма недовольны создавшимся положением, и что в субботу не было достигнуто подлинного соглашения.

Пока все это дело оставалось неурегулированным, была получена телеграмма о том, что г. Альбер Тома выехал для переговоров со мной по вопросу о совещании в Кале с тем, чтобы разъяснить мне подлинную точку зрения французов. Между тем утром того же дня (6 декабря 1915 г.) в военном совете обсуждался тот же вопрос. Из всех присутствовавших только один Бонар Лоу соглашался со мной в этом вопросе, а все остальные стояли за эвакуацию. Лорд Китченер прочитал телеграмму из Греции, в которой сообщалось, что Германия требовала эвакуации Балкан союзными войсками и соглашалась на то, чтобы позволить Греции создать прикрытие эвакуации. В протоколе указано, что я заявил: «хорошо, что Германия и Англия нашли наконец, на чем сойтись. Повидимому дело идет к миру!»

Вскоре приехал Альбер Тома и объяснил мне задачи своего посещения. Оказалось, что когда французская делегация вернулась из Кале и сообщила, что она согласилась на эвакуацию Балкан, остальные члены французского правительства выразили живейшее недовольство этим решением. Делегаты заявляли, что по словам английских представителей эту точку зрения единогласно разделяли все члены английского правительства, и что в этих условиях французским представителям не оставалось ничего иного, как согласиться с английской точкой зрения. На это г. Тома возразил, что, как ему известно, не все члены английского правительства разделяют эту точку зрения; ведь я сам говорил ему в его последний приезд в Лондон, что я категорически против эвакуации Балкан и стою за ведение военных действий на Балканах в этом или будущем году. В конце концов французское правительство отказалось

согласиться с решением совещания в Кале. Тогда г. Тома предложил поехать в Лондон и повидаться со мной для того, чтобы попытаться достигнуть пересмотра этого вопроса английским правительством.

Конечно, я обещал ему свою поддержку и помощь. Тома присутствовал на нескольких совещаниях с нашими вождями, и горячо защищал стремление Франции к сохранению Салоник. Быть может, лучшей помощью, которую мне удалось оказать ему в этом деле, было приглашение Тома к завтраку к премьер-министру на Даунинг стрит. Я не уверен в том, что благоприятное личное впечатление, которое произвел Тома на своих хозяев, не оказалось более существенным для успеха его проекта, чем все красноречие Тома на заседаниях совета министров. Как бы там ни было, в результате всех этих переговоров лорд Китченер был отправлен в Париж для совещания с французским правительством, и ему даны были полномочия для соглашения с Францией по этому вопросу. Ему очень не хотелось ехать. «Французы не очень любят меня теперь почему-то» — говорил он. Однако, он отправился в Париж, и в результате было заключено соглашение о том, что союзные войска остаются в Салониках и укрепляют их, готовясь к решительной кампании в 1916 г. Так трудно было предотвратить такую нелепость, как эвакуация Балкан. Но в 1916 г. решительная кампания осуществлена не была. Руководители французского и английского штабов постарались, чтобы Салоникский экспедиционный корпус не получил достаточного артиллерийского и иного снаряжения, которое оправдывало бы наступательные действия. Для того, чтобы во всяком случае лишить генерала Саррайля всякого соблазна к наступлению, они не дали ему необходимых для наступления транспортных средств.

Выступая 20 декабря 1915 г. в палате общин и имея в виду роковое запоздание, которое нанесло так много ущерба делу союзников в Дарданеллах, на Балканах, в России и в Месопотамии, я употребил в моей речи следующие выражения:

> «Слишком поздно действовали в одном случае, слишком поздно явились в другом, слишком поздно вынесли решение, слишком поздно начали действовать, слишком поздно подготовились! В этой войне по следам союзных армий шел призрак «опоздания», который насмехался над нами; если мы не научимся действовать скорее, то проклятие постигнет то святое дело, ради которого было принесено в жертву столько жизней героев...»

Таково было мое мнение в конце 1915 года. Таково мое мнение сегодня после того, как я познакомился со всеми документами, со всеми историческими произведениями, написанными с самых различных точек зрения.

Глава восемнадцатая

БАЛКАНЫ И БОИ НА СОММЕ

Все стратегические возможности, представлявшиеся союзникам, были изменены вследствие разгрома Сербии. Удобный случай, открывавшийся для значительного наступления против западного фланга центральных держав, был если не полностью, то во всяком случае на некоторое время упущен; успех здесь стал труднее и сомнительнее. Искушение, которое такой удобный случай представлял для всякого дилетанта и иного стратега, исчезло. Генеральные штабы Франции и Англии не выиграли войны, но они одержали верх в той войне, которую они вели у себя дома. Дарданеллы были эвакуированы; Балканы перешли в руки центральных держав; дорога на Дунай, на Константинополь и к Черному морю была окончательно закрыта; Сербия вышла из игры; Россия неудержимо близилась к разгрому; Румыния была изолирована. Какая превосходная стратегия! Немцы не были разбиты, но господа политики были разгромлены. Генералы торжествовали победу. Восток с его большими возможностями, с его искушениями — исчез. Да здравствует кровавое солнце Запада!

Правда, в Салоники были посланы силы, которые численно были как будто очень значительными; казалось, что на этом театре военных действий была сосредоточена мощная армия англичан, французов, сербов и греков, которые в общем составляли несколько сот тысяч человек. Но эта армия была обречена на бессилие и топтание на месте, так как ее снаряжение было настолько недостаточным, что лишало эту разноплеменную армию возможности предпринять какую-либо действительную атаку неприятеля. Генеральные штабы твердо решили, что генералы, руководившие операциями на этом театре военных действий, должны быть лишены всякого искушения предпринимать какие бы то ни было действия. Салоникский экспедиционный корпус мог быть использован для двух возможных целей. Одна из них заключалась в том, чтобы при помощи достаточных сил сдерживать болгар и некоторое количество австрийских, германских и турецких войск, помешать им отправиться на другие фронты, где их роль могла оказаться более вредной, а

быть может и решающей. Этот план мог также помешать самоуверенному и подозрительному королю Греции, сочувствие которого не только склонялось на сторону немцев, но который готов был выступить на их стороне под тем предлогом, что он не в состоянии оказать сопротивление вторжению таких могущественных войск, привести в исполнение свои намерения. На самом деле он передал неприятелю, которого он не меньше боялся, чем обожал, кавалерийскую дивизию греческих войск в качестве жертвы Молоху. Он мог отдать ему всю греческую армию, если бы мы не были в Салониках. Для того чтобы помешать этому, число наших войск было слишком велико. Если это было единственной целью оккупации Салоник, то менее значительная армия, укрепившись в Салониках, при помощи достаточного количества пушек могла бы достигнуть ее. Эта армия могла бы быть поддержана с моря, если бы она подверглась нападению; не было смысла в таком случае сосредоточить там значительные силы и предоставить им могущественные орудия для наступления.

Другой возможной целью было создание такой армии в Салониках, которая могла либо атаковать турок на правом фланге, прервать их коммуникацию с Германией, а может быть и захватить столицу Турции; либо эта армия могла устремиться на Балканы, прорваться через Болгарию и разбить болгарскую армию, восстановить связь с Румынией, а через Румынию с Россией и таким образом восстановить те шансы, которые были потеряны в результате роковых стратегических ошибок ранней осенью 1915 г. Великолепные достижения сербской армии, руководимой генералом Мисичем, которая впоследствии пробила себе дорогу на Монастырь, показывают, что это было отнюдь не невозможно для армии, снабженной артиллерией и снарядами.

Однако военные руководители не преследовали ни одной из этих целей.

Как я укажу в дальнейшем, салоникская армия была фактически оставлена без пушек и артиллерии, которые помогли бы ей пробить себе дорогу через труднопроходимые места и разрушить примитивные укрепления. В течение двух лет салоникская армия оставалась на малярийных равнинах Струмы и Вардара, не имея средств, чтобы пробиться к более здоровым местам. Английский генеральный штаб стремился к первой цели и готов был сократить салоникскую армию до таких размеров, которые соответствовали этой задаче. Французский генеральный штаб колебался между обеими целями. Споры продолжались в течение многих месяцев. Французский главнокомандующий, когда-то упрямый «западник», теперь притворялся обращенным в «восточную веру». В данном случае причины его обращения лежали в области политической и личной. Влияние генерала Жоффра во Франции значительно уменьшилось, вследствие его неудачи в обороне Вердена, после того как в течение целого месяца его предупреждали о предстоящей атаке. Самодержавная власть, которой он некогда пользовался и которой до этого времени было вполне

достаточно, чтобы держать в страхе правительства, заставляя их действовать вопреки их собственному мнению и подчиняться его упрямой воле, эта власть почти полностью исчезла, после того как при Вердене обнаружилась ограниченность Жоффра. Руководящие государственные деятели Франции, в том числе президент республики и премьер-министр, считали необходимым напасть на неприятеля на юго-восточном балканском фронте. В этом их поддерживал — до известной степени направляя их — самый талантливый из французских генералов — Галлиени. Влияние генерала Жоффра было достаточно сильно, чтобы помешать осуществлению их плана, когда он был бы наиболее полезен и мог сыграть решающую роль; но его власть была слишком слабой, чтобы оказать какое-либо действительное сопротивление, когда этот план не имел уже более прежней ценности. Такова смешная сторона, которую можно найти в каждой трагедии.

Генерал Жоффр, чтобы удовлетворить политиков, которые впервые стали ему приказывать, выполнил их пожелание о посылке подкрепления на салоникский фронт. Это было его жертвоприношением на алтарь оскорбленного божества. Молох западного фронта был временно пресыщен кровью. Нужно было теперь принести жертву кумирам Елисейского дворца.

Жоффр прибыл в Лондон 9 июня 1916 г. с тем, чтобы убедить английский кабинет присоединиться к французам в их намерении послать подкрепления в Салоники. В этот момент оба штаба и оба правительства согласились между собой о начале великого наступления на Сомме. Приготовления к этому наступлению значительно подвинулись вперед. Генерал Жоффр указывал, что это наступление было необходимо, чтобы облегчить положение французов при Вердене. По той же причине нас просили взять на себя защиту значительного сектора западного фронта, который до сих пор занимали французские войска. Французы нуждались в каждом лишнем батальоне для защиты Вердена. Одним из наиболее необъяснимых эпизодов войны является то, что французский главнокомандующий, бывший ранее суровым защитником политики «все для Запада», мог в такой момент явиться в Англию, чтобы убедить нас совместно с французами послать значительное количество французских и английских солдат в Салоники, где им предстояло начать показную атаку, которая должна была окончиться неудачей вследствие недостатка артиллерии и снарядов.

На конференции, которая состоялась на Даунинг стрит, генерал Жоффр выступил с большой силой убеждения и весьма красноречиво. Пусть другие судят о том, был ли он хорошим полководцем. В этом вопросе, быть может, я не компетентен, хотя и у меня на этот счет есть свое мнение и мнение определенное. Но что касается способностей Жоффра как оратора, то я полагаю, что как старый парламентарий смею иметь свое суждение и высказать его. Жоффр был одним из самых лучших ораторов по силе и драматизму речи, которых я когда-либо слышал на какой-либо конференции, где

мне пришлось присутствовать. Но хотя в этот раз он говорил со всеми внешними проявлениями серьезности и искренности в голосе, жестах, речи и в выражении лица, было трудно верить, что даже он сам был убежден в своем собственном красноречии. Он настаивал на атаке силами, которые были лишены оружия, необходимого для достижения стоящей перед ними цели, но не предлагал довести их вооружения до такого уровня, чтобы эти армии стали способны к наступлению. Это была одна из наиболее циничных речей, которые я когда-либо слышал. При учете неизбежных потерь, которые были связаны с этим бесплодным предприятием, такое выступление Жоффра было бы преступным, если бы он не был уверен в том, что мы отвергнем его предложение. Я понял, что он выступал несерьезно и что наступление в Салониках без поддержки артиллерией и снарядами должно потерпеть неудачу; я также знал, что подобное поражение заставит отчаяться во всякой попытке предпринять в будущем то же самое при более благоприятных условиях.

Я привожу ниже краткую сводку моего выступления на этом заседании, составленную тогда же:

> «Ллойд Джордж заявил, что он был всегда сторонником наступления к северу от Салоник, но при отсутствии достаточных шансов на успех он считает такое наступление роковым. Поскольку представленные ему данные не убедили его в том, что это наступление будет успешным, Ллойд Джордж в качестве сторонника самого принципа наступления на этом фронте остается в сомнении насчет его своевременности. Мы имели опыт Дарданелл, где мы потеряли около 200 тысяч человек и где был нанесен удар нашему престижу. Поэтому, если нет достаточно шансов на успех, Ллойд Джордж высказывается полностью против этого плана. Факты, приведенные британским генеральным штабом, не были серьезно опровергнуты генералом Жоффром. Нападать на хорошо укрепленную армию с 24 французскими и 6 тяжелыми английскими гаубицами очень опасно. Генерал Жоффр заявил, что мы должны сдерживать неприятеля, и упомянул о русских. Но русские войска сдерживали австрийцев, а болгары не помогали никому. Если есть достаточно шансов, чтобы прорваться и угрожать неприятелю с тыла, то Румыния выступит на нашей стороне. Но генерал Жоффр не говорил о том, что у нас есть этот шанс; он не намеревается прорваться через болгарский фронт; он думает лишь об относительно ничтожных победах. Начинать эту операцию с недостаточными силами значит дискредитировать ее. Перед сэром Дугласом Хейгом стоит тяжелая задача начать весьма серьезные операции с целью ослабить давление немцев на западном фронте. Это соображение кажется решающим для военного комитета; в противном случае военный комитет против наступления в настоящее время, исходя из чисто военных соображений. Министерство военного снаряжения отправляет во Францию тяжелые орудия, но отнюдь не в том ко-

личестве, в каком этого требует сэр Дуглас Хейг, и поэтому сэр Дуглас Хейг предпочитает начать свои действия позже, когда он будет обеспечен поступлением всех необходимых ему орудий. Вопрос заключается в том, готов ли при этих обстоятельствах генерал Жоффр отправить из Франции в Салоники примерно 50 гаубиц. Ллойд Джордж заметил, что он также твердо придерживается мнения о необходимости в конечном итоге начать наступление из Салоник, как и сам Бриан, и настаивал на том, что мы не должны начинать наступления из Салоник, пока не будем вполне готовы, так как неудачное наступление помешает всякому дальнейшему успеху на этом фланге. После этой неудачи ни одно правительство не сделает вторичной попытки наступления. Такова действительно главная причина его выступления против рассматриваемого плана. Союзники не имеют еще достаточных средств, чтобы разбить болгар, не говоря уже о возможности помешать помощи болгарам со стороны турок».

Итак, к тайному удовольствию генерала Жоффра мы отвергли салоникский план и повернулись лицом к наступлению на Сомме. Бои на Сомме и бои у Вердена могут считаться двумя наиболее кровавыми сражениями во всей истории человечества. Потери обеих сторон превышали миллион человек. Наступление на Сомме не объясняет неудачи германских попыток захватить Верден. Бои на Сомме были лишь одним из факторов, способствовавших ослаблению германского наступления, которое было уже фактически признано неудавшимся. Французский главнокомандующий заявил еще в мае, что немцы были фактически разбиты при Вердене.

Если бы битва вокруг остающихся фортов, задерживавших продвижение германской армии, продолжалась, то мы могли бы послать подкрепления французской армии, либо отправив войска к Вердену, либо взяв на себя защиту другого участка французского фронта. Наступление на Сомме безусловно не спасло Россию. Эта великая страна быстро приближалась к анархии под напором германской армии и ее превосходной артиллерии. Уже слышен был шум приближавшегося урагана; мы услыхали бы его, если бы не шум сражения на Сомме. Этот гул оглушал нас и скрывал от нас приближающуюся катастрофу в России, поэтому мы не приняли мер, чтобы предупредить ее. Одной трети той артиллерии и тех снарядов, которые были использованы на Сомме, было бы достаточно, чтобы доставить на берегах Днепра великую победу русским войскам и отложить революцию до конца войны.

Полагают, что битва на Сомме нанесла ущерб прежней германской армии, так как на Сомме были убиты лучшие офицеры и солдаты Германии. Однако в этих сражениях было убито гораздо больше лучших бойцов с нашей стороны и со стороны Франции.

Бои на Сомме велись с помощью добровольцев, набранных в 1914 и 1915 гг., в них участвовали лучшие, избранные представи-

тели нашей молодежи. Офицеры состояли преимущественно из воспитанников наших аристократических учебных заведений и университетов. В этой нелепой битве погибло около 400 тыс. наших солдат, число погибших офицеров было огромно. В «официальной истории войны» мы читаем по поводу первой атаки:

«Очень малое пространство было выиграно при таких потерях лучшего цвета молодежи Англии и Ирландии»...

Суммируя влияние всего боя на английскую армию, составители «официальной истории войны» пишут:

«Снаряжение поступало в дальнейшем в большем количестве, его научились лучше использовать, но никогда качество и дух бойцов не были так высоки, никогда общее руководство и подготовка, а, главное, дисциплина британской армии во Франции не достигали такого уровня. Потери были не только велики, но и непоправимы». Если бы не необъяснимая глупость немцев, вызвавших конфликт с Америкой и вовлекших американский народ в войну против Германии, то в тот момент, когда ей удалось устранить другого сильного врага — Россию, Сомма не спасла бы нас и не вывела из того неизбежного тупика, в который мы попали. Я не был поражен тем, что в английской официальной истории войны рассказывается со слов Пуанкаре, что самый крупный из французских полководцев, генерал Фош, был противником наступления на Сомме. Когда пришлось подвести итоги наступлению, я вспомнил указание, сделанное Бальфуром, когда проект этого великого наступления был впервые сообщен нам французским генеральным штабом. Бальфур сказал: «Французам недостает людей; и все же они хотят предпринять нечто такое, что еще более уменьшит их людские резервы». Бальфур предлагал указать французам, что по нашему мнению они допускают ошибку.

В то время как французские и английские генералы сообщали о новых и новых победах над Германией на западном фронте; в то время как наши разведывательные управления на фронте заверяли свое командование, а затем и свои правительства, что $^5/_6$ германских войск были совершенно уничтожены и остальные дивизии также будут превращены в кашу, — германский генеральный штаб уводил несколько дивизий с поля сражения во Франции для посылки их на Карпаты, где они должны были поддержать австрийцев и болгар в наступлении против Румынии. Никто в союзном лагере, повидимому, не ожидал этого шага со стороны немцев; по крайней мере ни у кого не было никакого плана насчет того, как помешать начавшемуся германскому наступлению. Все внимание западных стратегов сосредоточивалось на нескольких деревнях на Сомме. Они преувеличивали значение каждого шага вперед, который им удавалось сделать, и сами убедили себя в том, что немцы были крайне потрясены этим наступлением и что у них нехватает людей, пушек и присутствия духа, чтобы вести еще где-нибудь борьбу в течение сколько-нибудь продолжительного времени. Они напряженно прислушивались к малейшему шороху, который предвещал бы разрыв

германской линии обороны, и сосредоточили кавалерийские отряды вблизи фронта, чтобы броситься на остатки германской армии, когда она вынуждена будет бежать. Их иллюзии были беспредельны. Этот момент экзальтированных восторгов я имел случай наблюдать.

Во время боев на Сомме я пересек фронт от Вердена до Ипра. Вместе с Альбером Тома я посетил генерала Хейга в его ставке, и вместе с ним мы отправились на главную квартиру генерала Кейвена, где мы должны были встретиться с генералом Жоффром. Жоффр и Тома стремились заполучить несколько шестидюймовых гаубиц для французского фронта. Мы последовали совету, который дали нам молодые французские артиллеристы в Булони, и вырабатывали большое количество гаубиц, чтобы подвергнуть убийственному обстрелу неприятельские траншеи. Французы в бо́льшей степени уделяли внимание дальнобойным орудиям и им недоставало гаубиц.

Когда мы достигли главной квартиры генерала Кейвена, наши восьмидюймовые гаубицы вели жестокий обстрел расположенной внизу долины, известной среди солдат под названием «Долины счастья». Гул артиллерии внизу и треск разрывающихся снарядов над головой едва не оглушил нас. Мы с трудом могли вести наш разговор. В самом штабе лорда Кейвена шум был еще сильнее, чем снаружи. После того как мы покончили с вопросом о гаубицах, мы перешли к общим разговорам о наступлении. Оба генерала — Жоффр и Хейг — были в восторге от достигнутых успехов. На моем пути туда мне встретились эскадроны кавалерии, которые горделиво двигались галопом на фронт. Когда я спросил, для какой цели предполагается использовать кавалерию, сэр Дуглас Хейг пояснил, что кавалерия была доставлена так близко к фронту для того, чтобы иметь возможность совершить рейд, тотчас же как гвардия сделает прорыв в германских рядах. Кавалерия должна была использовать предполагавшийся успех и завершить разгром Германии.

Можно было видеть, как гвардия маршировала длинной колонной через долину на пути к передовым позициям. В гвардии находился в то время сын премьера Раймонд Асквит. Перед тем как я достиг Ипра, я узнал, что атака закончилась неудачей и что блестящий сын английского премьера был в числе погибших. Когда я позволил себе выразить сомнение в том, что кавалерия сможет успешно оперировать на фронте, где на многие десятки верст позади окопов неприятеля были расположены проволочные заграждения и пулеметы, оба генерала поспешили напасть на меня; Жоффр в частности заявил, что он надеялся, что французская кавалерия сметет завтра же расстроенные ряды немцев. Вдали был слышен гул французской артиллерии, которая, продвинувшись вперед, должна была в этот момент открыть дорогу французской кавалерии.

Это свидание дало мне представление о той экзальтации, которую вызывает сражение у храбрых людей. Они были совершенно не в состоянии видеть что-либо за пределами того сражения, которое совершалось у них на глазах; они не были в состоянии даже разобраться в его результатах. Это было бы хорошо, если бы

союзные правительства имели возможность располагать услугами других специалистов, которые по своим способностям и воле превосходили бы или по крайней мере равнялись тем великим полководцам, чья проницательность совершенно стушевалась в пылу сражения, которое они вели в данный момент. Но ни французы, ни мы сами не имели в кабинете министров военных советников, которые были бы по своим способностям и силе воли равны Жоффру, Фошу и Хейгу. Генерал Галлиени в течение многих лет был больным человеком и поэтому не имел достаточно сил, чтобы настоять на той политической линии, которая казалось ему правильной. О сэре Вильяме Робертсоне я еще буду говорить в дальнейшем. Ложное чувство лойяльности по отношению к сэру Дугласу Хейгу ограничивало его здравый смысл. В результате нам пришлось откладывать неизбежный якобы прорыв германских войск от одной победы к другой. Мы терпели огромные потери. Некоторые из них были невозместимы; таковы были потери офицеров и лучших солдат, которые записались добровольцами в армии Китченера в первый период всеобщего энтузиазма. Немцы подчеркнули нашу неудачу на Сомме своей кампанией в Румынии. Они отправились на Дунай, чтобы отпраздновать и использовать свою победу па Сомме. Макензен переправился через великую реку с болгарской стороны и пошел на Бухарест. Армия Фалькенгейна уже низверглась на Румынию подобно горному обвалу с Карпатских гор и разбила плохо снаряженные румынские армии в долинах Дуная. Румыния с ее нефтью и пшеницей перешла в германские руки и тем самым война затянулась на многие месяцы и годы.

Еще до того как началось германское наступление на Румынию, я был встревожен получавшимися с Балкан известиями о замыслах Болгарии в отношении к ее задунайскому соседу. Мы получили также тревожный меморандум от полковника Томсона (впоследствии лорда Томсона), нашего военного атташе в Бухаресте, — по вопросу о снаряжении румынской армии. В отношении артиллерии и снарядов румынская армия была совершенно беспомощна в сравнении с теми силами, которые центральные державы могли легко выделить для нападения на Румынию. Я говорил с одним из членов генерального штаба английского военного ведомства по этому поводу, но он пытался успокоить меня, уверяя, что помимо того, что немцы не имели войск и артиллерии, которые они могли бы увести с Соммы, где, по его словам, их потери были огромны, становилось уже слишком поздно для германского наступления в Румынии, так как снег, дескать, уже выпал на Карпатах и горные проходы стали непроходимы для артиллерии. Кроме того он был невысокого мнения о полковнике Томсоне и его донесении. Я не был вполне успокоен и на другой день послал начальнику имперского генерального штаба нижеследующую записку.

«Я только что прочел телеграмму, в которой Болгария объявляет войну Румынии. Это новое основание для тревоги, о

которой я говорил вам в субботу в связи с возможностью новых событий на Балканах. Я выразил тогда некоторые опасения, что Гинденбург, который отличается значительными «восточными» устремлениями и всегда был противником концентрации германских войск на западе, обратит свое внимание на Румынию, поставив себе задачей разгромить ее, и что нам следует подумать над тем, как оказать действительную поддержку Румынии в том случае, если на нее будет произведено нападение. Мы не можем допустить повторения сербской трагедии. Еще в начале 1915 г. нас предупреждали, что немцы намерены в союзе с Болгарией стереть Сербию с лица земли. Несмотря на это, когда время наступления пришло, мы не закупили ни одного мула для того, чтобы подвести сербам подкрепление из Салоник. В результате, когда наши войска высадились в Салониках, они не могли двигаться внутрь полуострова вследствие недостатка военного снаряжения и средств транспорта. Сербия была разгромлена.

Я надеюсь, что мы не допустим, чтобы новая катастрофа случилась в Румынии вследствие недостатка в своевременной подготовке.

В нынешнем положении есть несколько тревожных факторов:

1. Хорошо известные «восточные» устремления Гинденбурга.

2. Объявление войны Румынии со стороны Болгарии. Я не могу поверить, чтобы Фердинанд взял на себя этот риск, если бы он не был вполне уверен в германской поддержке его наступления на Румынию. Иначе объявление войны было бы ни к чему.

3. Замедление германского наступления на Верден. Гинденбург без сомнения откажется от этого глупого наступления при первом удобном случае. Отказ от этой операции освободит сотни тяжелых орудий и сотни тысяч хороших войск. Если в дополнение к этому Гинденбург будет готов несколько отступить на Сомме, заставляя нас по мере отступления нести тяжелые потери, он сможет перевести с запада на восток еще несколько дивизий. Он мог бы уступить вчетверо и впятеро бóльшую территорию, чем та, которую мы заняли в течение последних двух месяцев, не уступая сколько-нибудь существенных позиций *.

4. Я не думаю, чтобы снаряжение румынской армии позволило ей долго выдерживать натиск соединенных сил Германии, Австрии и Болгарии, вооруженных сотнями тяжелых орудий и огромным количеством тяжелых снарядов. У румын

* Примечание. Я имею право указать, что через пять месяцев немцы фактически последовали этому плану и таким образом совершенно опрокинули стратегические расчеты генерала Нивелля.

очень мало тяжелых орудий, и я сомневаюсь, что их запасы снарядов достаточны для того, чтобы успешно выдержать непрерывные бои в течение нескольких недель.

Я поэтому еще раз настаиваю, чтобы генеральный штаб тщательно обсудил вопрос о том, что должны мы предпринять вместе с Францией и Италией, чтобы помочь Румынии в том случае, если она станет жертвой серьезного наступления. Быть может мои опасения не обоснованы; не будет никакого вреда, если мы будем готовы ко всему.

Д. Ллойд Джордж
4/IX 1916 г.».

Русские сделали храбрую попытку помочь румынской армии, которую противник превосходил и численностью и артиллерией. Но к рождеству большая часть Румынии была уже в руках неприятеля. Румынский король был вынужден заключить позорный мир, а страна, которая представляла угрозу для центральных держав, стала для них источником необходимых им нефти и пшеницы. Румыния и Сербия вышли таким образом из игры; участие Греции было нейтрализовано германофильскими элементами в правительстве Греции. Три страны, которые могли бы совместно выставить на стороне союзников более миллиона прекрасных солдат, были устранены из числа наших союзников. Попытка спасти Румынию окончательно исчерпала значительные силы России. Союзные генералы, созерцая результаты своей стратегии, пытались укрыться под сенью смехотворных расчетов о германских потерях на Сомме. Эти потери были подсчитаны в количестве одного миллиона на одном лишь английском фронте; нам предоставляли догадываться, какой ущерб нанесли немцам французы своей артиллерией. Наше великое наступление закончилось неудачей; германский фронт прорвать не удалось, и мы пытались утешить себя статистическими выкладками. Сэр Дуглас Хейг не достиг намеченной им цели, но профессор Оман более чем восполнил этот пробел своей великой статистической победой, достигнутой им в кабинете где-то на задворках военного министерства. Ученый академик работал на основании сведений, представленных ему «разведывательным» управлением военного министерства. Без сомнения чиновники этого управления никогда не обнаруживали своей «осведомленности» в такой значительной степени, как в момент, когда они пытались помочь военному командованию изобрести видимость победы. На самом деле мы потеряли на 50% больше людей, чем немцы. Французские потери были не столь значительны как наши, но также больше германских потерь.

Так закончилась третья кампания великой войны.

Глава девятнадцатая

ПРАКТИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ВОЕННОГО СНАРЯЖЕНИЯ

В течение большей части того времени, которое заняли описанные на предшествующих страницах события, я был занят главным образом вопросами военного снаряжения. Я уже рассказал, как после моего назначения в середине июня 1915 г. на пост министра военного снаряжения я приступил к организации этого нового ведомства. Я намерен рассказать теперь о том, что мы сумели сделать в министерстве в течение 13 месяцев, пока я стоял во главе министерства, и до моего назначения военным министром в июле 1916 г.

Я не буду пытаться изложить сколько-нибудь подробно историю деятельности министерства военного снаряжения. Я ограничусь лишь несколькими важнейшими областями этой деятельности и важнейшими событиями этого периода. Они послужат примерами, которые помогут мне проиллюстрировать разнообразные проблемы, с которыми мы сталкивались, а также то, в какой мере наши попытки разрешить эти проблемы были успешны.

1. *АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В БУЛОНИ*

Когда я официально был назначен министром военного снаряжения, военное министерство сочло, что мое дело заключалось лишь в выполнении тех требований, которые исходили от их интендантского управления. Все остальное, кроме исполнения их требований, не должно было меня касаться. В письме военного министерства от 5 июня, в котором излагался вопрос о будущих взаимоотношениях между военным министерством и министерством военного снаряжения, было указано, что «обязанности нового министерства возникают с того момента, как военное ведомство поставит в известность министерство военного снаряжения о своих требованиях по каждому виду снаряжения в отношении количественной и качественной стороны снаряжения, и прекращаются с момента, когда военное снаряжение доставлено военному министерству».

Я придерживался гораздо более широкой точки зрения на

мои обязанности. Военное ведомство со свойственным ему упорством и упрямством отказывалось считаться с новыми фактами. Оно требовало, чтобы мы действовали согласно традициям военных учебников. Военное министерство отвергало всякий чужой опыт, с которым его чиновники не были знакомы или к которому не были подготовлены в дни своей ранней юности. Мне пришлось притти к выводу, что если мы будем ждать, пока наши ведомственные генералы откажутся от своего упрямства и поймут, что нужно в настоящий момент, будет слишком поздно для того, чтобы спасти положение. В течение многих месяцев главнокомандующий наших войск обращал их внимание на разницу между великой войной и всеми другими войнами, которые когда-либо вела Англия или другая держава; вместо ожидавшейся маневренной войны мы имели дело с осадной кампанией. Это видоизменяло проблему военного снаряжения по крайней мере в трех отношениях: 1) требовались орудия гораздо большего калибра, чем когда-либо; 2) необходимо было небывалое расходование снарядов; 3) шрапнель, которая была неоценимым оружием против движущейся массы солдат в открытом поле или в случае недостаточного прикрытия, стала бесполезной, когда враждебные армии укрывались в глубоких окопах; поэтому армия нуждалась в тяжелых разрывных снарядах, чтобы уничтожить проволочные заграждения, окопы и парапеты. Из корреспонденции, которую предоставил в мое распоряжение сэр Джон Френч, я узнал, что Френч неоднократно настаивал на этом перед лордом Китченером. Поэтому я пришел к выводу, что я должен был пойти на риск и лично проявить инициативу не только в отношении методов исполнения заказов военного ведомства, но и в самоличном установлении того, что было необходимо для армии. Соответственно с этим я и наметил программу своей деятельности.

Не имея военной подготовки и не зная лично ничего по этим вопросам кроме того, что я узнал в течение прошедших нескольких месяцев из контакта с французскими и английскими военными, — а разговоры с ними были далеко недостаточны, чтобы позволить мне составить подробную и заслуживающую серьезного рассмотрения программу производства пушек, пулеметов и ружей, — я решил немедленно принять меры к тому, чтобы привлечь в качестве советников лиц, обладавших личным опытом в военной области и знакомых с практическими требованиями войны. Было бы бесполезно основываться на осведомленности интендантского управления военного ведомства. Я был убежден, что для них шрапнель была уже не необходимым оружием, а вопросом чести. В интендантском управлении полагали, что отказ от шрапнели вызовет сомнения в их собственной предусмотрительности и патриотизме. Я решил обратиться поэтому через их головы к людям, обладавшим первоклассными знаниями о действительных требованиях войны. Это решение находит свое отражение в следующей записке, которую я нашел среди моих бумаг.

«Решено организовать в кратчайший срок конференцию с участием французских военных властей и министерства военного снаряжения, с одной стороны, и английских военных властей и министерства военного снаряжения, с другой, чтобы притти сообща к соглашению о расчетах потребного количества и калибров артиллерии, количества и характера снарядов, необходимых для успеха следующего великого наступления на западном фронте».

Это решение оказалось чрезвычайно важным, так как его результаты без сомнения совершенно изменили наши представления о масштабах и характере требований нашей армии. Конференция была назначена на 19 июня 1915 г. в Булони. Накануне конференции мне была представлена артиллерийская программа, о которой впоследствии даже ее составители говорили, что она была совершенно недостаточна в тогдашних условиях. Я решил подвергнуть испытанию удовлетворительность этой программы, представив ее на конференции лицам, имевшим фронтовой опыт. Я условился с Альбером Тома, который стоял во главе организации военного снаряжения во Франции, что он обеспечит присутствие на конференции представителей французского артиллерийского ведомства. Я просил его не только привезти с собой на конференцию советника министерства по вопросам артиллерии, но также, если возможно, кого-либо с фронта, кто обладал подлинным опытом и мог сообщить о действии французской и германской артиллерии с тем, чтобы поставить нас в известность, какие пушки желательней всего производить для армии и в каких количествах. Булонь была переполнена до отказа, и конференция могла обеспечить себе помещение лишь в темной комнате второстепенного отеля (впоследствии в годы войны весь отель был совершенно уничтожен бомбой). Я снесся с сэром Джоном Френчем и просил его направить на конференцию лучшего эксперта по вопросам артиллерии. Когда я прибыл в Булонь, меня встретил генерал Дю-Кейн, которого прислал главнокомандующий. Я уже тогда обнаружил, что это был человек больших способностей; впоследствии мое убеждение в его высоком уме еще более окрепло; но еще более важным при создавшихся условиях было для меня то, что генерал Дю-Кейн был доступен восприятию новых фактов и новых идей в большей степени, чем большинство военных, с которыми мне приходилось сталкиваться. Французы не присутствовали на первом заседании конференции, и я подробно обсудил вопрос с генералом Дю-Кейн и поставил ему следующие вопросы:

«При армии в 1 миллион человек какое артиллерийское снаряжение вам необходимо, считая орудия всех калибров, и какое количество снарядов требуется, перед тем как вы решились бы начать серьезную и продолжительную атаку с целью прорыва германского фронта?»

Этот вопрос дает представление о моих взглядах до начала конференции.

Впоследствии я поставил ему следующий вопрос:

> «Какова должна быть наша недельная производительность по части военного снаряжения в ближайшие месяцы, чтобы мы могли полностью снабжать армию во Франции в составе 18 армейских корпусов или 54 дивизий — около 1 миллиона человек — с тем, чтобы армия могла быть готова к наступлению?»

На следующий день у нас было два заседания, кроме британских делегатов в них участвовали Альбер Тома, генерал Госсо — от французского военного министерства, и молодой французский полковник генерального штаба по имени Вальш.

Перед тем как мы перешли к обсуждению вопроса об артиллерии, нам предстояло разрешить несколько важных вопросов, подлежащих согласованию между обоими правительствами. Создавшееся положение характеризовалось отсутствием контакта между союзниками — часто по важнейшим вопросам. Каждая из союзных стран вела свою собственную войну. Я установил, что по вопросам военного снаряжения было совершенно необходимо установить более непосредственную связь между отдельными правительствами, участвовавшими в войне. В начале войны союзники конкурировали друг с другом на американском рынке и способствовали повышению цен на военные материалы. Мы и бельгийцы вели между собой борьбу при покупке материала для снарядов, известного под именем Т. Н. Т. (тринитротолуол), тогда как все союзники конкурировали друг с другом при приобретении других взрывчатых веществ и военных материалов. В одном случае английское правительство отказалось дать заказ, когда узнало, что фирма использует Англию для того, чтобы повысить цены в контракте с Россией. Спрос со стороны Франции повысил цены на пикриновую кислоту, а весь рынок металлов и машин был совершенно дезорганизован благодаря действию русских агентов. Даже среди самих союзников не было создано системы контроля закупок в союзных странах. Так например, Франция не могла получить от нас экспортных лицензий на кокс; требуя от нас сталь для снарядов, Франция внезапно приостановила экспорт ферросилиция.

Затем мы перешли к обсуждению вопроса об артиллерии. В течение многих часов мы обсуждали всю проблему о том, какие орудия оказались наиболее полезными на опыте войны, — в особенности после того, как война превратилась в ряд операций, связанных с защитой и нападением на земляные укрепления. Я вскоре обнаружил, что представления французского генерала столь же устарели, как и представления наших генералов. Он обладал таким же суеверным убеждением в эффективности 75-миллиметровой пушки для всех абсолютно целей войны, как и наши генералы в отношении

всеобщей применимости шрапнели. Мне приходилось иметь дело не с специалистами, а с идолопоклонниками, поклонявшимися избранному ими кумиру. Генерал Госсо не был на фронте, и его представления носили чисто исторический характер, с другой стороны, полковник Вальш был своего рода артиллерийским офицером связи и в этом качестве наблюдал французскую и германскую артиллерию в действии на всем западном фронте от швейцарской границы до английских окопов; он наблюдал с научной тщательностью и точностью результаты, вызванные различного рода орудиями и снарядами. Это был молодой человек не только больших способностей, но и беззаветной храбрости, так как он отверг мнение своего командира едва ли не с презрением к полному отсутствию опыта у последнего. Это требует от офицера большей храбрости, чем необходимо для перехода под обстрелом неприятельского пулемета находящейся между окопами территории. Я затем узнал, что полковник Вальш был эльзасским гугенотом и без сомнения обладал в полной мере духом протестантского возмущения против авторитетов. Конференция вскоре превратилась в диалог между мною и полковником Вальшем, в котором ни Тома, ни французский генерал, ни генерал Дю-Кейн почти не принимали участия. Это был даже не диалог, скорее допрос с моей стороны: я стремился добыть у полковника Вальша всю ту информацию, которой он несомненно обладал, и установить его мнение насчет тех видов артиллерии, которые было бы полезней всего производить, принимая во внимание характер войны, в которую мы были вовлечены.

Наш отель был расположен напротив английской епископальной церкви. В нескольких шагах находилась шотландская пресвитерианская церковь. Когда наше заседание продолжалось уже несколько часов, я услышал сквозь открытые окна отдаленные звуки церковных песнопений и вскоре увидел верующих, которые выходили из церкви с молитвенниками в руках; мне внезапно пришло в голову, что дело происходило в воскресенье утром и что я серьезно обсуждал вместе с офицерами вопрос, который полковник Вальш называл вопросом «о лучшем орудии уничтожения» и «о лучшем орудии убийства». И это в день воскресенья христова. От этой мысли у меня мороз пробежал по коже. Я овладел собой, подумав, что к этой войне мы были вынуждены грубой силой, которая нагло пыталась раздавить слабого, и что беспощадная судьба вынудила меня выбирать между согласием проливать кровь и согласием пожертвовать международным правом и европейской свободой.

К этому времени и генерал Дю-Кейн и я уже вполне отдавали себе отчет в том, как нам следует перестроить нашу артиллерийскую программу. Впоследствии я полностью убедился, что хотя он и не принимал участия в диалоге между мной и полковником Вальшем, но не пропустил ни одного слова из ясных и определенных замечаний молодого французского артиллерийского офицера.

К этому времени мы оба пришли к твердому выводу, что нам придется значительно расширить наше производство артиллерийского снаряжения и производить пушки в значительно большем масштабе, чем предполагалось, как в отношении количества, так и в отношении калибра. Покидая отель и отправляясь на пароход, генерал Дю-Кейн выразил свое удовлетворение конференцией, которую он назвал самым успешным военным совещанием, на котором ему когда-либо приходилось присутствовать. Затем, обратившись ко мне, он сказал: «То, что я вам сейчас скажу, заставит вас быть обо мне гораздо худшего мнения». Я спросил его, в чем дело, и он ответил: «После этой конференции я полностью изменил свою точку зрения на вопрос о потребностях армии». Я сказал ему, что его признание заставило меня быть лишь лучшего мнения о нем и что это признание делает честь его уму и честности. Он обещал после совещания с главнокомандующим представить новую оценку наших потребностей.

Война продолжалась между тем уже 10 месяцев. Вопрос об орудиях и снарядах был предметом длительной полемической переписки между фронтом и военным министерством, а конференция в Булони была лишь первой конференцией по этому вопросу, в которой принимали участие артиллеристы французской и английской армии с подлинным боевым опытом.

В результате этой конференции сэр Джон Френч прислал 25 июня 1915 г. в военное министерство новую оценку необходимых ему орудий. 30 июня военное министерство переслало мне его письмо для сведения, сопроводив его таблицей, в которой были перечислены дополнительные тяжелые орудия, необходимые для снаряжения в нужном масштабе 70 дивизий. Я немедленно принял меры. Благодаря информации, полученной мною на конференции в Булони, я больше чем когда-либо прежде был убежден, что для успеха наших операций необходимо огромное количество тяжелых орудий, которое даст нам возможность прорваться сквозь грозные укрепления германской армии. Я решил, что было желательно сохранить еще некоторую разницу между тем, что требовал главнокомандующий, и тем, что мы могли произвести, имея в виду всевозможные обстоятельства. Если все эти орудия и не понадобились бы для английской армии на западном и на других фронтах, то излишек мог бы быть отправлен в Россию, армии которой в этот момент испытывали серьезный ущерб из-за недостатка артиллерии.

Между тем сэр Джон Френч 8 июля вновь написал в военное министерство, приложив более подробный список необходимого ему артиллерийского снаряжения. Этот список был составлен из расчета 50 дивизий. Военное министерство однако исходило из расчета 70 дивизий и, исходя из него, прислало 14 июля запрос. Этот запрос был положен в основу предварительной ежемесячной программы поставок, которая была названа артиллерийской «программой А». 28 июля министерство военного снаряжения пред-

ставило расширенную «программу В» военному министерству. Но в августе, после переговоров с целым рядом фирм по вопросу о количестве пушек, которое они в состоянии были произвести, я решил выдать заказы на артиллерию, в частности на тяжелые орудия, в количестве, достаточном для 100 дивизий. Эта значительно расширенная программа была названа артиллерийской «программой С».

8 сентября военное министерство снеслось с министерством военного снаряжения по вопросу о возможности расширения «программы В». В своем ответе министерство военного снаряжения сообщило о возможном увеличении поставок, которое было предусмотрено новой «программой С». По этому поводу я могу сказать, что лорд Китченер рассчитал, что «программа С» превосходила наметку военного ведомства следующим образом (из расчета на дивизию):

60 фут.	129 орудий	для 15	дивизий
6 дюйм. гаубиц	220 »	» 27	»
8 дюйм., 9,2 дюйм. гаубиц	250 »	» 49	»
12 дюйм., 15 дюйм. »	40 »	» 45	»
	639 орудий		

Первоначально я предполагал еще больше дополнить программу, но, принимая во внимание ограниченные возможности производства, я изменил заказы. Впоследствии на фронте оказалось, что моя первоначальная программа была еле достаточна.

Данные об увеличении выданных мною артиллерийских заказов были сообщены военному министерству в следующем письме.

«Министерство военного снаряжения.

14 сентября 1915 г.

Милостивый государь,

В ответ на Ваше отношение от 8 сентября за № 57/4905 (А2) министр военного снаряжения поручил мне указать, что по разным причинам и в особенности в связи с решением заменить значительное число 8-дюймовых гаубиц 9,2-дюймовыми гаубицами окажется возможным увеличить поставки тяжелых орудий и снарядов на 1916 г.

Мне поручено поэтому сообщить вам, что заказы, которые уже выданы, не только покроют дополнительное количество снаряжения, предусмотренное Вашим письмом от 8 сентября, но представят также еще весьма значительную разницу для покрытия возможных будущих нужд. Министр исходил при этом из того важного соображения, что, заказывая такие большие количества, он делает выгодной для промышленников поставку нового оборудования в широком масштабе, что ускорит поставку значительных количеств в 1916 г. Таким обра-

зом в критические первые месяцы 1916 г. будет доставлено большее количество тяжелых орудий, чем это удалось бы в ином случае. Вам будут вскоре представлены сведения более точного характера о размерах поставок в отдельные сроки; пока эти подробности еще не установлены, мне поручено сообщить Вам максимальные цифры, которые имеет в виду министерство.

В ответ на последний пункт Вашего письма мне поручено сообщить вам, что министерство находится в непосредственном контакте со всеми промышленными предприятиями, занятыми производством военного снаряжения; поэтому специальной задачей министерства является такое согласование и распределение выданных заказов, чтобы каждый из них не мешал выполнению других.

С совершенным почтением

Г. Льюэлин-Смит».

Эта программа была затем изменена в письме военному министерству от 27 сентября, но господа военные разгневались, и первым предупреждением о грядущей буре явилось следующее письмо:

«Военное министерство.

1 октября 1915 г.

Милостивый государь,

В ответ на ваше отношение за № Д. Р. С/180 от 27 сентября 1915 г. мне поручено военным советом уведомить Вас, что по получении Вашего письма от 14 сентября 1915 г., в котором Вы впервые сообщали о закупке большого количества тяжелых гаубиц сверх тех требований, которые были сделаны военным министерством, военный министр счел необходимым устроить совещание с фельдмаршалом сэром Джоном Френчем по вопросу о потребностях армии на фронте, особенно потому, что заключения конференции, которая в июне состоялась в Булони, не были доведены до сведения военного министерства.

Сэр Джон Френч официально уведомил военного министра, что представленные им в его письме от 25 июня требования были составлены через неделю после конференции в Булони вслед за должным рассмотрением выраженных на конференции мнений. Это письмо было тогда же переслано Вам и было положено в основу наших требований, предъявленных министру военного снаряжения. Сэр Джон Френч уведомил военного министра, что это письмо попрежнему соответствует его требованиям.

В этих условиях военный совет считает, что за исключением некоторого резерва, исчисленного в прилагаемой к письму таблице, потребности армии в орудиях этого рода будут, насколько это можно предвидеть, полностью удовлетворены.

Министру военного снаряжения известно, что Россия обращалась к нам с просьбой предоставить ей интендантское имущество и снаряжение всех видов и что недавнее соглашение, которое было заключено между г. Барком и канцлером казначейства, накладывает на нас известные обязательства в том смысле, что мы должны заказать для России необходимое количество пушек и снарядов.

Эти соображения, по мнению военного совета, указывают на то, что в интересах союзных армий было бы лучше всего, если бы некоторая часть или все дополнительные заказы были использованы для нужд России.

Военный совет просит сообщить, согласен ли министр военного снаряжения с этой точкой зрения; мы предлагаем созвать в ближайшее время совещание, чтобы установить, как использовать наилучшим образом дополнительные заказы.

Мне поручено добавить, что контракты, чертежи и спецификации подготовляются и будут вам представлены в ближайшее время.

С совершенным почтением

Б. Б. Кьюбитт».

По моему поручению был отправлен в военное министерство нижеследующий ответ:

«Министерство военного снаряжения.
2 октября 1915 г.

Милостивый государь,

Мне поручено министром военного снаряжения сообщить Вам, что он не может согласиться с мнением, выраженным в Вашем письме от 1 октября за № 57/3/4905 М. Г. О. по вопросу об артиллерийских заказах.

Помимо вопроса о том, будет ли общее количество заказанных орудий в момент поставки выше тех требований, которые ставит наша армия, министр придерживается того мнения, что размещение этих больших заказов теперь будет способствовать ускорению поставок и что эти заказы необходимы для того, чтобы обеспечить доставку в течение весны и лета 1916 г. значительной части орудий, заказанных военным ведомством. Мне поручено добавить, что, по мнению г. Ллойд Джорджа, ранняя доставка дополнительной артиллерии может иметь решающее влияние на ход кампании. Министру сообщают, что даже при таких больших заказах требование военного ведомства не будет вероятно полностью удовлетворено до сентября 1916 г.

Если военный министр не согласен с этим мнением, то министр военного снаряжения готов во всякое время обсудить с ним этот вопрос, или если военный министр того пожелает, может представить этот вопрос на обсуждение

кабинета министров. Министр военного снаряжения во всяком случае не намерен отменить заказы на поставку военных гаубиц, которые им уже размещены; и министр полагает, что только правительство в целом может взять на себя ответственность за это, решив, что предложенное министерством расширение заказов чрезмерно.

Если в конце концов окажется, что артиллерия и военное снаряжение, произведенные благодаря дополнительным заказам, не нужны английской армии, министр считает, что всегда будет время предоставить всякий излишек союзникам.

С совершенным почтением

Г. Льюэлин-Смит».

Это письмо вызвало гнев лорда Китченера, который выразил свое неодобрение деятельности министерства военного снаряжения в меморандуме, представленном им кабинету. Я привожу ниже отдельные извлечения из этого меморандума, которые передают его существо:

2. *ПОСТАВКА ТЯЖЕЛЫХ ОРУДИЙ ДЛЯ АРМИИ. МЕМОРАНДУМ ВОЕННОГО МИНИСТРА*

«Между министерством военного снаряжения и военным министерством возникла полемика по вопросу о поставках тяжелой артиллерии для армии; я полагаю, что эта полемика заслуживает внимания моих коллег по кабинету. Этот вопрос имеет принципиально важное значение, и по-моему необходимо такое решение, которое обеспечит согласование работы обоих ведомств, столь необходимое для армии».

Далее в меморандуме излагаются условия, при которых было создано министерство военного снаряжения, дается описание работ Булонской конференции и составленной после конференции программы; в меморандуме приводятся сведения о дополнительных кадрах рекрутов, которые должны быть подготовлены для новой артиллерии. Далее меморандум гласит:

«Некоторое время тому назад военное министерство тщательно рассмотрело вопрос о количестве тяжелых орудий, которые необходимо для наших войск на фронте, исходя из новых условий войны. После совещания с сэром Джоном Френчем мы послали наши требования на тяжелые орудия министру военного снаряжения. Эти требования были основаны на письме сэра Джона Френча от 25 июня 1915 г.; предполагалось произвести тяжелые орудия в том же масштабе, в каком наметил потребность в них сэр Джон Френч, но для 70 дивизий.

Для того чтобы выставить на фронте это дополнительное количество тяжелой артиллерии, естественно необходимо

большее количество обученных офицеров и солдат артиллеристов, не говоря уже об увеличении состава обоза. Военное ведомство предусмотрело соответствующие мероприятия и провело их в жизнь.

8 сентября военное министерство снеслось с министерством военного снаряжения по вопросу о том, не было ли возможно получить тяжелые орудия либо в более ранние сроки, либо в большем количестве, чем предполагалось вначале; министерство военного снаряжения было поставлено в известность, что в случае возможности таких изменений военный совет готов рассматривать вопрос о некотором увеличении заказов для создания резервного артиллерийского фонда.

Между тем министерство военного снаряжения прислало в военное министерство 27 сентября список размещенных им дальнейших заказов, которые имели в виду не только восполнить требования военного министерства, но также расширить программу заказов, переданную им 14 сентября. Эти заказы представляют собой изменения прежних предложений и предусматривают поставку сверх намеченных военным министерством 639 орудий *.

В ответ на это письмо военное министерство заявило, что, по его мнению, за исключением резерва тяжелых гаубиц потребности армии в тяжелой артиллерии могут быть, насколько это можно предусмотреть в настоящий момент, полностью покрыты нашим прежним запросом. Военный совет указал также, что по его мнению принятая нами ответственность по соглашению, заключенному г. Барком и канцлером казначейства, требовала от нас, чтобы в интересах союзных армий часть или все дополнительные заказы минитерства военного снаряжения были предоставлены в распоряжение России.

В ответ на это письмо министр военного снаряжения в письме от 2 октября заметил, что он не был согласен с этой точкой зрения, и предложил передать вопрос на рассмотрение кабинета.

Я хочу подчеркнуть, что если эти излишние пушки будут заказаны для военного министерства, то военное министерство не будет в состоянии найти необходимой артиллерийской прислуги для их обслуживания на фронте; если даже удастся получить солдат, то не будет достаточного количества офицеров.

С другой стороны, если и эти дополнительные орудия будут получены русскими, — а им они срочно нужны, — то военному совету представляется желательным, чтобы калибр 60 фунт. 6-дюймовой, 8-дюймовой и 12-дюймовой гаубицы был приспособлен к русским снарядам соответствующих тяжелых орудий русской армии; тем самым удастся избежать затруднений,

* В тексте меморандума повторена таблица, помещенная на стр. 753.

проистекающих от смешения различного снаряжения на фронте, о чем специально упоминают русские военные власти.

Я полностью согласен с тем, чтобы министерство военного снаряжения, которое находится в тесном контакте с промышленностью, делало все, что в его силах, чтобы получить для армии необходимое снаряжение и тем помочь нам довести войну до победного конца, *но я считаю себя до известной степени ответственным в этом вопросе, так как эти заказы дадут пушки, которые я не буду в состоянии послать на фронт.* Я настойчиво требую, чтобы эти пушки были предназначены для России, и я надеюсь, что министр военного снаряжения согласится со мной и тем даст нам возможность оказать помощь русской армии, которой легче обслужить эти орудия людьми, и таким образом использовать их против неприятеля.

Китченер.

6 октября 1916 г.».

Этот вопрос был впоследствии рассмотрен в кабинете министров. Я не уступал ни в вопросе о сокращении заказов, ни в вопросе о производстве орудий по русскому образцу, так как полагая, что если дополнительные орудия можно будет передать русским, то будет возможно предоставить им также и снаряды. Кабинет министров назначил комиссию под председательством лорда Крью для рассмотрения этого вопроса. Комиссия заседала однажды в министерстве военного снаряжения и заслушала генерала ван-Донопа, который повторил свои возражения против расширенной программы. В ответ я изложил свои аргументы. Привожу ниже извлечения из заметок сэра Вильяма Садерленда, присутствовавшего на этом заседании.

«Мне было несколько неясно, каково было официальное решение, принятое на заседании; произнесенные на заседании речи были в основном весьма и весьма критическими в отношении программы, а г. Ллойд Джордж ограничился общим изложением вопроса и не пытался долго защищать свою программу с тем воодушевлением, которое он обычно выказывал в подобных обстоятельствах».

«Я полагаю, — сказал Дж. Т. Девис после того как заседание закончилось, — что это означает конец вашей программы».

«Нет, — отвечал г. Ллойд Джордж, — это означает конец комиссии», — и тотчас же приступил к выдаче заказов для этого огромного производства».

Комиссия отложила свое решение и никогда более не собиралась. Вопрос был оставлен, но программа осталась в действии. Я привел этот план в исполнение. Еще перед тем как я перестал быть

министром военного снаряжения, оказалось, что нужно было больше орудий, чем даже то большое количество, которое я заказал.

Что касается предложений военного ведомства на счет того, что всякий излишек для России (о предоставлении военного снаряжения России я уже подымал вопрос раньше военного ведомства) должен быть изготовлен по русским образцам, то для нас играли роль не только эти, но и другие соображения. В главе, посвященной вопросу о недостатке артиллерии в России, я уже упоминал о плохом качестве русской артиллерии. Другое соображение заключалось в том, что производство особых русских калибров вызвало бы промедление и затруднило бы промышленников. Я позволю себе здесь предвосхитить последующие события и указать, что когда министерство военного снаряжения представило этот нежелательный и непредусмотренный излишек пушек, то военное ведомство твердо отказалось расстаться с ним для того, чтобы помочь России; военное ведомство заявило, что все эти орудия нужны нашим собственным войскам во Франции и что их даже недостаточно. Только с трудом мне удалось убедить генеральный штаб выделить несколько легких орудий для России.

Сэр Вильям Робертсон в ноябре 1916 г. писал:

> «Мы должны обладать значительно бо́льшим количеством тяжелой артиллерии, чем мы обладаем теперь, и должны иметь возможность производить почти неограниченное количество снарядов».

Сэр Дуглас Хейг в одном из донесений в то же время писал:

> «Изобилие снарядов также совершенно необходимо. В этом году необходимые нам огромные количества поступали с абсолютной точностью, но большие резервы, нужные для будущего года, могут быть накоплены лишь при сокращении расходования снарядов до абсолютного минимума в течение зимы и только в том случае, если производство будет итти тем же темпом».

Военное министерство не предусмотрело даже возможности изнашивания орудий вследствие непрерывной стрельбы или разрушения наших орудий германской артиллерией.

По поводу моей, как ее называли, сумасшедшей программы производства тяжелых орудий было немало острот и саркастических замечаний; до меня дошли сведения, что военное министерство намерено было нейтрализовать мои экстравагантные планы отказом в подготовке достаточного количества артиллеристов для обслуживания орудий, которые оно считало ненужными. Я решил поставить вопрос об этом перед премьером и, если необходимо, перед военной комиссией кабинета. Для того чтобы проверить факты, на которые я хотел опереться, я направил следующее письмо генералу сэру Айвору Филиппсу, который был военным

секретарем министерства военного снаряжения в то время, когда были выданы заказы, но который отправлялся в ноябре во Францию командиром дивизии.

«15 ноября 1915 г.

Мой дорогой Айвор Филипс,

Вы помните, конечно, нашу дискуссию по вопросу об артиллерийской программе. Я не раз настаивал на необходимости разместить такие заказы, которые обеспечили бы максимальные поставки оборудования в самые ранние сроки; с этой именно целью я превысил запрос военного ведомства. Чем больше заказы, тем больше и затраты на оборудование, которые готовы будут сделать фирмы; таким образом их поставки будут обеспечены. Мне кажется, что я представил Вам мои соображения в письменном виде. Если это не так, прошу Вас составить для меня памятную записку о тех инструкциях, которые я Вам дал.

Военное ведомство все еще занято в большой степени тем, что пытается скорее ограничить мою деятельность, чем способствовать ей. Оно серьезно встревожено, что английская армия будет иметь слишком много снарядов и пушек. Наилучшим способом достичь их цели было оставить заказы в их руках.

Искренне Ваш
Д. Ллойд Джордж».

Я получил от него нижеследующий ответ:

«Штаб 38 Валлийской дивизии.
Авингтонский лагерь, Винчестер.

Мой дорогой министр,

Когда обсуждалась большая артиллерийская программа, Вы не раз указывали Вашим сотрудникам, что Вашей главной задачей при увеличении заказов на орудия было обеспечить максимально возможные поставки в наиболее ранние сроки. Вы настаивали на этом устно и письменно. Необходимость настаивать на ранних сроках путем предоставления больших заказов поставщикам была для меня ясна, и я передал об этом соответствующим отделам министерства; мы сделали все, что было в наших силах, чтобы выполнить Ваши ясные инструкции по этому поводу.

В Ваших частых разговорах со мною Вы указывали, что главные цели размещения заказов большой артиллерийской программы заключались в следующем:

1. Обеспечить максимально ранние поставки предоставлением крупных заказов фирмам с тем, чтобы побудить их увеличить производительность.

2. Предоставить орудия для 100 дивизий, — на тот случай, если впоследствии возникнет необходимость выставить это число войск.

3. Обеспечить излишек самых тяжелых пушек, чтобы наше военное снаряжение соответствовало точке зрения лучших французских специалистов артиллерии; как последние полагают, опыт войны показал, что в будущем для достижения победы нужны будут все более и более тяжелые орудия.

4. В случае, если эти пушки будут излишними для наших собственных нужд, они будут неоценимы в качестве резерва для помощи нашим союзникам.

Необходимо иметь в виду, что Вам приходилось работать в тяжелых условиях. Военное министерство не оказывало Вам никакого содействия.

После конференции в Булони с г. Тома и французскими артиллерийскими экспертами — в результате полученной Вами информации — военное министерство тотчас же составило новую и значительно увеличенную программу.

Пока заказы военного снаряжения находились в руках военного министерства, не было и упоминания о таком увеличении программы. Когда же ответственность за производство военного снаряжения легла на Вас, военное министерство тотчас увеличило свои требования.

Полагаю, что Вам не приходится опасаться того, что Вы закажете слишком много пушек или снарядов. Вам придется в военном совете рассмотреть вопрос о том, осуществляется ли подготовка необходимой орудийной прислуги для всех орудий или для части их, когда они будут доставлены на фронт. Я опасаюсь, что военный совет упускает этот вопрос из виду. Вы помните, что я заготовил по этому вопросу меморандум, когда был в составе министерства. Вашу часть работы в производстве орудий и снарядов Вы выполнили, и когда-нибудь страна оценит Вашу полезную деятельность в этой области.

Искренне Ваш

Айвор Филиппс».

Насколько мне помнится, военный совет не пришел ни к какому решению, и мне разрешили продолжать выполнять мою программу.

3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ МАСТЕРСКИЕ

Нашей немедленной задачей было увеличение производства снарядов; именно недостаток снарядов главным образом подействовал на народное воображение и привел к кризису, в результате которого было создано новое министерство. Но наряду со снарядами мне предстояло взять на себя ответственность за целый ряд других военных материалов: пушек, ружей, пулеметов, бомб, траншейного оборудования, военно-транспортного оборудования и оптических инструментов. Вскоре после создания министерства нам была передана адмиралтейством задача постройки танков. Контроль над производством всех этих видов военного снаряжения неизбежно

привел к контролю над предварительными стадиями производства вплоть до сырья.

В результате пределы деятельности министерства постоянно и неизбежно расширялись, и к концу войны министерство контролировало всю промышленность. Мы вынуждены были осуществлять все более жесткий контроль, по мере того как усиливался недостаток в сырье; к концу войны никто не мог основать новое предприятие или расширить старое для других целей кроме обороны. Каждое здание, каждый завод, каждая машина могли быть реквизированы правительством для более срочной работы. Ни один из промышленных металлов не мог быть использован в производстве без разрешения правительства; только немногие сырые материалы являлись исключением из этого правила. Страна сосредоточила все свои силы и все стремления на достижении победы.

Число материалов, которые стало контролировать министерство военного снаряжения, достигало почти 100 наименований. Контроль распространился не только на такие предметы, как железо, сталь, медь, химическое сырье, станки, но и на кирпич, льняное семя, стекольные товары, бумажное тряпье и пряжу. В конце концов министерство взяло на себя ответственность за все видимые запасы этих материалов, установило контроль над ввозом частных лиц и распределением этих материалов для предприятий, работавших на нужды обороны, и всех прочих. Таким образом, фактически все отрасли промышленности, являющиеся потребителями материалов, входящих составной частью в предметы военного снаряжения, были подчинены контролю министерства военного снаряжения.

Министерство не было бюрократическим аппаратом; оно работало все время в самом тесном сотрудничестве со всеми теми отраслями промышленности и предприятиями, которые были связаны с его деятельностью. Часто влиятельные промышленники занимали официальные посты в министерстве; при министерстве были созданы совещательные комитеты, представлявшие данную отрасль промышленности; эти комитеты оказывали министерству содействие в вопросах, касавшихся данной отрасли промышленности. В тех случаях, когда данная отрасль промышленности была уже объединена каким-либо комитетом промышленников, мы обсуждали связанные с ней вопросы совместно с этим комитетом, в тех же случаях, когда такого учреждения не было, мы стремились способствовать его образованию. Министерство давало субсидии, участвуя полностью и частично в расходах на оборудование, необходимое для расширения производства военного снаряжения, или в расходе для перехода завода на производство военного снаряжения; при помощи мероприятий по ограничению доходов и применению налога на сверхприбыль наша промышленность была превращена в крупное общественное предприятие, имевшее целью добиться победы.

Даже после того как мы использовали все мастерские, фабрики и заводы, которые могли вырабатывать военное снаряжение, мы убедились, что производство будет недостаточным, если мы не до-

полним наши ресурсы созданием временных предприятий. Таково было в особенности положение, когда мы подошли к вопросу о производстве снарядов крупного калибра и создании необходимых условий для начинки снарядов взрывчатыми веществами. Я поэтому принял меры, чтобы провести в жизнь — тотчас же после того как было организовано министерство военного снаряжения — ту политику, на которой я настаивал уже ранее в качестве председателя комитета военного снаряжения. Именно я предпринял шаги, чтобы организовать особые национальные заводы для пополнения наших ресурсов в области производства военного снаряжения — в частности в области производства снарядов и взрывчатых веществ, начинки снарядов и их сборки.

В течение первых пяти месяцев существования министерства была создана значительная группа национальных заводов. К концу декабря 1915 г., когда министерство просуществовало лишь 7 месяцев, в дополнение к королевским арсеналам в Вульвиче, Уолтем Аббей, Энфильд Лок и Фарнборо имелось не менее 73 новых национальных заводов. Сюда не включены несколько фабрик взрывчатых веществ. Из указанных 73 заводов 36 назывались национальными снарядными заводами и производили более легкие виды снарядов: 13 были названы национальными заводами метательных снарядов и производили преимущественно тяжелые снаряды; 13 были заводами по начинке снарядов взрывчатыми веществами; 8 новых заводов производили взрывчатые вещества; 1 завод производил бомбы для окопных мортир и 2 завода выделывали измерительные приборы. Эти два завода были отданы в распоряжение министерства, чтобы обеспечить достаточное количество измерительных приборов для заводов, которые возникали повсеместно и имели своей задачей производство военного снаряжения. Недостаток измерительных приборов мешал делу.

По мере того как продолжалась война, число национальных заводов непрерывно увеличивалось; росло и количество товаров, которое они вырабатывали. К концу войны число заводов в системе министерства военного снаряжения достигало 218; они производили не только все виды военного снаряжения от пушек и аэропланов до патронов, но также пилы, станки, инструменты, ящики, оптические инструменты, шарикоподшипники и т. д.

В числе 218 были 4 королевских завода, которые существовали до войны, завод древесного спирта в Кольфорде, построенный департаментом лесоводства в 1913 г., и 3 или 4 завода взрывчатых веществ, построенные по инициативе военного ведомства или комитета лорда Маултона между ноябрем 1914 г. и маем 1915 г. 2 национальных снарядных завода были начаты постройкой по инициативе комитета военного снаряжения еще до того, как было создано министерство военного снаряжения. Однако более $^{9}/_{10}$ остальных заводов — 200 с лишним — были построены под эгидой министерства или с помощью правительственных субсидий и только около 20 предприятий были заняты производством таких необходимых пред-

метов как измерительные приборы, шарикоподшипники, ацетон, хлопковые очесы и т. п. еще до того, как они были взяты в ведение министерства и национализированы.

Общий итог включает только предприятия, занятые производством или ремонтом снаряжения. Не включены всякого рода шахты, рудники, инспекционные и другие склады и прочие подсобные предприятия, находившиеся под контролем министерства. Сюда не входят также принадлежавшие государству заводские установки в пределах предприятий-поставщиков, даже в том случае, когда служащие этих установок считались государственными служащими. Конечно, сюда не входит и громадная группа частных фирм, которые — часто с помощью значительных правительственных субсидий — были заняты производством военного снаряжения. Национальные заводы являлись основной ячейкой, ядром промышленности военного снаряжения — они были огромным дополнением к королевским арсеналам и служили гарантией, что поставки военного снаряжения для наших армий могут быть расширены для удовлетворения быстро растущего спроса со стороны фронта.

Первой группой заводов, которые были учреждены под моей ответственностью, была группа национальных снарядных заводов. Первым из них был завод в Лидсе, построенный местным комитетом военного снаряжения в мае 1915 г. Машиностроительным фирмам города было предложено войти между собой в соглашение по вопросу о производстве военного снаряжения; они подошли практически к вопросу и отправились в Вульвич изучить дело. Вслед затем они пришли к выводу, что лучше всего для них будет снять или построить новое здание, где в тесном контакте между собой они могли бы собрать необходимые станки и рабочих, организовать наблюдение и инспекцию, обеспечив тем самым выполнение заказов на основе их действительной стоимости; они предполагали создать общую комиссию для управления предприятием.

7 мая представленный проект завода получил общее одобрение, а на следующий день была дана формальная санкция правительства, и дело было тотчас же пущено в ход. 31 мая было одобрено создание национального снарядного завода в Кихли. Когда в начале июня я предпринял в качестве вновь назначенного министра военного снаряжения объезд промышленных районов, я мог указать на попытку, предпринятую в Лидсе, как на пример, который может быть широко применен. Эта идея была широко воспринята, и в результате министерством было одобрено еще до конца июня 17 проектов новых заводов; 10 новых заводов возникли до конца сентября.

Эти национальные снарядные заводы были объединенными предприятиями, во главе которых стояли правления; их состав утверждался министерством из числа членов местных комитетов военного снаряжения. Эти заводы представляли в основном попытку использовать все технические силы, которые до сих пор не были использованы в производстве снарядов. Вначале эти заводы были главным образом заняты производством более легких снарядов. По мере того

как дело развивалось, заводы имели возможность расширить свою деятельность с тем, чтобы включить производство также и некоторых более тяжелых снарядов, а перед концом войны три завода в Лидсе, которые были организованы для производства снарядов, считались уже заводами артиллерийского оборудования, производили и чинили пушки.

Национальные снарядные заводы использовали технические возможности машиностроительной промышленности, остававшиеся вне поля зрения существующих фирм военного снаряжения. Я также был озабочен более полным использованием опыта этих фирм для производства тяжелых снарядов. В июле 1915 г. производство этого вида снарядов было значительно меньше обещанного, а требования армии на тяжелые разрывные снаряды быстро возрастали. Я подготовлял значительное расширение артиллерийской программы и должен был обеспечить достаточное количество снарядов для дополнительных орудий, предусмотренных этой программой, наряду с теми, которые уже находились на фронте.

В согласии с этим 13 июля 1915 г. я созвал конференцию совместно с представителями 9 ведущих фирм военной промышленности, чтобы установить мероприятия, которые нужно было провести в жизнь для обеспечения не только существующей программы, но и новой, гораздо более широкой программы артиллерийского строительства.

Принятые до сих пор военным ведомством методы распределения военных заказов оказались совершенно негодными; военное министерство всецело полагалось на существующие предприятия, расширенные с помощью субсидий казначейства, которые были одобрены мною прошлой осенью. Однако фирмы военной промышленности проявили большое недовольство моим намерением создать независимые национальные заводы для производства тяжелых снарядов. Мы пришли к компромиссу. Военно-промышленные фирмы соглашались построить вместе с нами и руководить новыми предприятиями в дополнение к своим уже существующим заводам, а правительство предоставляло весь необходимый капитал для постройки заводов и оборотные средства. Согласно достигнутому компромиссу новые заводы становились собственностью правительства, а военно-промышленные фирмы давали предприятиям руководящий персонал, который управлял ими в качестве агентов правительства и под контролем министерства. Фирмы, которые соглашались создать эти предприятия и руководить ими по заданию министерства, получали известный процент комиссии с выработки. Я должен прибавить к этому, что фирма Каммель Лерд отказалась взять какую бы то ни было комиссию за постройку и руководство завода в Ноттингейме. Эти заводы стали называться национальными заводами метательных снарядов, в отличие от национальных метательных заводов, о которых я упоминал выше. 7 таких заводов начали работу уже в августе 1915 г., 4 — в сентябре. К концу 1915 г. их число увеличилось до 13, к концу войны их было 15,

кроме того 5 национальных снарядных заводов перешли на производство тяжелых снарядов и тем самым подпали под контроль другого департамента министерства военного снаряжения.

Следующие данные могут дать некоторое представление о той быстроте, с которой национальные заводы начали работать, и о тех услугах делу национальной обороны, которые они оказали. Производство на национальных снарядных заводах началось летом 1915 г., когда были построены первые из них. Первые заводы метательных снарядов начали работать осенью того же года. К концу 1915 г. их общая производительность равнялась 200 400 снарядов, почти исключительно легкого калибра. В 1916 г. их общая производительность равнялась 6 712 300 штук, из которых более половины были среднего и тяжелого калибра.

За три с лишним года — с середины 1915 г. до конца войны в 1918 г. — общее производство снарядов национальных снарядных заводов и национальных заводов метательных снарядов составило 40 143 300 штук.

Далее, стоимость снарядов, производимых этими заводами, была значительно ниже стоимости снарядов, закупленных у других фирм. Разница была настолько велика, что в части национальных заводов метательных снарядов она полностью компенсировала нас за потери, которые возникли вследствие разницы между первоначальной стоимостью их постройки и оборудования и теми суммами, которые были в конце концов выручены за эти заводы после продажи их правительством. Что касается национальных снарядных заводов, то снижение расходов не только позволило мне сделать значительные сбережения на поставках военного снаряжения, но дало возможность проверить запросы других фирм и снизить их требования.

Подобно национальным снарядным заводам, национальные заводы метательных снарядов были использованы, по мере того как продолжалась война, для целого ряда других целей помимо производства снарядов. В 1917 г. семь из этих заводов были заняты уже починкой пушек; один производил артиллерийские части, другой артиллерийские орудия. Еще один — Каткартский завод — производил с мая 1917 г. аэропланы. Среди других видов военного снаряжения эти заводы производили мортиры, авиационные моторы и снаряды для итальянской армии; к концу войны четыре из этих заводов стали артиллерийскими заводами и перешли на производство и починку артиллерийских орудий.

4. НАЧИНКА СНАРЯДОВ

Упомянутые две группы заводов — снарядные заводы и заводы метательных снарядов обеспечивали только производство снарядных оболочек. Необходимо было также производить взрывчатые вещества, чтобы наполнить снаряды, и создать заводы, которые занимались бы начинкой снарядов и их собиранием в ленты. Описание приготовлений к начинке снарядов взрывчатыми веществами, которые делало военное ведомство, может послужить своеобразным коммен-

тарием — иронического характера — к тем нападкам, которые военное ведомство предпринимало против «возмутительного» вмешательства «штафирок» в дела, подлежавшие исключительно компетенции профессиональных военных.

Необходимость обеспечить новые источники производства тяжелых снарядов была рано понята военным ведомством — по той очевидной причине, что артиллерийские заводы никогда не занимались производством тяжелых снарядов. Промышленники также не умели еще производить Т. Н. Т. — употреблявшийся для снарядов угольный экстракт, который в конце концов стал главной составной частью содержимого тяжелого разрывного снаряда. Запасы взрывчатых веществ у частных предприятий, которыми располагала страна, нуждались в химической переработке, чтобы удовлетворить требованиям армии.

Общий закон о защите государства вступил в силу 27 ноября 1914 г. По этому закону правительство приобретало право брать в свое ведение заводы, занятые производством материалов военного значения. На следующий день военное министерство реквизировало для работ над Т. Н. Т. Рейнгемский химический завод, расположенный на другой стороне Темзы против Вульвича. К этому времени однако весь имевшийся запас и производство составляли от 10 до 12 тонн в неделю, которые вырабатывала одна единственная фирма.

Военное министерство обратилось к министерству торговли, и последнее рекомендовало, чтобы организация производства взрывчатых веществ была поручена известному государственному деятелю, не военному — лорду Маултону. Лорд Маултон был одним из самых способных ученых юристов своего поколения. Он был назначен председателем комитета по производству тяжелых разрывных снарядов и настоял на том, чтобы был создан новый государственный завод для производства Т. Н. Т. Он подписал договор с фирмой промышленников химических кислот Чанс и Хент в декабре 1914 г. По этому договору Чанс и Хент начали в 1915 г. постройку в Олдбери завода для отдела взрывчатых веществ военного министерства. Это был первый национальный завод по производству Т. Н. Т.

Лорд Маултон достиг, далее, соглашения с адмиралтейством о постройке большого завода в Квинс Ферри для производства артиллерийского хлопка. Но место для завода не могло быть получено до мая 1915 г., а к концу этого месяца адмиралтейство отказалось от соглашения. Новый завод таким образом перешел в ведение министерства военного снаряжения и начал производить не только артиллерийский хлопок, но и Т. Н. Т. Став министром военного снаряжения, я узнал, что не было сделано систематического обследования возможного спроса на взрывчатые вещества в связи с выданными заказами и что предусмотренные требования на взрывчатые вещества совершенно недостаточны для удовлетворения дальнейшего спроса. В июле 1915 г. министерство организовало еще 4 на-

циональных завода взрывчатых веществ, в том числе огромный завод в Гретна для производства кордита. Этот завод был создан в июне 1915 г. с моего одобрения, когда я был назначен министром военного снаряжения; вопрос о нем был впервые поднят в мае, когда я был председателем комитета военного снаряжения. Завод был построен согласно планам и предложениям лорда Маултона.

Заслуги лорда Маултона в этой области не получили достаточного признания.

К концу войны имелось не менее 32 правительственных заводов взрывчатых веществ среди национальных заводов, контролировавшихся министерством. Мы были принуждены строить эти заводы сами, так как в некоторых взрывчатых веществах, в частности в Т. Н. Т., промышленники до войны вовсе не были заинтересованы; по другим взрывчатым веществам, как например кордиту, не было надежды на значительный спрос после войны, который мог бы побудить промышленников расширить свое производство. Поэтому большая часть взрывчатых веществ, произведенных во время войны внутри страны, поступила из национальных заводов.

К началу войны производство государственных заводов ограничивалось королевским пороховым заводом в Уолтем Аббей, где производилось около 75 малых тонн (малая тонна — 150 англо-фунтов) кордита и пороха в неделю. В 1917 г. национальные заводы взрывчатых веществ производили в неделю вдесятеро большее количество кордита, а всех видов взрывчатых веществ более 2 тыс. тонн в неделю. В течение войны общая сумма произведенных взрывчатых веществ превысила 317 500 тонн. Из этого количества 236 251 тонна была предназначена для тяжелых разрывных снарядов (главным образом Т. Н. Т.) и 81 341 тонна для других целей (главным образом кордита). Необходимость в этих заводах иллюстрируется данными, приведенными лордом Маултоном в меморандуме, представленном им комитету военного снаряжения 13 апреля 1915 г. Он указывал, что общее количество сильно взрывчатых веществ, необходимое для армии и флота в феврале и марте 1915 г., составляло 4 505 600 англо-фунтов. На самом деле удалось получить и использовать 1 038 802 англо-фунта или несколько меньше ¼ потребного количества.

Подобно национальным заводам простых и метательных снарядов эти заводы взрывчатых веществ оказались весьма и весьма полезными; помимо самого существенного значения их производства, они дали материал для упрощения процесса производства и сокращения стоимости производства других фирм. Принятая на этих заводах система счетоводства позволяла начать соревнование по части экономии не только среди различных национальных заводов, но также среди отдельных частных промышленников. Эти предприятия представляли собой весьма выгодный источник снабжения по сравнению с американскими заводами и английскими поставщиками, что позволило нам достигнуть значительного снижения цен по поставкам взрывчатых веществ.

Однако наши затруднения с взрывчатыми веществами не ограничивались теми, которые были связаны с постройкой и оборудованием наших заводов в военное время. Тогда господствовала общая погоня за всеми необходимыми материалами и рабочими руками. Мне пришлось превозмочь самое отчаянное сопротивление со стороны военного ведомства, которое с трудом применялось к новым условиям и новым требованиям. Это создало такое критическое положение, что вся наша программа снарядов едва не была сорвана. Об этом характерном случае военного консерватизма лучше всего рассказать словами самого Маултона. Вскоре после того как я был назначен министром военного снаряжения, я получил от него письмо, представляющее интерес и с точки зрения характеристики военной бюрократии, которую оно безжалостно разоблачает, и с точки зрения существа дела, так как в нем дается описание характера и количества взрывчатых веществ, израсходованных во время войны.

5. *МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОГО СНАРЯЖЕНИЯ. ДЕПАРТАМЕНТ ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ*

«16 июня 1915 г.

Дорогой г. Ллойд Джордж,

Я хочу просить Вашего совета и содействия по вопросу большой важности, имеющему отношение к Вашей деятельности в качестве министра военного снаряжения.

С того самого момента, как я впервые был привлечен к обсуждению вопроса о производстве тяжелых разрывных снарядов, я был убежден, что щедрое расходование взрывчатых веществ, которое характерно для современной войны, делает совершенно невозможным продолжать работу теми методами, которых до сих пор придерживались военное и морское ведомства. Принятие Т. Н. Т. в качестве нашего основного сильно взрывчатого вещества произошло лишь за два или три месяца, перед тем как началась война, и я сомневаюсь, было ли к началу войны обеспечено производство 20 тонн Т. Н. Т. в неделю во всей Великобритании, тогда как производство лиддита должно было прекратиться по той причине, что Т. Н. Т. в значительной степени заменил лиддит. Чиновники военного министерства сообщили поставщикам, что лиддит не будет применяться. Не было ни одного правительственного или частного завода, которые производили бы эти вещества. *Если прибавить к этому, что в течение двух дней немцы выбросили в воздух около 800 тонн таких взрывчатых веществ,* то Вы поймете, как нельзя было полагаться на имевшиеся источники производства и снабжения...

Было возможно расширить производство лиддита в пределах местного производства сырья; так и было сделано, но этого весьма мало, если учесть огромный спрос на тяжелые разрывные снаряды. Единственная надежда обеспечить

достаточное количество взрывчатых веществ заключается в организации производства и использовании Т. Н. Т.

Этот экстракт имеет свойство способствовать взрыву взрывчатых веществ, малую часть которых он составляет; остальное в основном состоит из нитрата аммония (азота), который может быть получен в неограниченных размерах. Шнейдерит, который является в настоящее время излюбленным взрывчатым веществом французов, — того же типа. Есть и другие взрывчатые вещества того же типа, которые так же хороши; лучшим из них является, если я не ошибаюсь, аммонал, и это вещество также применяется французами, которые считают его весьма удачным. Если в шнейдерите Т. Н. Т. составляет $^1/_{10}$, то в аммонале Т. Н. Т. составляет $^1/_7$.

Лишь только я разобрался в положении, я обратился по этому поводу к морским военным властям с указанием, что было абсолютно необходимо расширить список сильно взрывчатых веществ и не ограничиваться применением одного лишь Т. Н. Т. или лиддита. Боюсь, что мои указания произвели малое впечатление. Но через 2 или 3 месяца, после того как я обратился в военное министерство, лаборатория в Вульвиче показала, что смесь Т. Н. Т. с нитратом аммония позволяет получить взрывчатое вещество гораздо более сильное, чем Т. Н. Т. и одинаково безопасное. Лаборатория показала, что в смеси Т. Н. Т. может применяться в одной четверти без ослабления силы взрыва, и что если применять половину Т. Н. Т., то можно даже сохранить существующий удобный метод начинки снарядов путем обращения Т. Н. Т. в жидкое состояние и наполнения им снарядов. Около двух месяцев тому назад применение этой смеси было одобрено и были даны инструкции применять ее во всех снарядах для шестидюймовых орудий и орудий меньшего калибра; делаются опыты для применения той же смеси и для более тяжелых снарядов...

Значение этой меры было еще больше, чем можно было предполагать из того, что я только что сказал, так как лаборатория в Вульвиче установила, что в этой смеси Т. Н. Т. может быть использован в форме сырья без специфической переработки с целью кристаллизации, которая не только представляет трудности, но делает производство опасным для здоровья. Я не колеблясь укажу, что если бы в настоящий момент производство Т. Н. Т. ограничивалось формой кристаллизации, то наши производственные возможности были бы уменьшены вдвое.

Лишь только был отдан новый приказ, мне удалось освободить промышленников от обязательства производить Т. Н. Т. в кристаллах, и я отдал распоряжение, чтобы кристаллизация производилась только на тех немногих промышленных предприятиях, которые уже ранее обладали опытом в этой об-

ласти. Мне представлялось это мероприятие абсолютно необходимым и ни при каких условиях я не разрешил бы неопытным предпринимателям осложнять производство кристаллизацией. Взрыв на заводе в Уэльсе возник в связи с пожаром в той части завода, где производилась кристаллизация; здесь необходимо применять огнеопасные и летучие жидкости, как спирт и бензол, которые вовсе не необходимы в производстве простого Т. Н. Т.

К моему глубокому сожалению я установил, что лица, ответственные за начинку снарядов в течение последних двух месяцев, совершенно пренебрегли этой инструкцией и теперь заявляют, что они не намерены применять смеси еще в течение месяца. Я не знаю, почему они заявляют, что у них нет еще необходимых установок для получения нитрата аммония и что пройдет еще некоторое время, прежде чем они будут иметь возможность получить эти установки. Я могу без колебания заявить, что это ничтожное затруднение в сравнении с огромной важностью этой смеси для нашего производства взрывчатых веществ; в такой критический момент, какой мы переживаем, преодолеть такое затруднение можно было в течение нескольких дней...

Последствия всего этого не заставили себя ждать. Морское ведомство весьма неохотно идет на какие-либо новшества, так как последствия неудачной стрельбы гораздо серьезнее для корабля, чем для сухопутных армий. Хотя я убежден, что они в конце концов поймут, что могут применять эту смесь так же уверенно, как и армия, я сочувствую их точке зрения. Они, т. е. морское ведомство, намерены продолжать пользоваться Т. Н. Т. как и прежде, до тех пор пока не будут предприняты опыты с более тяжелыми снарядами. Они применяют Т. Н. Т. только для тяжелых снарядов. Я только что получил извещение из морского ведомства, что в ближайшем будущем им понадобится для тяжелых снарядов значительное количество кристаллического Т. Н. Т. Между тем весь кристаллический Т. Н. Т., который мы производили в прошлом, был использован теми, кому поручена начинка снарядов для армий; они не пытались сберечь Т. Н. Т., примешивая нитрат аммония, хотя они располагали сотнями тонн сырого Т. Н. Т. и нитрата аммония, который они могли и должны были использовать, тогда как кристаллический Т. Н. Т мог бы быть оставлен для нужд флота.

Я уверен, что возможность получения достаточного количества тяжелых разрывных снарядов для нужд армии и флота зависит от того, в какой мере все заинтересованные организации будут честно соблюдать экономию в расходовании Т. Н. Т.; это особенно относится к артиллеристам и к тем, кто наполняет снаряды. *Для меня было бы безнадежным делом вести борьбу для того, чтобы удовлетворить чрез-*

вычайные требования войны, если заинтересованные организации с своей стороны будут пренебрегать или неохотно итти на введение новых методов в нашей артиллерии, тех методов, которых требуют от нас здравый смысл и понимание стоящей перед нами задачи.

Я надеюсь, что Вы извините мою откровенность; я уверен в том, что могу подтвердить фактами все свои замечания и только с Вашей помощью в качестве министра военного снаряжения я могу надеяться обеспечить немедленное принятие указанных важнейших условий производства взрывчатых веществ для армии и флота.

Искренне Ваш

Маултон».

Я понял, что если мне не удастся убедить военное министерство согласиться на значительные изменения характера взрывчатых веществ, которыми до сих пор пользовались для снарядов, то было бы бесполезно продолжать далее производство самих снарядов. У нас не было бы достаточного количества необходимых составных частей для наполнения снарядных коробок. Но в данном случае я сталкивался с укоренившимся соперничеством между армией и флотом. Адмиралтейство не хотело отказываться от своей доли Т. Н. Т., поэтому военное ведомство должно было снабжаться снарядами худшими, чем те, на которых настаивало адмиралтейство. Этот вопрос лежал не в плоскости производства, а в плоскости ведомственного престижа. Однако после продолжительной борьбы, связанной с потерей драгоценного времени, удалось добиться некоторого снижения максимальных требований военного ведомства. Это позволило мне протянуть дело еще на несколько недель. Но даже при тех уменьшенных пропорциях Т. Н. Т., которыми было готово удовлетвориться военное ведомство, его нехватало. Задержка в изменении методов военного министерства в свою очередь задерживала заказы на машины для новых заводов по начинке снарядов и даже самую постройку этих заводов. Характер машины зависел от того, будет ли производиться наполнение снаряда жидким веществом или сухим, а это в свою очередь зависело от пропорции, в которой смешивались Т. Н. Т. и нитрат аммония. Точно так же постройка здания завода менялась в зависимости от оборудования, которое должно было быть поставлено. Борьба продолжалась, и последующие задержки стали еще более серьезными, пока военное ведомство не было вынуждено передать в ведение министерства снаряжения весь вопрос о проектировании снарядов и вооружения. Мы вырабатывали горы пустых снарядов, но вследствие отмеченных задержек в установлении характера смеси для снарядов наполнение снарядных коробок значительно отставало.

Это препятствие, воздвигнутое профессиональным недоверием и медлительностью военных, мне удалось превозмочь благодаря

поддержке двух людей. Одним из них был сэр Эрик Геддес, о котором я уже упоминал; другой — полковник Артур Ли (теперь лорд Ли оф Фархем). Когда сэр Айвор Филиппс в октябре 1915 г. был назначен командиром валлийской дивизии, я пригласил полковника Артура Ли занять его пост. По своей подготовке Артур Ли был артиллерийским офицером и таким образом обладал непосредственным опытом и пониманием наших затруднений. Я знал его в течение многих лет по палате общин, членом которой он был. Он часто умело выступал с критикой политики, которую я вел в качестве министра. Я признавал его способности и ум, когда он был моим политическим противником. Он играл руководящую роль в агитации за постройку 8 дредноутов в 1908 г., и я не убежден в том, что знаменитый лозунг: «Нам нужно восемь и мы их просим» был изобретен не им. Мне не раз приходилось скрестить с ним оружие в спорах. Он был умелым спорщиком, который открывал противнику мало слабых сторон, так как он обладал уменьем не только блестяще подбирать свои аргументы, но и формулировать их. В начале 1915 г. во время своего отпуска из армии он привез мне из Франции поразительные сведения о том, насколько наша артиллерия была неспособна справиться с заграждениями, воздвигнутыми неприятелем из колючей проволоки. Артур Ли был человеком неутомимой энергии, деловых способностей и присутствия духа. Хотя он был армейским офицером и гордился своей профессией военного, но принадлежал к числу немногих военных, суждение которых не ограничено мнениями, выраженными старшим по чину. Я убедился, что в критический момент он сохранял хладнокровие, проницательность и сердечность. В течение последующих долгих лет, когда на мою долю выпала огромная ответственность, его лойяльность, смелость и понимание стоявших передо мною задач оказали мне неоценимую поддержку. Поступив в число сотрудников моего министерства, он провел первые дни в ознакомлении с тем, что делалось в министерстве и чего там не делалось. Безошибочно установил он пробел в области начинки снарядов. Он также рекомендовал в министерство Эрика Геддеса в качестве наиболее подходящего человека для реорганизации этого основного участка нашей работы.

Среди многих интересных вопросов, связанных с химической стороной войны, я упомяну об ацетоне. Здесь мы также едва не оказались в затруднительном положении, вследствие недостаточной подготовки. Этот химический продукт, являвшийся важнейшим элементом в процессе производства кордита, необходимого для патронов, обычно вырабатывался путем разложения и дестилляции дерева.

До войны имелся небольшой завод в Форест оф Дин, основанный департаментом лесоводства. В мае 1915 г. департамент лесоводства построил два новых завода в Байдфорде и Денди; все три завода перешли с октября в ведение министерства. Фирма Кинок также построила завод в Нью Форест; этот завод был национа-

лизирован в 1917 г. Но Англия не является страной с большими лесными ресурсами; между тем для производства тонны ацетона необходимо большое количество дерева, так что на практике мы зависели в основном от импорта из Америки.

К весне 1915 г. положение американского рынка ацетона стало весьма напряженным. Британские фирмы по производству кордита конкурировали друг с другом и с агентами союзников. Цены подымались вверх. Американские поставщики продавали часто вдвое больше, чем могли поставить, и не выполняли договоров. Они даже иногда настаивали на уплате им разницы в цене против установленной договором с британским правительством, а в случае, когда они не выполняли договоров, оказывалось невозможным получить с них неустойку.

Были приняты меры, чтобы устранить конкуренцию между британскими производителями кордита в их закупках американского ацетона. Но когда это было сделано и удалось закупить все имевшиеся заграницей запасы ацетона, я столкнулся с еще более критической задачей. Обследовав все, что могло оказаться необходимым для производства взрывчатых веществ, мы вскоре установили, что запасов древесного спирта для производства ацетона совершенно недостаточно для удовлетворения спроса особенно в 1916 г. Это был срочный вопрос, так как без ацетона не хватило бы кордита для наших патронов и снарядов. В качестве председателя комитета военного снаряжения я принял это дело близко к сердцу. Однажды, когда я размышлял над тем, как выйти из положения, я встретился с покойным С. П. Скоттом, редактором «Манчестер Гардиен». Это был друг, в ум которого я безусловно верил. Я посвятил его в это дело и сказал, что ищу способного химика, который помог бы мне разрешить этот вопрос. Он ответил: «В манчестерском университете есть один выдающийся профессор химии, который готов предложить свои услуги правительству. Я должен сказать Вам, однако, что он родился неподалеку от Вислы, и не вполне уверен, на которой стороне Вислы. Его фамилия — Вейцман». Скотт ручался, однако, что Вейцман был всецело настроен в пользу союзников и что единственное, что было близко его сердцу, было дело сионизма; Вейцман по словам Скотта был уверен, что только победа союзников может оправдать надежды еврейского народа. Я считал Скотта одним из наиболее проницательных людей. Мировая известность его газеты была создана им, его рассудительностью и уменьем разбираться в людях и событиях. Но я также безусловно верил в его патриотизм. Будучи пацифистом, Скотт верил в то, что мы выступали в войне на стороне справедливости. Я принял во внимание его слова и пригласил профессора Вейцмана к себе в Лондон. Он понравился мне с первого взгляда. Теперь это всемирно известный человек. Тогда он был совершенно неизвестен широким кругам, но лишь только я встретился с ним, я понял, что это был человек замечательный. Широкий лоб сви-

детельствовал об уме, а его открытое лицо создавало у собеседника уверенность в его полной искренности. Я сказал профессору Вейцману, что перед нами стояла серьезная дилемма в области химии и просил его помочь нам. Я рассказал ему о недостатке в древесном алкоголе, испытываемом нами, и о значении ацетона для военного снаряжения. Я просил его помощи. Доктор Вейцман отвечал, что он в состоянии производить ацетон лабораторным путем — ферментацией, но что понадобится некоторое время, прежде чем он мог бы гарантировать успешное производство в промышленном масштабе.

Д-р Вейцман заявил, что он не знает, сможет ли он выполнить это поручение, но что он сделает попытку. «Какой срок можете Вы мне предоставить?». Я отвечал: «Я не могу дать Вам продолжительного срока. Время не терпит». Вейцман заметил: «Я буду работать днем и ночью».

Через несколько недель он посетил меня и сказал: «Вопрос разрешен». Он сделал удивительное открытие. После продолжительного изучения микроорганизмов, живущих на кукурузном стебле и других злаках, а также встречающихся в почве, ему удалось изолировать микроорганизм, который превращал крахмал злаков, в частности крахмал кукурузы, в смесь ацетона — бетилоалкоголь. В течение очень короткого времени, работая днем и ночью, как он обещал, он получил культуру, которая позволяла нам добывать ацетон из кукурузы.

Кукуруза состоит на $^2/_3$ из крахмала; а наши запасы кукурузы были очень значительны; таким образом это открытие позволило нам произвести очень значительное количество необходимого нам химического продукта. В настоящее время это открытие послужило основой довольно важной отрасли промышленности.

В г. Кингс Линн была фабрика жмыхов, которая в 1912 г. была превращена в завод по производству ацетона из картофельного крахмала. Этот завод также выступил с предложением поставки, но качество выработки было неудовлетворительно и в финансовом отношении предприятие было неустойчиво. В марте 1916 г. это предприятие было национализировано, а к июню оно вырабатывало ацетон из кукурузы на основе изобретения Вейцмана с весьма успешными и ценными результатами. Недостаток тоннажа в 1917 г., который заставил нас сократить все виды импорта, не являвшиеся абсолютно необходимыми, побудил нас к новому эксперименту. Осенью этого года был большой урожай конских каштанов. Была организована общенациональная кампания сбора этих каштанов, чтобы использовать их крахмал вместо кукурузы. Фабрика в Кингс Линн начала перерабатывать каштаны, и хотя сначала получался продукт невысокого качества, но первоначальные трудности были преодолены, и к моменту закрытия фабрики после войны она производила ацетон из конского каштана по способу д-ра Вейцмана.

Когда наши затруднения были разрешены таким образом благодаря гениальным способностям д-ра Вейцмана, я заявил ему:

«Вы оказали большую услугу правительству, и я хотел бы просить премьера рекомендовать его величеству дать вам орден или титул». Он отвечал: «Я ничего не хочу для себя». «Но нет ли чего-либо, что мы можем сделать в качестве признания ценной услуги, которую вы оказали стране», — спросил я. Он отвечал: «Да, я хотел бы просить вас сделать кое-что для моего народа». Он затем изложил свои пожелания в области возвращения евреев в землю обетованную, которую они столь прославили. Таково было происхождение знаменитой декларации о создании национального очага для евреев в Палестине.

Лишь только я стал премьер-министром, я обсудил этот вопрос с Бальфуром, который был тогда министром иностранных дел. Как ученый Бальфур был чрезвычайно заинтересован изобретением д-ра Вейцмана. В это время мы стремились получить поддержку в нейтральных странах. Д-р Вейцман был приглашен к министру иностранных дел. Таким образом удалось связать между собою двух людей, которые после продолжительного изучения вопроса произвели на свет знаменитую бальфуровскую декларацию, ставшую хартией сионистского движения. Таким образом д-р Вейцман своим открытием не только помог нам выиграть войну, но оставил постоянный след на карте земного шара.

Д-р Вейцман попрежнему остался тем же деловитым, преданным и самоотверженным энтузиастом. В последний раз, что я слышал о нем, он только что вернулся из поездки по сбору пожертвований для сионистской организации и собрал 70 тыс. фун. ст. В общей сложности он собрал около 15—16 млн. фун. ст. для возрождения Сиона. Это единственная награда, которой он ищет; его имя будет стоять рядом с именем Неемии в увлекательной и чудесной истории детей Израиля.

Я остановился на работе профессора Вейцмана потому, что она является примером того, с какими различными людьми и интересами приходилось сталкиваться, работая над вопросами военного снаряжения. Страницы мировой истории переплетаются здесь с начальной историей министерства военного снаряжения.

Проблема наших национальных заводов, занятых начинкой снарядов, пожалуй, больше всего тревожила нас, так как гораздо более серьезным, чем неудачи военного ведомства в производстве снарядов, было непонимание того, что снаряды должны быть наполнены и снабжены трубками.

В начале войны почти все снаряжение для артиллерии, армии и флота собиралось и наполнялось в Вульвиче. В стране было только 5 фирм, которые умели наполнять снаряды. Одна из них была занята наполнением снарядов лиддитом в бурскую войну. Остальные 4 фирмы были заняты тем же для иностранных государств. Однако в течение первых месяцев войны Вульвич был и остался единственным местом этой части производства.

В мае — июне 1915 г. начали строиться национальные снарядные заводы. В июне, на конференции военно-промышленных фирм, о

которой я уже упоминал, я провел организацию национальных заводов метательных снарядов. Но условия для начинки снарядов были в это время совершенно недостаточны, чтобы справиться с растущим производством пустых снарядов, которые поступали с заводов частных фирм из Америки из Канады. Вульвичский арсенал был переполнен горами снарядных оболочек, тогда как наша армия оставалась без военного снаряжения. Поэтому для выполнения моей задачи было необходимо, чтобы Вульвичский арсенал был передан в ведение министерства. Без этого мне приходилось ограничиваться производством снарядных оболочек. Вначале военное министерство отказывалось передать знаменитый артиллерийский завод министерству снаряжения. В этом отказе их поддерживало адмиралтейство. Вскоре стало ясно, что я не смогу снабжать армию начиненными снарядами, если средства для их начинки не будут переданы в мое ведение. Нам недоставало снарядов в том крупном сражении, которое происходило во Франции в сентябре. У нас были большие запасы пустых снарядных коробок, но нам недоставало готовых снарядов. Единственным практическим результатом битвы при Лоосе была передача Вульвичского арсенала министерству военного снаряжения. Это было первое учреждение военного ведомства, с которым мне пришлось столкнуться и где я познакомился с методами его работы.

Вскоре после того как я вступил под его таинственные своды, я встретился лицом к лицу с могущественным привидением, известным под названием «извлечение из протокола» или просто «извлечение». Что такое это «извлечение»? Я поручил составить подробный доклад по этому поводу, который был мне представлен вскоре после того, как Вульвичский арсенал перешел в мое ведение.

Для того чтобы понять порядок, который управляет производственной машиной Вульвичского арсенала, а также других арсеналов — в Энфильде и Уолтем Аббей — следует учесть, что главной пружиной, управляющей всем механизмом, является документ — «извлечение». «Извлечение» — первый термин исторического происхождения; достаточно будет сказать, не вдаваясь в глубь веков, что первоначально было «извлечение» из протокола интендантского управления, коллегия которого собиралась в Тоуэре; это «извлечение» передавалось потом от одного чиновника другому — в равном чине с первым, — которые не имели права отдавать приказаний друг другу. «Извлечение» однако является попросту приказом сделать ту или иную работу. Призрак «извлечения» был подкреплен грозным перечислением заглавных букв титулов и официальных должностей генералов и т. д. Все эти господа окопались в тиши бюрократических традиций, умело клали под сукно порученные им дела, и все — от альфы до омеги — готовы были скорее умереть в бою, чем сдать крепость, которую они защищали от варваров, угрожавших их власти и явившихся из темного леса партийной политики.

Когда Вульвичский арсенал перешел в мое ведение, я вскоре понял, почему Альбер Тома́ охарактеризовал арсенал как «старую лавочку». Это объяснялось все тем же «извлечением» и заглавными буквами, которые оттесняли в сторону живых людей. Они мешали друг другу, они не давали друг другу работать, они стояли друг у друга на пути и действовали вместе только тогда, когда надо было сопротивляться гуннам партийной политики. Они казались мне алфавитным кошмаром. Моей первой задачей было не столько разоблачить эти привидения, сколько поставить их на место, установить, что каждый должен отвечать за свое дело, не мешая другим. Я понял, почему мы терпели задержку. Эти господа или военное министерство служили «извлечению» и контролировали производство. Пока Вульвич не был передан министерству военного снаряжения и пока по крайней мере несколько заглавных букв не оказались на его стороне, я не мог ничего сделать по части начинки снарядов и в вопросе о составе содержимого снарядов.

Первым шагом, который я предпринял в реорганизации Вульвичского арсенала, было назначение сэра Фредерика Дональдсона — начальника арсенала, на важный пост, который я создал для него вне Вульвича. Это был человек большого ума, хорошо знакомый с техникой своего дела. К этим качествам присоединялось несомненное личное очарование. Но годы бюрократической рутины, спокойные времена, когда сроки не имели значения, когда снаряды производились с тем, чтобы стрелять в безопасные мишени, когда главной задачей было соблюдать равновесие между адмиралтейской и армейской частью и прежде всего стремиться к тому, чтобы вся смета до пенса была затрачена, как следует, в течение данного финансового года — все эти годы дисквалифицировали его на случай кризиса, когда стали важны часы, когда безопасность государства требовала, чтобы импровизированные методы заменили рутину и тщательно урегулированный порядок. Я назначил на его место Винсента Рейвена, бывшего директора лондонской и северо-восточной железной дороги; его влияние вскоре почувствовалось в арсенале и способствовало увеличению и ускорению производства готовых снарядов.

Даже при наилучшем руководстве Вульвич не мог создать таких условий, которые обеспечивали бы начинку снарядов в необходимом масштабе. Я решил поэтому расширить число национальных заводов, создав ряд новых специально для этой цели. Два таких завода были организованы в июле — один в Эйнтри, другой в Ковентри. 4 других завода были начаты постройкой в августе и еще 6 в сентябре. К концу войны 18 национальных заводов были заняты начинкой снарядов. Одни из них находились под непосредственным контролем министерства, другие контролировались агентами, подобно тому как это было в отношении национальных заводов и заводов метательных снарядов. Некоторые находились под управлением местных организаций подобно снарядным заводам; члены правления этих организаций не получали жалования.

Главной технической трудностью в связи с начинкой снарядов не был недостаток в квалифицированной рабочей силе. Сама начинка снарядов была делом простым, и в основном эти заводы обслуживались массой неквалифицированных женщин-работниц. Затруднения возникали скорее в связи с опасностью этой работы, например в связи с опасностью отравления Т. Н. Т., которая в конце 1916 г. временно способствовала уменьшению числа рабочих; сюда относилась трудность заставить рабочих соблюдать правила для уменьшения опасности взрыва. Дело заключалось в неприятном характере некоторых предосторожностей, которые приходилось применять, например надевание дыхательных масок, когда женщины работали над ядовитыми ртутными составами, или обмазывание лица специальным жиром при работе с тетрилом.

Смелость девушек и женщин, занятых в этих заводах, еще недостаточно оценена. Им приходилось работать в условиях серьезной опасности для жизни; кроме того им угрожала жестокая перспектива остаться безобразными на всю жизнь — чего некоторые боялись еще больше, чем смерти; одна из опасностей работы на заводах по наполнению снарядов — была возможность отравления желчью. Эта болезнь делает лица яркожелтыми. Бедные девушки получили от своих коллег прозвища «канареек». Они гордились этим прозвищем, которое они заслужили, исполняя свой долг.

Плутарх рассказывает, как в битве при Фарсале Юлий Цезарь приказал своим легионерам бросать копья в лицо патрицианским всадникам Помпеи. Эти молодые храбрецы, которые смело шли на смерть и смело перенесли бы ранение, были в таком ужасе от угрозы быть обезображенными, что в страхе повернули назад и ускакали, закрывая руками лицо. Для девушек и женщин, которые от природы ценят свою внешность, безобразие лица после отравления Т. Н. Т. и ядовитой желтухи казалось опасностью, служившей испытанием их смелости еще в большей степени, чем риск взрыва. В 1916 г. насчитывалось 181 случай ядовитой желтухи, из которых 52 окончились смертью, в 1917 г. было 189 случаев ядовитой желтухи со 44 смертями. Но в 1917 г. методы предупреждения были значительно улучшены, и в 1918 г. число заболеваний сократилось до 34, из которых только 10 закончились смертью. Несмотря на такое число заболеваний и на связанную с этим боязнь, которая проникла и в печать, мы не испытывали недостатка в рабочих руках.

Интересный случай произошел на заводе в Хейсе, где женщины и девушки были заняты наполнением снарядных трубок. Эти трубки, наполненные взрывчатым веществом, соединены с тяжелым разрывным снарядом и погружены в состав Т. Н. Т. Задача трубки предупредить разрыв запала и порчу снаряда.

В 1915 г. частота слишком ранних взрывов и недостаток попадания позволили установить, что большое число трубок, присланных из Америки, имели винт, завернутый налево, а не направо,

который часто отвинчивался, тогда снаряд вертелся в воздухе. Чтобы избежать этого, завинченные гайки приходилось дважды вбивать молотком и холодным резцом, для того чтобы сломать винтовую нарезку и таким образом предотвратить отвинчивание.

Женщины-работницы на заводе в Хейсе брали на себя значительную часть этой работы, сопряженной с немалым риском, так как если удар молотка приводил к разрыву, то трубка взрывалась и могла их убить. В одно прекрасное утро пришло известие, что в Хейсе произошел ужасный взрыв и погибло несколько женщин. Артур Ли отправился от моего имени в Хейс. Работа производилась в нескольких небольших домиках, которые были отделены друг от друга. Один из этих домиков был слегка разрушен. У входа лорд Ли встретил женщину небольшого роста, которая была занята своим делом; ее лицо побелело, но выражало решительность. «Это здесь произошел взрыв?» — спросил он. «Да» — был ответ. Это была начальница работ и, когда лорд Ли вошел, он увидел кровавые пятна на полу, накрытые трупы в углу и остальных работниц, которые продолжали работать полным ходом, ударяя молотом и резцом по трубкам.

Лорд Ли заговорил с маленькой начальницей. Она была когда-то горничной. Теперь она делала свое дело во имя родины на военном заводе и, когда произошел взрыв, она успокоила своих девушек и вместе с ними продолжала это тяжелое и опасное дело. Она сказала лорду Ли: «Я не сбегу отсюда, потому что я вспоминаю о наших несчастных солдатах во Франции, которые ежедневно переносят бо́льшие опасности, чем мы».

Вскоре был изобретен предохранитель для рабочих против взрыва при ударе по винтам, а затем благодаря введению нового образца снарядов такое заколачивание стало излишним. Но до тех пор женщины и девушки храбро продолжали свою опасную работу и, когда одна из них погибала от взрыва, другие поддерживали свой энтузиазм песнями собственного сочинения, в которых было, может быть, мало литературных достоинств, но зато слышалась сила воли и беспримерная смелость.

Таков был дух, отличавший наших женщин-работниц в военной промышленности.

При надлежащем руководстве с ними можно было достигнуть всего.

Описанный мною опыт наших взаимоотношений с вульвичским арсеналом и факты, изложенные в письме лорда Маултона, дают некоторое слабое представление о тех бюрократических препятствиях, которые все время мешали успехам нашей работы. Следует иметь в виду, что нам приходилось руководить не поставленным уже хорошо работающим предприятием, а создавать заново целый ряд предприятий для производства предметов, многие из которых никогда раньше не производились в Англии. Нам приходилось изыскивать способы, как лучше всего использовать материалы, а это означало, что мы не могли довольствоваться стандартными спе-

цификациями содержимого снаряда и стандартными процессами производства, хотя бы они и казались идеалом производства военного снаряжения в мирное время, когда есть досуг и когда размеры производства строго ограничены.

Так например, в начале войны нашим единственным взрывчатым веществом для снарядов был лиддит. Он подходил тогда, когда нескольких тонн было достаточно, чтобы удовлетворить нашу потребность на несколько месяцев, но не в условиях, когда нам нужно было выпускать в виде снарядов сотни тонн ежедневно. Помимо своей дороговизны лиддит требовал импорта некоторых материалов. Отсюда применение Т. Н. Т. Но опять-таки Т. Н. Т. был дорог и количество его было ограничено, между тем спрос на тяжелые разрывные снаряды возрастал, и стало очевидно, что запасов чистого Т. Н. Т. будет недостаточно. Отсюда применение смеси Т. Н. Т. и нитрата аммония. Признанным методом наполнения снаряда Т. Н. Т. было растворение взрывчатого вещества и вливание его в снаряд там, где должен быть приклепан запал. Когда нитрат аммония смешивался с горячей жидкостью Т. Н. Т., это напоминало смесь песка с горячей патокой, и влить эту смесь оказывалось все более и более трудно; если нитрата было более 40%, то влить ее было вовсе невозможно. Итак, следовало найти какой-либо способ смешивать нитрат аммония и Т. Н. Т. в сухом виде; только таким образом можно было соблюдать максимальную экономию при начинке снарядов.

Для разрешения этой проблемы мы нуждались в способных и оригинальных ученых. В Англии немало таких людей, и одной из моих наиболее интересных задач в качестве министра военного снаряжения было собрать людей с подлинной инициативой в области изобретений и административного управления и применить их способности к нашей гигантской задаче. Часто они оказывались людьми, которые больше всего на свете боялись бюрократизма и официальных формальностей, и неохотно подчинялись указаниям, которые им диктовались свыше; но эти люди могли делать большую работу, если им предоставляли возможность осуществлять ее по-своему. Их приходилось выделять из среды изобретателей, в которой попадаются наряду с гениями также и педанты.

Мне удалось заручиться услугами лорда Четвинда для разрешения проблемы начинки снарядов. Лорд Четвинд был рекомендован мне г. Эллисом, который указал на него как на самого способного человека, могущего помочь нам в наших затруднениях. Лорд Четвинд имел практический опыт в работе с взрывчатыми веществами, был человеком очень изобретательным и умным, но меня предупредили, что он не потерпит ни малейшей попытки бюрократического контроля.

Мы предложили ему построить и взять на себя управление заводом, который должен был начинять тысячу тонн тяжелых разрывных снарядов в неделю. Он потребовал, чтобы ему была

предоставлена полная свобода действия, не считая контроля отдельных департаментов министерства, и был заключен контракт, действительный на все время войны. Мы согласились на его условия.

Получив такие полномочия, он начал действовать с полной самостоятельностью, которая привела к счастливым результатам. Он нашел место для завода в Чильвеле вблизи от Ноттингема, сам составил проект и построил свой завод. Пока производилась постройка завода, он в октябре 1915 г. отправился во Францию в качестве члена делегации, посланной мною с целью изучения французских методов начинки снарядов. Он убедился в том, что французский способ начинки снарядов в порошке через острый конец снаряда был применим для состава аматоль. Это было важно, так как для того чтобы продлить использование наших запасов Т. Н. Т., было желательно применять его в размере 20% вместе с 80% нитрата аммония; эта смесь могла сохраняться только в сухом виде. В вульвичском арсенале изобрели способ начинки снаряда этим «80/20» аматолем путем сжатия порошка в лепешки и начинки ими снаряда. Но это означало либо выработку снарядов со снимающимся дном или снимающимся острым концом; поэтому на практике оказалось, что и тот и другой способ ведут лишь к дополнительным задержкам и затруднениям, что было неудобно и могло служить причиной преждевременных взрывов.

Лорд Четвинд вернулся в Чильвель и решил начинять снаряды «80/20» порошком через острый конец снаряда. Он наскоро спроектировал и создал небольшую лабораторную установку, для того чтобы показать, как это следует делать; когда же возник вопрос об отказе от «80/20» аматоля, вследствие неудовлетворительных результатов, достигнутых вульвичскими снарядами, он потребовал испытания тех, которые были начинены этим составом по его способу; испытание вполне оправдало его попытку. Инициатива, проявленная лордом Четвиндом в этом вопросе, принесла огромную пользу стране и позволила еще более увеличить скорость и размеры начинки снарядов. Завод в Чильвеле сделался своего рода чудом; здесь мощные взрывчатые вещества перемалывались и смешивались, как мука. Лорд Четвинд сам проектировал завод и производственные процессы, всегда стремясь к скорости, простоте и полному использованию оборудования на началах массового производства. Он пропускал сырье своих заводов на машинах, которые ранее служили для раздробления угля, камня, для сушки сахара, производства красителей и очищения песка. Т. Н. Т. превращали в порошок фарфоровыми жерновами мельницы, моловшей муку. Смешение производилось машинами пекарен. Лорд Четвинд скупил устарелое оборудование, которое предназначалось для производства машин для кружев, и использовал его для производства механизмов для начинки снарядов. Кое-кто заявлял, что обращаться так бесцеремонно с тяжелыми снарядами и взрывчатыми веществами должно быть очень опасно. Лорд Четвинд в ответ переехал в дом, находившийся в непосредственной бли-

зости к заводу. Если произойдет взрыв, то я буду первым, кто пострадает. Его решение очень хорошо подействовало на рабочих. В одну январскую ночь 1916 г. цеппелин пронесся вдоль реки Трент, стремясь обнаружить завод и разрушить его, но безуспешно. На следующий день распространился характерный для военного времени слух, что лорд Четвинд поймал трех германских шпионов, которые пытались прожекторами сигнализировать цеппелину, и расстрелял их на месте. Лорд Четвинд тотчас же использовал этот слух; он поставил полицейского на часах у пустого зала, а ночью заставил рабочего вырыть три могилы на холме, наполнить их камнями, а затем поставил черный крест в головах каждой могилы. Это превратило слух в безусловную истину и отвадило всяких любопытных и шпионов от завода.

Я уделил внимание Чильвелю в этих мемуарах, потому что необходимо дать некоторое представление о тех затруднениях, с которыми мы сталкивались при начинке снарядов, и о людях, которые пришли нам на помощь. Завод в Чильвеле был самым крупным из наших национальных заводов по начинке снарядов и был основным источником получения снарядов более тяжелого калибра. Из тяжелых разрывных снарядов, начиненных во время войны на наших национальных заводах для пушек от 60 фун. до 15-дюймовок, более 50% были начинены в Чильвеле, который произвел 19¼ миллионов этих тяжелых снарядов в дополнение к значительному количеству более легких снарядов, воздушных бомб и т. д.

Завод в Чильвеле начал начинку снарядов в январе 1916 г. Некоторые из национальных заводов начали начинку составных частей снарядов — трубок и запалов — еще ранее. Я поставил во главе всего департамента начинки снарядов Геддеса еще в конце 1915 г.; его энергия и способности были таковы, что в середине 1916 г. новые заводы по начинке снарядов уже работали и давали армии готовые снаряды в таком количестве, которое сделало возможным ужасный артиллерийский обстрел во время наступления на Сомме.

5. ПУЛЕМЕТЫ

В 1914 г. и в первой половине 1915 г. ответственность за проектирование и производство пулеметов лежала на начальнике артиллерийского управления военного министерства. Насколько мало понимало военное министерство важную роль, которую суждено сыграть пулеметам в войне, явствует из того, что с августа 1914 г. по июнь 1915 г. были размещены только 4 заказа у Викерса на 1792 пулемета. Этого могло хватить лишь из расчета по 2 пулемета на батальон без всякого остатка для военной подготовки на родине и без учета поломок. Под конец у нас приходилось на 1 пехотный батальон 36 пулеметов Льюиса и 64 пулемета Викерса на 1 пулеметный батальон. Первый заказ был выдан 11 августа 1914 г. — на 192 пулемета, второй заказ — 10 сентября — на 100 пулеметов. Третий заказ — на 1 000 пулеметов был выдан 19 сентября, и четвер-

тый — на 500 через несколько дней после этого. Третий заказ предусматривал поставку в пределах 50 пулеметов в неделю; по первому заказу предполагалась поставка от 10 до 12 пулеметов в неделю. К июню 1915 г. предполагалось поставить в общей сложности 1 792 пулемета. На самом деле к этому времени было доставлено всего лишь 1 022 пулемета.

К началу войны на каждый батальон приходилось только 2 пулемета. Таково было снаряжение нашего экспедиционного корпуса. Причину неспособности наших военных авторитетов понять значение этого оружия следует искать в том, что «пулемет рассматривался английскими военными властями скорей как случайное, а не необходимое оружие войны».

Наши генералы только после многих месяцев ужасных потерь поняли значение пулемета. Они убедились в этом по заявлениям офицеров, поступавшим с фронта; офицеры могли убедиться на практике в смертельном действии пулеметов. Чем дальше находились от фронта командиры, тем слабее было их представление о силе и опасности пулемета. Генерал бригадир Бейкер Карр, основатель корпуса пулеметной подготовки, в своей недавней книге дает интересное описание тех трудностей, с которыми он встретился при создании своего учебного заведения и при попытке убедить верховное командование в важном значении пулемета. Поскольку этот вопрос имеет отношение к позиции военного ведомства в вопросе о производстве пулеметов, я позволю себе процитировать несколько строк из этой книги*.

Вот каково было отношение военного ведомства до войны:

> «В это время единственное упоминание о пулеметах содержалось в 10 строках пехотного устава. Никто не представлял себе среди военных авторитетов, какое огромное значение приобретает пулемет, и все батальонные командиры перед войной откровенно его ненавидели.
>
> «Что прикажете делать с пулеметами сегодня?» — спрашивали зачастую начальника офицеры, которым было поручено руководство обучением.
>
> «Возьмите проклятые пулеметы в сторону и спрячьте их» — таков был обычный ответ».

В 1915 г. автор книги настаивал на увеличении числа пулеметов:

> «На фронте по крайней мере уже поняли значение автоматического пулемета, и многие командиры выказывали желание выучиться пулеметной стрельбе и работать с пулеметом, чтобы укрепить фронт без увеличения числа людей.
>
> Я уже настаивал на желательном удвоении числа пулеметов на батальон, именно с двух до четырех. Я сделал со-

* Baker-Carr: From Chauffeur to Brigadier.

ответствующее предложение главному штабу, и мне тотчас же предложили не вмешиваться не в свое дело. Командиры больших военных единиц — армий и корпусов — не учитывали, какое значительное уменьшение потерь может быть достигнуто благодаря увеличению числа пулеметов, и только тогда, когда они сами побывали в зоне непосредственной опасности, они откликнулись на мое предложение».

Бейкер Карр указывает, что при очень слабом поощрении он создал близ фронта школу подготовки пулеметной стрельбы.

«Ни один штабной офицер ни разу не поинтересовался сделать визит в школу в течение 6 месяцев, которые школа была расположена в артиллерийских бараках в четверти мили от генерального штаба».

Бейкер Карр рассказывает об огромном количестве и артиллерийской мощи германских пулеметов, а также о доверии германской армии к значению пулеметов в наступлении и обороне. Он прибавляет:

«Хотя этот факт был совершенно ясен на фронте для каждого солдата, которому приходилось встречаться с неприятельскими пулеметами, верховное командование не было в состоянии понять всего значения их даже после битвы на Сомме, и только в следующем году после ужасного и кровавого поражения, известного под названием третьей битвы на Ипре, верховное командование убедилось в справедливости мнений фронтовиков».

Наконец, после продолжительного настояния фронтовиков была дана санкция на увеличение числа пулеметов на батальон с двух до четырех. Это было летом 1915 г. Бейкер Карр рассказывает далее:

«Через 24 часа, после того как я услышал об этом, я предложил удвоить предполагаемое количество с 4 до 8. Генеральный штаб был в ужасе.

«Послушайте, Бейкер, — сказали мне с возмущением. — Мы дали вам два лишних пулемета на батальон. Вы должны быть довольны».

Напрасно я указывал, что эти дополнительные пулеметы не были подарком лично мне, но что это было совершенно необходимое усиление войск на фронте. Но аргументировать далее было бесполезно».

Для каждого, кто не имел личного опыта в сношениях с верховным командованием и незнаком с фанатичной враждебностью, которую выказывали военные ко всем новым идеям, эта история кажется неправдоподобной.

Несмотря на незначительное производство пулеметов для нашей собственной армии, в Англии в октябре 1914 г. было постав-

лено оборудование для производства 50 пулеметов в неделю по заказу французского правительства — на том условии, что производство для английской армии не будет тем самым задержано. Когда было создано министерство военного снаряжения, оказалось, что уже происходили переговоры об уплате 50 фун. ст. премии за каждый пулемет, доставленный сверх тех 50 пулеметов, которые были обусловлены заказом о еженедельных поставках до декабря 1915 г.

Прежний пулемет Максима был заменен пулеметом Викерса. Имевшиеся уже в армии и устарелые Максимы были сохранены; но общее производство этих пулеметов на королевском артиллерийском заводе в Энфильде в течение первых двух или трех лет войны составило лишь 666 штук; в марте 1917 г. производство их окончательно прекратилось согласно с решением, принятым уже до войны, об отказе от этого типа пулемета в сухопутной войне.

Растущее значение пулемета становилось все более и более очевидным, по мере того как с фронта приходили известия о наших огромных потерях от этой небольшой машины смерти. Немцы были единственной нацией, которая до войны поняла возможности пулеметной стрельбы, и они снабдили свои войска пулеметами в количестве 16 на батальон. Но военное ведомство не разделяло этой оценки значения пулемета. Этот разрушительный треск не проник еще в спокойное святилище Марса.

Производство пулеметов подняло весьма важный вопрос о приоритете винтовок или пулеметов; и в тех и других был серьезный недостаток; производство тех и других требовало тех же материалов, того же оборудования и рабочих той же квалификации. Геддес, которого я поставил во главе производства пулеметов и винтовок, не был в состоянии получить от военного министерства какой-либо удовлетворительной сметы ни о числе необходимых пулеметов и винтовок, ни по вопросу об их очередности в производстве. В конце концов вместе с своим непосредственным начальником, сэром Перси Джируаром, он отправился к самому военному министру, чтобы представить свои соображения и получить указания о производстве винтовок и пулеметов в течение ближайших 9 месяцев. Я расскажу об этом свидании словами самого Геддеса:

> «Я сказал Китченеру, что винтовки и пулеметы представляют собою в сущности то же самое, что шиллинги и фунты; что девять винтовок были равны одному пулемету Льюиса, а тринадцать винтовок одному пулемету Викерса, исходя из производственных трудностей, связанных с их выработкой. Я хотел узнать, в какой пропорции следовало производить те и другие в течение ближайших 9 месяцев. Китченер отвечал: — «Разве я бог, что могу сказать вам, что нужно на 9 месяцев вперед?» Я отвечал: — «Нет, сэр! и я также. Но нам придется решить

этот вопрос между собою и попытаться точно установить необходимые количества». Тогда он дал мне старый ответ военного ведомства: — «Я хотел бы получить от вас возможно больше тех и других».

Мое терпение едва не лопнуло, и я заговорил более определенно. Я сообщил ему о неделях, которые я провел, пытаясь получить эти элементарные сведения от его подчиненных. В конце концов он сказал, что на батальон необходимо не менее двух пулеметов и не более четырех, а что сверх четырех было уже роскошью. Таково было мнение военного министра 26 июня 1915 г., когда Китченер считался нашим величайшим полководцем.

Тут же, сидя в военном министерстве, я записал его слова. Я был так доволен своим успехом в том смысле, что я, наконец, добился чего-то определенного, что я написал с ошибкой слово — «роскошь». Я дал Китченеру подписать мою записку. Он всегда неохотно подписывал документы и сказал, что он уже дал приказание и надеется, что оно будет выполнено. Я ответил, что таков конечно военный порядок, но я привык требовать подписи в качестве гарантии за истраченные суммы и, если он не подпишет этот документ, то это меня не устраивает. Он вышел из комнаты. В дверях его встретил Джируар и сказал: — «Таков Геддес; он не станет действовать, прежде чем вы не подпишетесь на документе». Китченер вернулся и подписал этот документ».

Получив такой документ от военного министра, воодушевленный успехом Геддес принес его мне. В качестве министра военного снаряжения я формально был обязан только выполнять требования военного ведомства и не имел права выходить за их пределы. Но когда я прочитал этот жалкий документ, я был так возмущен, что порвал бы его, если бы Геддес не спас его из моих рук. Он все еще хранит его.

Геддес пишет, что я ему тогда же сказал:

«Возьмите максимум Китченера (4 на батальон), возведите его в квадрат, умножьте результат на два, а произведение умножьте снова на два на счастье».

Этот подсчет давал 64 пулемета на батальон. На самом деле в ноябре 1915 г. военное министерство повысило свой расчет до 16 пулеметов на батальон, и затем эта цифра постепенно возрастала, пока к концу войны общее число пулеметов на фронте не достигло средней цифры в 64 пулемета на батальон, включая те, которые предназначались для пулеметного корпуса; у нас также имелся резерв для пополнения потерь, которые были очень значительны.

Следует отметить как исторический факт, что, учитывая спрос со стороны нашей собственной армии и поддержку, которую

мы оказывали нашим союзникам, мы собственно никогда не обладали чрезмерным количеством пулеметов до самого конца войны. Напротив, доказанная польза этого вида оружия была так велика, что к 23 февраля 1918 г. по моим сведениям была намечена программа на следующий год в 138 349 пулеметов и сверх того 192 000 пулеметов на 1919 г.; интересно сравнить эти цифры с общим количеством в 1 330 пулеметов, в том числе старых и новых в английской армии на 1 июня 1915 г.

Я не думаю также, чтобы армия имела случай пожалеть о том, что предложенная лордом Китченером в июне 1915 г. цифра была увеличена в 16 раз. Фотографии трупов шотландских солдат перед одним немецким пулеметом на поле сражения при Лоосе, которые я видел несколько недель спустя, благодаря полковнику Артуру Ли, окончательно устранили все сомнения, имевшиеся у меня в связи с тем, что я взял на себя ответственность нарушить указания господ военных.

Реализация этой расширенной программы без сомнения требовала весьма тщательного планирования со стороны министерства. Необходимо было предусмотреть заказы на пулеметы на очень продолжительный срок и создать по существу новое производство с конкретным планом на 9—12 месяцев.

Министерство начало работу, выдав заказ Викерсу 19 июля 1915 г. на 12 тыс. пулеметов Викерса. Фирме была предоставлена финансовая помощь для расширения заводов в Эрите и Крейфорде. Производственная мощь этих заводов под конец достигла 5 тыс. пулеметов в месяц.

Мы также обратили внимание на пулемет Льюиса. Военные авторитеты отвергли этот пулемет для сухопутных войск в 1912 г. на том основании, что было нежелательно увеличивать число различных типов оружия. В начале войны военные авторитеты все еще предпочитали пулемет Викерса пулемету системы Льюиса. Последний был гораздо более легким, чем пулемет Викерса, и мог легче переноситься солдатами с одного места на другое. Это был пулемет, необходимый для наступления и для аэропланов.

В течение августа 1914 г. для ведомства воздухоплавания было заказано 45 пулеметов Льюиса, а в первую неделю сентября были выданы заказы еще на 200 пулеметов для всех видов оружия с поставкой по 25 в неделю. Эти заказы были в дальнейшем увеличены военным ведомством, но не было принято действительных мер к тому, чтобы облегчить производство и ускорить поставку, так что несмотря на все настояния в течение 9 недель, кончая 12 июня, поставки военному министерству равнялись только 36 штукам в неделю.

Когда министерство взяло на себя контроль над производством пулеметов, я в качестве министра военного снаряжения обследовал этот вопрос и установил, что всякое действительное увеличение производства зависело от передачи более значительных заказов;

в таком случае Бирмингамская артиллерийская компания и другие промышленники имели бы возможность значительно расширить имеющееся у них оборудование. Дело зависело также от увеличения количества необходимых для производства станков и приборов. До того военное ведомство и адмиралтейство передали заказы на пулеметы Льюиса в количестве немногим менее 2 тыс., как раз достаточное для того, чтобы помешать фирме принять иностранные заказы. Итак, фирме был дан заказ на 10 тыс. пулеметов с поставкой до конца мая 1916 г. Еще до выполнения этого заказа я подписал с ней новое соглашение, согласно которому производство следовало довести до 750 пулеметов в неделю; контракт был подписан на все время войны. В мае 1917 г. это число было увеличено до 1 800 в неделю.

В феврале 1915 г. из Франции было доставлено в Ковентри оборудование и были привезены рабочие для производства пулеметов Гочкиса; был построен завод, которому адмиралтейство заказало тысячу этих пулеметов. Предполагаемое производство завода составляло от 25 до 50 пулеметов в неделю.

13 августа 1915 г. я решил утвердить схему, предусматривавшую удвоение производства этого завода, хотя британские военные авторитеты не признавали тогда пулеметов этого типа для нужд армии. В согласии с этим в сентябре 1914 г. министерство выдало заказ на 3 тыс. пулеметов, и к началу июня 1916 г. завод поставил 1 013 штук. Производство достигло 690 пулеметов в месяц к концу октября 1916 г. Дальнейшее значение этого пулемета, в особенности для вооружения танков, общеизвестно.

Было бы ошибкой думать, что это колоссальное расширение производства пулеметов было проведено при полном безразличии к расходам. Конечно, мы заботились главным образом о количестве, поскольку речь шла о жизни наших солдат. Но мы тщательно изучали вопрос о стоимости. Так например, военное ведомство передало в августе и сентябре 1914 г. Викерсу заказы по цене в 162—167 фун. ст. за пулемет. Министерство военного снаряжения установило в июне 1915 г. цену в 125 фун. ст. за пулемет. В 1916 г. эта цена была понижена до 100 фун. ст., а в 1917 г. до 74 фун. ст.

Наши успехи в деле снабжения наших войск пулеметами могут быть суммированы следующим образом.

В начале войны, если исключить устарелые пулеметы Максима, которые еще производились в небольшом количестве королевским артиллерийским заводом в Энфильде (на этом заводе было произведено около 80 пулеметов Максима в течение $1\frac{1}{2}$ лет войны), общее количество пулеметов, которое тогда мог выработать Викерс, составляло от 10 до 12 в неделю.

К концу мая 1915 г. общее количество пулеметов, поставленных военному ведомству с августа 1914 г., равнялось 1 039—775 пулеметам Викерса и 266 пулеметам Льюиса; общее число пулеметов, включая пулеметы Максима, достигало 1 330. Число заказанных пулеметов составляло 2 305.

Нижеследующая табличка дает представление о дальнейшем увеличении производства пулеметов:

Годы	Число пулеметов
1914	287
1915	6 102
1916	33 507
1917	79 746
1918	120 864
Всего	240 506

Из этого количества в 240 506 пулеметов, которые были произведены в Англии во время войны, мы передали нашим союзникам 26 900, или в 20 раз больше, чем весь наш запас к тому времени, когда было создано министерство военного снаряжения.

6. ПУЛЕМЕТНЫЙ КОРПУС

В качестве министра военного снаряжения я был обязан поставить пулеметы, необходимые для армии, и, как я уже указывал, одно время я значительно превысил официальные требования министерства, предполагая, что в дальнейшем оно принуждено будет затребовать гораздо большее количество пулеметов, чем в тот момент, когда мы начинали производство.

Официально вряд ли в мои задачи входило обеспечить надлежащее использование большого количества заказанных мною пулеметов. Но, конечно, я должен был заинтересоваться этим вопросом. В октябре — через три месяца, после того как вопрос о числе пулеметов был разрешен мною и когда производство их уже было развернуто, проект создания специального пулеметного корпуса получил согласие короля *. Я горячо поддерживал план создания пулеметного корпуса. Мне сообщали, что неприятельские армии применяли весьма эффективно специальные пулеметные команды, которые не были постоянно связаны с тем или иным батальоном или с той или иной дивизией; такая система позволяла лучше использовать пулеметы.

Я был очень встревожен, когда вскоре затем узнал, что хотя образование пулеметного корпуса было разрешено, но очень мало делалось для того, чтобы организовать его. Из миллионов людей, которые были набраны в войска, крайне мало солдат обучались специально пулеметной стрельбе. Был даже издан приказ не производить специального набора в пулеметный корпус и не переводить солдат из других частей в этот корпус. Я был глубоко потрясен этим. К марту 1916 г. предполагалось, что поставка пулеметов достигнет в общей сложности 10 тыс., а в середине лета превысит 20 тыс. Без сомнения военное министерство должно было направлять солдат и в другие части, но пулемет являлся таким важным фактором обороны и нападения, что только какое-либо особое недоверие и намеренное сопротивление могли на мой взгляд объяснить непонятное

* Royal Warrant. Army Order No. 416 of 22 October, 1915.

и глупое упорство, мешавшее обучению некоторого количества солдат пулеметной стрельбе. С риском снова вмешаться в дело, которое с чисто ведомственной точки зрения меня не касалось, я решил установить, в чем дело.

Я поднял этот вопрос на заседании военного комитета 13 ноября 1915 г. Я представил комитету меморандум, в котором приводил данные о предстоящих поставках пулеметов и настаивал на соответствующих приготовлениях для наилучшего использования этих пулеметов. Меморандум далее гласил:

> «Я полагаю, что один пулемет с командой в 10 человек по самой минимальной оценке может нанести противнику такие же потери, как 50 человек, вооруженные винтовками, особенно когда дело идет об обороне. Если этот расчет правилен, то мы могли бы восполнить наш недостаток в людях тем, что мы готовили бы 200 пулеметчиков вместо тысячи стрелков. Другими словами, 50 тыс. пулеметчиков могли бы заменить 250 тыс. пехотинцев. Мы могли бы таким образом также сберечь винтовки; насколько я могу себе представить, союзники никогда не добьются численного превосходства над немцами по части винтовок, превосходства, необходимого для решительной победы.
>
> Мне представляется также, что если мы используем в широком масштабе пулеметы и составим план их использования в сочетании с колючей проволокой и укреплениями, то мы получим стратегическую возможность, *которой до сих пор пользовались одни немцы*, — снимать значительное количество войск с одного фронта, где не предполагается наступления, на другой, где намечены активные операции.
>
> Это то, что делали немцы на западном фронте, чтобы освободить солдат, необходимых им для наступления на Россию, и то, что они делают на восточном фронте, чтобы достать людей для нападения на Сербию и перевода на западный фронт. Эта возможность заменять людей машинами, которая придает эластичность стратегическим планам, на мой взгляд в особенности соответствует нашим теперешним намерениям на западном фронте».

На заседании комитета присутствовал генерал сэр Арчибальд Маррей, который в это время занимал пост начальника имперского генерального штаба вместо лорда Китченера (который уехал тогда в средиземноморские страны). Маррей указал, что генеральный штаб на самом деле организовал пулеметную школу в Грентеле и намеревался обучить определенное число солдат пулеметной тактике и стрельбе; но военное министерство не было в состоянии предоставить в ее распоряжение людей. Штаб хотел единовременно подготовлять 10 тыс. человек, с тем чтобы каждые два месяца обучать новый набор, но до того времени у них было лишь 3 тыс. человек. Он подтвердил мою точку зрения, что один пулемет равнялся

50 винтовкам, и возразил Мак-Кенне, который считал, что пулеметы лишали войска подвижности.

В результате моих настояний военный совет решил обратиться к военному министерству с предложением немедленно предоставить 10 тыс. человек и посылать и впредь соответствующее количество для обучения пулеметной стрельбе. Фактически, перед тем как это приказание было выполнено, произошла значительная задержка, но в конце концов некоторое число солдат было собрано из различных частей в пулеметную школу, ставшую центром подготовки. Но даже и тогда они не были подобраны из числа лучших стрелков, подобно немецким пулеметчикам, которых сэр Дуглас Хейг назвал «корпусом избранных». Тем не менее они значительно повысили боеспособность нашей армии. Через 4 года — в ноябре 1918 г. численность этих новых частей нашей армии, созданных в таких странных условиях, достигала 6 427 офицеров и 123 835 других чинов.

Когда мы вспоминаем о разрушительной силе немецких пулеметов в наступлении и обороне, о том, как пулеметчики спасали пехотинцев от потерь, приходится удивляться тому, как поздно наши военные руководители пришли к пониманию силы самого смертоубийственного орудия войны.

7. ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ИЗОБРЕТЕНИЯ

В этой войне на поле сражения господствовали инженер и химик. Когда началась война, центральные державы были гораздо лучше подготовлены как в области техники, так и в области химии. Большие гаубицы немцев сыграли решающую роль в первых сражениях. Даже в 1916 г. французская артиллерия сильно уступала немцам в этой области. Вплоть до конца 1915 г. у нас не было почти ничего в области артиллерии, что сыграло бы серьезную роль в наступлении. Тяжелые орудия немецких и австрийских войск уничтожали бетонные укрепления Льежа, заставляя нас в течение нескольких часов сдавать позиции, которые по нашим расчетам должны были продержаться в течение многих дней, если не недель. Немцы, взявшие Антверпен, были по численности равны 1/3 гарнизона крепости, а по своим боевым качествам могли считаться второразрядными войсками. Их дело было выиграно благодаря тяжелым орудиям. Германские 5,9-дюймовые снаряды с их ужасным взрывом приостановили французское наступление и помогли продвижению немецких армий к Парижу. В то время как германские заводские инженеры создавали для армий превосходное наступательное оружие, их строительные инженеры строили для них на фронте лучшие укрепления для обороны. Глубокие и хорошо построенные траншеи, защищенные колючей проволокой, минометами, пулеметами и гранатами, устояли против повторных попыток союзников отбросить вторгшиеся германские армии за пределы Франции и Бельгии. Применение ядовитых газов сломило французский и английский фронт на Ипре в 1915 г. и позволило разбить русских в Польше.

На восточном фронте немцы могли нанести поражение и оттеснить назад русские армии, которые втрое превышали германские своей численностью, но которым недоставало пушек, снарядов, мортир и газа, которыми обладали центральные державы. Человеческая храбрость — плохая защита против тяжелых снарядов или пулеметов. По мере того как дела на западном фронте упирались в тупик, становилось все ясней, что если союзные стратеги хотели открыть себе путь к успеху, их единственной надеждой добиться окончательной победы было создание нового военного механизма, или такое улучшение наших орудий борьбы, которое могло дать нам перевес. Открыть себе путь приходится иногда силой.

Проницательным людям, а затем даже самым недальновидным стало ясно, что война будет вестись, а затем окончательно решится с помощью заводов и лабораторий.

К сожалению, в начале войны и в течение первых месяцев ее мы определенно отстали в области военного проектирования. Наша артиллерия не была испытана в большой войне. Наши маленькие театральные маневры не научили нас, какою будет настоящая война. Наша тяжелая артиллерия вызывала насмешки наших врагов. У нас не было траншейных мортир или гранат. Мы настолько доверились шрапнели, что у нас не было безопасных тяжелых взрывчатых снарядов. Когда мы начали производство тяжелых взрывчатых снарядов, мы не продумали вопроса о том, как мы сможем произвести достаточное количество взрывчатых веществ для них, и не изобрели хорошего запала для снарядов, которые мы могли начинить взрывчатым веществом. Наше единственное современное тяжелое орудие была опытная 9,2-дюймовая пушка, которая была послана на фронт в сентябре 1914 г. и которую наши солдаты прозвали «матушкой». У нас было мало пулеметов и некоторые из них устарели. Военное министерство отказывалось признать достоинства пулемета Льюиса для сухопутной кампании. У нас не было минометов и настоящих ручных гранат. Немцы имели то и другое.

Проектирование и исследование военного снаряжения входило в ведение начальника артиллерийского управления. В течение первых месяцев войны он считал, что так как война скоро кончится, то было бы глупо отвлекать для продолжительного и утомительного дела проектирования и одобрения новых видов оружия силы, которые могли быть использованы для производства существующих стандартных видов оружия. Так случилось, что в начале войны, когда с фронта пришло требование обследовать образцы захваченных германских минометов и изготовить такие же орудия для армии, этому предложению не уделили внимания на том основании, что другие требования оказались для артиллерийского ведомства и военнопромышленного предприятия более неотложными.

По мере того как продолжалась война, военные власти неизбежно сталкивались лицом к лицу с новыми и новыми пробелами проектирования новых видов оружия, которые необходимы были

для армий. Военным пришлось также подготовиться к значительному увеличению производства всех видов оружия, новых и старых, и это потребовало большого количества дополнительного труда от проектного отдела вульвичского арсенала. Отставание проектного отдела вследствие чрезмерной перегруженности работой стало неизбежным. Адмиралтейство, которое тоже полагалось на вульвичский арсенал, было настолько неудовлетворено медленностью работы, что в мае 1915 г. создало свое собственное чертежное бюро и постепенно развило его в проектную организацию, занимавшуюся простейшими видами проектов.

Научные и технические силы Англии велики. В ноябре 1914 г. военная комиссия Академии наук была приглашена «организовать содействие правительству в деле научного исследования по вопросам войны; военной комиссии Академии наук было предоставлено право кооптировать научные силы и назначать подкомиссии, состав которых не был обязательно ограничен членами академии». Таким образом, правительство мобилизовало наиболее выдающееся научное учреждение мира на помощь стране. Адмиралтейство в значительной степени использовало военную комиссию академии и передавало ей те изобретения и предложения, которые оно получало со стороны и считало в той или иной мере полезными, но военное министерство никак не изменило своего обычного порядка. Помимо некоторого сотрудничества с химической подкомиссией военной комиссии Академии наук, военное министерство почти не использовало академии.

Когда было создано министерство военного снаряжения, военное министерство сохранило ответственность за качество и спецификацию военного снаряжения, которое мы обязаны были поставлять. Проектирование, спецификация, испытание материалов, лабораторная и исследовательская работа по вопросам военного снаряжения все еще входили в компетенцию военного министерства. Министерство военного снаряжения, ответственное за производство пушек, снарядов, винтовок и всех других видов военного снаряжения, всецело зависело от чинов военного министерства в отношении исследовательской работы по образцам, составу и спецификации всех материалов.

Разделение этих двух взаимно дополняющих друг друга частей работы по производству военного снаряжения было явно нецелесообразным. Реакционная позиция военного ведомства не улучшала положения. Наши солдаты-фронтовики оказывались более прогрессивными. Сэр Джон Френч создал в начале июня 1915 г. экспериментальную комиссию при генеральном штабе, чтобы рассматривать изобретения и применение научных методов для нужд войны. В самой Англии существовали течения в пользу создания подобной организации для нужд армии и флота. 22 июня 1915 г. Бальфур, который был тогда первым лордом адмиралтейства, разработал определенный план для этой цели. Военное министерство держалось в стороне, и в июле адмиралтейство создало адмиралтейское управление по вопросам изобретений и исследователь-

ской работы исключительно для нужд флота. Соответствующая организация была вскоре создана мною в министерстве военного снаряжения.

Я вскоре убедился на основании опыта, что противоестественное разграничение проектирования и производства было совершенно нецелесообразно. В частности я считал существенным, чтобы министерство военного снаряжения имело возможность рассматривать новые ценные предложения и изобретения. Я начал настаивать на передаче министерству по крайней мере полномочий по рассмотрению этих новых проектов и изобретений. Мою точку зрения подтвердил случай с мортирой Стокса.

История мортиры Стокса служит иллюстрацией к вопросу о неосуществимости системы двойного контроля. Армия требовала мортиру, которая позволила бы нашим войскам отвечать на бомбардировку, которой немцы разрушали наши окопы. Еще в январе 1915 г. Вильфред Стокс, промышленник восточной Англии, занятый производством сельскохозяйственных машин, представил в военное министерство проект миномета, отличающегося исключительной простотой — в виде простой стальной трубы, в которую клали бомбу со снарядом, разрывавшимся от удара о рычаг в основе трубы, отчего бомба выбрасывалась в окопы неприятеля. Миномет мог стрелять с той же быстротой, с какой в него попадали бомбы.

Военное ведомство не одобрило типа запала бомбы и отказалось от изобретения. Изобретение было вновь представлено в марте и вновь отвергнуто.

Услышав хорошие отзывы об этой мортире, я решил познакомиться с ней сам. 30 июня я присутствовал на испытании близ тюрьмы в Уормвуд Скребс. Меня сопровождал генерал-майор Айвор Филипс, бывший военным секретарем нового министерства. На нас обоих мортира произвела большое впечатление; мне казалось, что ей суждено большое будущее.

Официально я имел право лишь производить те виды оружия, которые были одобрены военным ведомством. Я не мог претендовать на то, чтобы военное ведомство одобрило проект мортиры Стокса, после того как оно дважды отвергло его.

К счастью я получил как раз перед тем пожертвование от одного из индийских магарадж в размере 20 тыс. фун. ст. с правом затратить эту сумму по своему усмотрению на любую цель военного значения. С помощью этого фонда, зная, что военное министерство противилось использованию мортиры Стокса, я все же приказал, чтобы тысяча таких мортир была немедленно начата производством вместе с 100 тыс. бомб; последние должны были быть окончательно готовы лишь тогда, когда будет произведен удовлетворительный запал. Между тем я снова поставил вопрос в военном ведомстве.

В середине августа мне удалось убедить военное министерство произвести новое испытание с этой мортирой в местечке Шуберинесс. К этому времени для бомбы был приготовлен запал, схожий

с тем, который применяется в ручной гранате Мильса. Артиллерийское управление пришло теперь к выводу, что мортира Стокса была лучшей, чем 3,7-дюймовый миномет, который вырабатывало военное ведомство. Формальное одобрение мортиры состоялось 28 августа. Это было вполне своевременно, так как 22 августа генеральный штаб армии во Франции уже по телеграфу затребовал от военного ведомства столько мортир Стокса, сколько можно было доставить к 1 сентября. Из штаба прибыл офицер, чтобы обсудить с департаментом окопной войны вопрос о дымовых бомбах, которые предполагалось использовать для дымовой завесы в предстоящей битве при Лоосе. 30 таких мортир были наскоро сделаны и посланы на фронт.

В течение всего остающегося периода войны мортира Стокса стала наиболее популярным минометом, который непрерывно требовали для фронта. Из 19 тыс. минометов и траншейных гаубиц, которые были доставлены во время войны на фронт, 11 500 были мортиры Стокса. В течение 1917—1918 гг. 3-дюймовая мортира Стокса была единственной легкой траншейной мортирой, которую мы производили, так как к этому времени она определенно доказала свое превосходство над всеми другими образцами. Это было то самое орудие, которое было отвергнуто артиллерийским управлением военного ведомства, как никуда негодное.

Естественно, что после такого опыта я еще больше, чем всегда, стремился передать контроль над новыми изобретениями и улучшениями проектирования в ведение более прогрессивной организации, которая не страдала бы от укоренившейся привычки в принципе отвергать всякую новую мысль. Тот факт, что в это время мы терпели серьезные затруднения в вопросе о составе начинки снарядов и о новых типах запалов и трубок, еще более усилил мое желание добиться полного контроля в этих важнейших вопросах. Адмиралтейство, как я уже указывал, проявило бо́льшую подвижность в этом вопросе, чем военное министерство; в связи с нежеланием артиллерийского управления предпринимать что-либо в этом вопросе, адмиралтейство само изучало ряд новых предложений также в области вооружения сухопутных войск. Ссылаясь на то, что эти опыты могут быть полезны королевскому аэронавигационному управлению, Черчиль еще в январе 1915 г. начал изучать вопрос о возможности использовать бронированные автомобили, в феврале того же года создал адмиралтейскую комиссию сухопутных кораблей, которая провела чрезвычайно ценную работу по подготовке танков.

Министерство военного снаряжения, конечно, было завалено письмами и обращениями со стороны всякого рода лиц, которые предлагали новые изобретения или улучшения. Большинство этих предложений были, конечно, бесполезны, многие из них исходили от сумасшедших или маньяков. Но было ясно, что некоторые из них, как то было с предложением Стокса, могли оказаться ценными. По результатам работы адмиралтейской комиссии исследования

сухопутной кампании и по отказу от предложений лорда Маултона, можно было судить, что военное ведомство не выполняло необходимой в этой области работы. В начале июня я пришел к соглашению с Бальфуром о передаче нам из адмиралтейства всей работы, связанной с изобретениями в области сухопутной войны. Это означало, помимо всего прочего, что производство танков передавалось министерству.

В ответ на обращение к лорду Китченеру последний передал через сэра Реджинальда Брейда, «что он соглашается на передачу министерству военного снаряжения всей работы, связанной с изобретением тех видов военного снаряжения, за поставку которых отвечает министерство».

В согласии с этим 13 июля был учрежден новый департамент министерства по делам изобретений в области военного снаряжения.

Во главе нового департамента я поставил Эрнеста Мойра. В речи в палате общин 28 июля о работе министерства я сообщил следующее по вопросу о создании нового департамента:

«Я хотел бы сказать здесь несколько слов о том, что делается нами по вопросу об изобретениях. Для ведения войны необходимо полностью использовать лучших изобретателей и деятелей науки. Быть может, до сих пор существовала недостаточная согласованность между различными учреждениями, занятыми всякого рода изобретениями и проектами изобретений. Что касается изобретений в области морских вооружений, то первый лорд адмиралтейства создал управление изобретений под председательством лорда Фишера.

Я только что закончил необходимые мероприятия для создания отдела изобретений в министерстве военного снаряжения и я надеюсь, что оно будет в состоянии сделать в области сухопутной войны то же, что комиссия лорда Фишера делает в области морского боя.

Военное министерство передает в наше ведение всю проблему изобретений. Нами предприняты все необходимые шаги для того, чтобы новый отдел министерства находился в тесном контакте с управлением лорда Фишера и избегал дублирования в работе; новый отдел министерства будет действовать также в контакте с специалистами военного ведомства и командованием армии, которые должны иметь решающий голос при обсуждении вопроса о полезности каждого данного изобретения на войне.

Я назначил главой нового отдела г. Э. В. Мойра, выдающегося инженера, который уже оказал ценные услуги министерству на добровольных началах. Г-н Мойр будет не только располагать штатом сотрудников-специалистов, но ему будет дан ряд научных консультантов по вопросам науки и техники. Следует учитывать, что только очень небольшое

меньшинство проектов и изобретений оказывается имеющим практическую ценность (смех). Многие проекты оказываются неудачными по техническим причинам, многие другие, технически превосходные, не подходят к подлинным условиям войны.

Существование нового отдела министерства оправдывается, если один проект из ста или даже один из тысячи будет иметь практическую ценность в условиях теперешнего кризиса.

В настоящее время у нас есть ряд проектов, с которыми мы производим опыты, возлагая на них большие надежды».

Несмотря на оптимизм этих слов, оказалось, что создание департамента изобретений было лишь началом наших забот. Хотя политические руководители дали согласие на передачу этого дела в ведение министерства военного снаряжения, чиновники с большой неохотой расставались с малейшей долей своего авторитета. Между чиновниками обоих министерств началась своеобразная дуэль.

К началу сентября не было достигнуто почти ничего. Мне пришлось поэтому повидать лорда Китченера и в результате моих переговоров с ним я имел возможность послать Мойру следующие инструкции:

«Сегодня вечером я имел беседу с лордом Китченером по вопросу о согласовании работы отдела изобретений военного министерства с отделом изобретений, находящимся под Вашим руководством. Лорд Китченер стремится к тому, чтобы Вы работали в полном согласии, и предлагает Вам связаться с полковником Гикманом. Последний наметит, каким способом передавать в Ваше распоряжение те предложения, которые исходят время от времени от экспедиционного корпуса (с фронта). Он сказал, что иногда таких предложений бывает до 90 в утренней почте и что для военного министерства было бы поэтому невозможно пересылать Вам копии этих документов. Вначале их рассматривают подчиненные, которые решают, следует ли их вообще как-либо использовать или бросить в мусорный ящик. Я сказал лорду Китченеру, что Вы хотели бы притти к собственному заключению по поводу последних. Часто дикая идея содержит полезное зерно. Он согласился со мной и выразил пожелание, чтобы Вы договорились с Гикманом, каким способом Вы могли бы знакомиться с этими письмами.

Лорд Китченер весьма неохотно воспринял мысль о закрытии отдела изобретений военного министерства; есть несомненно важные причины, почему этого нельзя сделать. Но он согласен полностью передать рассмотрение некоторых вопросов, которые он намерен указать в официальном письме, в отдел изобретений нашего министерства. Пока мы договорились, что

он сообщит Гикману исход наших переговоров, и я предлагаю вам немедленно снестись с последним.

Д. Лл[ойд] Дж[ордж].

3/IX 1915 г.»

Несмотря на эту дружескую попытку притти к удовлетворительному разрешению вопроса, несмотря на проявление уступчивости со стороны военного министра, затруднения с военным ведомством продолжались. В конце сентября артиллерийское управление создало параллельные комиссии, аналогичные консультационным бюро министерства военного снаряжения. 16 октября я получил письмо от Мойра, которое я привожу ниже, так как оно дает прекрасную картину той кампании обструкции, которую в это время вело военное министерство против министерства военного снаряжения по этим и другим поводам.

«Министерство военного снаряжения
Принцесс стрит, Вестминстер, Ю. З.,
16 октября 1915 г.

Уважаемый г. Ллойд Джордж,

Генерал ван Доноп просил меня быть у него в четверг. На этом свидании генерал уведомил меня, что он встречал затруднения в передаче отделу изобретений министерства военного снаряжения тех полномочий, которые были предоставлены военному министру 30 параграфом 12 подраздела патентного закона 1907 г. Этот подраздел предусматривает, что представление изобретений военному министерству или адмиралтейству не будет считаться равным опубликованию его; 2 октября через сэра Герберта Льюэлина Смита было сделано заявление о передаче этих полномочий министерству военного снаряжения.

Генерал ван Доноп указывал, что в тех случаях, когда военное министерство пересылало бы отделу военного снаряжения те изобретения, которые по их мнению военное министерство считало бесполезными (а это единственные, которые военное министерство пересылает нам в настоящее время), возникает риск, что изобретатель будет жаловаться, что его идеи получают огласку благодаря их представлению нашему консультационному бюро. В этих случаях вина может быть возложена на военное ведомство. Я ответил на это, что до сих пор военное ведомство присылало нам только то, что по его мнению было бесполезно. Я, конечно, не оскорблял наших консультантов предъявлением им этих проектов и занимался ими сам.

Между прочим я указал, что мы надеялись достичь соглашения, с помощью которого министерство было бы в состоянии познакомиться не только с бесполезными проектами, но и с теми, которые казались интересными с точки зрения военного ведомства.

Я также подчеркивал, что министерство военного снаряжения не могло получить содействия со стороны военных специалистов и что полковник Гульд-Адамс и полковник Гефернан, которые до сих пор были нашими консультантами, затребованы военным ведомством по неизвестной нам причине. Оба они были экспертами артиллерии и, как я указал генералу ван Донопу, были для нас чрезвычайно ценными сотрудниками; мы не только не хотели уменьшения числа военных специалистов среди наших консультантов, но, наоборот, хотели увеличить их число. Генерал ван Доноп заметил, что причиной их отзыва была перегруженность работой в артиллерийском управлении; поэтому оба полковника должны вернуться на работу в военное ведомство. Я просил генерала заменить их кем-нибудь в артиллерийском управлении. *Он ответил, что если они не вернутся, то он уволит их и не позволит вернуться на работу даже после войны.*

В разговоре я указал, что хотя наше министерство было поставлено в известность, что военное ведомство не может предоставить ему никакой помощи со стороны военных специалистов, само военное ведомство оказалось в состоянии создать свое управление изобретений в составе 14 человек, в том числе 7 генералов, трех полковников и трех майоров. Я также указал ему, что, по моему мнению, наш отдел изобретений перенял у военного министерства значительную часть работы.

Весь вопрос кажется мне еще одним подтверждением — вряд ли необходимым — того сопротивления помощи со стороны гражданских ведомств, которое проявляют военные власти, и я полагаю, что сопротивление в значительной мере исходит от генерала ван Донопа.

Я не видел полковника Гульд-Адамса, но полковник Гефернан не без некоторой робости недавно признался мне, что работа у нас ему очень нравится и что он не хотел бы ее покидать. Он согласился бы вести ее в праздничные дни — по субботам и воскресеньям, — если бы у него не было другого выхода. К сожалению, соглашение такого рода трудно осуществимо за исключением разве лишь присутствия при испытаниях и инспекционной работы.

Оба полковника — люди чрезвычайно способные, и я считаю, что они не должны быть отозваны из вверенного Вам министерства. Мне представляется, что остающиеся шесть человек в артиллерийском управлении могли бы распределить работу между собой или получить помощь со стороны.

Конечно, мы можем работать без чьей-либо помощи, но, как мне кажется, мы имеем в данном случае дело с явной попыткой помешать Вам в достижении Ваших целей; эта попытка проводится военным министерством или по крайней мере некоторыми из его отделов.

С совершенным почтением

Э. Мойр».

Оба упомянутых в этом письме офицера были сотрудниками сектора изобретений артиллерийского управления и были назначены военными властями для связи с нашим министерством. Их назначение было предусмотрено соглашением, которое я заключил с лордом Китченером, когда мы согласились о передаче всего дела изобретений в министерство военного снаряжения.

30 октября я получил от Мойра следующее письмо:

«30 октября 1915 года.

Уважаемый г. Ллойд Джордж,

В дополнение к моему письму от 16 октября по поводу полковников Гульда-Адамса и Гефернана сообщаю, что по частным сведениям полковник Гульд-Адамс получил указание уйти с поста, занимаемого им в нашем консультационном бюро. 28 октября товарищ военного министра в письме на имя товарища министра военного снаряжения просил нашего согласия отпустить одного из сотрудников артиллерийского управления, состоящих нашими консультантами. Повидимому, не ожидая ответа, военное ведомство приказало полковнику Гульд-Адамсу покинуть свой пост консультанта. Надо полагать поэтому, что полковнику Гефернану будет разрешено остаться у нас.

Оба эти лица являются чрезвычайно способными людьми... Полковник Гульд-Адамс работал у нас в качестве председателя нашей артиллерийской и снарядной комиссии.

Я полагаю, что в силу соглашения, заключенного обоими министерствами, которым предусматривалось обязательство военного ведомства оказывать нам всяческое содействие, уход этих военных консультантов противоречит духу этого соглашения. Отзыв любого из этих лиц значительно ослабит полезность нашего консультационного бюро. Работы у обоих достаточно...

Таким образом, исходя из переговоров, о которых я писал вам в моем письме от 16 октября, следует со всей силой возражать против отзыва этих офицеров из консультационного бюро, куда Вы лично их пригласили и весьма полезными членами которого они были...

При сем прилагаю копию письма полковника Гульд-Адамса, в котором он выражает сожаление по поводу того, что вынужден подчиниться приказу свыше.

С совершенным почтением

Э. Мойр.

Заведующий отделом изобретения».

Копия приложения.

«Артиллерийское управление
Вульвичский арсенал,
29 октября 1915 г.

Уважаемый г. Мойр,

...С сожалением должен заметить, что мне официально

приказали сегодня прекратить мою работу в министерстве военного снаряжения — без указания причин.

Очень сожалею, что вынужден подчиниться, но ничего сделать не могу.

Я надеюсь, Вы передадите г. Ллойд Джорджу мое глубокое сожаление по этому поводу.

Искренне Ваш

Г. Гульд-Адамс.

P. S. Спешу указать, что если мои услуги понадобятся в будущем, я буду рад оказать посильное содействие.

Г. Г.-А.».

Создавшееся положение вещей было совершенно неудовлетворительно. Если бы проектировочный отдел военного министерства был хорошо организован и действовал энергично, учитывая значение времени в период войны, и если бы он работал в контакте с новым министерством, проявляя в отношении к последнему добрую волю, то не было бы никаких серьезных неполадок и задержек. Но этого не было. Производство во всех областях задерживалось вследствие ошибок военного ведомства и его медлительности.

Необходимо иметь в виду, что вплоть до этого момента министерство военного снаряжения имело право лишь производить исследовательскую работу, проверку новых изобретений и улучшение производства. Министерство не пользовалось правом контроля над проектами новых и старых образцов снаряжения. Этот контроль оставался все еще в руках военного министерства, которое в лице управления изобретений сохраняло свою власть в этой области и могло отменить решение министерства военного снаряжения.

Кроме того в связи с развитием производства постоянно возникали вопросы о возможности изменений в применении спецификации в интересах производства; в этих вопросах министерство, отвечавшее за производство, оставалось бессильным, до тех пор пока продолжительные переговоры с военным ведомством и опыты чиновников военного ведомства не приводили к санкции этих изменений. Такие вопросы возникали в повседневной практике, так как на опыте войны старые теории и традиционные образцы снаряжения подвергались одинаково быстрому уничтожению. Стандартные запалы оказались недоброкачественными, пушки и снарядные повозки требовали значительного улучшения. Все время возникали новые формы войны, которые требовали новых или изменения существующих типов вооружения. Трудности, связанные с составом взрывчатых веществ для снарядов и составом кордита, вызывали значительную тревогу и промедление, между тем запалы были крайне неудовлетворительны. Министерство, отвечавшее за удовлетворение постоянно меняющегося спроса, не имело возможности предпринять никаких шагов, так как оно было вынуждено делить

контроль с артиллерийским управлением. Пока артиллерийское управление отвечало за проектирование и производство, оно было в состоянии без промедления координировать то и другое, если бы оно того пожелало. Конечно, было желательно, чтобы министерство, поскольку оно взяло на себя производство, несло также ответственность за проектирование. Разделение власти, вызвавшее промедление военного ведомства в важнейших вопросах о запалах и взрывчатых веществах, серьезно мешало производству готовых снарядов. Количество снарядных оболочек увеличивалось быстрым темпом, но тот же темп не мог быть сохранен в отношении начинки снарядов, пока не были окончательно разрешены вопросы проектирования новых запалов и составных частей взрывчатых веществ.

Как я уже указывал, положение вещей с взрывчатыми веществами стало критическим и угрожало нам недостатком снарядов для фронта. Медлительность военного ведомства серьезно мешала производству. Письмо от 22 октября 1915 г. генерала Дю-Кейна полковнику Артуру Ли, который незадолго перед тем занял пост военного секретаря министерства военного снаряжения вместо сэра Айвора Филиппса, показало, что военное ведомство и в других областях проявило медлительность. Генерал Дю-Кейн был председателем опытной комиссии генерального штаба английских войск во Франции. Трубки снарядов были так плохо спроектированы, что вызывали преждевременный взрыв, от которого взрывались наши пушки. Общее число пушек, которыми мы обладали, было не очень значительно.

Я привожу ниже извлечение из письма генерала Дю-Кейна.

«...Я почти уверен, что Вы не сможете наладить работу, пока не установите полного контроля над проектированием и опытными испытаниями. Я почти уверен, что Вы встретите со стороны военного ведомства и артиллерийского управления значительные препятствия, пока существует теперешняя система двойной ответственности. Мне представляется, что чиновники военного министерства артиллерийского управления или отдела испытаний страдают чрезмерным консерватизмом или бюрократизмом.

Основным аргументом Китченера в пользу сохранения контроля в руках военного ведомства было то, что он считал своим долгом сохранять ответственность, пока существует система добровольного набора; если мы допустим взрывы в артиллерии, подобно тому как это происходит во Франции, наши добровольцы разбегутся или дизертируют. Однако контроль Китченера был неудачен и в результате его контроля причины взрывов не часто легко установить.

В настоящее время наши тяжелые разрывные снаряды для 13- и 18-фунтовых орудий настолько недоброкачественные, что мы не можем использовать их в больших количествах. 21 сентября мы потеряли 36 орудий, в среднем 1 несчастный случай про-

исходит на каждые 4—5 тысяч снарядных лент. Это хуже, чем когда-либо было у французов.

Во время последних операций несчастные случаи происходили у французов 1 на 120 тысяч лент. Нам еще далеко до этого. Я предложил Ллойд Джорджу, чтобы он попросил у французов 200 тысяч их запалов для того, чтобы мы могли ими пользоваться, пока не исправим наше производство.

Потеря 36 орудий в месяц вследствие преждевременных взрывов побивает рекорд взрывов в какой бы то ни было другой артиллерии в этой войне».

В связи с этим в середине ноября я отправил нижеследующее письмо премьер-министру:

«6 Уайтхолл гарденс
Уайтхолл, Ю. З.

Мой дорогой премьер-министр,

Я надеюсь, что теперь будет возможность притти к решению по вопросу об артиллерийском управлении.

Каждый раз, когда задерживается или приостанавливается производство важных видов военного снаряжения, я получаю серьезные жалобы от правительственных учреждений. Создалось невозможное положение. Во Франции Тома имеет полный контроль над проектированием и над производством. Я же бессилен.

Искренне Ваш
Д. Ллойд Джордж».

В это время Асквит был временно исполняющим обязанности военного министра вместо Китченера, который отправился на средиземноморское побережье. Асквит поддержал мою точку зрения. Чиновники военного ведомства подняли громкий протест. Генерал ван Доноп предвидел общее смягчение тех твердых требований в области проектирования, которые существовали ранее, и опасался, что таким образом для армии будут созданы новые опасности. Сэр Чарльз Гаррис, главный финансовый советник министерства, протестовал против разрыва с традиционной политикой и уничтожения великолепно организованного, по его словам, артиллерийского управления. Производственные моменты были, по его мнению, только частью, и не самой важной частью, работы артиллерийского управления. Передать гражданскому ведомству ответственность за проектирование военного снаряжения, так же как и за его производство, означало бы создать такие же предпосылки для неудачи, какие существовали в египетской кампании в 80-х годах*. Артиллерийское управление следовало, по мнению Гарриса, усилить, а не уничтожать.

Но в ноябре 1915 г. мы в бо́льшей степени находились под впечатлением тех помех, которые были у нас перед глазами, чем

* Речь идет об египетской кампании, в которой благодаря «недосмотру» либерального правительства «штафирок» во главе с Гладстоном погиб английский отряд, возглавляемый генералом Гордоном.

ужасов 1880 г. Поэтому, несмотря на протесты, премьер-министр решил передать проектирование военного снаряжения министерству, отменив контроль артиллерийского управления. Это решение было изложено в следующем меморандуме:

«Передача министерству военного снаряжения ответственности за проекты, образцы и спецификацию по испытанию оружия и снарядов, а также за исследование изобретений в области военного снаряжения оставляет за военным ведомством лишь нижеследующие функции в области военного снаряжения:

1) обязанность установить требования армии как в отношении общего характера, так и в отношении количества необходимых видов снаряжения и разнорядки всех указанных видов вооружения;

2) обязанность получения, хранения и распределения военных материалов.

Эти функции несет генеральный штаб и генерал-квартирмейстер. Эта система существует в армии на фронте, и при измененных условиях ее следовало придерживаться в военном министерстве во время войны. Что касается штата, занятого этой работой, то те чиновники, которые необходимы военному ведомству для выполнения тех ограниченных функций, остающихся за военным ведомством, сохраняются в аппарате последнего; остальные переходят в распоряжение министерства военного снаряжения. Подробности передачи дел должны быть установлены на специальном совещании представителей обоих ведомств. Настоящий меморандум был продиктован премьер-министром».

Вслед за этим решением 29 ноября 1915 г. министерство официально взяло на себя новые обязанности в области проектирования, и к нему перешел контроль над экспериментальными и исследовательскими учреждениями, в частности над исследовательской лабораторией в Вульвиче. Созданный в министерстве отдел проектирования военного снаряжения был поставлен под начало генерала Дю-Кейна. 4 декабря артиллерийское управление было распущено и реорганизовано в качестве артиллерийской комиссии — совещательного органа при министерстве военного снаряжения и адмиралтействе.

Привожу извлечение из письма, которе я написал на следующий день, 30 ноября 1915 г.:

«Сегодня возвращается лорд Китченер. Удержать его вдали от Англии не удалось. Однако в его отсутствии премьер-министр передал артиллерийское управление мне. Я боролся за это в течение многих месяцев, но военное министерство упорно противилось мне и, сохраняя артиллерийское управление, имело возможность значительно урезывать всю деятельность министер-

ства военного снаряжения. Более того, когда что-нибудь *удавалось* сделать, то это происходило лишь после жестокой борьбы и многих неприятностей».

Оставалось дать последний бой. Каковы бы ни были неудачи военного министерства, оно придерживалось старой традиции британской армии, заключавшейся в том, что оно никогда не признавало себя побежденным. Министерству военного снаряжения были переданы теперь не только изобретения, но также проектирование и инспекция военного снаряжения.

«Прекрасно, — сказали в военном министерстве, — действуйте, проектируйте и испытывайте ваше снаряжение. Но перед тем как вы передадите это снаряжение армии, мы сохраним за собой право подвергнуть его нашим собственным испытаниям и отправлять лишь те снаряды, которые мы примем».

В согласии с этим военное министерство отказалось передать нам свой штат, производивший испытания, и опытную станцию в Хайсе, сохранило отдел под управлением директора артиллерии в военном министерстве в качестве авторитета, стоящего над министерством военного снаряжения, и вообще занялось по возможности саботажем принятых изменений.

Только что приехавший с фронта генерал Дю-Кейн оказался втянутым в эту внутреннюю войну. 14 декабря он представил нижеследующий меморандум:

«Взаимоотношения с военным ведомством.

Когда премьер-министр и г. Ллойд Джордж впервые обсуждали со мной вопрос о создании министерства, занятого проектированием военного снаряжения, я указал, что успех этого предложения будет зависеть от выполнения двух условий:

1. В распоряжение министерства будут переданы необходимые сотрудники.

2. Будут устранены возможные причины разногласий с военным ведомством, которые могут явиться следствием сохранения у последнего параллельного технического отдела.

Первое из этих условий было выполнено, второе нет.

Перед тем как я был назначен на мой теперешний пост, я имел свидание с премьер-министром в военном министерстве; премьер признал все затруднения, которые должны явиться следствием моих личных отношений с артиллерийским управлением и сотрудниками директора артиллерийского управления в связи с реорганизацией; премьер издал инструкции, которые должны были уничтожить дублирование работы. Эти инструкции не были выполнены, и отдел директора артиллерийского управления все еще существует в министерстве, сохраняя контроль над вопросом о спецификации.

Мы надеялись избежать этого положения, но оно тем не менее существует. В военном министерстве все еще имеется одноименный технический отдел, который упорно цепляется за свое положение. Сотрудники этого отдела чувствуют глубокое возмущение по поводу того, что у них отняли самые важные функции; в то время как они должны находиться в самом непосредственном контакте с моим отделом и работать вместе с моими сотрудниками, их взаимоотношения настолько натянуты, что они стараются видеться друг с другом как можно реже. Плохие результаты этого положения уже чувствуются, и если это положение будет продолжаться, то несомненно будет нанесен ущерб производительности наших работ.

Я полагаю, что решение премьер-министра должно быть немедленно проведено в жизнь, должны быть созданы нормальные взаимоотношения с военным ведомством на основе полного согласования работ. Если этого не будет сделано, то я вынужден буду признать невозможным надеяться на успешное выполнение стоящей передо мною задачи.

Дж. П. Дю-Кейн.

14/XII 1915 г.»

На этот раз откровенно высказывался не штатский, а военный — ответственный офицер генерального штаба, обладавший значительным военным опытом и признанными способностями. Но военное министерство не сдавалось, и 5 января 1916 г. министерство получило следующее письмо от военного ведомства:

«Военное министерство
Лондон, 5 января 1916 г.

Милостивый государь,

В ответ на Ваше отношение за № Д.Ж.М.Д. (общ.) 8 от 13 декабря 1915 г. я должен сообщить Вам от имени военного министерства, что оно принимает к сведению Ваше намерение окончательно утверждать новые проекты или изменения существующих проектов от лица генерал-директора проектного отдела военного снаряжения. Военное министерство считает однако весьма желательным, чтобы одобрение не давалось до тех пор, пока военное министерство не изъявит своего согласия на принятие проекта как удовлетворительного для армии. Я должен прибавить, что военное министерство придерживается того мнения, подкрепленного опытом, что перед тем как будет дано окончательное одобрение изобретениям и проектам, совершенно необходимы их практические испытания на условиях, формулированных военным министерством, испытания, проведенные войсками под руководством и наблюдением ответственных командиров, назначенных военным министерством. Все особые условия, которые выдвинуло бы министерство военного сна-

ряжения, будут приняты во внимание наряду с теми, которые установит военное министерство.

В согласии с только что выраженной точкой зрения военное министерство желает сохранить в своем распоряжении опытную станцию в Хайсе, но оно готово предоставить генерал-директору содействие этой станции и лабораторий пулеметной школы; военное министерство постарается удовлетворить пожелание министерства в отношении перемещения или временного предоставления отдельных офицеров и чиновников, работающих в Хайсе.

С совершенным почтением Р. Г. Брейд».

Это письмо являлось, конечно, прямым отказом военного министерства согласиться и лойяльно провести в жизнь уже состоявшееся решение по вопросу о передаче проектирования министерству военного снаряжения. Мне оставалось лишь поставить этот вопрос вновь перед военной комиссией кабинета — к немалому удивлению премьера, так как он полагал, что вопрос решен. Окончательное разрешение его заняло два заседания: 26 января и 3 февраля 1916 г.; мы окончательно согласились принять следующую формулу:

«а) министерство военного снаряжения сохраняет ответственность за проектирование, образцы, спецификации и испытания оружия и снарядов;

б) военное министерство сохраняет ответственность за общий характер и количество требуемых видов оружия; в военном министерстве не будет учреждения, занятого пересмотром решений, принятых министерством военных снаряжений;

в) в тех случаях, когда это необходимо, министерству военного снаряжения надлежит обращаться за содействием к военному министерству в отношении практических испытаний при участии войск как в самой Англии, так и на фронте;

г) военное министерство должно быть представлено в комиссиях или консультационном бюро министерства военного снаряжения в пределах, которые желательны для военного министерства».

К этому времени военное министерство вынуждено было прекратить свое сопротивление, и отмеченные выше решения были проведены в жизнь. Работать стало легче и удалось достигнуть хороших результатов. Но с какой затратой времени, энергии и умственных сил!

8. ТАНКИ

Английское изобретение, английское производство и английский гений дали танк, который явился наиболее выдающимся новшеством среди механических орудий войны. Это был английский ответ на пулеметы и окопы германской армии.

Нет сомнения, однако, что танки сыграли большую роль в победе союзников. По моему мнению танки сыграли бы еще бóльшую роль, если бы вопрос о них рассматривался с самого начала при большей поддержке и сочувствии военного ведомства и если бы танки были использованы более удачно. Танки могли бы тогда даже обеспечить более раннюю победу. Тем не менее введение танков в действие спасло огромное число жизней, какое именно, трудно даже сказать. Танк был главным, если не единственным видом механизма сухопутной войны британского происхождения, который мы ввели в действие во время войны. Мне приходилось время от времени в качестве министра военного снаряжения, военного министра и премьера непосредственно иметь дело с испытанием и использованием танков. Кроме того меня в особенности привлекала мысль, что танк представит собой нечто новое, что позволит нам захватить неприятеля врасплох и прорвать его линию обороны, которая до сих пор не поддавалась напору с нашей стороны, а также сохранит жизнь наших солдат. Я намерен поэтому уделить вопросу о танках несколько страниц. Впервые я познакомился с попытками создать автомобиль, способный пересекать окопы и преодолевать заграждения, в июне 1915 г., когда в качестве министра военного снаряжения я был приглашен на испытание гусеничного трактора, к которому был приспособлен специальный механизм для резки проволоки. Это не был предшественник танка или нечто напоминавшее танк. Но это был механизм, который выполнял некоторые из задач, выполнявшихся впоследствии танком. Меня очень интересовал вопрос о преодолении проволочных заграждений, так как в это время мы получали частые донесения о неудаче наших атак вследствие того, что нас останавливал пулеметный огонь у проволочных заграждений, которые до тех пор не были уничтожены нашей — все еще недостаточной — бомбардировкой. Я был рад слышать об инициативе, проявленной изобретателями, стремившимися найти новый метод разрешения этой проблемы, так как старые методы оказались бесполезны и дороги.

К моему удивлению я убедился, что опыты производятся почти всецело моряками, в большинстве случаев временными офицерами и нижними чинами дивизии бронированных автомобилей королевского аэронавигационного корпуса. Наведя соответствующие справки, я узнал, что опыты в этой области ведет адмиралтейство, которое имеет для этой цели специальные средства. Мое удивление сменилось восхищением инициативой, проявленной Черчилем, когда я узнал, что он один из всех, кому был представлен этот проект, имел достаточно проницательности, чтобы понять возможное значение этого оружия, и достаточно смелости, чтобы оказать ему практическую финансовую поддержку. Я установил впоследствии, что первоначальный проект пулеметного истребителя, движущегося по гусеничному принципу, был представлен через два месяца, после того как началась война, полковником Свинтоном, который понял, в чем заключаются причины потерь, наносимых нашей пехоте.

Полковник Свинтон подал свой проект секретарю комитета имперской защиты, а затем непосредственно в военное министерство в январе 1915 г. Секретарь комитета имперской защиты передал этот проект и некоторые другие новые предложения премьер-министру и кабинету; в январе 1915 г. первый лорд адмиралтейства Черчиль не только представил меморандум по этому вопросу, но к счастью предпринял самостоятельные шаги для исследования этого вопроса и производства опытов, а также финансировал это дело за счет морского министерства. К счастью, пишу я, потому что единственным результатом двух обращений в военное министерство было только окончательное оставление этих проектов как неосуществимых после нескольких опытов. $4^1/_2$ года спустя Черчиль, тогда военный министр, в своем показании королевской комиссии относительно вознаграждения изобретателям, заметил в связи с ролью, которую сыграло военное министерство: «Были сделаны некоторые опыты и исследования, но дело уперлось в тупик... Я пришел к убеждению, что дело не подвигается вперед и что военные власти не были убеждены ни в осуществимости производства подобных машин, ни в их ценности».

В следующий раз мне пришлось непосредственно столкнуться с вопросом о танках в феврале 1916 г., когда вместе с другими министрами, в том числе с лордом Китченером, и различными офицерами армии и флота, представителями английского генерального штаба и др. я присутствовал на официальном испытании первой машины в Хетфильд-парке. Следующий эксперимент полностью удался и превзошел все ожидания. Я вспоминаю чувство удивленного восхищения, с которым я впервые увидел безобразное чудовище под названием «королевская сороконожка»; танк легко двигался через плотные заграждения, переползал по глубокой грязи, подымался на парапеты и через окопы. Вот, подумал я, наш ответ на германские пулеметы и проволочные заграждения. Восхищение Бальфура было так же велико, как и мое собственное. Лишь с трудом некоторые из нас убедили его слезть с «королевской сороконожки», когда она переползала последние испытания — окоп шириной в несколько шагов. Присутствовавший на испытании лорд Китченер смеялся над огромным неповоротливым чудовищем, которое ползало и переваливалось, но неуклюже шло вперед. По его мнению оно должно было быть быстро уничтожено артиллерией. В этом случае мне показалось, что лорд Китченер был очень низкого мнения о новом изобретении; однако письмо, полученное мною недавно от сэра Роберта Уигама, который в 1916 г. был членом военного совета и сопровождал лорда Китченера на испытание в Хетфильде, проливает иной свет на его позицию в этом вопросе. Сэр Роберт Уигам пишет:

> «Лорд Китченер находился под таким сильным впечатлением, что заметил сэру Виллиаму Робертсону: перед нами орудие слишком ценное, для того чтобы мы могли рисковать чрезмерной оглаской. Он затем покинул испытания с целью наме-

ренно создать впечатление, что, по его мнению, изобретение не дает ничего нового. Сэр Виллиам Робертсон последовал за ним, захватив и меня с собой — к моему крайнему разочарованию, так как мне как раз предстояло прокатиться на танке! Во время нашего возвращения в Лондон сэр Виллиам Робертсон объяснил мне причину скорого отъезда Китченера и своего собственного и подчеркнул необходимость соблюдения строжайшей тайны в вопросе о танках. Он объяснил, что лорд Китченер был обеспокоен присутствием стольких людей на испытаниях; он боялся, что о танках заговорят, и немцы о них услышат. Известно, что после этих испытаний было заказано 50 танков и что лорд Китченер погиб раньше, чем танки были пущены в дело. Я знаю однако, что он ожидал от танков многого, так как он не раз беседовал со мною по этому вопросу. Он боялся лишь, что немцам станет о них известно до того, как танки будут готовы».

Из чувства уважения к памяти лорда Китченера я помещаю здесь это извлечение из письма сэра Роберта Уигама.

Если таково правильное истолкование позиции лорда Китченера, то я могу лишь выразить сожаление о том, что он не считал нужным поставить меня в известность об этом своевременно, принимая во внимание, что в качестве министра военного снаряжения я отвечал за производство танков.

Упоминание об этом испытании танков вызывает в моей памяти инцидент, который позабавил всех нас в другой раз — при испытании танков в поместьи лорда Айви. Напоминавшее слона чудовище прорывалось через кустарники, втаптывало молодые деревья и кусты в землю и оставляло позади себя широкий след разрушения. Я отправился по пути танка и посредине нашел гнездо куропатки с яйцами и птицей; к крайнему удивлению оказалось, что все яйца целы!

Производство и поставка танков выпали, конечно, на долю министерства военного снаряжения. Через несколько дней после испытания военное министерство обратилось с требованием на сто танков. Вскоре после того как началось производство, требования на танки возросли до 150 штук, и производство было развернуто быстрым темпом, так как танки были срочно нужны. Но производство представляло особые трудности, так как этот вид оружия был совершенно новым и приходилось еще впервые выделывать отдельные части. Когда начались бои на Сомме, было решено использовать некоторое число танков тотчас же после их изготовления; танки должны были принять участие в возобновлении наступления еще до зимних месяцев; около 50 штук было отправлено во Францию. 15 сентября, через 7 месяцев после подписания решения о производстве танков, они приняли участие в бою.

Едва ли не самое удивительное во всей истории появления этих новых машин войны было то, что хотя тысяча людей знала о них, секрет был так хорошо сохранен, что их первое появление

было полным сюрпризом для неприятеля. Введение в действие сравнительно немногих танков в сентябре 1916 г., до того как было готово гораздо более значительное количество, всегда казалось мне одной из худших ошибок войны. С этим не соглашались те, кто первым предусмотрел необходимость такого оружия, спроектировал его, боролся за принятие проекта, произвел танки и подготовил солдат танковых отрядов. В этом отношении мы повторили ошибку, допущенную немцами в апреле 1915 г., когда, применив ядовитые газы на небольшом участке фронта, они выдали секрет новой смертоносной формы атаки, значение которой, если бы она была использована в широком масштабе, могло иметь решающий характер.

Монтегю, заместивший меня на посту министра военного снаряжения, поддерживал сторонников танков в их стремлении не бросать танки в действие, до тех пор пока не будет произведено несколько сот танков и не будут подготовлены специальные танковые отряды. Я обратился к премьер-министру и просил его авторитетно вмешаться в дело. Он не выразил несогласия со мной, но передал дело сэру Виллиаму Робертсону. Я просил начальника генерального штаба оказать влияние на главнокомандующего. Робертсон сказал лишь лаконически: «Они нужны Хейгу». Так был выдан великий секрет ценой уничтожения маленькой деревушки на Сомме, которую не стоило занимать.

Однако, несмотря на это решение главнокомандующего, сомнения и предрассудки, которые мешали всякому, в том числе и этому нововведению в военном деле, сыграли здесь свою роль. 26 сентября 1916 г. военное министерство испросило тысячу дополнительных танков, но после того как заказы на эти машины и на значительное количество частей, необходимых для них, были размещены, и все сложное оборудование, связанное с производством этой массы военных материалов, было пущено в ход, я узнал, что заказ без моего ведома был отменен военным министерством. Я тотчас же отменил это решение и принял меры, чтобы обеспечить продолжение работ.

Я сохранил интерес к танкам и первоначальную уверенность в их значении до конца войны. Даже когда я не имел больше непосредственного отношения к их производству или использованию, этот вопрос часто возникал и рассматривался мною как председателем военного кабинета, которому передавались соответствующие проблемы, возникавшие вследствие разногласий, связанных с использованием танков и тактикой боя. Вопросы о задержках в производстве и доставке, часто связанные с недотаточно последовательной политикой главного штаба и объяснявшиеся также затруднениями заводов, работавших в этой области, нередко возникали перед нами. Иногда я упрекал себя за то, что не сделал того же в области танков, что я предпринял в отношении артиллерии и пулеметов, а именно не организовал производство в большем масштабе, чем от меня требовали.

Я считаю, что танки не были использованы правильно вплоть до битвы при Камбрэ в ноябре 1917 г. Эта битва, хотя и не приведшая к победе — однако не по вине танков, — останется на мой взгляд одной из наиболее важных в истории как поворотный пункт войны. Однако даже после удивительного успеха танков лишь постепенно и с неохотой было понято и признано значение танков не только для организации победы, но и для спасения жизни солдат. Только к лету 1918 г. значение танков было окончательно признано. Англичане, французы и американцы совместно приняли меры для их производства в широком масштабе, и планы войны на 1919 г. предусматривали применение танков, а также военных тракторов на больших участках и в огромных количествах. На самом деле наступление союзников в 1919 г., если бы оно осуществилось, представляло бы собою разрушительный поход орды механических гусениц.

Я уделил этому вопросу больше места, чем это соответствует его относительному значению во всей мозаике истории войны, взятой в целом. Но появление танков и их роль в войне всегда казались мне удивительным примером того, как военные успехи были достигнуты вопреки воле тех, кто от этого выгадал больше всех, или по крайней мере вопреки тем, кому страна поручила заботу об обороне страны.

8. СВОДКА ДОСТИЖЕНИЙ МИНИСТЕРСТВА ВОЕННОГО СНАРЯЖЕНИЯ

Я не буду утомлять своих читателей дальнейшими подробностями о тех сложных проблемах, с которыми приходилось иметь дело министерству военного снаряжения. Некоторое представление о всем разнообразии этих проблем можно получить из того, что выработка одного 18-фунтового тяжелого снаряда требовала производства и сборки 78 точно измеренных составных частей: 15 — для патрона, 11 — для снаряда и 52 — для запала, снарядной трубки и т. д. Всего различных типов снарядов было 26.

К сентябрю 1915 г., через три месяца после того как я принял пост министра военного снаряжения, мы производили еженедельно 120 тыс. начиненных взрывчатыми веществами снарядов против 70 тыс. в неделю в то время, когда было образовано министерство. В январе 1916 г. эта цифра достигла 238 тыс. в неделю, а в середине июля того же года, когда я перешел из министерства военного снаряжения в военное министерство, еженедельное производство готовых снарядов достигло 1 025 559 штук *. Эти цифры не включают наших закупок за границей.

В качестве иллюстрации наших достижений я сошлюсь также на нижеследующую таблицу, в которой приведены данные о наших

* В этих данных не отражено полностью фактическое увеличение производства, так как больше всего увеличилось производство тяжелых снарядов.

общих поставках снарядов за 10 месяцев — с 1 августа 1914 г. по 30 июня 1915 г. — и за 12 месяцев — с июля 1915 г. по июнь 1916 г.:

Калибр снарядов	Август 1914 г. — по июнь 1915 г.	Июль 1915 г. — по июнь 1916 г.
Легкие	1 877 300	14 748 800
Средние	389 000	3 895 800
Тяжелые	26 500	566 500
Очень тяжелые	14 000	288 300
Итого	2 306 800	19 499 400

6 июля 1916 г., в тот день, когда я покинул министерство военного снаряжения, чтобы занять пост военного министра, мне был представлен доклад, в котором приводились данные о том, что мы производили столько же артиллерийского снаряжения в течение одной недели, сколько составлял весь наш запас в начале войны. В сравнении с средними размерами продукции военного снаряжения в 1914 и 1915 гг., мы были в состоянии в три недели произвести столько же 18-фунтовых снарядов, сколько тогда могли произвести их в течение года; тогдашнее годовое производство снарядов для тяжелых гаубиц занимало теперь 4 дня.

Я уже говорил, что в то время, когда я занял пост военного министра, на батарею приходилось 8 лент снарядов в день (две ленты на пушку). И в этом отношении положение существенно изменилось, что видно хотя бы из следующего извлечения из дневника артиллерийского офицера (заимствовано из памятной книги королевской артиллерии):

> «18 августа 1916 г.
>
> Солдаты сильно устали; хотя мы сменяли людей у пушек как можно чаще, артиллерийская прислуга сбилась с ног.
>
> Мои пушки выпустили уже почти тысячу лент каждая и нагрелись до такой степени, что при прикосновении обжигают... В три часа утра меня известили по полевому телефону, что остаток программы отменен и что я могу вернуться к нормальному количеству в 400 лент в день»..

Тот же офицер 1 августа 1916 г. пишет:

> «15 батарей расположены на клочке земли в 400 ярдов длины и двести ярдов ширины».

Такие же достижения могут быть отмечены и в отношении артиллерии. В начале войны общее количество пушек равнялось 1 902, из которых 1 573 были легкими и 329 считались тяжелыми (т. е. пушки 4,7-дюймовые и бо́льших калибров). В течение следующих 10 месяцев было произведено 1 105 новых пушек, в том числе 1 014 легких и 91 тяжелых. Между 1 июля 1915 г. и 30 июня 1916 г. общее количество произведенных пушек составляло 5 006—

4 112 легких и 894 тяжелых. Другими словами, мне удалось почти втрое увеличить число пушек, переданных в распоряжение армии в течение первого года работы министерства. Число тяжелых орудий, начиная с 6-дюймовых и выше, было увеличено почти в 5 раз.

Я приводил в другом месте данные о значительном увеличении числа пулеметов в этот период. Число произведенных нами гранат за год — с июля 1915 г. по июнь 1916 г. — составляло 27 млн. по сравнению с 68 тыс., произведенными военным министерством с августа 1914 г. по июнь 1915 г. Точно так же мы произвели 4 279 минометов против 312, произведенных военным ведомством.

Значение этой артиллерии может быть понято лучше всего из показаний немецких источников. История 27 Вюртембергской дивизии, одной из лучших дивизий, сражавшихся на Сомме, гласит:

> «...Мы достигли апогея: то, что нам пришлось пережить, превзошло все наши прежние представления. Огонь неприятеля не прекращался ни на один час. Наши окопы обстреливались и днем и ночью, и мы понесли большие потери. Вся линия была усеяна снарядами, и всякое приближение к фронту стало невозможным. Огонь предназначался для задних окопов и артиллерийских позиций; люди и укрепления уничтожались в небывалом количестве. Артиллерийский обстрел поражал даже батальоны, отдыхавшие за линией фронта, и вызывал ужасные потери. *Наша артиллерия была бессильна...* В боях на Сомме в 1916 г. наши войска проявили беспримерный героизм, не превзойденный ими ни до, ни после этих сражений».

Далее историки дивизии заявляют, что люди в 1918 г. ни «духом, ни твердостью, ни способностью к самопожертвованию не были подобны их предшественникам...»

Капитан фон Гентиг, офицер генерального штаба гвардейской запасной дивизии, пишет:

> «Бои на Сомме были могилой германской действующей армии; они покончили с верой в непогрешимость германского командования, и все это было сделано британской промышленностью и ее снарядами...»

Один из суровых критиков войны — капитан Хирль пишет о боях на Сомме:

> «Огромное материальное превосходство неприятеля не преминуло оказать психологическое влияние на германские войска. Неприятельское командование может это зачесть себе в заслугу как результат проводившейся им войны на истощение... Огромное превосходство неприятеля в области военных материалов и людей таким образом полностью сказалось, тогда как превосходство германского руководства и военной подготовки не могло проявиться».

Это свидетельство врагов служит лучшим доказательством успехов, которых достигло министерство военного снаряжения, снарядившее нашу армию.

Приведенные мною цифры об увеличении производства в 1915—1916 гг. представляют первые результаты той тяжелой работы, которая была положена на организацию министерства военного снаряжения. Следует признать, что организация была построена так, что в случае необходимости допускала расширение. С самого начала дело было организовано не только таким образом, чтобы предоставить возможность произвести достаточное количество снарядов и артиллерии для одного сражения, которое якобы должно закончить войну. Мы исходили из предположения, что война может продолжаться годы, и могут происходить продолжительные бои в большом масштабе, так что спрос на всякого рода военное снаряжение возможно увеличится, а не уменьшится. Вот почему удалось развить производство быстрым темпом в согласии с растущей потребностью в большем количестве пушек, минометов, пулеметов, снарядов, взрывчатых веществ, танков и грузовиков.

Когда мы организовали наши заводы и заказали оборудование, мы исходили из требований, далеко превышавших предположения генеральных штабов в 1915 г. Меня тогда упрекали в мегаломании, так как я подобным образом понимал возложенные на меня задачи. Но в 1916, 1917 и 1918 гг. генералы были очень довольны тем, что казавшиеся им сумасшедшими планы 1915 г. были проведены в жизнь, а имевшиеся запасы удовлетворяли требованиям, которые предъявлял фронт.

Министерство неоднократно подвергалось нападкам. Когда мы только начинали свое дело и пытались создать порядок из хаоса, на новое министерство возлагалась ответственность за этот хаос. Строящийся дом не похож на уже построенное здание; нас обвиняли в том, что на стройке было грязно, валялась штукатурка и строительные материалы, в том, что постройка не была закончена.

Когда я был назначен министром военного снаряжения, не было никакой организации; когда я покинул министерство, среди остальных ведомств не было ни одного, которое было бы лучше организовано; я прошу критиков министерства назвать хотя бы одно из старых министерств, которое по работе превосходило бы министерство военного снаряжения. Организация большого дела на пустом месте — задача нелегкая и при благоприятных обстоятельствах. Она еще труднее, когда дело осложняется наличием мелких строений, плохо спроектированных, плохо построенных и угрожающих обвалом. В особенности дело трудно, когда прежние директора предприятия, у которых была вырвана эта часть дела и которые относятся весьма недружелюбно к новой дирекции, все еще сохраняют право решающего голоса в отношении важнейших деталей.

Наш успех в этих трудных обстоятельствах является триумфом тех людей, которые отдали всю свою энергию на выполнение своих тяжелых обязанностей. Без их непрерывного труда и без их

огромной инициативы эти достижения были бы невозможны в течение такого короткого срока и в данных условиях.

Мое представление о функциях главы такого предприятия заключалось в следующем. Я понимал, что успех зависит от ясного сознания руководителем целей, к которым он должен стремиться, и наличия у него определенного плана наилучшего достижения этих целей. Успех зависит далее от уменья руководителя поставить нужных людей на руководящих постах и добиться от своих подчиненных наилучшего выполнения своих обязанностей; от постоянного, непосредственного, совершенно конкретного контроля над жизнью предприятия (без загромождения деталями), с тем чтобы руководитель мог сразу видеть все имеющиеся пробелы и немедленно принимать меры для устранения замеченных недочетов.

От имени моих компетентных сотрудников и от своего собственного я заявляю, что в критический момент нашей истории мы выполнили наш тяжелый долг перед родиной.

Глава двадцатая

ОТНОШЕНИЯ СОЮЗНИКОВ С АМЕРИКОЙ

В начале войны я по должности не был занят нашими дипломатическими отношениями с нейтральными державами. Тем не менее позиция Соединенных штатов Америки по отношению к союзникам представляла для меня вполне определенный интерес, так как эта великая страна являлась единственным важным заграничным источником снабжения военными материалами. Я же, как об этом уже упоминалось выше, с самого начала работал в этой области. Как член первой правительственной комиссии по снабжению военными материалами я уже в октябре 1914 г. размещал крупные заказы военных материалов в Соединенных штатах, а как председатель комитета военного снаряжения и позднее министр военного снаряжения я отвечал за постоянно растущие заокеанские поставки, которые постепенно приняли огромные размеры.

Поэтому в рассматриваемый период я имел особые основания следить за развитием наших отношений с Америкой. Поддержание хороших отношений было не только необходимым условием бесперебойного хода нашего военного снабжения, оно имело также жизненное значение для обеспечения справедливого и удовлетворительного исхода борьбы, когда бы ни суждено было пробить часу мира.

По мере того как продолжалась война, нейтральные страны часто оказывались в затруднительном положении. Находясь в мирных отношениях со всем миром, они естественно старались поддерживать нормальные торговые отношения с обеими воюющими сторонами и по возможности использовать благоприятную конъюнктуру, чтобы заработать на увеличенном объеме поставок и на поднявшейся доходности коммерческих сделок; они старались не упускать дополнительных поставок и воспользоваться вздутыми ценами, которые стали возможны благодаря ограничениям торговли, порожденным войной. Но загребая большие прибыли, они в то же время подвергались большему риску и менее щепетильному обращению. Народы, борющиеся за свое существование, не могут каждый раз терять время на соблюдение формальностей. Каждое

их действие есть акт войны, и их позиция в отношении нейтральных держав диктуется не соглашениями мирного времени, а требованиями беспощадной борьбы.

Поэтому страна, которая стремится во что бы то ни стало оставаться нейтральной, должна считаться с тем, что ей придется поступиться своей амбицией и терпеть неоднократные обиды и нарушения своих интересов обеими воюющими сторонами; она вознаграждает себя за эти неприятности возросшими прибылями своей торговли военными материалами. Если трудности нейтрального положения окажутся слишком велики, перед ней возникает альтернатива: либо сделать из нарушения ее прав той или другой воюющей стороной casus belli, либо исходить не из тяжести того или иного инцидента военного времени, а из своего взгляда на правых и виноватых в основном конфликте. Короче говоря, именно такова была проблема, с которой столкнулись Соединенные штаты Америки в течение мировой войны. До Армагеддона Соединенные штаты держались совершенно в стороне от запутанных отношений старого мира; эта традиция воплощена в их доктрине — «Америка для американцев», а по адресу Европы — «Руки прочь от нашего континента». В свою очередь Америка была согласна предоставить остальной мир исключительно Европе.

Правда, полковник Хауз, alter ego президента Вильсона, очень интересовался международными отношениями и летом 1914 г. посетил Европу в роли незаинтересованного и благожелательного советника, с тем чтобы способствовать улучшению отношений между всеми и каждым. В пользу его и Теодора Рузвельта говорит их понимание, что теоретическая изоляция Америки уже не имеет более никакой основы в действительности и что пожар в Европе самым коренным образом заденет и Америку, будет ли она игнорировать этот пожар на словах или нет. Вызванный столь благими намерениями визит полковника в Европу остался безрезультатным. Это не было виной самого Хауза. Голос благоразумия, проповедуемого в мягком и любезном тоне, не мог быть услышан из-за грохота надвигавшейся бури. Хауз встретил сердечное сочувствие к своим идеям в Англии, застал трескучий милитаризм в Германии и политический хаос во Франции. Что касается массы американского народа, то его мысли и интересы были так далеки от этих событий, словно они происходили на другой планете.

В первой стадии войны народ в Соединенных штатах в своем подавляющем большинстве был за сохранение твердого нейтралитета по отношению к войне в Европе, как это было и в Англии за три дня до объявления войны. В Англии и Франции полагали, что по мнению большинства американского народа правда на стороне союзников, хотя среди многочисленного немецко-американского населения Штатов центрального запада господствовало определенно германофильское настроение, а ирландское население сохраняло постоянную враждебность к Англии. Считали, что интеллигенция на стороне союзников. Сэр Гильберт Паркер, извест-

ный канадский беллетрист, произвел в октябре 1914 г. тщательный опрос американских университетов и колледжей, который показал, что симпатии подавляющего большинства находятся на стороне союзников. Но, несмотря на эту общую тенденцию, правильнее будет сказать, что в целом общественное мнение Соединенных штатов не было ни антантофильским, ни германофильским, а единственно и исключительно американофильским. Во время войны симпатии еще далеко не означают фактической поддержки. Президент Вильсон встретил всеобщее сочувствие, когда он в середине августа произнес речь, призывающую граждан Соединенных штатов соблюдать строгий нейтралитет в своих действиях и высказываниях. Даже Теодор Рузвельт выражал тогда свое удовлетворение, что Америка по своему географическому положению может остаться в стороне от войны. Разбор позиций, занятых американской печатью, произведенный сэром Гильбертом Паркером в конце сентября 1914 г., показал, что хотя гораздо больше руководящих органов печати дружественны союзникам, а не Германии, все же большинство занимает определенно нейтральную позицию и рассматривает достоинства сторон с полной объективностью и беспристрастием.

Бельгия находилась далеко. Германские истребители и подводные лодки не находились на расстоянии немногих часов от Нью-Йорка. Германские пушки в Кале не могли блокировать главный путь к мощным портам Америки. Германские цеппелины не могли бомбардировать Вашингтон и убивать женщин и детей в их жилищах. Все происходившее мало затрагивало Америку.

Помимо этого и моральная сторона дела представлялась американскому сознанию довольно противоречивой. У нас многие напрасно удивлялись такому отношению со стороны Америки. Преисполненные негодования по поводу незакономерного вторжения Германии в Бельгию и страха перед призраком чудовищного прусского милитаризма, они не могли понять, как это великая демократия по ту сторону океана может хоть на минуту сомневаться в правоте дела, за которое мы подняли меч, и не присоединяется к нам для защиты свободы и справедливости.

Но для американских наблюдателей дело было не так просто. 22 августа 1914 г. полковник Хауз писал президенту Вильсону:

> «Самым печальным в положении мне представляется то, что я не вижу, чья победа приведет к лучшим результатам. Победа союзников будет означать в значительной степени господство России на континенте Европы, а победа Германии будет означать для грядущих поколений неописуемую тиранию милитаризма».

Англия и Франция никогда не были в состоянии полностью понять, каким препятствием для их пропаганды в нейтральных странах является их союз с царизмом. Америка содрогалась при мысли о каком-либо тесном сближении с русским правительством — грубым, тираническим и развращенным, действительно прогнившим

до мозга костей. Это в значительной мере нейтрализовало тот ужас, который внушала трагедия Бельгии. К тому же важную в политическом отношении роль играют в Америке ирландцы, воспитанные в ненависти к Англии; эта ненависть стала у них своего рода религией. Будем справедливы. В продолжение столетий Англия давала жестокие основания для этой закоренелой вражды, и по сию пору мы не исправили того зла, которое мы нанесли чувствительной душе ирландца. Прибавьте сюда то обстоятельство, что в силу старой традиции американцы привыкли к мысли об Англии как о деспотической монархии, из когтей которой Штаты освободились в героической войне за независимость. К нейтралитету побуждали и другие соображения. Немецкая часть населения Соединенных штатов пользовалась большим уважением, отличалась трудолюбием и мирными наклонностями. Эти черты делали мало правдоподобной легенду о зверствах пруссаков. Мало того, эта часть населения располагала миллионами голосов, очень ценных, могущих определить исход критических выборов. При таких обстоятельствах ясно, что сведения об общей симпатии Америки к союзникам надо было принимать лишь с значительными оговорками. Американцы могли всячески желать победы союзникам, но этого было еще недостаточно, чтобы они согласились терпеливо нести потери и ущерб во имя этой победы.

Короче говоря, Америка не была обязана каким-либо договором вступить в войну на той или другой стороне. В Соединенных штатах преобладал взгляд, что в общем и целом право на стороне союзников, но этого было недостаточно, чтобы выступление заодно с союзниками явилось в сознании народа долгом чести. За отсутствием такого обязательства вопрос о нейтралитете или участии в войне становился для Америки только вопросом относительной целесообразности. В интересах Америки была поддержка своей торговли, своего престижа, безопасность своих граждан и сохранение своего молодого поколения невредимым в стороне от разыгравшейся бойни. Америка могла быть вынуждена к войне только в том случае, если бы участие в ней лучше, чем нейтралитет, могло охранять ее интересы.

Случилось так, что моральные симпатии американцев в общем были на стороне союзников. В то же время нарушение торговых интересов Америки было в большей степени возможно также со стороны союзников. Главная сила Германии была на суше, Британии — на море. Вторжение немцев в Бельгию, опустошение ими Франции могли вызвать в Америке моральное возмущение. Но это не касалось кармана самих американцев. С другой стороны, принятые Англией твердые меры против проникновения в Германию военной контрабанды причиняли серьезные затруднения американскому судоходству и являлись прямым нарушением американских торговых интересов. Часто трения, вызываемые этими мерами, создавали между обеими странами настолько опасную атмосферу, что, казалось, дело было на волосок от того, чтобы повести к разрыву

дипломатических отношений. Раз или два язык протестов граничил с угрозами.

Против этих отрицательных моментов действовал тот факт, что Англия была безусловно самой богатой из воюющих держав и могла разместить в Соединенных штатах — и платить за них наличными — колоссальные заказы военных материалов для себя и своих союзников. Если мы нарушали возможную торговлю Америки с нашими врагами, то мы по крайней мере открывали Америке прекрасный рынок в Англии, Франции и России, давали ей заказы, которые стимулировали, подымали на небывалую дотоле высоту ее промышленность. Это удерживало руку американского правительства, когда перед ним, раздраженным до крайности каким-либо новым инцидентом в области блокады, возникал вопрос о репрессиях.

В течение 1914 и 1915 гг., пока предстоящие в 1916 г. президентские выборы не стали оказывать влияние на политическую атмосферу и не внесли новых осложнений в политическую жизнь, история отношений Америки и воюющих держав была историей постоянного колебания между обеими сторонами в связи с подобными инцидентами. Любой из них мог легко склонить чашу весов в пользу участия Америки в войне, если бы он не находил себе противовеса в новых конфликтах, на этот раз с другой стороной, и если бы не непреклонная воля президента Вильсона, стремившегося по мере сил удержать страну от войны.

Как я уже говорил, в первые недели войны общественное мнение Америки было определенно на стороне союзников. Мы никогда не знали в точности, на чьей стороне находились в действительности симпатии президента Вильсона. Мы чувствовали, что в той грандиозной борьбе, которая все время развертывалась перед его глазами, он был бы поистине сверхчеловеком, если бы в душе не склонялся на ту или другую сторону, что бы он ни делал и ни говорил. Но его поведение было в такой мере умышленно нелюбезным по отношению к обеим воюющим сторонам, что каждая из них подозревала его во враждебности именно к ней. Мы знали лишь, что президент был строг в своих суждениях о действиях союзников, и не понимали, что это вытекало из боязни, как бы его личные симпатии не повлияли на то строгое беспристрастие, которое он считал своим долгом и к которому он себя принуждал.

Англия пользовалась своим морским могуществом, чтобы не допускать военных поставок центральным державам даже через нейтральные государства. Это не замедлило вызвать крик возмущения в Америке, в особенности со стороны мощного медного треста. Медь была крайне необходимым материалом для изготовления военного снаряжения, и мы делали все, что могли, чтобы не пропускать ее привоза в Германию. Если бы Германия могла пользоваться только своими собственными портами, это было бы для нас совсем простым делом. Но она была окружена нейтральными государствами — Голландией, Скандинавией и вначале Италией; товары отправлялись как будто за счет этих стран, но на самом деле предназначались

для Германии. А Соединенные штаты были очень крупным производителем меди.

5 октября 1914 г. сэр Сесиль Спринг-Райс, наш посол в Вашингтоне, писал:

> «Медные интересы здесь очень могущественны... Мы должны найти способ парализовать работу Круппа, не разоряя горнопромышленных штатов, представители которых пользуются вниманием министра иностранных дел и имеют решающее влияние в сенате».

3 ноября он писал:

> «Мы господствуем на морях и по этой причине мы, вероятно, придем в столкновение со всеми нейтральными государствами. Душа американцев на нашей стороне, но затронут их карман. Медь и нефть дороги американскому сердцу; экспорт имеет для них большое значение. Мы препятствуем экспорту, и поднятый по этому поводу шум все растет. Мы, вероятно, поступали бы точно так же. Но скоро этот шум станет очень яростным...»

В начале ноября 1914 г. из Англии послан был в Нью-Йорк специальный агент, чтобы попытаться разрешить эту проблему путем закупки возможно большего количества американских запасов меди; мы ставили условием согласие производителей продавать медь только тем покупателям, которые будут апробированы нами. Но это коммерческое предложение не имело успеха, так как германофильские круги пустили в ход все свое влияние, чтобы расстроить дело. Тогда мы стали задерживать у Гибралтара и в других местах все идущие в нейтральные государства грузы меди, освобождая груз лишь тогда, когда мы убеждались в благонадежности товарополучателей. Правительства нейтральных государств пришли на помощь своим фабрикантам, запретив экспорт меди; это означало, что мы пропускаем грузы, предназначенные действительно для нужд нейтральных государств. Затем мы заявили американским производителям меди, что если они будут продолжать продажу меди Германии, мы ничего не будем покупать для нас самих и будем задерживать все их отправки в Европу. Два крупнейших американских общества медеплавильных заводов вошли с нами в соглашение; вскоре большинство остальных было радо присоединиться к ним. Одной из последних пришла к нам большая группа Гугенгейма. Она была вынуждена к этому, после того как в ответ на запрос в парламенте о том, чьи грузы гарантировались соглашениями с нами, фирмам было предложено заявить об этом публично для размещения среди них заказов. В результате группа Гугенгейма дала телеграфное распоряжение своему представителю в Лондоне подписать соглашение с адмиралтейством.

В начале марта 1915 г. мы обеспечили за собой контроль над 95% всего экспорта меди из Соединенных штатов. Могучее влия-

ние медного треста не представляло уже более опасности для добрых отношений между нами и Соединенными штатами.

К счастью для союзников жалобы американцев на наши мероприятия, затрудняющие торговлю Соединенных штатов, отступили на задний план в связи с возмущением, вызываемым некоторыми еще более противозаконными действиями немцев. Если осенью 1914 г. мы задерживали нейтральные корабли и пропускали грузы только по представлении свидетельства об их конечном назначении, то немцы расставляли мины в Северном море. От этих мин тонули нейтральные корабли без всякого предупреждения; возмущение вызывала бомбардировка немцами незащищенных курортов Скарборо и Уитсбо. В январе 1915 г. немцы пошли еще дальше: их цеппелины бомбардировали города Кингс Линн и Ярмут, а в конце того же месяца германские подводные лодки приступили к тому роду войны, которая должна была в конце концов толкнуть Соединенные штаты на участие в войне — они стали топить невооруженные торговые суда в открытом море.

Эти действия немцев усиливали в общественном мнении Америки моральное возмущение Германией. Неизменным оставался все же тот факт, что наши меры против военной контрабанды причиняли Соединенным штатам более частое раздражение. В январе 1915 г. мы узнали из хорошо осведомленного источника, что война все больше перестает интересовать Соединенные штаты и отходит для них на второй план. «Во всех просмотренных нами газетах воздушные рейды вызывали строгое осуждение, но эти факты не являлись уже больше сюрпризом. По некоторым признакам можно было судить о том, что война надоела публике. Доказательства мы имели на прошлой неделе: когда газеты сообщали о землетрясении, известия о войне перенесены были на вторую и на третью полосы». Из другого источника нам сообщали: «Известия о британском флоте здесь непропорционально скудны. Мы редко слышим о нем, за исключением тех случаев, когда то или иное британское судно бывает взорвано германской миной или когда британский корабль задерживает американский груз. Можно легко учесть, насколько опасны психологические результаты этого положения... «Военные новости» уже не такой ходкий товар, как прежде. Но телеграммы о «нарушении интересов американской торговли» расходятся бойко. Это оказывает некоторое неблагоприятное действие на людей, легко поддающихся влиянию громких заголовков».

Об общем настроении в Штатах среднего Запада нам писали: «Германская армия вызывает восхищение своими достоинствами и храбростью, но симпатии к ее целям и к идеалам Германии исчезли с того дня, как германская армия вступила в Бельгию. Войну оплакивают, считают, что она не была нужна и что ее можно было избежать; ничего не желают больше, как заключения быстрого и прочного мира. Но этот мир должен быть прочен. Мир без окончательной и прочной победы никого не удовлетворит. Здесь говорят: если уже начали такое дело, то пусть с ним покончат раз навсегда.

Тем временем здесь все усердно занимаются своими собственными делами».

К концу января 1915 г. была сделана ловкая попытка поссорить нас с Америкой. Германское торговое судно «Дакия», задержанное в июле 1914 г. в Америке, было куплено одним американским немцем. Оно было зарегистрировано как американское и отправлено с грузом хлопка для Бремена через Роттердам. Мы заявили, что отказываемся признать перенос флага, — немцы надеялись, что мы захватим американское судно и вызовем бурю негодования в Соединенных штатах. «Дакия» действительно была захвачена, но не нами, а французским флотом, и план немцев не удался. Дело Франции было популярно в Штатах, к тому же французы до сих пор играли меньшую роль в захвате военной контрабанды. Президент Вильсон, конечно, мог заявить протест Франции; так он и сделал, но без всяких результатов. Протест этот не явился кульминационным и возможно критическим пунктом в целой серии протестов, как это было бы, если бы виновной оказалась Англия.

После этого Германия объявила блокаду Англии, проводимую с помощью подводных лодок. Она заявила, что после 18 февраля 1915 г. будет пускать ко дну каждое торговое судно в морях вокруг британских островов, причем не гарантирует безопасности ни пассажирам, ни экипажу даже на нейтральных судах, так как британские корабли могут-де поднять в этих водах нейтральный флаг. Поэтому германские подводные лодки будут игнорировать национальность флага. Это вызвало со стороны президента Вильсона очень резкую ноту, на которую Германия ответила лишь обещанием пересмотреть свою позицию, если Вильсон прекратит всякий экспорт военных материалов в страны союзников и примет меры к тому, чтобы обеспечить поставки сырья и продовольствия в Германию.

Англия ответила на объявление подводной войны декретом правительства, которым фактически объявлялась полная блокада Германии. Мы не употребляли самого термина «блокада», потому что в нашем заявлении речь шла не только и не главным образом о блокаде германских портов, а о том, чтобы парализовать снабжение Германии, задерживая все корабли с грузами, о которых предполагалось, что они предназначены для неприятеля, неприятельского происхождения или принадлежат неприятелю. Конечно, это было новым, хотя и само собой разумеющимся вариантом блокады. Он стал необходим в связи с новейшим прогрессом в области транспорта, который позволял превратить каждую нейтральную гавань континента в германский порт. Естественно, что количество дипломатических нот, отправляемых через океан в том и другом направлении, стало еще больше.

В эти месяцы полковник Хауз посетил воюющие страны Европы в качестве эмиссара президента, чтобы позондировать почву на счет возможных условий мира. Его присутствие на континенте и полученное им представление о реальных возможностях несомненно помогло ему уменьшить трения между нами и Америкой. Однако

старания Хауза в пользу мира были осуждены на неудачу. На этой стадии войны он встретил в Англии готовность подойти к вопросу о мире на базисе восстановления и компенсации Бельгии, но Германия отказалась обещать восстановление Бельгии и не хотела и слышать о каких-либо компенсациях.

7 мая 1915 г., когда полковник Хауз находился в Лондоне, пришло известие о потоплении Лузитании. Это положило конец возможности мирного посредничества Соединенных штатов между Англией и Германией. В данный момент вопрос заключался уже скорее в том, смогут ли сами Соединенные штаты далее сохранять нейтралитет. Сам полковник считал, что они не могут и не должны долее оставаться пассивными. 9 мая он писал президенту Вильсону:

«Наше вмешательство скорее спасет человеческие жизни, нежели увеличит их потери». «Америка остановилась на распутьи, она должна решить, стоит ли она за цивилизованный или нецивилизованный способ ведения войны. Мы не можем более оставаться нейтральными зрителями. Наше поведение в настоящий критический момент определит наше участие и роль при заключении мира, степень нашего влияния при установлении длительного мира на благо человечеству. Наше участие брошено теперь на чашу весов, наша позиция — в центре внимания всего человечества» *.

Президент Вильсон отправил Германии резкую ноту; но это был протест, а не ультиматум. Австрийский посол в Вашингтоне говорил с министром иностранных дел Брайаном и получил уверения в том, что Америка не намерена воевать. Он немедленно известил об этом Берлин, и это ободрило германское правительство, проявившее неподатливость. За стуком президентской пишущей машинки не было слышно более грозного шума. Тем временем Хауз пытался добиться от Германии прекращения подводной войны на том условии, что Англия откажется от захвата продовольственных грузов для Германии. Сэр Эдуард Грей был готов согласиться на рассмотрение этого проекта **. Он ни разу не запросил мнения кабинета об этом предложении. Сделай он это, министры энергично отвергли бы такой выход. Я не могу сказать, советовался ли он с премьером, прежде чем выразил свою готовность пойти на соглашение на такой основе. Однако Германия, уверенная, что Америка ни при каких обстоятельствах не будет воевать, упорствовала. Она отклонила предложение и заявила, что имеет продовольствие в изобилии и нуждается лишь в сырье. Конечно, не могло быть и речи о согласии на пропуск сырья для германских военных заводов, и предложение провалилось. Если бы Германия согласилась на идею полковника Хауза, то весь ход войны мог бы быть иным. Несомненно, тогда население Германии не голодало бы в 1918 г. А это значит, что тогда не было бы революции в ноябре 1918 г. и что война продолжалась бы еще год. Кроме того Германия в таком случае не

* Intimate papers of Colonel House, Vol. I, p. 434.
** Там же, стр. 443.

объявила бы, что будет топить все суда без разбора, что втянуло Америку в войну. На этот раз дерзость германского милитаризма привела его к новому промаху, а это спасло нас от одной из самых худших наших ошибок.

В связи с нашей политикой блокады я желал бы отдать здесь должное заслугам лорда Роберта Сесиля, который настоял на энергичном и полном проведении необходимых мероприятий в этой области. 31 мая 1915 г., когда он стал товарищем министра иностранных дел, приказ о репрессалиях был уже в силе. Тем не менее в высоких сферах наблюдались колебания в проведении этого приказа, на что указывает готовность сэра Эдуарда Грея пойти на предложение полковника Хауза и обсудить вопрос об отказе от политики блокады. Лорд Роберт Сесиль не разделял этих колебаний. В совете министров и в своих публичных выступлениях он настаивал на строгом проведении приказа. Он последовательно высказывался за энергичные меры. Его деятельность в министерстве иностранных дел направлена была к той же цели. Наконец, в феврале 1916 г. решено было назначить министра блокады на правах члена кабинета для координирования работы в этой области всех комиссий и ведомств. Выбор лорда Роберта Сесиля на этот пост был очевидно наиболее целесообразен, и он согласился взять на себя новые обязанности — без оплаты — в дополнение к своей работе в качестве товарища министра иностранных дел. Он был назначен 23 февраля 1916 г., и в значительной мере его энергии мы обязаны организацией в национальном и международном масштабе такой блокады, которая явилась одним из решающих факторов нашей окончательной победы.

В течение 1915 г. между Соединенными штатами и Германией продолжался обмен нотами по вопросу о Лузитании. Для пацифизма Вильсона было тяжелым испытанием, что тысяча мирных пассажиров — мужчин, женщин и детей, в том числе свыше ста американских граждан, могли быть так хладнокровно потоплены. Он выдержал это испытание, хотя на его требование по крайней мере дезавуировать действия командира подводной лодки, Германия неоднократно отвечала отказом. Американский посол в Берлине Джерард писал 1 июня полковнику Хаузу: «Немцы надеются, что им удастся в истории с Лузитанией так долго водить нас за нос, пока американская публика не забудет о Лузитании, увлекшись игрой в мяч или каким-нибудь новым скандалом». Вильсон сделал хорошую мину при плохой игре, заявив в речи, что американский народ «слишком горд для того, чтобы воевать». Президент Вильсон остановился перед решительными действиями, которых требовал от него его главный советник. Теодор Рузвельт повел характерную для него атаку против бездеятельности президента:

«Если мы не будем действовать немедленно и решительно, мы не исполним своего долга перед всем человечеством, не исполним того, чего в еще большей мере требует достоинство американской республики...

Вот уже несколько месяцев правительство соблюдает нейтралитет между правом и злом, нейтралитет, который вызвал бы восхищение и зависть Понтия Пилата, этого прототипа нейтральных всех времен» *.

Положение осложнилось вследствие того, что пока происходил обмен нот по поводу Лузитании, был взорван и затоплен другой корабль — Арабик. Тогда полковник Хауз потребовал от президента, чтобы он объявил войну без дальнейших нот; положение одно время было чрезвычайно напряженным. Однако германское правительство обещало инструктировать командиров своих подводных лодок — не взрывать впредь пассажирских кораблей без предупреждения; после очень сильного давления оно дошло даже до того, что согласилось на некоторое дезавуирование действий командира подводной лодки, потопившей Арабик. Благодаря этим запоздалым действиям, и только благодаря им, воля президента к миру могла пережить президентские выборы.

Положение не улучшилось, когда благодаря неосторожности австрийского посла как раз в это время стало известным, что австрийское посольство при содействии германского военного атташе фон Папена замышляет привести в негодность американские заводы военного снаряжения, чтобы помешать поставкам для союзников. Германские атташе фон Папен и Бой Эд, а также австрийский посол Демба были отозваны, но президент Вильсон попрежнему сохранял выдержку. Приближались президентские выборы, и Вильсон твердо решил снова предстать перед избирателями как человек, не давший вовлечь Америку в войну.

По всей вероятности американский народ в то время не был обуреваем желанием вступить в войну. 17 сентября Спринг-Райс писал: «Большинство желает здесь зарабатывать, а не воевать». В ноябре он сообщал о том, что интенсивно растут антигерманские настроения и распространяется убеждение, что победа центральных держав была бы великим несчастием для Соединенных штатов. Но на практике эта симпатия проявлялась скорее в большем рвении к заключению торговых сделок с союзниками, чем к войне с Германией. В начале октября мы заключили на американском рынке заем для финансирования наших закупок. Заем был заключен на сумму в 500 млн. долларов, он был обеспечен совместной гарантией правительств Франции и Англии и выпущен в виде пятипроцентных облигаций сроком на пять лет. В два дня подписка превысила эту сумму на 200 млн. долларов. Как доказательство симпатий к союзникам, это был весьма отрадный факт. Но сэр Сесиль Спринг-Райс, сообщая 7 октября 1916 г. об успехе займа, писал далее: «Мы не должны забывать, что американский народ желает оставаться в стороне от борьбы, если только он будет иметь эту возможность, и что правительство не может предпринять шагов, которых не одобряют широкие массы населения».

* «Fear God and Take Your Own Part», p. 353.

Таков был в общих чертах характер американского нейтралитета; такова была позиция Америки зимой 1916 г., когда Вильсон, вторично избранный президентом, выступил со своим проектом условий мира, о котором я буду еще говорить в дальнейшем.

В течение этих первых двух лет войны президент Вильсон все время был на-чеку, выжидал возможности вмешаться, сократить продолжительность или вовсе прекратить войну. Представляет особый интерес и заслуживает более подробного освещения попытка, предпринятая им зимой и ранней весной 1915—1916 гг.

Глава двадцать первая

ШАГИ ПРЕЗИДЕНТА ВИЛЬСОНА В ПОЛЬЗУ МИРА

В первые недели войны в нейтральных странах было сделано несколько попыток посредничества, но они не привели ни к чему. Мог ли президент Вильсон остановить безумие, которое вовлекло Европу в войну, своим своевременным властным вмешательством? Ответ на этот вопрос навсегда останется гадательным. Он не сделал в этом направлении никаких усилий. Вероятно он был застигнут врасплох той внезапностью, с которой прерывались переговоры и взорвался пороховой погреб международных отношений. В таком положении оказался не он один.

Когда вспыхнула война, президент Вильсон сделал жест, указывавший на самые благие намерения, но не имевший никакого практического значения. 5 августа 1914 г. он обратился к каждому из воюющих монархов с письмом следующего содержания:

> «Ваше величество! В качестве законного главы одной из держав, подписавших Гаагскую конвенцию, я считаю своим правом и долгом по статье 3-й этой конвенции заявить вашему величеству в духе самой серьезной благожелательности, что я приветствовал бы возможность для себя выступить в интересах европейского мира теперь или в какой-либо другой момент, который будет признан более целесообразным, для того чтобы оказать услугу Вашему величеству и всем участникам войны. Эта возможность сделает меня счастливым и навсегда благодарным Вам. Вудро Вильсон».

Пока это письмо отправлялось через океан, австрийцы устремились против Сербии, казавшейся им лакомой добычей; французские войска с песнями переходили границу, занимая потерянную Францией провинцию — Эльзас; наконец, германский генеральный штаб осуществлял свой излюбленный, разработанный в деталях в прежние годы план продвижения через Бельгию, чтобы окружить и уничтожить французскую армию и в течение шести недель добиться окончательной победы. Пытаться задержать натиск этих огромных сил предложением посредничества было на этой стадии столь же тщетным, как надеяться остановить падающий нож гильотины призывом

к милосердию. Если сделанное еще до объявления войны предложение сэра Эдуарда Грея о созыве конференции было едва выслушано в поднявшейся суматохе (во всяком случае оно было оставлено без внимания), то вежливая и формальная просьба со стороны сравнительно слабо вооруженной Америки могла разве только быть сочтена рекордом благих намерений.

С ответами не торопились, и все ответы, когда они наконец пришли, мало обнадеживали Вильсона. Раз вступив в войну, хотя и против своей воли, воюющие нации намерены были продолжать ее вплоть до последнего издыхания. Германия в общем побеждала, поэтому все правители не были склонны к заключению мира. Франция после бесславного начала сразу стала выбираться из тяжелого положения. Англия только начинала войну, но ее упорство так разгорелось, что не легко было потушить вспыхнувшее пламя войны. Австрия считала, что совершает карательную экспедицию против Сербии и что эта экспедиция будет для нее легким делом; между тем храбрая сербская армия вырвала добычу из ее рук и Австрия была оскорблена в своей гордости позорным уроком, который нанес ей презираемый ею народ. Она намеревалась отомстить за унижение, бросив в Сербию новые войска и подавив ее численным превосходством. Россия всегда плохо начинала; поэтому поражение при Танненберге не сломило упорства русского колосса на глиняных ногах, все еще обладавшего энтузиазмом.

Никто не желал мира. Каждую из втянутых в войну наций возмущала мысль о прекращении раз начатой борьбы. Среди этих наций было гораздо меньше пацифистов 1 января 1915 г., чем 1 августа 1914 г. Люди инстинктивно чувствовали, что эта война надолго и что, раз уже она началась, лучше довести ее до конца. Поэтому голос мира не был услышан ни в одной стране; посредничество Америки всюду было весьма непопулярно. Время для посредничества президента Вильсона уже прошло и могло наступить вновь лишь тогда, когда нации начнут испытывать истощение.

Письмо американского посла в Риме Томаса Пейджа Д. В. Брайану в ноябре 1914 г. замечательно не только своим описанием настроений военного времени, но и пророческим предвидением послевоенных затруднений:

«Американское посольство, Рим.
19 ноября 1914 г.
(Получено 7 декабря).

...я сталкиваюсь здесь с убеждением, что когда та или другая из воюющих сторон победит, Америка станет ближайшим объектом ее нападения, будь то со стороны Германии или Японии, смотря по обстоятельствам. Повидимому, надо считаться с тем, что война не окончится, пока та или другая сторона не окажется в состоянии полного отчаяния, и что до этого критического момента все предложения посредничества не будут иметь успеха. Здесь часто высказываются также в том смысле,

что если бы даже война закончилась на ее настоящей стадии, это было бы только перемирием, пока воюющие стороны, особенно Германия, не накопят достаточно сил для нового нападения с лучшим успехом, и что прочный мир будет зависеть от того, можно ли будет настоять на абсолютном разоружении...

Томас Нельсон Пейдж».

В конце 1915 г. были кой-какие толки о мире. Потери сторон превзошли все, с чем когда-либо приходилось сталкиваться в истории войн. Центральные державы продолжали сохранять преимущество, но им становилось все ясней, что они не в состоянии будут использовать его без дальнейших жертв, еще более ужасных, чем уже принесенные. Большая новая армия британской империи, хорошо обученная и полностью снаряженная, должна была впервые вступить в бой в предстоящую кампанию 1916 г. Поэтому нейтральные наблюдатели питали некоторые надежды на то, что время благоприятствует принятию определенных шагов с целью посредничества.

Президент Вильсон чрезвычайно стремился к миру. Его гуманные чувства были потрясены зрелищем бойни и варварства войны на суше и на море. Кроме того в связи с войной его затруднения как главы правительства нейтральной державы росли и усугублялись с каждым месяцем. Как я уже писал, англичане обыскивали американские пароходы, а немцы топили их. Английская блокада ежедневно нарушала интересы американской торговли. Это вызывало гнев и раздражение американцев. С другой стороны, германские контрмеры были издевательством над человечеством. Влияние войны на американских избирателей осложняло американскую политику, да и выборы президента были не за горами. Избиратели-немцы были раздражены терпимостью правительства в отношении фабрикантов, выделывающих военное снаряжение для союзников. Еще бо́льшую силу представляли голоса ирландцев, ненавидевших Англию. За исключением этих групп симпатии американцев в общем были на стороне союзников. Такое настроение общественного мнения Америки главным образом объяснялось возмутительным обращением германских легионов с Бельгией. Война против союзников была невозможна. Никакое правительство не могло бы вовлечь американское общество в такую войну. Интервенция в пользу другой стороны тоже должна была бы расколоть нацию. Эта страшная дилемма терзала бедного президента. Лучше всего подошла бы ему роль миротворца. Это соответствовало и его характеру и существовавшим политическим трудностям. Поэтому он послал полковника Хауза в качестве вестника мира; вернувшись в ковчег мира, Хауз должен был сообщить своему шефу, как обстоит дело с потопом в Европе, нет ли признаков спадения воды и не видно ли почвы, на которую могла бы ступить нога миротворца.

В этой роли полковник Хауз посетил Францию, Германию и Италию, чтобы позондировать почву насчет возможности добиться

окончания войны и узнать, какой ответ получит президент Вильсон, если он выступит официально в пользу мира. Хауз летел из столицы в столицу. В Германии, как ему пришлось убедиться, не было никакой перспективы в смысле готовности заключить мир, который удовлетворял бы идеалам президента, не говоря уже о стремлениях союзников. Самое большее, чего он добился от Бетман-Гольвега, было то, что Германия отдаст завоеванные ею в Бельгии и Франции территории в обмен за достаточное вознаграждение. В своих чрезвычайно интересных «Интимных записках» он дает яркий рассказ о беседе американского посла с германским императором:

«Кайзер говорил о мире и о том, как и кем он должен быть осуществлен. «Я и мои кузены Георг и Николай, — заявил он, — придем к миру, когда для этого настанет время». Джерард говорил, что если послушать кайзера, можно было подумать, что народы Германии, Англии и России только пешки на шахматной доске. Кайзер дал понять, что государства, представляющие собой только демократии, как Франция и Соединенные штаты, никогда не смогут участвовать в настоящей мирной конференции. Вся его позиция была такова, что война — королевский спорт, которому наследственные государи предаются столько времени, сколько им заблагорассудится...» *

Полковник Хауз прибыл в Париж еще более уверенный, что германское правительство не согласится на мирные условия, которые мог бы принять даже самый умеренный из государственных деятелей союзников. После этого он развивал ту точку зрения, что всякое вмешательство Америки должно быть облечено в форму угрозы по адресу Германии и в случае надобности сопровождаться затем открытыми враждебными действиями для сокращения продолжительности войны; более того, он считал, что такое вмешательство необходимо не только для сокращения продолжительности войны, но и для обеспечения того, чтобы условия окончательного мира были справедливы и отвечали идеалам президента, а не были продиктованы победоносными союзниками, которые разделят на части территорию побежденного неприятеля.

С этой целью Хауз предложил в Париже и Лондоне, чтобы в подходящий момент союзники согласились на предложение президента о созыве конференции воюющих стран для обсуждения условий прекращения войны; при этом предполагалось, что если союзники примут условия, которые Вильсон будет считать правильными, а немцы отвергнут их, то Соединенные штаты выступят на стороне союзников, чтобы заставить Германию дать свое согласие.

Трудно притти к какому-либо ясному заключению о приеме, оказанном миссии Хауза в Париже. Он сам получил благоприятное впечатление от позиции, занятой Брианом, тогдашним французским премьером, в отношении его миссии в пользу мира. Однако Бриан

---

* Intimate papers, vol. II, p. 139.

был одним из тех людей, которых так скоро не поймешь; даже после продолжительного знакомства вы никогда не могли быть вполне уверены, что знаете его. Он был загадкой даже для своих ближайших друзей, и ни один из них не знал его сокровеннейших мыслей по тому или другому вопросу. Однако по своему темпераменту он был склонен к роли примирителя. Ему доставляло больше наслаждения примирять, чем ссорить. Но непроницаемый в своих собственных личных взглядах, он был чрезвычайно восприимчив к мнению парламента — в этом нет никакого сомнения. А быть заподозренным в склонности к пацифистским взглядам было в Париже преступлением. Клемансо был типичным выразителем общей позиции правящих классов столицы Франции. Что касается французского крестьянства, то оно отдалось руководству Парижа и готово было держаться до конца, пока те, кто стоял у руля на страже интересов страны, считали войну необходимой для чести и безопасности Франции. Бриан вряд ли мог дать в то время согласие на участие Франции в мирной конференции, не получив самых решительных заверений, что предложенные мирные условия будут благоприятны для Франции и дадут ей гарантию безопасности в будущем. Малейший слух о готовности Бриана вести подобные переговоры несомненно повлек бы его немедленное падение. Поэтому британские министры сознавали, что лишь сангвинический темперамент полковника Хауза послужил основанием для слишком оптимистических надежд на участие Франции в попытке начать переговоры с врагом, армии которого были победоносны на всем театре войны — на востоке и на западе.

Что касается позиции Англии, то у членов кабинета имелись две точки зрения. Разница между ними заключалась не столько в том, что одни члены кабинета были за мир, а другие против, сколько в том, что большинство продолжало быть уверенным в неизбежности окончательной победы, тогда как значительное меньшинство сомневалось в возможности успеха, если война продлится еще год. Во главе этой пораженческой группы стояли канцлер казначейства и министр торговли. Их безнадежные взгляды усугубили природный пессимизм сэра Эдуарда Грея. Ренсимен опасался результатов подводной войны для нашего судоходства. По его мнению наш флот еле справлялся с перевозками продовольствия для населения страны и союзных армий и основного сырья для нас и союзников. Еще несколько тысяч тонн судов, потопленных германскими подводными лодками, снующими вблизи наших портов, и наш транспорт не в состоянии будет выполнить свою задачу.

Мак-Кенна также питал серьезные опасения насчет положения наших финансов. Он сомневался, сможем ли мы еще долго добывать необходимые средства для финансирования главных закупок за океаном для нас и союзников при том темпе, которым мы расходовали наши резервы на войну. В сентябре 1915 г. он роздал в кабинете две пессимистические записки сэра Джона Брадбери и Д. М. Кейнса. Сэр Джон Брадбери был исключительно способный

человек, с исключительно ортодоксальными взглядами на финансы и золотой стандарт. В своей записке он заканчивал пессимистический обзор финансовых возможностей следующими словами:

> «Ясно.., что если не наступит скорое и очень значительное сокращение гражданского и военного потребления или увеличение производства, благодаря отозванию части наших военных сил с фронта и возвращению их к мирным занятиям, или резкое сокращение наших кредитов союзникам, то дальнейшие займы будут возможны только путем такой кредитной инфляции сравнительно с имеющимися в распоряжении товарами, что в результате она расстроит торговый баланс и серьезно ухудшит наши возможности закупок военного снаряжения и продовольствия в Америке».

Еще большим алармистом проявил себя Кейнс в своей грозной, полной технических терминов записке. С помощью того, что он называл сверхоптимистической оценкой возможностей в Америке, мы могли, по его мнению, продержаться до конца финансового года, т. е. до 31 марта 1916 г., если наши обязательства не росли бы вследствие новых заказов — он не упоминал при этом о заказах министерства военного снаряжения на станки и ружья, — но после этого должен был наступить крах, если тем временем не будет заключен мир. О наших обязательствах Кейнс писал:

> «...*у нас есть возможность покрыть их без катастрофы в текущем финансовом году при условии, что заключение мира позволит нам немедленно после этого ликвидировать инфляцию. В противном случае расходы следующих месяцев быстро сделают наши трудности невыносимыми. Это заставляет нас заняться вопросом о значении инфляции и ее последствий*».

Затем следовало написанное в духе профессионалов финансистов изложение характера неизбежной «катастрофы», которое Кейнс заканчивал следующим образом:

> «Итак представляющиеся нам различные альтернативы в сущности сводятся к одному и тому же — разница лишь в степени. Если расточительное отношение к нашим резервам может обеспечить нам окончание войны в начале ближайшей весны, то я полагаю, что их хватит для удовлетворения наших нужд. Если, с другой стороны, эти перспективы оказываются чрезмерно оптимистическими, то надо подумать, не следует ли уже теперь ограничить расходы или же продолжать щедро расходовать средства примерно до ближайшего января, считаясь с перспективами, которые встанут перед нами к этому времени, чтобы затем, учитывая близкое будущее, сильно урезать расходы и заявить нашим союзникам, что они должны впредь сами заботиться о себе.

> Наш нынешний масштаб расходов несомненно возможен только на время, бежать так быстро можно лишь недолго, затем должна наступить сильная реакция; несомненно предстоит сокращение наших ресурсов; впредь, расходуя средства, мы должны будем спрашивать себя не только, полезен ли данный расход, но также — по силам ли он нам».

Винстон Черчилль как-то в одном из своих юмористических выступлений заметил, что Англия управляется днем 31 марта *. Поставьте всю Британскую империю на одну чашу весов и 31 марта — на другую, и этот день всегда будет перевешивать. Такова была точка зрения Мак-Кенны.

Министр финансов и министр торговли больше чем намекали на возможность голода в нашей островной стране, зависящей в подвозе продовольствия от морского транспорта. Спокойствие Мак-Кенны было потрясено этими предсказаниями его главного консультанта Д. М. Кейнса. В великом испытании Кейнс оказался слишком импульсивным и легко возбуждающимся человеком. Он готов был делать выводы с легкостью акробата. Положение не улучшилось от того, что он с той же подвижностью ртути бросался к противоположным заключениям. Кейнс — занимательный экономист, его яркие, но неглубокие диссертации по вопросам финансов и политической экономии, если не относиться к ним серьезно, всегда являются источником невинной забавы для читателя. Но канцлер казначейства, не будучи в большой мере одарен чувством юмора, искал у этого, можно сказать, эксцентричного наследника Уолтера Беджгота не развлечения, а руководства и таким образом был введен в заблуждение в столь критический момент. Канцлер казначейства впервые посадил Кейнса на шаткий пьедестал ученого пророка, думая, что одна подпись Кейнса под каким-либо финансовым документом придавала последнему высоко авторитетное значение. Это представляется тем более нелепым, что в настоящее время даже друзья Кейнса — и менее всего его друзья — в какой бы то ни было степени верят его суждениям по финансовым вопросам.

К счастью Бонар Лоу и я хорошо знали, какую цену имеют советы, исходящие от источника вдохновения канцлера казначейства; поэтому мы оба относились к фантастическому предсказанию о банкротстве Англии «весною» с той мерой уважения, которой заслуживал ветреный пророк, возвещавший Англии несчастную судьбу. На меня эти предсказания производили еще меньшее впечатление; я знал, что они являлись частью той кампании, которую казначейство вело против моей большой артиллерийской программы. Казначейству удалось напугать лорда Китченера. Я был лучше осведомлен о кредитных ресурсах страны. Бонар Лоу предложил мобилизовать американские облигации (север и юг), имеющиеся в Англии, и продать или заложить их для оплаты заказов

---

* Конец бюджетного года. — *Прим. перев.*

за океаном. Это практическое предложение было потом принято, и все пошло хорошо.

Пробил час катастрофы, назначенной пророком, а мы все еще продолжали — и даже в больших размерах, чем когда-либо — покупать за границей и платить за продовольствие, сырье и военное снаряжение; между тем наш кредит продолжал стоять на высоком уровне. Тогда предстоявшая катастрофа была отложена на осень. Конец года должен был привести к концу Британской империи. В своих предсказаниях Кейнс допустил ту же ошибку, которая развенчала репутацию покойного «пророка» Бакстера. Он слишком определенно называл дату светопреставления. Когда срок наступал и небеса не раскрывались наподобие свитка, назначалась новая дата. Так можно предсказывать раз или два, но несколько неудач дискредитируют пророка. Кабинет в целом не был поэтому подавлен теми легкомысленными картинами надвигающегося голода, которые рисовал ему Мак-Кенна; он не был подавлен, потому что перестал верить маленькому пророку, который поселился в казначействе по приглашению канцлера.

После того как полковник Хауз изложил свои взгляды сэру Эдуарду Грею и премьеру, последний нашел желательным привлечь к совещанию других министров. Поэтому решено было пригласить Асквита, сэра Эдуарда Грея, Бальфура и меня для встречи с полковником Хаузом 14 февраля 1916 г. на обеде в доме лорда Рединга. Здесь он изложил нам мысль о созыве президентом Вильсоном конференции воюющих держав для обсуждения условий мира.

Полковник Хауз рассказал в своих «Интимных документах» кое-что об этом важном собеседовании, но этот рассказ крайне неполон, и если не будет дано все содержание собеседования, то публика не в состоянии будет судить о причинах неудачи этого шага в пользу мира. Он пишет в своей книге, что на этом обеде приемлемые условия мира были сформулированы мною, который «отчасти к удивлению его (Хауза) и повидимому также сэра Эдуарда Грея» был готов согласиться на вмешательство президента. Так как последующие события определялись этими условиями и вытекали из них, я хочу точно выяснить, в чем заключалось мое предложение. Я был против созыва конференции без известного предварительного соглашения с президентом относительно минимальных условий, на которых союзники должны были настаивать с его согласия и при его поддержке. Конференция без такого соглашения в случае неудачи была бы чревата самыми серьезными последствиями для морального состояния союзных стран. Ввиду неблагоприятного положения на фронте военных действий такое фиаско было весьма вероятно. Поэтому я считал нежелательным рисковать без предварительного конкретного соглашения, что Соединенные штаты свяжут свою судьбу с нами, если с Германией нельзя будет договориться на почве этих условий.

Эти условия были приемлемы для премьер-министра, сэра Эдуарда Грея, Бальфура, лорда Рединга, а также для полковника Хауза.

Последний, который лучше, чем кто-либо, знал взгляды президента Вильсона, был убежден, что эти условия встретят также одобрение президента как справедливые. Интересно вспомнить теперь, какие условия мира удовлетворяли на этой стадии войны руководителей английской политики. Они заключались в восстановлении независимости Бельгии и Сербии и возвращении Эльзас-Лотарингии Франции, причем территориальные потери, которые несла таким образом Германия, возмещались ей уступками в других местах вне Европы. Границы между Италией и Австрией должны были быть исправлены таким образом, чтобы освободить итальянские земли, все еще остававшиеся под австрийским игом. России должен был быть дан выход к свободному морю. Необходимы были также гарантии против повторения катастрофы мировой войны.

Полковник Хауз предложил телеграфировать президенту Вильсону полный отчет о переговорах и получить его согласие на эти выводы прежде, чем английское правительство заявит о принятии им предложения президента. Сэр Эдуард Грей настаивал на том, что до принятия окончательного решения необходимо было запросить союзников.

Почему эта конференция не была созвана? Кто виноват в этом? Если бы конференция состоялась, то либо Германия приняла бы эти условия, как только поняла бы, что президент Вильсон обязался принудить ее к этому, либо, в случае если бы эти условия были отвергнуты, Америка должна была бы вступить в войну весной 1916 г. вместо того, чтобы сделать это на 12 месяцев позже. Мир был бы избавлен от целого года разрушений, опустошений и развала. Какое великое значение имела бы эта разница на целый год! Является ли причиной неудачи нежелание сэра Эдуарда Грея оказать давление на нашу союзницу Францию, или же эта неудача должна быть приписана одному роковому слову, которое президент Вильсон вставил в джентльменское соглашение, предложенное полковником Хаузом. Переданный полковником Хаузом по телеграфу документ определенно обязывал президента вступить в войну (разумеется, с согласия конгресса) в случае отказа Германии от участия в конференции, в которой готов был принять участие Вильсон с гарантией союзникам своей поддержки их минимальных требований. В своем ответе президент вставил слово «вероятно» в том месте, где говорилось об обязательстве. Сэр Эдуард Грей был того мнения, что это совершенно меняло характер предложения, и полагал поэтому, что не имеет смысла сообщать о результатах переговоров союзникам. Насколько я могу припомнить, не было сделано никаких попыток исправить положение, создавшееся после переговоров у Ридинга. Действительное объяснение заключается по всей вероятности в том, что президент Вильсон боялся общественного мнения Соединенных штатов, а сэр Эдуард Грей боялся наших союзников. Мир еще раз был принесен в жертву боязливости государственных деятелей. Таким образом этот большой и одно время многообещающий план про-

валился. Кровавые кампании 1916 г. были безрезультатны. Сотни и тысячи храбрецов пали на залитых кровью холмах Вердена, в грязи и слякоти у Соммы, в предгорьях Истрийских и Тирольских Альп, в лесах и болотах России, на склонах Карпатских гор, в выжженных солнцем равнинах Месопотамии и Средней Африки. Штабы всех армий на каждом участке этого кровавого пути были уверены, что их стратегия увенчается победой на ближайшем повороте. Генералы не хотели позволить политикам захватить славу в свои руки, когда победа казалась им уже близкой. Поэтому дискуссия о мире была отложена до тех пор, пока не умолкнет грохот орудий.

Оглядываясь назад на этот период и зная то, что стало известно лишь впоследствии, мы ясно видим, что если бы план полковника Хауза был приведен в исполнение, самое бо́льшее, чего можно было ожидать от конференции, которую мог собрать тогда президент Вильсон, было бы более раннее вступление Соединенных штатов в войну и в результате этого сокращение ее продолжительности. Вероятнее всего Германия в 1916 г. настаивала бы на таких условиях, которые были совершенно не совместимы с условиями, принятыми вместе с нами полковником Хаузом, главным представителем президента за рубежом. Секретное сообщение из Вашингтона весной 1917 г. извещало нас, что Бернсторф при вручении государственному департаменту Соединенных штатов ноты, извещающей о намерении Германии вести подводную войну без всяких ограничений, в то же время сделал полковнику Хаузу конфиденциальное сообщение, в котором в письменном виде излагались мирные условия Германии. Вот они:

«1) фактическая оккупация Бельгии;

2) выпрямление французской границы Германии с тем, чтобы включить французские территории — районы железной руды;

3) контрибуция со стороны Франции;

4) полное возмещение за все понесенные торговые убытки».

Мы видим, что эти условия не только целиком расходились с условиями, предложенными Америкой, но были совершенно неприемлемы для союзников. Эти условия исходили из того, что Германия фактически является победительницей; никакой мир не был возможен на такой основе.

Могло ли провозглашение этих условий Германией на конференции заставить президента Вильсона вступить в войну на стороне союзников в 1916 г.? Может быть, это не так уже несомненно. Президент был в это время решительным пацифистом, и возможно, что полковник Хауз приписывал ему бо́льшую готовность принять участие в войне, чем он проявил бы в действительности. Он не мог принять этих условий, но он возможно удовольствовался бы в то время попыткой противопоставить их условиям союзников и предложить средний путь, т. е. мир неприемлемый и неокончательный. Граф Бернсторф в своем до-

кладе от 6 сентября 1916 г. писал: «Вильсон считает, что было бы в интересах Америки, если бы ни одна из воюющих сторон не одержала решительной победы». Осенью Вильсон выступил в избирательной кампании с лозунгом — «удержать Америку от вступления в войну». Эта платформа помогла ему победить на выборах.

В этой связи я желал бы привести интересное письмо, с которым Теодор Рузвельт обратился в ноябре к лорду Ли оф Ферхем. В то время Рузвельт энергично выступал в пользу союзников, и Ли предложил, чтобы он посетил Англию и прочитал несколько лекций о перспективах войны. Отклоняя в своем письме это приглашение, Рузвельт намекал — и это действительно было так, — что его непримиримое выступление в пользу союзников лишило его симпатий обеих политических партий в Соединенных штатах, причем в такой мере, что вряд ли кто-либо, и меньше всего Вильсон, решится солидаризироваться с политикой, открыто проповедуемой им. Привожу это письмо:

«Sagamore Hill
10 ноября 1916 г.

Дорогой Артур!

Я тщательно обдумал Ваше предложение (от Грея письма не получил). Мой дорогой друг, я очень сожалею, что не могу сделать то, чего Вы требуете. Но я самым решительным образом уверен, что с моей стороны было бы тяжелой ошибкой поступить так в данном случае. Я советовался с Уитриджем и Беконом; оба они в настоящий момент больше заинтересованы в успехе союзников, нежели в каком-либо внутреннем американском вопросе, и они согласны со мной. Уитридж по меньшей мере придерживается определенного мнения на этот счет. Вильсон, вероятно, избран, но если бы был избран Юз, то это лишь немного изменило бы положение, поскольку речь идет о данном предложении. В течение ряда ближайших месяцев американская публика с определенной враждебностью отнесется к каждому моему выступлению, которое может быть истолковано как намерение с моей стороны давать советы общественному мнению Америки или выступать выразителем его настроений. Вильсон несомненно постарается поступать наперекор тому, что по его мнению предлагал я. Даже Юз, будучи избран, был бы недоволен малейшим намеком на то, что английская и французская общественность обращается к моим советам; мой приезд в Англию дал бы повод каждому торговцу сенсациями в желтой или даже желтоватой прессе сообщить о моих выступлениях, снабжая их своими комментариями, и к заключениям, забавным по своей лживости, но весьма вредным. Кроме того, те, к кому я обращался бы у вас, не могли бы не подумать, что мои слова имеют вес; я не хотел бы быть виновным в их обмане, так как на самом деле мои слова не имеют ни веса, ни влияния и

не разумно было бы считаться с тем, что я сказал, как со словами представителя американского народа. В настоящий момент моих симпатий так же основательно не разделяет американский народ, как в свое время английский — в 1910 г. и французский — в 1904 г. «Политика» Вильсона это — политика демократов, которые накануне едва собрали большинство голосов. Вильсон захочет выступить против каждого моего предложения. Подавляющее большинство республиканцев назначило кандидатом Юза именно потому что он не разделяет моих взглядов; они считают мудрым уклониться от тех вопросов, поднять которые я считаю крайне необходимым. Ни один политик в национальном масштабе не занял той позиции, на которую я становился в каждой своей речи (Рут на самом деле не имел ни малейшего влияния на избирательную кампанию и говорил лишь один раз перед полупустым залом). Я был единственным, кто поднял свой голос против несправедливой терпимости Вильсона к деятельности германских подводных лодок у наших берегов.

Если я поеду за границу, я не буду в состоянии дать вам ни одного совета, имеющего малейшее значение. Я только еще более утратил бы свое влияние здесь на родине, которое уже почти свелось на-нет. Я подверг бы себя чрезвычайным нареканиям. Как бы кто ни осуждал свою страну, он не может терпеть осуждение ее кем угодно из чужестранцев (Вы лично можете говорить, что угодно, и я соглашусь с Вами). Я рад был бы посетить фронт во главе американской дивизии в 12 кавалерийских полков.

Всегда Ваш
Теодор Рузвельт.

P. S. Любезный Брайс постоянно употребляет все свое влияние, которым он здесь пользуется, в пользу пацифистского сброда, который на самом деле состоит из людей, почти враждебно относящихся к союзникам».

Это горькое и полное разочарования письмо показывает, с какими сомнениями и тревогой самый энергичный американский лидер своего времени расценивал возможность решительного курса Соединенных штатов в отношении к воюющим странам Европы. Впоследствии история еще раз показала, что смелый курс вместе с тем — самый лучший.

Глава двадцать вторая

ИРЛАНДСКОЕ ВОССТАНИЕ

Продолжительная и утомительная трагедия отношений между Великобританией и Ирландией играла важную роль в мировой войне. Нет ни малейшего сомнения, что одним из мотивов, которые поощрили Германию гарантировать Австрии безусловную поддержку в сербской авантюре, были ожидания континента, что Англия в данный момент будет слишком занята ирландской проблемой и не сможет вмешаться в дела Европы. Постоянные волнения в Ирландии и политические разногласия среди английских лидеров в вопросе о целесообразной политике в отношении Ирландии внесли острую струю разногласий и партийного пристрастия в рассуждения о нашей главной задаче. Наконец восстание в пасху 1916 г., которое, хотя и было скоро подавлено, внесло печальный диссонанс и оставило осадок горечи и сознание опасности, преследовавшее нас до конца войны, а также в продолжение ряда лет после нее.

Не следует забывать, что положение в Ирландии являлось постоянным источником вражды к Великобритании со стороны обширной и имеющей большую политическую силу ирландской части населения Соединенных штатов. Если бы не обиды Ирландии, то вовсе не исключено, что Америка вступила бы в войну гораздо раньше и на столько же времени сократила бы продолжительность войны.

Я не намерен вступать здесь в спор по ирландскому вопросу. Но при рассмотрении событий 1916 г. и той роли, которую мне привелось играть при этом в смысле некоторого облегчения смуты, необходимо указать на общий фон, на котором разыгрались ирландские события.

В начале лета 1914 г. в виду того, что либеральному правительству удалось после трех лет борьбы провести закон о гомруле, протестантский Север дошел до такого состояния, которое угрожало немедленным восстанием; на Севере вооружались и проходили военную подготовку силы, готовые оказать сопротивление решению имперского парламента. Католический Юг начал копировать эту тактику и формировать отряды национальных волонтеров для

состязания с ульстерскими волонтерами Севера. В Лари из Германии шла тайная поставка ружей для Ульстера; через Хаут снабжалась оружием южная Ирландия. Парадоксально было то, что влиятельная часть английского общественного мнения приветствовала восстание Ульстера как акт лойяльности, тогда как приготовления южной Ирландии в защиту решения имперского парламента рассматривались как бунт.

Когда вспыхнула великая война, действие закона о гомруле было приостановлено, чтобы предотвратить угрозу восстания в Ульстере, поддерживаемого консервативной партией Великобритании, и обеспечить известное единство перед лицом общей опасности. На время эта мера достигла своей цели, но можно сомневаться, была ли она полезной на долгое время. В самом деле, в южной Ирландии, когда, казалось, ее надежды, столь близкие к осуществлению, рухнули, вначале царила тревога, вскоре превратившаяся в кипящий котел страстей; после некоторого периода борьбы и ужасных страданий ее пришлось успокаивать гораздо большими уступками, чем те, которые удовлетворили бы ее в 1914 г.

Возбуждение в южной Ирландии было обострено еще рядом совершенно ненужных безумств. Когда вспыхнула война, представитель южной Ирландии Редмонд ручался за всемерную поддержку с ее стороны и усердно помогал в Ирландии вербовке молодежи в армию. Но с поразительной бестактностью позволили старым офицерам вербовать новобранцев в Мюнстере, Коннауте и Лейнстере при звуках гимна «Боже, храни короля». Мотив гимна и песни Англии были жупелом в этих местностях и пробудили в населении мятежные инстинкты. Говоря о лорде Китченере, я рассказывал, как он разрешил пользоваться гербом красной руки Ульстера на знамени северной дивизии, но запретил поместить на знамени арфу южной Ирландии.

Эта нелепая тактика была пощечиной южной Ирландии, потушила здесь всякий след загоревшегося было энтузиазма, серьезно помешав военному набору.

В течение 1915 и в начале 1916 г. повстанческое движение росло и усиливалось. Ирландские волонтеры, войско, открыто сформированное для подкрепления шинфейнеровской политики полной независимости Ирландии, на глазах у всех проходили военное обучение и быстро пополняли свои ряды. Из Америки шинфейнеры получали денежные субсидии и мятежные прокламации. В особенности в Дублине можно было услышать на каждом шагу мятежные речи. Статс-секретарь по делам Ирландии Августин Биррель получал исчерпывающую информацию об этом движении; однако было ли это умно или нет, но он отказался утвердить крутые меры для подавления движения. Он надеялся на то, что дело не дойдет до взрыва, пока не кончится война, и довольствовался этим; после войны вступление в силу закона о гомруле должно было разрешить все трудности.

Известно, что ирландская проблема представляла чрезвычайные трудности для государственных деятелей. Как можно было принять меры против ирландских волонтеров, не принимая соответственных мер также против ульстерских волонтеров, которые тоже были вооружены для сопротивления правительству и закону? Как можно было защищать Бельгию и в то же время подвергать репрессиям Ирландию за то, что она вооружается, чтобы обеспечить себе независимость, которую признало за ней большинство в палате общин? Как можно было прибегать к репрессиям в Ирландии, за исключением случаев, когда это было неизбежным, и поддерживать дружественные отношения с Америкой, которые имели существенное значение для нашего успеха в войне? Казалось, было множество самых убедительных доводов, чтобы не предпринимать ничего. Такие доводы можно найти всегда. Ничего и не было сделано.

В апреле 1916 г. случилось то, что было неизбежно. Поощряемые Германией и ирландцами Америки вожди шинфейнеров в Дублине решили поднять открытое восстание и таким образом довести дело до взрыва. Из Германии вышел в Ирландию пароход, привезший вождя ирландских революционеров — сэр Роджера Кейзмента. Чтобы вызвать наибольший эффект, восстание было назначено в день пасхи 23 апреля — через два дня после приезда Кейзмента.

Сэр Роджер Кейзмент не прибыл в Ирландию 21, а на следующий день появились телеграммы, что он и везший его корабль захвачены англичанами. Главным штабом ирландских волонтеров поспешно были разосланы директивы отложить воскресные планы. Однако в пасхальный понедельник 24 апреля произошло восстание в Дублине и некоторых других частях страны.

Волнения в провинции были скоро и легко подавлены. Восстание в Дублине было гораздо серьезнее, и одно время столица Ирландии находилась в руках революционеров. Тогда быстро были стянуты туда войска, объявлено военное положение и в несколько дней не без кровопролития мятеж был усмирен. Несколько мятежников были преданы военному суду и расстреляны.

Очевидно дело нельзя было оставить в таком положении, и после тщательного ознакомления с ним Асквит направился в Дублин, чтобы изучить ситуацию на месте. Военное положение все еще оставалось в силе, и три главных правительственных чиновника — лорд-наместник (лорд Уимборн), статс-секретарь по делам Ирландии (Биррель) и его помощник (сэр Мэтью Нейтан) — сложили с себя свои полномочия.

По возвращении Асквит обратился ко мне с предложением взять на себя переговоры о соглашении с ирландскими революционными лидерами. Мои симпатии к их делу были известны, но я в последнее время слишком отошел от событий в Ирландии, так как всецело был занят задачей снабжения наших армий военным снаряжением, в частности для предстоящей кампании на Сомме.

Предложение Асквита пришло в неблагоприятный момент. Уже некоторое время я настаивал перед руководителями нашей политики на принятии мер в пользу более тесного сотрудничества с нашим русским союзником, т. е. на координации наших военных действий, и в результате достиг того, что был принят конкретный шаг в этом направлении. Лорд Китченер должен был отправиться в Россию через Архангельск для совещаний с русскими военными властями о более тесном сотрудничестве на фронтах. Было решено, что я отправлюсь вместе с ним, чтобы лично удостовериться и узнать правду относительно ужасающего недостатка в военных материалах в России, о чем до меня дошли сведения; я должен был также установить, каким образом английское министерство военного снабжения могло бы лучше всего помочь делу. Этим вопросом я был в то время заинтересован гораздо более интенсивно, чем той печальной домашней трагедией, которая была результатом отсутствия с нашей стороны всякой определенной политики в Ирландии.

Но мои планы были опрокинуты предложением Асквита. Оно было передано мне в письме, которое я воспроизвожу текстуально. Вот его содержание:

«10. Даунинг стрит,
Уайтхолл Ю. З.

Секретно.

22 мая 1916 г.

Мой дорогой Ллойд Джордж!

Надеюсь, Вы найдете возможным заняться Ирландией, во всяком случае на короткое время. Это — единственный случай в своем роде и нет никого другого, кто мог бы достигнуть окончательного разрешения (проблемы).

Искренне преданный Вам

Г. Г. Асквит».

По крайней мере для меня это письмо имеет особый интерес, так как оно спасло мне жизнь! Хотя мои собственные желания очень расходились с просьбой Асквита, я решил, что не могу отказать в ней и должен был заявить лорду Китченеру, что не могу сопровождать его; я просил Китченера приложить все старания, чтобы вместо меня ознакомиться с вопросами военного снаряжения в России и установить, каким образом, по его мнению, английское министерство военного снаряжения может оказать какую-либо помощь в снабжении русских армий. Как раз тогда, когда Асквит писал свое письмо, неизвестное германское судно направлялось через Северное море в холодные северные воды у Оркнейских островов; оно везло мину, которую должно было пустить наудачу у шотландского берега в надежде потопить одно из судов английского флота, крейсирующих вокруг этих островов. Две не-

дели спустя на эту мину натолкнулся „Хемпшир", на борту которого находился наш знаменитый, ставший почти легендарной фигурой военный министр. Ирландии я обязан тем, что избежал смерти на этот раз.

25 мая Асквит заявил в палате общин, что я согласился посвятить свое время и энергию поискам разрешения ирландской проблемы; он сообщил, что мое решение принято по единодушной просьбе моих коллег по кабинету. Я уже приступил к совещаниям с политическими лидерами ирландских националистов и ульстерских унионистов. Переговоры велись в министерстве военного снаряжения. Националисты были представлены Джоном Редмондом, Джоном Диллоном, Т. П. О'Коннором и Девлином. Ульстер был представлен сэром Эдуардом Карсоном и Джемсом Крейгом.

Редмонд был не только великим оратором, но и крупным государственным деятелем. В том, что ему не представилось возможности применить свои способности к переустройству своей родины, заключается одна из бесчисленных трагедий в истории Ирландии. Девлин обладал всем очарованием, остроумием и красноречием лучших сынов Ирландии. Ко всем этим достоинствам он присоединял глубокий ум и проницательность. О Карсоне, одном из самых замечательных людей Ирландии, я говорю в другом месте. Крейг (ныне лорд Крейгейвон, ирландский премьер) обладает всеми дарованиями американского политического „босса" (демагога) девятнадцатого столетия. Т. П. О'Коннор намного превосходил своих коллег светским опытом. Это делало его более терпимым и сговорчивым. Редмонд, О'Коннор, Девлин, Карсон и Крейг проявили подлинное стремление достичь соглашения. С Диллоном сговориться было трудно. Он обладал темпераментом и умственным складом фанатика. Ему всегда трудно было применить свои идеи к тирании фактов. В частной жизни это был веселый, обходительный и милый собеседник. В своих публичных выступлениях он был сварлив. В переговорах он склонен был к крайностям и неуступчивости. Его упрямство в сравнительно ничтожных деталях способствовало крушению переговоров в Букингемском дворце, происходивших как раз накануне войны. Когда он в конце концов дал свое согласие на условия, достигнутые в этих переговорах, он сделал это с мысленной оговоркой и его жесткое и придирчивое толкование соглашения оказалось впоследствии роковым, так как сделало невозможным для Редмонда и Девлина ответить на опасения унионистов хотя бы малейшей видимостью уступок.

После обсуждения я выдвинул перед ними ряд предложений. Они заключались в следующем:

1) немедленное введение в действие закона о гомруле;

2) немедленное внесение билля с поправками к гомрулю исключительно в качестве меры военного времени на период войны и на непродолжительный точно оговоренный срок после войны;

3) участие ирландских членов парламента в английской палате в полном составе в течение действия билля;

4) оставление шести ульстерских графств под имперским управлением в течение этого исключительного военного периода;

5) организация немедленно после войны конференции из представителей всех доминионов империи для обсуждения будущего управления империи, включая вопрос об управлении Ирландией;

6) окончательное разрешение в промежуток времени, который предусмотрен биллем после войны, всех важнейших вопросов, оставшихся неразрешенными: вопроса об окончательном положении находившихся на особом положении графств, вопроса о финансах и других вопросов, которыми невозможно заниматься во время войны.

Здесь дано сокращенное изложение моих предложений; в полном виде они составляют четырнадцать пунктов. Сэр Эдуард Карсон и Редмонд немедленно отправились в Ирландию для совещания со своими приверженцами относительно этого плана. Несмотря на то, что он содержал предложения, весьма мало приемлемые для каждой из борющихся группировок в Ирландии, обе стороны согласились принять их и сделать все от них зависящее для лойяльного проведения этого соглашения.

Я желал бы иметь возможность закончить на этом мой рассказ об Ирландии. Но это невозможно. План, в такой степени обещавший уладить давние претензии Ирландии и принятый обеими ирландскими партиями, был впоследствии умышленно разбит экстремистами обоих лагерей. Первое предостережение по этому поводу я получил 11 июня 1916 г. в виде меморандума видного консервативного члена кабинета накануне того дня, когда моя схема была принята ульстерским унионистским советом, и за неделю до того, как она была единогласно одобрена собранием националистов в Бельфасте. Меморандум гласил:

> «Я получил сведения из Англии и Ирландии, северной и южной, что нигде нет желания притти к соглашению, и что лидеры унионистов после совещаний в Лондоне проводят следующую линию: унионистская партия в Ирландии вынуждена была премьер-министром и министром военного снаряжения согласиться на положение, которое они считают несправедливым в моральном и политическом отношении: унионистская партия недовольна и настроена враждебно к соглашению, не намерена отказаться от своей программы и политики, каково бы ни было решение ее лидеров.
>
> «В то же время до меня доходят самые тревожные сообщения о положении в Ирландии. Если половина того, о чем я узнал, правда, то мне кажется совершенно ясным, что теперь не время заниматься каким-либо политическим экспериментом. Положение слишком разнится от того, как я представлял его себе, когда мы впервые обсуждали этот вопрос; оно гораздо серьезнее и тяжелее, и если только я не введен в заблуждение моей информацией, я считаю невозможным для себя согласиться на какие-либо условия, включающие введение гомруля, тем более, что я

имею самые солидные основания считать, что Соединенные штаты, как я всегда был уверен, что бы об этом ни говорили и ни писали, не прекратят поставок военного снаряжения и других поставок».

Это неожиданное сообщение одного из моих собственных коллег по кабинету, принимавшего участие в решении, которым я был уполномочен вести переговоры, и рассмотревшего со мной мой план, прежде чем я окончательно передал его ирландским лидерам, показывало, какую острую партийную вражду вызывал со стороны экстремистов проект умиротворения Ирландии; экстремисты предпочитали отказ от всякого соглашения принятию такого, которое не отвечало полностью их идеям. 23 июня, — в тот самый день, когда конференция представителей ульстерских националистов запротоколировала свое окончательное согласие с моими предложениями, — пять унионистских пэров опубликовали манифест, направленный против этих соглашений, то были лорды Бальфур оф Берлей, Кромер, Хельсбери, Миддльтон и Сольсбери. Два дня спустя лорд Сельборн, министр земледелия, вышел из кабинета в виде протеста против этого плана.

Следующий удар последовал со стороны лорда Лендсоуна, старого лидера ториев. 28 июня я получил следующую записку от Асквита.

«10 Даунинг стрит.
Уайтхолл, Ю. З. 1.
28 июня 1916 г.

Мой дорогой Ллойд Джордж!

Ознакомьтесь пожалуйста с прилагаемым письмом, которое только что получено от лорда Лендсоуна.

Ваш Г. Г. А.».

К этому было приложено следующее письмо:

«Лендсоун-хоуз,
Беркли сквер, 3.
28 июня 1916 г.

Мой дорогой Асквит!

Как я уверен, Вы заметили, что я лишь с большой неохотой и не без возражений дал свое согласие отложить дальнейшую дискуссию по поводу ирландского соглашения. Я сделал это не из убеждения, что дальнейшее обследование положения, вероятно, даст удовлетворительные результаты, а потому, что в связи с чрезвычайной серьезностью положения считал недопустимым отказываться от какой-либо комбинации, дававшей нам передышку.

Дискуссия под конец велась весьма наспех, и я не уверен, что Вы были в курсе дела о всем, что касалось целей обследования. Поэтому да будет мне позволено высказать свое мнение.

Нам необходимо знать не только то, будет ли при ирландском националистском правительстве сэр Джон Масквелл со своими 40 тыс. человек в состоянии подавить новое восстание шинфейнеров и будут ли наши военные и морские силы достаточны, чтобы предупредить высадку немецко-ирландских войск. Вопрос заключается скорее в том, будет ли возможно при националистском правительстве выступать быстро и решительно против внутренних беспорядков, т. е. против спорадических, но организованных беспорядков, возникающих одновременно по всей стране. Сможем ли мы покончить с ними столь же быстро и решительно, как если бы они произошли теперь?

Другой пункт, который по моему мнению нужно выяснить, заключается в следующем. Понимают ли Редмонд и Девлин, что с организацией националистского правительства мы попрежнему будем применять законы о защите королевства и что их предложение о применении в условиях нового режима нормальных законов неприемлемо?

Понимают ли они, что обещание Девлина о немедленной амнистии лиц, находящихся теперь в заключении за участие в недавнем восстании, также неприемлемо?

Я слышал, что Вы третьего дня предложили унионистам юго-западной Ирландии сформулировать свои требования о гарантиях, которые представляются им необходимыми.

Если удастся поторопить их изложить свои требования, и если мы найдем их разумными, можно ли будет потребовать от националистских лидеров принятия этих требований как одного из условий соглашения?

Примите уверения в совершенной преданности

(подписано) Ленсдоун».

10 июля Асквит сделал сообщение в палате общин, в котором изложил главные черты достигнутого соглашения. На следующий день лорд Ленсдоун говорил в палате лордов о том же соглашении в выражениях, которые Редмонд характеризовал, как «грубое оскорбление Ирландии..., объявление войны ирландскому народу и возвещение политики репрессий».

17 июля в Карльтон-клубе состоялось собрание консервативных членов обеих палат имперского парламента, на котором была образована «Имперская унионистская ассоциация» с целью «наблюдения за переговорами по ирландскому вопросу между правительством и националистской партией». Эта ассоциация приняла резолюцию, призывавшую к суровым репрессивным мерам в Ирландии и направленную против немедленного введения гомруля в какой бы то ни было форме. Сообразно желаниям их сторонников, консервативные члены коалиционного кабинета настаивали на внесении серьезных изменений в условия, которые были установлены между мною и ирландскими лидерами, когда уже составлялся текст соответствующего законопроекта.

Редмонд изложил это положение 24 июля, когда обсуждался вопрос об отсрочке заседаний палаты общин. Сэр Эдуард Карсон, сохранивший спокойствие, когда речь шла об исключении шести графств из схемы соглашения, стал энергично настаивать на необходимости соглашения с Югом. Но другие консервативные члены кабинета упорствовали и до тех пор кромсали установленные мною первоначальные условия, пока Редмонд отказался в конце концов принять их.

Дело закончилось заявлением Асквита в палате общин 31 июля, что Х. Е. Дюк, член парламента от Экзетера, будет назначен главным секретарем по делам Ирландии. Таким образом мы снова возвращались к старой неудовлетворительной системе контроля, о которой королевская комиссия, расследовавшая вопрос об ирландском восстании, писала в своем отчете от 26 июня, опубликованном 3 июля 1916 г.:

«Если рассматривать систему управления Ирландией в целом, то ее нельзя считать нормальной в спокойные времена, в то же время ею почти нельзя пользоваться в критические моменты».

Возрождение этой «ненормальной» и «почти неосуществимой» системы вело к неуклонному росту недовольства; кульминационным пунктом недовольства был хаос послевоенных лет; так последовало окончательно разрешение ирландской проблемы на основах, которые заключали гораздо большие уступки для южной Ирландии, чем те, которые должны были быть сделаны по предложенной мною схеме.

Глава двадцать третья

ПЕРЕД ВВЕДЕНИЕМ ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

Ни один государственный деятель никогда не задумывался над тем, что участие Англии в европейской войне могло не ограничиться применением нашей нормальной регулярной армии. Наше представление об этом участии было воплощено в экспедиционном корпусе, созданном Холденом. После объявления войны мы призвали под знамена 100 тыс. добровольцев. Предполагалось, что они займут места тех, кто будет выведен из строя. Только тогда, когда число добровольцев далеко превысило самые смелые надежды энтузиастов, в представлении правительства и парламента усилилось значение той роли, которую нам суждено было сыграть на полях сражения Армагедона.

Мы представляли себе наше участие в войне в согласии с традиционной ролью Англии в континентальных войнах. Наш флот должен был контролировать моря в интересах союзников. Наше богатство должно было помочь финансировать их заказы за границей. Наша же армия должна была играть в войне второстепенную роль.

Почему в таком случае не была введена всеобщая воинская повинность с того момента, когда правительство решило создать армию в континентальном масштабе? Разумеется, это было бы самым действительным способом организовать людские резервы страны.

Идея всеобщей воинской повинности была чужда британскому народу; между тем на британских островах мы медленно меняем свои взгляды. Рожденные в стране, которая в продолжение веков не знала нашествия неприятеля, мы привыкли посылать за пределы нашей страны только небольшие профессиональные армии, ряды которых могут пополняться добровольным набором с помощью сержанта-вербовщика, благодаря приманке мундира и казенного содержания. Нашей национальной защите служит флот, где было нужно гораздо меньше людей, чем в армии; нужды флота даже в самые тяжелые моменты борьбы с Наполеоном (когда ловили людей для отдачи в матросы — обычай, канувший в лету забытых зол) беспокоили только приморские города и их окрестности.

Мы не только не свыклись с мыслью о всеобщей и принудительной воинской повинности, но нам свойственна также сильная

традиционная антипатия к созданию мощной военной силы как возможного орудия тирании и нарушения свободы личности; к тому же широкие слои населения склонны были смотреть на ремесло солдата с подозрением и презрением.

Кроме того в первые дни войны лишь немногие сознавали, что война затянется надолго. Предполагалось, что ни один народ не в состоянии будет выдержать войну в современном масштабе дольше, чем в течение короткого времени. В этом согласны были пацифистские и военные писатели. «Война кончится к рождеству» — был популярный тогда лозунг, которым пользовались для оправдания другого лозунга: «дела — как всегда».

По этим соображениям те, кто нес главную ответственность за истолкование воли народа, считали невозможным провести в начале войны мобилизацию всей страны, подобно тому как это было сделано во Франции. К этим аргументам отрицательного характера следует прибавить тот положительный факт, что в первые месяцы приток добровольцев был более значителен, чем возможность военных властей справиться с ним. За первые три месяца войны зачислено было 900 тыс. новых солдат, в среднем по 300 тыс. в месяц, в дополнение к запасным, призванным под знамена, и к территориальным частям, уже зачисленным в действующую армию. Военные власти не имели ни казарм, куда поместить всех этих людей, ни амуниции для их обмундирования, ни оружия, чтобы обучать и тренировать их. Мы совсем не нуждались в особых мерах, чтобы обеспечить прилив людей в армию; напротив, мы вынуждены были повысить требования насчет физической пригодности, чтобы задержать этот бурный поток, с которым мы не могли справиться.

Однако с течением времени ряд событий изменил положение.

Военные власти с своей стороны создали к тому времени, когда спал первый наплыв новобранцев, импровизованную организацию снабжения новой армии в беспримерном масштабе. Приток добровольцев к концу года сократился в среднем до 30 тыс. человек в месяц.

Уже к концу 1914 г. выяснилось, что в условиях добровольного набора в армию ушло много людей, незаменимых на заводах военного снаряжения и в других гражданских профессиях, необходимых также и во время войны. Были сделаны попытки вернуть некоторых из них обратно, но эти попытки спасти уцелевших не увенчались значительным успехом. Отсюда следовал тот очевидный вывод, что надо более разумно распоряжаться нашими людскими ресурсами, если мы не хотим испортить все дело и проиграть войну.

Война не кончилась к рождеству. Напротив, выяснилось, что это будет затяжная борьба, которая не только потребует от нас гораздо больших военных сил на континенте и на других фронтах, нежели мы ожидали вначале, но и постоянного прилива свежих сил для пополнения потерь и поддержания численности армий.

Когда народ понял, каковы были масштабы войны и ее значение для нас как борьбы не на жизнь, а на смерть, антипатия народа

к военной службе исчезла, и ее место заняло разумное возмущение при виде молодых, здоровых, окопавшихся в тылу людей, когда отцы семейств были в окопах.

Все это ослабляло позицию тех, кто продолжал настаивать на системе добровольного набора, и подготовляло умы к отказу от этой системы, если она окажется неспособной доставить армии достаточное количество новых солдат.

В числе трудностей, которые надо было преодолеть, прежде чем перейти к всеобщей воинской повинности, не последнюю роль играла вражда к защитникам этой системы. В довоенное время представление о ней соединялось в умах народа с крайним джингоизмом; вследствие этого сопротивление всякой мысли о всеобщей воинской повинности стало своего рода символом веры некоторых либералов и социалистов. Агитация в пользу этой системы была поднята в начале войны в том самом лагере, который оживил старые распри и дал воинской повинности таким образом видимость партийного лозунга. Для правительства было бы гораздо легче ввести всеобщую воинскую повинность уже на первых порах, если бы этот вопрос не принял характера ожесточенного партийного спора, так что принятие этой системы похоже было на торжество шовинизма.

Моя собственная позиция в этом вопросе никогда не строилась на соображениях политической ортодоксии. Уже задолго до войны я пришел к убеждению, что многое говорит в пользу известной системы национальной военной подготовки и всеобщей обязательной военной службы для защиты отечества. Я уже писал выше, что я выдвинул эту мысль в разговоре с германским послом еще за несколько лет до войны, и что этот вопрос конкретно обсуждался в 1910 г. либеральным правительством совместно с лидерами консервативной партии.

Ретроспективный взгляд на события убеждает в том, что мы могли бы гораздо лучше подготовиться к войне 1914 г. и гораздо быстрее и экономнее довести войну до победного конца, если бы мы с самого начала мобилизовали всю страну, ее людские резервы, ее деньги, ее сырье и ее мозг — интеллигенцию — и использовали все наши ресурсы рационально и систематически в целях победы. Под конец подобное положение было фактически почти достигнуто, но этому предшествовала длинная и печальная прелюдия безрассудного расточительства и колебаний. Однако большинство членов кабинета сопротивлялось идее всеобщей воинской повинности не только в силу ее нецелесообразности, но и принципиально.

Так как было принято решение сохранить как можно дольше добровольный набор, то сделаны были все усилия, чтобы стимулировать его успех. Вначале прибегали к митингам, плакатам, литературе и другим формам пропаганды. Постепенно создали иные более систематические методы набора, и только после того, как все эти неоднократно применявшиеся средства вербовки оказались недостаточными для поддерживания прилива рекрут на необходимом уровне, мы по необходимости перешли к принудительной воинской повинности.

Первым из этих систематических мероприятий было создание «списков домохозяев» в начале ноября 1914 г. по инициативе парламентского вербовочного комитета. Это была перепись мужчин, пригодных для военной службы и желающих служить в армии; перепись проводилась путем посылки каждому главе семьи в королевстве циркуляров с сопроводительным письмом, подписанным Асквитом, Бонар Лоу и Гендерсоном, лидерами всех трех политических партий; в циркулярах и письмах каждого пригодного к военной службе мужчину призывали быть готовым записаться в армию.

Эта система, подкрепленная плакатами и митингами, помогала поддерживать постоянный приток рекрут примерно до 1915 г. В начале этого года, 8 января 1915 г., когда в палате лордов обсуждался вопрос о всеобщей воинской повинности, официальная точка зрения правительства на этой стадии была сформулирована лордом Крью в следующих словах: «Мы считаем, что возможность принудительной военной службы находится в настоящее время вне поля нашего зрения». По прошествии более трех месяцев я сам в ответ на запрос в палате общин заявил: «По мнению правительства, нет оснований думать, что война велась бы более успешно при наличии всеобщей воинской повинности». Обе эти формулировки, поскольку они отражали позицию правительства, объяснялись тем, что до сих пор система добровольного набора продолжала давать достаточное количество рекрут.

Что позиция некоторых из нас по этому вопросу была чисто практической, а не теоретической и доктринерской, видно из важного сообщения, сделанного лордом Холденом в уже упомянутых выше дебатах 8 января 1916 г. Отметив, что до сих пор система добровольного набора функционировала удовлетворительно и не проявила признаков развала, он заявил:

> «...По обычному праву нашей страны каждый подданный государства обязан притти на помощь государю для отражения нашествия неприятеля на наши берега и для защиты государства. Эта обязанность не сформулирована ни в каком статуте, но она нераздельно связана с конституцией страны, присуща ей. Было решено, что от каждого подданного можно в момент необходимости потребовать, чтобы он предоставил себя и свою собственность для защиты нации. Поэтому принудительная служба не чужда конституции нашей страны. В случае большой национальной нужды я считаю, что наш долг прибегнуть к ней. Я могу представить себе такое положение, в котором нам придется прибегнуть к этой системе. Во времена национальной нужды все другие соображения должны отойти на второй план перед интересами нации, и никакие принципы не должны встать на нашем пути, если это окажется необходимым».

Это заявление было важно не только потому, что давало анализ обычного права в вопросе о принудительной национальной службе, но также как показатель того, что лорд Холден и его единомышлен-

ники в кабинете подходили к вопросу исключительно с точки зрения практической целесообразности и не имели никаких теоретических возражений или предубеждений против этой меры. Укажу здесь также на заявление, сделанное мною 3 июня в Манчестере; я уже говорил о нем в моем очерке, посвященном министерству военного снаряжения. В этом заявлении я подчеркивал, что во всеобщей воинской повинности нет ничего антидемократического; напротив, каждая великая демократия прибегала к ней в моменты национальной опасности именно как к демократическому оружию самозащиты; если окажется необходимым, мы должны без колебаний применить то же оружие в настоящей войне.

> В самом деле, уже задолго до того, как на меня возложена была главным образом задача создания министерства военного снаряжения, я к ужасу своему увидел, что стихийный характер добровольного набора во время столь великой национальной нужды привел к печальному расточению наличных людских ресурсов. Я старался настоять на каком-либо плане более систематического использования этих ресурсов, и одним из первых шагов нового кабинета, образованного в конце мая 1915 г. Асквитом, когда он составил первое коалиционное правительство, было поручение Уолтеру Лонгу составить билль о «Национальном реестре». Цель этого реестра была двоякая. Он должен был дать полные сведения о численности мужского населения по возрастам и таким образом позволить нам исчислить имеющиеся в нашем распоряжении людские ресурсы. Кроме того реестр должен был дать нам сведения, какие людские резервы имеются налицо для производства военных материалов.

Некоторое время было потеряно на обсуждение возникших при этом вопросов, но в конце концов 5 июля билль о «Национальном реестре» был внесен в парламент и получил значительное большинство. Оппозиция против него исходила главным образом из предположения, что этот билль является предварительным шагом к введению всеобщей воинской повинности; она была представлена небольшой группой либеральных и лейбористских членов парламента, в том числе бывшим министром Хобхаузом и, разумеется, Макдональдом, Сноуденом и Томасом, которые в течение всей войны систематически противились всем попыткам привлечь людей для национальной защиты. Действительно за три месяца до того независимая рабочая партия, вождем которой был Рамзей Макдональд, приняла на своей ноябрьской конференции резолюцию, порицавшую официальную рабочую партию за ее помощь в наборе солдат в армию.

Данные «Национального реестра» показали, что в Великобритании имеется свыше пяти миллионов мужчин призывного возраста, не служивших еще в армии. Конечно значительное количество физически не было пригодно к военной службе, кроме того известное количество было занято в «забронированных» профессиях и считалось не подлежащим призыву, так как эти люди были незаменимы в

национальной промышленности и особенно в производстве военного снаряжения. Подсчитано было, что из указанного числа может быть взято в армию от 1 700 тыс. до 1 800 тыс. человек, физически пригодных и еще не служивших в войсках. Впоследствии оказалось, что это была преуменьшенная оценка наших людских резервов.

В то время как составлялся этот реестр, правительственная комиссия по изучению наших людских и финансовых ресурсов произвела в августе 1915 г. обследование положения; в своем отчете от 2 сентября 1915 г. комиссия подчеркивала, что система добровольного набора не дает нам возможности развернуть наши военные силы в соответствии с возможностями страны. Лорд Китченер ставил целью получить к концу 1916 г. армию в 70 дивизий на всех театрах войны.

Комиссия считала, что «армия в 100 дивизий представляла бы более правильное соотношение с усилиями наших союзников и более соответствовала бы грозившим нам опасностям». Признавая ценную помощь нашего флота, казны и промышленности для дела союзников, «нельзя не считать, что армия в 70 дивизий является с нашей стороны действительно приходящимся на нашу долю вкладом людьми сравнительно с тем, что дают союзники».

Тем не менее комиссия, исходя из намеченного плана в 70 дивизий, установила, что принятые до сих пор методы будут недостаточны для достижения этой цели. Кроме регулярных резервов и территориальных войск, мобилизованных в начале войны, новые рекруты, принятые и зачисленные в армию, составили за 13 месяцев 1 888 тыс. человек. «За последние месяцы приток добровольцев составлял в среднем 20 тыс. в неделю, что, вероятно, было равносильно действительному увеличению наших военных сил на 19 тыс. человек». Лорд Китченер требовал в качестве минимума 30 тыс. человек в неделю; через месяц он поднял эту цифру до 35 тыс.

> «Даже цифра в 20 тыс. человек в неделю могла быть достигнута только с помощью постоянной вербовочной пропаганды среди отдельных лиц и с помощью всякого рода социального, а в известных случаях и экономического давления по отношению ко всем категориям мужского населения (за исключением рабочих на заводах военного снаряжения) в возрасте от 17 до 45 лет, безразлично женатых или холостяков, производительно работающих или нет, могущих быть отнятыми у их профессии и района или нет».

Комиссия приводила данные, заимствованные из заявлений министра торговли, канцлера казначейства, лорда Китченера и пишущего эти строки. Привожу следующие извлечения из его передачи моего собственного материала:

> «Спрошенный комиссией, какую форму принуждения он считает необходимой, министр военного снаряжения Ллойд Джордж ответил, что правительство должно потребовать те же

полномочия, какими пользуются во Франции. В пределах известного возраста он обязал бы каждого служить в армии, будь то в самой стране или за рубежом, причем только на время войны. На основании общих и основных полномочий закона можно провести все остальное».

В своих заключительных замечаниях я заявил (в передаче комиссии):

«Вы не обойдетесь без тех или иных мер военного принуждения или принуждения к военной службе. Чем дольше вы будете откладывать это, тем ближе вы будете к катастрофе. Я уверен, что вы не можете обойтись без этого. Я не верю, например, что без этого вы можете содержать на фронте армии нужной численности, разве только вы сознательно урежете их численность до цифры, которая окажется недостаточной и о которой заранее известно, что она будет недостаточной. Число людей, которых мы должны будем послать на фронт, никоим образом не зависит от нашего усмотрения. Оно будет зависеть от германцев и от того, что германцы будут делать в ближайшие три месяца в России. Если им удастся в течение 1916 г. выбить русских из строя, как большую наступательную силу, то держать на фронте 70 дивизий равносильно самоубийству *. И не только это; это равносильно убийству, ибо посылать на фронт явно недостаточное число людей — это то же самое, что убивать своих собственных сограждан, при том нисколько не достигая своей цели...»

Министр торговли Ренсимен доказывал комитету, что на основе имеющихся в его распоряжении статистических данных, если оставить достаточное количество людей для нужд промышленности, то для армии останется менее половины контингента, который лорд Китченер считает необходимым для поддержания (в полном составе) своих 70 дивизий; из них не более половины можно будет обеспечить путем добровольного набора. Комитет полагал, что эта аргументация «должна по всей видимости непосредственно привести, пусть бессознательно, к принудительной военной службе» (Ренсимен стоял во главе оппозиции против нее). Однако комитет не соглашался с тем, как Ренсимен одним росчерком пера исключал в своих вычислениях многочисленные категории возможных новобранцев.

Заявление министра финансов Мак-Кенны сводилось к тому, что Англия не в состоянии оказывать финансовую помощь своим союзникам и в то же время держать на фронтах армию в 70 дивизий. Мы можем выполнить ту или другую из этих задач, но не обе вместе. Комитет нашел эти доводы остроумными, но не убедительными и напомнил кабинету, что «тогда как несколько месяцев тому назад совершенно отрицали возможность получить значительный

---

* В 1918 г. мы имели 89 дивизий, включая войска доминионов и др. *Прим. автора.*

заем в Соединенных штатах и несколько недель тому назад уверяли, что 20 млн. фун. ст. являются предельной максимальной цифрой в этом отношении, министр финансов надеется занять в настоящем году, начиная с этого квартала, 100 млн. фунтов и повторить эту операцию в следующем году».

Лорд Китченер заявил комитету, что «его долгом будет потребовать от парламента перед концом года принятия закона, дающего ему полномочия на применение принудительных мер». Впрочем, он прибавил, что сожалеет, что вопрос о принудительной службе поднимается в настоящее время; он намерен был сам выбрать для этого подходящий момент и поставить этот вопрос перед страной как внепартийную меру военной необходимости, между тем теперь этот вопрос снова становится предметом партийных споров. Прежде чем высказаться в пользу той или иной схемы принудительного характера, ему необходимо познакомиться с результатами национального кадастра.

В своем отчете от 2 сентября 1915 г. комитет пришел к выводу, что «имеется достаточно людей для создания армии в 70 дивизий, но что это число не может быть получено путем набора добровольцев».

Комитет поставил следующие вопросы кабинету:

«Во-первых: следует-ли урезать программу в 70 дивизий до пределов, достижимых путем набора добровольцев, или же эта схема должна быть осуществлена с помощью принудительных мер?

Во-вторых: если принять, что должна быть проведена программа в 70 дивизий и что необходимо прибегнуть к принуждению, то следует ли принять решение тотчас же или по прошествии некоторого времени в течение этого года?»

Кабинет в это время по вопросу о всеобщей воинской повинности раскололся на три группы. Одна группа пришла к заключению, что принудительная военная служба является жизненной необходимостью для успешного продолжения войны; поэтому она стремилась внести соответствующий законопроект по возможности с наименьшим промедлением. Другой полюс представляла группа, которая по принципу или из предубеждения противилась всеобщей воинской повинности и готова была бороться против нее до последней капли крови. Между обеими группами стояли те, которые не противились в принципе введению воинской повинности и допускали, что мы должны прибегнуть к принуждению; однако они боялись признать необходимость в такой коренной перемене системы, пока не будет доказана ее неизбежность и не будет уверенности, что введение воинской повинности встретит всеобщее одобрение в народных массах.

8 октября 1915 г. лорд Китченер внес в кабинет меморандум о «наборе в армию», который начинался следующим зловещим заявлением:

«Система добровольчества, как она проводится в настоящее время, не дает того числа солдат, какое необходимо для поддержания армий на фронте в требуемых размерах».

Он предложил ввести систему воинской повинности по жребию на основе данных «Национального реестра». Каждый округ должен был дать определенное число людей в соответствии с указанием в реестре. Если добровольный набор не даст полного контингента, то для пополнения его прибегают к жеребьевке между годными для службы и еще не вступившими в армию.

Однако этот план встретил суровую критику как слишком громоздкий и непрактичный. Признано было, что, если нельзя применять попрежнему принципа добровольчества, то приходится прибегнуть к принудительной системе в национальном масштабе.

Ее противники доказывали, — в кабинете и вне его, — что всеобщая воинская повинность невыполнима, так как добровольцы, уже поступившие в армию, не пожелают служить бок о бок с людьми, поступающими в армию по принуждению; они доказывали, что разделение армий на такие, которые будут состоять из добровольцев и из зачисленных в принудительном порядке, невыполнимо, а смешение тех и других не поведет к добру. Лорд Керзон взял на себя труд заручиться обширной анкетой, проведенной по этому вопросу среди офицеров и солдат всех разрядов во Франции; единодушный ответ был тот, что эти опасения лишены основания. Солдаты на фронте отлично понимали, что, кто не идет служить добровольно, того надо взять силой; и если нам заявляли, что эти последние будут в первое время в известной мере служить мишенью для насмешек и подтрунивания, то это длилось бы недолго, и разница в условиях поступления в армию тех и других была бы забыта.

В действительности так и было, когда вступила в силу всеобщая воинская повинность. При этом лишний раз подтвердилось, что те, кто выступал с мнимыми возражениями против твердой политики, боялись собственной тени. Нашим несчастьем в течение всего этого первоначального периода войны было то, что многие лица на высоких постах страдали неизлечимой склонностью возражать против жизненно необходимых мер; они заявляли, что по той или другой причине необходимые меры не могут быть приняты. Так например, нам говорили, что те фирмы, которые обычно не занимались военными поставками, не научатся изготовлять военное снаряжение, что наши финансы не выдержат напряжения, которым их подвергала война в целом; что люди, необходимые для армии, не могут быть отняты у промышленности; что артиллеристов нельзя подготовить к обслуживанию орудий, предусмотренных нашей большой артиллерийской программой, что страна не перенесет введения всеобщей воинской повинности; что добровольцы не станут сражаться вместе с теми, кто будет взят принудительно, и т. д. Каждый из этих доводов был опровергнут действительностью. К несчастью, каждое из этих возражений на более или менее продолжительное время задерживало

и парализовало наши усилия выиграть войну. Эти предсказатели, объявлявшие все неосуществимым, и их советы стоили нам месяцев и лет затянувшейся войны и сотен тысяч жизней.

В угоду возражениям противников всеобщей воинской повинности и колебаниям промежуточной группы в кабинете была сделана последняя попытка — план Дерби — гальванизировать систему добровольного набора и вдохнуть в нее новую жизнь. Все понимали как в кабинете, так и в стране, что если этот план провалится, введение всеобщей воинской повинности будет неизбежно.

План Дерби называется так потому, что лорд Дерби, хотя он уже несколько лет энергично выступал за введение всеобщей военной службы, согласился стать во главе вербовки и в последний раз обратиться к стране; эта кампания пропаганды должна была выявить предельные возможности добровольной системы набора. Он получил назначение 5 октября 1915 г., причем пожелал занимать свой пост (начальника вербовочной кампании) без какого-либо вознаграждения и военного чина.

Кто автор плана, который Дерби взялся проводить в жизнь, до сих пор не установлено в печати.

Сущность плана Дерби заключалась в индивидуальном подходе к каждому мужчине в королевстве в возрасте от 18 до 41 года на основе списков «Национального реестра». Каждый из них приглашался подпиской вступить в армию, когда он будет к этому призван; все подписавшиеся делились на два разряда — на холостяков и женатых и каждый из разрядов — на 23 возрастные группы; военные власти должны были призывать их по разрядам и группам, начиная с более молодых и холостых, причем ни один женатый не должен был быть призван, пока не будут призваны все холостые.

Женатых поощряли подписываться, заверяя их не только в том, что они будут оставлены дома, пока не будут призваны все холостые, но также в том, что они не будут связаны своим обязательством, если холостые не подпишутся в достаточном количестве. Это было зафиксировано Асквитом в речи, произнесенной им в палате общин 2 ноября 1915 г.

> «Как мне сообщил лорд Дерби, среди женатых, которых теперь приглашают подписать обязательство о вступлении в ряды войск, имеются сомнения, действительно ли они, подписавшись, не будут призваны под знамена, пока более молодые и холостые будут находиться в тылу и не исполнят своего долга. Надо немедленно вывести их из этого заблуждения. Поскольку это касается меня, я желал бы определенно заявить, что обязательства женатых не должны вступать в силу и считаться связывающими их, пока мы можем получить холостых; я надеюсь, что последнего удастся достигнуть путем добровольной вербовки, а если окажется необходимым, то в качестве последнего средства — и другими путями, как я уже заявил об этом».

Это положение было еще более разъяснено и уточнено перепи-

ской между лордом Дерби и Асквитом, которая подтвердила гарантию, что ни один из подписавшихся женатых людей не будет призван под знамена до тех пор, пока холостые не будут призваны в порядке ли добровольной подписки или в порядке воинской повинности парламентским актом.

Были сделаны все усилия, чтобы обеспечить полный успех плану Дерби. Его величество король написал специальное обращение «к моему народу» в поддержку этого плана, оно было обнародовано 23 октября. Инструкции местным вербовочным комитетам о порядке проведения индивидуальной пропаганды были рассмотрены, одобрены и подписаны совместно лордом Дерби, председателем парламентского вербовочного комитета, и Артуром Гендерсоном, председателем вербовочного комитета рабочей партии. Конец кампании был назначен первоначально на 30 ноября и был отложен потом до 15 декабря.

Результат был именно такой, какого можно было ожидать. Женатые подписывались в значительном числе, уверенные, что от них не потребуют выполнения их обещания, пока не будут призваны все холостые. Холостые в общем подписывались в гораздо меньшем числе. Из 2 179 231 холостого в призывном возрасте, не записавшихся в армию до 23 октября 1915 г., число лиц, явившихся на призыв по плану Дерби, записавшихся и обязавшихся подпиской, а также забракованных врачами, оказалось равным 1 150 000. Не охвачено было планом 1 029 231 человек, или почти половина всего числа. Из подписавшихся известное число оказалось после медицинского освидетельствования непригодным для военной службы или занятым в таких профессиях, которые в национальных интересах считалось нецелесообразным брать в армию. В результате лорд Дерби оценивал число холостых, фактически полученных для армии по его плану, только в 343 386 человек из всего числа в 2 179 231.

Перед лицом этих цифр явно невозможно утверждать, что ручательство, данное Асквитом женатым мужчинам, было выполнено. Более миллиона холостых отказалось подписаться, и неизбежным следствием этого была политика их принудительного набора. Что касается народной поддержки такой политики, то, естественно, все подписавшиеся женатые мужчины настаивали на ней. Они протестовали против своего призыва, раз столько неженатых будет оставлено дома, и заявляли, что это будет нарушением данного им обещания.

Поэтому после горячих прений в кабинете 5 января 1916 г. была принята первая решительная мера по введению воинской повинности. Асквит внес в парламент билль о военной службе, обязывающий к явке всех неженатых мужчин, а также бездетных вдовцов в возрасте от 18 лет до 41 года. Защищая билль против возражений противников всеобщей воинской повинности — противников в рядах правительства и вне его, — Асквит сослался на необходимость выполнить обещание, данное им лорду Дерби; он, конечно, считал, что это обещание входит в общие рамки политики, принятой правительством. По его мнению, не была доказана правильность аргументации в пользу всеобщей воинской повинности. Он

считал, что билль встретит искреннюю поддержку тех, которые, как и он сам, в принципе или с точки зрения целесообразности, были противниками принуждения.

Эта аргументация не убедила некоторых из его оппонентов. Сэр Джон Саймон предпочел выйти из состава правительства, не желая поддерживать воинскую повинность в той или другой форме. Вместе с тремя дюжинами других либеральных членов парламента он образовал оппозицию против этой меры.

5 января 1916 г. сэр Джон Саймон выступил в прениях по биллю о военной службе и заявил, что его оппозиция против всяких мероприятий в пользу воинской повинности направлена против основного принципа; он прибавил, что среди министров, не вышедших из состава правительства, имеются лица, взгляды которых по этому вопросу не отличаются от его взглядов. Конечно, этот намек был понят, как относящийся к Мак-Кенне и Ренсимену — оба они энергично выступали в кабинете против этой меры. Однако они не довели свою принципиальную оппозицию до выхода из правительства. Когда дело дошло до конкретного решения, они построили свои возражения не на основном принципе, как полагал сэр Джон Саймон, а на том аргументе, что мы не можем лишить нашу национальную промышленность такого количества людей, которое будет отнято у нее воинской повинностью, и не можем также позволить себе оставить их в армии, когда они поступят в нее. В дни, непосредственно предшествовавшие введению этой меры, распространено было мнение, что оба министра тоже выйдут из правительства, если им не удастся добиться изменения билля в смысле ограничения и сокращения числа лиц, призываемых на его основе на военную службу

Редмонд и его ирландские националисты выступали против билля в первом чтении, но узнав определенно, что билль не будет распространен на Ирландию, отказались от своего выступления. Исключение Ирландии мотивировалось тем, что билль должен был выполнить обещание, данное в связи с планом Дерби, а этот план не проводился в Ирландии.

Артур Гендерсон и лейбористская партия поставлены были в весьма затруднительное положение резолюцией, принятой тред-юнионами 5 января на конференции в Бристоле и осуждавшей предложения правительства. Однако Асквит был в состоянии дать Гендерсону официальные заверения, что билль не содержит и не предполагает чего-либо в духе промышленной (трудовой) повинности. В результате Гендерсон выступил в пользу билля и голосовал за него во втором чтении. Меньшинство рабочей партии, возглавляемое Рамзеем Макдональдом, Сноуденом и Томасом, выступало против билля.

Пройдя во всех стадиях подавляющим большинством голосов, билль стал законом 27 января 1916 г. С 1 марта все холостые, еще не записавшиеся в армию, автоматически считались зачисленными под знамена на период войны. Холостые, записавшиеся по

плану Дерби, уже все были призваны, и теперь приступили к первому призыву подписавшихся женатых — из них призваны были под знамена возрастные группы от 19 до 27 лет.

Так закончился первый этап. Но дело не могло остановиться на этом. Факторы, толкавшие нацию к полной системе обязательной военной службы, действовали с железной необходимостью судьбы.

В начале весны 1916 г. военные власти потребовали дальнейшего пополнения армии. Это означало призыв старших возрастных групп подписавшихся женатых мужчин.

Когда распространился слух об этом, началось сильное волнение. Отцы семейств заявляли, что до них должны быть более тщательно проверены холостые, многие из которых все еще оставались дома, будучи освобождены от военной службы, так как они работали в забронированных профессиях. Затем настаивали на том, что прежде чем будут посланы в окопы старшие возрастные группы, должны быть призваны неподписавшиеся и более молодые женатые люди. Более пожилым отцам семейства, вынужденным заботиться о детях, доме и делах, необходимо предварительно устроить свои дела — аренды, ипотеки и т. д., только после этого они могут быть взяты в армию.

По этому поводу в кабинете происходили резкие и продолжительные споры. Призыв старших групп женатых был отложен, решено было сначала изучить проблему в ее новой фазе. Асквит обещал сделать 18 апреля заявление относительно набора рекрутов, но в этот день ему пришлось заявить, что вопрос отложен ввиду разногласий в правительстве; 19 он объявил о дальнейшей отсрочке, так как разногласия в правительстве стали столь серьезными, что угрожал раскол кабинета. Он отсрочил заседания палаты общин до 25 апреля; в этот день состоялось закрытое заседание палаты для того, чтобы непременно справиться с этой задачей.

Недостаток в людях для армии оказался серьезным, и прежние способы вербовки новых рекрутов были недостаточны. Месяц назад, 21 марта 1916 г., начальник имперского генерального штаба сэр Виллиам Робертсон представил меморандум, в котором заявлял:

> «...Что касается личного состава армии, мы не находимся теперь в значительно лучшем положении чем прежде, чтобы быть в состоянии сделать „максимальные усилия“ на фронте; наше положение не лучше, чем тогда, когда я, приблизительно три месяца тому назад, поднял этот вопрос. В настоящее время пехота, отбывающая службу за пределами страны, насчитывает на 78 тыс. человек меньше, чем полагается по штату; в 13 территориальных дивизиях тоже нехватает 50 тыс. человек... Из 193 891 человека, призванного по закону на военную службу, не явилось не менее 57 416...»

В записке от 15 апреля 1916 г. военный совет констатировал, что к 30 июня ожидается недобор 179 тыс. человек, и так как

теперь за пределами страны находятся только 52 дивизии вместо предполагавшихся 62, то уже сейчас имеется нехватка в 66 000 человек против нормы.

На закрытом заседании парламента от 25 апреля обсуждалось это положение, и премьер-министр внес правительственные предложения по этому поводу. Впоследствии было официально объявлено, что они содержат: продление срока службы для тех, у кого истек срок службы, перевод рекрутов из территориальных частей в регулярные, немедленное зачисление в армию лиц, срок которых истек, и набор всех юношей, достигших 18-летнего возраста. Кроме того предлагалось также зачислить неподписавшихся женатых и, если в течение месяца их не явится 50 тыс., а через неделю — 15 тыс., то применить меры принуждения.

26 апреля состоялось второе закрытое заседание, и на следующий день Вальтер Лонг внес билль с предложениями правительства; но билль подвергнут был столь враждебной критике, что Асквит взял его обратно. Теперь уже сказалось всеобщее раздражение против дальнейших уловок и полумер, и Асквит со свойственным ему здравым смыслом ясно понял это. 2 мая он объявил, что правительство обсудит вопрос о введении всеобщей и немедленной принудительной воинской повинности. На следующий день законопроект был внесен, а 25 мая он получил санкцию короля. Оппозиция против него носила совсем слабый характер. Фракция сэра Джона Саймона, отказывавшаяся сотрудничать с правительством, сократилась до 27 человек, лейбористская группа Рамзея Макдональда — до 10 человек.

На меня была возложена защита билля во втором чтении в палате общин и, выступая по этому поводу, я в следующих словах отвел ссылку на принципиальные соображения против билля со стороны оппозиции.

> «Я ожидал провозглашения великого превалирующего над всем принципа, но я не слышал здесь о нем. Разве этот билль не совместим с принципами либерализма или принципами демократии? Разве не совместимо с принципами демократии, если государство потребует от каждого услуг и помощи для защиты самого существования государства, когда оно поставлено на карту? Ни теперь, ни в прошлом ни одна страна, подвергавшаяся великой военной опасности, не спасала себя тем, что отказывалась прибегать к принуждению. Никогда. Это верно относительно самодержавных монархий и еще более верно относительно демократий. В чем заключается этот принцип? Я лично заинтересован в установлении этого, так как меня обвинили в измене либеральным принципам, поскольку я защищал всеобщую воинскую повинность. Я не могу найти этот принцип. Каждая великая демократия, когда на нее нападали, когда угрожала опасность ее свободам, защищалась, прибегая к принуждению. Так было, начиная с Греции. Америка защищала

в 1812 г. свою независимость мерами принудительного характера. Линкольн был не только великим демократом; его карьера сама по себе была величайшим триумфом, когда-либо достигнутым демократией в области управления страной. Он провозгласил принцип: „правительство народа, через народ, для народа“, и проводил его в жизнь с помощью всеобщей воинской повинности. Во французской революции французский народ защищал свои только что завоеванные свободы против всех попыток европейских автократий с помощью всеобщей воинской повинности и принудительных мобилизаций. Франция в настоящее время защищает свою страну с помощью всеобщей воинской повинности. В Италии итальянская демократия стремится освободить своих порабощенных братьев с помощью принуждения. В Сербии сербские крестьяне защищали свои горы мерами принудительного характера и готовятся завоевать их обратно тем же способом. Если почтенные члены парламента заявляют, что всеобщая воинская повинность противоречит принципам свободы и истинной демократии, то они говорят это вопреки всем урокам истории и здравому смыслу».

Я заметил также, что перед лицом национальной нужды, превращающей эту меру в повелительную необходимость, я предпочел бы быть изгнанным из моей партии или отказаться совсем от участия в политической жизни, нежели воздержаться от поддержки этого мероприятия.

Действительно я уже в течение долгого времени настаивал в правительстве на необходимости ввести обязательную военную службу; значение той роли, которую мне пришлось сыграть в окончательном проведении этой меры, засвидетельствовано двумя письмами, полученными мною в то время от сэра Виллиама Робертсона, начальника имперского генерального штаба. Первое из них было несколько длинно; в нем Робертсон любезно и в теплых выражениях говорит о моей храбрости и моем патриотизме и кончает утверждением, что «если бы не вы, дело не было бы сделано». Второе письмо короче, и я привожу его полностью:

«Военное министерство.
2. V. 1916 г.

Дорогой г. Ллойд Джордж!

Внесенный сегодня билль должен более чем вознаградить Вас за вздорные нападки в прессе за последние неделю-две. Добиться применения этого законопроекта — главное, и благодарность империи за него принадлежит Вам — и Вам одному.

Преданный Вам
В. Робертсон».

Эти слова похвалы, быть может, имеют тем большее значение, что сэр Виллиам Робертсон не всегда столь сердечно симпатизировал моим идеям. Однако если мое усердие в этом деле заслужило

мне известное одобрение в кругах, не всегда благожелательно настроенных ко мне, оно в то же время прибавило еще больше остроты и горечи в отношения ко мне со стороны тех, кто считал, что моя решимость выдержать войну до конца, без колебаний и оговорок, представляла собой чуть ли не кощунство. Недоверие и враждебность ко мне этой части либерального общественного мнения стали с этого момента трудно искоренимы. Когда я 6 мая 1916 г. выступал в Конвее с речью в защиту билля о военной службе, я вынужден был отвечать на нападки выдающегося либерального журналиста, который в то время находился в тесном контакте с некоторыми из моих коллег. Он обвинял меня в том, что я «изменил либерализму», «проявил такой пыл в пользу продолжения войны» и «имел разногласия в мнениях с моим лидером». Что касается первого обвинения, то оно достаточно опровергнуто тем фактом, что огромное большинство либералов в палате общин поддержало билль о всеобщей воинской повинности. Что до второго обвинения, то я признал себя виновным; ненавидя войну, я считал, что, раз мы решили вести войну, мы должны вести ее хорошо. «Вот почему я не симпатизирую тем, кто, повидимому, считает, что раз война ненавистна, мы должны вести ее, выражая сожаление по поводу наших собственных действий. Сомнение никогда еще не наносило твердых ударов».

О своих отношениях с Асквитом я заявил:

> «Я работал с ним десять лет, был членом правительства под его руководством восемь лет. Если бы мы не работали с ним в согласии — а это было именно так, — то я скажу заранее: это была бы моя вина, а не его. Я никогда не работал с человеком более предупредительным и внимательным. Я презираю эти поклепы. Но у нас были разногласия. Боже правый! Какую цену имел бы я, если бы у меня не было своего мнения! Грош была бы мне цена. За все те годы, что я работал с Асквитом, он проявлял ко мне большую благосклонность. Я плохо отплатил бы ему за это, если бы я не высказывал своих взглядов свободно, открыто, независимо — безразлично, совпадают ли они с его взглядами или нет.
>
> Свобода слова нужна всегда, но есть одно место, где она становится вопросом жизни и смерти, — в зале совета. Советник, который делает вид, что соглашается со всем, что исходит от его лидера, обманывает его».

Оглядываясь назад на события, никто не может сомневаться в том, что принятие закона о всеобщей воинской повинности было совершенно необходимым для доведения войны до победного конца. Без нее мы были бы раздавлены, когда Россия, Румыния и Сербия были разбиты, а во французской армии угрожало восстание.

Впечатление, произведенное на наших союзников, было ободряющим. Лорд Эшер в меморандуме от 4 мая 1916 г., сообщая о своей только что состоявшейся беседе с Брианом, писал:

«Бриан говорил о дебатах третьего дня в английском парламенте с энтузиазмом и глубоким удовлетворением. Он убежден, что события в Англии приведут к важным результатам в Германии и усилят все растущее в центральных державах беспокойство за исход войны... Он считает, что введение обязательной военной службы в Англии окажет деморализующее действие на умы и на дух народа в Германии. Во Франции влияние будет еще большим.

Несмотря на все то, что сделала Англия и что отлично известно французскому правительству, во Франции многие все еще продолжают сомневаться в решимости Англии продолжать войну до конца. Для этих людей принятие английским парламентом закона, столь чуждого традициям и нравам английского народа, явится ударом по голове. Вся Франция, говорит Бриан, должна теперь понять, что Англия намерена пойти на все необходимые жертвы, и все сомнения, которые существовали до сих пор, должны сразу исчезнуть».

Понимая необходимость введения обязательной службы, я в то же время всегда восхищался и отдавал должное тому грандиозному усилию, которое добровольно проявило мужское население страны в 1914 и 1915 гг. В моей речи в Конвее 6 мая, о которой я уже упоминал, я говорил:

«Национальный подъем, создавший путем добровольных усилий эти огромные армии, может преисполнить нас великой гордости. Это почти не имеет аналогии в военной истории, что бы ни было сделано потом в порядке принудительных мер, и не может лишить нас гордого сознания, что мы первая нация в мировой истории, которая собрала свыше трех миллионов человек для большого военного предприятия исключительно добровольным путем. Со всех концов нашей страны молодежь отправлялась под знамена международного права, как на великий крестовый поход. Это было славное достижение, и Британия воистину может гордиться им».

Согласно меморандуму комитета защиты империи от 17 апреля 1916 г. к этому времени фактически поступило в армию и флот, включая тех, кто уже находился на военной службе, когда вспыхнула война, 3 769 659 чел. К ним надо прибавить записавшихся женатых людей еще не призванных возрастов, а также холостых, записавшихся, но задержанных на работе на оборону в количестве 697 тыс. В общем число солдат нашей добровольной армии составит 4 667 тыс. человек, не считая контингентов войск из доминионов и Индии; вместе с ними эта цифра несомненно превысит 5 млн.

В тот день, когда билль о военной службе получил санкцию короля, его величество выпустил «обращение к своему народу»:

«Букингемский дворец
25 мая 1916 г.

Для того чтобы дать нашей стране возможность более действительным образом организовать свои военные ресурсы в настоящей великой борьбе за дело цивилизации, я счел необходимым по совету моих министров призвать в армию всех годных к военной службе мужчин в возрасте от восемнадцати лет до сорока одного года.

Я желаю воспользоваться этим случаем, чтобы выразить моему народу благодарность и признание за тот блестящий патриотизм и самопожертвование, которые народ проявил, дав с начала войны не менее 5 041 тыс. добровольцев. Это достижение далеко превосходит все, сделанное в подобных обстоятельствах какой-либо другой нацией, и будет постоянным предметом национальной гордости для грядущих поколений.

Я уверен, что чудесный энтузиазм, который до сих пор поддерживал мой народ во всех испытаниях этой ужасной войны, вдохновит его и поможет принести новую жертву, которая теперь выпала на его долю, и что с божьей помощью эта жертва приведет нас и наших союзников к победе, которая должна завершить освобождение Европы.

Георг J. R.»

Глава двадцать четвертая

РАЗЛОЖЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТИИ

Трещины, которые обнаружились в либеральном лагере во время дебатов о всеобщей воинской повинности, не появились внезапно. Они образовались постепенно в течение предшествующего года. При первом вызове, брошенном нам в 1914 г., партия в единодушном порыве патриотического воодушевления устремилась вперед, и лишь немногие сочли себя вынужденными в силу своих принципов присоединиться к лорду Морлею, Тревелиану и Бернсу, вышедшим из правительства и принявшим решение держаться в стороне от конфликта. Руководители национальной либеральной федерации издали 8 августа циркулярное обращение, возвещавшее о приостановлении партийной пропаганды на неопределенное время и призывавшее либералов оставить политические разногласия и отдаться всецело служению родине. Официальный орган партии «Liberal Magazine» заявил: «В великой войне, в которую мы вовлечены, мы должны победить, чего бы это ни стоило».

Но война, обрушившись на людей, воспитанных на миролюбивых заветах Кобдена, Брайта и Гладстона, все более и более внушала им отвращение. Они не сомневались и не колебались насчет справедливости и неизбежности своего участия в ней. Но мало-помалу они впали в уныние, наблюдая страшный механизм войны, который создавался по всей стране; они были потрясены ужасами войны и ее последствиями для страны. Более значительная и более проницательная часть партии смотрела на войну как на тяжелую необходимость вынужденной защиты своей свободы; эта часть партии считала, что война будет доведена до конца тем скорее, чем скорее удастся в едином национальном порыве сколотить мощную организацию на основе всех наших наличных ресурсов. Но аргументация настоящих политических сектантов складывается иначе: «Война отвратительная вещь. Отвращение к ней следует доказать, ведя войну слабо, скрепя сердце. Пусть шуйца владеет мечом, а десница умеряет его грозную силу, пока настанет благословенный

день, когда сила десницы понадобится вновь и меч будет взят в правую руку во имя божье для вечной борьбы за принципы, которым мы преданы». Люди, которые отдавали весь свой ум и энергию на то, чтобы усилить войну, вызывали еще большую агитацию и недоверие этих сектантов. Каждая пушка и каждая граната, которые были произведены, способствовали тому, чтобы отношение к их творцам ухудшилось; чем больше мощных орудий войны они создавали, тем сильнее было моральное падение участников борьбы «за войну» в глазах политических сектантов.

Восхищение и доверие вызывали лидеры, доказавшие искренность своего отвращения к войне тем, что вели ее вяло и бессильно. Чем бессильнее они становились, тем больше росла вера в честность их руководства у их последователей — доктринеров. Даже при спокойном премьерстве Асквита наблюдалось зловещее брюзжание и время от времени вспышки нетерпения со стороны наиболее «принципиальных» его сторонников. Они были недовольны всеобщей воинской повинностью, считая, что эта мера должна была быть проведена не сразу, а в два приема. Нет большего безумия, чем пытаться перепрыгнуть пропасть в два прыжка.

Правда, число оппозиционно настроенных членов парламента не было велико, когда дело доходило до голосования в палате; зато можно было слышать недовольные разговоры и ворчание в парламентских фойе и кулуарах. Активность министра военного снаряжения в производстве небывалого количества пушек, ружей, снарядов и патронов вызывала сильное озлобление среди некоторых либералов в печати, парламенте и клубах. Личные отношения ко мне со стороны старых политических друзей изменились; они охладели с тех пор, как я стал министром военного снаряжения. Это нашло резкое выражение в речах и статьях; меня стали избегать и даже презирать люди, которые некогда приветствовали меня с сердечностью и энтузиазмом. Со мной обращались, как с пораженным проказой войны. Я чувствовал себя политически изолированным в такой степени, как никогда в моей жизни. Мои старые друзья поворачивались ко мне спиной. Консерваторы еще не забыли той роли, которую я играл в острых столкновениях последних лет, а либералы негодовали на меня.

Это отношение глубоко оскорбляло меня, но оно не поколебало ни на один момент моей решимости приложить все силы для выполнения тяжелой задачи, которая была на меня возложена. Я согласился на объявление войны лишь после упорной борьбы с собой, но раз убедившись в неизбежности и справедливости нашего участия в ней, со всей энергией отдался тому, чтобы помочь родине отстоять свои права. В эту трудную пору мне придало бодрости письмо, которое я получил в начале войны 1916 г. от Теодора Рузвельта через его друга полковника Артура Ли (ныне лорда Ли оф Ферхем); последний работал в качестве моего офицера связи в министерстве военного снаряжения. Письмо Рузвельта гласило:

«Дорогой Артур!

Ваше письмо чрезвычайно интересно, и я не могу выразить, как я счастлив, что вы так поглощены работой, настолько вас удовлетворяющей и полезной. Передайте мой сердечный привет Ллойд Джорджу. Скажите ему, что я несказанно восхищен им. Я всегда соглашался в основном с его социальной программой, но я хотел бы дополнить ее внешнеполитической программой лорда Робертса. Тем не менее мое несогласие с его программой отступает на задний план в сравнении с моим восхищением его силой характера, которую он обнаруживает теперь во время этого великого кризиса. Часто оправдывается положение, что для государственного деятеля единственным способом оказать великие услуги родине является готовность пожертвовать своим будущим, и во всяком случае настоящим положением в политической жизни, подобно тому как солдат платится жизнью за свою отвагу на поле сражения. В гораздо меньшем масштабе мне пришлось пережить то же самое в течение последних восемнадцати месяцев. Я не обращал и не буду обращать ни малейшего внимания на то, как отразятся мои выступления на моем собственном благополучии. Я стараюсь заставить мою страну пойти по правильному пути и мне в высокой степени безразлично, что думают или будут думать мои соотечественники обо мне, лишь бы удалось пробудить в них сознание их долга. В бесконечно более сложной обстановке Ллойд Джордж, как мне представляется, поступает точно так же, стараясь служить в настоящее время интересам Англии.

Не поймите меня превратно. Я не верю, что имею какие-либо шансы быть намеченным в кандидаты на пост президента, как я писал на днях Лоджу. Было бы совершенным безумием выбирать меня, если страна не стремится к войне. Если они ценят «боеспособность» выше чести и долга, то я им не нужен, и они не должны ожидать, что я соглашусь под тем или иным видом затемнить те великие проблемы, которые я считаю насущными и господствующими над всеми другими.

Надеюсь, Вы видели за это время мою книгу. Прочитайте первую главу и заключение. Быть может Ллойд Джордж заинтересуется двумя-тремя фразами книги, которую Вы потрудитесь показать ему...»

Пока партия была едина, в ней не было организованных фракций. Слабая попытка сэра Джона Саймона создать группу своих сторонников в вопросе о воинской повинности была смехотворна и провалилась. Он не обладал ни смелостью, ни широтою взглядов, ни политической интуицией, которые необходимы для крупного лидера. Помимо этого имелась определенная группа внутри кабинета, руководимая Мак-Кенной, который старался посеять раздор между премьер-министром и мною. Пока я был министром финансов, я видел Асквита почти каждое утро перед заседанием

кабинета и беседовал с ним по всем не терпящим отлагательства вопросам. Эти беседы можно было легко устраивать, когда я работал в здании казначейства, непосредственно соединенном с домом премьера на Даунинг стрит № 10.

По дороге из дома министра финансов на Даунинг стрит № 11 в казначейство я проходил мимо дома премьер-министра. Мы всегда были в хороших отношениях и приятно беседовали, ежедневно встречаясь. Но когда я перешел в министерство военного снаряжения, я должен был являться туда в девять часов утра, а уходить оттуда мне удавалось только поздно вечером. Поэтому я встречал Асквита гораздо реже. На самом деле в течение целых месяцев мне случалось видеть его очень редко. Это был удобный случай для людей, сеющих раздор, и они воспользовались им в полной мере. Когда я оставил министерство финансов и мое место занял Мак-Кенна, его назначение понималось как временное. Я должен был вернуться на свое место в министерство финансов, как только налажу снабжение военными материалами. Такая комбинация была ошибкой и наделала много зла. Она сделала Мак-Кенну моим врагом. Он обладал многими качествами, нужными для хорошего администратора во времена, не требующие особенной силы мышления, широты кругозора или знания людей. Он знал технику своей работы, в качестве министра финансов был компетентным счетчиком, считал быстро (Бальфур как-то назвал его «ловким бухгалтером»), одним словом он был ограниченным маэстро финансовой науки, человеком в шорах. Главным его недостатком, как я уже подчеркивал, было то, что он способен был делить своих наиболее выдающихся коллег на две категории: тех, которые ему нравились, и других, к кому он относился с недоверием, подозрением и завистью. Эта особенность делала его источником нашей слабости и создавала опасность для всего коллектива. Он сыграл самую активную роль в разложении асквитовской коалиции. Одна дама, обладающая талантом сатирической характеристики, сказала мне однажды, что в его характере нет тех нежных оттенков, которые встречаются на палитре художника, его чувства грубы, как дешевые краски, которые дарят детям.

С июня 1915 г. по июнь 1916 г. я был так занят снаряжением нашей тяжело теснимой армии, что не имел достаточно времени, чтобы следить за политической ситуацией или оставаться в контакте с политиками в палате общин и вне ее; я не вполне отдавал себе отчет в том, как далеко зашли враждебные интриги. Когда впоследствии в конце 1916 г. наступил окончательный раскол в партии, и большинство либеральных членов кабинета сняло с себя дальнейшую ответственность за ведение войны иначе как на условиях, которые были неприемлемы для нации, — все, что их сдерживало прежде, было отброшено; не был упущен ни один удобный случай критики правительства; иногда же критики прямо бросали нам палки в колеса. Обычно предоставляли делать нападки отдельным партизанам, но в симпатиях к этим вылазкам

со стороны лидеров и в поощрении их не было недостатка — это едва скрывали. В двух или трех ярких случаях, которые казались благоприятными, сами главари присоединялись к нападению, в котором участвовали кавалеристы, пехотинцы и артиллеристы партии. Официальная организация энергично принялась за работу в стране, сеяла подозрения и подрывала доверие к кабинету войны, который вел войну с таким чрезмерным усердием. Массы, состоящие из истинных либералов, делали все возможное, чтобы спасти либерализм от вечного упрека, что эта партийная склока была единственной лептой, которую партия в состоянии была внести в дело защиты нации во времена опасности, небывалой в истории страны.

За это их преследовали и этого никогда не простили им люди, чья неспособность к действию в момент великой нужды осудила либерализм на брюзжащее бессилие.

Как сложились бы обстоятельства, если бы партия сохранила единство до конца? Трудно сказать. Только один человек, если бы он пережил войну, мог удержать либеральных лидеров от разрыва. Это был покойный Перси Иллингворс. Без его могущественной поддержки в качестве секретаря парламентской фракции Асквит был бы не в силах уладить персональные разногласия и настоять на единстве. Перси Иллингворс олицетворял собою лучший тип англичанина. Это был прямой, способный, бесстрашный, всецело преданный долгу человек. Он был предан Асквиту, как своему лидеру, и гордился им, как своим земляком — уроженцем Йоркшира. Ко мне он был дружески привязан. Он был лойялен по отношению к нам обоим, и мы оба знали его и относились к нему с безусловным доверием. Он видел насквозь мелких людей со всеми их каверзами, людей, которые беспрестанно интриговали с целью посеять раздор между нами. Пока он был на месте, он зорко следил за их проделками и пугал их своей йоркширской прямотой речи. В январе 1915 г. он умер от тифа, съев несвежую устрицу. Будь он в живых в 1916 г., между Асквитом и мною никогда не дошло бы до разрыва. В этом я убежден. Какие ничтожные случаи часто ускоряют важные события! Гнилой моллюск на годы отравил и ослабил всю либеральную партию! Впоследствии укус обезьяны в Греции изменил весь ход событий на Ближнем востоке и даже вне его.

Война всегда была роковой для либерализма. «Мир, экономия и реформа» не имеют смысла во время войны. Более того — чтобы как следует вести войну, нация должна быть готова отказаться на время от прав свободы и личности. Если война затягивается, это подчинение превращается в обычай (победа есть торжество силы, а не разума). После каждой большой войны наступает период, в продолжение которого в странах — участницах войны — наблюдается тенденция к расколу на два лагеря — известные обычно как революционный и реакционный. В этом смысле либерализм находится в невыгодном положении. Вот почему либерализм в настоящее

время в загоне во всей Европе. Даже в Америке его доктрины принимают форму диктатуры. Развал либеральной партии в Англии стал неизбежен с того момента, как на нее пала ответственность за начало великой войны и за ее ведение. Инстинкт рядового либерала в этом отношении был здоровым. Поэтому война внушала ему беспокойство.

1914 г. был катастрофой для либерализма. Это было несчастьем, но на карту поставлены были слишком большие интересы, чтобы можно было подходить к ним с точки зрения партийных интересов. Вызов, сделанный международному праву и свободе, был таков, что либерализм — и меньше всего он — не мог уклониться от него. Когда миллионы людей отдали свою жизнь в распоряжение отечества, не задаваясь мыслью о политическом лице правительства или министров, на зов которых они откликнулись, декретам которых они повиновались, то со стороны политиков, не подвергавших свою жизнь такой опасности, было бы жалким бахвальством заявлять, что в момент национальной опасности они забыли интересы своей партии. Однако существуют известные, само собой разумеющиеся принципы, которые должны определять политику в таких обстоятельствах. Чтобы быть действительной, коалиция партий в момент национальной опасности требует готовности со стороны всех партий итти на взаимные уступки. Как только коалиция становится ширмой или предлогом для достижения своих целей той или иной из входящих в коалицию партий, она означает обман нации в эгоистических целях партии. Обе коалиции военного времени честно работали в патриотических целях. Я видел Асквита во главе двух правительств военного времени, одного — либерального, другого — коалиционного. На основании близкого знакомства с ним в обоих правительствах я могу сказать, и говорю это без колебаний и оговорок, что с момента объявления войны он ни в одном из своих правительств ни разу не помышлял о партийной выгоде. В самом деле, он так забыл во время своего второго министерства о принципах партии, что в своем стремлении успокоить старых противников и таким образом обеспечить единство он согласился на протекционистский бюджет, он пошел даже так далеко, что на знаменитой Парижской конференции вступил в соглашение и связал Англию обязательством вести после войны в широком масштабе резко протекционистскую политику.

Угрожает ли обществу опасность наводнения, пожара или войны, во всех этих случаях действует тот же инстинкт, заставляющий людей — членов общества — действовать совместно, а не врозь. Этот инстинкт проявляется прежде всего в готовности работать вместе с каждым, кто желает и умеет вскарабкаться по лестнице, пустить в ход пожарную кишку или как-либо иначе бороться с огнем.

Это элементарное сравнение выражает мои взгляды на правильную позицию партий во время войны, которая по самому своему

масштабу требует нераздельного внимания и сосредоточения всей энергии нации.

Что касается меня лично, то за все время войны я никогда не спрашивал о политическом прошлом человека, который помогал мне. И если я знал, к какой партии он принадлежал, это не оказывало никакого влияния на мое суждение о его квалификации. Мне нужно было только знать, что он пригоден для своей работы.

Два человека, с которыми я чаще всего встречался за последние два года войны, когда в моих руках было верховное руководство страной, были Бонар Лоу и лорд Мильнер; оба они принадлежали к политическому направлению, противоположному моему. На наших многочисленных конференциях и совещаниях я никогда не думал об их партийной принадлежности; эта мысль даже в отдаленной мере не приходила мне в голову. Да и зачем это было нужно мне? Когда зовут специалистов на консилиум к тяжело больному, то было бы безумием для родных, а со стороны пользующего врача даже преступлением, считаться в большей степени с политическими взглядами приглашаемых специалистов, чем с их способностью помочь больному и вырвать его из когтей болезни. К несчастью для либеральной партии во время тягчайшего испытания для страны в ней было много лекарей и родных, которые держались другого, более узкого взгляда на свою ответственность и настойчиво требовали, чтобы консультанты, запятнанные политической ересью, были удалены из комнаты больного. Эти ханжи никогда не могли простить тем, кто поступал иначе.

Глава двадцать пятая

ЛОРД КИТЧЕНЕР: ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Для меня лорд Китченер является одной из неразрешенных загадок войны. Был ли он великим человеком или он принес всем великое разочарование? Многие компетентные наблюдатели, хорошо знавшие его, держались различных мнений о его характере; многие в разное время или в одно и то же время придерживались противоположных оценок. Однако никто из тех, кто когда-либо видел его, не считал его рядовым человеком; сама внешность его отличалась своеобразным благородством. Все, что он делал хорошо, он делал с размахом и властностью, отличавшими его. То, что он понимал, он понимал насквозь. Даже его ошибки не были ошибками обыкновенного человека. У него были детские взгляды по некоторым вопросам, но это не были пошлые общие места. Когда он делал глупости, как это случается делать и самому умному человеку, это были глупости исключительные. Его интуиция, его импровизация, его воображение и даже его глупости были далеки от шаблона.

Одна дама, обладающая злым даром язвительных эпиграмм, отозвалась о нем так: «Китченер не столько великий человек, сколько человек-плакат». Он действительно был самым большим человеком плаката со времен Буланже, но он был не только этим. Он несомненно был не Буланже, так как был совершенно свободен от порока позерства. Находясь в тесном контакте с ним почти два года и видя его за работой каждую неделю и почти каждый день, я все же и после этого не мог решиться составить себе определенное мнение о его качествах. В одном я уверен — в них были проблески величия. Он походил на вращающийся маяк, который на мгновение освещает ослепительным блеском всю темноту и даль ночи, а затем внезапно погружает ее в абсолютную темноту. У него не было середины, не было промежуточных ступеней. Время от времени он высказывал мысль или мог обронить яркую фразу, которые пронизывали светом густой туман войны, затем он впадал в болтливость, которая обнаруживала его полнейшее неведение условий, с которыми ему приходилось иметь дело. Он питал несказанное презрение к территориальным войскам и ребяческий страх перед африканским племенем сенусси. Я слышал его отзыв о первых, как о ничего не

стоящем сброде людей, которые кажутся солдатами. С другой стороны, я слышал, как он с ужасом говорил о возможности набега миллиона конных сенусси в область нильской дельты.

Я не могу судить, был ли он таким всегда или же солнце тропиков опалило и иссушило часть его интеллекта, оставив в нем лишь оазисы пышной растительности, не могу потому, что мне всего один раз пришлось встретиться с ним в прежнее время, примерно за три года до войны. Он был тогда полон восхищения германской армией и соболезнующего презрения к французской. «Война будет для них прогулкой, они расстреляют их, как вальдшнепов» — таков был его отзыв. Я узнал, что его мнение основано было не на военных, а на политических соображениях. Нет большей глупости, чем политические суждения человека, облеченного в военный мундир. Он был убежден в превосходстве германского солдата над французским на том основании, что последний деморализован демократическими взглядами и сопутствующими им идеями свободы, которые совершенно не совместимы с истинной дисциплиной, тогда как германский солдат приучен к повиновению своему начальству. Он был одновременно прав и неправ. Германская система оказалась лучшей на короткий срок войны, а французская демократия выдержала испытание в течение долгого срока. Автократическая система германской империи рухнула, когда ей пришлось нести бремя великого поражения.

Закостенелая точка зрения Китченера и его реакционная надменность проявлялись и в других отношениях. Его мозг был поражен склерозом, и всякое давление могло вызвать явления апоплексии. Он страстно сопротивлялся признанию сект, еще не включенных в армейский список, и его отказ назначить полковых священников для диссидентов вызвал в правительстве самые тягостные сцены борьбы, какие когда-либо мне пришлось видеть. Армия признавала только три или четыре секты. Другие, не занесенные в армейский список, для него не существовали. Он не понимал, что разнообразие религиозных вероисповеданий должно было быть по необходимости больше в тогдашней армии, которая выросла численно в десять раз и набиралась из классов или, лучше сказать, таких категорий населения, которые прежде не поддавались на уговоры вербовщика. По его мнению религиозное обслуживание, установленное для профессиональных солдат старой армии, должно было быть достаточным и для этих солдат-добровольцев. Ему не приходило в голову, что для поощрения сотрудничества в национальном масштабе существенно необходимо считаться с законными желаниями и самолюбием сект. Здесь на него нашло своего рода затмение ума. Но когда он уступал, он делал это основательно.

Я помню, как он, когда кабинет министров решил этот вопрос вразрез с его мнением, взял лист бумаги, начал писать и, обратившись ко мне, сказал: «Итак, скажите мне названия сект, которым вы хотите дать попов. Правильно ли я их называю: примитивные баптисты, кальвинистские весленянцы, конгрегационалисты-методисты...?

Он и не думал насмехаться над ними, — а попросту никогда не слышал точных названий этих больших религиозных общин. Я назвал ему секты. Он тщательно записал их. Лишь только он вернулся в военное министерство, он пригласил представителей всех этих сект на конференцию в военное ведомство. Эти совещания продолжались в течение всего периода войны.

Был ли или не был великим человеком лорд Китченер? Во всяком случае он не был человеком мелким. В случае с диссидентами он поступил, как великий человек, ибо когда сила оказалась не на его стороне, он лойяльно принял свое поражение.

Его позиция по отношению к различным национальностям, составляющим народ Соединенного королевства, была более упорной, и его упрямство повело к значительным и роковым результатам. Шотландцы имели в армии установленное традицией особое положение; и его лорд Китченер уважал и почитал. Однако, хотя валлийцы и ирландцы тоже имели свои отдельные национальные полки, он отказался поощрять их национальные чувства, когда встал вопрос о создании отдельных валлийских и ирландских дивизий. В частности я был заинтересован в вопросе о валлийской дивизии. Для того, чтобы помочь делу вербовки в Уэльсе, несколько валлийцев, во главе с графом Плимутским, решили создать и набрать особую валлийскую дивизию. Полковник Оуэн Томас весьма активно участвовал в этом предприятии. Но когда предложение о создании особой валлийской дивизии было представлено лорду Китченеру, он попросту запретил это мероприятие. Тогда вопрос был поднят в кабинете министров, и началась борьба между сторонниками и противниками этой меры. В конце концов дивизию решено было создать. Затем ко мне подошел Китченер и спросил: «Как звали того офицера, который проводил это дело?» Я ответил, что это был полковник Оуэн Томас. «Не могли бы вы привести его ко мне?» — спросил Китченер; я обещал исполнить его просьбу. Полковник в спешном порядке был вызван в Лондон, я взял его с собой в военное министерство к Китченеру. Китченер наклонился к нему с угрожающим видом, и Томас, хоть и был не из трусливого десятка, побледнел, увидев лицо Китченера и почувствовав на себе его суровый, грозный взгляд. Лорд Китченер начал: «Кажется, вы полковник?» Томас ответил утвердительно. «Не хотели бы вы стать генерал-бригадиром?» Томас не нашелся сразу, и я быстро ответил за него: «Конечно, да?» «Тогда я назначаю вас генерал-бригадиром этой дивизии. Продолжайте в том же духе».

Итак, в вопросе о валлийской дивизии он сделал широкий жест. Но к несчастию для страны он сохранил свое недружелюбное отношение к ирландской дивизии.

Она представляла собой последнюю попытку бедного Джона Редмонда привлечь Ирландию к действительному участию в войне. Он выступал с речами на вербовочных митингах по всей Ирландии, его красноречие побудило тысячи молодых ирландских националистов и католиков сражаться под поднятым британской империей знаменем

справедливости и свободы. Его брат, Вильям Редмонд, один из самых популярных членов палаты общин, стал офицером в этой новой военной части и впоследствии пал, сражаясь во Франции под британским флагом. Но лорд Китченер делал все от него зависящее, чтобы охладить пыл Редмондов. Он без всякого разумного основания отказался назначать офицерами молодых ирландцев того же общественного положения и той же культуры, что и офицеры Англии, Шотландии и Уэльса; единственным мотивом его могло быть то, что он не любил их национализма и не доверял ему. Выдающееся по своим пагубным последствиям место займет в трагической истории отношений Ирландии и Великобритании следующий шедевр Китченера: националистские дамы, воодушевленные энтузиазмом в отношении новой ирландской дивизии Редмонда и того дела, которому они себя посвящали, вышили шелковый флаг с гербом в виде ирландской арфы. В то же время патриотические дамы Ульстера вышивали «Красную руку» Ульстера на знамени, которое они решили преподнести в подарок дивизии, набираемой в Ульстере. В надлежащий срок оба знамени были представлены в соответственные дивизии. Одно было принято, другое — нет. Когда лорд Китченер услыхал про зеленое знамя и ирландскую арфу, он приказал удалить его. По ульстерскому знамени разрешили развеваться во славе над головами оранжистских солдат протестантского Севера. Ирландия была глубоко оскорблена. Ее гордость была задета за живое, ее чувство справедливости оскорблено, ее симпатия к священной войне против диктатуры в Европе убита, сердце же Джона Редмонда было разбито. Он должен был бы апеллировать к парламенту, но, вероятно, он знал, что таким образом не успеет предупредить злосчастных результатов решения Китченера. С этого момента усилия ирландских националистов примирить Англию и Ирландию кончились неудачей, и злополучный приказ лорда Китченера явился первой страницей в новой главе ирландской истории.

Как все великие люди, он обладал чувством юмора. Я нашел среди моих бумаг любопытное свидетельство этого. Один пленный валлийский моряк, интернированный в Рулебене, отправил домой письмо, в котором ему удалось обойти цензора и сообщить своим родным некоторые сведения о тяжелых условиях жизни в этом лагере. Вот это письмо:

«Лагерь английских военнопленных.
Барак II,
Рулебен близ Шпандау,
Берлин.

Дорогие жена и дети!

Я получил ваше письмо от 1-го и рад, что все здоровы. Боюсь, что нам придется оставаться здесь долгое время; мы боимся зимы. Я хотел бы быть дома с вами.

Я попрежнему чувствую себя хорошо и не могу сказать вам ничего больше. Сердечный привет всем вам и поклоны Cig,

Tan, Menin и Siwgr, которых я не видел долгое время, но надеюсь увидеть, когда возвращусь домой...»

Примечание корреспондента лорда Китченера объясняет этот текст:

«Вышеприведенные слова Cig, Tan, Menin и Siwgr по валлийски означают: мясо, огонь, масло, сахар».

Копии письма были посланы лордом Китченером сэру Эдуарду Грею и мне со следующей припиской:

«Вот достоинство валлийского языка в сношениях с культурными тевтонами.

К[итченер]»

Когда мы потом встретились с ним на заседании кабинета министров, он очень смеялся по поводу этого инцидента.

Его личность действовала гипнотизирующим образом; он магнетически привлекал массы и заставлял их действовать добровольно. Был ли он великим организатором? Я не могу сказать этого, хотя я видел его величайшие достижения. Он несомненно обладал некоторыми редчайшими качествами великого организатора — даром импровизации, энергией, способностью к руководству. Но он имел два явных недостатка: нежелание передоверять свои полномочия и — что еще серьезнее — неуменье выбирать подходящих людей.

Лорд Китченер одним из первых понял громадные масштабы этой войны. Когда большинство еще толковало о том, что мир наступит до рождества, он предсказывал, что война продлится три года, и начал готовиться к этому в части людских резервов. Он потребовал сначала полмиллиона человек, затем еще миллион. Он понимал, что при имеющихся в его распоряжении средствах даже половина этого количества не сможет быть доставлена на фронт в течение целого года. Первое сражение с участием первых дивизий армии «К» произошло в сентябре 1915 г. Время от времени он несколько раз менял свои взгляды относительно продолжительности войны, и весной 1915 г. он предсказывал, что резервы Германии будут исчерпаны в сентябре. Однако ничто не может отнять у него той заслуги, что уже в августе 1914 г. он предвидел трехлетнюю продолжительность войны и проявил великую энергию и мудрость, немедленно приступив к подготовительным мерам.

Сомневаюсь, мог ли кто-либо другой в то время привлечь те сотни тысяч людей, которые по его зову вступили в армию. Те, кому пришла в голову мысль поместить на плакатах, призывавших сражаться за короля и отечество, портрет лорда Китченера, были гениями рекламы. Это было в полном смысле лицо командира. Непреклонность в строгих чертах лица, соединение спокойной проницательности и решимости в твердом взгляде его глаз, его умный открытый и широкий лоб—все это производило впечатление непоколебимой силы и энергии на каждого, кто его видел. Кто в эти бурные дни не всматривался в эти гранитные черты, не любовался ими с той верой, которая вела нацию на вершины самопожертвования! Природа придала ему форму, которую она предназначила для героя.

Другое доказательство военного предвидения лорда Китченера относится к августу 1914 г., когда еще не известно было намерение германцев продвинуться через Бельгию. Генерал Жоффр и его советники были уверены, что действительный удар придет со стороны Арденн и что по направлению к Монсу не будут двинуты значительные германские силы. Они исходили из той точки зрения, что дороги в этой части страны не годятся для продвижения большой армии. Лорд Китченер держался другого взгляда; я ясно вспоминаю, как он излагал свое мнение кабинету. События показали, что он был прав. Ошибка французского командования чуть не стала роковой для дела союзников.

Китченер не обладал способностями, необходимыми для руководства великой войной, которая велась непривычными для него методами, непривычными для него ни по его воспитанию, ни по его опыту. Ему было не по душе производство тяжелых полевых орудий, и он скептически относился к расточительству снарядов в окопной войне. Он не понимал, какую роль суждено было сыграть в этой войне пулеметам. Танки он считал причудливой игрушкой, и я помню, как презрительно смеялся он над этим новым оружием при демонстрации первого танка. Он предсказывал, что 18-фунтовые гранаты скоро покончат с этим странным чудовищем, продуктом недопустимого вмешательства моряков в сухопутную войну.

Военные операции развивались по методам, которые все более и более удалялись от его представлений о военном искусстве, в соответствии с этим он становился все менее и менее активным и полезным, и его коллеги все меньше доверяли его мнению. Можно без особого преувеличения сказать, что за последние несколько месяцев своего пребывания в военном министерстве он был *roi fainéant* (королем бездействующим). Сэр Виллиам Робертсон был назначен начальником имперского генерального штаба с полномочиями, которые сводили положение лорда Китченера только к роли министра войны. В его руках находились печати министерства, но во всем, что касалось войны, он должен был следовать распоряжениям сэра Виллиама Робертсона. Несомненно, это было унизительное положение для великого воина, ибо он во всех отношениях был великим человеком и более великим полководцем, чем нужно было для хранения печатей министерства. Тем не менее его престиж в народе никогда не падал, и под конец его жизни у здания военного министерства всегда стояла небольшая толпа, ждавшая случая мельком увидеть его. Когда в Лондон пришла ужасная весть, что он погиб на корабле «Хэмпшир» в жестоких водах северного Атлантического океана, волна смятения охватила массы. В народе говорили об этом событии с ужасом, едва ли не шопотом. Я не могу подробно анализировать все качества и дарования лорда Китченера. Но он был одним из великих людей и оказал несомненное влияние на ее ход и на судьбы всего мира. Великобритания и ее союзники обязаны памяти лорда Китченера вечной благодарностью и бессмертной славой за великие заслуги в великом деле, оказанные поистине великим человеком.

Глава двадцать шестая

В ВОЕННОМ МИНИСТЕРСТВЕ

6 июня 1916 г. я шел из министерства военного снаряжения на Даунинг стрит, 10, чтобы присутствовать на заседании военного совета. Прежде чем я вошел в зал заседаний кабинета, секретарь премьера Бонхем Картер пригласил меня жестом в свою комнату и произнес что-то невнятное о «Хемпшире». Обычно спокойный и сдержанный, он, очевидно, находился во власти какой-то сдерживаемой эмоции, которая делала его речь почти не членораздельной. В конце концов он рассказал мне, что крейсер, на котором лорд Китченер отправился в Россию, натолкнулся на мину у Оркнейских островов, и что лорд Китченер утонул вместе со своим штатом. Когда я вошел в зал заседаний, я застал там премьера, сэра Эдуарда Грея, Бальфура и сэра Мориса Хенки — они сидели у стола, оглушенные страшным известием. Можно было по их состоянию понять, как глубоко было впечатление, производимое личностью этого необыкновенного человека на всех, кому приходилось с ним сталкиваться. Сэр Морис Хенки и я совершенно забыли в тот момент, что если бы не ирландские переговоры, мы разделили бы судьбу Китченера.

Смерть лорда Китченера оставила свободным место военного министра. Я сознавал, что это место может быть предложено мне. Когда я взял на себя пост министра военного снаряжения, подразумевалось, что я смогу вернуться в министерство финансов, как только организую работу в области военного снаряжения. Но я понимал, что от Мак-Кенна невозможно было требовать оставить место, к которому он стремился годами. Сама эта комбинация была ошибкой. Я скоро понял это. Уже одна возможность ее осуществления отравила отношение ко мне министра финансов. Даже впоследствии оно осталось отравленным. Мак-Кенна в бо́льшей мере действует под влиянием личных симпатий и антипатий, чем кто-либо другой из известных мне политических деятелей, и это обстоятельство чрезвычайно затрудняло деловые сношения по вопросам финансов, которые я в качестве министра должен был с ним иметь. Я должен был бы с самого начала заверить его, что не намерен когда-либо требовать исполнения обещания, которое дал мне премьер.

С другой стороны, я вовсе не испытывал нетерпения вступить при настоящих обстоятельствах в военное или другое министерство. Хотя пост военного министра был гораздо более высоким, чем пост министра военного снаряжения и во время этой войны уступал по своей важности только посту премьер-министра, однако за последние месяцы он в очень значительной мере утратил свое значение. Когда лорд Китченер отчасти потерял свой авторитет, фактическое управление делами военного министерства было передоверено специальным королевским приказом начальнику его штаба; а мне нисколько не улыбалась перспектива фигурировать в Уайтхолле только в качестве парадной фигуры. Я был бы слишком неловок для этой роли. Если бы пост военного министра был настоящей должностью, не был лишен живой деятельности и министр сохранил бы верховный контроль над делами, будучи подчинен только премьеру и кабинету, то я приветствовал бы свое назначение на этот пост. Оно дало бы возможность наладить дела министерства и изменить руководство ими. То направление, которое они приняли, вызывало во мне растущую тревогу и недовольство, и я серьезно помышлял о том, не могу ли я оказать больше пользы своей стране, если совсем откажусь от всякого министерского поста. Не будучи более связанным традициями министерской солидарности, я мог бы в качестве независимого критика настаивать в парламенте и в стране на более энергичном и разумном ведении войны.

Среди своих бумаг я нахожу набросок меморандума, который я подготовил 17 июня 1916 г., чтобы изложить Асквиту мои взгляды, в ответ на его предложение взять на себя руководство военным министерством. Вот что я писал тогда:

«Я уже писал Вам на днях и просил дать мне возможность высказать Вам несколько серьезных соображений, прежде чем Вы примете окончательное решение относительно военного министерства. Позвольте мне теперь же освободить Вас от возможной тревоги. За восемь лет, в течение которых я имел счастье работать под Вашим началом, я несомненно причинял Вам время от времени немало хлопот и огорчений, но это никогда не вызывалось какими-либо требованиями персонального характера с моей стороны, я никогда не выдвигал их и не настаивал перед Вами на чем-либо подобном. Вы были столь любезны признать это, когда было образовано нынешнее коалиционное правительство. Я не намерен теперь просить Вас о каком-либо личном отличии или повышения, как Вам станет ясно из дальнейшего. У меня другие планы. Но это придает мне смелости представить Вам одно-два весьма важных и безотлагательных соображения.

1. Поскольку мы должны добиться единой линии между союзниками и заставить их координировать свои действия, Вам нужен такой военный министр, который помимо собственной яркой индивидуальности обладал бы реальной силой и влиянием.

Ни один государственный деятель, сколько-нибудь себя уважающий, не согласится занять этот пост на тех унизительных условиях, к которым был сведен бедный Китченер за последние несколько месяцев его жизни. Мне не раз приходилось видеть, как он возмущался таким недостойным положением. Если министр не имеет решающего слова среди своих подчиненных, то к нему будут относиться с величайшим презрением в его собственном ведомстве и во всей армии. Такой человек не будет иметь веса в делах совета среди союзников в момент, когда крайне важно, чтобы он поднял свой голос в пользу единства и соглашения.

2. В британской армии есть много важных сфер деятельности, которые лучше было бы отдать под гражданское, нежели военное руководство. Бесполезно ссылаться на то, что сделано в континентальных армиях. В этих армиях насчитываются миллионы, и лучшие умы нации были привлечены к службе перспективами карьеры, которые открываются в этих армиях. Наша армия не имела для нас большого значения. Награды по необходимости были ограничены как по числу, так и по размерам. Если же в британской армии найдутся настоящие люди, им надо дать задачи, которые не по силам людям штатским. Расточением сил является обстоятельство, что военных ставят на чисто интендантские посты, вверяя им хозяйственные функции. С другой стороны, если эти функции исполняются недостаточно квалифицированными работниками, армия весьма страдает от этого. Мы имеем в таком случае расточительство без всякого возмещения. Я никогда не мог убедить в этом ни одного военного, он категорически возражал против наделения штатского функциями, которые всегда считались военными.

3. Военные не очень стараются выдвигать своих выдающихся подчиненных, которые, пойдя в гору благодаря своим личным качествам, могут затмить своих начальников. Они не руководятся сознательно соображениями этого соперничества, но безсознательно оно несомненно влияет на них. Они предпочитают иметь на местах, представляющих большие возможности для карьеры, людей безопасных, второразрядных, нежели подбирать на эти места людей исключительных способностей и силы и рисковать таким образом создать себе опасных соперников. Это предпочтение несомненно сказывается в ряде случаев состоявшихся и несостоявшихся назначений в британской армии. С другой стороны, штатский был бы совершенно свободен от соображений соперничества при военных назначениях и настаивал бы на назначении самых лучших людей.

4. Ни одному здравомыслящему штатскому человеку не придет в голову решать вопросы стратегии. Кто способен на это, тому вообще не место на министерском посту. Он был бы опасен. В этих вопросах необходимы советы специалистов. Но схемы специалистов должны также контролироваться здравым смыслом штатского. Это мы имеем в военном комитете. Боль-

шие стратегические начинания должны представляться на одобрение не только военному министру, но также военному комитету. В этом отношении военные не были особенно счастливы в этой войне. До настоящего момента не было ни одного плана, придуманного и проводимого ими, который не кончился бы кровавой неудачей.

Вот некоторые из тех мыслей, которые я желал высказать Вам, прежде чем Вы примете свое решение. Как я уже говорил, я не имею личного интереса в этом вопросе. Я предполагаю держаться линии, которой я придерживаюсь уже давно. В продолжение долгого времени я испытывал чувство глубокой неудовлетворенности и огорчения при виде того, как идут военные операции и как ведется война. Эту неудовлетворенность я высказывал письменно и устно Вам, военному комитету и кабинету. Если бы не тот факт, что я взял на себя задачу, выполнение которой имело крайне важное и жизненное значение для успеха нашей армии, я уже давно присоединился бы к Карсону; в основном я вполне сочувствовал его критике ведения войны. Но пока были еще затруднения с комплектованием рабочих, пока организация, созданная мною с помощью других, еще не принесла плодов, у меня было такое чувство, что это было бы равносильно дезертирству с тяжелого поста. Но теперь министерство военного снаряжения работает с несомненным успехом. Производство военных материалов налажено и идет быстрым темпом. Когда я взялся за это дело, мы производили в стране 70 тыс. снарядов в неделю; это примерно одна шестая часть того, что мы тратим в одну неделю окопной войны. Весь наш запас снарядов составлял менее 75 тыс.; в настоящее время мы в день производим вдвое большее количество. Орудия поступают сотнями. Моя артиллерийская программа, бывшая главным образом моим достижением, названа одним из моих коллег по кабинету «чистым безумием». Встречавшая в течение долгих месяцев упорное сопротивление, эта программа, как показали теперь военные действия, была единственно возможным путем к достижению успеха. Наша армия во Франции требует теперь на сотни орудий больше, чем когда-либо заказывало военное министерство. Если бы я в свое время вопреки всем авторитетам, высоким и малым, не позаботился наладить производство этих орудий, эти требования не могли бы быть удовлетворены.

Я подчеркиваю это, для того чтобы показать, что министерство военного снаряжения отныне в состоянии функционировать самостоятельно. Поэтому я чувствую, что мое положение в министерстве ненормально, тем более, что я совершенно не симпатизирую тому духу и тем методам, при помощи которых ведется война. Я чувствую, что мы не можем победить такими методами. Мы несомненно проиграем войну, и ничто не может спасти нас — только сама нация. Народ не видит как серьезно положение. Ему нужно об этом сказать. Англия должна спастись,

в противном случае народ обрушится на тех, кто держится моих взглядов, и скажет нам, когда разразится катастрофа: «Почему вы не предупредили нас во-время?» Я знаю, что Вы всегда смотрели на ход вещей более оптимистически, но, думаю, Вы согласитесь со мной, что до настоящего времени мои мрачные предчувствия оказывались правильными. Видит бог, я хотел бы лучше ошибиться, но если я не ошибаюсь, я должен чувствовать себя виновным в грубом нарушении своего долга, если я, ради того, чтобы сохранить за собой приятное место, дам зажать себе рот, не предупредив страну во-время об опасности, которая ей угрожает. Это решение составилось у меня давно; об этом Вам может рассказать главный судья, так как уже много недель тому назад я посвятил его в свои намерения по этому вопросу. Есть вещи, которые должны быть сказаны не только нашим соотечественникам, но и союзникам, но не могут быть сказаны человеком, который продолжает оставаться членом кабинета. Между тем, чтобы выиграть войну, эти предостережения должны быть сделаны; они крайне необходимы. Мне очень трудно воздержаться от высказывания своего мнения в частной беседе, но я понимаю, что поступать так, продолжая оставаться членом правительства, значит открыто навлекать на себя обвинение в нелойяльности; таким образом я оказываюсь в злосчастном положении человека, которому предстоит выбор между нелойяльностью к своим коллегам и изменой своей стране.

Лишь с великим сожалением и, повинуясь призыву общественного долга, я чувствую, что должен разлучиться с Вами и некоторыми моими другими товарищами по кабинету, которые проявляли по отношению ко мне большую любезность и благожелательность; но я глубоко убежден, что в тяжелую годину могу оказать лучшую службу моей стране, находясь вне правительства и говоря народу то, что мне известно. Я считаю, что правительство быстро теряет доверие нации. Оно не может сохранить его, искусственно продлив жизнь парламента. Нация должна иметь возможность избрать свою собственную политику и своих собственных представителей для истолкования этой политики; в частности я чувствую, что те, кто находятся в окопах, должны иметь возможность выбрать тот парламент и ту политику, от которых зависят их жизни. Я знаю, что и в этом отношении я тоже расхожусь с некоторыми моими коллегами; я вынужден наблюдать, как пытаются отложить дискуссию по этому важному вопросу на такой срок, когда уже будет поздно действовать.

Что касается Ирландии, то, поскольку речь идет о моем участии, дело должно в течение нескольких ближайших дней разрешиться в ту или другую сторону. Будет достигнут либо окончательный успех, либо произойдет неудача. Но я чувствую, что вне правительства я могу быть более полезен даже в этом вопросе».

Этот меморандум дает довольно определенное представление о взглядах на положение, которые составились у меня в то время. Он показывает также некоторые из соображений, по которым мне очень не хотелось принять на себя пост военного министра. Однако дальнейшие беседы с Асквитом, с лордом Редингом, который энергично возражал против моего ухода в отставку, с Бонар Лоу, а также с лордом Бивербруком, который принимал участие во всех моих беседах с Бонар Лоу по вопросу о ведении войны, убедили меня отказаться от мысли выйти в отставку. Бонар Лоу настаивал на том, что если я выйду из состава кабинета и присоединюсь к Карсону в его критике правительства, это сделает совершенно невозможным его собственное положение в правительстве. Ему тоже пришлось бы тогда уйти. Таким образом мы разрушили бы национальное единение. Поэтому я решил не отправлять своего меморандума и отложить пока мое намерение выступить из правительства. Я согласился взять на себя военное министерство с значительными опасениями, отчасти в виду общей военной политики, отчасти потому, что не любил работать со связанными руками.

6 июля 1916 г. Асквит, который взял на себя еще раз временное заведывание военным министерством до назначения преемника лорда Китченера, передал его мне.

Я был в военном министерстве только пять месяцев — срок слишком короткий, чтобы добиться больших перемен в его внутренней организации и политике, в особенности, поскольку начальник генерального штаба сэр Виллиам Робертсон видел в каждой попытке с моей стороны осуществлять мою власть вмешательство в его специальные функции и полномочия; поэтому он становился на дыбы всякий раз, как только подозревал вмешательство опрометчивого и безрассудного штатского в святая святых военного дела. Две главных задачи, которые я в состоянии был провести за время моего короткого управления министерством — я говорю о них в следующих разделах — были: приведение в порядок отчаянного положения в Месопотамии и реконструкция транспортной системы на западном фронте. Я также усилил дело рекрутского набора в империи за пределами британских островов.

В разрешении этих проблем, унаследованных мной на моем новом посту, мне удалось добиться значительного успеха. В разрешении другой тоже унаследованной от прошлого проблемы я был менее счастлив. Это был вопрос о военной связи с Россией. Время от времени с самого начала войны я настаивал в правительстве на установлении более тесной связи между западными союзниками и Россией. Мне важно было не только обеспечить более тесное координирование действий между Западом и Востоком, но также установить, что может быть сделано для снаряжения, а следовательно и для реорганизации русских армий.

Вспомним, что лорд Китченер находился на пути в Россию, когда его застигла смерть. Это была миссия чрезвычайной важности, так как вряд ли можно преувеличить критическое положе-

ние нашей союзницы; чтобы спасти Россию от полного военного краха, западные союзники должны были притти с ней к соглашению по вопросам стратегии, финансов и поставки военного снаряжения.

Лорд Китченер в выдающейся мере обладал необходимыми качествами для этой миссии. Теперь, когда его не было более в живых, встал вопрос о том, чтобы найти лицо, способное заменить его в этой миссии.

Само собой разумеющимся и фактически неизбежным кандидатом для этой миссии был сэр Виллиам Робертсон. Как начальник имперского генерального штаба он обладал необходимым положением, престижем и знаниями. Единственно возможной была бы еще кандидатура главнокомандующего Хейга. Ясно было однако, что без него нельзя было обойтись во Франции в разгар большого наступления. Правда, Робертсон не был авторитетом в финансовых вопросах, но этому можно было помочь, послав вместе с ним лорда Рединга для разрешения финансовых вопросов.

Но Робертсон не соглашался. Наступление на Сомме было в полном разгаре, и он был всецело поглощен связанными с наступлением распоряжениями по армии. Время уходило, и когда наступил конец сентября, я увидел, что надо во что бы то ни стало добиться результата; ибо Архангельск зимой замерзает, а зима была уже близко.

Поэтому я обратился к Асквиту со следующим письмом:

«Конфиденциально.

Военное министерство.
26 сентября 1916 г.

Мой дорогой премьер!

Прежде чем Вы примете окончательное решение по тому предложению, которое я сделал Вам сегодня утром, — а я считаю крайне необходимым и важным, чтобы что-нибудь было предпринято в этом направлении, — я желал бы еще раз изложить Вам соображения, которые убеждают меня в чрезвычайной актуальности этого шага. Я уже не раз думал об этом.

1. Тон некоторых сообщений из Петрограда указывает на значительное раздражение против нас в русских официальных кругах, в особенности в русских военных кругах.

2. Перемены, происшедшие в последнее время, заметно усилили германофильские влияния в русском правительстве. Наши друзья исчезли один за другим, и теперь в русской бюрократии нет никого, кто относился бы к Англии благоприятно.

3. Русские, как и все крестьянские народы, относятся с крайней подозрительностью к народу, занимающемуся торговлей и финансовыми делами. Они всегда воображают, что мы стараемся извлечь барыш из отношений с ними. Разумеется, их подозрения являются смехотворными для всякого делового

человека, но это ни в малейшей мере не влияет на крестьянскую психику. Они несомненно вбили себе в голову, что мы стремимся на них заработать. Надо устранить это подозрение.

4. Вопрос не в условиях, а в атмосфере. Русские — простые и, думается мне, хорошие парни и, раз завоевав их доверие, мы не будем наталкиваться на трудности в деловых сношениях с ними. Поэтому мы должны предпринять какой-нибудь решительный шаг, чтобы устранить подозрительность, которая затемняет реальные проблемы. Я настаиваю поэтому на важности немедленной посылки в Россию эмиссаров, занимающих высокое положение, с достаточными полномочиями, чтобы внести ясность в создавшееся положение. К несчастью Барк и Беляев уехали, не достигнув соглашения. Но это — дело прошлого.

5. Наш эмиссар или наши эмиссары не только должны обладать авторитетом, но должны быть известны русским как лица высокого положения и влияния в своей стране. Я энергично настаивал бы на том, чтобы мы просили сэра Виллиама Робертсона и лорда Рединга взять на себя эту миссию. Что касается сэра Виллиама Робертсона, то его положение у нас известно военным властям в России, а в настоящий момент они — единственные, кто имеет вес в России. Бюрократы — это жалкие креатуры. Робертсон мог бы обсудить с генералом Алексеевым военные планы на будущий год. Важно, чтобы оба эти человека встретились. До настоящего времени русские ни разу не совещались с западными державами относительно военных планов. Лица вроде генерала Жилинского, который в Париже представил русские армии, имеют более чем ничтожное значение, и я опасаюсь, что если состоится вторая конференция в Шантильи, то Алексеев либо не сможет, либо не пожелает послать человека, который имел бы все полномочия, чтобы наметить главные очертания ближайшей кампании. Восточные генералы, вероятно, концентрируют свое внимание исключительно на Востоке и я не уверен в том, что западные генералы не склонны впасть в подобную же ошибку, чрезмерно ограничив свой кругозор теми странами, в которых оперируют их войска. Будет хорошо для обоих, — т. е. для генерала Робертсона и генерала Алексеева, если они обменяются мнениями, и решение, принятое этими двумя крупными полководцами в результате такого обмена мнений, по всей вероятности, может быть действительно решающим.

Что касается лорда Рединга, то он обладает тем высоким положением, теми необходимыми дипломатическими талантами и знанием финансовых вопросов, которые дадут ему возможность успеха в соглашении с Россией.

Меня пугает перспектива, что существующие недоразумения могут привести к напряженным отношениям между странами. Вероятно, это не вызовет разрыва во время войны, но это

наверное может оказать печальное влияние на ход мирных переговоров.

Преданный Вам
Д. Ллойд Джордж.

P. S. По заказам важнейших военных материалов для России уже произошла задержка в несколько месяцев, и я боюсь, что русские генералы припишут поражения, происшедшие по их собственной вине, нашему промедлению в оказании им финансовой помощи».

Мое предложение относительно сэра Виллиама Робертсона разбилось о подозрения личного характера. Он готов был вообразить, что я буду рад его отсутствию в военном министерстве; в самом кабинете были люди, которые абсолютно враждебно относились ко всему, чтобы я ни делал и ни предлагал. Эти люди умышленно побудили Робертсона отказаться от предложенной ему миссии. В самом деле, впоследствии Мак-Кенна признал, что он советовал Робертсону не отправляться в Петроград. В результате я получил на следующий день от начальника имперского генерального штаба письмо такого содержания:

«Военное министерство.
27. 9. 16.

Дорогой Ллойд Джордж!

Премьер-министр только что посылал за мной для обсуждения вопроса о посещении России. Я зрело обдумал его, после того как Вы говорили со мной сегодня утром, и пришел к заключению, что для меня невозможно отправиться в Россию, не потеряв полностью контроля над войной, к тому же в важный момент. Я отлично понимаю силу Ваших аргументов, но если бы я отправился в Россию, мне пришлось бы быть в отсутствии по крайней мере месяц, а это слишком большой срок, принимая во внимание необходимость моего личного участия в разрешении целого ряда проблем, стоящих перед нами.

Я искренне огорчен, что не могу пойти на Ваше предложение. Как я сказал премьер-министру: если потребуют, чтобы я поехал, я подчинюсь, но мое мнение, — что я не должен ехать, если я сколько-нибудь полезен в качестве начальника имперского генерального штаба.

Верьте мне, я очень сожалею, но я должен был сказать Вам, что я думаю относительно необходимости остаться на своем посту.

Преданный Вам
В. М. Робертсон».

С этим отказом предположенная миссия в Россию рухнула, и возможность притти к реальному соглашению с нашим великим союз-

ником на Востоке была упущена; потом было уже поздно спасти Россию от окончательного краха.

Известия, приходившие к нам из России в течение осени 1916 г., показали, какой роковой ошибкой был отказ от мысли об этой миссии. Все предзнаменования указывали на крушение военной мощи России и на предстоявший сепаратный мир с Германией.

В конце июля Сазонов ушел с поста министра иностранных дел и был заменен Штюрмером; шведский король (который по своим симпатиям был германофилом), услышав эту новость, сказал тогда британскому послу в Стокгольме, что в течение двух месяцев будет заключен мир между Россией и Германией! Хотя это пророчество не осуществилось, но оно основывалось на верном понимании того, какой оборот приняли дела в России.

Сэр Джордж Бьюкенен, британский посол в Петрограде, в частном письме к лорду Чарльзу Бересфорду от 17 октября упоминал об упорных слухах о сепаратном мире, которые были официально опровергнуты Штюрмером, и сообщал о росте симпатий к Германии. В следующем письме от 28 октября он обращал особое внимание на успехи германофильской и антибританской пропаганды и прибавлял: «Потери, понесенные Россией в этой войне, так колоссальны, что вся страна носит траур; во время недавних безуспешных атак на Ковель и другие пункты было бесполезно принесено в жертву столько людей, что по всем видимостям у многих растет убеждение: для России нет смысла продолжать войну, в частности Россия в отличие от Великобритании не может ничего выиграть от затягивания войны... При растущем с каждым днем недовольстве народа и при таком человеке, как Штюрмер, находящемся во главе правительства, я не могу не чувствовать тревоги».

30 ноября лорд Рондда послал мне серию меморандумов, написанных британским офицером в Архангельске о его впечатлениях при посещении Петрограда и Москвы. Его тоже поразила сила германской пропаганды и усталость народных масс от войны. «От великого до малого все здесь того мнения, что военный энтузиазм русского простонародья в городах очень упал за последнее время, — пишет он. — Конечно главная причина этой перемены морального состояния народа заключалась в чрезвычайной трудности доставать предметы первой необходимости даже за деньги, в том, что в больших городах все вынуждены теперь стоять в длинных очередях, чтобы получить в небольшом количестве такие продукты, как молоко, черный и белый хлеб, масло и сыр, сахар, чай и кофе, мясо, рыбу и т. д. Эти очереди представляют в высшей степени удобный случай для агентов германской пропаганды; люди, стоящие в очереди, хитро намекают, а иногда даже открыто утверждают, что все эти лишения вызваны исключительно интересами Англии». Затем шли следующие пророческие слова: «Ближайшие три месяца будут критическим периодом... Либо правительство уступит, либо наступит государственный переворот, либо если не произойдет ни того ни другого,

России придется прекратить войну и заключить мир с весьма печальными результатами».

Этот информатор настаивал на необходимости с величайшей поспешностью развить контрпропаганду. «Только с помощью самой усердной и терпеливой работы можно протащить Россию в лице ее правительства и народа еще через один-два года войны и лишений; чтобы достигнуть этого, не следует жалеть никаких усилий или сравнительно ничтожных расходов...»

Но это предостережение пришло слишком поздно. Архангельский порт был уже затерт льдами. Прежде чем он растаял, весной в России разразился революционный крах, и все надежды укрепить ее как союзную державу исчезли.

Глава двадцать седьмая

СЭР ВИЛЛИАМ РОБЕРТСОН

Сэр Виллиам Робертсон был одной из загадок войны. Он не был ни крупным полководцем, ни великим человеком; но не подлежит сомнению, что он был личностью незаурядной. Уже тот факт, что относительно его способностей и характера существовала такая разноголосица и велись столь горячие споры, достаточно доказывает, что он был человек незаурядный. В такой замкнутой профессии, как военная, где социальное положение и воспитание играют такую большую роль, никто не мог бы подняться от самых низов до тех вершин, которые он занимал, если бы не обладал талантами, превосходящими уровень его товарищей. Он был прилежен, тверд, рассудителен. Со всеми возлагаемыми на него административными задачами, будь то в качестве рядового, унтера или офицера, он справлялся превосходно. Он был прекрасным организатором. Во время своей военной карьеры у него было мало случаев, — если они вообще были, — когда он мог командовать на фронте. У него был административный опыт; в этой области он достиг значительных успехов. Из всех генералов он уступал в этом отношении только сэру Джону Каузнсу. Он обладал другими качествами, которые способствовали его быстрому продвижению в армии. Он был осторожен и умел соблюдать тайну. Его поразительная молчаливость производила глубокое впечатление на всех, кто по долгу службы должен был узнавать его мнение.

Лаконическая сентенция, а часто простое ворчание, которое должно было что-то означать, — вот все, что он находил нужным ответить тем, кто с тревогой допытывался у него истины о нашем положении на фронтах. Он не любил связывать себя высказываниями, но строго придерживался ортодоксальной линии поведения. Поэтому ошибки его были всегда пассивного характера и, так как они всегда находились в соответствии с уставом и традициями армии, они шли ему на пользу и способствовали его продвижению на службе. Он знал армию лучше, чем кто-либо из его соперников *.

---

* Выдержка из передовой в «Таймс»:

«...это не был гениальный человек, разве лишь по определению Карлейля. Этот человек не был блестящим метеором; фантазия его была шаб-

Такие люди всегда имеют успех в любой профессии. Эта осторожность в суждениях и речах заставила таких тонких наблюдателей и знатоков рода людского, как Асквит, объявить его «величайшим стратегом данного момента». Уже им-то во всяком случае он не был.

Когда я впервые встретился с ним, он уже достиг весьма почетного положения в военной иерархии. Он был начальником штаба главнокомандующего нашим экспедиционным корпусом во Франции. Мое первое знакомство с ним несомненно произвело на меня большое впечатление. Впоследствии во время войны я часто видел его и постепенно уяснил себе его способности и слабые стороны. Он относился с глубокой и тревожной подозрительностью ко всем иностранцам, что суживало его кругозор. В войне, проводимой в союзе с другими народами, существенным условием победы должно было быть широкое и здравое толкование политики единого фронта.

В первую очередь и больше всего он не доверял французам, затем итальянцам, сербам, грекам, кельтам; поскольку он мог питать доверие, им пользовались только германцы. Австрийцы не существовали для него, разве только в его арифметических таблицах. Они не находились поблизости западного фронта и не проявляли также другим способом своего враждебного присутствия в его стратегических концепциях. Французы всегда раздражали его и разжигали все его упрямство. Вот почему они называли его: генерал «Non-non» («Нет-нет»); таков был его первый импульс по отношению ко всем их требованиям и предложениям. Бриан однажды сказал мне: «Робертсон говорит «нет», еще не расслышав, в чем заключается предложение».

О немцах он был очень высокого мнения и не чувствовал к ним неприязни. В 1916 г., когда германская армия упорно защищалась на Сомме, он сказал мне: «Если бы мы и боши были вместе, мы уже давно разбили бы всех их вместе на голову». В самый неблагоприятный момент борьбы он не колебался высказаться в том смысле, что при обсуждении условий мирного договора сильная Германия в центральной Европе существенно важна для сохранения мира.

Его памятная записка по этому вопросу содержала элементы подлинного государственного таланта. После недельного размышления по поводу собственного мужества он взял назад свою памятную записку и отказался от нее. Он был бы гораздо лучшим политиком, чем военным. Поскольку он уже скончался, я могу выразить это мнение, не при-

---

лонна... Вот урок, который можно извлечь из карьеры Робертсона. Гений ослепляет своим великолепием; но у этого человека вы в точности можете разглядеть, каким он был, вы можете проследить за борьбой, которую он вел в каждом отдельном случае, и полностью понять, по каким причинам он оказался победителем. У гения — оправдание в том, что он самобытен; карьера Робертсона не дает оснований для такого оправдания. То, что он делал, может сделать также любой взрослый человек или мальчик с обычными познаниями, если только он готов на необходимые жертвы, готов жертвовать своим прямым отдыхом и комфортом».

чиняя ему тем самым огорчения, которое он неизбежно испытал бы.

В дальнейшем мне придется еще не мало говорить о том, в какой мере он подходил для поста начальника имперского генерального штаба. Не думаю, чтобы он когда-либо сознавал все значение и всю ответственность, связанные с этим важным постом. Он должен был бы в сущности исполнять функции главного военного советника кабинета. Сэр Дуглас Хейг, сэр Арчибальд Маррей, сэр Джон Максвелл, генерал Мильн и генерал Моуд — все они командовали отдельными участками фронта, и внимание их в основном, если не всецело, должно было быть сосредоточено на достижении победы над неприятельской армией, стоящей непосредственно перед ними. Но начальник имперского генерального штаба должен был понимать, что его долг наблюдать и координировать действия на всех полях сражения. Я глубоко чувствовал, что в этом отношении он совсем не оправдал доверия государственных деятелей, которых он высмеивал и которым должен был бы помогать своими указаниями.

Сэр Дуглас Хейг был более сильным человеком. Сомневаюсь, был ли он способнее Робертсона, но он обладал более высокими боевыми качествами. Это был человек более непреклонной воли и храбрости. Он был также старше Робертсона; это имеет значение в каждой профессии, а больше всего в армии и флоте. При приблизительно одинаковой квалификации всегда решает старшинство. Вот почему, где бы я ни встречал этих двух людей вместе, я чувствовал, что Хейг импонирует Робертсону, держит его в страхе, чуть ли не заставляет его трепетать. Робертсон не был пугливым человеком, но он не был одарен тем бесстрашием мысли и действия, которое создает великих генералов.

Угловатость физических движений Робертсона указывала на отсутствие духовной гибкости и приспособляемости. Он не спорил, избегал дискуссий и ненавидел возражения; одна из причин этой ненависти заключалась в том, что он был весьма чувствителен к малейшему проявлению неуважения к его личному и служебному достоинству на словах ли или на деле. Когда среди рабочих в Вуличе происходили волнения из-за рабочего дня и заработной платы, д-р Аддисон предложил сэру Виллиаму Робертсону обратиться к ним с увещанием и указать на крайнюю важность их работы. Он полагал, что несколько слов из уст столь славного полководца успокоят рабочих. Однако когда оба они явились в цех, они нашли там яростную и галдящую толпу, которая закидала обоих посетителей вопросами без всякого уважения к их звездочкам и полоскам. Начальник имперского штаба был оскорблен такого рода встречей. Он считал ниже своего достоинства спорить с таким шумным собранием, отказался говорить перед ним и предоставил выступить только д-ру Аддисону.

Он редко выступал в военном совете, и я никогда не слышал, чтобы он принимал сколько-нибудь значительное участие в дискуссиях с генералами союзников. На этих конференциях между представителями армии и флота союзников Робертсон сидел за столом

в угрюмом молчании. Он часто протестовал, но обычно нечленораздельно. Он сильно порицал Фоша, Нивелля, Жоффра и Лиотея, но никогда не снисходил до спора с ними. Повидимому, ему наскучили, если и не одолели, говорливость и самоуверенность французских генералов. Когда я отправлялся на Римскую конференцию в 1917 г., Бриан и генерал Лиотей, который был тогда французским военным министром, ехали тем же поездом. Поздно ночью Лиотей попросил сэра Виллиама Робертсона и меня зайти к нему в салон. Перед ним лежала карта Палестины, и он начал читать нам очень длинную стратегическую лекцию о кампании для завоевания Иерусалима. Робертсон не проронил ни слова одобрения или порицания; он лишь время от времени мычал в знак того, что слушал, и когда Лиотей кончил свою речь, Робертсон повернулся ко мне и спросил «он кончил?» Я ответил: «думаю, что кончил». Мы поднялись и на обратном пути в английский вагон он сказал мне: «Этот парень долго не продержится». Он действительно не продержался долго, ибо всего через каких-нибудь несколько недель последовала его отставка.

Его внешность не давала представления о его мягкосердечии и доброте. Когда он отдыхал, лицо его имело сердитое или, лучше сказать, угрюмое выражение; в разговоре эта внешняя суровость таяла, и разговор с ним бывал интересным, пока не касались вопроса, в котором он расходился со своим собеседником. Тогда он снова уходил в свою раковину и искал убежища в угрюмости.

Он умел быть очень веселым. Вспоминаю, как мы возвращались однажды из Парижа: он, лорд Китченер и я. В поезде мы много шутили и мило подтрунивали друг над другом. Лорд Китченер рассказывал о своей усадьбе в Кенте, к которой он был очень привязан. Он сожалел лишь, что в той долине, в которой он построил свою резиденцию, не было воды; при этом он прибавил, что к его огорчению долины на другой стороне изобилуют водой. На это Робертсон заметил: «Почему же Вы в таком случае не пророете туннеля к одной из этих долин и не проведете воду к вашей долине?» Эта мысль очень рассмешила великого сапера.

Лично я был привязан к Робертсону и рад был бы возможности работать с ним вплоть до самого конца. Но об этом в другой раз.

Глава двадцать восьмая

ТРАНСПОРТ

Сэр Дуглас Хейг однажды заметил сэру Эрику Геддесу, что проблема войны заключается в трех «М»: Men, Munitions, Movement (по русски — три «С» — солдаты, снаряды, скорость). В другом месте этой книги я говорил о том, как военные власти получали рекрутов, как последние были использованы и какие при этом были сделаны ошибки; я показал, как эти самые власти оказались неспособными организовать производство военного снаряжения и должны были отдать это дело в руки политиков и деловых людей. Теперь я должен показать, как профессионалы-военные оказались не в состоянии справиться также с громадной проблемой транспорта, которую поставила перед ними эта небывалая война, и как и на этот раз несчастье было едва предотвращено с помощью гражданских специалистов. Я обвиняю не профессиональных военных, а только то надменное безрассудство, которое клеймит всякую гражданскую помощь в ведении и направлении войны, как недопустимое вмешательство невежественных дилетантов.

Впрочем, если вспомнить гигантский объем этой проблемы транспорта, перевозки миллионов людей с их снаряжением, обозом, лошадьми и т. д., которые надо было доставлять во Францию и из Франции, а также с одного фронта на другой; их колоссальное ежедневное снабжение продовольствием, фуражем, снарядами, инструментами, материалами для окопов; медицинские и хирургические принадлежности и эвакуацию раненых, — то вряд ли вызовет удивление, что пожилые офицеры, достигшие высших чинов в результате многолетней службы в весьма суровых традициях небольшой армии, не оказались компетентными в подыскании наилучших методов, чтобы справиться с этой огромной путаницей. Проблема военного транспорта никогда еще не возникала в таком неслыханном масштабе. Это требовало исключительного опыта, которого они никогда не имели, и исключительных организаторских способностей, которых не мог гарантировать процесс их подбора.

Уже в самом начале моей работы в министерстве военного снаряжения я натолкнулся на неуменье военных организовать транспорт в новом масштабе. Я столкнулся с этим обстоятельством не далее, как в стенах Вульвичского арсенала. Когда в августе 1915 г.

я перенял Вульвич и поставил во главе его сэра Винсента Рейвена, он должен был нести ответственность за огромное и сбивающее с толку множество заводов и цехов — они занимали площадь примерно в 3,5 мили длиной и 2,5 мили шириной, имели около 150 миль железнодорожных путей для доставки и распределения сырья и вывоза продукции. Подвижной состав имелся в недостаточном количестве. Дело поставлено было так беспорядочно, что невозможно было ни доставлять сырые материалы в арсенал, ни вывозить готовые фабрикаты, ни перевозить материалы в самом арсенале. Транспорт был безнадежно перегружен. Пришлось обратиться к помощи специального эксперта одной из железнодорожных кампаний, поручив ему взять на себя транспорт в арсенале и организовать его. Он быстро поставил дело.

Но самым больным местом в проблеме транспорта было дело связи между французскими портами и линией фронта. На нашей стороне транспорт материалов и людей в Англии и отправка на французский берег были организованы нашими собственными директорами железных дорог и нашего судоходства — и в том и в другом случае мастерами своего дела. Но раз высаженные и выгруженные во Франции, люди и материалы попадали на французские железные дороги, которые были перегружены и дезорганизованы неопытными офицерами. Последние старались добиться от этих дорог совершенно немыслимых результатов. Как и следовало ожидать, это приводило к путанице, пробкам в движении и задержкам.

Лорд Китченер сам почувствовал эти затруднения еще в конце 1914 г., когда проблема находилась только в зачаточной стадии. Он пригласил Геддеса (ныне сэра Эрика) в военное министерство, он же предложил ему отправиться во Францию и помочь на месте в урегулировании железнодорожного транспорта. Геддес согласился, но когда позвали генерала Кауэнса и предложили ему наладить эту поездку, лорд Китченер сделал это так бестактно, что тот обиделся и ясно дал понять Геддесу, что его вмешательство будет нежелательным, пожалуй, совершенно бесполезным. Таким образом план этот отпал. Геддес предложил Кауэнсу послать за ним, когда сам найдет нужным, но Кауэнс этого так и не сделал. Сэр Джон Кауэнс был более свободен от предрассудков своей профессии, был в большей степени готов принять помощь штатских в своей работе, чем кто-либо из военных, с которыми я встречался; но в данном случае, очевидно, та манера, с которой к нему подошли, дала ему понять, что Геддеса приглашают для исправления его недочетов.

В бытность мою министром военного снаряжения я послал однажды Геддеса во Францию с разрешением от военного министерства обследовать вопрос о спасении потонувших кораблей и их транспорте. По возвращении он поделился со мной впечатлениями о положении транспорта; они были столь тревожного характера, что я предложил лорду Китченеру отправить Геддеса для обследования и доклада на предмет реорганизации транспорта. Однако лорд Китченер принял полученный им урок близко к сердцу и на этот

раз был того мнения, что это чисто военные вопросы и что нельзя позволить профанам из штатских вмешиваться в эту святая святых. В это время он отличался той растущей неподвижностью ума, которая так тяжко отразилась на его роли руководителя в последние месяцы его пребывания в министерстве.

К тому времени, когда я стал военным министром, я получил информацию из Франции, что там наблюдается недостаток в снарядах. После обследования вопроса я нашел, что это никоим образом не вызвано их недостаточным производством с нашей стороны. Действительно, наши заводы снарядов задыхались от множества готовой продукции, так как склады на базах во Франции были слишком загружены и не могли принять ее.

В день, когда стала известна смерть лорда Китченера, сэр Эрик Геддес, работа которого очень страдала от недостатка транспортных возможностей, явился ко мне для переговоров. Повидимому, в ответ на запрос военного министерства о предположительной оценке размеров производства артиллерийских снарядов, начиная с 1 июля, была дана круглая цифра в 1 млн. снарядов в неделю. Военное министерство открыто сомневалось в возможности такой продукции и констатировало, что, даже если бы продукция достигла такой цифры, не было бы возможности ее перевозки как через Ламанш, так и далее на фронт вследствие перегруженности портов и дорог, и что во всяком случае орудия не в состоянии будут выпустить такое количество снарядов. Учитывая, что последняя предположительная оценка военного министерства была в точности выполнена, и принимая во внимание все наши усилия развить производство для нужд армии, можно понять, какое раздражение, мягко выражаясь, вызвало это заявление.

В июле 1916 г., как только я стал военным министром, я послал лорда Дерби, бывшего тогда моим помощником, к сэру Дугласу Хейгу с просьбой пригласить сэра Эрика Геддеса отправиться во Францию и заняться обследованием транспорта. Но мое предложение не встретило благоприятного приема. Узнав это, я на следующий день отправился во Францию сам с целью посетить весь фронт от Вердена до Фландрии. Приехав в Париж, я имел свидание с лордом Эшером, который назначен был здесь на свое обычное амплуа генерального советника и офицера связи для всех и каждого. Такой человек весьма полезен, если он обладает тактом, проницательностью и опытом. Лорд Эшер обладал этими качествами в превосходной степени. Это был обходительный, охотно помогающий человек, имевший большие знания в военном деле. Я сообщил ему все свои опасения относительно транспорта и рассказал о деликатной головомойке, полученной Дерби от Хейга. Я прибавил, что послал Дерби, так как считал, что к нему с особой благосклонностью относится главнокомандующий. Он не подтвердил этого мнения и сказал мне: «Поезжайте туда сами и поговорите совершенно откровенно обо всем положении. Расскажите об этом Хейгу и не соглашайтесь, если Вас отошлют в его штаб. Единственная ваша трудность будет в том, что хотя Хейг не знаток

людей, он стоит за них горой с упрямой лояльностью, каковы бы ни были их качества. Но если вы сможете доказать ему, что важные доставки были задержаны и не дошли до его армии, когда развертывалась грандиозная битва, он выслушает вас и рассмотрит дело». Я последовал его указанию, отправился немедленно в главную ставку и ночью очутился в замке сэра Дугласа Хейга. Он принял меня с большой сердечностью и изложил мне свой обычный оптимистический, уверенный взгляд на развертывание наступления на Сомме и его перспективы. Цифры убитых и раненых были в его рассказе опущены. Когда мы подошли к вопросу о транспорте, я решил, что лучше будет не обсуждать с ним этого вопроса по существу или в деталях, а просить его принять сэра Эрика Геддеса, дать ему возможность познакомиться с постановкой транспорта и доложить о его положении. Он быстро согласился на это, так как это позволяло ему избежать могущей стать неприятной дискуссии с новым военным министром. Я тоже был доволен таким оборотом дела, так как был уверен, что он посмотрит теперь на предложение каких-либо перемен не как на опорочивание организации фронта, а как на способ помочь ему в критический момент. С его согласия я телеграфировал сэру Эрику Геддесу и пригласил его посетить главную ставку и взять на себя инспектирование постановки транспорта.

Сэр Эрик приехал и провел здесь два дня. Нет надобности говорить, что он был принят с изысканной любезностью. Под конец главнокомандующий спросил его, видел ли он все; Геддес ответил, что видел достаточно, чтобы было над чем задуматься, но не может еще составить себе определенного мнения. Он остался еще несколько дней, а затем вынужден был объявить Хейгу, что ему не было показано ничего такого, чего не показали бы обыкновенному знатному туристу, и что ему нужен для осмотра целый месяц; за это время он действительно сможет рассмотреть весь вопрос и составить доклад и программу действий.

К счастью, сэр Эрик Геддес и сэр Дуглас Хейг почувствовали за это время симпатию друг к другу. Сэр Дуглас впоследствии заявлял, что «нашел в нем именно те достоинства, в которых нуждалась армия на фронте». Результат был тот, что главнокомандующий пригласил железнодорожного эксперта приехать к нему и провести на месте месяц, чтобы произвести основательное обследование и составить свою транспортную программу. Сэр Эрик сделал это. Его первой заботой была организация своего штаба. Никогда не было более работоспособной группы людей. Он привез с собой сэра Джорджа Бихарелля и генерала Монса из военного министерства, которого я дал ему на время для этой цели, и сэра Филиппа Нэша, который вместе с Бихареллем работал под руководством Геддеса в министерстве военного снаряжения. Во Франции он затем присоединил к своему штабу генерала Фриленда, который состоял при штабе директора железных дорог в главной ставке. С этими помощниками он выработал программу реформы транспорта,

включая систему легких (узкоколейных) путей для обслуживания передовых позиций за линией фронта.

По возвращении сэра Эрика я назначил его директором железных дорог в военном министерстве.

Это послужило причиной моего первого столкновения с военными членами Военного совета. Назначение должно было быть одобрено Военным советом. Один из генералов, сидевших за столом, говоря, повидимому, от имени остальных, протестовал против того, что на этот пост назначается штатский, которому предоставляется право отменять распоряжения, или проводить новые в отмену тех, которые отданы опытными и уважаемыми военными, справлявшимися с этим делом ко всеобщему удовлетворению. Я возражал против этого заявления и представил фактические сведения в доказательство хаоса и беспорядка, который существовал в погрузке из портов Атлантического побережья в Амьен и из Амьена на фронт. Сер Виллиам Робертсон угрюмо молчал во время заседания. В конце концов назначение было санкционировано. Военные собрались после заседания и решили направить мне формальный письменный протест. Тотчас же по получении его я созвал второе заседание Военного совета и просил составителей протеста вновь изложить аргументы в пользу своей точки зрения. Тот же генерал повторил те же аргументы; остальные молчали; назначение Геддеса было вновь санкционировано. На следующее утро меня посетил сэр Джон Кауэнс. Он казался несколько смущенным. Он заявил что военные члены совета собрались и составили документ, который они просили передать мне. Он надел большие роговые очки и вынул из кармана большой лист бумаги. Я прервал его и спросил, идет ли в документе речь о назначении Геддеса; на его утвердительный ответ я заявил, что вопрос разрешен окончательно, и отказался возобновить разговор об этом. Он засмеялся и сказал: «Я был уверен, что вы поступите именно так. В таком случае нам не к чему читать этот документ». Затем он разорвал его и рассмеялся. Так закончился мой первый конфликт с военными. С тех пор мне легче было иметь с ними дело.

Лишь только Геддес занял этот пост, сэр Дуглас Хейг телеграфировал, что Геддес нужен ему в штабе во Франции как главный начальник транспорта. Это создало затруднительную ситуацию: я не хотел лишиться его в виду тех важных транспортных реформ, которых я ожидал от него в военном министерстве, а он сам менее всего горел желанием отправиться во Францию, зная, какую острую зависть будут питать к нему как выскочке штабные офицеры, на обязанности которых лежали до сих пор вопросы транспорта. Однако из Франции прибыл генерал Бутлер, — специальный эмиссар главнокомандующего, с поручением добиться переезда Геддеса на работу во Францию; он был так настойчив и выступал так убедительно, что мы в конце концов пошли на компромисс. Решено было, что сэр Эрик будет занимать одновременно оба поста. Он должен был остаться директором военных железных дорог и в то же время стать главным начальником транспорта во Франции, имея

таким образом возможность использовать свой опыт железнодорожника и свои замечательные организационные способности одновременно на службе военного министерства и экспедиционной армии. У него были два заместителя: Сэр Гай Гранет в военном министерстве и сэр Филип Нэш в главной ставке во Франции — двое опытных начальников железных дорог.

Как и можно было ожидать, это назначение вызвало кой у кого в штабе при главной ставке брюзжание и недовольство. Это было неизбежно. Некоторые возмущенные генералы подали в отставку. Они пустили слух, которому слишком поспешно и охотно поверили в известных кругах, что я прибегаю к обычному для политиков маневру и собираюсь навязывать армии нежелательных штатских лиц и вмешиваться в дела военных властей.

Чтобы окончательно покончить с версией, будто я использовал свою власть для воздействия в этом смысле на сэра Дугласа Хейга и заставлял его уволить компетентных военных, заменяя их штатскими людьми, ничего не понимавшими в военном деле, я приведу здесь письмо, написанное сэру Эрику главнокомандующим:

«Главная ставка британской армии во Франции.
Пятница 22 сентября 1916 г.

Мой дорогой Геддес!

Бутлер рассказал мне о своей беседе с Вами, и я очень рад, что Вы готовы работать со мной здесь и помочь бить немцев во славу империи.

Я буду благодарен, если Вы приедете сюда и переговорите со мною, чтобы не было никаких недоразумений относительно условий, на которых Вы согласны нам помочь.

Тщательно обдумав тот проект, который Вы предложили мне во время Вашего последнего посещения, я очень хочу и озабочен тем, чтоб Вы взяли на себя полностью заведывание транспортом в армии, находящейся во Франции. Это означает, что Вашему контролю будут подлежать:

а) ширококолейные железнодорожные пути,
б) узкоколейные железнодорожные пути,
в) внутренний водный транспорт,
г) шоссейные и другие дороги,

и что, работая по директивам моего генерал-квартирмейстера, Вы будете вместе с тем иметь прямой доступ ко мне и находиться в самом тесном контакте со мною и моим генеральным штабом, для того чтобы таким образом *заблаговременно* знать наши планы и заботиться о наших будущих нуждах...

В ожидании видеть Вас

преданный Вам
Д. Хейг».

Назначение это вызвало также следующую переписку между главнокомандующим и мною:

«Военное министерство.
27 сентября 1916 г.

Мой дорогой генерал!

Геддес рассказал мне, что вы просили его стать Вашим главным помощником по вопросам транспорта во Франции. Как Вам известно, я уже назначил его на аналогичный пост здесь в Англии. Я сказал ему, что соглашусь на принятие им полной ответственности за работу по обе стороны канала, если Вы пожелаете этого. Главное, по моему мнению, это — обеспечить ему совершенную свободу действий и личную поддержку — Вашу и мою. Если вы решаете назначить его в Ваш штаб, я надеюсь, Вы найдете возможным обеспечить ему эти условия во Франции. Я делаю это в Англии. Он будет иметь прямой доступ ко мне и таким образом я буду в состоянии лично следить за тем, чтобы Ваша транспортная политика получала полную поддержку.

С искренним уважением
Ваш Д. Ллойд Джордж».

Ответ генерала гласил:

«Главная ставка британской армии во Франции.
1 октября 1916 г.

Мой дорогой м-р Ллойд Джордж!

Благодарю Вас за Ваше письмо от 27 сентября. Я официально пишу в военное министерство по поводу назначения Геддеса, но оставляю за собой различные детали для дальнейшего обсуждения здесь с моим генерал-квартирмейстером и генерал-инспектором транспорта.

Я намерен дать Геддесу полную свободу действий, насколько это возможно, и обеспечить ему мою личную поддержку. Необходимо, однако, чтобы перемены делались постепенно, и не устраняли существующей организации, которая работала превосходно при крайне тяжелых условиях и ни разу до сих пор не подвела меня.

Преданный Вам
Д. Хейг».

В течение месяца сэр Эрик разбил свою главную квартиру по транспорту британской экспедиционной армии в небольшом местечке Монтси в трех милях от Монтрейль — это местечко вскоре прославилось под названием «Геддесбурга». Из этого центра он организовал улучшенную систему транспорта, которая так блестяще функционировала в последнее время войны.

Для человека с опытом сэра Эрика в области железных дорог проблема была не очень трудна. Она требовала прежде всего специальных знаний по управлению транспортом и способности соответственно строить свои планы и затем быстро действовать. Военные транспортные власти всячески пытались «заставить

работать» совершенно неприспособленную для этих целей транспортную систему. В их распоряжение были предоставлены французские железные дороги на данной территории, и они пытались перевозить свои войска и материалы по этим дорогам, а также по французским шоссейным дорогам, из которых ни те ни другие не были расчитаны даже на $^{1}/_{10}$ столь тяжелой нагрузки в смысле веса и объема. Естественно весь механизм потерпел крушение. Транспорт работал хорошо от склада или завода в Британии до французского порта. Но монтажные мастерские за портами были самым слабым пунктом системы; они стали своего рода «горлышком бутылки», в котором транспортный поток подвергался удушению. Когда материалы наконец проходили через них и поступали на конечные пункты железных дорог, нередко находившиеся в пятнадцати милях за линией фронта, их приходилось продвигать через это расстояние по разрушившимся шоссейным дорогам, которые в то же время служили для продвижения войск.

Когда монтажные мастерские были отданы в руки опытных железнодорожников, это помогло уничтожить возникавшие здесь пробки. Но первым крупным нововведением, предпринятым сэром Эриком, была постройка легких узкоколеек на передовых позициях для продвижения материалов от ширококолейных путей на линию фронта. До этого времени здесь совершенно не было узкоколеек. Он составил программу сооружения 1 000 миль таких узкоколеек с необходимым подвижным составом. На первой стадии выполнения этой программы потребовался заказ на 1 000 миль легких стальных рельс, и в одну ненастную осеннюю ночь я был разбужен на рассвете в отеле Крильо, где я остановился во время своего посещения Франции, конным курьером, который привез доклад сэра Эрика; в докладе содержалось предложение выступить с этим требованием. Я прочитал доклад, поставил на нем свою визу и немедленно отправил его обратно в «Геддесбург». Он поспел как раз к сроку, и Бихарелль мог полететь с ним в Булонь и сесть на пароход еще в девять часов утра. Прибыв в Лондон, он привел сэра Эрнеста Мойра в ужас размерами этого требования. Однако сэр Эрнест должным образом справился с производством, и в июне 1917 г. все 1 000 миль узкоколеек были полностью готовы. О размерах этой задачи можно судить по следующему: на эти 1 000 миль узкоколейного железнодорожного полотна требовалось 60 тыс. тонн стали для рельс и шпал, не говоря уже о материале для подвижного состава. Прибавлю, что осенью 1917 г. были заказаны дальнейшие 900 миль узкоколеек, и что к концу войны длина всех проведенных дорог достигла 4 тыс. миль.

Заторы позади портов могли быть устранены только посредством увеличения пропускной способности путей с нормальной колеей, что позволило бы продвигать ввезенный материал далее. Сэр Эрик вместе с сэром Эрнестом Мойром выработал план поставки материала для этих целей.

В конце ноября он предложил свою программу дополнительных путей с нормальной колеей. До сих пор армия связывалась главным образом с существующими французскими линиями, и хотя за два года — 1915 и 1916 гг. — Англия снабдила французское правительство свыше 150 паровозами и 2 300 тоннами железнодорожных материалов для содержания железнодорожных путей, все же очень мало было сделано для пополнения существующих железных дорог какими-либо дополнительными британскими военными железными дорогами. Новая программа сэра Эрика предусматривала 1 200 миль путей с нормальной колеей, 300 новых больших паровозов для магистральных линий и около 900 вагонов. Сэр Дуглас Хейг помог делу, лично посетив Англию в начале декабря, а 12 декабря письменно потребовал средств для проведения широкой программы дублирования линий, постройки новых линий, связующих путей, депо и пристроек.

1 200 миль полотна с нормальной колеей требовали 160 тыс. тонн стали, или 6 тыс. тонн в неделю в продолжение шести месяцев. Отсюда ясно, что сэр Эрик не боялся «думать в большом масштабе». Поддержка, оказанная ему главнокомандующим, показывает также, что он научил генерала-квартирмейстера разделять его точку зрения. В июне 1917 г. почти все эти громадные заказы были выполнены, и получено было требование на дальнейшие 1 000 миль.

С расширением железных дорог заторы в портах были уменьшены. Когда расширено было «горлышко» за портами, стало возможно очистить набережные и ускорить разгрузку пароходов.

Другим жизненно важным звеном в системе транспорта были шоссейные дороги. Они, разумеется, являются первой предпосылкой для организованных военных операций; это отлично понимали древние римляне, когда строили свои большие военные дороги. За время войны эти дороги во Франции подвергались колоссальнейшей нагрузке; на территории фронта, когда еще не были построены узкоколейки, они являлись единственным средством для продвижения войск и военных запасов. Конечно, они развалились, и некоторое время не принималось действительных мер для их ремонта.

Сэр Эрик Геддес разработал план систематического ремонта и постройки шоссейных путей. Камень для них добывался главным образом во Франции. Работы производились в значительной мере военнопленными *.

---

* Для иллюстрации размеров моторизации транспорта в армии привожу цифры, показывающие общее число механических средств передвижения, приобретенных военным министерством с начала войны по 1 сентября 1916 г., и число их, поставленное министерством военного снаряжения с этого времени до конца ноября 1918 г.:

а) грузовики, тяжелые и легкие,
приобретенные военным министерством из различных источников до 1916 г. 21 705

Прежде чем оставить вопрос о дорогах, я должен воздать должное прекрасной работе сэра Генри Мейбери по организации этой отрасли нашего транспорта. При образовании транспортного отдела в «Геддесбурге» на сэра Генри Мейбери возложено было заведывание дорожной частью: содержанием существующих дорог и постройкой новых, в особенностя при продвижении фронта. Подвижность нашего дорожного транспорта, его способность к маневрированию в последнее время войны обязана в значительной мере его деятельности.

В тесной связи с развитием транспорта находился набор китайского вспомогательного корпуса сэром Эриком Геддесом. Последний отправил в Китай офицера с поручением набрать 15 тыс. китайских рабочих для работ во Франции; из них около 6 тыс. были взяты для железнодорожных работ и 1 000 для внутреннего водного транспорта, остальные были использованы для различных работ по шоссейным дорогам, насыпям, конечным пунктам железных дорог и пр *. Это были чрезвычайно сильные люди; необычным зрелищем было, когда такой китаец взваливал себе на плечи деревянную балку или связку листов волнистого железа весом в три или четыре центнера и шел с этой ношей так спокойно, словно в ней было несколько камней.

поставленные министерством военного снаряжения с 1916 г. по декабрь 1918 г.	37 785
Итого	59 540
б) автомобили, фургоны и лазаретные повозки,	
приобретенные военным министерством и др.	9 630
поставленные министерством снаряжений и др.	24 170
Итого	33 800
в) вагоны, движимые паром,	
приобретенные военным министерством и др.	440
поставленные министерством военного снаряжения и др.	714
Итого	1 154
г) тракторы,	
приобретенные военным министерством и др.	936
поставленные министерством военного снаряжения и др.	2 506
Итого	3 442
д) мотоциклы,	
приобретенные военным министерством и др.	18 750
поставленные министерством военного снаряжения и др.	22 300
Итого	41 050

В эти цифры, конечно, не входят моторизованные средства передвижения, которые мы поставляли нашим союзникам.

* Рассказывают, что когда ко мне обратились за разрешением рекрутировать «китайский труд» для британской армии во Франции, я воскликнул: «Ради бога, не давайте ему этого имени. Почему бы не назвать его китайским вспомогательным корпусом» (намек на избирательную кампанию в Англии в 1905 г., когда либералы использовали лозунг о принудительном «китайском труде» в Африке. *Перев.*).

Время от времени эти китайские кули попадали, конечно, под обстрел из дальнобойных орудий или под бомбардировку аэропланов. Это не очень нарушало их спокойствие; они были гораздо невозмутимее под неприятельским огнем, нежели британские вспомогательные силы из Западной Индии, которые тоже привлекались на положении трудового корпуса. Но канонада расстраивала их работу в другом отношении: если среди них бывали убитые, прочие китайцы бросали работу, чтобы присутствовать на похоронах, и никакие угрозы и уговоры не имели успеха. Бомбы и гранаты неприятеля тоже не могли разогнать их погребальный кортеж, пока похороны не были должным образом закончены.

Вся история наших достижений в области транспорта во время войны еще не была рассказана. Она, однако, вполне заслуживает быть рассказанной в деталях и должна принести честь и славу тем, кому поручено было развитие транспорта, в первую очередь сэру Эрику Геддесу. Нижеследующая выдержка из заключительного приказа-донесения сэра Дугласа Хейга, хотя и содержит некоторые любопытные недомолвки по определенным пунктам, отдает все же должную дань «гражданским экспертам», чьи советы я в 1916 г. убедил его принять во внимание:

> «Успешное координирование и экономное использование всех видов транспорта требует самого систематического управления, основанного на глубокой продуманности и предшествующем опыте. Справиться с теми астрономическими цифрами людских перевозок и грузов, примеры которых были даны выше, требовало колоссального труда; соответственно с этим механизм транспорта стал чрезвычайно сложным; чрезвычайно важно было поддерживать наивысшую пропускную способность дорог. Все это *заставило меня осенью 1916 г. принять совершенно новую систему для устройства наших коммуникационных линий* *. Пост главного начальника коммуникаций был упразднен, и функции, находившиеся в ведении этого офицера, были отданы под непосредственный контроль генерал-адъютанта, генерал-квартирмейстера и главного начальника транспорта. Этот последний занимал созданный мною новый пост и работал вместе с особым штабом, который в большинстве своем состоял из гражданских специалистов; пост этот создан был специально для работы над вопросами транспорта».

Этим главным начальником транспорта был генерал-майор сэр Эрик Геддес, под блестящим управлением которого с осени 1916 г., как указано было выше, работал штаб. За прекрасное состояние всей нашей транспортной службы армия глубоко обязана большому числу квалифицированных и опытных гражданских работников, которых он взял из железнодорожных компаний Великобритании и доминионов и включил в свой штаб.

---

* *Д. Л.* курсив мой.

Глава двадцать девятая

МЕСОПОТАМСКИЙ СКАНДАЛ

По трем соображениям я включаю главу о месопотамском скандале в мои воспоминания о войне. Во-первых, потому что я противился плану этой кампании. Цитирую из протокола Военного совета от 24 февраля 1915 г.:

> «Г-н Ллойд Джордж высказался в том смысле, что месопотамская экспедиция является только побочной проблемой. Турки знают, сколь огромны были бы здесь для нас результаты катастрофы, и не будут жалеть никаких усилий, чтобы вызвать ее. Наши военные силы, по мнению оратора, должны быть сняты из Месопотамии и сосредоточены в Дарданеллах».

Второе соображение заключается в следующем: когда я 6 июля 1916 г. стал военным министром, моей первой безотлагательной задачей оказалось улажение полной неразберихи, возникшей в связи с британской экспедицией в Месопотамию, загнанной в тупик. Наконец, третье соображение, побуждающее меня включить рассказ об этой экспедиции в мою историю войны, это — следующее: экспедиция служит прекрасным примером того, на что способна военная администрация, если она вполне свободна от гражданского «вмешательства». Это была идеальная кампания профессиональных военных, не имевшая даже минимального надзора со стороны докучливых политиков. По преданию эдемский сад находится на равнине между Тигром и Евфратом. В этом блаженном уголке мира в 1916 г. снова возникает рай для военных. Военщина царствовала в этом саду без каких-либо ограничений и стеснений почти два года. Ее не соблазняли и не губили никакие советы змей. Если там бродили какие-либо политики, то это были такие же кроткие животные, как в древнем раю. Военщина одна правила своим Эдемом. Посмотрим, какой рай она себе там устроила.

Это жуткая повесть о трагедии и страданиях, причиненных неспособностью и разгильдяйством ответственных военных властей. Были сделаны попытки замолчать всю эту историю, скрыв и умышленно исказив истину, но, несмотря на все эти усилия, уже в начале 1916 г. всплыло наружу достаточно фактов, доказывающих

необходимость энергичных действий со стороны правительства метрополии.

История экспедиции до этого момента может быть вкратце изложена в следующих чертах. К концу 1914 г. стало очевидным, что Турция намерена присоединиться к враждебным нам державам. Это сделало необходимым принятие немедленных мер для охраны безопасности нефтяных промыслов в Персидском заливе, принадлежавших англо-персидской нефтяной компании (в этом концерне правительство стало в широкой мере участником и владельцем акций, чтобы обеспечить поставки нефтяного топлива для флота).

В это время из Индии отправились войска во Францию, и имперское правительство совместно с правительством Индии распорядилось, чтобы одна бригада вместо Франции была направлена в Персидский залив, заняла здесь остров Абадан у устья Евфрата и защищала безопасность цистерн и нефтепроводов. Эта бригада была отправлена и высадилась 23 октября 1914 г.

Две недели спустя, 5 ноября 1914 г. была объявлена война Турции. После этого в Месопотамию были отправлены две новые бригады, и 22 ноября город Басра был взят и оккупирован. Басра была морским портом Месопотамии, расположенным на западном берегу Шат-эль-Араба (соединенное течение Тигра и Евфрата), около 70 миль вверх по реке от открытого моря.

Хотя экспедиция была отправлена по согласованию с британским правительством в метрополии и по договоренности все расходы на индийские экспедиционные войска сверх обычной стоимости их содержания должны были покрываться из средств метрополии, тем не менее в отношении управления она находилась под исключительным контролем и ответственностью индийских военных властей.

Под угрозой нападения турок индийское правительство с неохотой послало в феврале еще одну бригаду, а когда опасность для наших сил обострилась, последовало окончательное распоряжение отправить четвертую бригаду. Тем временем экспедиция расширила свою арену действий, взяв город Курна у слияния Тигра и Евфрата, в 50 милях выше Басры. Таким образом она оккупировала Шат-эль-Араб на всем его протяжении.

1 апреля индийское правительство без согласия министерства по делам Индии в метрополии решило организовать экспедицию в виде целого армейского корпуса. Оно отправило еще две бригады для укомплектования второй дивизии и послало генерала Никсона в качестве главнокомандующего. Он получил директиву выработать план оккупации всего вилайета Басры, а также возможно план продвижения к Багдаду.

Нефтеносные участки находятся к востоку от Шат-эль-Араба у его притока (реки Карун), и нефтепровод продолжен вдоль его левого берега до острова Абадана. 19 апреля правительство метрополии потребовало, чтобы наши военные силы двинулись против

турок в этом районе. Генерал Никсон в тот же день потребовал подкреплений, в которых индийское правительство ему отказало. Правительство метрополии с этим отказом согласилось и обратилось с предостережением против расширения операций. «Нельзя,— заявило оно,— пойти на какое-либо предложение, которое повлечет за собой требование подкреплений или нежелательное расширение операций... Наше нынешнее положение стратегически сильно, и мы не можем в настоящий момент позволить себе риск ненужного расширения операций. В Месопотамии надо вести верную игру».

Тогда генерал Никсон отправил часть своих сил под начальством генерала Горинжа на реку Карун, а другую часть под начальством генерала Таунзенда — для взятия Амары, в 90 милях вверх по Тигру; в последнюю минуту он получил санкцию британского правительства. Обе операции были успешны, и 3 июня город Амара был взят. Затем под палящим зноем совершен был переход вверх по Евфрату до Назарие, в 68 милях на север от Курны. Индийское правительство возымело теперь аппетит к дальнейшим успехам и получило от министерства по делам Индии согласие на продвижение Таунзенда в Кут, в 150 милях вверх по Евфрату от Амарна; после упорного сражения силы Таунзенда вступили в Кут 29 сентября 1915 г.

В ноябре 1914 г. идея продвижения к Багдаду была отвергнута как министерством по делам Индии, так и вицекоролем Индии, который привел сильные доводы против нее. Но последующие успехи настроили индийское правительство в пользу этого проекта, и оно обратилось к правительству метрополии за разрешением генералу Никсону привести в осуществление свой план продвижения к Багдаду. 6 октября 1915 г. Остин Чемберлен, бывший тогда министром по делам Индии, окончательно наложил свой запрет на этот план, но впоследствии смягчился и заявил, что если генеральный штаб одобрит эту операцию и сочтет ее осуществимой с помощью двух новых дивизий, которые в ближайшее время могут быть отданы в распоряжение наших сил в Месопотамии, то его ведомство готово обсудить этот план. Индийский генеральный штаб, тоже после некоторых колебаний, согласился, что с двумя свежими дивизиями Багдад может быть взят и удержан. В результате генерал Никсон предложил генералу Таунзенду продвинуться вверх и взять Багдад с помощью имевшихся в его распоряжении изнуренных войск; он исходил из надежды, что вскоре прибудут в Месопотамию две другие дивизии.

Таунзенд продвинулся до Ктезифона в нескольких милях от Багдада и нашел здесь неприятеля сильно окопавшегося, численностью равного или превосходящего его собственные измученные войска. После упорного сражения британские войска отступили и затем должны были отступать дальше вниз по реке. Их вынуждал к этому недостаток провианта и медицинской помощи для раненых. Выдерживая ряд арьергардных боев, они дошли до Кута, где они при-

готовились к защите, пока на смену и в подкрепление им не придут ожидаемые новые войска. Более 30% людей нашего отряда было убито или ранено.

Генерал Таунзенд достиг Кута 3 декабря; здесь военные власти велели ему защищаться, пока не придет помощь. 7 декабря город был оцеплен со всех сторон турками. Понеся большие потери при попытках взять город штурмом, они принялись за его осаду.

Остатки британских войск поспешно предприняли попытку освободить город. Войска были подкреплены двумя обещанными дивизиями из Франции. Это были индийские дивизии, уже понесшие тяжелые потери в боях во Франции; они приходили в Басру в продолжение декабря частями. 12 тыс. солдат были задержаны здесь вследствие недостатка перевозочных средств для их отправки на фронт. Попытки наших войск, находившихся в районе Тигра, освободить генерала Таунзенда потерпели в основном неудачу. Некоторые успехи были достигнуты при нападении на линии осаждающих, но вследствие отсутствия подкреплений пришлось оставить попытки прорваться. Наконец, 29 апреля 1916 г., после храброй защиты города в продолжение 147 дней, голод заставил гарнизон сдаться.

Уже задолго до этого трагического конца стало ясно, что экспедиция так или иначе заведена руководством в безнадежный тупик, но только в феврале 1916 г. военное министерство занялось ею. Однако участвующие в экспедиции военные силы были частями индийской армии и подлежали непосредственно контролю со стороны индийского генерального штаба в Симле. Лишь в июле 1916 г., когда я стал военным министром, управление делами, связанными с экспедицией, передано было под контроль правительства метрополии.

Это было моим первым шагом для выяснения всей неразберихи. Следующим было назначение комиссии для расследования. Эта комиссия была организована в августе 1916 г. и составила свой отчет к 17 мая 1917 г. Отчет подписали семь из восьми членов комиссии; командир И. Веджвуд составил особый отчет, по существу согласный с первым, но более энергично подчеркивавший некоторые стороны тех грубых ошибок и промахов, которые были совершены в особенности вицекоролем и главнокомандующим индийской армии.

Факты, разоблаченные этим отчетом комиссии, пролили свет на плохое руководство, тупость, преступную небрежность и изумительную неспособность военных властей, ответственных за организацию экспедиции, а также на ужасные и излишние страдания храбрых людей, которые были посланы на провал и поражение, благодаря ошибкам начальства.

Генеральный штаб отлично знал характер страны, в которую посылалась эта экспедиция, знал, какого рода снаряжение необходимо для такого дела. Месопотамия — наносная равнина, обильно заливаемая водой в влажное время года, тогда как летом реки превращаются в очень мелководные потоки. В Месопотамии не было

пригодных дорог, и водный путь был главным средством для транспорта людей и материалов. В этой стране летом царит знойная жара, причем ночи значительную часть года остаются холодными; зимой и весной страна подвержена холодным ветрам и ледяным штормам. Это — первобытная и отсталая страна, находящаяся на значительном расстоянии по морю от ближайшего культурного центра.

Ясно поэтому, что первой и существенной необходимостью при отправке экспедиции в Месопотамию было весьма солидное снаряжение; что необходимо было щедро снабдить экспедицию речными судами; что одежду и продовольствие нужно было сообразовать с местными условиями; что медицинское снаряжение, в особенности для ухода за ранеными, учитывая опасности эпидемий в этой стране, должно было быть выше среднего; что необходимо было предварительно позаботиться об устройстве в порту Басра хорошо оборудованной базы; что планы посылки подкреплений необходимо было тщательно разработать и незамедлительно выполнять.

Каждая из этих само собой подразумевающихся обязанностей не только была выполнена плохо, но, и была недовыполнена в мере, превосходящей всякое вероятие. В первые месяцы войны индийское правительство проявило необычайную медлительность в оказании какой-либо помощи империи в ее борьбе. Понадобилось энергичное давление, чтобы оно согласилось послать хоть одного солдата на фронт. Несмотря на громадное народонаселение Индии, оно объявило, что не в состоянии набрать дополнительно значительное количество рекрут. Оно не желало потратить ни одного лишнего пенса на войну; действительно, когда в марте 1915 г. в Симле шли прения по бюджету, один из членов хвастал, что хотя это был бюджет военного времени, военные расходы не возросли и были фактически ниже предварительной сметы. Индийские войска, прибывшие во Францию, были отправлены под контроль британских властей. Но войска, отправленные в Месопотамию, находились всецело в руках упрямых и скупых властей в Симле, их снаряжение было нищенски урезано во всем. «Каждый генерал, представший перед нами, — заявили члены комиссии, — соглашался, что месопотамская экспедиция была плохо снаряжена».

Она испытывала недостаток в артиллерии, в частности в тяжелых орудиях. Индийские военные власти, повидимому, и не подумали затребовать артиллерию. Лишь в декабре 1915 г., когда злополучное нападение на Багдад уже состоялось и кончилось поражением, а генерал Таунзенд был осажден в Куте, было получено первое требование на тяжелые орудия для Месопотамии, и лишь 26 мая 1916 г. Индия послала точный перечень своих требований на оружие.

Даже позднее, весной 1916 г., экспедиция испытывала недостаток в целом ряде предметов, которые могли быть доставлены из самой Индии, как-то: ножницы для проволоки, ракеты, световые приборы Very, повозки для воды, палатки, сетки против моски-

тов, защитные шлемы против солнечного удара, бомбы, медицинские средства и даже одеяла и одежда. Главнокомандующий индийской армии оправдывался перед комиссией тем, что о некоторых из этих предметов ничего не было известно до войны, по крайней мере, в Индии. Однако они не были доставлены этой экспедиции даже после 18 месяцев военных действий. Даже турки употребляли в Месопотамии световые приборы Very, когда наши войска еще не имели их.

Несмотря на суровую погоду в известные времена года, военные власти сначала намеревались предоставить снабжение войск теплой одеждой всецело частной благотворительности и отправить людей в «трусиках» и тропическом обмундировании. Сам вице-король протестовал против этого.

У экспедиции совсем не было аэропланов в течение первых шести месяцев, хотя нужда в них в этой обширной бездорожной стране была очевидной. За это упущение ответственность падает и на власти метрополии.

Но во весь свой рост нераспорядительность и неспособность военных властей встает перед нами, если мы обратимся к вопросу о речном транспорте. Пока цели экспедиции ограничивались первоначальной высадкой на острове Абадан или в порту Басра, она главным образом зависела от океанского транспорта. Но с того момента, когда в декабре 1914 г. она с одобрения начальства в Симле продвинулась к реке Курна, специальный речной транспорт стал настоятельной необходимостью. С каждым дальнейшим продвижением, которое удлиняло нашу линию фронта вдоль реки, возрастала нужда в транспортных судах.

Еще 23 ноября 1914 г. после взятия Басры командир Гамильтон, который прекрасно знал Тигр, посоветовал генералу Баррету затребовать сразу 12 специальных пароходов, так как их придется строить по особым, необычным образцам, на что должно потребоваться 12 месяцев. Но генерал Баррет и его штаб не сочли дело срочным и ничего не предприняли в этом направлении, пока в январе Индия не запросила их, в каких дальнейших видах транспорта они нуждаются. Тогда он затребовал семь пароходов и два лихтера. В феврале он затребовал четыре буксирных парохода. Они были получены в Индии в марте и пересланы; но когда в мае прибыл генерал Никсон, он нашел, что они бесполезны в жаркое время года, когда река мелководна. Он потребовал суда с осадкой не более 3 футов или 3 футов 6 дюймов.

После промедления в Индии это требование было, наконец, включено в заказ, переданный по телеграфу в министерство по делам Индии 4 августа 1915 г. По этому заказу ничего не было предпринято, пока не пришло в сентябре его письменное подтверждение. Тогда чиновники упомянутого министерства запросили фирму, рекомендованную им для этой цели. Но вместо того, чтобы уплатить ей комиссионные в размере одной трети процента за надзор за исполнением заказа, они обратились к своему эксперту по судо-

строению, который приступил к этой задаче, не имея специальных знаний об условиях плавания на Тигре. В результате построенные суда отступали во многих отношениях от заказанного типа; они были в разобранном виде отправлены между апрелем и декабрем 1916 г. Достаточно сказать, что вследствие отступления от заказанного образца эти суда не годились для транспорта вверх по реке; что необходимость собирать их в Басре означала значительную дальнейшую задержку, после того как они прибыли в Месопотамию; что в Басре не было доковых приспособлений и что большая величина некоторых частей крайне затрудняла их сборку, тем более что с ними не было послано ни чертежей, ни описаний или инструкций. Некоторые части затонули на глубине в 30 футов, а остальные должны были быть отправлены на буксире в Бомбей для монтажа. Комиссия замечает:

> «Трудно найти более нелепые методы, чем те, по которым производили закупку и отправку речных судов в Англии в 1915 г. и в начале 1916 г.».

Когда в октябре 1915 г. генерал Никсон узнал, что необходимые лопастные пароходы должны строиться целый год, он потребовал временно суда из Индии. Индийские власти ответили, как они это сделали уже раньше в июне, что не имеют в своем распоряжении подходящих буксирных пароходов. Через месяц они признали, что можно было достать в Индии 13 таких пароходов. Комиссия рисует картину бюрократической волокиты, которая приводила к большим задержкам, пока приходил хотя бы отрицательный ответ на заказ из Месопотамии. «Переписка обычно велась между главнокомандующим в Месопотамии и начальником штаба в Симле или Дели. Последний передавал все, касающееся речных судов, генерал-квартирмейстеру, который затем сообщал то, что считал необходимым, капитану Ламсдену, директору королевского индийского флота в Бомбее».

Комиссия описывает следующим образом, как этот офицер проводил свое время:

> «Директору королевского индийского флота не было предоставлено никакой инициативы в делах мореплавания и флота, во всяком случае он не проявлял ее... Время директора и старших офицеров индийского флота было занято чисто административными и конторскими делами. Ворох бумажных дел, который они должны были осилить, можно назвать не иначе как чудовищным... Директор королевского индийского флота представил комиссии перечень своих обязанностей, исполнение которых, по его мнению, лишило его возможности отправиться в Месопотамию и лично познакомиться там с положением вещей. Большинство перечисленных им обязанностей не требовало ни опыта в морском деле, ни познаний по навигации и могло бы быть выполнено любым толковым коммерсантом, даже если бы он никогда в своей жизни не бывал в открытом море».

Отчет комиссии действительно неоднократно указывает на то, что индийские чиновники ни разу не удосужились приехать и ознакомиться лично с положением дел на месте. Когда им сообщали о местных условиях, они не обращали внимания на доклады. Хуже того, они просто извращали факты в своих донесениях. «Власти в Симле настолько не были в курсе действительного положения дел в Месопотамии, что индийский генеральный штаб в своих «сводках» в июне и сентябре 1915 г. определенно заявляет, что экспедиция хорошо снабжена речным транспортом, и выставляет это как один из аргументов в пользу продвижения на Багдад».

Недостаток речного транспорта, ощущавшийся вплоть до весны 1916 г., был прямой причиной провала военных операций, выполненных войсками с величайшей храбростью. Вследствие недостатка транспорта понадобились почти два месяца, чтобы собрать войска и материалы для продвижения от Амара до Кута; продвижение на Багдад роковым образом задерживалось по той же причине. Представляется почти несомненным, что, если бы не недостаток речного транспорта, турецкая армия была бы уничтожена между Амара и Ктезифоном. В картине, которую нарисовала комиссия, факты убедительно говорят, что недостаток речного транспорта был главной причиной неудачи попыток освободить Кут.

Так как чрезвычайную важность этого транспорта ясно понимали как в Индии, так и в метрополии, то естественно спросить, что же, чорт возьми, заставило военные власти согласиться на продвижение вверх по Тигру вопреки такому недостатку? Отчет комиссии констатирует: генерал Никсон, командовавший экспедицией на месте, видел, что индийские власти неспособны или не желают обеспечить экспедиции необходимый экспорт, но оптимистически готов был попытать счастья с тем, что у него было; что же касается индийских властей, то, не сумев обеспечить экспедиции то, что являлось, как они должны были знать, безусловно необходимым, они палец о палец не ударили, чтобы указать на серьезное значение этого недостатка министерству по делам Индии в метрополии. Они допустили, что в министерстве сложилось впечатление, будто все в порядке. Это впечатление было еще усилено благодаря следующему характерному бюрократическому инциденту. Когда генерал Никсон потребовал большего числа кораблей, это требование было переслано индийским правительством в министерство по делам Индии, но не поступило к министру по делам Индии.

Военный отдел этого министерства передал его в отдел снабжения, хотя оно и было препровождено в военное министерство, но не было отправлено письмо, в котором обращалось бы внимание на вскрываемый этим требованием недостаток в транспорте. Таким образом военные чиновники в Индии и Лондоне скрывали или игнорировали факты, которые, будь они известны Военному совету или кабинету, не позволили бы властям согласиться на злополучное продвижение к Багдаду.

Параллельно с упущением поставок речного транспорта шло игнорирование необходимости оборудования верфей и складов в Басре.

Благодаря этому второму недостатку имеющийся транспорт в значительной мере утратил свой полезный характер. Генерал Горриндж,заявил, что «до декабря 1915 г. не было произведено никаких улучшений в выгрузочных верфях для пароходов... хотя имеющиеся приспособления были плохи и забиты всякого рода материалами». К недостаткам и препятствиям материального характера присоединялась неспособность военных чиновников. Комиссия в своем отчете сообщает, что простои пароходов вызывались вначале не столько неуменьем перегружать грузы на лихтера, сколько неуменьем или нежеланием береговых властей быстро принимать груз.

> «Ясно, что управление портовым хозяйством и разгрузка грузов не были тем делом, к которому офицеры королевского индийского флота были приучены своим прежним опытом... Лица с необходимой квалификацией — это было известно — работали в том или другом порту Индии или Бирмы. Однако их совета не спрашивали; к их помощи прибегли только тогда, когда прошло более года со времени высадки экспедиции в Месопотамии и положение в Басре стало серьезным».

В январе 1916 г. индийское правительство, наконец, послало в Месопотамию штатского специалиста, сэра Джорджа Бьюкенена, заведывавшего прежде портом в Рангуне. Он был назначен на пост генерал-директора порта Басры и должен был реорганизовать портовый грузооборот и оборудование. Характерно, что при этом упустили из виду точное определение его положения и обязанностей: генерал Никсон стал ограничивать и суживать его полномочия таким образом, что сэр Джордж Бьюкенен нашел невозможным вести работу и скоро вернулся в Индию. В своем докладе властям в Симле он писал:

> «Мне трудно было поверить, что мы уже целый год как оккупировали Басру и оставались в ней: выгрузочные и складские приспособления для товаров всякого рода были самого примитивного свойства, и при отсутствии дорог вся площадь представляла собой одно огромное болото. У новоприбывшего получалось впечатление, что войска только что высадились и запасы были выгружены не ранее, чем на прошлой неделе... Мне думается, что военная экспедиция в Басру — единственная в своем роде, так как не было случая, чтобы такие громадные военные силы могли быть высажены и содержались без подготовленной базы».

Однако, если пренебрежение к транспорту со стороны военных властей было прямой причиной провала и поражения экспедиции, то их пренебрежение к медико-санитарному оборудованию превратило несчастье в ужас.

Рассказы о жестокостях, проистекавших от недостатка предусмотрительности по отношению к раненым и больным, были так распространены, что даже сэр Бьючем Дафф, главнокомандующий индийской армией, счел себя вынужденным в марте 1916 г. назначить комиссию для расследования этого дела. Доклад комиссии нарисовал, однако, такую отвратительную картину чиновничьей нерадивости и неспособности, что индийское правительство не пожелало его обнародовать. Назначенная правительством метрополии месопотамская комиссия имела этот доклад в своем распоряжении и опубликовала его как приложение к своему собственному докладу. Он был известен как доклад Винсента и Бинглея, так как сэр Виллиам Винсент и генерал Бинглей были главными членами комиссии и авторами доклада.

Оба доклада свидетельствуют, что индийские военные власти систематически лишали экспедицию необходимого санитарного оборудования и что протесты замалчивались, а предложения помощи со стороны встречали отказ.

Начнем с того, что постановка медико-санитарной части в индийской армии стояла на низком уровне. Свидетель из индийской санитарно-медицинской службы сказал комиссии: «Сомневаюсь, сочли ли бы вы, джентльмены, госпитали для сипаев в довоенной Индии вообще достойными этого названия». Сэр Альфред Кио, генерал-директор военно-медицинской части при военном министерстве, заявил:

> «Я без всяких колебаний должен заявить, что постановка медико-санитарного дела в индийской армии была в течение долгих лет позорной... Ничего более позорного, нежели проявляемые к больному солдату в Индии небрежность и невнимательность, невозможно себе представить».

Но если дело было поставлено плохо в Индии, то гораздо хуже обстояло оно в Месопотамии. Медико-санитарное снаряжение, которое дано было экспедиции при отправлении, было ниже того, что требовалось для пограничной кампании даже по ее собственному организационному уставу. «Действительный состав ее санитарного персонала был в течение долгого времени ниже даже этой скудной нормы».

Временами ощущался серьезный недостаток в важнейших лекарственных материалах. Необходимые больничные принадлежности имелись в очень ограниченном количестве или совсем отсутствовали. Часто не было льда. Месяцами не было электрических вентиляторов. Не было достаточного количества бинтов, одеял, грелок, лубков. Даже когда раненые были доставлены в военный госпиталь в Бомбее, последний оказался в ужасно запущенном состоянии: не было рентгеновских аппаратов, недоставало лубков и хирургических инструментов, нехватало врачей, хирургов, сестер и служебного персонала.

Состоявшие при экспедиции врачи и амбулаторный персонал делали чудеса; они работали, как герои, но героев этих было мало. Во время первого сражения при Куте некоторые части не имели санитаров при носилках, и раненые оставлены были на всю ночь на поле сражения, некоторые из них были ограблены, искалечены и убиты арабами.

Экспедиции не было дано колесного транспорта для тяжело раненых. Вместо этого ей дали верховых мулов! Члены комиссии замечают: «У нас нет данных, что эти мулы когда-либо вообще были использованы ранеными, хотя один из свидетелей вспомнил, что при одном случае имелись крайне упрямые и непослушные мулы. Ясно, что они совершенно не годятся для тяжелых случаев».

За отсутствием амбулаторных фургонов военные врачи вынуждены были отправлять особенно тяжело раненых в армейских обозных повозках без рессор, запряженных мулами, пони и волами. Заведующий врачебно-санитарной частью 3-й дивизии говорит, что «эти повозки не имели ни рессор, ни крыши для защиты от дождя и палящих лучей солнца; их дно состояло из железных полос, так что, даже будучи в достаточной мере покрыты матрацами или другой подстилкой, эти полосы при перевозке причиняли раненым, в особенности с переломами, чрезвычайные страдания. Этот способ перевозки можно назвать только варварским и жестоким».

В некоторых случаях по имеющимся сведениям в этих повозках вместо подушек возили трупы за отсутствием какой-либо другой подстилки.

Но самое ужасное в этой повести страданий и мучений — это транспорт раненых и больных вниз по реке до Басры. У экспедиции совсем не было речных пароходов, приспособленных для санитарных целей, не было персонала для ухода за ранеными во время их транспорта. Прибегли к тому скудному речному транспорту, который употреблялся для перевозки вверх по реке людей, материалов и животных. Так как эти суда были перегружены, то не было возможности очищать и как-либо дезинфицировать их до отправки раненых в Басру. Раненых набивали, как сельдей в бочку, причем для ухода за ними командировали несколько человек из немногочисленных, обессиленных непрерывной работой полевых санитаров. Этих людей было слишком мало не только для ухода за ранеными, но даже для их питания.

> «Раны нуждались в перевязках; не было людей, чтобы менять перевязки. Многие раненые, перевозимые на этих пароходах, прибыли в Басру в плачевном состоянии. У многих раны оказались в антисептическом состоянии и крайне нуждались в перемене перевязки. У некоторых образовались пролежни, многие пациенты прибывали загаженные испражнениями и мочей, и в отдельных случаях в ранах попадались черви».

Комиссия цитирует майора медико-санитарной службы Картера, давшего описание того, в каком состоянии раненые под Ктези-

фоном прибыли в Басру. Приводя это описание, я должен извиниться перед читателем, в такой мере сообщаемые в нем факты вызывают отвращение и ужас. Однако мы должны открыто взглянуть в лицо тому, что произошло со многими храбрыми людьми, которые боролись за Британию и ее империю в великой войне. Нашим солдатам приходилось не только читать об этом, но и переносить эти страдания. Вот этот рассказ:

«Я стоял на мостике госпитального судна (Варела из Бомбея) вечером, когда пришел пароход Меджидие. Меджидие тащил на буксире две стальные баржи, не имевшие, поскольку я могу припомнить, никакого прикрытия от дождя. Когда этот пароход со своими двумя баржами подошел к нам, я увидел, что и тот и другие были до отказу набиты людьми. Баржи были отцеплены, и Меджидие стала рядом с нами. Когда она была от нас на расстоянии примерно 300—400 ярдов, она выглядела словно разукрашенная канатами. Когда она была привязана к нашему судну, зловоние стало невыносимым, и я увидел, что то, что я принял за канаты, были на самом деле высохшие сталактиты человеческих испражнений. Больные были набиты в такой тесноте, что они не могли отправлять своих естественных нужд на краю корабля, и одна сторона его вся была покрыта сталактитами человеческих испражнений. Я увидел некоторое количество людей, стоявших выпрямившись или на коленях на самом краю корабля. Затем мы увидели множество людей, валявшихся в повалку, кто с одеялом, кто без него. Они валялись в луже дезинтерийных экскрементов размером в 30 квадратных футов. С ног до головы они были покрыты дезинтерийным калом. Первый больной, которого я исследовал (я опускаю здесь одно еще более ужасное место), имел перелом бедра, оно было прободено в пяти или шести местах; повидимому, он лежал в корчах на палубе судна. Много других случаев были почти столь же тяжелыми. Некоторые больные имели страшные пролежни. В моем докладе индийскому правительству я беззжалостно описываю, как я нашел раненых, конечности которых вправлены были в импровизированные лубки из досок водочных ящиков «Johnny Walker», из проволоки «Bhoosa» и тому подобного. Были ли это британцы или индусы? И те и другие вперемежку».

А вот как описывал положение командующий экспедицией:

«Раненые были размещены удовлетворительным образом. Многие из тех, которые могли поправиться на месте, были помещены в комфортабельных условиях в госпиталях Амарны и Басры. Ставшие инвалидами, были помещены в двух плавучих госпиталях, ожидавших в Басре прибытия наших речных па-

роходов. Общее состояние раненых вполне удовлетворительно. Медицинское обслуживание функционировало в крайне затруднительных условиях блестяще».

А как обстояло дело с докладом майора Картера индийским военным властям?

Комиссия сообщает об этом следующее:

«Он (майор Картер) был принят чрезвычайно грубо. Главный хирург, генерал Хатавей, в письме к директору медико-санитарной части Индии по этому поводу говорит: «Командующий армией, признавая допущенную несправедливость, приказал своему заместителю и генерал-квартирмейстеру, а также мне переговорить с ним (майором Картером) относительно его возмутительных замечаний». А генерал Коупер, бывший тогда его заместителем и генерал-квартирмейстером, заявил нам: «Я грозил посадить его под арест и сказал ему, что отберу у него госпитальный корабль, так как он дерзкий мечтатель, вмешивающийся не в свое дело». Генерал Коупер обошел молчанием то обращение, которому подвергся он сам: главнокомандующий в Индии сэр Бичем Дафф грозил уволить его в отставку за то, что он послал в Индию слишком настойчивые требования об удовлетворении нужд речного транспорта».

Власти не только сами ничего не делали; они не желали позволить никому помочь делу. 11 августа 1915 г. министр по делам Индии телеграфировал вице-королю о предложении лорда-лейтенанта графства Хемпшир собрать в графстве фонд в пользу больных и раненых солдат в Месопотамии и послать врачей, сестер милосердия, лекарства и больничные принадлежности. Посоветовавшись с главнокомандующим, вице-король ответил, что средств более чем достаточно для обеспечения комфорта больным и раненым в Месопотамии и Сирии; что все необходимое делается и что его правительство распорядилось относительно врачей и сестер милосердия. В декабре 1914 г. «Мадрасский фонд» предложил электрические вентиляторы для установки в госпиталях Басры, но к середине 1915 г. ни один из них не был действительно установлен. Британское общество красного креста телеграфировало генералу Никсону, предлагая ему принять два баркаса с керосиновыми двигателями. Предложение это было повторено 28 декабря. Ответ гласил: «В настоящее время ничего не требуется. Если в будущем окажется нужда в чем-нибудь, не премину обратиться к Вам».

Это было тотчас же после полного провала военно-медицинской службы, обнаружившегося после битвы при Ктезифоне.

Мне нет надобности останавливаться далее подробно на том, как военные власти не справились с другими медицинскими и санитарными проблемами; на том, что продовольствие войск было недостаточно в количественном и непригодно в качественном отношении, и что это привело в 1915 г. к эпидемии цынги среди войск, причем она с еще большей силой вспыхнула снова в сле-

дующую весну; на халатности в вопросе о снабжении водой, — войска вынуждены были пить из ближайшей реки, — в результате чего вспыхнула холера. Доклад комиссии показывает, что во всех отношениях не было принято самых элементарных мер для снабжения экспедиции самым необходимым, что это был полный провал. В своих «заключениях» авторы доклада замечают:

> «Перед лицом этих фактов, которые с самого начала должны были быть очевидны всякому администратору, военному или гражданскому, хоть на несколько минут задумавшемуся над картой и над условиями войны в Месопотамии, недостаток предусмотрительности во всем, что касается самых элементарных нужд экспедиции, заставляет разувериться в организаторских способностях всех заинтересованных властей».

Мне нет надобности останавливаться на том, как военные власти в Индии оставляли экспедицию без подкреплений, хотя начальствовали в стране с 315 миллионами жителей, из которых 50 миллионов принадлежали к воинственным племенам. Но следующий поразительный случай заслуживает упоминания. Когда в октябре 1915 г. предстояло продвижение на Багдад и необходимость в подкреплениях стала настоятельной, имперские власти обратились к индийскому правительству с просьбой дать временно одну дивизию, так как две дивизии не могут поспеть из Франции во-время. «Чтобы избежать этого обязательства, — говорит комиссия, — индийское правительство прибегло к примеру, который, мягко выражаясь, является недобросовестным. В его распоряжении было на самом деле несколько артиллерийских батарей, кавалерийских полков и бригад пехоты, без которых можно было обойтись в Индии, но о которых не знало правительство метрополии. Объяснение этому дано в письме военного секретаря сэра Бичема Даффа к военному секретарю вице-короля.

В этом письме говорилось: «Главнокомандующий желает, чтобы названные им части были наготове на всякий случай... но чтобы об этом не извещали правительство метрополии...

Правительство очень заинтересовано во взятии Багдада и пошлет нам требуемые войска, если мы будем тверды, но оно не даст нам ничего, если мы проявим малейший признак готовности найти подкрепления».

В ответ вице-король телеграфировал 17 октября:

> «Ни в коем случае я не могу обязаться дать из Индии хотя бы на время дальнейшие войска в размере одной дивизии».

«Индийское правительство, как замечает командир Веджвуд, «было твердо», в то время как Сербия была раздавлена и все солдаты до последнего были двинуты в бой при Лоос».

Вряд ли надо добавлять, что комиссия вынесла строгое осуждение главнокомандующему в Индии — сэру Бичему Даффу, вице-королю — лорду Хардингу, главному хирургу, директору военно-

медицинского управления, руководству индийского флота и командиру армии в Месопотамии, генералу Никсону. Кроме того она осудила всю систему военной администрации как «громоздкую и непригодную» и рекомендовала основательно реформировать ее.

Когда я в июле 1916 г. назначен был военным министром, моим первым делом было заняться положением в Месопотамии. Самая настоятельная нужда заключалась здесь в улучшении транспорта и постановке врачебно-санитарного дела. К счастью, мне удалось заручиться помощью генерал-квартирмейстера, сэра Джона Кауэнса, человека, которого я всегда считал самым полезным военным, выдвинутым войной из рядов нашей армии. Я никогда не забуду той спокойной деловитости, с которой он указывал в деталях на необходимые, по его мнению, мероприятия. Он не колебался обращаться к помощи опытных штатских, и ряд способнейших его чиновников, работавших по транспорту во Франции, был назначен из гражданских лиц. Все, что можно было сделать в этом направлении, было начато и проведено без замедления. В дальнейшем позорных скандалов в руководстве месопотамской армии больше не было.

Комиссия констатировала также, что «только с того момента, как английское правительство взяло дело исключительно в свои руки, наступило заметное улучшение в управлении кампанией; достигнутые с тех пор улучшение и успехи — замечательная иллюстрация к чрезвычайной важности единства контроля во время войны». В докладе дается ряд конкретных указаний на улучшения, которые были достигнуты с июля 1916 г.

Не могу закончить эту жуткую главу, не приведя следующий классический пример бюрократической волокиты. Пусть он послужит здесь полезным предостережением.

Доклад комиссии дает выпуклое описание той громоздкой процедуры и волокиты, с которыми в то время приходилось иметь дело в каждом случае, когда речь шла о предложении, направленном на удовлетворение нужд армии. Описание это принадлежит министру финансов в индийском правительстве г. Бранийт, бывшему в течение нескольких лет финансовым консультантом при главнокомандующем и военным членом совета вице-короля. На просьбу дать конкретный пример, какие инстанции проходила в двух департаментах бумага с заявкой на снабжение армии, он ответил:

> «Предположим, генерал-квартирмейстеру нужно больше мулов. Вероятно, прежде чем сделать свою заявку, он поговорит лично с главнокомандующим и удостоверится, что тот в качестве главнокомандующего не возражает против постановки этого вопроса. Тогда он пишет записку, в которой сообщает свои данные, возможно подкрепляет ее бумажкой от армейского ремонтного департамента, делает определенное предложение, исчисляет предположительно стоимость и адресует свою

записку в военный департамент индийского правительства. Записку читают чиновники военного департамента, помощник главного секретаря, возможно и его заместитель, после чего она попадает к самому главному секретарю, назовем его генералом Холловей, хотя последний теперь не состоит им. Он критикует заявку, если считает нужным... Затем она попадает в управление консультанта по финансам... Ее читают здесь чиновники, читает помощник или заместитель консультанта, ныне г. Фелль. Предположим, что г. Фелль склонен сразу принять от лица финансового департамента эту заявку и дает понять, что не намерен отсылать ее главному секретарю по финансам. В таком случае дело идет обратно к главному секретарю по военным делам, и он на этот раз немедленно приказывает сделать необходимые распоряжения для удовлетворения заявки генерал-квартирмейстера, если только не считает вопрос достаточно важным, чтобы запросить по этому поводу мнение военного члена совета.

«Мнение его, конечно, на практике всегда будет требоваться, если заявка нуждается в утверждении министра внутренних дел. В таком случае секретарь по военным делам запросит на этой стадии распоряжений военного члена совета и в военном департаменте будет составлено отношение на имя секретаря. Или же предположим, что г. Фелль, когда дело попадет сначала к нему, рассмотрит заявку и найдет, что она должна быть видоизменена или отклонена. В таком случае дело снова пойдет обратно к военному секретарю, и он несомненно пожелает на этой стадии осведомиться о распоряжениях военного члена совета, если предварительно не запросит мнения генерал-квартирмейстера относительно тех возражений и предложений, которые были сделаны по этому вопросу в отделе военных финансов. Рассматривая заявку, г. Фелль вероятно укажет, следует ли направить ее также к финансовому члену совета. Таким образом, когда военный секретарь представит эти возражения военному члену совета, последний будет знать, что, решив пойти против возражений финансового консультанта, он встретит оппозицию со стороны финансового члена совета. Тогда военный член совета сделает свои распоряжения. Если он согласен с порядком, предложенным генерал-квартирмейстером и военным департаментом, он составит записку в этом смысле. Дело пойдет тогда обратно к финансовому консультанту, и последний не будет больше делать замечаний, а передаст дело финансовому члену совета. Если этот решит не настаивать на возражениях, поднятых г. Феллем, заявка будет полностью утверждена и будут отданы распоряжения для ее исполнения. Если однако финансовый член совета категорически возражает против этого порядка, дело снова пойдет назад к г. Феллю, чтобы от него вернуться к военному секретарю, а от последнего к военному члену совета. Последний может со-

гласиться с возражениями финансового члена совета; в таком случае вся заявка окончательно провалится при невольном содействии военного члена совета. Если, однако, военный член совета, вопреки возражениям финансового члена совета, считает заявку обоснованной, он внушит военному секретарю, что надо передать дело на усмотрение его превосходительства вице-короля, согласно нашему уставу, который предписывает, что, если два члена совета расходятся в мнениях, дело должно быть передано на усмотрение вице-короля. Военный секретарь передает тогда дело на усмотрение вице-короля. Последний, весьма возможно, выскажет свое личное мнение, что в данном частном случае он полагает желательным согласиться с мнением военного члена совета, а высказанное вице-королем желание по тому или иному обыкновенному вопросу очень часто — я сказал бы обычно — принимается. Или же вице-король, следуя принятому у нас порядку, просто укажет военному секретарю, что вопрос должен быть поставлен в совете на ближайшей неделе. Он будет тогда рассмотрен в совете, причем военный секретарь будет присутствовать, но не примет участия в дискуссии, и вопрос будет решен большинством голосов совета».

На вопрос, как долго может длиться разрешение спорного случая, получен был такой ответ:

«В лучшем случае спорная заявка, я думаю, потребует несколько недель. Я не могу ответить более точно, но многое зависит от того, заинтересуется ли ответственный секретарь данным делом и не даст ему путешествовать все время взад и вперед от финансового консультанта по административным инстанциям к генерал-квартирмейстеру или другим лицам и не пригласит ли каждого по очереди ответить на возражения и критику других. Там, где за дело не брались таким образом и не доводили его до конца, оно, как мне известно, затягивалось по этой причине самым печальным образом»...

Эта фантастическая картина — не страница из романа Диккенса. Это — трезвый рассказ высокопоставленного чиновника о действительной процедуре, принятой военными властями в Симле и бывшей в силе до 1916 г.; эту процедуру должно было пройти каждое требование на крайне необходимые материалы для наших войск в Месопотамии. Она помогает объяснению трагедии, которая постигла этих храбрых людей.

Поскольку реорганизация транспортной системы в Месопотамии была проведена сэром Джоном Кауэнсом — и весьма успешно — мне хотелось здесь изложить свое впечатление об этом симпатичном и компетентном военном.

Насколько я припоминаю, я впервые встретился с сэром Джоном Кауэнсом — Джеком Кауэнсом, как его называли все его многочисленные друзья — на первом собрании комитета по военному

снаряжению, организованного в конце 1914 г. Собрание состоялось в военном министерстве в кабинете министра, и когда дискуссия по вопросу о военном снаряжении, а также наши собеседования с генералом ван Донопом и другими закончились, лорд Китченер заметил, что мы вероятно пожелаем познакомиться с человеком, на которого возложена ответственность за прочее военное снабжение, именно с генерал-квартирмейстером. Позвали генерала Кауэнса; он оказался коренастым, неуклюжим, загорелым мужчиной, упрямым на вид, с хитрым взглядом. Он ничуть не отвечал моему представлению о штабном генерале. Лицо и повадка его скорее напоминали преуспевающего хлебного торговца в небольшом городке земледельческого района. Он сидел молча без всякого выражения на лице, и когда его спросили о продовольственном снабжении армии, он медленно и неуклюже вытащил ободранный футляр и извлек оттуда очки в роговой оправе. Приладив очки, он вынул из кармана истрепанную записную книжку, которая определенно походила на блокнот прачки для записи белья, и отвечал на наши вопросы выдержками из своих записей. Затем последовали вопросы об одежде для армии и другая записная книжка. Мы слушали и слово за словом приходили к сознанию, что перед нами очень ясное и краткое изложение организации снабжения, столь толковое и достаточное, что, когда лорд Китченер спросил нас, не имеем ли мы каких-нибудь вопросов, мы все почувствовали, что нам нечего более спрашивать. Этот простоватый военный поразил меня своей спокойной, отнюдь не показной, деловитостью. Мы убедились, что перед нами человек, знающий толк в деле организации, организатор до мозга костей. Когда я узнал его ближе, я понял, что под грубой внешностью и упрямым взглядом скрывается прямой и сердечный характер и неисчерпаемый источник юмора и веселья. Кто знал его, тому легко было зажечь блеск в его глазах и вызвать его искренний, громкий и заразительный смех.

На вид крайне поверхностный, Кауэнс был превосходным деловым человеком. Он прекрасно управлял своим департаментом и был вполне в курсе всех дел. Он исполнял свои обязанности за четыре с половиной года войны к полному удовлетворению всех имевших с ним дело военных и штатских. Относительно других руководителей войны, их недостатков и слабых сторон были всяческие сомнения и нарекания, но ни разу нигде не было слышно брюзжания по поводу того, как исполнил свою работу сэр Джон Кауэнс; никто не сомневался в ее пользе. Это больше, чем можно сказать о любом другом военном деятеле в этой войне.

Когда в 1916 г. разразился кризис в Месопотамии и правительство узнало о создавшемся там скандальном положении, министерство по делам Индии поручило это дело сэру Джону Кауэнсу в военном министерстве. Я уже описывал ужасное положение к моменту, когда Кауэнс взял дело в свои руки; с тех пор оно быстро — почти с невероятной быстротой — полностью изменилось. Без суетливости и на первый взгляд без особого напряжения он

привел дела в порядок, с тех пор не было слышно ни о каких скандалах в Месопотамии.

Когда в бытность мою военным министром у меня происходили столкновения с военным советом министров из-за того, что я настаивал на привлечении штатских лиц к функциям, которые до сих пор исполнялись военными, рассерженные генералы своим представителем посылали ко мне со своими протестами Кауэнса. Несомненно, это было самое подходящее лицо для такого дела, ибо его деловитость и юмор делали его приемлемым посредником. Нельзя было ссориться с Джоном Кауэнсом или сердиться на него. Его юмор тушил всякий гнев.

Глава тридцатая

ПОЛИТИКА СОКРУШИТЕЛЬНОГО УДАРА

Во второй половине 1916 г. в известных кругах был сделан ряд попыток добиться мира без решительной победы. Пускались пробные шары, распространялись слухи и намеки в Голландии, в Испании, в Ватикане, в Швеции и в Соединенных штатах. Были веские основания полагать, что по крайней мере часть этих махинаций была делом германских агентов, так как момент был благоприятен для достижения выгодных центральным державам условий мира. В первые месяцы войны Германия со своим тщательно проводившимся и в высшей степени эффективным вооружением и военной организацией форсировала атаку на союзные державы, которые имели гораздо менее искусное руководство, вооружены были не в столь достаточной мере, а что касается Англии, только приступали к использованию своих военных ресурсов. Этот поток германских завоеваний достиг теперь своей высшей точки; однако многое в военной ситуации на суше и на море давало основания для опасений и даже отчаяния насчет того, возможно ли будет добиться ясной, очевидной победы той или другой стороне.

Тревожные разговоры о войне выдвинули на первый план вопрос о целях, которые мы себе ставили в войне, и условиях, на которых мы надеялись ее закончить. В августе 1916 г. этот вопрос был поднят в военной комиссии кабинета министров, и сэру Виллиаму Робертсону было поручено премьер-министром представить меморандум и изложить в нем соображения генерального штаба по вопросу о том, какие условия мира считались желательными с военной точки зрения. Меморандум сэра Виллиама Робертсона, представленный 31 августа 1916 г., является во многих отношениях замечательным документом для своего времени. Этот меморандум гласит:

«1. Хотя конца войны отнюдь еще не предвидится, тем не менее в любой день могут начаться переговоры о мире, и если мы не будем к ним подготовлены, мы окажемся в весьма невыгодном положении не только в сравнении с нашими противниками, но и в сравнении с нашими союзниками. Весьма

вероятно, г. Бриан уже имеет совершенно определенные взгляды в этом вопросе, тщательно разработанные способными людьми, которые работают под его руководством и которые не заметны на поверхности политической жизни. На поспешно созванном совещании союзников мы не имели бы никаких шансов для успешной борьбы с Брианом, если бы последний обладал определенной политической линией, которую он без нашего ведома мог согласовать с русскими и, может быть, и с другими державами союзной коалиции. При подобном случае немцы могли бы воспользоваться этим обстоятельством и внести раздор между нами и другими союзными державами, в результате чего мы могли бы остаться одинокими в вопросах, на которых мы должны были бы настаивать, например, по поводу германских колоний, захваченных во время войны. Поэтому мы должны решить теперь, без промедления, какова будет наша дальнейшая политика; затем мы должны поставить этот вопрос перед союзниками, установить в свою очередь, каковы их цели и попытаться затем притти к соглашению — еще до того как мы встретимся с нашими противниками на мирной конференции.

2. В течение многих столетий — хотя, к сожалению, не всегда — целью нашей политики было поддержание равновесия между континентальными державами, которые всегда делились на враждебные лагери. Одно время центр тяжести европейской политики был в Мадриде, в другой период—в Вене, в третий — в Париже, в четвертый — в Санкт-Петербурге. Мы разбили или помогли разбить по очереди каждую державу, которая претендовала на гегемонию в Европе; и одновременно мы расширяли нашу собственную область колониального господства. Одним из моментов этой традиционной политики являлось стремление к поддержанию британской гегемонии на морях и к тому, чтобы Нидерланды находились в обладании слабой в военном отношении державы. В последние годы выросла новая мощная держава в лице Германии, и результатом этого является нынешняя война.

3. Мы считаем, что основой мирных переговоров должны быть три принципа, за осуществление которых мы так часто воевали в прошлом и за которые мы боремся теперь, а именно:

а) поддержание европейского равновесия;

б) сохранение британской гегемонии на морях;

в) сохранение Нидерландов за слабой в военном отношении державой.

4. Если эти общие принципы и некоторые другие необходимые для нас положения будут приняты правительством его величества, станет возможным установить условия, на которых можно будет вести переговоры и без соблюдения которых мы вообще откажемся вести переговоры. Незачем обсуждать дальнейшие условия, не установив предварительно этих общих прин-

ципов; можно однако упомянуть о некоторых вопросах, остающихся неразрешенными ныне, для того чтобы подчеркнуть всю важность возможно более скорого рассмотрения этих вопросов. Сюда следует прибавить, что настоящий меморандум написан исключительно с военной точки зрения, и в этой связи нужно лишний раз напомнить, что условия, на которых будет заключен мир, явятся определяющими в вопросе о том, какую армию мы должны будем иметь в дальнейшем.

5. Если мы должны поддерживать европейское равновесие, то отсюда следует, что мы заинтересованы в существовании сильной державы в центральной Европе, и этой державой должно быть германское, а не славянское государство, так как последнее всегда будет тяготеть к России; тем самым Россия приобретет господствующее положение и таким образом будет уничтожен принцип, который мы стремимся сохранить. С другой стороны, поскольку Германия является нашим главным европейским соперником на морях, для нас было бы выгодным заключить такие условия мира, которые приостановили бы развитие германского военного и торгового флота. Другими словами в интересах Британской империи было бы сохранить Германию в качестве сильной сухопутной и слабой морской державы. Генеральному штабу неизвестно, какие обязательства в этой области взяло на себя правительство его величества, но повидимому предполагается разделить Австро-Венгрию. Согласно политическому соглашению с Румынией значительная часть восточной Венгрии должна отойти к Румынии; Италия без сомнения будет настаивать на передаче ей Триеста с Истрией и прилегающими районами; Сербии будет дана по крайней мере часть Герцеговины, Боснии и Хорватии. Основной проблемой станет судьба самой Австрии, Венгрии в тесном смысле слова (с коренным венгерским населением) и северных славянских областей — Богемии, Моравии и Галиции, и важное значение приобретет также вопрос о выходе к Адриатическому морю для этих областей непосредственно, а не через итальянскую или сербскую территории. Ясно, что не все эти области могут стать самостоятельными государствами. Галицию может поглотить новое польское королевство, но труднее будет пристроить с одной стороны Богемию и Моравию, а с другой Венгрию. Если следовать принципу сохранения сильной Германии, нужно включить Австрию в Германскую империю особенно потому, что таким образом десять миллионов южных немцев окажутся до известной степени противовесом Пруссии. Другой альтернативой, в пользу которой можно сказать, что таким образом разрешается вопрос о судьбе всех остальных провинций, было бы сохранение уменьшенной в своих размерах Австро-Венгрии, и в этом случае ей должен быть дан порт на Адриатическом море, например Фиуме. Эта новая Австро-Венгрия будет вероятно поддерживать весьма тесный союз с Германией, но такой союз отнюдь не будет клониться к нашей невыгоде, так как

на суше он будет ограничивать силы России и славянских государств, а на море помешает превратить Средиземное море во французское и итальянское озеро.

6. Что касается западных границ Германии, то мы повидимому должны будем согласиться с пожеланиями Франции в вопросе об Эльзас-Лотарингии. Бельгия может быть восстановлена в своем довоенном виде, и представляется желательным, чтобы к Бельгии было присоединено великое герцогство Люксембург. Было бы желательно, чтобы Бельгия получила свободный выход к морю от Антверпена путем передачи ей той части Зеландии, которая лежит к югу от Шельды. В этом случае Голландия могла бы получить компенсацию в восточной Фрисландии и восточно-фрисландских островах.

7. На севере Германии желательно, чтобы весь Шлезвиг и повидимому часть Голштинии были возвращены Дании. С морской точки зрения было бы исключительно важно отнять у Германии Кильский канал, который мог бы быть интернационализирован, Кильскую гавань, северо-фрисландские острова, восточный берег, лежащий против острова Гельголанда. Эти вопросы, как и другие, имеющие специально военно-морское значение, подлежат конечно компетенции адмиралтейства.

8. На востоке границы Германии будут зависеть от границ, в которых будет создана Польша. Затруднением при создании этого нового государства будет вопрос о предоставлении ему морского порта. Сами поляки хотели бы обладать Данцигом и заявляют в обоснование своих претензий, что поляки составляют 60% населения Западной Пруссии. Трудно было бы однако при любых условиях отрезать восточную Пруссию от Германии, а также трудно поверить, что Германия будет настолько разбита, что согласится на передачу Познани Польше, за исключением того случая, что Польша станет королевством под управлением немецкого принца в составе Германской империи; но этот случай возможен лишь в условиях победы Германии. В польском вопросе мы, вероятно, должны будем согласиться с требованиями России.

9. Болгария может либо отказаться от союза с центральными державами, и в этом случае она может сохранить свою нынешнюю территорию плюс неоспариваемую другими часть Македонии, или она будет вести войну до конца. В последнем случае, если Россия утвердится в Константинополе, возможно, что она попытается аннексировать Болгарию и в конце концов соединить ее с Бессарабией, отобрав Добруджу у Румынии.

10. Основные пожелания, предлагаемые на рассмотрение в настоящем меморандуме, сводятся к тому, чтобы Германия была урезана на западе и на севере путем уступки другим державам частей Эльзаса и Лотарингии, Восточной Фрисландии, Шлезвига и части Голштинии; чтобы была исправлена восточная граница ввиду создания Польши, чтобы на юге Германии была усилена либо путем включения собственно Австрии, либо при

помощи тесного союза с значительно уменьшенной в своих размерах Австро-Венгрией, и чтобы морское могущество Германии было разбито в результате отторжения Кильского канала и различных областей в Северном и Балтийском морях, которые имеют большое военно-морское значение.

11. Повидимому предполагается разделить Турецкую империю, передав Константинополь и проливы России и разделив между союзниками Месопотамию, Сирию и остаток Малой Азии. Эти намерения не затрагивают вопроса о будущих границах в Европе, но их значение в том, что они могут помешать Германии распространить свое влияние на Ближнем Востоке.

12. В Азии вне Турецкой империи мы наиболее заинтересованы в Персии; нет оснований, чтобы соглашение, которое по вопросу о Персии может оказаться необходимым заключить с Россией, обсуждалось на мирной конференции.

13. Наши дальнейшие взаимоотношения с союзниками требуют столь же внимательного рассмотрения, как и наши отношения с противниками. Какова будет наша политика по отношению к французам в Салониках, к итальянцам и французам в Албании, к итальянцам в Малой Азии, к русским на Балканах и к славянству вообще в связи с созданием Польши? Следует помнить, что теперешняя группировка держав не является чем либо постоянным и, может быть, сохранится после войны лишь в течение непродолжительного времени.

14. К тому времени, как закончится кампания в германской Восточной Африке, Германия потеряет все свои колонии. Вот они: Киао-Чао, Того, Камерун, Германская Юго-западная Африка, Германская Восточная Африка, Германская Новая Гвинея, Архипелаг Бисмарка. Острова: Каролинские, Маршальские, Марианские, Соломоновы и Самоа в Тихом океане.

Германия безусловно будет делать упорные попытки вернуть все или большинство этих колоний, чтобы сохранить свое «место под солнцем» и удержать за собой хотя бы видимость положения мировой державы. Поэтому Германия вероятно будет делать заманчивые предложения незаинтересованным державам, чтобы оказать давление на заинтересованные державы и заставить их отказаться от претензий на германские колонии. Не мы одни заинтересованы во всех этих колониях; Франция заинтересована в Камеруне, Бельгия в Восточной Африке и Япония в Киао-Чао и островах северной части Тихого океана. Ясно поэтому, что если уступка, скажем, Польши России, или Эльзас-Лотарингии Франции, или даже полная эвакуация Бельгии будет обусловлена со стороны Германии возвращением ей — с нашей стороны — Того, Юго-западной и Восточной Африки и островов южной части Тихого океана, то мы будем поставлены в затруднительное положение.

15. Киао-Чао, Марианские, Каролинские и Маршальские острова были заняты и управляются ныне японцами, и Япония

вряд ли согласится отдать их без значительной компенсации, которую не так легко будет найти.

16. Острова Самоа были заняты и ныне управляются Новой Зеландией, которая повидимому придает их приобретению большое моральное значение, так как это первое завоевание молодого государства. То же относится к германской Новой Гвинее, к архипелагу Бисмарка и Соломоновым островам, которые были заняты и ныне находятся в руках австралийского правительства. Австралия имеет дополнительный стимул к удержанию за собой этих приобретений, потому что эти острова представляют важный буфер между австралийским материком и Японией.

17. В Африке трудности еще больше. Южноафриканский союз, имея опыт этой войны, вряд ли согласится допустить соседство могущественной иностранной державы. Южноафриканский союз завоевал германскую Юго-западную Африку собственными силами и принял руководящее участие в кампании в Восточной Африке. Поэтому мы вероятно явимся на мирную конференцию, имея только область Того в качестве объекта для компенсации.

18. Многочисленные проблемы, связанные с разделом германских колоний, требуют детального рассмотрения; не следует поэтому терять времени; надо запросить доминионы о точках зрения их правительств и решить, какой позиции держаться в отношении других держав Антанты.

19. Другим вопросом, подлежащим обсуждению и поскольку возможно разрешению, является вопрос о заключении перемирия на время переговоров о мире. Наличие союзной блокады делает весьма затруднительным установление каких бы то ни было справедливых условий перемирия. С точки зрения Антанты совершенно необходимо, чтобы блокада продолжалась во время перемирия, так как в противном случае центральные державы в состоянии будут запастись припасами во время перемирия и возобновить военные действия, если переговоры о мире закончатся неудачей. Противник без сомнения будет решительно противиться сохранению блокады, потому что блокада ослабляет его с каждым днем, и в конце перемирия противник будет находиться в худшем положении, чем в ее начале. Мы должны однако исходить из того, что за этот период его положение — если бы перемирия не было — стало хуже, и не можем позволить врагу добиться преимущества от перемирия, которого он в противном случае не получил бы. Мы не должны в этом вопросе считаться с врагом. Германия в подобных обстоятельствах менее всего считалась бы с затруднениями своих врагов. Больше того, мы будем стремиться к скорейшему окончанию переговоров, тогда как снятие блокады почти наверное затянет переговоры на неопределенный срок.

20. Таким образом имеются, повидимому, три пути:

а) Вообще отказать в заключении перемирия и продолжать войну во время мирных переговоров или до тех пор, пока противник не сдастся безусловно;

б) ограничить перемирие сухопутными и воздушными операциями, операции же на море, подводную и надводную войну продолжать.

в) согласиться на определенную политику пайков во время перемирия с тем, чтобы к концу перемирия центральные державы остались в том же положении, в каком они находились в начале его.

21. На всех этих трех путях мы наталкиваемся на затруднения. Что касается (а), то было бы не легко вести мирные переговоры во время военных действий, поскольку постоянные колебания военного счастья могли бы оказать соответствующее влияние на переговоры. Следует также помнить, что переговоры по необходимости займут продолжительное время, так как в них заинтересовано столько различных держав, не говоря уже о столкновении стольких интересов и о значительности территорий, о которых идет речь.

22. С другой стороны, трудно составить удовлетворительные условия перемирия, которые предусматривали бы приостановку одних лишь сухопутных и воздушных операций, так как если условия перемирия не будут вполне точными и не будут предусматривать всех возможных случаев, то неизбежны будут постоянные жалобы на нарушение условий перемирия и могут возникнуть таким путем бесконечные споры. Далее, если будет решено согласиться на перемирие по способу, предусмотренному в пункте (б), и будут продолжаться нападения подводных лодок на пассажирские и торговые суда, то атмосфера переговоров будет отравлена и соглашение будет затруднено. Пункт (в) мы не рекомендуем. Чем дольше будет продолжаться голод у противника, тем лучше; в конце концов, неприятель вероятно располагает средствами к существованию, к тому же трудно установить размер пайков, который был бы приемлем для всех заинтересованных стран.

23. Совершенно очевидно, что вопрос этот связан со многими трудностями и поэтому его рассмотрение тем более не терпит отлагательств. В общем вряд ли можно будет отказать в перемирии, однако необходимо будет, чтобы противник дал нам гарантию своей доброй воли; поэтому заключение перемирия должно быть обусловлено по крайней мере:

а) немедленным отозванием всех неприятельских войск в пределы довоенной территории своих государств;

б) немедленным освобождением со стороны неприятеля всех военнопленных;

в) предварительная сдача известной части неприятельского флота.

В. Р. Робертсон, генерал,
Начальник Имперского генерального штаба

Военное министерство
31 августа 1916 г.»

Помимо интереса, который представляет собой этот документ, как выражение мнения военных властей по вопросу о территориальных изменениях, которые должны быть проведены для ограничения опасности повторения германской угрозы, меморандум Робертсона ценен и в том отношении, что он отражает существовавшие в то время надежды на близость мирных переговоров.

Однако среди влиятельных людей наблюдались серьезные разногласия по вопросу об этих переговорах. Многие из тех, кто неохотно принял участе в войне, полагали, что раз нас заставили вести войну, было бы подлинным несчастьем, если бы мир был заключен до того, как будет ясно показано, что никакая военная машина, как бы совершенна она не была, не в состоянии одержать верх над пробудившейся совестью культурного человечества. Однако эту точку зрения не все разделяли и понимали. В связи с нашим сомнительным положением на фронтах и неблагоприятными перспективами, находились некоторые, кто охотно склонялся к заключению скорого, хотя и неокончательного мира.

Приближалась к концу третья кампания в этой войне, а союзники казались более чем когда-либо далекими от благоприятных результатов. К концу первой кампании Бельгия была почти полностью занята неприятелем; обширная и важная часть северной Франции тоже подвергалась нашествию немцев, и даже после отступления от Марны десять богатейших провинций Франции оставались в руках неприятеля. К концу второго года войны Сербия была полностью захвачена центральными державами, Болгария с ее храброй армией присоединилась к неприятелю, тысячи квадратных миль территории Австрии были завоеваны обратно и увеличили ресурсы неприятеля в области продовольствия, лесоматериалов и рабочей силы.

К концу третьего лета была разбита Румыния, и бо́льшая часть ее территории, включая столицу, была оккупирована неприятелем. К неприятельским запасам важнейших материалов прибавились драгоценные резервы нефти и пшеницы. Балканы почти полностью находились в руках центральных держав. Путь в Константинополь был открыт для поставок военного снаряжения, Турция была воскрешена и вносила свою грозную лепту в военную мощь своих союзников. В том или ином пункте она задерживала сотни тысяч британских и французских войск. Мы были изгнаны турками из Дарданелл, а в Месопотамии британская армия сдалась туркам. На Западе с колоссальными потерями сделаны были попытки освободить французскую территорию из цепких объятий германской армии; но эти попытки не привели к какому-либо существенному результату. Немцев били и бомбардировали самой ужасной артиллерией, когда-либо мобилизованной на поле сражения, они терпели большие потери и вынуждены были оставить некоторые участки, но их потери ранеными и убитыми были несравнимы с потерями, нанесенными французской и особенно британской армии. Выигрыш территории был незначителен как в смысле площади, так и в

стратегическом смысле. Германская атака на Верден была безуспешной, но даже здесь французы потеряли значительно больше людей, чем немцы.

Французский народ истекал кровью, и всякий, кто посещал тогда Францию, не мог не чувствовать, что хотя храбрость этого отважного и благородного народа не была сокрушена и дух его не был подавлен, все же пыл остыл в крови его сынов. Официальные донесения из Италии были далеко не ободряющими. Итальянский народ в отличие от других воюющих народов вовсе не был единодушен в своем решении вступить в войну. Недостаточно хорошо снаряженные итальянские войска совершили с мая 1915 г. чудеса храбрости и инженерного искусства, карабкаясь на крепости, высеченные в высоких горах, спускающихся к равнинам Италии, но они двигались вперед медленно, а потери были тяжелы. В последнее время в Италии произошла серьезная неудача. В начале ноября правительство получило сведения от весьма компетентного и авторитетного лица; все мы безусловно доверяли точности его сообщений о положении в Италии. Он доносил, что

> «в Италии уже наблюдаются известные признаки утомления и упадка духа ввиду затягивания войны. Великобританию изображают как единственную страну, заинтересованную в том, чтобы затянуть борьбу à outrance (до конца). Неверно было бы думать, что здесь существует такая же твердая решимость выдержать до конца, какая господствует во Франции и в Британской империи».

Русские армии были разбиты и совершенно не в состоянии были оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление германскому наступлению. Хотя и считали, что их положение с патронами и ружьями в течение истекшего 1916 г. улучшилось, но было совершенно ясно, что их снаряжение не даст им возможности противостоять дальше страшной артиллерии, имевшейся в распоряжении армий Гинденбурга. Десять тысяч тонн снарядов и амуниции, находившихся на складе в Архангельске, были взорваны по небрежности или вследствие предательства. Правительство действовало вяло; оно было неспособно и находилось во власти коррупции. Неудивительно, что русским народом овладело негодование. Среди крестьянства царило мрачное недовольство. Рабочие в городах становились все более независимыми, непокорными. Стачки участились и уличные демонстрации стали угрожающими. Солдаты разуверились в возможности победы, и, когда их звали в наступление или к сопротивлению врагу, они повиновались машинально без энтузиазма и доверия. Только дисциплина еще удерживала их в окопах. По всей России все более давал себя чувствовать недостаток в продовольствии. Революция была только вопросом времени. Хотя нас уверяли официально, что это не произойдет, пока не кончится война, союзники не могли полагаться на то, что население, проникнутое духом ненависти к прави-

тельству и недовольства, станет рисковать драгоценной жизнью граждан по воле и ради самодержавия, уже не внушавшего повиновения и фактически презираемого всеми классами в стране — высшими и низшими. Надеялись, что сопротивление русских продолжится еще достаточное время и задержит значительную часть армий центральных держав, пока не наступит долгожданный момент и союзникам на западном и итальянском фронтах удастся наконец «прорваться». Но эти надежды становились все более зыбкими, а ход событий показал, что они были иллюзорны. Полное крушение русского сопротивления означало, что 2 или 3 миллиона германских и австрийских войск с их грозной артиллерией освобождаются для западного и итальянского фронтов для нападений на истощенную Францию и потерявшую уверенность в себе Италию.

Налицо была и другая опасность, которая угрожала самой жизни Британии, это — потопление наших торговых судов неприятельскими подводными лодками. Германское адмиралтейство поставило себе задачей увеличить численность своего подводного флота в восемь раз. Но еще более угрожающий характер, чем это численное увеличение, имел рост размера и мощи этих истребителей, ускользавших от преследования. Это означало расширение поля их действия и нападения. Более новые типы подводных лодок могли проникать в открытый океан и здесь на просторе охотиться на далеких пространствах за своей добычей. Это значительно увеличивало трудности организации действительной защиты от их нападений. Продукция германских верфей возрастала в тревожной мере, а цифры наших потерь с недели на неделю скачкообразно поднимались в гору. Защита не находилась в равных условиях с нападением. Приходилось бороться с невидимым противником, с врагом, который не оставлял после себя никаких следов. Сделав свое разрушительное дело, он исчезал и продолжал свой путь в бездонных глубинах, незамеченный, невидимый, не поддающийся поимке, не оставляя после себя ничего, что показывало бы направление его пути или его расстояние от нас.

Нижеследующая таблица показывает, в каком количестве британские торговые суда погибали от подводных лодок в продолжение 1916 г.:

	Количество судов	Тоннаж		Количество судов	Тоннаж
Январь	5	62 288	Июль	21	82 432
Февраль	7	75 860	Август	22	43 354
Март	19	99 089	Сентябрь	34	104 572
Апрель	37	141 193	Октябрь*	41	176 248
Май	12	64 251	Ноябрь	42	168 809
Июнь	11	36 975	Декабрь	36	182 292

* В октябре потери от нападений подводных лодок дошли до 176 248 тонн (потоплен был 41 корабль); эта цифра превосходила цифры каждого из предыдущих месяцев. Это показывает, что мы не только не в состоянии были бороться с угрозой, но что в подводной войне немцы нас побеждали.

Вот в каком свете представлялось положение лорду Роберту Сесилю, бывшему тогда одним из влиятельнейших членов кабинета:

«Одно ясно. Наше положение серьезно. Несомненно, что если нация не напряжет всех своих сил, оно станет отчаянным, в особенности в области морского транспорта. Положение в странах союзников еще серьезнее. Франции грозит более или менее скорое истощение сил. Политические перспективы в Италии являются угрожающими. Финансы ее пошатнулись. В России — сильный упадок духа. Она долгое время находилась на краю революции. Даже ее людские резервы, по-видимому, подходят к концу».

Такое положение с необходимостью должно было породить сомнения в самых стойких умах и способствовать настроениям в пользу немедленного мира в интересах своей страны и всего человечества. Однако по соображениям, которые я излагаю ниже, я чувствовал, что всякая попытка заключить мир в то время непременно будет недостаточной и непрочной — это было время когда немцы стояли на вершине своей силы и своих успехов, тогда как мы только начинали мобилизовать свои собственные силы.

Позиция Франции в вопросе об открытии мирных переговоров была ясно указана за два месяца до этой дискуссии на заседании французской палаты в исключительно сильной речи премьер-министра Бриана. 19 сентября 1916 г. социалистический депутат Бризон выступил с речью, в которой говорил о потерях Франции, и в заключение поставил вопрос: не достаточно ли уже страданий перенесла Франция и не могла ли бы она приступить к мирным переговорам? В ответ на это Бриан выступил с одной из своих самых красноречивых речей, которую я привожу. Когда Бриан кончил и сел на свое место, палата депутатов, как сообщают, устроила ему «такую овацию, которой еще никогда не удостаивался какой-либо премьер-министр», и большинством 421 голоса против 26 голосов постановила расклеить эту речь по всей Франции. Поэтому можно считать, что эта речь представляла собой решение страны, наиболее пострадавшей от войны, продолжать бешеное сопротивление каким-бы то ни было преждевременным попыткам заключения мира.

«Посмотрите на свою страну, г. Бризон. Она подверглась возмутительному нападению. Ей принадлежит значительная роль в пропаганде тех идей, которые служили прогрессу в мировой истории. И вот, когда эта страна, которая в продолжение двух лет имела высокую честь быть передовым борцом за право, остановила насильника и защищает весь мир, когда она проливает свою кровь, вы говорите: Начните мирные переговоры! Какой вызов, какое оскорбление памяти наших павших

героев! (Несмолкаемые рукоплескания и крики: «Восстаньте, мертвые!»). В самом деле, г. Бризон, подумайте! Десять провинций вашей страны подверглись нашествию врага. Наши старики, женщины и дети уведены. Они мужественно переносят свое несчастье, ожидая от вас освобождения. И вот, при таком положении вы являетесь к нам и говорите: ведите переговоры, идите и требуйте мира? Вы мало знаете Францию, если воображаете, что она может пойти на то, чтобы беречь миллиарды и даже кровь своих сынов в таких унизительных обстоятельствах. Какого мира вы можете добиться для Франции? Это будет мир войны. Если вы желаете, чтобы воссиял мир над землей, г. Бризон, если вы желаете, чтобы господствовали идеи свободы и справедливости, то требуйте победы, а не мира, достижимого сегодня, ибо этот мир будет унизительным и позорным. Ни один француз не может желать этого».

С другой стороны, в Германии были свои тревоги и трудности. Кольцо блокады тесно сомкнулось вокруг центральных держав, тогда как союзники широко развили мероприятия по обеспечению своих стран необходимыми запасами. Сопротивление Австрии и Турции было по существу сломлено. Германия не могла уже возлагать на них слишком больших надежд. В Британии работа министерства военного снаряжения стала теперь приносить обильные плоды, а принятие закона о всеобщей воинской повинности обеспечивало миллионы рекрут для наших армий. Естественно, что Германия должна была бы приветствовать и поддерживать всякую идею о скором заключении мира, раз мощь ее оставалась еще нетронутой, а ее положение на карте войны давало повод думать, что по существу она является победившей державой. Действительно, до нас дошли слухи, что агенты ее в Соединенных штатах зондируют почву о вмешательстве президента Вильсона в пользу скорого заключения мира.

У самого президента тоже должны были быть свои мотивы, чтобы отнестись благожелательно к предложениям о таком вмешательстве. Президентские выборы были не за горами — они должны были состояться в начале ноября — и приходилось считаться с многочисленными и влиятельными голосами немецкой части населения Соединенных штатов. Кроме того Вильсон дорожил своей репутацией человека, который не дал Америке ввязаться в войну; в избирательной кампании ему должен был поэтому принести пользу каждый шаг с его стороны, направленный к тому, чтобы уменьшить опасность вовлечения Америки в конфликт. Эта опасность была весьма реальна и вскоре приняла конкретную форму. Однако на мой взгляд момент был крайне неподходящим для обсуждения каких-либо мирных условий, которые хотя бы в отдаленной мере могли удовлетворить союзников. Не буду утверждать, что мое мнение разделялось всеми членами британского кабинета. Некоторые из них имели серьезные сомнения насчет положения на

фронтах и перспектив для нашего судоходства, нашего продовольственного снабжения и наших финансов. Лорд Грей, лорд Ленсдаун, Мак-Кенна и Ренсимен в особенности были явно встревожены положением. Они питали опасения насчет возможности продолжать войну после рождества 1916 г. Из опубликованных впоследствии заявлений стало ясно, что подобное же впечатление было широко распространено и за границей.

Я понимал, что необходимо энергично выступить против пораженческих настроений, которые исходили из иностранных кругов, против стремлений в пользу заключения мира без решающей победы, которые, повидимому, нашли также отклики в некоторых ответственных кругах нашей страны.

Я не был другом войны. Лишь после чрезвычайных колебаний и борьбы я в последнюю минуту согласился на британский ультиматум. Моя пацифистская позиция была известна и, если бы не нарушение Германией нейтралитета Бельгии, я настоял бы на своем отказе оставаться в министерстве, которое вовлекло мою страну в войну с ее резней и организованным варварством. Но раз мы вступили в войну, я не менее решительно стоял за необходимость продолжать ее по крайней мере до тех пор, пока не будет достигнута цель, ради которой мы приносили свои жертвы. Дело было не просто в том, чтобы следовать шекспировскому совету:

> «Остéрегись
> Вступать ты в драку, но попав
> В нее, держись; заставь противника тебя бояться».

При существующих условиях конференция могла бы повести только к такому миру, который на самом деле был бы отказом от дела, заставившего нас взяться за оружие.

В соответствии с этим, подражая примеру, данному незадолго перед этим самим сэром Эдуардом Греем, я дал 28 сентября 1916 г. интервью одному американскому корреспонденту. Это был Рой В. Гоуард, председатель американской «Юнайтед пресс». В этом интервью я подчеркнул свои взгляды на позицию, которую должны занять Англия и ее союзники в отношении каких-либо разговоров о немедленном мире.

В самом начале я подчеркнул следующее: Англия только теперь развернула свою военную мощь и относится с справедливым подозрением к версии, что президент Вильсон должен выбрать именно этот момент для «выпада» с предложением прекратить войну, прежде чем мы сумели добиться победы. Когда нас били в продолжение первых двух лет войны, потому что мы еще не имели тренировки и были плохо снаряжены, тогда ничего не слышно было о таком вмешательстве. Наши люди несли свой крест без жалоб. Они со скрежетом зубовным терпели и держались, когда побеждающие германцы говорили об аннексии Бельгии и Польши как военной добычи Германии в результате победы, и о том, что они

намерены превратить войну в борьбу с Англией не на жизнь, а на смерть.

«Весь мир, включая граждан нейтральных государств и друзей человечества, движимых самыми благими намерениями и самыми лучшими мотивами, должен знать, что на данном этапе не может быть речи о вмешательстве со стороны. Британия не просила о вмешательстве, когда она была не подготовлена к борьбе. Теперь, когда она подготовлена, она не потерпит никакого вмешательства, пока прусский военный деспотизм не будет сломлен раз навсегда.

«Бесполезно жаловаться теперь на ужасы непрекращающейся войны, если милосердие других (нейтральных) не побудило их остановить войну, когда британские войска косила смерть, когда они гибли под ударами неприятеля, имевшего на своей стороне подавляющее превосходство и тратившего десять снарядов против одного английского.

«Однако в британской решимости довести войну до решительного конца есть нечто большее, чем естественное желание мести. Бесчеловечность и бессердечие борьбы, которая должна вестись, пока возможен будет прочный мир, не могут сравниться с той жестокостью, которую означает прекращение войны в момент, когда еще остается возможность угрозы цивилизации из того же источника. Мир немыслим теперь или в какое-либо другое время, пока эта угроза не будет полностью и окончательно устранена. Ни один человек и ни одна нация, которые хоть сколько-нибудь понимают характер армии британских граждан, переносившей страшные удары без жалоб и хныканья, не будут пытаться остановить ее теперь».

«Но как долго — думаете вы — это может и должно продолжаться?» — спросили меня.

«Теперь в британской армии нет ни часов, ни календаря» — был мой ответ. Время — самый последний по важности фактор. Считаются только с результатами, а не с временем, требующимся на их достижение. Англии понадобилось 20 лет, чтобы победить Наполеона, причем первые 15 лет были черными годами британских поражений. Чтобы выиграть эту войну, не потребуется 20 лет, но сколько окажется необходимым, столько и будет продолжаться война.

«И я говорю это в сознании, что мы только теперь начали побеждать. Мы не склонны после первого успеха фиксировать час окончательной победы. Мы не предаемся иллюзиям, что война близится к концу, но мы не имеем ни малейшего сомнения относительно того, как она придет к концу.

«Но как с Францией?» — последовал вопрос. — «Имеется ли там та же решимость выдержать до конца и продолжать воевать, пока условия мира смогут быть продиктованы врагами Германии?»

«Мир не оценил еще чудесного благородства и величия Франции» — ответил я. — «У меня есть ответ на ваш вопрос; его дала мне несколько дней назад одна благородная француженка. Эта женщина отдала четырех сыновей родине — у ней остался один для того, чтобы и его отдать Франции. В разговоре с ней я спросил, не считает ли она, что война продолжалась уже достаточно долго. Ни минуты не колеблясь, она ответила: «Борьба никогда не будет слишком долгой, пока не будет исключена возможность повторения этих ужасов». Устами этой матери говорит дух Франции. Да, Франция выдержит до конца».

Я указал на защиту Вердена как на доказательство французской стойкости. Тогда как британцев поддерживает дух спорта, французы горят неугасимым патриотизмом. Девиз союзников: «Никогда больше!» Я недавно вернулся из моей поездки на поля сражения, и те ужасы, свидетелем которых я был, никогда не должны повториться. Война должна сделать это несомненным.

Таково было содержание моего интервью, которое получило широкое распространение и обсуждалось в каждой стране.

Политика knock-out blow («нокаута», сокрушающего удара), как ее называли, вызвала большое раздражение не только у центральных держав (как об этом свидетельствовали постоянные ссылки на нее в их прессе и в речах их политиков), но также у некоторых из моих коллег в британском кабинете, которые, если и не были пацифистами в точном смысле слова, склонялись в пользу скорого мира на основе соглашения. Некоторые из моих коллег считали интервью провокационным, а многие указывали, что оно не представляет в точности позиции правительства по отношению к идее немедленного мира.

Я вскоре заметил, что это интервью вызвало большую тревогу и осуждение среди моих товарищей по кабинету. Я получил следующее письмо от лорда Грея*:

«29 сентября 1916 г.

Мой дорогой Ллойд Джордж!

Чем более я думаю над этим, тем более я проникаюсь опасениями относительно того действия, которое может иметь предупреждение Вильсону в Вашем интервью. Я хотел бы объяснить Вам почему.

---

* Сэр Эдуард Грей получил титул лорда Грея оф Фаллодон в июле 1916 года.

1. Речь Бриана и, как я думаю, предпринятые в Вашингтоне шаги сделали всякое дальнейшее предупреждение по адресу Вильсона ненужным в настоящий момент.

2. На нас возложат теперь в Америке вину за то, что мы свели Вильсона с его курса. Он будет теперь ссылаться на Ваши слова как на причину, почему он не может ничего сделать, а это в результате сблизит его с Бетманом-Гольвегом.

3. Вильсон будет более склонен оказать на нас давление, как того требовал от него конгресс, а это может оказаться очень неприятным.

4. Германия усилит подводную войну в ее крайней форме и скажет Вильсону, что, так как он ничего не может сделать из-за нас, она должна пустить в ход против нас все средства. Вильсон и его сторонники будут менее, чем прежде, склонны возмущаться подводной войной против нас.

5. Я всегда держался того мнения, что, пока союзники уверены в победе, двери должны быть открыты для посредничества Вильсона. Теперь они навсегда закрыты, поскольку это касается нас. Я продолжаю быть в тревоге относительно результатов подводной войны.

Я надеюсь, что Вы не сочтете меня придирчивым, потому что я подверг сомнению один пункт в Вашем интервью, которое в остальном вызвало не только мое одобрение, но и восхищение. Я могу совершенно ошибаться в своем взгляде на дело, но публичное предупреждение по адресу президента Соединенных штатов — важный шаг, и я жалею, что не имел случая предварительно изложить Вам эти соображения и обсудить их с Вами.

Теперь не требуется ответа, так как ничего уже нельзя сделать, пока мы не увидим результата.

Ваш преданный

Грей оф Ф. (аллодон)».

На это я ответил:

«2 октября 1916 г.

Мой дорогой Грей!

Благодарю за письмо. Удивляюсь: неужели Вы все еще продолжаете оставаться при том же мнении, после того как прочитали секретные сводки. Впрочем, читали ли Вы их?

Телеграмма 2943 Спринг-Райса кажется мне тоже весьма замечательной. Если Вильсон будет вынужден действовать таким образом — а налицо все признаки, что сотрудничество немцев и ирландцев может его к этому вынудить, мы окажемся в очень затруднительном положении. Всякое прекращение военных действий в настоящий момент было бы несчастьем; и хотя мы всегда могли бы отказаться или поставить невозможные условия, все же гораздо лучше, что мы не должны будем

очутиться в таком положении. Вы не могли бы отстранить Соединенные штаты иначе, как действуя формально. Я мог совершить полезную неосторожность; Вы же не должны были это делать. Это погубило бы Вас; я от этого застрахован...

...Поскольку это позволяет моя закоренелая нераскаянность, я искренне сожалею, что прибавил еще одну каплю в чашу Ваших тревог.

Преданный Вам Д. Ллойд Джордж».

Лорд Грей сделал в этом письме целый ряд предсказаний, из которых все были опровергнуты событиями. Он предсказывал, что интервью побудит Вильсона «ничего не делать и поведет к сближению его с Бетманом-Гольвегом». Несколько месяцев спустя, когда я был премьер-министром, Вильсон разорвал дипломатические отношения с Германией, а через несколько недель после этого вступил в войну на стороне союзников. Грей предсказывал, что вторым результатом моего интервью будет увеличение давления на нас со стороны президента. Это тоже оказалось опасением, в действительности не осуществившимся. Он предвидел, что мое интервью усилит со стороны Германии подводную войну в ее крайней степени и что президент Вильсон в результате этого будет менее склонен возмущаться подводной войной против нас. Германия в начале 1916 г. решила увеличить в четыре раза число своих подводных лодок. К концу августа она уже спустила на воду большое количество этих новых, более мощных лодок. Что же касается меньшей чем прежде склонности Вильсона и его сторонников возмущаться подводной войной, то именно интенсификация и расширение этой кампании побудили Америку объявить войну Германии в начале 1917 г.

Что касается предсказания Грея, что в результате моего интервью двери к посредничеству Вильсона будут «закрыты навсегда, поскольку это касается нас», то два или три месяца после этого президент Вильсон обратился к нам с своей знаменитой нотой о мире.

Однако для характеристики настроений лорда Грея в то время показательно, что он, повидимому, сомневался в победе союзников и полагался на посредничество президента Соединенных штатов как на средство избежать последствий поражения.

Как мало соответствовала действительности оценка лорда Грея о возможном результате моего интервью, ясно из донесений, поступивших от нашего посла в Соединенных штатах, сэра С. Спринг-Райса. В телеграмме министру иностранных дел от 4 октября 1916 года Спринг-Райс писал:

«Мне сообщают из весьма достоверных источников, что президент не намерен выступить с предложениями о мире. Заявление английского военного министра имело большое влияние. Я имею также основания полагать, что ничего не будет предпринято по вопросу о репрессивных мерах...»

Затем последовало донесение от 6 октября 1916 г., в котором Спринг-Райс писал:

> «Заявление г. Ллойд Джорджа, которое произвело здесь огромное непосредственное впечатление, опровергло слухи о мире, которые распространялись в США в течение некоторого времени. Существует общее мнение, что президент не намерен предлагать свое посредничество — по крайней мере в ближайшем будущем».

В письме также содержалось указание на то, что американское правительство сохраняло непримиримое отношение к Германии в вопросе о расширении сферы подводной войны; Спринг-Райс пояснял, что слухи о мире, исходившие из германских источников, использовались немцами для спекуляции на бирже.

> «За опубликованием слухов о мире немедленно следует общее понижение курсов на фондовой бирже, и те круги, которые распространяют этот слух, могут легко на этом нажиться».

В позднейшей телеграмме, датированной 20 октября 1916 г., сэр Спринг-Райс сообщал: «Интервью Ллойд Джорджа произвело здесь прекрасное впечатление». Нет никаких доказательств, что мое интервью о необходимости «сокрушительного удара» чем-либо повредило нашему делу в Штатах. Напротив, в нашей отчаянной борьбе оно укрепило там сочувствие к нам.

Глава тридцать первая

ШАГ ЛЕНСДАУНА В ПОЛЬЗУ МИРА

Должны ли были мы приступить к открытию мирных переговоров или поощрять их в то время, когда исход войны оставался еще сомнительным и враг имел серьезные основания заявлять, что он в общем победил? Британский кабинет, благодаря выступлению одного из своих наиболее уважаемых членов, должен был заняться тщательным рассмотрением этого вопроса.

Пацифисты того типа, которые утверждают, что уже задолго до ноября 1918 г. можно было вести переговоры о почетном и удовлетворительном мире, обычно стараются свалить всю вину за продление войны на коалицию, образовавшуюся в конце 1916 г. В подтверждение своей критики они уверяют, что 1917 год представил первую реальную возможность для заключения мира. Эти критики либо не знают, либо умышленно игнорируют дискуссии, которые имели место в кабинете Асквита по вопросу о том, желательно ли поддержать шаги в пользу открытия мирных переговоров, и решение, которое было принято по этому поводу кабинетом.

Первое серьезное движение в пользу мира началось в Европе непосредственно после завершения кровавых кампаний 1916 г. Страшное и бесполезное кровопролитие на Сомме, последовавшее за ужасающими потерями под Верденом, заставило содрогнуться все воюющие страны — в последних отчетливо выявилось движение в пользу обмена мнениями о возможности соглашения.

В середине ноября лорд Ленсдаун поразил кабинет меморандумом, который он с согласия премьер-министра роздал членам кабинета. Он был написан за день до того, как Асквит и я отправились на Парижскую конференцию, и был на руках у членов кабинета при нашем возвращении. Этот смелый документ открыто высказывал сомнения в возможности победы. Он по крайней мере доказывал, что его автор во всяком случае вполне сознает опасность положения союзников. Ясно было, что, по мнению лорда Ленсдауна, война закончилась в ничью, наступило положение, носящее в шахматной игре название «пата», и нет видов на какое-нибудь улучшение.

Текст этого меморандума был следующий:

«Меморандум лорда Лендсауна
по вопросу о заключении мира.

Несколько недель назад премьер-министр просил членов военного комитета высказать свои взгляды относительно условий, на которых мог бы быть заключен мир. Не знаю, ответили ли все на это предложение, но единственный ответ, который я видел, был написан в прошлом месяце первым лордом адмиралтейства; он несколько пространно рассматривает проблемы, которые могут обсуждаться на любой мирной конференции. Г-н Бальфур правильно замечает, что эти вопросы нельзя целесообразно рассматривать без какой-либо гипотезы насчет военного положения воюющих сторон к концу войны. Затем он утверждает, хотя бы и в дискуссионном порядке, что центральные державы, вследствие поражения или истощения, должны будут принять условия, предъявленные им союзниками.

Я беру на себя смелость заметить, что внимание военного комитета должно быть с пользой обращено на несколько иную проблему: следует пригласить членов комитета высказать свое мнение относительно наших перспектив в настоящее время, в состоянии ли мы «продиктовать» те условия, которые все мы хотели бы заставить принять наших врагов, если бы могли это сделать.

Мы все согласны относительно конечной цели, но мы не знаем, в какой мере мы действительно приблизились к ней или насколько ближе к ней мы очутимся, если война будет продлена еще, скажем, на один год. Во сколько обойдется нам этот год? Насколько наше положение будет лучше к концу его? Будем ли мы даже тогда достаточно сильны, чтобы «диктовать» условия мира?

Мне представляется почти невозможным преувеличить важность этих соображений, так как ясно, что наша дипломатия должна руководиться точной оценкой их.

За последние несколько дней мы получили от различных правительственных ведомств обширную информацию относительно морского, военного и экономического положения страны. Эту информацию далеко нельзя считать успокоительной.

От министра торговли мы получили 26 октября крайне интересный и тщательно составленный меморандум, который ставит себе целью показать растущее с каждым днем сокращение тоннажа и последствия этого сокращения. Г-н Ренсимен приходит к заключение, что наше судостроение не покрывает наших потерь и что, хотя число наших судов сократилось, заявки на наш тоннаж не уменьшились. Нам приходится в дальнейшем все больше зависеть от нейтральных судов, не

мы не можем делать себе иллюзий относительно надежности этого ресурса. Я думаю, что могу без преувеличения назвать этот крайне важный документ в высшей степени тревожным. Однако в более позднем документе, помеченном 9 ноября, министр рисует картину нашего положения еще в более мрачных красках и предвидит, на основании указаний своих экспертов, «полное крушение морского транспорта... на много раньше, чем в июне 1917 г.».

Министр земледелия недавно представил кабинету свой доклад о продовольственных перспективах на 1917 г. Этот доклад показывает, что налицо мировой дефицит хлебных запасов, что хлебные цены, вероятно, поднимутся, что наступил всеобщий неурожай картофеля, что улов рыбы ожидается на 64% ниже нормального, что имеются значительные трудности в области снабжения кормовыми материалами, что трудности земледелия постоянно возрастают, что по всем вероятиям предстоит уход населения с земли, падение урожайности и большое уменьшение пищевых запасов.

Последняя записка лорда Крауфорда от 9 ноября относительно пищевых ресурсов страны показывает, что эти ожидания не были слишком пессимистическими. Положение, — говорит он, — стало гораздо хуже; в результате ухода земледельческого населения в армию в некоторых частях страны «вопрос ставится уже не о том, будет ли сохранен сравнительно низкий уровень обработки земли, а о том, не прекратится ли обработка вовсе».

Обращаясь к нашим морским и военным ресурсам, мы имеем доклад первого лорда адмиралтейства от 14 октября. Из него мы узнаем, что, несмотря на наши громадные усилия, мощь нашего берегового флота все еще недостаточна, что мы почти дошли до предела в области собственного производства капитальных судов, что мы не построили даже приблизительно достаточного количества истребителей для того, чтобы сопровождать торговые суда и бороться против подводных лодок, что мы определенно не будем иметь их в достаточном количестве для поставки союзникам и что положение с легкими крейсерами не многим лучше. Из того же доклада мы можем вывести заключение, что трудности с подводными лодками обостряются, что несмотря на все наши усилия, повидимому, невозможно предусмотреть действительный способ борьбы с ними. Растущие размеры неприятельских субмарин, прочность их конструкции (повидимому, она заставит нас перевооружить наши торговые суда более тяжелыми орудиями) и их активность во всех частях света приводят к тому же заключению.

Материалы, получавшиеся нами время от времени от генерального штаба и военного комитета, показывают, что в вопросе о людских резервах мы тоже приближаемся к концу.

В последнем отчете управления по распределению людских резервов, повидимому, звучит особенно серьезная нотка предостережения. Неисчерпанный людской резерв, — говорится там, — в настоящее время весьма ограничен и может быть увеличен только за счет дальнейшего обнажения промышленности. Тем временем Ирландия попрежнему отказывается прибавить к имеющемуся резерву 150 тыс. человек, которые можно получить в этой стране, и мне неизвестно ничего насчет серьезной попытки обеспечить получение этих людей.

Все это представляется мне крайне серьезными факторами в тех подсчетах, которые мы обязаны сделать. Мне могут возразить — и несомненно правильно, — что центральные державы не менее остро чувствуют бремя войны; я надеюсь, нам скажут также, что мы способны продержаться дольше, чем они. Но если это даже так, наш долг тем не менее рассмотреть, после тщательного учета фактов, как ужасно будет наше положение и положение всего цивилизованного мира после еще одного года войны или, как говорят, после двух-трех лет борьбы, столь же изнурительной, как и та, которую мы ведем теперь. Никто ни минуты не думает, что мы проиграем войну; но каковы наши шансы выиграть ее таким образом и в пределах такого времени, чтобы мы в состоянии были окончательно разбить нашего врага и заставить его принять условия, о которых мы столько говорим?

Я ни на минуту не предполагаю, что наш народ испытывает какой-либо упадок духа, и должен надеяться, хотя не чувствую полной уверенности на этот счет, что то же самое нам скажут о наших союзниках. Но ни в их, ни в наших интересах не может быть желательным продолжать войну, если не может быть доказано, что мы в состоянии в разумный период времени довести ее до успешного конца.

Что означает увеличение продолжительности войны?

Наши собственные потери уже превысили 1 100 тыс. чел. Число убитых офицеров составляет 15 тыс., считая без вести пропавших. Нет оснований предполагать, что вместе с ростом сил на различных театрах войны не будут расти и наши потери. Мы медленно, но верно убиваем цвет мужского населения нашей страны. У меня нет цифр потерь наших союзников. Итог должен быть потрясающим.

Наше возросшее финансовое бремя почти не поддается подсчету. Мы прибавляем к нему ежедневно свыше 5 млн. фун. ст. Пройдет ряд поколений, пока страна оправится от понесенных потерь людьми и от происходящего в настоящее время финансового разорения и разрушения средств производства.

Разумеется наш долг нести все это, но только в случае, если может быть доказано, что жертвы будут не напрасны.

Если же они должны приноситься тщетно, если после еще одного, двух или трех лет войны мы все же не будем в состоянии продиктовать условий мира, то продление войны со всеми ее несказанными ужасами окажется напрасным и ответственность тех, кто без нужды продлил ее, будет не менее велика, чем ответственность тех, кто без нужды вызвал ее.

Совершенно необходимо, чтобы сначала каждая из союзных стран подсчитала свои ресурсы, настоящие и будущие, и чтобы затем то же самое сделали на конфиденциальном совещании все союзники вместе или по крайней мере союзники, играющие руководящую роль. Только сделав такой подсчет, каждая из союзных стран сможет решить, на каких из своих требований она безусловно будет настаивать, и не лучше ли получить менее 20 шиллингов за фунт, принимая во внимание, что уплата будет произведена немедленно. Только после того как это будет установлено, союзники смогут совместно наметить политику и позиции, которые они должны занять в отношении тех, кто обращается к ним с предложениями о мире.

Мне кажется, сэр Виллиам Робертсон имел в виду нечто в роде такого подсчета в своем замечательном меморандуме, переданном членам кабинета 31 августа. В этом меморандуме он выразил убеждение, что мирные переговоры в той или иной форме могут возникнуть в один прекрасный день. «Поэтому нам надо, не теряя времени, решить, какова будет наша политика, и затем изложить ее державам Антанты, ознакомиться в свою очередь с их целями, постараться притти к ясному соглашению, прежде чем мы встретимся с нашими врагами на конференции». Я считаю это возможным уже теперь.

Многие из нас однако должны были в последнее время поставить перед собой вопрос: каким образом эта война может когда-либо быть доведена до конца? Нам говорят: твердое решение правительства заключается в том, что мы должны бороться, пока Германия не будет окончательно разбита и не попросит мира на любых условиях. На это я могу возразить лишь одно: кой-какие факты, на основе которых правительство пришло к такому выводу, нам известны. Многим из нас перспектива нокаута представлялась по меньшей мере отдаленной. Наши войска и войска Франции проявили чудеса храбрости на западном фронте и значительно подвинулись вперед; но можно ли думать, что это продвижение в сколько-нибудь большей мере, чем продвижение 1915 г., сопровождавшееся столь же большими надеждами и не менее жестокими потерями, действительно даст нам возможность «прорваться»? В состоянии ли мы и далее платить такую же цену за такого же рода достижения?

Судя по комментариям генерального штаба, я сомневаюсь, приведет ли итальянское наступление, хотя бы и успешное, к решительному результату.

В Салониках мы участвуем в чрезвычайно трудном предприятии, навязанном нам вопреки голосу рассудка нашими союзниками и полезном лишь, поскольку оно связывает войска неприятеля, которые в противном случае сражались бы против русских и румын. На русском и румынском фронтах будет счастьем, если мы избежим катастрофы, которая одно время казалась неминуемой. Брусилов умеет воодушевлять речами. Однако действительно ли его речи подкреплены фактами? История русских военных операций была весьма изменчивой, и я боюсь, что мы никогда не освободимся от опасности провалов, происходящих из-за ошибочной стратегии, недостаточного снаряжения, коррупции в высших сферах или инцидентов вроде недавнего катастрофического взрыва в Архангельске, при котором погибло 10 тыс. тонн снарядов и амуниции.

Далее, есть ли у нас полная уверенность, что наши союзники совершенно надежны не столько в военном, сколько в политическом отношении? Были случаи, когда политические осложнения являлись угрозой для военной ситуации во Франции. Привожу следующее место из письма одного очень проницательного француза: «Вспомните, что французская демократия не следует руководству своего правительства; это она руководит им; течение в общественном мнении в пользу прекращения войны могло бы стать непреодолимым... Под огнем неприятеля французский солдат всегда будет драться, как герой; но дома семья его может сказать: «теперь хватит, довольно». Италия всегда беспокойна и требовательна. Сэр Реннель Родд в телеграмме от 4 ноября просит нас обратить внимание на тот факт, что в Италии уже имеются известные признаки усталости от войны и упадка духа ввиду ее затягивания... Великобританию изображают как единственную страну, желающую в своих собственных целях затянуть войну до крайности. Неверно было бы утверждать, что здесь существует такая же твердая решимость выдержать до конца, какая господствует во Франции и в Британской империи. Внутреннее положение в России далеко не успокоительно. В Москве и Петрограде были тревожные беспорядки. В России за двенадцать месяцев сменилось пять министров внутренних дел, а о пятом сообщается, что он отнюдь не прочно сидит в своем министерском кресле.

Наши затруднения с нейтральными государствами, повидимому, не уменьшаются. Великая заслуга нашего министерства иностранных дел заключается в том, что за последние два года мы избежали крушения нашей политики блокады, которая, несмотря на постоянную обструкцию и недобросовестность, дала прекрасные результаты; но мы были на волосок от тяжелых осложнений со Швецией и Соединенными штатами. С течением времени нейтральные государства, по всей вероятности, будут становиться все неподатливее и нетерпеливее в

отношении воюющих государств и откажутся признать право последних нарушать мир цивилизованного мира.

Меня спросят, есть ли у меня какое-нибудь практическое предложение. Я согласен, что на этот вопрос трудно ответить. Но пусть мои опасения окажутся после исследования не основательными; разве даже в таком случае можно выступать против движения, откуда бы оно ни шло, в пользу обмена мнениями о возможности заключения мира? Есть много признаков, что зародыши такого движения уже существуют. Нельзя отвергать как не заслуживающие внимания весьма солидные донесения, которые время от времени поступали к нам из бельгийских, скандинавских, японских и русских источников; нельзя также отвергать столь детальную информацию, как, например, телеграмму сэра Эсме Говарда от 24 августа о собрании в доме князя Лихновского или меморандум лорда Юстеса Перси о выступлении ректора берлинского университета. Прения рейхстага показывают, что пацифистские группы активны и выступают открыто. Со всех сторон поступают сведения о нетерпении гражданского населения, о том, что оно страстно желает мира.

Мне представляется совершенно невероятным, что в продолжение зимы никто не будет пытаться зондировать почву насчет нашей готовности обсудить условия мира или условия перемирия. Приготовились ли мы к ответу? Лорд Крейфорд выступил по вопросу о перемирии. Я не уверен, что согласен с некоторыми из его мыслей, но я убежден в его правоте, поскольку он считает, что безусловный отказ с нашей стороны недопустим.

Что касается условий мира, я надеюсь, что мы будем твердо стоять на главном принципе, изложенном премьер-министром; свою речь он резюмировал в следующем заявлении: «Мы не можем согласиться на мир, который не дает достаточного возмещения за прошлое и достаточной гарантии на будущее; однако это — лишь общие рамки, они могут быть заполнены многими способами». То же самое можно сказать о другом, заслуживающем не меньшего восхищения заявлении, которое премьер-министр сделал недавно в Гилдхолле, и об умеренных речах, которые время от времени произносил наш министр иностранных дел.

Жаль, однако, что, несмотря на эти выступления, можно еще представлять нас и наших союзников в таком свете, будто мы связаны политикой, построенной частью на мести, частью на эгоизме, и будто мы так непримиримы в этой политике, что будем считать недружественным актом всякую попытку, даже искреннюю, вывести нас из создавшегося тупика. Интервью, данное в истекшем сентябре нашим военным министром одному американскому корреспонденту, произвело впечатление, которое не легко будет изгладить. Возможно, что

в данном случае имелись привходящие обстоятельства, которых я не знаю; возможно, что они связаны с президентскими выборами и что последние делали необходимым заявление, что в данный момент всякое вмешательство, даже проникнутое благими намерениями, будет для нас нежелательно и не ко двору. Он действительно сказал: «мир должен знать, что на этой стадии не может быть вмешательства со стороны» — ограничение весьма важное. Ведь, несомненно, нашим намерением не может быть сохранять эту позицию независимо от того, сколько бы времени ни длилась война и как бы она ни напрягала наших ресурсов, или заявлять, как сделал это приблизительно тогда же Бриан, что для нас даже «слово мир является святотатством». Пусть наши морские, военные и экономические эксперты скажут нам откровенно, уверены ли они в том, что «сокрушительный удар» может быть нанесен и будет нанесен? Лозунг военного министра пока сохраняет силу, и так будет, пока этот лозунг не будет вытеснен чем-нибудь другим. Должно ли так быть и, если нет, то что́ должно заменить этот лозунг? Ответ на вопрос, без сомнения, будет зависеть от ответа экспертов и затем — от результатов того тщательного подсчета средств и сил в национальном и интернациональном масштабе, который, надеюсь, уже производится в настоящий момент.

Л(енсдаун).
13 ноября 1916 г.

Эта записка была написана еще до дискуссии, происходившей на сегодняшнем заседании кабинета, где мы узнали, что военный комитет уже решил предпринять важные шаги в направлении, которое я позволил себе указать. Л.
13 ноября 1916 г.».

Представленный государственным деятелем с таким положением и прошлым, как лорд Ленсдаун, этот документ произвел глубокое впечатление. Никто не мог обвинить Ленсдауна в том, что он просто «пацифист». Он был автором «сердечного согласия» (Entente cordiale) в 1904 г. Он был непоколебимым защитником той политики, которая гласила, что мы во что бы то ни стало при всех осложнениях должны оставаться на почве этого повлекшего за собою столь крупные события договора.

Прежде чем кабинет принял какие-либо решения по поводу меморандума, премьер-министр запросил мнение военных и морских авторитетов по вопросу о возможности исхода войны вничью. Начальник генерального штаба сэр Вилльям Робертсон резко отверг такую возможность. Окончательная победа обеспечена за союзниками при условии, если указаниям военного министерства будут послушно следовать в каждом отдельном случае и если требования его будут патриотически выполняться во всех деталях. Против

неприятеля должно быть брошено больше людей и материалов, причем это должно быть сделано исключительно на западном фронте. Совершенно ясно, что это означало еще более тяжелые потери ранеными и убитыми, чем те, которые мы уже понесли. Это не пугало сэра Виллиама Робертсона; он лишь настаивал на том, что эти дальнейшие гекатомбы британских жизней должны быть принесены в жертву на полях Франции и Фландрии, а не где-либо в другом месте.

Сэр Дуглас Хейг построил свой меморандум в том же духе. Его записку сэр Виллиам Робертсон приложил к своему ответу на меморандум Лендсдауна. В ней главнокомандующий излагает трудности ведения наступательной кампании зимой во Франции, но подчеркивает, что условия, на которые он жалуется, являются лишь нормальным положением в это время года. С другой стороны, германцы понесли жестокое поражение на Сомме и имели, несомненно, тяжелые потери, гораздо более тяжелые, чем потери союзников. Их моральное состояние очень ухудшилось. В самом деле, автор записки приходит к заключению, что

> «значительная часть германских солдат является теперь людьми, неспособными к сопротивлению, готовыми сдаться в плен при первой возможности, чрезвычайно уставшими от войны и потерявшими всякую надежду на возможность победы».
>
> «Войска союзников, напротив, все без исключения преисполнены веры в победу.
>
> «Правда, выигранная нами территория не велика. Но это ничего не значит. Доказано было, что мы можем выбить неприятеля из его оборонительной позиции — вот ценный результат этой борьбы».

Далее сэр Дуглас Хейг писал, что считает перспективы успеха на западном фронте в 1917 г. в высшей степени благоприятными. Однако для этого он нуждается в бо́льшем количестве новых войск и в обильном притоке снарядов и амуниции: «громадные количества их, требовавшиеся в этом году, поступали с безошибочной регулярностью». Требуется также больше самолетов, больше дорожного и железнодорожного материала и т. д. При наличии этих материалов он и его армия уверены, что смогут добиться окончательной победы. Меморандумы главы имперского штаба и главнокомандующего не оставляли никакого сомнения относительно оценки военными наших перспектив.

Ответ сэра Эдуарда Грея был характерен для него. Его положение как министра иностранных дел было решающим, когда стоял вопрос о том, заключать ли мир или продолжать войну. Все мы с нетерпением ожидали его руководящих указаний. Он всегда был самым ограниченным из министров в том смысле, что он ограничивался своим ведомством; он зарывался в свое министерство и вряд ли к нему проникала какая-либо мысль

со стороны. Он редко высказывал свое мнение по какому-либо из разбиравшихся в кабинете вопросов, если они выходили за пределы его компетенции. Его безучастность была монументальной. Он имел обыкновение — совершенно оригинальное — писать свои телеграммы за столом совещаний кабинета, когда обсуждались вопросы внутренней политики. Эту величавую объективность он соблюдал также в военном совете. В дискуссии по вопросу о наиболее действительных методах ведения войны он почти не принимал участия. Будучи вынужден объявить войну, от которой он не сумел избавить свою страну, он предоставлял другим руководить ею и находить средства для ее успешного ведения, считая это не своим делом. Но в данном случае речь шла о вопросе, который в первую очередь касался его министерства. Следовало ли поощрять какие-либо шаги к миру и итти на них? Инициативу взял на себя один из его предшественников по министерству иностранных дел, лорд Ленсдаун.

Вопреки той уверенности, которую проявили военные авторитеты, сэр Эдуард Грей высказал свои опасения насчет возможного исхода подводной кампании; по его мнению, мы не могли справиться с ней; в данное время дело все более ускользало из-под нашего контроля. Тем не менее он решился заявить: пока военные и морские авторитеты считают, что положение союзников, вероятно, будет улучшаться, то даже если это улучшение не приведет к окончательному и полному поражению Германии, заключение мира было бы преждевременным. Если в будущем станет очевидным, что союзники не в состоянии далее улучшить свое положение, то они должны тотчас приступить к выработке самых лучших условий мира, какие только они в состоянии будут отстоять.

Всегда нейтральный и колеблющийся, он не присоединился к лорду Ленсдауну и в то же время не отмежевался от его взглядов. Он не одобрил и не порицал их. Какое бы решение ни было принято и какой оборот ни приняли бы события, его выступление соответствовало каждому из них. Был ли он сторонником мнений Ленсдауна? Если бы они были отвергнуты и их автора, а также тех, кто его поддерживал, упрекнули в малодушии, никто не мог бы привести слов сэра Эдуарда Грея в доказательство прямого одобрения тезисов Ленсдауна. С другой стороны, если бы теперь или позже меморандум лорда Ленсдауна был признан правильным, никто не мог бы сказать, что сэр Эдуард Грей выступил против него с враждебной критикой.

В своем меморандуме сэр Вилиам Робертсон нападал на дипломатию нашего министра иностранных дел как до войны, так и во время нее, и приписывал ее слабости большинство наших бед. Это нападение занимало в меморандуме сэра В. Робертсона один небольшой пункт. Сэр Эдуард Грей посвятил ряд страниц объяснению своей политики и ее защите. Речь шла о том, что он не сумел избежать войны, удержать Турцию от вступления в войну, обеспечить во-время помощь Греции и привлечь Болгарию на нашу сторону.

Он сделал все, — заявлял Грей, — что могла сделать дипломатия без достаточной военной поддержки. Упущения были военного, а не дипломатического характера. Все это было очень интересно, но не имело отношения к важной проблеме, поднятой лордом Ленсдауном: лучше ли заключить мир теперь или же продолжать войну в надежде, что впоследствии мы окажемся в лучшем положении и сможем продиктовать условия мира?

Я удивлен, что сэр Эдуард Грей не выступил ни в этот момент, ни после с конкретными предложениями в пользу мира. Если в голове у него и была какая-нибудь мысль относительно мирных условий, относительно целей и конца войны, то он никогда не делился этими мыслями со своими коллегами. Единственные конкретные предложения относительно мирных условий представлены были кабинету Асквита другим лицом. Незадолго перед дискуссией по поводу меморандума Ленсдауна была впервые представлена правительству определенная, конкретная и обширная схема мирных условий. Я уже ссылался выше на этот документ. Он был написан Бальфуром, первым лордом адмиралтейства. Это — воистину замечательный документ, заслуживающий тщательного рассмотрения. Бальфур отказывается связать себя каким либо взглядом насчет возможности будущих войн: в устах столь опытного политика, обладающего ясным и проницательным умом, это — весьма знаменательная позиция. Помимо этого, здесь впервые государственный деятель первого ранга связал себя письменным предсказанием условий мира.

УСТАНОВЛЕНИЕ МИРА В ЕВРОПЕ

«Меморандум г-на Бальфура.

Премьер-министр просил членов военного комитета высказать свои взгляды относительно условий мира. Настоящая записка является попыткой — очень скромной и осторожной — ответить на этот вопрос.

Однако даже самые предположительные и осторожные высказывания в этом направлении должны строиться на той или иной гипотезе относительно военного положения воюющих держав в конце войны. Каково оно будет? — С уверенностью этого ни один смертный не может предвидеть. Но так как целесообразно исходить из ясной и определенной гипотезы, то я в нижеследующем буду исходить из утверждения, хотя бы только в порядке дискуссии, что центральные державы будут вынуждены вследствие поражения или полного истощения сил — принять условия, предлагаемые им союзниками.

Позвольте мне сделать еще одно предварительное замечание. Число вопросов, которые будут подлежать обсуждению на мирной конференции, конечно, очень велико. В нижеследующем

я ограничусь только некоторыми разрозненными соображениями о наиболее важной группе этих вопросов, касающейся распределения населения на территории Европы. Благодаря этому ограничению, исключаются не только такие вопросы, как сокращение вооружений, свобода морей и пересмотр международного права, но также вопросы о Гельголанде, Кильском канале, стратегических изменениях границ * и внеевропейских проблемах, связанных с Малой Азией и германской колониальной империей.

По некоторым из этих вопросов мне, возможно, придется позднее обеспокоить комитет своими замечаниями.

Главной целью войны является достижение длительного, прочного мира. Я полагаю, что наилучшим путем для обеспечения такого мира является следующий двойной метод: во-первых, уменьшение территории, на которой центральные державы могут черпать людей и средства, требующиеся для агрессивной политики, и во-вторых, изменение карты Европы в большем соответствии с тем, что мы довольно неопределенно называем «принципом национальности» — это одновременно должно сделать политику агрессии менее притягательной.

Второй из этих методов, будучи применен с успехом, обеспечит осуществление многих целей, являющихся повсеместно предметом домогательства союзников. Он вернет Бельгии ее независимость, возвратит Франции Эльзас и Лотарингию, предусмотрит известного рода самоуправление для Польши, расширит границы Италии и создаст в юго-восточной Европе Великую Сербию и Великую Румынию; я очень желал бы, чтобы он был применен также в отношении Богемии. Германская культура внушает Богемии глубокое отвращение. Чехи вели с ней войну в продолжение ряда поколений, они вели ее в очень трудных условиях и с большим успехом. Будет ли независимая Богемия достаточно сильна в военном равно как и в торговом отношении, чтобы устоять против тевтонского господства, будучи окружена со всех сторон, как в настоящее время, германским влиянием, — этого я не знаю; но я убежден, что этот вопрос заслуживает самого внимательного рассмотрения. Если окажется возможным изменить ее положение, это должно быть сделано **.

Измененная таким образом карта Европы не только явится осуществлением второго из описанных мною методов обеспечения мира, но поможет также проведению первого метода.

---

* Разумеется, такие стратегические изменения границ могут заключать в себе перемещения населения, причем нельзя собственно считать эти перемещения незначительной величиной, которой можно пренебречь. Однако цель этих выпрямлений границ — не территориальные приобретения, а увеличение безопасности путем увеличения обороноспособности границ.

** Я полагаю, что в результате постановлений мирной конференции Богемия хотя бы на некотором небольшом протяжении будет граничить с новой Польшей.

Людские и денежные ресурсы, которыми центральные державы будут располагать для агрессивной войны, будут сильно уменьшены. Эльзас-Лотарингия, австрийская Польша и, возможно, также части германской Польши, Трансильвания, итальянская Австрия, Босния и Герцеговина перестанут быть резервуаром для германских и австрийских армий; мужчины в призывном возрасте, отнятые таким образом у армий центральных держав, отойдут к народам, с которыми центральные державы ведут теперь войну. Это составит двойную потерю для центральных держав и двойную выгоду для союзников.

Я полагаю, что перемещенные таким образом национальности составят более 20 миллионов. Я не включаю сюда неитальянское население, которое, несомненно, достанется Италии, если успех окажется на стороне союзников; не говорю также о той зоне, которой домогается Болгария. Если строго держаться национального принципа, то, я полагаю, Болгария, без сомнения должна получить ее. Заслуживает ли она ее и можем ли мы вернуть ей эту зону, учитывая чувства сербов, — вопрос совершенно иного порядка.

В моем представлении эта общая схема, вообще говоря, соответствует желаниям нашего общественного мнения. Пункт, по которому возможны наибольшие разногласия, это, быть может, судьба Польши, так как судьба Константинополя и Баната, поскольку это зависит от союзников, уже решена. Чуть ли не единственный вопрос, в котором Россия и Германия, по-видимому, согласны между собой, это то, что положение Польши должно в результате войны измениться и что, получив некоторую автономию, она должна остаться в зависимости от одного из своих обоих великих соседей. Что же касается будущих границ новой Польши, а также вопроса, от кого из ее обоих великих соседей она должна будет зависеть, то здесь имеется фундаментальное расхождение во взглядах Петрограда и Берлина.

Подходя к польскому вопросу с чисто британской точки зрения, я желал бы, чтобы новое государство включало не только русскую Польшу, но, насколько возможно, также части австрийской и германской Польши. Разумеется, я мыслю это в строгом соответствии с теми двумя принципами, которые я изложил выше в своей записке. Но я *не хотел бы* восстановления старого королевства польского. Я боюсь, что в таком случае новая Польша будет страдать теми же болезнями, от которых погибла старая Польша, что она станет средоточием постоянных интриг между Германией и Россией и что существование ее далеко не будет способствовать делу мира в Европе, а вместо этого, напротив, будет постоянным источником распри в Европе.

Мало того. Даже если подобная Польша действительно в состоянии была бы играть роль буферного государства, в чем

я сомневаюсь, я не уверен, что существование буферного государства между Германией и Россией было бы в интересах Западной Европы. Если Германия будет свободна от страха перед давлением со стороны России и получит возможность обратить всю свою мощь на запад, то страдать будут Франция и Британия; и я нисколько не уверен, что, отрезав Россию от ее западных соседей, мы не обратим ее интересов в сторону Дальнего Востока в такой мере, которая не сможет не вызывать некоторых опасений у британских политиков. Чем больше Россия будет не азиатским, а европейским государством, тем лучше для всех и каждого.

Поэтому я прихожу к заключению, что нашим интересам будет больше всего соответствовать следующее разрешение польского вопроса: Польша получает конституцию, предусматривающую широкую автономию, и остается составной частью Российской империи, причем новое государство или провинция будет включать не только русскую Польшу, но также и ту ее часть, которую получили при разгроме старого королевства Пруссия (или по крайней мере одну из этих частей) и Австрия.

Я лично желал бы, чтобы датские области Шлезвиг-Голштинии, отнятые у Дании в 1863 г. Пруссией и Австрией, были возвращены их прежнему владельцу. Но Дания вряд ли примет этот дар, если он не будет сопровождаться той или иной формой территориальной гарантии, которую она сочтет достаточной; и даже в этом случае воспоминание о Бельгии может действовать отпугивающим образом. Однако вопрос должен быть серьезным образом рассмотрен. Замечу в скобках, что область, через которую проходит Кильский канал, к несчастью, является немецкой как по языку, так и по симпатиям населения.

Таковы те изменения, которых, на мой взгляд, мы должны пытаться добиться при обсуждении мирных условий. Однако те, кто верит в полную победу союзников, отстаивают ряд других проектов; я отношусь к этим проектам с большим недоверием. Быть может, самыми важными из них являются проекты упразднения германской империи или изменения ее структуры. Если бы это от меня зависело, я устранил бы всякие попытки вмешательства во внутренние дела Германии или Австрии. Возможно, что под тяжестью поражения воскреснет старое, забытое в час победы соперничество. Возможно, что Юг отделится от Севера, католики от протестантов, Вюртемберг, Бавария и Саксония — от Пруссии и друг от друга. Возможно, что революция свергнет Гогенцоллернов, и новая Германия восстанет на развалинах милитаризма.

Та или иная или все эти перемены, взятые вместе, возможны, но я определенно осудил бы всякую попытку со стороны победоносного неприятеля навязать их побежденным. Одной из немногих известных в истории попыток уничтожить милитаризм

в побежденном государстве была попытка Наполеона уничтожить прусскую армию после Иены. Никакая другая попытка в прошлом не была менее успешной. Как знает каждый, политика Наполеона заставила Пруссию выработать ту военную систему, которая создала новейшую Германию. Возможно — и я надеюсь, что это будет так, — в силах союзников будет лишить Германию многих не-немецких территорий; но каковы бы ни были границы новой Германии, я надеюсь, не будут пытаться контролировать или изменять ее внутреннюю политику. Лозунг союзников должен быть: «Германия для германцев, но только Германия».

Однако эта формула, даже если она будет принята, не разрешает проблемы центральной Европы. Она, например, ничего не говорит о будущих отношениях между Германией и Австрией. Я лично желал бы сохранения двуединой монархии, лишенной, правда, значительной части ее славянских, итальянских и румынских земель, но продолжающей в основном состоять из Австрии и Венгрии. Если это произойдет, мы будем иметь как и раньше бок-о-бок германскую империю и австрийскую империю; вероятно, они будут связаны тесным союзом — политическим, если также не экономическим — для целей взаимной защиты. Однако мы должны рассмотреть также другие возможности. Результатом войны может быть полный распад двуединой монархии. В таком случае разумно предположить, что немецкая часть ее присоединится к германской империи, оставив Венгрию изолированной или зависимой. Такая перемена, очевидно, поведет к образованию большого германского государства, которое будет еще более грозным, чем довоенная Германия; так, вероятно, и будет в действительности. С другой стороны, напомним, что такая перемена коренным образом изменила бы положение Пруссии. Преобладающее превосходство оказалось бы на стороне католиков и южногерманских элементов; и если, как полагает большинство наблюдателей, движущей силой германской агрессии являются прусская организация и прусские традиции, то в своем конечном результате эта перемена была бы поражением германского милитаризма.

Однако я не скрываю от себя, что такая тевтонская реорганизация таит в себе значительные опасности; ее вероятность, надо полагать, еще возрастет, если в результате войны народы немецкого языка придут к убеждению, что их единственная надежда на национальное величие заключается в том, чтобы согласиться забыть все разногласия и слиться в одно мощное государство. Те, кто считает, что будущее непременно должно походить на прошлое, пожалуй, напомнят нам, что в течение пяти столетий, предшествовавших бисмарковской эре, в Германии в общем преобладали центробежные и сепаратистские политические тенденции. Они будут доказывать, что эта старая традиция была лишь прервана на сорок пять

лет объединенной и победоносной Германией, но тем не менее отражает действительные тенденции расы; и что эта традиция вернется после войны, ответственность за которую несут прусская политика и прусская династия.

Лично я склонен сомневаться в таком выводе, хотя он и кажется на первый взгляд убедительным. Я не верю также, что мы и наши союзники в силах помешать германским державам, соединенным между собою союзом или слившимся в одно государство, остаться богатыми и густо населенными странами, потенциально грозными противниками.

Поэтому я не разделяю опасений тех, кто полагает, что триумф славянских стран, вероятно, станет угрозой для германского преобладания в центральной Европе. Вспомним, что славянские народности разделены между собой по языку, религии и образу правления; что они четыре года назад боролись друг с другом; что они в настоящий момент борются друг с другом; что среди них только одна Россия может считаться великой державой; и что Россия — таково мнение большинства наблюдателей — будет, вероятно, раздираема революционной борьбой, как только отпадет давление войны; если, говорю я, мы вспомним все эти факты, то, пожалуй, должны будем склониться к мнению, что германские государства отлично смогут постоять за себя, каким бы мирным условиям им ни пришлось подчиниться.

Этот факт (если это факт) часто упускают из виду. Многие, задающиеся вопросом о будущем Европы, повидимому, опасаются, что Германия выйдет из войны столь ослабленной, что равновесие держав будет совершенно нарушено; они опасаются, что Британия очутится лицом к лицу с другими великими державами, которые в свою очередь будут стремиться к господству над всеми. Я сомневаюсь в этом. Во всяком случае мне представляется совершенно ясным, что по количеству населения Германия — тем паче в союзе с Австрией — будет более чем уравновешивать Францию, сколько бы мы ни дали Франции и сколько бы мы ни отняли у центральных государств. Поэтому, если Европа после войны превратится в вооруженный лагерь, то всеобщий мир будет, как и прежде, зависеть от оборонительных союзов тех, кто желает сохранить свои владения, против тех, кто стремится к увеличению своих владений. В таком случае Антанта, надо полагать, будет сохранена. В Германии может произойти духовная перемена; Россия может развалиться на части; Франция и Британия могут быть обессилены рабочими беспорядками; всеобщее банкротство может положить конец всеобщему вооружению; международные трибуналы могут обеспечить мир между народами; ужасы 1914, 1915, 1916 и 1917 гг. могут внушить всему человечеству отвращение к самой мысли о войне. Загадывать вперед о всех этих вещах — совсем бесполезное дело. Единственное, на чем

я теперь настаивал бы, это — следующее: даже самые большие территориальные потери, которые союзники могут или должны причинить центральным державам, оставят последние достаточно могущественными как для защиты, так и для нападения. Россия может причинять нам беспокойство в Месопотамии, Персии и Афганистане, но я не думаю, что она будет пытаться господствовать в Европе, и еще менее, что она будет иметь успех в этом.

В заключение я хотел бы сказать несколько слов о двух дополнительных моментах: о праве транзита и о возмещениях. Если берега Адриатического моря будут в руках Италии, а Салоники будут в греческих руках, то как мы обеспечим доступ торговле центральных держав к Средиземному морю и на юг? Что им нельзя будет отказать в таком доступе, представляется совершенно ясным. Одно дело — ударить Германию по рукам, выступить против мании величия ее замыслов относительно Малой Азии, Месопотамии, Персии и Индии; совершенно другое дело — отдать торговлю Австро-Венгрии с восточно-средиземноморским районом и Суэцким каналом на произвол государств, расположенных между Австро-Венгрией и морем. Мне кажется, что здесь могут таиться не менее могущественные побуждения к новым войнам. Поэтому настоятельно необходимо найти тот или иной способ гарантировать государствам, не имеющим удобного морского побережья, право свободной торговли по определенным путям. Я не имею времени останавливаться на этом вопросе, но я не раз задумывался на досуге и удивлялся, почему трактаты о судоходстве по рекам, протекающим через различные государства, не могут — с необходимыми модификациями — быть применены также к морским портам и к железным дорогам.

Мой последний пункт это — военная контрибуция. Я предположил — в виде рабочей гипотезы, — что успех союзников будет полным. Исходя из этого предположения, спрашивается: следует ли требовать контрибуции?

Германия никогда не скрывала своего намерения разорить и сделать нищими своих врагов, приведя их, если она получит возможность, в состояние полного подчинения в торговом отношении. Я лично был бы всецело против того, чтобы подражать поведению Германии в 1871 г. и навязывать в своих интересах определенный торговый договор своим противникам. Такие договоры, даже если они не обременительны, имеют унизительный характер. Поэтому они рано или поздно, несомненно, будут разорваны.

Но я настаиваю на двух моментах и считаю, что это должно быть сделано в интересах международной морали. Я считаю, что центральные державы необходимо заставить платить за те разрушения, которые они причинили в Бельгии, северной Франции и Сербии. Считаю, что они должны

отдать такое количество судов, которое эквивалентно тому, которое они потопили в подводной войне. Они будут в силах нести это бремя; а если так, то несомненно и наше право требовать этого. Можно ли и следует ли требовать большего? В ответе на этот вопрос я чувствую себя не компетентным, но нельзя упускать из виду то обстоятельство, что отнять у германской и австрийской империи часть территории без соответствующей части их задолженности равносильно увеличению бремени тех государств, у которых они отняты, и уменьшению бремени тех государств, которым они отданы.

А. Дж. Б(альфур)».

4 октября 1916 г.

Гендерсон, один из самых способных и самых влиятельных вождей рабочей партии, выступал в это время публично и в частных разговорах против «скороспелого мира», пуская в ход все свое влияние на организованные рабочие массы.

Его слова заслуживают быть приведенными:

«Некоторые считают у нас, что война затянулась слишком долго. Возможно, что в результате положения на фронтах у нас появится усталость, но я должен предостеречь каждого от опасности скороспелого мира. Я не менее решительный сторонник мира, чем всякий другой, но я желаю иметь уверенность, что тот мир, которого мы ожидаем, вне всяких сомнений избавит нас от повторения подобной катастрофы.

Мы находимся в состоянии войны и говорить теперь о мире, говорить о нем, когда против нас направлены силы самого бесцеремонного милитаризма, значит согласиться на то, чтобы та же история повторилась снова. Это не был бы прочный, постоянный мир. Мир при таких условиях, в том положении, в каком находятся теперь Бельгия и Франция, Сербия и Румыния? Нет. Мы желаем не унизительного мира, а мира прочного, постоянного, основанного на национальном праве и национальной чести; я говорю это, несмотря на то, что один из моих собственных коллег назвал оба эти слова пошлыми общими местами».

Эта речь прекрасно отражает мои тогдашние взгляды: я считал ошибкой поощрять переговоры о мире, пока положение на фронтах серьезно не улучшится.

Другой член правительства, симпатии которого делу мира выше всяких подозрений, лорд Роберт Сесиль, пришел в результате оценок наших перспектив на основе военных данных к следующему заключению:

«Заключение мира в настоящий момент было бы только несчастьем. В лучшем случае мы могли бы надеяться только на

сохранение status quo с ростом германского могущества в центральной Европе. Мало того, немцы знали бы, что принудили нас к этому миру с помощью своих подводных лодок, и наше островное положение считалось бы уже фактором, не уменьшающим, а напротив, увеличивающим нашу уязвимость. Никто не может без глубоких опасений оценить наше будущее через каких-нибудь десять лет после мира, заключенного на таких условиях. Поэтому я чувствую, что мы вынуждены продолжать войну».

Затем он переходит в своем меморандуме к некоторым замечаниям практического характера об организации страны. Меморандум лорда Роберта Сесиля интересен далее тем, что в нем приводится оценка военного положения, в то время принадлежащая очень компетентному наблюдателю:

«Соглашаемся ли мы с выводами лорда Ленсдауна или нет, одно ясно: наше положение серьезно. Несомненно, что, если нация не напряжет всех сил, положение может стать отчаянным, в особенности что касается нашего судоходства. Положение стран-союзников еще более серьезно. Франция близка к полному истощению своих сил. Политические перспективы в Италии являются угрожающими. Финансы ее пошатнулись. В России большой упадок духа. Она долгое время была на краю революции. Даже ее людские резервы, повидимому, приближаются к пределу.

С другой стороны, наши враги, хотя и терпят большие лишения, не обессилены. Возможно, что экономическое положение Германии тревожно, но быть может, это и не так. Несомненно однако, что оно не является отчаянным. Нельзя получить достоверной информации о снабжении Германии. Надежных оснований полагать, что она голодает, — нет, хотя возможно и весьма вероятно, что она испытывает нужду в других необходимых предметах, как-то: шерсть, хлопок, смазочные масла, каучук. Этот недостаток должен сказываться на ее военной мощи и уменьшать ее. В Германии имеется сильное политическое недовольство. В Австрии положение по всей вероятности хуже».

Премьер-министр, согласно своему обыкновению, тщательно опросил своих коллег и получил их ответы; при этом он не пытался никак воздействовать на коллег в ту или другую сторону. В конце концов он решил, что еще не пришло время для зондирования почвы относительно мира. Никто из членов кабинета не высказывался против этого заключения.

Я дал достаточно исчерпывающее изложение эпизода, связанного с меморандумом Ленсдауна, чтобы показать, что правительства, ведшие войну, никогда не упускали из виду необходимости использо-

вать каждый представляющийся благоприятный случай для заключения почетного мира. Дискуссия вокруг меморандума Ленсдауна имеет также свое особое значение: здесь впервые одно из воюющих правительств смело подошло к проблеме возможности мира без победы. Правительство Асквита с большой тщательностью рассмотрело положение в целом и пришло к единодушному заключению, что было бы пагубным вступить в мирные переговоры с Германией, прежде чем союзники не нанесли полного поражения ее армиям. Принцип, который впоследствии лег в основу заявления президента Вильсона, «мир без победы», был тщательно рассмотрен и решительно отвергнут правительством Асквита. Еще бо́льшее значение, в особенности ввиду той критики, которой подвергали правительство в 1917 г., имеет следующий вывод, сделанный кабинетом Асквита: без признания своего поражения со стороны центральных держав мы не должны высказываться за открытие мирных переговоров, так как последние не решили бы ни одной из проблем, поставленных этой колоссальной войной, и могли стать опасными для морального состояния и единства союзников.

Сам Асквит нисколько не поддерживал робкой и пораженческой позиции. Через две недели после опубликования моего интервью, 11 октября 1916 г. он выступил в палате общин с речью, в которой сказал:

> «Нельзя позволить, чтобы то страшное напряжение, которое война налагает на нас и наших союзников, те лишения, которым она — мы откровенно признаем это — подвергает даже некоторых из тех, кто не замешан непосредственно в борьбу, расстройство торговли, опустошение целых местностей, потери незаменимых жизней, весь этот длинный и мрачный ряд жестокостей и страданий, озаряемый бессмертными примерами героизма и рыцарства, — чтобы все это кончилось половинчатым, ненадежным, позорным компромиссом, выдаваемым за мир. Никто не желает продлить хотя бы на один лишний день трагическое зрелище кровопролития и разрушения, но наш долг перед теми, кто отдал за нас свою жизнь, цвет своей молодости, надежду и опору нашего будущего, наш долг перед ними — не допустить, чтобы их высочайшие жертвы были принесены напрасно. Цели союзников хорошо известны; они неоднократно и точно назывались. Это не корыстные цели, они не преследуют мести, но они требуют соответствующего достаточного возмещения за прошлое и гарантии на будущее. От достижения этого — мы в Англии в это искренно верим — зависят лучшие надежды человечества».

Это — ясное и твердое решение, изложенное в блестящей и красноречивой речи, мастером которой был Асквит. Трагическую силу этому месту придало то обстоятельство, что несколько недель перед тем пал на поле битвы старший сын Асквита — Раймонд, юноша, подававший блестящие надежды.

Вряд ли менее энергичным было также заявление, сделанное около двух недель после этого лордом Греем. Это тем интереснее отметить, что принц Макс Баденский в своих «Мемуарах» пишет, что Германия осенью 1916 г. выжидала, как он выражается, приближения «поединка между Ллойд Джорджем и лордом Греем» за и против политики нокаута. Сам лорд Грей в речи от 23 октября 1916 г. на собрании в отеле Сесиль заявил:

> «Не должно быть никакого другого конца этой войны, никакого другого мира, кроме способного обеспечить народам Европы жизнь, свободную от мрачной тени милитаризма, жизнь в свете свободы. Во имя этой цели мы боремся. Совместно с нашими союзниками мы исполнены твердой решимости, и ход войны лишь усиливает эту решимость продолжать войну, пока мы не докажем, что союзники общими усилиями добились успеха, который должен был, не мог не быть на их стороне. Мы исполнены твердой решимости бороться, пока союзники не обеспечат на будущее мир на всем континенте Европы, пока они не докажут, что все наши жертвы не были принесены напрасно».

Эти энергичные слова не оправдывают тех слухов, которые по той или другой причине, очевидно, широко распространялись в то время не только в нашей стране, но еще в большей мере в центральной Европе, слухов, будто лорд Грей принадлежал к тем, кто зондировал почву насчет заключения мира без решающей победы.

Может ли теперь кто-нибудь, спокойно обозревая прошлое, сомневаться в правильности вывода, к которому пришли Асквит и его коллеги? Разве возможен был в то время мир, который не признал бы Германию победительницей? Разве можно было заключить мир в какое-либо другое время до окончательного крушения германской мощи? Разве Германия согласилась бы восстановить полную независимость Бельгии? Даже если бы она пошла на эвакуацию Бельгии, разве она не связала бы Бельгию такими военными и торговыми условиями, которые означали бы фактически включение Бельгии в сферу германского господства, в сферу ее военной и торговой экспансии? Очевидные факты дают на это отрицательный ответ. Те немногие прозорливые германские политики, которые видели надвигающиеся тучи и стремились к заключению мира, пока не сломлена еще военная мощь Германии, не переставали требовать от рейхсканцлера, чтобы он выступил с недвусмысленным заявлением насчет полного восстановления Бельгии. Вплоть до окончательного краха все их усилия и настойчивые обращения были тщетны. Принц Макс Баденский, ставший впоследствии рейхсканцлером, подчеркивал в беседах с руководителями германской политики, что даже такой ярко выраженный пацифист, как Рамзей Макдональд в своей речи в палате общин весной 1916 г. настаивал на том, что пред-

варительным условием мирных переговоров является объявление Германией своего намерения восстановить суверенитет Бельгии целиком и полностью. Такого заявления со стороны Германии никогда не последовало.

Разве Австрия отдала бы свои завоевания в Сербии? Разве она не навязала бы последней своих условий в вопросе об укреплениях сербской столицы, условий, которые отдали бы беспомощную Сербию на произвол Австрии и таким образом поставили бы ее в положение вассала австрийской империи? Разве не был бы отрезан кусок сербской территории в уплату за лойяльное хищничество царя Фердинанда? А затем, что сказать о прибалтийских провинциях России и о русской Польше? Разве Германия отказалась бы от своих огромных завоеваний в России и ничего не прибавила бы из этих областей к своей территории? Требование, согласно которому одним из условий мира должно быть возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, встретило бы в германском отечестве лишь громкий взрыв смеха. В конце 1916 г. положение Франции, конечно, было не таково, чтобы она могла требовать большего, чем возвращения территорий, завоеванных германцами в 1914 г. Я сомневаюсь даже в том, что германские промышленники согласились бы отдать рудники Брие. Помимо всего этого не было ни одного шанса из миллиона, что мирные переговоры могли бы привести к соглашению на Западе и Востоке, приемлемому для самых умеренных политиков в странах союзников.

Разве действительное разоружение могло стать составной частью мира в 1916 г.? Разве Германия согласилась бы разоружить грозную машину милитаризма, которая подняла ее на такую командную высоту во всем мире? А если Германия не стала бы разоружаться, никакая другая страна не могла бы себе позволить роскоши разоружения. Приведу снова слова государственного деятеля, самое имя которого служит гарантией его пацифистских намерений: «Заключение мира в настоящий момент было бы только несчастьем. В лучшем случае можно было надеяться только на сохранение status quo при большом увеличении германского могущества в центральной Европе». Единственным результатом такого мира была бы Германия, увеличенная в своих размерах, лучше вооруженная, уверенная, что ее армии непобедимы на поле сражения даже при подавляющем численном превосходстве противника, — наконец, Германия, располагающая военным штабом, научившимся тому, как самым лучшим и действительным образом вести войну в современных условиях.

Те, кто старательно ищет ошибок у других, несших на своих плечах страшную ответственность во время войны, часто заявляют в настоящее время, что если бы союзники взяли на себя в 1916 г. инициативу и предложили центральным державам созыв мирной конференции, то не было бы никакой беды даже в случае провала конференции. Эти лица утверждают, что если бы Германия и

Австрия предложили неразумные условия, то народы союзных стран поддержали бы своих представителей, отвергнув эти условия, и продолжали бы затем борьбу с новым рвением. Действительно ли это было бы так? Предположим, Германия согласилась бы удалить свои войска из северной Франции и Бельгии и ограничилась бы в вопросе о Бельгии тем, что выдвинула бы некоторые условия относительно пользования бельгийскими портами и разоружения пограничных бельгийских крепостей. Удалось ли бы еще раз вызвать в войсках союзников дух 1914 г. в такой мере, чтобы можно было еще больше двух лет нести такие же страшные потери, как и в предшествующие два с половиной года, причем только для того, чтобы возвратить Франции Эльзас и Лотарингию или вернуть Курляндию и другие завоеванные территории в неспособные руки царского самодержавия? Жители этих областей не в большей мере являются русскими, чем немцами. После того как война была бы приостановлена, согласилась ли бы Британия возобновить ее и послать своих сынов на новые, столь же кровавые битвы как на Сомме для того, чтобы восстановить бесполезные фортификации Белграда? Это был риск; народы могли бы предпочесть снести унижения, нанесенные иностранцам, нежели посылать новые миллионы своих сынов на общее побоище современной войны. Во всяком случае этот риск был слишком велик для тех, взор которых был устремлен вперед — к постоянному и окончательному триумфу права народов, справедливости и мира, как результату жертв, принесенных этим поколением. Мы встретились бы на конгрессе с Германией, которая победоносно сопротивлялась всей Европе два с половиной года, разбила вдребезги силы трех своих противников — России, Сербии и Румынии, все еще занимала территорию двух других и успешно боролась против всех попыток вытеснить ее войска из захваченных ею земель. Самое лучшее, на что можно было надеяться, было бы полное освобождение Франции и Бельгии от неприятеля, но Германия увеличила бы свою территорию на тысячи квадратных миль с десятками миллионов населения. Такой конец войны поставил бы нас перед лицом торжествующего прусского милитаризма, доказавшего свою непобедимость на поле сражения даже при подавляющем превосходстве неприятеля в смысле количества военных материалов и богатства. Асквит и его кабинет были безусловно правы в своем отказе согласиться на предложение Ленсдауна. Если бы они пошли на это предложение и если бы даже удалось заручиться согласием Франции, это не могло бы повести к великому и полезному миру. Франция неохотно пошла бы на переговоры, так как никакой мир, возможный в то время, не удовлетворил бы ее существенных требований — возврата потерянных провинций и возмещения за опустошенные города и деревни... Италия была бы обманута и оказалась бы в дураках, потому что она поставила свою карту на успех союзников в надежде добиться освобождения итальянских земель из-под власти австрийской империи. Несмотря на тяжелые потери,

она ничего не получила бы от всякого мира, который был бы достигнут в 1916 г. Тогда сказали бы, что Британия в своем стремлении добиться мира готова была продать своих союзников. Такое впечатление имело бы губительные результаты для морального состояния союзников — на Востоке и Западе. Провал мирных переговоров или отказ Франции присоединиться к инициативе Британии относительно этих переговоров отвлекли и раскололи бы общественное мнение в Америке как раз в тот момент, когда оно быстро эволюционировало в нашу сторону, благодаря безрассудному и бесцеремонному способу ведения подводной войны.

Глава тридцать вторая

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА ИСХОДЕ КАМПАНИИ 1916 г.

Если мы твердо решили продолжать войну, было необходимо вести ее так, чтобы иметь действительные шансы добиться победы. Между тем, когда я рассматривал общее положение на суше и на море в последние месяцы 1916 г., я наталкивался всюду на самые серьезные основания для тревоги. Не было пока заметно, чтобы усилия и жертвы, принесенные нами, вели нас к победоносному концу. Та информация, которая поступала в канцелярию военного министерства или в адмиралтейство, отнюдь не приносила успокоения.

В октябре 1916 г., во время одного из формально-официальных утренних докладов начальника имперского генерального штаба, сделанного по долгу службы мне, как его гражданскому начальству, после того как были исчерпаны те немногие второстепенные и пустые вопросы, по которым он запрашивал моего мнения формы ради, я стал допытываться у него относительно положения на Сомме, об ужасных потерях и ничтожных достижениях. Я получил привычный ответ, что немецкие потери больше наших, что постоянные неудачи и отступления постепенно истощают их силы и расшатывают их дух. При всем том меня поразило, что ответ был дан без обычной твердой уверенности. Я спросил его затем, не согласится ли он сказать мне, составил ли он уже себе известное представление о том, как может быть приведена к благоприятному концу эта кровавая бойня? На этот раз вопрос застиг его врасплох, и он походил на офицера, думающего про себя: «это один из тех сумасшедших вопросов, которые выпаливают всегда невежественные штатские люди, и поощрять их в этом не следует». Он только промямлил что-то об «изнашивании». Я спросил тогда, не откажется ли он представить мне меморандум по этому вопросу. В положенный срок меморандум был написан. Его содержание сводилось вкратце к следующему.

Меморандум указывал вначале, что западный фронт попрежнему остается главной ареной действия британских военных сил.

Относительно второстепенных театров военных действий меморандум указывал: В Месопотамии положение британских войск улучшается, и они смогут противостоять любым усилиям турок до той поры, когда сами готовы будут перейти в наступление. В Египте есть тоже основания рассчитывать, что к концу года западный фронт против сенусситов будет обеспечен и будет закончена подготовка к наступлению на восток в Синайскую пустыню. На салоникском фронте союзные войска связывают болгаро-германскую армию. Генерал Мильн просил о подкреплении из 15 дивизий и тяжелой артиллерии, чтобы добиться победы на македонском фронте, но начальник имперского генерального штаба считает нежелательной такую переброску сил с главного театра военных действий на западном фронте. Он считает, что единственная решительная кампания на Балканах настоящей зимой должна иметь место на румынском фронте. Он сожалеет, что союзники согласились на посылку подкреплений в Македонию в 39 тыс. стрелков.

В немецкой восточной Африке мы владеем береговой полосой и оттеснили германские войска на нездоровые территории внутри страны.

На западном фронте мы теперь превосходим немцев численно, а также в области воздушных сил, артиллерии и, пожалуй, в известной мере также по количеству военного снаряжения. Значение наступления на Сомме заключается в том, что оно внесло расстройство в ряды неприятеля и поколебало его моральную устойчивость. Он еще не деморализован по-настоящему, и мы не можем еще рассчитывать на его крах, но перспективы неприятеля хуже, чем были наши, когда мы подверглись подобному натиску в 1914 г., так как у него уже нет неиспользованных резервов, которыми в то время располагали мы. Таким образом наше относительное превосходство все возрастает изо дня в день. Однако начальник имперского генерального штаба считает, что нажим на западе должен быть сохранен, так как, если центральные державы смогут перебросить большие силы на восток, последствия такой переброски окажутся гибельными. Он приводит цифры, показывающие размер этих перебросок, имевших место за последние пять месяцев. С 1 июня германские силы увеличились на 27,5 дивизий, большая часть которых поступила на восточный фронт, где число батальонов возросло с 1 июня по 23 октября на 221 батальон, в то время как на западе оно сократилось на 74 батальона.

Следующие цифры показывают рост британской артиллерии во Франции:

	1 янв. 1916 г.	Конец октября 1916 г.
Полевых орудий	1 938	3 060
Гаубиц и тяжелой артиллерии	785	1 879
Суточное поступление снарядов	30 000	210 000

Число гаубиц и тяжелой артиллерии превысит к концу года 2 тыс., число пулеметов, окопных мортир возрастает в соответствую-

щей пропорции. Но в части людского состава армия во Франции на 80 тыс. чел. ниже положенного и должна быть усилена. Необходим дальнейший вывод сил на фронт, и войска внутренней охраны должны быть сокращены, после того как флот примет, наконец, более действительные меры к воспрепятствованию вражескому вторжению. Необходимо максимально увеличить военные силы во Франции к весне 1917 г.

Страны Антанты, исключая Францию и Англию, страдают от плохого сообщения и недостаточного сотрудничества. Ценность военных сил Румынии, Бельгии, Сербии, Португалии и России невысока — в России из-за недостатка снаряжения. Силы врага более подвижны и имеют моральное превосходство над ними. Продолжительность войны зависит от устойчивости союзников Германии. Австрия и Турция постепенно истощаются, а Болгария ослаблена предшествующими войнами. Германия все же сражается с неубывающей силой и может пока продолжать войну еще неопределенное время. Но ее продовольственные запасы значительно сократятся по истечении примерно полугода.

Начальник генерального штаба приходил к выводу, что конец войны еще не может быть определен. Мы должны быть готовы приложить все силы, сжать блокаду, мобилизовать все людские резервы и пойти на еще большие жертвы и напряжение, чтобы обеспечить желательный нам мир.

Сэр Виллиам Робертсон заключил свой меморандум таблицей, показывающей численное соотношение военных сил и реальных резервов, которыми располагали соответственно союзники и центральные державы. Привожу следующую сводку этой таблицы.

	Войска стран Антанты, включая расположенные внутри страны и исключая цветные войска	Реальные неиспользованные резервы
Британские	3 517 000	?
Французские	2 978 000	775 000
Русские	4 767 000	6 500 000
Итальянские	1 676 000	1 250 000
Румынские	590 000	380 000
Бельгийские	128 000	10 000
Сербские	117 000	22 000
Португальские	65 000	—
	13 838 000	8 937 000
	Сила противника	
Германские	5 470 000	2 000 000
Австро-венгерские	2 750 000	800 000
Турецкие	500 000	300 000
Болгарские	400 000	112 000
	9 120 000	3 312 000

Нарисованную начальником генерального штаба картину нельзя было назвать благоприятной. Мы могли выдерживать натиск турок в Месопотамии и Египте — и не более того. В Салониках мы могли противостоять болгарам, если бы они нас атаковали, но мы не могли напасть на них. На западном фронте наши дела обстояли лучше. Мы отмечали ухудшение духа германских войск. Единственное приводившееся Робертсоном доказательство этого успеха заставляло беспокоиться. Несколько германских дивизий бежало с западного фронта на восточный. Но почему? Не потому, что они были разбиты, а потому, что немцы полагали, что могут обойтись войском, меньшим на 74 батальона. Какой комментарий к оглушительным успехам на Сомме!

Эти цифры показывали, что во всяком случае, учитывая наличные действующие силы, мы располагали подавляющим численным превосходством над противником; что же касается снаряжения, то считалось, что в данное время мы находились по крайней мере в равном положении, если не превосходили врага. Но не взирая на эти столь утешительные данные, мы все-таки совсем не подвигались вперед. Наше численное превосходство зависело целиком от дальнейшего активного участия в войне России; последнее становилось все более проблематичным. Стоило выпасть России, и численное превосходство переходило к противнику. Что касается военного положения, то я дал его общую характеристику в одной из предшествующих глав.

У меня создалось твердое убеждение в необходимости приложить значительно больше сил, чтобы координировать союзные действия на востоке и на западе. Обдумывая этот вопрос, я решил конфиденциально поговорить о положении с премьер-министром и для этого пригласил его к себе вечером отобедать.

Приглашение было принято, и обед состоялся в положенный день. Кроме г. Асквита, присутствовали лорд Крью, виконт Грей, г. Бальфур, лорд Керзон и, помнится, лорд Ленсдаун. Я изложил им мой взгляд на серьезность положения и на те мероприятия, которые следовало бы принять. Г-н Асквит выслушал меня сочувственно и посоветовал мне вынести вопрос на обсуждение в ближайшем заседании военного комитета.

Это заседание состоялось 3 ноября 1916 г. Предварительно я получил от сэра Виллиама Робертсона приводимый ниже доклад, излагающий его взгляды на вероятный конец войны:

> «1. Вы сообщаете, что военный комитет хотел бы знать мое мнение о предполагаемой длительности войны, и я должен сознаться, что затрудняюсь высказать мнение, которое имело бы реальное значение. Говорят, что Гинденбург высказал недавно утверждение, что ни один человек не может предвидеть конца войны; не могу этого сделать конечно и я. Эта неспособность предвидеть события не есть особенность настоящей войны; она присуща в той или иной мере всем войнам.

Но положение действительно чрезвычайно обострено в нынешней войне как в силу ее колоссальных масштабов, так и по условиям, в которых она ведется. Так, например, никогда раньше война не связывалась с такими широкими проблемами международных финансов и торгового обмена.

2. Далее, война ведется не за какие-нибудь второстепенные цели, достигнуть которых мы могли бы в результате решительной битвы с противником: мы должны вести войну, пока военное господство Пруссии не будет целиком и полностью уничтожено.

3. Вопрос, который Вы поставили мне, отнюдь не является исключительно или даже преимущественно военным. Я, например, абсолютно не знаю:

а) степени сплоченности союзников, с одной стороны, и противников, с другой;

б) социально-экономического положения в странах противников;

в) сравнительной устойчивости валюты и торгового оборота обеих борющихся сторон;

г) возможности развития подводного флота;

д) силы нашего флота и его способности обеспечить свободу морского сообщения и охрану достаточного торгового флота для снабжения нас, наших союзников и союзных войск;

е) успехов или неудач, которые могут произойти в результате действий союзной дипломатии.

4. Численность людского состава означает очень много, но я не знаю ни качества людей, которых мы можем выставить, ни сроков, когда мы сможем их выставить. В отношении других воюющих сторон, по причинам, изложенным в моем отношении от 26 последнего месяца, я не считал бы целесообразным пытаться разрешить поставленный Вами вопрос, оперируя только цифрами. Прежде всего цифры, которыми мы оперируем, в значительной мере построены на догадках. Во-вторых, хотя страны Антанты располагают на бумаге большим числом людей, чем противники, эти силы не могут быть использованы с тою же относительной легкостью. Россия находится в состоянии разложения, она плохо вооружена, плохо управляется и неспособна улучшить свои пути сообщения; Италия отказалась послать своих людей за пределы своей страны; румынские войска бегут. Наконец, внутреннее положение Германии, ее полный контроль над политикой и военными операциями центральных держав дают ей преимущество, стоящее многих сотен тысяч людей.

5. На западном фронте мы и французы неизменно достигали морального и материального превосходства над противником, и что касается нас самих, мы в состоянии выставить еще больше людей, еще больше пушек и военного снаряжения. Если мы это сделаем, если мы не будем распылять своих сил на несущест-

венных участках, если Россия может быть снабжена надлежащим количеством тяжелой артиллерии и прочим необходимым военным снаряжением, мы можем надеяться, что в будущем наш нажим на противника на обоих фронтах будет не менее силен, чем он был раньше. Как долго сможет продолжаться этот нажим и когда можно ждать серьезных результатов, — все эти вопросы зависят в основном от факторов, указанных в пункте 3. Это зависит также от стратегии стран Антанты, в отношении которой моя роль крайне ограничена. Я поэтому совершенно не могу составить определенного мнения относительно срока окончания войны, но я думаю, что с нашей стороны было бы благоразумно не ждать конца войны во всяком случае раньше лета 1918 г. Насколько она затянется дольше этого срока, я не берусь гадать. Одно совершенно несомненно, и об этом я заявлял неоднократно на протяжении текущего года: мы не можем рассчитывать на благоприятное завершение войны до тех пор, пока мы не используем полностью и надлежащим образом все наши ресурсы. Мы все еще ничего не сделали для реализации этого и должны приступить к этой задаче немедленно. Я сделал на этот счет некоторые указания в заключительном параграфе моего отношения от 26 последнего месяца и сейчас хочу добавить, что мы должны

получить полный рабочий день от каждого мужчины и каждой женщины;

всячески использовать производство других стран;

упразднить все ненужные траты и роскошь в жизни нашей страны;

добиться максимального самодовлеющего хозяйственного положения;

отчетливо объяснить народу серьезность стоящей перед нами задачи;

обеспечить наш контроль над ведением войны во всех ее проявлениях соответственно нашему участию в ней (я особенно подчеркивал этот вопрос в январе текущего года, но если в этом отношении и имеются какие-нибудь достижения, то весьма незначительные).

3 ноября 1916 г.

В. Р. Робертсон
Нач. Имп. ген. штаба».

На основе этого документа я сделал доклад в военном комитете и ниже привожу выдержки из его резюме, данного в протоколе заседания.

«Г-н Ллойд Джордж... зачел военному комитету записку начальника главного штаба от 3 ноября 1916 г. о предполагаемой продолжительности войны.

Г-н Ллойд Джордж заявил, что это один из самых серьезных документов о войне из всех читанных им. Мы не подви-

гаемся вперед. Мы подходим к концу третьего года войны, и все же инициатива вернулась к неприятелю. Он занимает большую территорию, чем когда-либо раньше, и его резервы составляют еще около четырех миллионов человек. Ни в одном пункте союзники не достигли решительного, определенного успеха...

Каким же образом война может быть доведена до конца? — спросил г. Ллойд Джордж»

Дальше я коротко подытожил данные о военном положении союзников, как они были затем изложены в появившемся меморандуме.

Протокол далее гласит:

«Общественное мнение возлагает ответственность за ведение войны на политических деятелей и в первую голову на тех министров, которые входят в состав военного комитета. Общество может простить все, кроме пассивности и бездействия. Он настаивал, чтобы руководящие войной ответственные политические деятели главных союзных государств собрались вместе и подвели итоги существующему положению вещей. Прежде всего необходимо собраться на совместное совещание представителям Франции, Италии и Великобритании.

Он высказал мнение, что первым вопросом конференции должно быть требование координации действий между западом и востоком...

Г-н Ллойд Джордж закончил требованием о созыве:

1) малой конференции из представителей Франции, Италии и Англии, по два министра от каждой страны;

2) военной конференции, которая должна состояться вслед за тем на восточном фронте и на которой должны присутствовать главные начальники войск на западном фронте, предпочтительно генералы Робертсон, Жоффр, Кастельно и Кадорна».

Последовавшая дискуссия, согласно протоколу, отразила общее согласие с моими замечаниями, хотя отдельные члены совещания и критиковали их за чрезмерно пессимистическую оценку общего положения союзников.

Все сходились в общем на том, что продолжение наступления на Сомме в следующем году вряд ли может привести к решительным результатам и что наши потери могут пробить слишком серьезную брешь в наших ресурсах в сравнении с возможными успехами. Поэтому далее все согласились, что следует рассмотреть вопрос, нельзя ли добиться решительных результатов на другом участке. В качестве предварительного шага были приняты в принципе мои предложения и было поручено лорду Грею и мне снестись по телеграфу с Парижем и Римом о созыве конференции в Париже.

Военный комитет признал необходимым, прежде чем соберется военная конференция в Шантильи, назначенная на 15 ноября, соб-

рать совещание руководителей правительств главных союзных государств с тем, чтобы внести ясность в положение и установить общие принципы политики и стратегии, которые определят ближайшую фазу борьбы и операции ближайшего года. Он считал, что вопрос подлежит обсуждению в первую очередь государственными деятелями, несущими фактическую непосредственную ответственность за ведение дел, и что присутствие специалистов-экспертов на этом этапе конференции было бы нежелательно. Военный комитет считал широкую конференцию бесполезной и предложил ограничить представительство двумя государственными деятелями от каждой страны — от нас, Италии и Франции, выделив в качестве британских представителей премьер-министра и г. Ллойд Джорджа. В отношении представительства России создавались непреодолимые трудности, так как никто не мог заместить императора и его главных политических и военных советников, которые в данный момент не могли покинуть Россию.

Далее военный комитет признал, что, если парижская конференция придет к существенным результатам, последние подлежат обсуждению с Россией, и что это, повидимому, лучше всего может быть достигнуто путем посылки представителей союзных государств в Россию, где они могут быть приняты императором и иметь совещания с главными лицами, руководящими при императоре политикой и войной. Без посещения России не может быть принято никакого окончательного решения, касающегося одновременно западного и восточного фронта. Только посетив Россию, можно достигнуть плодотворного обсуждения и полной согласованности.

Было решено, что сэр Эдуард Грей и я выработаем соответствующий текст телеграммы в Париж и Рим.

Военная конференция в Шантильи, упоминавшаяся в приведенных выше выдержках из протокола военного комитета, была назначена на ноябрь в составе представителей военных штабов союзных армий. Хотя устройство конференции государственных деятелей в такое время, когда мы имели бы возможность воспользоваться консультацией военных авторитетов, имело свою положительную сторону, однако представлялось не менее важным закрепить преимущественные права политической конференции, раз мы, как было указано нашим комитетом, представляли власть, несущую высшую ответственность за решение.

На ближайшем заседании военного комитета 7 ноября обнаружилось существование некоторых разногласий с нашими союзниками относительно последующей конференции в России. Италия сомневалась насчет возможности посылки представителей на такую конференцию. Далее, оказывалось, что военные руководители собирались устроить свое совещание в Шантильи неделей раньше, чем могла состояться парижская конференция, что́ я считал нежелательным, ибо, как я указал в комитете, у генералов могла явиться тенденция принять на этой конференции свои стратегические установки, прежде чем ответственные руководители правительств пришли бы

к решению насчет того, что именно в области военных операций они считают необходимым взять в свои руки. В дальнейшем в связи с этим могло оказаться трудным побудить генералов изменить или пересмотреть свои установки.

В соответствии с этим в тот же день была послана в Рим и в Париж телеграмма следующего содержания:

«Единственным средством достигнуть плодотворного обсуждения будущего ведения войны, обеспечить наилучшее сотрудничество на восточном и западном фронтах и необходимую для успеха согласованность — мы считаем созыв конференции в России, предпочтительно в русской ставке, если будет на это согласие императора.

Мы считаем конференцию в Париже предварительной, имеющей целью обсудить организацию конференции в России; основной задачей конференции в Париже должно быть устройство последней. Отсрочка парижского совещания в соответствии с предложением Италии повлекла бы за собой значительную задержку. Премьер-министр и государственный секретарь по военным делам выедут поэтому в Париж в понедельник для частного собеседования, предложенного Брианом на вторник. Мы рассчитываем, что после этого будет решено просить русское правительство назначить в ближайшее время в России конференцию с представителями Великобритании, Франции и Италии. Мы считаем, что конференция, чтобы быть плодотворной, должна быть немногочисленной и должна состояться в России. Остальные союзники могут быть приглашены на конференцию в Париже в дальнейшем, если в этом будет надобность.

Одновременно мы настаиваем, чтобы военная конференция в Шантильи была отложена на неделю. Мы считаем, что она не принесет полезных результатов, пока не будут рассмотрены соображения, которые мы хотим обсудить с г. Брианом, и что без ознакомления с этими соображениями конференция в Шантильи может притти к заключениям, которые затем придется пересмотреть».

Изложенные здесь взгляды были в конце концов приняты нашими союзниками, и конференция должна была состояться в среду и четверг — 15 и 16 ноября 1916 г.; но генерал Жоффр отказался отложить военную конференцию в Шантильи и она происходила одновременно с межсоюзной конференцией. В результате военная конференция получила решающее значение и в значительной мере лишила смысла политическую конференцию. Военщина успешно сорвала совместное обсуждение военными и государственными деятелями союзной стратегии в предстоящей кампании 1917 г. Злополучные наступательные операции этого года были решены генералами в Шантильи, и их эгоистическое решение без предварительного

обсуждения вопроса в значительной степени было причиной неудачи в деле предупреждения краха в России.

Готовясь к парижской конференции, я составил доклад, излагающий мой взгляд на военное положение и на необходимость последующей конференции в России для согласования союзных усилий на востоке и на западе. Этот доклад был просмотрен и значительно сокращен г. Асквитом, и в этой сокращенной редакции, переведенный на французский язык, взят нами с собой в Париж. Я привожу ниже копию этого документа, включая курсивом основные отрывки моего первоначального проекта, которые были вычеркнуты г. Асквитом из меморандума, переданного им г. Бриану. Эти сокращения объяснялись не столько разногласиями по существу их содержания, сколько нежеланием премьер-министра дать свою подпись под документом, в котором французы могли увидеть критику французского и британского высшего командования. Фактически он лишил доклад всей его остроты.

> «Наступило время, — писал я, — когда союзники на своем высшем совете должны взглянуть в лицо действительному положению вещей. Обстановка войны всегда богата иллюзиями, из которых одни сознательно раздуваются, чтобы поднять дух сражающихся, другие же сами возникают в той наэлектризованной атмосфере, которая создается каждой великой войной.
>
> Мы находимся у поворотного пункта борьбы. Положение безусловно серьезно.
>
> *От решений, которые мы примем теперь, будет зависеть окончательный исход. В 1914, 1915 и 1916 гг. мы могли делать ошибки, не подвергая риску шансы на конечную победу. Если мы и в 1917 году пойдем по неправильному пути, я не уверен, что мы выйдем из положения.*
>
> Мы приближаемся к концу третьего года войны. После месяцев тяжелой борьбы мы не нанесли сколько-нибудь заметного ущерба устоям нашего противника. На суше он удерживает все свои завоевания и едва ли сократилась площадь занятых им территорий. На море неприятель сильнее и наносит нам бо́льший ущерб, чем когда либо в начале войны. На суше неприятель вновь взял в руки потерянную им несколько месяцев назад инициативу. Наш новый союзник, Румыния, чье вступление в войну на нашей стороне, по мнению одного из наших высших военных авторитетов, должно было означать конец Австрии, сегодня борется не на жизнь, а на смерть на своей собственной территории *и едва сопротивляется с помощью России. Почти 50 процентов армии, с которой она вступила в войну, ныне выведены из строя. Румыния лишена сотен квадратных миль территорий, и немецкие войска находятся в 20 милях от богатейших нефтяных источников Европы.*
>
> На море британское, союзное и нейтральное судоходство, от которого зависит не только активное сотрудничество Англии и

союзников, но самое существование английского народа, снабжение продовольствием и снаряжением как его, так и его союзников, приведено в расстройство, которое возрастает с вызывающей тревогу быстротой.

Каковы перспективы на суше? В феврале 1915 г. мы получили конфиденциальное заверение высокого военного авторитета, что через несколько месяцев германская федерация исчерпает свои резервы. Сейчас на исходе 1916 год. С июня немцы увеличили свои гигантские армии двадцатью семью новыми формированиями. На этой неделе они ввели новые пополнения. С июня их армия возросла на 300 тыс. чел., и теперь наши военные специалисты после тщательного изучения вопроса сообщают, что реальные людские резервы у Германии и ее союзников превышают 3 млн. чел., не считая одного миллиона юношей, ежегодно достигающих призывного возраста.

Что касается блокады, то Германия, поскольку речь идет о ее самых насущных военных нуждах, будет спасена от голода и вообще сможет противостоять всем трудностям, если ей удастся завладеть полями Румынии. На Сомме союзники достигли ряда блестящих побед, но каковы же результаты этих операций? И каковы те результаты, которые наступление на Сомме должно было принести?

1. Упрочен франко-британский союз — это безусловно достигнуто.

2. Верден освобожден от осады — этого мы добились.

3. Прорвать немецкий фронт и отбросить его назад к Масу нам не удалось.

3а. В нашем стремлении отобрать у неприятеля одну из важных стратегических позиций, овладение которой союзниками создало бы серьезную угрозу для неприятеля при ближайшем столкновении, — нечто подобное тому, что дало бы немцам занятие Вердена — мы потерпели неудачу.

4. Отвлечь значительные силы с восточного фронта, чтобы создать возможность успеха для русского наступления на этом фронте — движение вражеских сил оказалось иным. *С тех пор как началось наступление на Сомме, 19 дивизий покинули западный фронт и отправились на восточный, а в результате* русское наступление, так блестяще начатое весной, на которое возлагались такие большие надежды, было остановлено и сменилось полным застоем.

Другой целью, которая была недавно поставлена, было стремление удержать на фронте столько германских дивизий, чтобы сделать невозможным для немцев сосредоточить в Румынии силы, способные окончательно раздавить ее. Достижение этой цели сомнительно. Мы знаем лишь, что Германия имеет там столько войск и пушек, сколько ей позволяют содержать там трудные природные условия.

Самым блестящим успехом союзников, которым отмечен этот год, был возврат фортов Вердена, достигнутый одним ударом без больших потерь для наступающих. Это — военное предприятие, подготовка и исполнение которого выявили высокие качества генералитета. В каких-нибудь 15 дней французская армия уничтожила все результаты жестоких и дорого стоивших Германии атак, продолжавшихся 8 месяцев. В итоге линия западного фронта несколько более благоприятна для союзников, чем она была к концу 1915 г.

Если бы кто-нибудь в прошлом году в это же время предсказал, в каком положении будет дело через год, его сочли бы отчаянным и злым пессимистом. Сейчас мы должны принять меры к тому, чтобы в будущем году положение не оказалось простым повторением, если не ухудшением нынешнего положения.

Две характерные черты военного руководства возбуждают во мне тревогу за будущее:

1. В основных решениях, принимавшихся на протяжении истекших трех лет войны, все военные расчеты относительно того, что могло быть нами сделано при наличных ресурсах, оказывались не просто ошибочными, — факты доказывали их явную ложность.

2. Одни и те же ошибки повторялись подряд без всякого учета пагубных уроков прошлых неудач.

Возьмем для примера кампанию 1915 г. Ее погубили две навязчивые идеи.

Первая заключалась в том, что немцы готовят большое наступление на западном фронте. В действительности они вели большое наступление на востоке и на юго-востоке.

Вторая сводилась к тому, что фронтальной атакой, поддержанной артиллерийской подготовкой, отвечающей возможностям союзников, наши войска могут прорвать немецкий фронт. Эта ошибка была допущена при Нев-Шапель, повторена в Артуа, при Фестюбере, Лоосе и в Шампани. Когда результаты атаки не отвечали предположениям, всегда полагали, что причина лежит в отсутствии чего-либо, что легко может быть восполнено при следующей подобной же атаке. Затем при второй неудаче всегда говорили, что успех был очень близок и что несколько лишних пушек или несколько лишних пехотных дивизий обеспечили бы полную победу.

Неспособность понять, что возможно и что невозможно в настоящих условиях войны, была виною неудачи экспериментов, которые повторялись каждый раз с все бо́льшими военными силами и заканчивались с все более колоссальными потерями. Все та же навязчивая идея сильнее, чем когда-либо, владела умами военных руководителей.

Нет существенных различий в характере отдельных атак, не было внесено существенно новых форм стратегии, новых приемов наступления.

Приближением к новым способам ведения войны явилось применение танков, но это нововведение пришло не из военных штабов.

Другой пример неспособности учесть действительные препятствия на пути к победе — Дарданеллы. Военная атака Галлиполи была полностью задумана и разработана военными специалистами, и крупнейший из них заявил мне незадолго до атаки, что Галлиполи будет взято наличными войсками и потери не превысят 5 тыс. чел. Жалкая несостоятельность военного диагноза сейчас уже дело истории, но и каждая последующая атака сопровождалась той же недооценкой препятствий, тем же убеждением, что мы можем пробиться, бросив на линию противника огромные массы людей и пушек, точно мы ведем войну не в двадцатом, а в восемнадцатом веке.

В истории 1915 г. я считаю судьбу Сербии самой непростительной и, боюсь, самой непоправимой ошибкой союзников. Сейчас мы понимаем, как важно было для нас закрыть немцам путь на Восток. Мы могли отрезать их от источников снабжения. Мы дали бы почувствовать немецкому народу, что вокруг него сомкнулось кольцо. А что же могло глубже потрясти его дух, чем сознание этого факта? Мы могли бы привлечь Болгарию и организовать большую балканскую федерацию с 2 млн. боеспособных людей, которых мы постепенно вооружили бы и превратили в могучие армии для наступления на немецкие державы с южного фланга. Мы могли бы охватить их железным кольцом. Турция, располагающая ничтожным вооружением и едва ли имеющая возможность его производить, скоро пришла бы к краху из-за полного истощения. Это могло быть достигнуто при своевременном занятии Вардарской долины, для чего потребовалась бы половина тех военных сил, которые сейчас находятся в Салониках, втрое меньше, чем погибло в бесплодных и бессмысленных атаках на немецкие проволочные заграждения в кампанию 1915 г. Что произошло вместо этого? Немцам открыт свободный путь на восток от Белграда до Багдада; Германия обеспечена хлебом, кофе, чаем, медью и, что всего важнее, первоклассными солдатами. Все это окрылило новыми надеждами ее народ. Болгария вооружена, Турция реорганизована, Греция поколеблена и треть ее населения враждебна нам, Сербия раззорена, Румыния борется за свое существование. Попытка занять Вардарскую долину была сделана в ноябре 1915 года. Мы поняли, наконец, как важно было перехватить дорогу на восток. Но тогда уже было поздно. Балканы могли быть нашим оплотом, они стали теперь для нас тяжелым бременем.

В 1916 г. пагубная ошибка 1915 г. в отношении Сербии была повторена нами в отношении Румынии. Бешеная энергия, развитая Россией, чтобы исправить постыдный провал, может еще восстановить положение. Тем не менее это был

провал самого непонятного характера. Каковы факты? Все мы в точности знали, из чего состояло снаряжение Румынии. Мы знали, что румынская армия совершенно не имела тяжелой артиллерии, что даже наличие полевых орудий совершенно не соответствовало требованиям серьезного наступления или обороны. До тех пор пока австрийские армии были заняты в другом месте, на румынском фронте все было в порядке. Но наши военные специалисты должны были знать, что стоило немцам решить снять свои войска с фронта у Вердена и послать несколько резервных дивизий в Румынию, как румынских пушек и снаряжения оказалось недостаточно, чтобы противостоять такому сосредоточенному удару. Между тем, кажется, ни один из союзных специалистов этого не предвидел; по крайней мере не было, повидимому, принято никаких мер на этот случай. Либо ни одно правительство не считалось с этой возможностью, либо каждое полагало, что дело другого правительства принять меры на этот случай. Только после того как развернулось немецкое наступление, союзники на скорую руку организовали спешные экспедиции для спасения Румынии от гибели. Я не преувеличу, сказав, что Румыния может сыграть роль поворотного пункта в войне. Если немцы потерпят здесь неудачу, это будет для них величайшим бедствием. Дальнейшее будет уже делом времени. Но в случае успеха Германии я боюсь даже подумать о его влиянии на судьбы войны. 800 тыс. человек, представляющих при хорошем вооружении прекрасный боевой материал, будут сброшены со счета. Немецкие склады, сильно опустошенные, снова наполнятся значительными запасами нефти и зерна, и центральные державы будут избавлены от всех беспокойств по этим двум важнейшим статьям. И все еще, кажется, никто не считает своей прямой обязанностью разработку планов, чтобы в случае успеха обеспечить торжество союзников и так или иначе предотвратить грозящие им в противном случае величайшие бедствия. И это на третий год войны, в течение которой совершено немало других глупостей такого же рода из-за того же гибельного отсутствия сотрудничества и предвидения.

Салоники! Салоникская экспедиция — другой пример этих двух гибельных недостатков, преследующих страны Антанты, — запаздывания и отсутствия сотрудничества. Салоникская экспедиция, проведенная во время, спасла бы Сербию и дала бы нам Балканы. Сейчас о ней в лучшем случае можно сказать, что она сдерживает 250 тыс. болгар и турок, что составляет во всяком случае номинально вдвое больше занятых здесь наших сил. Почему болгары считают нужным противостоять им в таком числе, я абсолютно не понимаю. Цифры, сообщаемые генералом Мильном, показывают, что общее число союзных войск реально немногим превышает 100 тыс. солдат. Снабже-

ние этих войск артиллерией и транспортными средствами до смешного не соответствует даже самой скромной роли, какая могла бы им быть предназначена. Ни генерал Фош, ни сэр Дуглас Хейг никогда не подумали бы атаковать самую жалкую деревушку на Сомме, защищаемую только одним германским отрядом, при той артиллерии и снаряжении, какими располагают генерал Саррайль и генерал Мильн для штурма 200 миль самых мощных позиций в Европе, защищаемых 200 тыс. прекрасной пехоты. Военного снаряжения обеих соединенных армий едва ли хватило бы на два дня артиллерийской стрельбы в битве на Сомме. Неудивительно, если румыны, обнаружив расстройство нашего снаряжения, пришли к выводу, что мы не выполнили взятых на себя обязательств. Все положение салоникской армии создает впечатление, что командующие ею генералы были умышленно лишены всякой возможности использовать на деле свои войска. Правда, мы отправили туда недавно значительные людские подкрепления, несколько батарей тяжелой артиллерии и некоторый запас снаряжения. Если бы мы отправили их два месяца назад — а их также трудно было выделить теперь, как и тогда, — генерал Саррайль мог бы действительно угрожать болгарскому флангу со стороны Монастыря и, может быть, заставил бы болгар снять пару дивизий с румынского фронта для защиты Македонии. Саррайль потерпел неудачу из-за отсутствия транспорта, отсутствия войск, отсутствия артиллерии, — и то, что знает об этом общественное мнение Румынии и России, скоро узнают также во Франции и в Англии.

История наших отношений с Грецией представляет печальную картину парализующей нерешительности. Греческий народ с нами, он выразил свои симпатии повторными голосованиями, но король всегда был и остается теперь другом кайзера и врагом Антанты. Он никогда не упускал случая служить ему и продавать нас. Он давал врагу ценную информацию о наших войсках, наших позициях, наших намерениях, наших передвижениях. На наших глазах, на глазах у наших войск он передал неприятелю такую важную стратегическую позицию, как форт Руппель, штурм которого будет стоить нам тысячи человеческих жизней. Он дал немцам целую пехотную дивизию и ценнейшие горные пушки. Он кругом одурачил нас и сделал нас посмешищем Востока, пока мы вели адвокатскую переписку с его военными руководителями.

Только путем неустанного изучения наших прежних неудач для выяснения существа наших ошибок можем мы расчитывать избежать их повторения в будущем. Наш долг спокойно взглянуть в лицо действительному положению вещей, как бы это ни было тяжело, и признаться, по крайней мере себе самим и на своих внутренних совещаниях, в своей ответственности за неудовлетворительное положение, в котором мы сейчас находимся. Пытаться игнорировать это или

замазывать пустыми словами в собственной среде явилось бы залогом верной гибели. Я отлично понимаю, что важно поддерживать народную веру в победу, что не всегда надо привлекать внимание народа к опасностям и слабым сторонам нашего положения. Но на союзном военном совете факты должны быть представлены в истинном свете, в противном случае кому-нибудь придется обратиться к общественному мнению и дать народу возможность спасти себя пока еще не поздно.

Насколько может судить британское правительство, операции на западном фронте, если они будут продолжаться прежним порядком, не дают никакой надежды нанести германским армиям в 1917 г. достаточно серьезного поражения, чтобы положить конец войне, если только мы не сможем поддержать их значительно бо́льшим напряжением сил на других театрах войны.

Положение на южном фронте также не дает больших надежд на решительный успех. Правда, итальянская армия в результате операций, хорошо задуманных и прекрасно проведенных, добилась существенных успехов и одержала значительные победы. Тем не менее окопная война преобладает в общем на этом фронте и наступления решающих событий не видно.

На востоке русское наступление, начатое при таких счастливых предзнаменованиях, было полностью остановлено, и совершенно ясно, что на главных русских фронтах придется преодолеть большие трудности, чтобы добиться каких-либо серьезных результатов.

Как уже было сказано, вступление в войну Румынии не принесло тех решительных результатов, на которые мы рассчитывали, и если положение на этом участке стало несколько менее серьезным, оно все же остается предметом серьезных забот союзников. Как мы предвидели, трудности сообщения сушей и морем помешали решительному успеху на салоникском фронте. Правда, значительная часть болгарской армии была прикреплена к этому фронту и можно даже отметить незначительные продвижения на флангах. Тем не менее эти операции не позволяют нам рассчитывать на решительный успех в этом районе, если только операции здесь не будут увязаны с операциями на других фронтах, чтобы отвлечь отсюда значительную часть войск. Даже в этом случае отсутствие шоссейных и железных дорог задержит наше продвижение, которое во всяком случае будет очень тяжелым в условиях ожидающего нас сопротивления.

В результате нашей неспособности добиться решающих успехов на салоникском фронте центральные державы попрежнему владеют дорогой на Восток.

Каковы же перспективы, стоящие перед нами? Какой политики должны мы придерживаться? *Разве кто-нибудь наметил путь к победе? Если так, то мне не пришлось видеть,*

где именно, в каком документе. Словами не победишь. Мы должны иметь определенный план. Я слышал лишь об одном. Говорят о медленном долблении, о войне на истощение. Но успех зависит от того, что сбивается при этом сильнее — наковальня или молот. Успех войны на истощение зависит от того, сколько потребуется для этого времени и кто сможет дольше продержаться. Рассматривая шансы на успех войны на истощение, необходимо всегда иметь в виду основные факторы.

Прежде всего речь идет о людских резервах центральных держав и их союзников. Наш главный штаб исчисляет эти резервы в три-четыре миллиона человек. Он добавляет, что ежегодно один миллион юношей достигает призывного возраста.

Было бы однако неблагоразумно считать, что даже эти устрашающие цифры исчерпывают людские резервы врага. Мобилизация в Польше отлично может дать ему от 500 тыс. до 1 млн. людей. Пленные, польские и латышские рабочие постепенно высвобождают молодежь из основных отраслей производства. Немецкие военные руководители несомненно также уделяют немало внимания и забот замене людской силы машинами. Они полагают, что благодаря усовершенствованию техники они смогут сократить число солдат в каждой дивизии на несколько тысяч. Они имеют еще то существенное преимущество перед странами Антанты, что, занимая неприятельскую территорию, они могут, постепенно отходя, дорого продавать освобождаемую территорию без какого-либо серьезного ущерба для своего военного положения. Это последнее положение наглядно сказалось в различии битвы на Сомме и битвы у Вердена. Французская армия у Вердена не могла отступить на пять миль, не сдав позиций большой стратегической ценности и еще значительно бо́льшего морального значения. Поэтому она вынуждена была защищать каждый километр самой ужасной ценой. С другой стороны, немцы на Сомме могли очистить 5, 10, даже 20 километров без особого стратегического или морального ущерба*. Для них существенно одно: чтобы неприятель, отвоевывая французскую или русскую территорию, уплатил за нее дороже, чем стоит им ее защита.

Другой фактор, определяющий шансы войны на истощение, — влияние подводной войны на наше торговое судоходство. Надо полностью учесть ее значение. Несомненно за последние несколько недель уничтожение союзного и нейтрального тоннажа приняло угрожающие размеры и, если не будут приняты решительные меры, его последствия для союзных армий могут оказаться весьма серьезными. Наш успех настолько зависит от сохранения нашего безраздельного господства на

* Так они и поступили весной 1917 года, расстроив таким образом все планы Нивелля.

море, что если нам не удастся охранить наш транспорт и наше снабжение, Великобритания не сможет сохранить свою нынешнюю армию, будь то на Востоке или на Западе. Франция и Италия, Россия и мы сами окажемся равно бессильны сохранить снабжение снаряжением в нынешнем объеме. Мы уверены, что справимся с этим последним губительнейшим нажимом германской подводной войны. Но напрасно было бы отрицать, что она не внушает нам серьезной тревоги, когда речь идет о затяжке войны на ряд лет.

Наши и французские государственные деятели должны помнить о трудностях, которые мы испытали при расчетах за наши заграничные закупки. Растет наша зависимость от Америки в продовольствии, сырье и снаряжении. Быстро исчерпываются гарантированные нам в Америке кредиты. Если победа будет начертана на наших знаменах, затруднения исчезнут. *Успех означает кредит: финансисты никогда не колеблются дать взаймы преуспевающему предприятию; но дело, которое еле держится среди больших затруднений и которое не имеет успеха, несмотря на огромные затраты, встретится с прекращением кредита со стороны банков.* Падение Румынии будет иметь серьезное влияние на наши американские кредиты. Напротив, успешное сопротивление Румынии неприятельскому вторжению в соединении с победами у Вердена и нашим продвижением на Сомме оказало бы максимальное действие; американцы развязали бы свои кошельки и послали бы нам свои товары. Вопрос финансов — вопрос победы...

Другое соображение, которое следует принять во внимание, это состояние духа четырех наций в тылу войск. По мере того как война идет своим чередом, принося новые тяжелые переживания и кровопролитие, жертвы и страдания растут, число убитых и раненых возрастает, и тучи над домашним очагом миллионов сгущаются благодаря потерям на фронте все больше и больше. Недостаток продовольствия станет все ощутительнее, и оно повысится в цене, налоги будут повышаться. Могущественные нейтральные страны, быть может, сделают попытку состряпать мир на условиях, которые могут показаться приемлемыми, и существует подлинная опасность, что огромные массы людей, устав от постоянного напряжения, прислушаются к благонамеренным, но ошибочным советам примирителей; и наконец существует опасность, о которой не хочется думать, но о которой мы не можем забыть, опасность того, что одной из наших четырех великих союзных держав будут предложены условия, которые кажутся лучше, чем беспредельное продолжение ужасов войны. Ни один союз не выдержал напряжения длительной войны. Таковы соображения, которые мы должны иметь в виду, когда нам говорят, что мы должны в борьбе на истощение противника видеть единственное средство довести эту ужасную войну до конца.

Итак, что же мы предлагаем? Мы предлагаем, чтобы ответственные военные и политические руководители четырех великих союзных держав впервые с начала войны встретились и обсудили положение с тем, чтобы наметить политику и стратегический план войны. Ответственные руководители центральных держав и их союзников все время встречаются для обсуждения планов, выработки новых и пересмотра старых. Подлинные военные руководители России ни разу не имели случая в течение хотя бы пяти минут переговорить с военными Запада. Те сообщения, которыми они обменивались и которые мне случилось читать, обнаруживают значительные расхождения в основных вопросах стратегии. Возьмите, например, сообщения генерала Алексеева по вопросу о Балканах. Имеются вопросы не только стратегии, но и снаряжения, которые никогда еще не обсуждались представителями верховного союзного командования на происходивших совещаниях. Я не считаю обсуждение русского вопроса с генералом Жилинским, или даже с генералом Палицыным обменом мнений между Востоком и Западом. История посмеется над нами за то, что мы не позаботились о том, чтобы настоять на свидании военных и политических руководителей различных фронтов в течение трех кампаний. Вся политика союзников должна быть согласована, должно быть установлено полное понимание между Востоком и Западом. Без сомнения, генерал Жоффр и Робертсон могут многое рассказать о своем опыте на западном фронте, что было бы интересно выслушать генералу Алексееву. С другой стороны, генерал Алексеев вероятно имеет значительный опыт и вынес много уроков, с которыми следовало бы познакомиться его западным коллегам. Эта война велась три года без всякого обмена мнениями между ее руководителями. Если решено будет созвать конференцию, то было бы смешно посылать на нее кого-либо, кроме тех, кто действительно имеет значение: представители Франции и России, Италии и Англии не только должны быть людьми больших способностей, но также людьми, чьи решения будут приняты, не потому что они связаны инструкциями и не могут принять иных решений, кроме тех, с которыми ранее согласились их коллеги и начальники, но потому что эти представители сами занимают решающее положение.

Итак, каковы же наши предложения? Мы указали выше на серьезное значение в настоящей войне Румынии и балканских государств. Мы показали, что завоевание Румынии принесет неприятелю весьма существенные людские пополнения и значительно поможет восстановить экономическое равновесие. С другой стороны, мы показали, что устранение Болгарии завершило бы окружение центральных держав, изолировало бы Турцию, обрекая ее на гибель от истощения, и заметно приблизило бы страны Согласия к конечной победе.

Эти выгоды настолько очевидны, что оправдывают величайшие усилия; при этом мы не скрываем от себя и значительных трудностей, которые необходимо заранее предусмотреть. Наши военные специалисты неоднократно разъясняли нашему и французскому правительству трудность и ненадежность всякой операции, которая должна иметь базой Салоники.

Мы предлагаем устроить совещание государственных деятелей и генералов великих западных держав с государственными деятелями и генералами восточного фронта, поставив перед совещанием задачу рассмотреть положение в целом и специально военное положение на Востоке. Задача конференции — определить, что может быть сделано на восточном фронте, и каков характер и размеры той помощи, какую Запад должен оказать Востоку для операций, которые будут признаны необходимыми. Далее государственные деятели и генералы западных держав должны точно разъяснить государственным деятелям и генералам восточных государств, до какого предела возможны наши усилия в салоникском районе. В России после отставки Сазонова есть лишь два человека, чье слово имеет авторитет: император и генерал Алексеев. В настоящее время ни один из них не может приехать на Запад. Именно поэтому — на этом пункте мы настаиваем — чрезвычайно важно, чтобы государственные деятели и генералы, достаточно компетентные для вполне авторитетного представительства западных держав, возможно скорее отправились в Россию для обсуждения этих вопросов, имеющих решающее значение для ведения войны».

Заседание кабинета состоялось в понедельник 13 ноября, и на следующее утро премьер-министр и я отбыли в Париж в сопровождении сэра Мориса Ханки. Он договорился в частной беседе с Брианом утром 15 ноября, до открытия союзной конференции, назначенного пополудни, с тем, чтобы конфиденциально ознакомить его с взглядами британского военного кабинета. Частная встреча была назначена на Кэ д'Орсэ 15 ноября в 10 час. 30 мин. утра. Когда г. Асквит, сэр Ханки и я прибыли туда, мы г. Бриана не застали. Нас уведомили, что председатель совета министров непредвиденно задержался на заседании одной из комиссий палаты депутатов, куда он был неожиданно вызван, но что он рассчитывает скоро притти. Мы прождали с полчаса, когда прибыло новое известие, что он не смог уйти с заседания и что нас просят обождать еще с четверть часа. Тем временем сэр Морис Ханки узнал от одного из чиновников, что председателем этой комиссии был Клемансо, что он подвергает французского премьера жестокому перекрестному допросу относительно некоторых явлений и эпизодов военных действий и что г. Бриану в данный момент приходится весьма трудно. Мы поняли тогда, что г. Бриан задержан обстоятельствами, от него независящими, и что одним из

этих обстоятельств был грозный «тигр», который вообще ни от кого не зависел.

Через три четверти часа г. Бриан поспешно вошел в комнату с несчастным и возбужденным видом и в явно дурном настроении. Мы узнали, что на этот раз он вырвался из безжалостных когтей этого тигра, но с большим трудом и, пустив в ход все силы и нервы, всю свою прославленную ловкость и гибкость. Он не был, однако, в состоянии отнестись с холодным и сосредоточенным вниманием к нашему меморандуму. Мы видели, что условия неблагоприятны для спокойного рассмотрения военного положения. Поставленные проблемы требовали полной сосредоточенности и спокойствия каждого из членов этого небольшого собрания. Все же после обмена обычными любезностями и трафаретными вопросами г. Асквит объяснил цель, заставившую его искать этой неофициальной встречи. Он извлек из своего кармана меморандум и прочел его или скорее отбарабанил его без всяких пауз и ударений. Г. Бриан соблюдал позу внимательного и учтивого слушателя, но был явно слишком возбужден и рассеян, чтобы воспринимать идеи, преподносимые ему в таком спешном порядке. Он попросил г. Асквита оставить ему экземпляр меморандума и обещал изучить его с величайшей тщательностью до дневного заседания. Этим все ограничилось; затем мы обменялись рукопожатиями, и г. Асквит и я вернулись в отель Крийон, чувствуя, что наши предложения, которые мы обдумывали и обсуждали неделями, были приняты с учтивой апатией. Мы были в стране, которая так долго несла самые тяжкие бедствия войны, чьи лучшие области были во власти неприятеля, и все же не было видно, чтобы ее руководителей мучила забота о ее освобождении. Это было постоянным припевом нападок Клемансо, и я чувствовал, что его горечь имела известное оправдание. Ни один человек ни тогда ни теперь не относился с таким преклонением как я к талантам г. Бриана, но для министра военного времени он слишком спокойно и легко смотрел на вещи. Мысленно я невольно устанавливал явное сходство между французским и британским руководством. И г. Асквит и г. Бриан были людьми исключительных дарований. Оба они были людьми редких умственных способностей, но к несчастью обоим не хватало активности. Нами снова правили люди, которые могли быть прекрасными капитанами в нормальную погоду; искусные мореплаватели в обычную бурю, они неспособны были управлять кораблем, когда налетал свирепый шквал. Францией, — так же, как и Великобританией, — правили люди, лишенные инициативы и силы. Между тем судьбы союза зависели от его руководства.

Первая сессия межсоюзной конференции, на которую возлагалось так много надежд, открылась днем. О важности этих заседаний свидетельствует список их участников, включавший: со стороны Великобритании г. Асквита и меня в сопровождении лорда Берти и сэра Мориса Ханки; от французского правительства — г. Бриана, председателя совета министров и министра иностранных

дел, адмирала Лаказа, морского министра, г. де-Маржери, начальника политического и торгового департамента министерства иностранных дел; от России — Извольского, ее посла в Париже; от Италии — сеньора Каркано, министра финансов, сенатора Титтони, официального представителя Италии, и маркиза Сальваго Раджи, посла в Париже.

Председатель совета, г. Бриан, приветствовал собравшихся и произнес замечательную речь, протокольную запись которой я привожу дословно.

> «Г-н Бриан напомнил, что когда собиралась последняя конференция в марте 1916 г., вся Европа была еще в мучительной тревоге, вызванной атаками на Верден. Продвижение немецких армий в конце февраля породило самые острые опасения. Но в этих условиях союзники всесторонне рассмотрели положение, согласовали свои усилия, и в результате этой согласованности смогли повести наступление, которое уже дало удовлетворительные результаты и прежде всего освободило Верден.
>
> В то же время русские армии с своей стороны перешли в наступление, и одним из результатов этих операций было облегчение положения на итальянском фронте, давшее возможность нашему союзнику свести счеты с австрийцами.
>
> Как бы ни были удовлетворительны достигнутые результаты, они, строго говоря, не имели решающего значения, но они по крайней мере отняли инициативу у немцев и передали ее нашим войскам. Но этого еще недостаточно, чтобы привести к победе.
>
> Война вступает в серьезную, можно сказать, решительную фазу, и союзникам необходимо сплотить свои ряды, чтобы привести войну к скорому концу, к окончательной победе над неприятелем, так как народное терпение не может подвергаться такому бесконечному испытанию.
>
> *До обсуждения этой проблемы возникает принципиальный вопрос: каково должно быть отношение между правительствами и генеральными штабами; как бы ни было велико доверие к генеральным штабам — доверие безусловно вполне оправданное, — должны ли правительства целиком предоставить штабам руководство военными операциями?*
>
> *Французское правительство не придерживается этого взгляда. Оно считает, напротив, что именно правительствам, несущим всю ответственность за ведение войны, должна принадлежать инициатива военных операций с тем, конечно, что самое выполнение принятых планов возлагается целиком на военных специалистов, располагающих всеми средствами для их осуществления.*
>
> Если нет разногласий по этому вопросу, то пора правительствам заняться вопросом о том, какое направление должна получить война. В этот самый день представители генераль-

ных штабов в Шантильи заняты детальным изучением этих вопросов, и труды их могут быть весьма полезны правительствам, позволив им принять решения с полным знанием всех обстоятельств.

При изучении положения на основе документов, представленных военными авторитетами и тщательно проверенных главными ставками, премьер прежде всего поражен тем обстоятельством, что союзники в общем располагают наличными силами, которые по крайней мере на 50% превышали объединенные силы, противопоставленные им немцами, австрийцами, болгарами и турками. Это соображение должно было придать храбрости и оправдать полную уверенность в конечной победе.

Эти надежды еще более укрепляются, — добавил г. Бриан, — при сопоставлении нынешней боеспособности армий. В то время как наступательная способность наших войск не только не уменьшалась, но, напротив, непрерывно возрастала, о чем свидетельствовал успех последнего англо-французского наступления на Сомме, — немецкая армия, даже ее офицерство, уже не имеет сегодня тех качеств, которыми она обладала в дни страшной атаки на Верден.

Далее, положение союзников по части военного снаряжения укрепляется с каждым днем.

Эти соображения не должны однако усыпить наше мужество и заставить нас забыть о той великой цели, к которой мы стремимся. Они должны, напротив, усилить наш пыл, побудить к еще большему напряжению сил, сделать ясными для нас те большие преимущества, которые дало нам объединение наших сил и наших ресурсов.

И далее, какой метод действия должен быть принят нами на отдельных фронтах? Именно этот вопрос следует сейчас обсудить, чтобы найти путь к скорейшей развязке войны. Французское правительство считает, и военные специалисты несомненно разделяют его точку зрения, что совершенно необходимо проявлять непрерывную активность на всех фронтах. Эта активность не может сразу дать решающих результатов, но она необходима для сохранения инициативы в руках союзников. Наступление армий генерала Брусилова и генерала Лехицкого безусловно не было решающим, но оно позволило русским захватить 400 тыс. пленных и дезорганизовать австрийскую армию. Итальянские войска на своем фронте нанесли австрийской армии страшные удары, которые ее значительно ослабили. Одновременно на нашем фронте наши доблестные войска и войска наших друзей и союзников англичан предприняли наступление, которое уже принесло счастливые результаты, хорошо известные присутствующим.

Эти операции, не будучи решающими, все же в итоге воспрепятствовали противнику продолжать применять ту так-

тику последовательного нанесения ударов то на одном фронте, то на другом, — тактику, жертвой которой мы были в начале войны. С тех пор как наша активность проявлялась повсюду, австро-германские войска были принуждены перейти к оборонительным действиям. Пусть этот урок послужит нам на пользу и даст нам смелость идти дальше! Но какие операции могут быть предприняты зимой? Французское правительство считает и сообщает свою точку зрения союзникам, что самые плодотворные действия могут быть развернуты на Балканах. Действительно, что делает Германия?

Стиснутая со всех сторон, она не останавливается перед нарушением национальных прав и пытается извлечь новые людские резервы из Польши. Говорят, что она может получить таким путем от 300 до 400 тыс. человек. Если даже признать эти цифры правильными, то не потребует ли обучение этих новых рекрутов и превращение их в солдат еще несколько месяцев? И разве мы станем, сложив руки, ждать, пока Германия и Австрия смогут использовать эти войска против нас? Не лучше ли попытаться остановить или во всяком случае сделать бесполезным для противника это нарушение народных прав?

Но что можно сделать? Спросим себя самих. *Необходимо попытаться путем энергичных действий в Добрудже и против Софии вывести из строя Болгарию и тем самым Турцию.*

В этом нет ничего невозможного, и Бриан считает, что Россия пойдет на это, если мы сможем поддержать ее действия наступлением на салоникском фронте. Не может быть и речи о том, чтобы восточная армия могла предпринять операцию большого размаха. Незначительность ее базы почти совершенно исключает возможность выполнения такой задачи. Но она может, например, продолжать нажим на немецко-болгарские армии и пытаться вернуть Монастырь.

Салоникская армия, хотя и не располагает соответствующим составом, выполнила обещание, данное Румынии, прикрепить болгарские армии к своему фронту. С момента вступления Румынии в войну ни один болгарский солдат не мог оставить салоникского фронта и принять участие в операциях против нашего нового союзника. Это само по себе было существенным результатом, *но необходимо развить эти операции, чтобы освободить Румынию, усилив одновременно активность союзных армий на остальных фронтах.*

Если Болгария и Турция будут выведены из строя до конца зимы, общественное мнение в Германии и Австрии будет несомненно деморализовано, и ближайшей весной мы сможем нанести решительный удар противнику.

Такова была точка зрения французского правительства на ход войны. Бриан выражал твердую уверенность, что в ближай-

шем году мы сможем достигнуть решающих результатов, если союзные правительства сойдутся в мнении о том, что они должны взять в свои руки общее руководство войной, а также в установках по существу дела.

Наступил серьезный момент — он может стать критическим, если в решениях союзников обнаружатся колебания, если будут распылены их силы.

Я показал вам цели, к которым мы стремимся, — закончил председатель совета. — Нам нужно заняться серьезным изучением вопроса, так как, приняв окончательное решение, мы принесем великую пользу делу, которому мы служим».

Затем наступила очередь британского премьер-министра настаивать на предложении конференции, выдвинутом в нашем меморандуме.

«Г. Асквит поблагодарил Бриана от имени британского правительства за его содержательную речь. Однако, — добавил премьер-министр, — для достижения цели, которая была так точно указана, государственным деятелям и генералам великих держав Запада необходимо отправиться в Россию для совещания с русскими государственными деятелями и генералами и для определения того, что может быть сделано на восточном фронте, каков характер и размеры помощи, которую западные державы могут оказать России и Румынии для обеспечения успешного исхода операций, которые будут признаны необходимыми. Задачей этой конференции будет рассмотрение положения в целом и специально военного положения на Востоке. Необходимо, чтобы эта встреча состоялась как можно скорее, и чтобы государственные деятели, уполномоченные представлять западные державы, вполне подходили для обсуждения серьезных вопросов, от которых зависит ведение войны.

Британский премьер-министр был того мнения, что не военные специалисты, а именно правительства должны принять на себя ответственность за политическое и стратегическое ведение войны, и предложил, чтобы представители держав, ныне здесь собравшиеся, *не умаляя, однако, ни в чем решений конференции, которая должна состояться в России*, приняли обязательство подчиняться впредь всем решениям этого собрания.

Главный итальянский делегат, как и г. Бриан, полагал, что, поскольку правительства несут ответственность власти, им должно принадлежать право решения в вопросах ведения войны, но считал, что ни одно решение не должно быть окончательно принято до обсуждения его с компетентными военными специалистами. С этой оговоркой г. Каркано целиком присоединялся к точке зрения французского правительства. Министр подчеркнул при этом, что он высказал

только свое личное мнение и что он не считает себя уполномоченным принять обязательства от имени королевского правительства. Он желал бы доложить вопрос председателю совета министров Италии, который не смог присутствовать на конференции по болезни, но за которым остается окончательное разрешение вопросов.

Г-н Бриан указал, что в данный момент речь идет только об обмене мнениями между представителями союзных держав и что принятые ими решения не связывают их правительств, а принимаются только ad referendum. Иначе, конечно, и не могло быть, раз стоял вопрос о созыве конференции в России, главном театре военных действий в течение зимы, о том, чтобы там обсудить эти вопросы и принять необходимые решения.

Г-н Титтони заявил, что с приходом к власти г. Бриана существует согласие между итальянским и французским правительствами в вопросе о том, что война получит свое разрешение на Балканах. Но если подлежит обсуждению вопрос о том, каким путем союзники должны согласовать свои усилия для достижения определенных результатов, они, очевидно, должны прежде всего обсудить между собой условия своего военного и финансового сотрудничества.

Г-н председатель совета не возражал против этого, но подчеркнул, что правительствам необходимо взять в свои руки руководство военными операциями. Фронт военных операций настолько растянулся, что его трудно охватить единым взглядом, и *у каждого командующего армией, как у всякого солдата — такова уже человеческая природа — должно явиться искушение считать тот фронт, на котором он командует, самым важным. Отсюда необходимость, чтобы правительство было неограниченным судьей в этом вопросе.* Наши враги показали, что они не колеблются, даже рискуя пожертвовать своим самолюбием, считаться только с стоящей перед ними конечной целью. Когда Румыния вступила в войну, разве не отказались они от дальнейших атак на Верден, не взирая даже на интересы династического порядка, чтобы перенести главные усилия на Балканы.

Этот пример да будет нам уроком! *Вопрос идет не о том, чтобы добиться успеха на том или другом участке, а об учете конечных результатов, о согласовании наших усилий для скорейшего достижения окончательной победы.*

Русский посол, хотя не имея инструкций и специальных полномочий, счел возможным заявить, что предложение созыва союзной конференции в России встретит живейшее сочувствие со стороны его величества и его правительства. Г-н Извольский добавил, что он лично считает, что руководство войной должно принадлежать правительствам, а не штабам, но что в России этот вопрос не возникает, с тех пор как император

является одновременно верховным главой правительства и армии.

Что касается вопроса о главном театре военных действий в течение зимы, то все сообщения, поступающие из России, ясно говорят о том, что императорское правительство и все в России отлично сознают капитальное значение операций на Балканах.

Г-н Бриан с удовлетворением отметил, что все делегаты в принципе сходились на признании, что в течение зимы восточный фронт будет главным участком военных операций. При таких условиях мы можем предоставить предстоящей конференции в России определить, что должно быть сделано русским и румынским правительствами, а самим заняться рассмотрением того, в какой мере эти усилия могут быть поддержаны нашей армией на Востоке.

Г-н Ллойд Джордж с удовлетворением отметил, что все делегаты одобрили в принципе предложение британского правительства о созыве конференции в России для принятия решений об общем ведении войны, и что все признают необходимость принятия общей линии поведения.

Но этого недостаточно, добавил г. Ллойд Джордж. *Мы не можем удовлетвориться принятием этих решений. Мы должны еще проследить, чтобы они были проведены в жизнь.* Приняв решение о салоникской экспедиции, английское и французское правительства поручили ее осуществление лицам, которые не были, может быть, в достаточной мере убеждены в важности этого фронта и не уделили ему нужного внимания, чтобы установить, достаточны ли были наличные силы, хорошо ли организован транспорт, а главное, отвечала ли артиллерия требованиям операции. Правда, некоторые военные авторитеты утверждали, что тяжелая артиллерия не могла быть использована на этом участке вследствие плохого состояния дорог и по топографическим условиям; но немцы доказали обратное на Карпатах. *Если правительства приняли решение, они обязаны проследить за его выполнением.*

Цель, к которой должны быть устремлены наши усилия, была красноречиво изложена председателем совета. Речь идет о последовательном изо дня в день окружении Германии, о том, чтобы отрезать ее от Востока и воспрепятствовать формированию новых армий.

Для этого мы должны объединить все наши ресурсы. Естественно возникает мысль, что великолепное наступление русских армий, несмотря на их доблесть и искусство генералов, не оправдало всех надежд лишь вследствие недостатка в тяжелой артиллерии на восточном фронте. Поэтому надо снабдить эти армии пушками и снаряжением и сделать это, не дожидаясь, пока будут полностью снабжены необходимыми материалами французская, английская и итальянская армии. Мы

должны помочь России и Румынии не за счет излишков нашей продукции, но если надо, то и за счет того, в чем мы сами нуждаемся. Иначе наша политика была бы близорукой и сразу лишила бы эти армии возможности выполнить лежащую на них задачу».

Исходя из изложенного, г. Ллойд Джордж предложил собранию принять следующую резолюцию:

1. Правительства Франции, Италии и Великобритании обязуются принять участие в политической и военной конференции, которая в кратчайший срок состоится в России.

Каждое из этих правительств пошлет на конференцию в качестве своих представителей государственных деятелей и военных специалистов, наделенных надлежащими полномочиями, чтобы выступить от имени соответствующих правительств.

2. Цель конференции — подвергнуть всестороннему рассмотрению политическое и военное положение и в особенности определить характер и размеры военных операций, которые должны быть проведены союзниками в течение 1917 г. В то же время конференция должна определить размеры той помощи, которую Франция, Италия и Великобритания должны обеспечить России и Румынии, чтобы дать возможность этим государствам провести указанные конференцией операции.

3. Правительства, присутствующие на настоящей конференции, примут на себя обязательство снабдить своих союзников в максимально возможном размере всем военным снаряжением по указанию конференции, которая состоится в России, хотя бы это вызвало известную задержку в снаряжении их собственных армий. Россия с своей стороны примет обязательство сообразоваться с постановлениями, принятыми на означенной конференции.

Эта последняя фраза отнюдь не предполагает, что конференция поставит России особые условия, она просто означает, что Россия примет необходимые меры, которые позволят ей возможно скорее и с максимальной интенсивностью использовать ресурсы, предоставленные ей союзниками. Ибо выяснилось, что 300 тяжелых пушек, посланных в Россию в начале года, не могли быть использованы до самого недавнего времени из-за отсутствия артиллеристов для их обслуживания.

Г-н Титтони, отметив, что итальянские делегаты могут принимать участие в обсуждении только ad referendum, попросил разрешения собрания высказать те соображения, которые вызывает у него предложение г. Ллойд Джорджа. Никто не может сомневаться, заявил он, в доброй воле итальянского правительства, оно солидарно с союзниками целиком и пол-

ностью. Но он не хотел бы довольствоваться теоретическими формулами, а предпочитает подойти к делу практически. Сейчас незачем скрывать, что реализация программы, выдвинутой председателем совета и г. Ллойд Джорджем, натолкнется на трудности, независящие от доброй воли людей. Он будет говорить открыто.

Что касается итальянского правительства, то для него в настоящее время основная трудность заключается в финансовом вопросе, и это одна из причин настоящей поездки министра финансов. Вопросы валютных расчетов становятся все острее, с тех пор как Италия, менее богатая чем Франция или Англия, испытывает большие затруднения в покрытии платежей иностранным государствам. Конечно, итальянское правительство готово сделать все возможные усилия, но необходимо, чтобы союзники оказали ей нужную помощь также в финансовых вопросах.

Поскольку речь идет о салоникской операции, сенатор итальянского королевства может высказать только свое личное мнение, так как этот вопрос относится главным образом к ведению военных специалистов. Он убежден, что итальянское правительство будет готово приложить все усилия, которые от него потребуются, если только оно будет уверено, что русско-румынский нажим будет достаточно мощным и непрерывным, чтобы лишить австро-германцев возможности снять войска с Балкан и перебросить их на какой-либо другой фронт. Если это условие не будет выполнено, союзники подвергнутся большому риску, ослабив хотя бы в малейшей степени французский, английский и итальянский фронты. *Усиление операций на салоникском фронте будет бесполезным, если оно не явится следствием и дополнением большой русско-румынской операции.*

Не следует упускать из виду, что для реализации этих усилий придется преодолеть большие трудности не только военного, но также экономического и финансового порядка. Недостаточно послать войска; надо иметь возможность обеспечить их транспортировку, снаряжение их артиллерией, обязательное снабжение продовольствием. Таким образом вопрос об усилении восточной армии представляет большие трудности.

Г-н Бриан заметил, что такая оговорка сама собой разумеется и что при обсуждении союзниками плана кампании естественно надо будет отказаться от того, что будет признано невозможным. Задача настоящей конференции и той, которая должна состояться в России, в том и заключается, чтобы выяснить меры, которые должны быть приняты для обеспечения единства действия на всех фронтах с учетом ресурсов и средств каждого из союзников.

Так например, от Франции, у которой десять департаментов захвачены неприятельским нашествием, которая мобилизовала

свыше 6 млн. человек, которая приняла участие в операциях в Дарданеллах и в Салониках и первой пришла на помощь Сербии, нельзя требовать дальнейшего расходования ее людских ресурсов. *Но если от Франции потребуют артиллерии, пулеметов, военного снаряжения, то все, что она в состоянии будет предоставить, будет немедленно дано.* Франция уже дала союзникам большое количество военных материалов, но она готова усилить свое производство, если это будет возможно.

Союзники должны раскрыть и заполнить все дыры, где бы они ни оказались. Если одна страна испытывает недостаток в военных силах, другая страна должна прийти ей на помощь; если другая страна окажется в тяжелом финансовом положении, долг остальных — постараться обеспечить ее необходимыми ресурсами. *В переживаемых нами тяжелых обстоятельствах все наши ресурсы должны быть поставлены на карту, все вопросы самолюбия должны быть отброшены.* Так французское правительство — и конечно все остальные союзные правительства — понимают ведение войны.

Остальная часть заседания была посвящена рассмотрению положения в Греции. В отношении этой страны обсуждение касалось главным образом вопроса о признании правительства Венизелоса. Новое обстоятельство, сообщенное г. Брианом, заключалось в том, что король в беседе с г. Бенезе дал некоторые весьма существенные обещания. Он сказал, что готов вывести свои войска из Фессалии при условии, что эвакуированная территория не будет занята венизелистскими войсками. Он предложил также передать нам все военное снаряжение Греции и даже предоставить в наше распоряжение свой флот. Г-н Бриан сообщил, что в случае принятия этого предложения союзники получат в свое распоряжение 200 горных орудий с 1 000 снарядов на каждое, а также значительное количество других военных материалов.

Г-н Асквит указал, что если в условия, предложенные королем г. Беназе, входил отказ от поддержки Венизелоса, его предложения должны быть отвергнуты. Он весьма подробно изложил, какую симпатию и уважение питают в Англии к Венизелосу, и настаивал, что идеальным решением было бы примирение короля с Венизелосом, к чему и должна быть направлена наша политика. Он также настаивал на необходимости официального признания правительства Венизелоса, особенно учитывая ненормальное положение венизелистских войск и ту опасность, которой они подвергались, не будучи признаны воюющей стороной.

Г-н Бриан не оспаривал желательности примирения между королем Константином и Венизелосом и заявил, что во Франции общественное мнение так же симпатизирует Венизелосу, как и в Англии. Однако, добавил он, общественное мнение не дает себе отчета во всех трудностях.

Общее мнение конференции было против признания Венизелоса в данный момент. Было указано, что для получения прав воюющей стороны правительство Венизелоса должно быть признано не только союзными правительствами, но и неприятелем.

Тем не менее все сошлись на том, что союзники не упустят ни одного случая поддержать Венизелоса и его друзей и оказать им защиту, где только потребуется. Друзья Антанты, сказал г. Бриан, не должны быть жертвами своих симпатий к союзникам.

Вопрос в основном не подвинулся вперед и никаких резолюций принято не было.

Под конец г. Бриан подвел следующие итоги дискуссии:

«Союзники выражают надежду, что события получат незамедлительно благоприятное развитие; но попрежнему само собой разумеется, что если король или его правительство примут какие-либо меры против Венизелоса и его друзей, союзники немедленно вмешаются со всей необходимой силой для защиты великого греческого патриота, который всегда проявлял сочувствие их делу».

Так закончился первый день конференции. До открытия нашего заседания пополудни следующего дня командующие войсками в Шантильи закончили свое заседание и приняли программу, которая носит явную печать своего происхождения из штаба французской ставки. Эта программа гласила:

«Главная ставка французских армий,
канцелярия штаба, 16 ноября 1916 г.

Члены конференции одобряют план действий коалиции, изложенный в представленном им меморандуме, — план, имеющий целью придать решающий характер военным операциям 1917 г. В соответствии с этим они принимают следующие решения:

I.

(а) В течение зимы 1916—17 г. начатые уже наступательные операции должны продолжаться в полном объеме, насколько это будет возможно по климатическим условиям каждого фронта.

(б) Чтобы обеспечить максимальную возможность противостоять любой новой ситуации и особенно чтобы не дать противнику каким-либо путем вернуть себе инициативу в военных действиях, армии коалиции должны быть готовы предпринять наступление всеми наличными силами в первую половину февраля 1917 г.

(в) Лишь только армии будут готовы к наступлению, главнокомандующие определят свое взаимное поведение, сообразуясь с условиями момента.

(г) Если обстоятельства не помешают, общее наступление, проведенное всеми силами, которые каждая из армий сможет ввести в бой, будет развернуто на всех фронтах, лишь только сможет быть обеспечена единовременность *, в сроки, которые будут согласованы между главнокомандующими.

(д) В целях осуществления необходимой полной согласованности при этих различных комбинациях главнокомандующие будут непрерывно поддерживать взаимный тесный контакт.

II. НА БАЛКАНСКОМ ФРОНТЕ

(а) Коалиция будет стремиться возможно скорее вывести из строя Болгарию. Русское высшее командование желает в этих целях продолжать и усиливать развиваемые сейчас операции.

(б) Русско-румынские силы будут действовать против Болгарии с севера, а союзная армия у Салоник с юга, причем действия этих двух групп будут тесно увязаны, с тем чтобы добиться решающих результатов на том или другом фронте в зависимости от хода операций.

(в) Численный состав восточной союзной армии должен быть доведен возможно скорее до 23 дивизий. Эта цифра отвечает с одной стороны возможностям маневрирования и продовольственного снабжения на данном театре военных операций, с другой стороны, размеру контингентов, которые могут быть сняты с западного фронта. В целях доведения военных сил до указанных размеров британское правительство безотлагательно доведет свои войска до 7 дивизий, французское правительство — до 6 дивизий, итальянское правительство, будучи уведомлено об установках, окончательно принятых русским высшим командованием, должно будет увеличить итальянские силы у Салоник до 3 дивизий.

(г) Указанный численный состав восточной союзной армии будет тщательно сохраняться.

III. ВТОРОСТЕПЕННЫЕ УЧАСТКИ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ

Действия на всех второстепенных участках, направленные к связыванию сил противника, будут проводиться минимальными силами с тем, чтобы сохранить максимум сил для основных оперативных участков.

IV. ВЗАИМНАЯ ПОДДЕРЖКА

(а) Члены конференции возобновляют положение о взаимной помощи, принятое на конференции от 5 декабря 1915 г. и полностью соблюдавшееся в течение всего текущего года, а именно:

---

* Единовременность считается осуществленной, если разрыв между исходными датами наступления на отдельных фронтах не превышает трех недель.

Если одна из держав подвергнется нападению, то остальные немедленно прийдут ей на помощь всеми своими ресурсами, либо косвенно путем развития наступления на подготовленных участках армиями, которые не подверглись нападению противника, либо непосредственно, путем переброски войск из оперативных районов, связанных хорошими путями сообщения.

(б) Для подготовки к этому последнему случаю штабы французской, английской и итальянской ставки займутся изучением транспорта и применения комбинированных сил.

V. О СОХРАНЕНИИ КАДРОВ СЕРБСКОЙ АРМИИ

Кадры сербской армии будут полностью сохранены путем добровольной вербовки пленных сербского происхождения, находящихся в Италии и России, с соблюдением всех предосторожностей, установленных этими двумя державами.

Подписано представителями главнокомандующих союзных армий, присутствовавшими на конференции и указанными ниже:

От Бельгии: генерал Виелеман, начальник ген. штаба бельгийской армии.

Виелеман.

От Великобритании: генерал сэр В. Робертсон, начальник имперского ген. штаба британских армий.

В. Робертсон.

Генерал сэр Дуглас Хейг, главнокомандующий британских армий во Франции.

Дуглас Хейг.

От Италии: Генерал Порро, начальник ген. штаба итальянских армий.

Порро.

От Румынии: полковник Рудеано, начальник румынской военной миссии при французской главной ставке.

Рудеано.

От России: генерал Палицын, представитель его величества главнокомандующего русских войск и начальник русской военной миссии.

Палицын.

От Сербии: генерал Рашич, делегат сербской армии при французской главной ставке.

Рашич.

От Франции: генерал Жоффр, главнокомандующий французских армий.

Жоффр».

После этого на заседании в четверг днем 16 ноября 1916 г. к представителям союзных правительств присоединились руководящие генералы (Жоффр, Робертсон, Хейг и Порро); их доклад послужил формальной базой нашей дискуссии, а их заключения

определили границы и практические задачи нашей деятельности. Я приведу следующие места из протокола этой сессии.

После того как г. Бриан, поддержанный г. Асквитом, внес предложение, что в данный момент можно только утвердить резолюции, принятые в Шантильи и имеющие быть доложенными петроградской конференции, которой было передано рассмотрение планов восточных операций, я выступил с следующим заявлением: (цитировано по протоколу).

«Г. Ллойд Джордж желал знать, как получалась цифра в 23 дивизии. Согласно представленной информации, насчитывалось только 19 дивизий — 7 английских, 6 французских, 3 итальянских и 3 сербских, так как наличие сербской армии, согласно информации представленной ген. Мильном, составляло около 36 тыс. солдат, что равняется лишь 3 дивизиям принятого в союзных армиях стандарта.

Генерал Жоффр разъяснил, что есть одна русская дивизия и что сербская армия исчисляется в 6 дивизий.

Г. Ллойд Джордж выразил удивление по поводу такого исчисления и указал, что численность сербской армии все время убывает. Сербские войска проявляют в бою храбрость, стоящую выше всяких похвал, но сербская армия не имеет резервов, а ее потери сравнительно велики. Именно поэтому он считает, что наличный состав этой армии равен только 3 дивизиям.

Адмирал Лаказ напомнил, что 140 тыс. сербов перевезены из Корфу в Салоники.

Генерал Жоффр добавил, что 23 дивизии составляют максимум того, что может быть использовано на салоникском театре военных действий. Мы можем считаться лишь с практическими предложениями. Помимо того доведение восточной армии до указанного размера потребует значительного времени, *так как если в нашем распоряжении имеется достаточное количество судов, то попрежнему нехватает железных дорог и других условий, необходимых для использования более значительной армии* *. Это значит, что если мы должны немедленно усилить деятельность на салоникском фронте, то лучше послать туда одну дивизию немедленно, чем две или три дивизии в январе или феврале.

Г. Ллойд Джордж спросил, на какой информации основано мнение, что 23 дивизии составляют максимум того, что может быть использовано в Салониках, и разделяют ли эту установку генералы, командующие на востоке.

Генерал Жоффр ответил, что это суждение основано на вычислениях ставок.

---

* Британский военный совет в январе 1915 г. решил принять меры в этом направлении, но военные специалисты совершенно не знали об этом решении.

Генерал Робертсон сообщил, что британское правительство получило *доклад генерала Мильна, в котором он заявлял, что использование тридцати дивизий в Салониках могло бы иметь место лишь при расширении средств сообщения, шоссейных и железных дорог и при использовании еще двух портов.*

Генерал Жоффр объяснил, что военные специалисты должны руководствоваться существующим положением вещей, *так как потребуется не менее 12 или 18 месяцев для прокладки шоссейных и железных дорог, необходимых для маневрирования тридцати дивизий.* Отвечая на вопрос г. Ллойд Джорджа, он сказал, что от генерала Саррайля никакого доклада получено не было.

Г-н Бриан указал, что генеральные штабы, именно исходя из существующего положения и наличных возможностей, пришли к заключению, что 23 дивизии составляют тот максимум, который может поглотить и использовать салоникский фронт этой зимой. Это не значит, конечно, что путем постройки новых шоссейных и железных дорог нельзя было бы использовать более значительные силы, но генеральные штабы имели прежде всего в виду скорейшую реализацию ближайшей задачи, стоящей перед ними — а именно взятие Монастыря, вдоль же всего остального фронта — непрерывную активность войск, имеющую целью удержать силы противника и тем самым помешать болгарам перебросить войска на румынский фронт.

Генерал Жоффр добавил, что *средства сообщения еще недостаточны, даже чтобы обеспечить использование тех военных сил, о которых сейчас говорилось; необходимо будет предварительно отправить паровозы и вагоны для греческих железных дорог.*

Г-н Ллойд Джордж воздал должное замечательным талантам итальянских инженеров, работающих как раз в тождественных топографических условиях, и заинтересовался, не могли ли бы союзники обратиться к итальянскому кабинету с просьбой помочь в этом деле.

Генерал Порро заявил, что итальянское правительство вполне готово в случае надобности послать военных инженеров для постройки железных дорог в Греции. *Он добавил, что доклады генерала Петтити подтверждают все, что генерал Жоффр говорил относительно недостатка средств сообщения и дурного состояния железных дорог, которые почти не могут быть использованы.*

Генерал Жофр разъяснил, что дороги настолько плохи, что половина действующих войск занята их поддержанием.

Г-н Асквит выразил удовлетворение по поводу заверения, данного генералом Порро. Он считал, что Италия поистине окажет самую существенную помощь, улучшив пути сообщения на Балканах.

Генерал Жоффр заметил, что если восточная армия еще не достигла Монастыря, то это в значительной мере обусловливается трудностями перевозки людей и материалов в этом районе, а зачастую также невозможностью их снабжения продовольствием. *Первоочередная задача — постройка шоссейных и железных дорог.* Не следует, однако, упускать из виду, что, по мере того как армия будет продвигаться, инженеры и рабочие должны будут прокладывать для нее новые дороги. Продвижение поэтому будет по необходимости крайне медленным, *и именно поэтому военные специалисты считают, что на салоникском фронте может быть использовано не более 23 дивизий* и предпочитают удержать имеющиеся в их распоряжении силы на западном фронте.

Г-н Бриан полагает, что вопрос надо разрешать по этапам. В настоящий момент дело сводится к тому, чтобы экспедиционный корпус смог выполнить свое задание со стороны Монастыря и задержать болгарские войска на своем фронте.

Если в дальнейшем после постройки новых железных дорог и улучшения средств сообщения выяснится, что экспедиционный корпус может быть пополнен новыми войсками, французское правительство и, конечно, все прочие правительства будут готовы послать необходимые войска.

Председатель совета указал мимоходом, что заключения военной конференции совпали со взглядами, высказанными накануне делегатами держав. Конечные выводы генеральных штабов подтвердили значение усиления операций на Востоке с целью вывести из строя Болгарию и Турцию. Не приходится повторять, что эти заключения были приняты только ad referendum, но теперь каждая группа делегатов может осведомить о предложенных резолюциях свои правительства и поддержать их на петроградской конференции.

Председатель совета просил представителей держав в ожидании возможности отправиться на совещание с русским правительством учесть заключения генеральных штабов и получить их одобрение в окончательной форме».

В дальнейшем итальянские представители дали интересный отчет о состоянии экономических и финансовых дел в Италии в связи с военным положением. Они особенно подчеркивали острую нужду в импортных товарах и сырье для поддержания высокого состояния духа итальянской армии и народа. Они описали, какие трудности для страны, экспортные операции которой по условиям военного времени упали до ничтожных размеров, представит уплата за импортные товары, если не будет оказана дальнейшая финансовая помощь. Г-н Асквит, отметив, что наше собственное положение далеко не легкое, обещал рассмотреть с максимальной доброжелательностью всякое предложение, которое будет сделано итальянским правительством для улучшения своего положения. Ана-

логичное заявление сделал и г. Бриан. «Если союзники хотят победить, — сказал он, — необходимо, чтобы они объединили все свои ресурсы. Одни обладают людскими резервами, другие производят в избытке военное снаряжение, третьи располагают значительными финансовыми ресурсами. Но если союзники откроют единый счет, то будет легко или по крайней мере возможно заполнить те дыры, которые могут оказаться у того или иного из союзников».

В отношении Польши конференция обсудила текст протеста союзных правительств против создания центральными державами польского королевства.

Первоначальный проект текста был чисто отрицательного характера, включая только протест против немецких действий на основе принципов международного права. Г-н Асквит весьма решительно настаивал на том, чтобы текст не был чисто негативным по содержанию, а включил бы указание на обещания, данные полякам великим князем Николай Николаевичем в августе 1914 г.

Из приведенных мною протоколов ясно видно, что эта конференция, на которую возлагалось так много надежд, которая должна была обеспечить лишенное всякой предвзятости изучение военного положения и стратегии путем совместного рассмотрения их государственными деятелями и военными, — что эта конференция была сплошным фарсом. Г-н Бриан своим выступлением на открытии сессии в среду днем наглядно обнаружил свою силу и свою слабость: красноречивый в изложении, непоследовательный в выводах; сильный в анализе, слабый в действии, он начал с того, что союзники превосходят упавшего духом неприятеля численностью, снаряжением, доблестью; что мы должны поднять энергию этих превосходных союзных сил и осуществить такую координацию усилий, чтобы наголову разбить более слабые армии неприятеля; что единственная опасность состоит в том, что может исчерпаться терпение народов; что таким образом мы должны перейти в наступление повсюду со всей силой; фронт, как и наши ресурсы должны быть общими; Балканы должны быть тем пунктом, где в наступающие месяцы должны быть сосредоточены все наши усилия. А кончил он предложением, что мы должны здесь по крайней мере занять Монастырь — то, что впоследствии сделала одна разбитая сербская армия. Мы явились в качестве государственных деятелей союзных государств, чтобы дать понять военным, что стратегия и руководство исходят от нас и что их роль сводится к простому выполнению инструкций, которые будут выработаны на нашей конференции. А в это самое время г. Бриан дал заранее согласие на принятие плана генерала Жоффра, который шел не дальше Монастыря. Идея прорыва болгарского фронта для оказания действительной помощи Румынии была оставлена.

Документ, представленный на втором заседании генералами и излагавший принятые ими в Шантильи решения, являлся прямой декларацией о том, что военные руководители считают определение плана кампании 1917 г. вопросом, который лежит прежде всего на

их ответственности. Они остались на этой позиции, несмотря на видимость внимания, проявленную к пожеланиям правительств. Кампания 1917 г. со всеми ее бедствиями была их делом. Она повторила все кровавые глупости 1915 и 1916 гг. и окончательно убила дух русских армий, расшатанных уже, но еще не безвозвратно. Она временно надломила дух также французской, итальянской и британской армий.

Предложение созвать немедленно на русской территории конференцию ответственных политических и военных руководителей для установления будущих планов не было принято генералами. Они согласовали свои планы в Шантильи и не намерены были позволить генералу Алексееву их изменить. Салоники были только уступкой тупости штатских. На этом участке в ближайшее время должна разыграться атака, но она должна быть проведена с минимальными затратами. Надо обмануть глупых политиков, и заставить их поверить, что это будет серьезная операция, имеющая целью раздавить Болгарию, — жалкий обман для всякого, кто сколько-нибудь изучил сравнительную силу и численность, снаряжение и позиции воюющих сторон на этом фронте. Генералы и не думали развивать наступление за пределы Монастыря. Они прекрасно знали, что задача штурма Балкан далеко превосходит силы скверно вооруженной салоникской армии. Но силу салоникских войск нужно было преувеличить для штатских слушателей. Она будто бы была или скоро должна была стать армией в 23 дивизии, доведенных до надлежащей численности. В действительности эти дивизии были равноценны всего 10 дивизиям, при этом даже не предполагалось принятие каких-либо мер для увеличения ее численности и наступательной способности. В отношении артиллерии и транспортных средств она безнадежно отстала от западного фронта. Когда было обращено внимание на недостаточность наличных сил, генералы Жоффр и Робертсон заявили, что транспортные возможности настолько неудовлетворительны, что нельзя ни кормить большего числа людей, ни доставлять снаряжение для большего количества пушек. Улучшение путей сообщения потребовало бы от 12 до 18 месяцев. Но ведь экспедиционная армия находилась в Салониках столько же времени, и ничего не было предпринято в этом направлении. Как я выше указал, британским военным советом еще в январе 1915 г. было принято постановление об улучшении транспортных возможностей между Салониками и Сербией. Лорд Китченер обещал немедленно взяться за дело. Теперь, на исходе 1916 г., кампания, которую наши военные специалисты считали существенной для ликвидации нашего провала на юго-востоке Европы, не могла быть начата, потому что портовые возможности и дорожный транспорт были в такой мере плохими, что нельзя было развернуть сколько-нибудь серьезного наступления. Из одного военного отчета выяснилось, что половина войск была занята не боями, а починкой дорог. Если бы необходимые 23 дивизии были высажены и поддержаны мощной артиллерией, как изменился бы общий ход событий! Болгария, кото-

рая уже испытывала усталость от войны, была бы сброшена со счета. Болгарское крестьянство никогда не дорожило союзом, навязанным ему его королем. Путь на Румынию был бы открыт. Русские и западные армии пришли бы в соприкосновение. Турция была бы отрезана от источников ее снабжения. Подавленным и расстроенным русским солдатам это придало бы новую бодрость и силу. Революция была бы отсрочена. Австрия, охваченная с запада и с востока, распалась бы на части. 1917 год мог бы принести конец войны. Как изменилась бы картина мира!

Я покинул конференцию, чувствуя, что в конечном счете все ограничится повторением старой бессмысленной тактики расшибания человеческих костей и человеческого мяса о самые мощные укрепления противника. Если Россия и Румыния выйдут из игры, ничего больше сделать будет нельзя.

Когда г. Асквит, сэр Морис Ханки и я вернулись в отель и г. Асквит после короткого небрежного разговора удалился для обычного предобеденного отдыха, сэр Морис и я отправились совместно на прогулку, чтобы поговорить о делах.

Мы оба чувствовали, что ничего не сделано для изменения хода войны и что без какого-либо драматического события дела будут итти по старому, пока мы не скатимся к неминуемой катастрофе. Мы чувствовали, что если только Россия или Италия не выдержат, или если мы не сможем остановить потери от подводной войны, перевес будет утрачен союзниками и перейдет к врагу. Я склонялся к немедленной отставке. Сэр Морис был против этого, пока не будут испробованы еще другие средства для изменения ведения войны. Я вспоминаю, что когда мы проходили мимо Вандомской колонны, сэр Морис остановился и сказал: «Вы должны настоять на организации малого военного комитета для повседневного руководства войной с неограниченными полномочиями. Он должен быть независим от кабинета. Он должен находиться в тесном контакте с премьер-министром, но поскольку заседания комитета должны быть непрерывными, премьер-министр, являясь главой правительства, не может его возглавлять. На нем лежит тяжелая обязанность по наблюдению за кабинетом и занятие парламентскими и внутренними делами. Он также несколько устал после всего перенесенного за последние два с половиной года. Председатель этого комитета должен быть человеком исключительной энергии и сильной воли». Он считал, что я единственный возможный председатель. Мы оба считали важным, чтобы г. Асквит остался премьер-министром. Большое уважение к нему и его исключительный авторитет в палате общин мы считали необходимым оплотом. Поэтому было решено, что после возвращения в Англию я выдвину это предложение перед премьер-министром. Но предварительно целесообразно будет позондировать почву у г. Бонар Лоу, так как весьма существенно было обеспечить его доброжелательное отношение и одобрение.

Глава тридцать третья

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС

К осени 1916 г. продовольственный вопрос становился все более серьезным и угрожающим, а отношение к нему правительства служило наглядным примером его колебаний. Непрерывное сокращение судоходства делало положение вдвойне серьезным, поскольку мы в снабжении продовольствием зависели от судов. Еще в сентябре 1915 г. лорд Сельборн в специальном меморандуме, представленном в кабинет министров, настаивал, что «кабинет должен выделить специальный комитет для рассмотрения всего вопроса о продовольственном снабжении нации на ближайшие восемнадцать месяцев». В этом документе он доказывал значение расширенного производства пшеницы. «Всего месяц тому назад, — писал он, — канцлер казначейства г. Мак-Кенна выразил непреодолимое отвращение к поощрению посева пшеницы путем предоставления гарантий фермерам. Можно увеличить производство пшеницы в Объединенном королевстве посредством добровольных усилий, но гарантия цен на пшеницу будет самым действительным средством, какое может быть применено с этой целью правительством». 10 марта 1916 г. я снова возбудил этот вопрос, настаивая перед военным комитетом на том, что наша задача в вопросах продовольственного снабжения — сделать нашу страну по возможности независимой. С этой целью министерство земледелия должно получить самые широкие полномочия для развития производства продуктов продовольствия с тем, чтобы сократить нашу зависимость от импортных товаров. В борьбе с расширением подводной войны подлежит обработке каждый свободный акр земли. Я предлагал широкое использование машин. Однако этот план должен быть проведен в национальном масштабе.

23 марта 1916 г. я снова выступил по этому вопросу в связи с проблемой сокращения судоходства.

На заседании военного комитета 31 октября 1916 г. премьер-министр зачитал письмо главнокомандующего морскими силами, корый «высказывал опасения относительно угрозы делу союзников от нападений подводных лодок на торговые суда. *Он считал, что нападения несомненно возрастут к весне, когда у неприятеля будет больше подводных лодок*». Было известно, что это мнение главно-

командующего целиком разделялось адмиралтейством. Лорд Крофорд был в это время министром земледелия и циркулярно разослал членам комитета срочный документ, показывающий всю серьезность положения и ухудшающиеся с течением времени перспективы. *Он указывал,* что наши запасы зерна и муки достигли к этому времени (30 октября) размера четырехмесячного потребления и что на мировом рынке был недостаток в пшенице. Предположительный спрос на пшеницу со стороны импортирующих стран за 12 месяцев, кончая 1 сентября 1917 г., исчислялся в 72 млн. квартеров, тогда как общая реализуемая наличность определялась в 63 млн.

Потребный тоннаж для перевозки необходимого импортного зерна и продовольствия на восемь месяцев — с ноября по июнь — составлял 8 981 тыс. тонн. Картофель также не уродился в Англии, как и во Франции и в Германии. Предварительные расчеты давали сокращение на 1 800 тыс. тонн (или на 24%) против 1915 года. Сверх того картофель уродился плохой и можно было ожидать сокращения количества посевного картофеля. Запасы рыбы снизились примерно на 64% против нормальных и цены возросли в пределах от 100 до 400%. Прокорм живого скота находился под угрозой из-за дороговизны кормов и недостатка рабочей силы.

Лорд Крофорд намечал желательность установления центрального продовольственного органа для наблюдения и согласования разнообразных государственных отношений в связи с импортом, закупкой и распределением продовольствия. Дело во всем его объеме следовало подчинить постоянному и энергичному надзору центрального *ведомства.* (Это предложение пролежало в комитете по крайней мере семь месяцев, но ему не было дано никакого движения и никаких решений принято не было).

Лорд Крофорд заканчивал свой меморандум положением, что *раньше августа 1917 г.* (т. е. когда будет собран урожай 1917 г.) *военная политика не сможет освободиться от влияния продовольственного положения внутри страны.*

Я всемерно поддерживал лорда Крофорда в его усилиях добиться решения по вопросу о продовольственном снабжении. 10 ноября я роздал короткий меморандум, содержавший несколько конкретных предложений, которые должны были с моей точки зрения оказать реальную помощь в разрешении продовольственной проблемы. Они сводились к следующему:

«Кто-нибудь, не являющийся членом министерства, должен быть немедленно уполномочен организовать продовольственное снабжение, включая покупку, производство, распределение и цены.

Он должен быть вооружен всей необходимой законодательной, административной и финансовой властью, чтобы использовать все возможности Соединенного королевства для производства продовольствия.

В частности он должен обратить внимание на следующее:

1. На обеспечение надлежащего продовольственного снабжения — специально за счет внутренних ресурсов.

2. На сохранение низких цен.

3. На увеличение в стране площадей засева хлебных злаков, картофеля, овощей и других продуктов питания.

4. На мобилизацию и использование в максимальном размере и наиболее целесообразно

(а) всех доступных орудий для механической обработки земли;

(б) производственных способностей нашей страны и Соединенных штатов для производства с.-х. орудий;

(в) квалифицированного с.-х. труда;

(г) неквалифицированной мужской и женской рабочей силы в стране для с.-х. целей.

5. На использование для корма скота огромных масс отходов продуктов питания, которые в городах отправляются в настоящее время на свалку.

Военное министерство, 10 ноября 1916 г.».

В тот же день (10 ноября) состоялось заседание военного комитета для рассмотрения вопроса о сокращении судоходства. Министр торговли в своем докладе заявил, что в настоящее время хлебные комиссии не могут найти 40 свободных судов для основной работы по перевозке австралийских хлебных грузов. *Он сделал вывод, что к июню 1917 г. наступит полное прекращение судоходства.*

13 ноября военный комитет собрался для нового обсуждения продовольственного положения. Он располагал докладами лорда Кроуфорда. Министр земледелия дал беглый обзор настоящего положения и ближайших перспектив продовольственного вопроса. Он указывал, что обработка земли сокращается, а рабочая сила убывает. Он отмечал, что урожай этого года дал на пол квартера с акра меньше, чем предполагалось, что равносильно сокращению на десятинедельную или двенадцатинедельную продовольственную норму. Он опасался за урожай будущего года, если не будут приняты немедленные меры. Он снова настаивал на необходимости создания центрального органа продовольственного контроля. Я указал, что если не будет ликвидирована угроза подводной войны (а в то время не было и проблеска надежды, чтобы что-либо остановило ее растущую опасность), война может привести к голоду в стране. Прошли уже месяцы с момента представления правительству предложений о создании центрального органа, а мы были все еще далеки от его организации. Я поэтому торопил на этом заседании с скорейшим назначением центрального органа (на чем я настаивал также в своем меморандуме от 10 ноября). *Я настаивал, чтобы председатель имел реальную власть и был подотчетен только военному комитету. Я далее считал, что назначенное лицо не должно быть министром, так как в этом последнем случае ему пришлось бы тратить много времени на ответы по парламентским запросам. Он должен являться в военный комитет только тогда, когда он нуждается в решении первостепенной важности. Главное, я настаивал перед*

комитетом на немедленном назначении. Приводившееся в докладе уменьшение нормы в пределах от десяти до двенадцати недель может показаться незначительным, но по существу дела оно имеет весьма серьезное значение. Я поэтому просил премьер-министра в порядке особой срочности обсудить вопрос о выделении специального лица для контроля над продовольственным снабжением. Я сказал, что придаю большое значение возделыванию земли и механизации. Я не понимаю, почему каждая деревня в стране не может сама себя снабжать, подобно тому как это было еще в период моего детства.

Министр торговли указал, что почти все установленные законом полномочия, необходимые для проведения моих предложений, имеются уже в акте о защите королевства и что он совсем недавно довел до сведения кабинета о новых регулирующих мероприятиях самого жесткого порядка, изданных на основе этого акта.

Военный комитет одобрил в принципе мое предложение об учреждении поста контролера по продовольствию с тем, чтобы найдено было подходящее лицо для надзора за этим большим делом.

Несмотря на эти «неограниченные полномочия» и «жесткие постановления», правительство не утвердило мероприятий, предложенных министром земледелия.

В этот последний пункт было внесено достаточно оговорок, чтобы помешать его немедленному осуществлению. И, действительно, никакого контролера по продовольствию так и не было назначено за время премьерства г. Асквита. Когда я стал премьером, моим первым делом было назначение лорда Девонпорта первым контролером по продовольствию. 16 ноября морской министр и начальник военного штаба адмиралтейства передали кабинету официальную докладную записку, указывавшую на серьезный рост опасности подводной войны. Записка заканчивалась следующими словами:

> «Растущая угроза нашему снабжению со стороны подводных лодок неприятеля в связи с их безжалостным нападением на нейтральные суда за последнее время становится настолько очевидной, что вопрос подлежит новому серьезному рассмотрению *пока не поздно*».

Однако никакого немедленного решения принято не было. Накопилось такое количество дел, требующих срочного разбора, что, казалось, не хватит времени для тщательного рассмотрения и разрешения чего бы то ни было. 22 ноября дело все еще оставалось беспризорным, судоходству и продовольственному снабжению грозил кризис. Министр торговли подал меморандум, в котором жаловался, что на заседании кабинета от 10 ноября никакого решения не было принято, и обращал внимание на особенную срочность вопроса с тоннажем. В тот же день хлебная комиссия прислала уведомление (возможно, что этим уведомлением был вызван меморандум) с требованием обеспечения дальнейшего тоннажа для продовольственных перевозок. «Запасы страны не только не уве-

личиваются, — гласило уведомление, — но поступление грузов за последний полумесяц дает даже уменьшение примерно в 200 тыс. квартеров в неделю, и та информация, которой располагает комиссия, приводит к выводу, что поступление морских грузов останется на этом низком уровне, пока не поступит пополнение свободного тоннажа для принятия грузов в северных портах».

В тот же день (22 ноября) комитет контроля судоходства собрался и обсудил вопрос о тоннаже в связи с серьезным положением в деле снабжения страны хлебом.

Комитет докладывал: «Комитету сообщено, что запасы пшеницы быстро убывают, что мы перебиваемся со дня на день. В Лондоне имеется только двухдневный запас, и Лондон поэтому кормится непосредственно за счет подвоза из других портов. В Бристоле запасов хватит только на две недели...

Хлебная комиссия купила в Северной Америке 700 тыс. квартеров, но *нет судов для доставки пшеницы в Англию.*

При нормальных обстоятельствах были бы суда, возвращающиеся порожняком из Средиземного моря после выгрузки угля». Однако на эти суда по причинам военного времени можно было рассчитывать только через четыре месяца, и положение с хлебом становилось угрожающе острым.

23 ноября (на следующий день) три министра (министр торговли, лорд Керзон и министр земледелия) снова возбудили, как особо срочный, вопрос о нашем критическом положении в снабжении зерном в настоящее время и на ближайшее будущее. Они ссылались на отношение хлебной комиссии и на доклад комитета контроля над судоходством. Председатель департамента земледелия указал, что *наше еженедельное потребление превышает на 200 тыс. квартеров наше еженедельное поступление; что наша еженедельная закупка пшеницы могла бы покрыть двухнедельное потребление, но мы не имеем судов для ее перевозки; что если закупленная пшеница не будет доставлена, это понизит нашу покупательную способность.*

Было решено, что днем состоится соединенное совещание адмиралтейства, комитета контроля над судоходством и министра торговли и что на следующий день они сделают доклад военному комитету.

Несмотря на настойчивые обращения, вскрывавшие критическое положение нашего продовольственного снабжения, ни один из планов, выдвинутых для налаживания дела — будь то министром земледелия, будь то мной, — не был осуществлен за все время существования первой коалиции. Казалось, правительство было поражено параличом воли. Ни в одном вопросе нельзя было двинуться ни на шаг вперед. Я не уверен в том, что это состояние паралича не явилось причиной единодушия кабинета в вопросе об отклонении мирных предложений, ибо в противном случае пришлось бы действовать. Легко было убедить пацифистские элементы в том, что ничего не следует делать. Правительство пришло в такое нервное состояние, в котором оно не в состоянии было ни вести войну, ни вести переговоры о мире.

Глава тридцать четвертая

МИНИСТЕРСТВО НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ

Мне трудно полностью отобразить то чувство беспомощной связанности и бессилия, которое угнетало меня на протяжении последних месяцев 1916 г. Существуют кошмары, когда чувствуешь себя захваченным в сети переплетающихся опасностей, когда широко открытыми глазами видишь надвигающуюся гибель, а сдавленное горло не может издать звука протеста или крика о помощи. Бесплодность и нерешительность нашего руководства в эти мрачные недели порождали ощущение подобного кошмара.

В это время имелся целый ряд событий и проблем, от которых отмахнулись, положив их под сукно. Кое-что я уже описал. Твердость действий являлась жизненной необходимостью для нашего успеха в будущем, и я все более убеждался, что мой долг как ответственного министра прорвать эту ядовитую завесу нерешительности и довести дело до конца, даже рискуя отставкой, с тем, чтобы раскрыть перед обществом неспособность союзных правительств вести войну. Прежде всего дело шло о нашумевшей кампании лорда Ленсдауна за мир без победы. Затем я имел в виду небрежное отношение к принятию надлежащих решительных мер для защиты наших торговых судов от подводных нападений. Я говорил уже о том, в каком угрожающем количестве тонули наши суда. Положение быстро ухудшалось. В октябре число потопленных судов возросло примерно на 70% против сентября, а наше адмиралтейство в отчаянии ломало руки, докладывая на наших заседаниях о новых бедствиях, но не подавало никакой надежды, чтобы оно могло успешно остановить стремительно надвигавшуюся катастрофу. Третьим фактом была наша неудача в согласовании наших стратегических планов с планами России — неудача, усиленная отказом сэра Вильяма Робертсона, которого поддержал и побудил к этому один из членов военного комитета, представлять нашу страну на предложенной конференции в России. Его отказ нанес смертельный удар возможности спасти нашего союзника от гибели, согласовав с ним военно-стратегические вопросы. Он был вызван совершенно необоснованным подозрением, что сама эта идея была лишь маневром, чтобы удалить его с его места в военном ведомстве, что те методы

и интриги, которые он пустил в ход, чтобы занять место лорда Китченера, будут теперь применены по отношению к нему, что он, Робертсон, будет теперь «по-китченеровски» сброшен со своих высоких позиций. Эта точка зрения была внушена ему одним из видных членов кабинета министров, а Робертсон оказался к ней достаточно восприимчив. Напрасно было бы клясться, что я отнюдь не имел таких планов и что я всегда добивался более авторитетного контакта между Востоком и Западом, чем тот который осуществлялся путем появления на наших конференциях русских генералов, для которых их собственная армия на родине не имела значения. Лишь тот, кто способен на такие низости, может верить, что другие замышляют подобное. Я побуждал моих коллег сделать то, что по моему искреннему убеждению могло всего лучше послужить интересам моей родины. Как бы то ни было, сэр Вильям Робертсон не желал ехать в Россию, а премьер-министр не был готов приказать ему это. В данный момент не было другого достаточно авторитетного военного для его замены. Сэр Дуглас Хейг не мог быть послан. Он был слишком предан тому фронту, за который он отвечал, чтобы можно было ждать от него беспристрастного рассмотрения военной диспозиции в целом. К сэру Генри Вильсону премьер-министр относился с глубокой антипатией и недоверием. Таким образом отказ сэра В. Робертсона принять на себя эту миссию наносил тяжелый удар всему проекту.

Положение дел с аэропланами было еще одним существенным вопросом, смазанным и исковерканным благодаря методам действия правительства. К этому времени мы уже в течение ряда недель обсуждали вопрос о строительстве аэропланов. Между армией и флотом происходило гибельное соперничество в этом вопросе. Морское ведомство захватило ряд предприятий, которые должны были содействовать увеличению чрезвычайно нужной продукции для армии. На западном фронте немцы получали перевес в воздушных атаках, в особенности по линии истребителей и разведчиков, и военачальники громко требовали увеличения числа аэропланов этого типа.

Дебаты кабинета по этому вопросу так затянулись, что никакого решения так и не было вынесено за все время существования асквитовской коалиции. Вопрос об ответственности за производство аэропланов был возбужден г. Э. С. Монтегю в порядке защиты министерства снаряжения в сентябре 1916 г. Было много противоречивых высказываний относительно количества и качества наших аэропланов. Создалось впечатление, что немцы превосходят нас и в том и в другом отношении. Г-н Монтегю настаивал, чтобы его министерство взялось за производство всех самолетов как для армии, так и для флота. В меморандуме, представленном кабинету, он указывал:

> «Мне кажется, что в пользу нынешнего порядка вещей, при котором поставка снаряжения относится к двум ведомствам —

военному и адмиралтейству — действующим под общим надзором третьего — воздушного департамента, и проводится в условиях постоянного и неизбежного соперничества с четвертым ведомством — министерством снаряжения, — нельзя выдвинуть ни одного аргумента, и нельзя ждать от него сколько-нибудь удовлетворительных результатов. По-моему необходимо немедленно принять один из двух планов: или создать новый департамент снабжения, ответственный за полное снабжение всей воздушной службы по обоим ведомствам, или возложить всю задачу по обеспечению этим снабжением на министерство снаряжения, которое было создано в условиях, аналогичных тем, которые, повидимому, существуют сейчас в отношении воздушных сил».

Министерство авиации было создано в целях координации усилий армии и флота. Его возглавлял лорд Керзон. Он был решительным противником схемы г. Монтегю. Он признавал, что

> «в данный момент источник острого беспокойства генерала Тренчарда заключается в появлении на немецком фронте двух новых машин, которые в некоторых отношениях лучше любой из тех машин, которыми мы там располагаем. Оно относится не к наличному количеству этих машин, а к факту их превосходства».

Но он тут же заявлял:

> «мы строим новые машины и самолеты, которые, мы рассчитываем, превзойдут новейшие немецкие конструкции. Вопрос, таким образом, ставится так: будут ли наши самолеты действительно лучше и будут ли они построены во время?»

Он явно был того мнения, что надо создать новый департамент и передать ему целиком и полностью контроль над продукцией и до известной степени руководство самым производством воздушного снаряжения.

Лишь только лорд Керзон выдвинул этот план, как он тотчас же подвергся в свою очередь нападению со стороны лорда Бальфура в чрезвычайно едком и забавном меморандуме. Лорд Керзон отвечал на него в соответствующем духе. Было ясно, что этот спор нисколько не способствовал производству аэропланов, но зато доставлял прекрасное развлечение тем, кто пользовался привилегией читать эти документы и слушать эти дискуссии.

У меня сохранились грустные воспоминания об этих дискуссиях. Вопрос об аэропланах стоял всегда первым на повестке после обычных предварительных докладов по армии и флоту. Затем следовал срочный меморандум лорда Кроформа о продовольственном положении. Подлежало обсуждению и судоходство. Но с такими опытными противниками как г. Бальфур, лорд Керзон и г. Монтегю время проходило обычно в детальном обсуждении всех достоинств и недостатков спорных предложений, защищавшихся этими учеными диа-

лектиками. Отчаявшись примирить эти противоположные предложения, премьер-министр обычно направлялся к камину, чтобы посмотреть, не принесет ли ему временное освобождение от тяжких затруднений расположение стрелок на часах. Мы все знали, что это означает. Он предлагал отложить дальнейшее обсуждение до следующего заседания. Лорд Крофорд с отчаянием взывал о предоставлении нескольких минут для рассмотрения его опасений относительно продовольствия. Он всякий раз указывал, что положение непрерывно ухудшается, что потребление превышает поступления, и это в то время года, когда соотношение должно было бы быть обратным. С другой стороны премьер-министр доказывал совершенную невозможность за поздним временем обсудить такой серьезный вопрос. Лорду Крофорду оставалось только просить о назначении специального заседания для рассмотрения трудностей, на которые он указывал. Такое заседание так и не состоялось ни разу при этом министерстве. На следующем заседании снова выступал вопрос о самолетах (повторение пройденного). На последнем заседании этого кабинета мы все думали, что решение, наконец, достигнуто, но лорд Керзон дал отвод, и премьер-министр согласился, что вопрос придется еще раз обсудить на ближайшем заседании. Следующее заседание на Даунинг стрит происходило уже при другом составе правительства.

Глава тридцать пятая

КРИЗИЗ: ДЕКАБРЬ 1916 г.

Итог наших ноябрьских дискуссий на заседаниях кабинета сводился к решению правительства, что мир не должен быть заключен, пока положение союзников не будет бесспорно лучше положения центральных держав. Но это решение налагало на нас обязанность предпринять необходимые шаги для улучшения этого положения, пока не исчерпалось терпение народов стран согласия. Надо было не только принять решение продолжать войну до последних пределов возможности, но также принять меры к наилучшему использованию наших ресурсов и особенно к тому, чтобы большие объединенные силы союзников не были распылены и растрачены даром из-за отсутствия согласованных действий.

На парижской конференции г. Бриан указал на возможность истощения сил как на грозящую нам опасность. Действительно, всего несколько недель отделяли нас от народного возмущения в России против дальнейших жертв, связанных с войной. А между тем перед лицом надвигающейся опасности наши вожди не проявляли ни ясного понимания хода событий, ни твердости в руководстве, ни быстроты и смелости в решениях. Они склонны были оставить все жизненные вопросы специальным ведомствам, и я был проникнут убеждением, что если не вдохнуть новую энергию в военное руководство, мы скоро придем к непоправимой катастрофе. Я пришел поэтому к выводу, что я должен действовать без дальнейших отлагательств.

Учитывая расстановку политических сил в парламенте, я понимал, что существенно привлечь на свою сторону двух людей — г. Бонар Лоу и сэра Эдуарда Карсона. В одиночку я мог только оказать давление на парламент и через него на правительство путем народной агитации, проведенной при поддержке части прессы. Это неизбежно потребовало бы времени и могло бы вызвать упадок духа и деморализацию в обществе. Россия несколько недель спустя показала, как опасно чувство разочарования, вызванное в общественном сознании. Это отразилось бы прежде всего на армии, чей пыл без того временно охладел из-за дел на Сомме, — может быть, даже больше из-за их отвратительной бессмысленности, чем из-за

самой резни. Поэтому, если нужно было внести изменение в руководство военными операциями, то было существенно достигнуть этого с минимальным нарушением общественного спокойствия.

Я составил себе благоприятное представление о сэре Эдуарде Карсоне по патриотическим делам его друга и соратника — сэра Артура Ли, ныне лорда Ли оф Фэрхэм. Сэр Эдуард Карсон был убежден, что война ведется плохо. Он никогда не верил в премьер-министра. Несомненно, его взгляды были до известной степени окрашены его политическими антипатиями, но они определялись еще в большей мере его знанием г. Асквита с того времени, когда оба они занимались одной и той же профессией. В те дни он часто встречал будущего премьер-министра на профессиональной адвокатской работе и, по его словам, г. Асквит никогда не доводил своих дел до конца. Если были какие-нибудь трудности, в особенности если было что-либо неприятное, он всегда предоставлял это своим помощникам или своим товарищам по делу («Если что-либо случится, Вы найдете меня в моем помещении»). Это воспоминание о премьер-министре отравляло его ум. Несколько месяцев пребывания в коалиционном кабинете, сопровождавшихся гибелью Сербии, фиаско у Дарданелл, кровавой нелепицей нашей стратегии во Фландрии и Франции, еще более углубили его сомнение в способности премьер-министра вести войну. Он считал, что все эти бедствия не были предотвращены только в силу медлительности и слабости премьер-министра. Напротив, г. Бонар Лоу, чувствующий подобно всем шотландцам глубокое уважение к интеллектуальным способностям, был большим поклонником премьер-министра, и только несколько месяцев наблюдения, обнаруживших явную медлительность и отсутствие воли у премьер-министра, убедила его, что каковы бы ни были умственные качества г. Асквита, — а в этих качествах никто из нас не сомневался, — он не обладал теми свойствами, которые создают крупного министра военного времени.

История моих переговоров с этими двумя выдающимися государственными деятелями была уже изложена лордом Бивербруком в его увлекательной книге «Политические деятели и война». Правда, она изложена не с моей точки зрения, а как защита г. Бонар Лоу. С этой оговоркой я все-таки готов в основном принять его изложение. Что касается отношений между мной и г. Асквитом, то Бивербрук естественно свободен от всякой предвзятости.

Сэр Эдуард Карсон стоял за устранение г. Асквита от премьерства. Он доказывал, что всякое учреждение вроде военного комитета, каков бы ни был его состав, неизбежно обречено на неудачу, пока главной ответственностью и властью облечен г. Асквит. Определенные министры, которых он поименно назвал, будут всегда нашептывать ему, возбуждая его против нового комитета, добиваясь отсрочки, изменения и отмены его решений. Г-н Бонар Лоу был решительно того мнения, что для сохранения национального единства желательно сохранить г. Асквита в качестве премьер-министра. Он боялся всего, что могло походить на раскол в кабинете при данных

обстоятельствах. Он также боялся, чтобы не возникло разногласий в его партии в случае устранения г. Асквита от премьерства. Большинство министров партии тори были преданными сторонниками асквитовского управления в войне. Я тоже был сторонником сохранения г. Асквита премьер-министром при условии, что он предоставит новому комитету полную и неограниченную власть в руководстве войной. Показательно, что на данном этапе ни один из нас, за исключением сэра Эдуарда Карсона, не предусматривал ухода г. Асквита, и поэтому ни на одном из наших свиданий не было речи о его возможном преемнике. Я хочу подтвердить указание лорда Бивербрука, что лорд Нортклиф никогда, ни на каком этапе не привлекался к нашим совещаниям. Он принял сторону сэра В. Робертсона против меня в связи с моей критикой военных руководителей за продолжение борьбы на Сомме и за неумение предотвратить крах Румынии. Он угрожал повести на меня атаку в своей прессе, если я стану продолжать «спорить с солдатами».

Предложения, которые я представил на рассмотрение г. Асквита, были результатом многочисленных совещаний и обсуждений между г. Бонар Лоу, сэром Эдуардом Карсоном, лордом Бивербруком и мной. Я советовался также с лордом Дерби. В результате явился следующий меморандум, поданный премьер-министру:

«1 декабря 1916 г.

1. Военный комитет состоит из трех членов, из них двое — первый лорд адмиралтейства и военный министр, которые в своих ведомствах должны иметь заместителей, могущих рассматривать и разрешать все ведомственные дела, а третий — министр без портфеля. Один из трех должен быть председателем.

2. Военный комитет будет иметь неограниченную власть в решении всех вопросов, связанных с войной, будучи подчинен высшему контролю премьер-министра.

3. Премьер-министру принадлежит дискреционное право переносить всякий вопрос на рассмотрение кабинета.

4. Если решение военного комитета не будет отменено кабинетом по докладу премьер-министра, оно должно быть выполнено соответствующим ведомством по принадлежности.

5. Военный комитет имеет право приглашать любого министра и вызывать экспертов и ответственных исполнителей любого ведомства на свои заседания».

Передавая меморандум Асквиту, я прежде всего объяснил ему причины, которые заставляли меня притти к выводам, намеченным в этом документе. Асквит обещал подумать и дать ответ позже в тот же день. Вечером я получил от него следующий ответ:

«Даунинг стрит, 10.
1 декабря 1916 г.

Дорогой Ллойд Джордж,

Я теперь имел время обдумать нашу утреннюю беседу и изучить Ваш меморандум.

Хотя я не вполне разделяю Вашу мрачную оценку нашего настоящего положения и Ваших предвидений на будущее, я согласен, что мы достигли критического момента в войне и что наши методы управления требуют пересмотра и изменения на основе опыта последних нескольких месяцев.

Два основных недостатка военного комитета, который в общем принес много пользы, заключаются (1) в чрезмерной многочисленности его состава и (2) в затягивании, уклонении и зачастую в обструкции со стороны ведомств выполнения его решений. Я мог бы с полным основанием добавить, (3) что ведомства зачастую не сообщают сведений, весьма существенных и крайне необходимых, в том числе сведений технического характера по вопросам, подлежащим его обсуждению, и (4) что он перегружен обязанностями, из которых многие имеют второстепенное значение.

Я поэтому совершенно определенно придерживаюсь того мнения, что военный комитет должен быть реорганизован и что его отношения к ведомствам и власть над ними должны получить более четкое определение и более прочные основы.

Я перехожу теперь к Вашим конкретным предложениям. По-моему, каковы бы ни были изменения состава и функций военного комитета, премьер-министр должен быть его председателем. Он не может быть сведен к роли закулисного арбитра или докладчика в кабинете.

В отношении его состава я согласен, что военный министр и первый лорд адмиралтейства должны быть его непременными членами. Я склонен присоединить сюда же министра снаряжения. Должен быть еще один член или без портфеля, или занятый сравнительно легкими ведомственными обязанностями. Один из членов должен быть назначен заместителем председателя.

Я умышленно не затрагиваю в этом письме деликатного и трудного вопроса о персональных кандидатурах.

Комитет должен по возможности заседать изо дня в день и иметь полную власть наблюдать, чтобы его постановления (подлежащие опротестованию в кабинете министров) по настоящему и быстро выполнялись ведомствами.

Реорганизация военного комитета должна сопровождаться созданием комитета национальной организации, ведающего чисто-внутренней стороной военных вопросов. Он должен располагать исполнительной властью в своей области.

Высшая власть во всех случаях должна принадлежать кабинету.

Искренне Ваш Г. Г. Асквит»

Ответ был совершенно неудовлетворителен. Контрпредложение премьер-министра не принесло бы никаких улучшений и вряд ли сколько-нибудь изменило бы существующее положение. Премьер-министр должен был председательствовать в комитете и любой министр, недовольный каким-либо постановлением комитета, имел право апеллировать к кабинету, прежде чем приступить к его исполнению. Затем, что означало создание комитета национальной организации, совершенно независимого от военного комитета и ведающего чисто внутренней стороной военных вопросов?

(1) Будут ли отнесены к его ведению вопросы производства и распределения продовольствия?

(2) Как с судоходством и с судостроением?

(3) Останется ли за ним вопрос о людских силах?

Если все эти вопросы будут изъяты из ведения и власти военного комитета, то у последнего окажется более ограниченное поле деятельности и меньше власти, чем у нынешней одноименной организации. Я немедленно написал г. Бонар Лоу.

«Военное министерство. Уайтхолл.
2 декабря 1916 г.

Дорогой Бонар,

Прилагаю копию письма премьер-министра.

Сейчас судьба родины зависит от решительности Ваших действий.

Вечно Ваш
Д. Ллойд Джордж»

Я встретился с г. Бонар Лоу в пятницу поздно вечером, и было решено, что мы будем дальше проводить наш план реорганизации, чего бы это ни стоило. В субботу и в воскресенье г. Бонар Лоу был связан рядом грубых маневров, в которые были запутаны его консервативные коллеги. Об этом подробно рассказано у лорда Бивербрука. Многое из того, о чем он рассказывает, я узнал впервые, читая его книгу. Я не мог предпринять никаких дальнейших шагов, пока г. Бонар Лоу в точности не знал, каково отношение к вопросу прочих лидеров его партии. Между тем в воскресенье днем секретарь премьер-министра, сэр Морис Бонхем Картер, попросил меня приехать с дачи для деловой беседы с его начальником, который специально для этого возвращался из Уольмер Кестля. На последующем свидании г. Асквит и я обсудили все положение в самом дружеском духе и в конечном итоге пришли к полному взаимному пониманию. Основы нашего соглашения были изложены г. Асквитом в письме, которое он мне написал на следующее утро. Он послал за г. Бонар Лоу, чтобы уведомить его о достигнутом полном соглашении. Я встретил г. Бонар Лоу при выходе. Премьер-министр

и я должны были встретиться в понедельник для обсуждения личного состава нового комитета. По этому вопросу я не предвидел каких-нибудь непреодолимых трудностей после того, что он сказал мне относительно того лица, чье участие в комитете исключалось. Встреча, назначенная на понедельник, не состоялась, и я не имел больше чести видеть г. Асквита в качестве премьер-министра.

В утренних газетах в понедельник появилось следующее сообщение:

> «В интересах наиболее активного продолжения войны премьер-министр решил рекомендовать его величеству королю согласиться на реконструкцию правительства».

В течение этого утра я получил следующее письмо от премьер-министра:

«Даунинг стрит, 10.
4 декабря 1916 г.

Дорогой Ллойд Джордж,

Такие произведения как передовая редакционная статья в сегодняшнем «Таймсе», свидетельствующая о неограниченных возможностях неправильного понимания и неправильного представления о том соглашении, о котором мы говорили вчера, заставляют меня усомниться в возможности его реализации. Если не будет немедленно устранено впечатление, что я сведен к роли безответственного зрителя войны, то дольше продолжать я не могу.

Проектированное соглашение имело в виду, что премьер-министр будет иметь высший и действительный контроль над всей военной политикой.

Протоколы военного комитета будут представляться ему; его председатель будет делать ему ежедневный доклад; премьер может предлагать на рассмотрение комитета специальные вопросы и предложения; все постановления комитета подлежат его утверждению или вето. Он может, конечно, по собственному желанию присутствовать на заседаниях комитета.

Искренне Ваш
Г. Г. Асквит»

Прочитав это письмо, я понял, что премьер-министр совершенно переменил тон. Ничего не осталось от сердечности и дружеского характера нашей воскресной беседы. Я не видал никакого репортера «Таймса» и не сносился с его владельцем и издателем ни непосредственно, ни через третьих лиц. Я поистине слишком радовался мысли, что разрыв был предотвращен на началах, которые давали известную надежду на возможность влить новую энергию в военные действия, чтобы поставить под угрозу осуществление нового соглашения. Я ответил:

«Военное министерство.
Уайтхолл.
4 декабря 1916 г.

Мой дорогой премьер-министр,

Я не видал статьи в «Таймсе». Но я надеюсь, что Вы не придадите незаслуженного значения ее излияниям. Мне в течение многих месяцев приходилось иметь дело с такими извращениями. Нортклиф просто хочет раскола. Дерби и я этого не желаем. Нортклиф был бы рад помешать и этой и всякой другой реорганизации при Вашем премьерстве. Лорд Дерби и я придаем большое значение тому, чтобы Вы действительно сохранили свое теперешнее положение. Не думаю, чтобы я мог оказать влияние на Нортклифа и обуздать его. Я целиком принимаю текст и существо соглашения, требующего еще, конечно, определения личного состава.

Искренне Ваш
Д. Ллойд Джордж»

В течение всего этого дня (понедельника) я добивался обещанного мне свидания с премьер-министром. Оно систематически откладывалось через секретарей. Наконец мне было обещано свидание в 6 часов. Я привожу текст записки, присланной в мою комнату в военном министерстве и переданной моему личному секретарю:

«Военное министерство
Уайтхолл.

Бонхем Картер передает, что премьер-министр не думает беспокоить Вас сегодня вечером приглашением к себе. Он будет занят писанием бумаг».

Тем временем премьер-министр был занят рядом свиданий со всеми моими коллегами (либералами и консерваторами), враждебными идее нового комитета. Он даже собрал формальное заседание всех членов кабинета либеральной партии для обсуждения положения. Оно должно было состояться в час, назначенный для свидания со мною. Г-ну Артуру Гендерсону было также предложено участвовать в нем. Я не получил никакого приглашения, хотя я был еще членом кабинета и не сделал ничего такого, что лишало бы меня права быть приглашенным на совещание либеральной фракции. Моим последним актом было выражение согласия с премьер-министром по вопросу, который как раз должен был обсуждаться на заседании.

Во вторник утром я получил следующее письмо от премьер-министра:

«Даунинг стрит, 10.
4 декабря 1916 г.

Дорогой Ллойд Джордж,

Благодарю Вас за Ваше утреннее письмо.

Король уполномочил меня сегодня утром испросить и принять отставку всех моих коллег и образовать новое правитель-

ство на основах, которые будут представлены мной на его утверждение. Я выступаю, таким образом, совершенно свободным.

Первый вопрос, которым я должен заняться, касается организации военного комитета.

После исчерпывающего и всестороннего рассмотрения вопроса я решительно пришел к выводу, что такой комитет сможет быть работоспособным и продуктивным лишь в том случае, если премьер-министр будет его председателем. Я вполне согласен с тем, что поскольку другие дела требуют его времени и энергии, ему придется время от времени поручать председательствование другому министру в качестве своего представителя и заместителя. Но (если он должен сохранить авторитет, отвечающий его ответственности как премьер-министра) он должен оставаться его постоянным председателем, как он был им всегда. По размышлении я пришел к убеждению, что всякий другой порядок (например, тот, который был указан Вам в моем сегодняшнем письме) оказался бы неосуществимым на деле и не соответствующим сохранению за премьер-министром конечного и высшего контроля.

Другой вопрос, поднятый Вами, относится к личному составу комитета. Здесь также после внимательного обсуждения я не могу согласиться с некоторыми из Ваших взглядов.

Мне думается, что мы оба согласны, что первый лорд адмиралтейства должен по необходимости быть членом комитета.

Я не могу (как говорил Вам вчера) присоединиться к предложению о замене Бальфура. Техническая сторона морского министерства реорганизована под руководством сэра Джона Джеллико в качестве первого лорда по морским делам. Я считаю, что при настоящих условиях г. Бальфур является надлежащим главой этого ведомства.

Я должен добавить, что сэр Эдуард Карсон (которого лично и во всех прочих отношениях я весьма уважаю) с той единственной точки зрения, которая существенна для меня (именно с точки зрения наиболее эффективного продолжения войны) не является среди всех моих коллег, нынешних и прежних, наиболее пригодным членом военного комитета.

Мне остается сказать в заключение, что я твердо придерживаюсь того взгляда, что военный комитет (без всякой хулы по адресу нынешнего комитета, который, по-моему, является весьма работоспособной организацией, делал и делает весьма ценное дело) нуждается в численном сокращении его состава. Тогда он сможет чаще заседать и легче справляться с теми повседневными вопросами, которыми он должен заниматься. Но при всякой реконструкции комитета, какую я намечаю или намечал прежде, решающее значение в моем представлении имеет пригодность людей, которые должны в нем заседать, к выполнению лежащей на них работы.

Это вопрос, решение которого должно целиком остаться за мной.

Искренне Ваш

Г. Г. Асквит»

Это письмо было полным отречением от соглашения, заключенного со мной в воскресенье и подтвержденного письмом от понедельника. Он решил отказаться от своих слов, не давая мне возможности обсудить с ним снова выдвинутые им же опасения. Он виделся со всеми критиками, но он решительно отказался повидаться со мной, несмотря на данное обещание. Мне известны комментарии, которые были бы сделаны на мой счет, если бы я взял свои слова назад, со стороны тех самых людей, которые теперь с остервенением убеждали г. Асквита нарушить свое слово. Как бы это пригодилось для легенды о моем пресловутом коварстве, которую они так усердно годами создавали и которая является их единственным символом веры.

Я поэтому считал себя обязанным послать ему следующий ответ:

«Военное министерство.
Уайтхолл.
5 декабря 1916 г.

Дорогой премьер-министр,

Я получил Ваше письмо с некоторым удивлением. В пятницу я внес предложения, которые включали не просто сохранение за Вами премьерства, но и высшего контроля над ведением войны, в то время как исполнительные функции, подчиненные этому контролю, предоставлялись другим. Я полагал тогда, что Вы встретили эти предложения сочувственно. Действительно, Вы сами предложили, чтобы я был председателем этого исполнительного комитета, хотя, как Вы знаете, я ни разу не выдвигал этого требования. В субботу Вы написали мне письмо, в котором Вы полностью отказались от этого предложения. Вы прислали за мной в воскресенье и представили мне другое предложение; это предложение Вы оформили в письме на мое имя, написанном в понедельник: —

«Премьер-министр должен получить высший и действительный контроль над всей военной политикой.

Протоколы военного комитета должны представляться ему; его председатель должен делать ему ежедневный доклад; премьер может вносить на рассмотрение комитета специальные вопросы и предложения; все постановления комитета подлежат его утверждению или вето; он может, конечно, по собственному желанию присутствовать на заседаниях комитета».

Эти предложения охраняли Ваше положение и власть как премьер-министра в полном объеме. Я немедленно написал Вам, что я принимаю их «текст и существо». Верно, что в воскресенье я высказал взгляды относительно личного состава коми-

тета, но эти взгляды подлежали еще обсуждению. Сегодня Вы отказались от Ваших собственных предложений.

Я приложил максимальные усилия, чтобы исправить явные дефекты военного комитета, не сбрасывая правительства. Вы знаете, что в ряде случаев за последние два года я считал своим долгом выразить глубокое недовольство правительственными методами ведения войны. Часто, когда путь к победе был открыт перед нами, мы колебались и ждали, давая возможность неприятелю возводить преграды, о которые в конечном счете разбивались наши попытки; имели место отсрочки, колебания, отсутствие предвидения и проницательности. Я повторно старался предостеречь правительство от опасностей как устно, так и письменно, в меморандумах и письмах, которые я теперь очень прошу разрешить мне опубликовать, если моя деятельность подвергнется нападкам; но либо мне не удавалось добиться решения, либо я добивался его слишком поздно, чтобы можно было предотвратить несчастие. Последняя иллюстрация — наша прискорбная неудача с оказанием своевременной помощи Румынии.

Я неоднократно просил освободить меня от ответственности за политику, с которой я полностью расходился, но по Вашему личному настойчивому требованию я остался в правительстве. Я понимаю, что когда страна переживает опасности великой войны, министры не имеют права свободно подавать в отставку из-за расхождения во взглядах. В то же время я всегда чувствовал — и чувствовал глубоко — ложность своего положения, поскольку я не мог чистосердечно защищать деятельность правительства, членом которого я состоял. Мы теряли возможность за возможностью, и сейчас, после глубокого и тяжелого размышления я пришел к убеждению, что мой долг уйти из правительства с тем, чтобы осведомить народ о действительном положении вещей и дать ему возможность спасти свою родину от гибели, которая неизбежна, если нынешние методы сохранятся и впредь. Так как во время войны всякое промедление гибельно, я без дальнейших разговоров предоставляю свой министерский портфель в Ваше распоряжение.

Я пришел к этому заключению с чувством глубокого личного сожаления. Несмотря на мелкие и недостойные инсинуации, утверждавшие противное, — инсинуации, увы, всегда неизбежные в отношении людей, занимающих ответственное, но не первое место в любом правительстве, — я всегда питал чувство глубокой привязанности к Вам как своему начальнику. Как Вы сами говорили в воскресенье, мы проработали с Вами 10 лет, и между нами не было ни одного столкновения, хотя были нередко серьезные расхождения во взглядах по политическим вопросам. Вы относились ко мне всегда любезно и дружески, и за это я приношу Вам свою благодарность. Ничто бы не заставило меня сейчас расстаться с Вами, если бы не глубокое сознание, что применяющаяся система создает величайшую опасность, какая

когда-либо существовала, для нашей страны — и не только для нее, но и во всем мире для тех принципов, за которые мы с Вами боролись в течение всей нашей политической деятельности.

Вполне сознавая важность сохранения национального единства, я предлагаю оказать полную поддержку Вашему правительству в энергичном продолжении войны. Но единство без действия приведет лишь к бесполезной резне, и за это я не могу нести ответственность. Воля и предвидение сейчас нужнее всего.

Искренне Ваш

Д. Ллойд Джордж»

Его ответ и дальнейшая переписка объяснят развитие событий, которыми завершилась асквитовская коалиция.

«Даунинг стрит, 10.
5 декабря 1916 г.

Дорогой Ллойд Джордж,

Мне незачем говорить Вам, что я прочел Ваше сегодняшнее письмо с глубоким сожалением.

Я не стану обсуждать его сейчас, скажу только, что не могу полностью признать Ваше изложение наших переговоров в части, касающейся моего отношения к военному комитету. В частности Вы опустили первую и самую существенную часть моего вчерашнего письма.

Искренне Ваш

Г. Г. Асквит

Между прочим я убежден, что Вы поймете очевидную необходимость для общественного блага воздержаться сейчас от опубликования чего бы то ни было из нашей переписки».

«Военное министерство.
Уайтхолл.
5 декабря 1916 г.

Дорогой премьер-министр,

Я не могу объявить о своем уходе в отставку без указания причин. Ваше требование, чтобы я не публиковал переписки, которая привела и вынудила меня к этому, ставит мёня таким образом в трудное и ложное положение. Я должен обосновать принятое мной серьезное решение. Если Вы запрещаете мне публиковать нашу переписку, то будете ли Вы возражать, чтобы я дал в другой какой-либо форме изложение причин, вызвавших мою отставку?

Искренне Ваш

Д. Ллойд Джордж

Что касается первой части Вашего письма, то опубликование писем охватило бы вопрос во всем его объеме».

«Даунинг стрит, 10.
5 декабря 1916 г.

Дорогой Ллойд Джордж,

Для Вас может иметь значение (я отвечаю на Ваше последнее письмо), если я сразу сообщу Вам, что я передал королю свое заявление об отставке.

Во всяком случае я просил бы в интересах общественной пользы не опубликовывать в данный момент в нынешнем виде Ваших писем ко мне от сегодняшнего утра.

Я, конечно, не имею ни права, ни желания помешать Вам изложить в другой какой-либо форме причины, приведшие Вас к принятому Вами решению.

Искренне Ваш
Г. Г. Асквит»

После отставки г. Асквита король призвал г. Бонар Лоу и поручил ему формирование правительства. Он прежде всего предложил королю пригласить нескольких главных участников последних дискуссий вместе с г. Бальфуром и г. Гендерсоном в Букингемский дворец, чтобы попытаться избежать срыва национального единства путем создания национального правительства во главе с г. Бальфуром. Сейчас уже дело истории, как все мы выразили готовность служить под руководством г. Бальфура, все, кроме г. Асквита, который возмущенно спросил: «Что же мне предлагают? Чтобы я, занимавший в течение восьми лет первое место, перешел на второстепенные роли?» Это сорвало совещание. Вслед затем г. Асквит отказался также участвовать в министерстве Бонар Лоу. Тогда г. Бонар Лоу отклонил от себя ответственность формирования министерства и рекомендовал королю призвать меня. Он стал на этот путь вопреки указаниям, данным ему г. Бальфуром, сэром Эдуардом Карсоном и мной самим. Я не добивался и не желал премьерства. Я знал, что мое возвышение при данных обстоятельствах станет предметом искусных инсинуаций. Я знал также, что военный комитет при правительстве Бонар Лоу, свободном от всех тормозящих элементов, получал прекрасную возможность беспрепятственной и продуктивной работы, и я чувствовал уверенность, что г. Бонар Лоу даст мне свободу действий и окажет всемерную поддержку честного начальника; ничего другого я не искал. Однако он отказался уступить нашим общим уговорам, и мне пришлось взять на себя страшную ответственность премьерства в условиях скверно проведенной войны, при ситуации, когда по крайней мере половина моей партии и более половины рабочей партии относились ко мне с острой враждебностью, а значительная часть партии тори — включая большую часть ее лидеров — с подозрением и недоверчивостью.

Я занялся выяснением возможностей. Я был уверен в поддержке примерно половины членов палаты общин. Все консервативные министры из состава правительства, исключая г. Бонар Лоу, и, как я впоследствии узнал, Бальфура, были против моего премьерства. Позиция рабочей партии была колеблющейся, но все же не антагонистичной. Я был убежден в активном сотрудничестве г. Бонар Лоу и сэр Эдуарда Карсона (самых влиятельных лидеров консервативной партии из состава ее боевой фаланги) и лорда Мильнера, пользовавшегося большим весом среди торийской интеллигенции и «твердокаменных» (группы, которые отнюдь не совпадают). Я чувствовал, что, обеспечив участие г. Бальфура, я мог рисковать оппозицией остальных мандаринов консервативной партии. Я чувствовал также, что он не имеет ни энергии и инициативы, ни административных талантов, необходимых для роли первого лорда адмиралтейства (морского министра) в такой критический момент. Его удаление из адмиралтейства было тем неписанным требованием, которое я предъявил г. Асквиту. Г-н Бальфур был осведомлен о моем отрицательном мнении о его управлении морским министерством и о моем требовании его устранения. Тем не менее, как я впоследствии узнал, он поддерживал мое требование о необходимости изменений в руководстве войной.

Он заявлял в письмах, написанных в то время на имя премьер-министра, уже после того как он был осведомлен о моих возражениях против сохранения за ним морского министерства: «Я считаю, что дела не могут продолжаться по-старому. Я продолжаю считать, (а) что кризис правительства вследствие ухода Ллойд Джорджа был бы несчастьем; (б) что стоит попробовать дать ему свободу действий в повседневной работе военного комитета; и (в) что можно испробовать это с пользой лишь на началах, которые позволят ему вести работу в условиях, обещающих по его собственному мнению наилучшие результаты». В заключение он настаивал на принятии его отставки с тем, «чтобы созданы были благоприятные условия испытания нового военного комитета à la George».

Я ничего не знал об этих письмах в то время. Я только знал, что я пытался удалить г. Бальфура из адмиралтейства, что этот факт наверное был ему передан и что мое обращение к нему при таких условиях вряд ли сулило успех. Я сознаюсь, что недооценивал страстную привязанность к родине, которая горела ярким пламенем под этой спокойной, безразличной и, казалось, холодной наружностью.

Г. Бонар Лоу взялся позондировать почву у него. В то время он был болен и лежал в постели. Он должен был предложить ему пост министра иностранных дел. Г-н Бальфур принял предложение без всяких колебаний и без громких фраз о патриотическом долге, произнесением которых занялись бы и нередко занимались в дальнейшем более мелкие и менее искренние люди. Только когда г. Бонар Лоу уходил, он внезапно обратился к нему с вопросом: «Не скажете ли Вы, почему Ллойд Джордж так добивался моего

ухода из адмиралтейства?» Г-н Бонар Лоу ответил со своей обычной прямотой: «Спросите лучше его самого».

Совсем недавно я установил, что мои возражения против оставления за ним его поста в адмиралтействе были для него источником неприятного и непонятного чувства до конца его дней. Бальфур полагал, что я был недоволен его отчетом в печати о вызвавшем много споров ютландском бое. Этот отчет без сомнения мог быть воспринят даже дружелюбно настроенными к нам людьми в том смысле, что победа была сомнительна. Причины того, что я считал его неподходящим для адмиралтейства, не имели отношения к этому эпизоду. Первый лорд адмиралтейства во время войны должен быть человеком неисчерпаемой энергии и поэтому большой физической силы и выдержки. Этот пост требовал неослабного внимания к деталям. Нужно было проводить на работе целые дни, с самого раннего утра до поздней ночи. Бальфур явно не годился на такой пост.

Как я упоминал выше, история первых пяти дней декабря 1916 года, моих усилий изменить систему ведения войны, — усилий, которые совершенно против моего желания и намерений завершились сменой правительства и уходом г. Асквита, — все это было уже весьма красочно и детально рассказано лордом Биввербруком во втором томе его книги «Политические деятели и война». Его рассказ излагает события с точки зрения его собственной и г. Бонар Лоу. Естественно, я смотрел на события в то время под несколько другим углом зрения, но по существу в определении основных линий и этапов кризиса между нами нет расхождений.

События этих дней внесли трагическую горечь в положение, породив раскол между мной и коллегами, большая часть которых проработала со мной много лет в самом счастливом и плодотворном сотрудничестве, — раскол, который продолжал углубляться и крепнуть из-за лукавства скудоумных людей и оказал такое печальное влияние на будущие политические судьбы нашей родины. Но при самых мрачных обстоятельствах были и светлые стороны. Я имею в виду прежде всего установление тесного контакта между мной и г. Бонар Лоу, отсутствовавшего прежде и положившего основания взаимному пониманию и истинной дружбе, составляющей одно из моих счастливейших политических воспоминаний.

С того момента, когда король поручил мне формирование правительства, я был так перегружен срочными делами, не терпящими отлагательств, что не имел случая объяснить перед обществом свое поведение, приведшее к падению правительства Асквита. Речь идет не просто о времени, потребном для формирования правительства; несколько дней ушло на свидания, переговоры, согласования. Я хотел бы здесь воздать должное такту, мудрости и благородству, с какими сэр Эдмунд Тольбот (ныне лорд Фитцалан) помогал г. Бонар Лоу и мне в этом трудном и даже опасном деле. Он устранил много затруднений и предотвратил, вероятно, немало неосторожностей.

К моменту сформирования правительства было, однако, много срочных дел, подлежащих обсуждению уже много месяцев тому назад и требовавших сейчас немедленного решения и срочных действий. Производство аэропланов; продовольственное снабжение страны; охрана судов и развитие судостроения; лучшая мобилизация людской силы; миссия в Россию; германская мирная агитация; впоследствии мирная нота президента Вильсона, — все это составляло лишь часть вопросов, требовавших внимания военного кабинета. В этих условиях г. Бонар Лоу и я не могли вступать в полемику по поводу причин, приведших к последнему кризису. Помимо этих соображений мы пришли к заключению, что нежелательно вступать в дискуссию по личным вопросам, которые могут поставить под угрозу национальное единство и национальное сотрудничество. Поэтому ни один из нас не выступил с сообщением по этому вопросу. Мы понимали, что если бы мы выступили, дело не ограничилось бы этим; нам пришлось бы отвечать на неизбежную критику и толкования тех, которые были свободны теперь от забот и тягот правления и имели больше времени и, как выяснилось, больше склонности заниматься этими вопросами.

Поскольку речь шла о г. Бонар Лоу, такое решение было, пожалуй, правильным. Но несомненно, что мое положение в либеральной партии значительно пострадало от моего пренебрежения к своей защите. Кривотолки быстро распространились по всей стране, они успели пустить глубокие корни, а когда я снова получил свободу, было уже слишком поздно для их искоренения. Все было проделано в основном в частном порядке на конфиденциальных собраниях либеральных организаций в стране. Некоторые основные факты были скрыты, иные были искажены, и, когда по окончании войны я возобновил свою политическую деятельность, я был изумлен распространенными представлениями насчет того, что произошло в действительности. Когда я просил г. Асквита о разрешении опубликовать переписку, он отказал мне по соображениям общественного порядка. Я был крайне удивлен, узнав, что несколько дней после своей отставки в объяснениях, данных им либеральным членам палаты общин, он излагал ряд отрывков из своих собственных писем и даже цитировал некоторые полностью, замалчивая в то же время перед слушателями содержание моих ответов. В свое оправдание он говорил, что *я не буду читать его письма, потому что оно имеет частный характер и на нем было написано «весьма конфиденциально»*.

Он не счел нужным, соблюдая честность в борьбе, сообщить, что я просил разрешения опубликовать мое письмо, которое он объявлял частным и конфиденциальным. Он внушал им, что воскресное соглашение вовсе не было соглашением, а было лишь предложением для дальнейшей дискуссии. Он ни разу не сообщил им о своем заявлении г. Бонар Лоу после нашего воскресного свидания насчет того, что мы пришли к формальному соглашению и что

только вопрос о личном составе подлежал дальнейшему обсуждению, что он в тот же вечер сделал такое же заявление г. Монтегю и лорду Редингу. Он ни разу не сообщил им, что в понедельник я повторно добивался свидания с ним, в котором он мне отказал; не сообщал также о существенном факте, что собрание всех либеральных членов кабинета было созвано в понедельник вечером для обсуждения положения и что я не был приглашен на совещание. Он умолчал о том, что на заседании в Букингемском дворце под председательством короля он отказался работать в составе национального кабинета под председательством г. Бальфура, хотя г. Бонар Лоу, г. Гендерсон и я сам дали свое согласие на это. Он не говорил также, что, когда задача образования национального правительства была возложена на г Бонар Лоу, он отказался войти в это правительство после совещания со своими коллегами по партии. Совершенно ясно, что будь эти факты сообщены членам партии, собравшимся в Реформ-клубе, они получили бы иное представление о происшедшем. К сожалению своей пассивностью мы допустили распространение этого весьма одностороннего изложения событий, и это извращенное изложение, поскольку ему не было противопоставлено другое, было принято большинством либеральной партии в стране как правильный отчет о случившемся.

Я приведу лишь один пример того, как возбуждали против меня либералов в то время. Вот речь, произнесенная г. Рансименом перед своими избирателями немедленно после его отставки:

«Реорганизуя правительство, нынешний премьер-министр пригласил своих коллег унионистов войти в его состав. Он пригласил также рабочую партию и одного министра либеральной партии. Это был не я. Мои избиратели уже спрашивали меня, почему я не вошел в новое правительство. Я могу дать самый простой ответ, что нельзя было принять предложение, которое не было сделано...» *

Действительно, никогда не было лучшего примера сокрытия истины. Если бы он заявил своим избирателям, что он участвовал в заседании министров либеральной партии в понедельник вечером и присоединился к решению войти только в правительство, возглавляемое г. Асквитом, что на собрании, на котором было принято это решение, обсуждалась возможность моего премьерства; если бы он осведомил их о том, что он был одним из тех, кто советовал г. Асквиту не вступать в министерство при другом премьере, — его избиратели получили бы совершенно другое представление. Он явно желал их уверить, что, привлекая консерваторов и лейбористов к участию в моем правительстве, я сознательно и намеренно вытеснил всех моих прежних коллег кроме одного.

---

* Насколько я был занят, видно из того, что я впервые прочел речи г. Асквита и г. Рансимена, когда приступил к писанию этой истории.

Глава тридцать шестая

НЕСКОЛЬКО ХАРАКТЕРИСТИК. 1. Г. АСКВИТ

Я вспоминаю, что лорд Морлей как-то сказал мне: «Асквиту следовало быть судьей. Он был бы выдающимся судьей. Я помню,— говорил он,— свой недавний разговор с Артуром Аклендом о том давнем времени, когда Акленд, Асквит и я часто встречались и обсуждали политические вопросы. Я сказал, что Асквит был замечательно славным малым. На это Акленд ответил: «Да, но слышали ли Вы от него когда-нибудь хоть одну его собственную оригинальную мысль?» — Я должен был сознаться, что, разбирая весьма умно и убедительно всякое предложение, выдвинутое другими, он никогда не предлагал какой-либо своей мысли на наше рассмотрение». Асквит и по складу ума и по темпераменту несомненно был создан судьей. Я почти не встречался с ним до нашего одновременного вступления в кабинет. Но за одиннадцать лет совместного участия в правительстве — в министерстве Баннермена и в его министерстве — я имел полную возможность наблюдать его. Я всегда испытывал бесконечное преклонение перед его несравненным талантом четкого логического анализа — уменьем подбирать выражения и сильно бьющей риторикой. Когда я узнал его ближе как коллегу и особенно как премьера, мой восторг еще возрос и углубился. Его сильный и прекрасно организованный ум работал с точностью и четкостью совершенной и мощной машины. Но он всегда ждал, пока ему будут сделаны предложения. Он никогда не толкал, не проявлял инициативы сам, он выносил решения по находившимся перед ним схемам. Он никогда не шел по пути изучения нужд страны и изыскания средств к их удовлетворению, будь то в годы мира или войны. Он брал вопросы не так, как они ставились жизнью, а так, как они ему преподносились. Но здесь в своем суждении он оставлял далеко за собой всех остальных политических лидеров, с которыми я когда-либо встречался. Он не выдвигал новых планов, но он никогда не боялся рассмотреть любой проект, который был четко поставлен перед ним и оставлял у него впечатление тщательного предварительного обсуждения. Он был всегда и прежде всего судьей. Если он принимал план, он применял весь свой большой авторитет, чтобы

получить от кабинета его санкцию. Когда надо было затем представить план на утверждение палаты общин, в его изложении было почти всегда нечто такое, что заставляло критиков удивляться, почему они прежде сомневались в этом плане. Такой ум был неоценим для ведения дел в мирное время, когда не возникает непредвиденных событий, требующих оригинальности, гибкости, инициативы. Он был особенно полезен в кабинете, в составе которого было несколько способных людей, богатых идеями, которые они жаждали осуществить в административном и законодательном порядке. Но при потопе Ной лучше Соломона. Не будь войны, правительство Асквита вошло бы в анналы мудрого, плодотворного и счастливого управления в качестве одного из лучших правительств нашей страны, а его талантливый вождь создал бы себе памятник выдающимися достижениями, осуществленными благодаря его особым дарованиям. Этот памятник он и так себе создал. Кабинет 1906—1914 гг. был одним из самых способных кабинетов, когда-либо управлявших любой великой страной.

Война требует, однако, других качеств. Доля участия политического главы в ведении войны — весьма спорный вопрос. Демаркационная линия никогда не была здесь проведена, должно быть, потому что и не может быть такой строгой черты. Очень многое зависит от особых условий, которые никогда не совпадают в любых двух войнах и часто колеблются и меняются от случая к случаю на протяжении той же самой войны. Многое зависит также от действующих лиц, гражданских и военных. Линкольн немало вмешивался в действия Мак Леллана, но он предоставил полную свободу действий Гранту. Никогда не было войны, в которой гражданская деятельность и активность так много значили бы для успеха, как в великой войне 1914—1918 гг.

В этой книге я указал ряд направлений, где гражданская помощь в организации нашей военной мощи представлялась необходимой, такие моменты, когда советы штатских, принятые вовремя, могли бы предотвратить бедствия. Есть известные существенные качества, необходимые премьер-министру королевства во время великой войны. Я не собираюсь дать исчерпывающий список этих существенных качеств. Он должен обладать смелостью, хладнокровием и ясностью суждения. Этими качествами г. Асквит обладал в полной мере. В его управлении народом не было мощи и подъема, но было нечто, внушающее уважение. Но в годы войны министр должен обладать также проницательностью, изобретательностью, инициативой; он должен проявлять неутомимую рачительность, должен осуществлять постоянный контроль и наблюдение за всеми сферами военной деятельности, должен обладать силой воли для стимулирования этой деятельности, должен постоянно совещаться с экспертами — официальными и неофициальными — относительно лучших средств использования ресурсов страны совместно с союзниками для достижения победы. Если к этому присоединяется еще чутье для направления большой борьбы, тогда

вы имеете идеального министра во время войны. Г-н Асквит при всем желании недостаточно отвечал этой характеристике, чтобы успешно выполнить роль премьер-министра во время войны, которая требовала доведения этих качеств до высших пределов. Но независимо от этих недостатков, нервы премьер-министра явно сдавали; он производил впечатление человека подавленного, рассеянного и ослабевшего под тяжестью, разнообразием и сложностью своих обязанностей. Можно вообще сомневаться в его пригодности для роли министра в величайшей из войн, известных мировой истории, но его полная неспособность выполнить эту ответственную задачу при данных обстоятельствах не могла возбуждать сомнений и споров у кого-либо из находившихся в постоянном соприкосновении с ним в это время.

В условиях военного напряжения воля Асквита явно теряла упругость, быстроту и силу. Присоединилась личная трагедия, потрясшая его нервы. Смерть его высокоодаренного сына Раймонда глубоко поразила его, и этот удар видимо подкосил его. Наступило время, когда надо было обладать полным спокойствием, уравновешенностью и твердостью. Ибо наступил кризис, когда государственная власть должна была вмешаться, решать и направлять. К несчастью Британии крупный государственный деятель, который нес высшую ответственность, был менее чем когда-либо на протяжении всей своей выдающейся карьеры на высоте стоявшей перед ним задачи. Г-н Бонар Лоу, весьма расположенный к нему, разделял этот взгляд и повторно выражал его в беседе со мной.

2. ЛОРД ХОЛДЕН

Холден был личностью загадочной. В частных беседах он был очень разговорчив. В своих публичных выступлениях он мог говорить о любом предмете без конца и очень быстро. Его речь напоминала быстрый извилистый бурный поток, слова звучали с неизменной монотонностью. Тем не менее при всей своей словоохотливости это был человек дела, человек идей. Проводя эти идеи в жизнь, он не умел выразить их в сжатой форме. Этим объясняется его говорливость. Этот болтливый адвокат был вполне деловым человеком. Только на одних собраниях он редко выступал с речами — в кабинете министров. По общему мнению он был лучшим военным министром после Кардвелля. Он организовал наш экспедиционный корпус, который помог спасти Париж, он основал территориальную армию, которая помогла остаткам нашей регулярной армии удержать сырые окопы во Фландрии, пока не пришли новые рекруты, он создал кадетский корпус, который дал армии Китченера ее молодых и дельных лейтенантов, ему принадлежала идея, что военное министерство будет работать куда лучше, если будет иметь мыслящий аппарат; он же разработал организацию нашего генерального штаба. Не его вина, что лорд

Китченер должен был действовать без генерального штаба. По вопросам народного просвещения он имел множество практических идей; некоторые из них принесли плоды.

Это был человек кипучей неутомимой энергии. Он всегда нуждался в каком-нибудь занятии. Самовлюбленные люди не любят обычно соединения идей и энергии — оно их утомляет. Вот почему политики этого рода относились к Холдену недоверчиво. Возымев какую-либо идею, Холден работал над ней без устали и прибегал ко всем средствам и приемам для ее осуществления. Бесплодные и бездеятельные люди не видят различия между интригой и активностью; поэтому Холден прослыл интриганом. Из всех крупных политиков, с которыми мне пришлось встретиться, он был самым приветливым. Хотя он мне очень нравился, я никогда не принадлежал к числу его близких друзей. Мы принадлежали к различным группировкам партии, между которыми одно время царил даже сильный антагонизм. Он был «либералом-империалистом», я же был сторонником буров. Но то, как его покинули преданные друзья, во всяком случае люди, которым он был предан, покинули, последовав зову тех крикливых патриотов, которые укрываются под защитой национального флага, словно это их собственность, может считаться одним из самых низких случаев измены во всей британской истории.

Англичане по существу народ справедливый. Если бы могущественные друзья Холдена стояли за него, если бы они подчеркивали его чрезвычайные заслуги перед страной в этой войне, если бы они показали, как шатки все выставленные против него обвинения в отсутствии патриотизма, то наступила бы реакция в его пользу, и консервативные лидеры не посмели бы отказаться вступить в правительство на том основании, что в нем остался человек, организовавший экспедиционный корпус и территориальную армию. Холден был стойким и бескорыстным человеком. Он никогда не жаловался на обращение, которому он подвергся. Однако это обращение потрясло его. Мне редко приходилось видеть его, после того как он оставил министерство. Но в моей памяти запечатлелся вид этого человека, как он, согнувшись и сгорбившись, медленно шел от своего дома у заставы королевы Анны по направлению к зданию тайного государственного совета, где он заседал в качестве судьи.

3. ЛОРД БАЛЬФУР

Я впервые увидел г. Бальфура, когда он был на вершине своей славы и популярности. Это было при моем вступлении в палату общин в 1890 г. Он был, пожалуй, самым уважаемым государственным деятелем в лагере унионистов и в соответствии с этим самой ненавистной фигурой для сторонников гомруля. Для первых он был олицетворением силы, для вторых — воплощением жестокости. Жестокость, с которой он правил Ирландией, не создала бы ему столь выдающегося положения в парламенте, если бы она не соединялась с исключительным умением защищать свои действия в

палате. Ему противостояла целая фаланга блестящих ирландских ораторов, владевших всеми средствами успешной парламентской критики — красноречием, юмором, сарказмом, а также воображением. Этим оружием они поразили и уничтожили всех его предшественников, вышедших из борьбы обессиленными, обезображенными, израненными. Г-н Бальфур оказался сильнее лучших из них и всех их, вместе взятых. Он побил их в игре, мастерами которой они были. Я слышал, что он был всегда слабым и неумелым митинговым оратором, но с 1887 г. и до конца его премьерства в 1905 г. он был самым искусным оратором палаты общин того времени, исключая величайшего парламентского бойца Гладстона. Моя первая встреча с ним относится к сессии 1902 г. Он проводил в палате общин мероприятие, встретившее самое упорное сопротивление, когда-либо оказанное биллю, — школьный билль 1902 г. День за днем в течение большей части шестимесячной сессии проводил он в палате общин этот билль, как искусный кормчий против упорной оппозиции, в которой я был одним из самых неутомимых и утомительных участников. К концу борьбы мы были друзьями. Эту дружбу я сохранил и ценил до конца его жизни.

Его слабость в качестве демократического лидера проявилась в борьбе за свободу торговли в 1903—1906 гг. Его ум был слишком бесстрастен для рвения, порождаемого верой, которая не знает сомнений. Он не верил, что тарифы погубят нашу торговлю, но не имел также ярой убежденности, что они увеличат наше благополучие; в глубине души он считал, что сторонники обоих взглядов преувеличивают. Тогда как 90% его партии были ревностными сторонниками протекционистских предложений г. Чемберлена, государственный деятель, стоявший на точке зрения г. Бальфура, мог быть лишь слабым руководителем бешеной и неугомонной пропаганды, которая одна только могла принести победу большинству его партии в этом вопросе. Поражение 1906 г. было фактически концом его лидерства. Он влачил еще роль номинального, но утратившего доверие партийного лидера, пока не был выброшен в результате двух катастрофических выборных кампаний 1910 г. под дикое улюлюканье всей партийной своры. Тогда он с большим благородством окончательно удалился в почетное уединение государственных деятелей старшего поколения — в палату лордов. Здесь он оказал своей родине более прочные услуги, чем на тех более блестящих местах, которые он до того занимал. Его достижения в этой роли завершились Вашингтонской конференцией 1922 г., где он представлял Британию на первой (и пока единственной) конференции по разоружению, которая достигла успехов. Не раз его обширный и богатый опыт, соединенный с острой и зрелой мыслью, освещал нам путь в мрачные минуты. Во время войны его неизменное мужество твердо противостояло трусливым советам в часы сомнений и страха. Во время этой ужасной мировой бойни бывали минуты усталости, порой уныния, иной раз просто страха.

Когда такие минуты наступали, мне случалось видеть признаки слабости у людей, которые считались сильными, но никогда у Бальфура. В заседаниях проявлялись его сила и его слабость. Он внимательно слушал все, что говорилось, никогда не пропуская ни слова. Так как слух его к старости притупился, ему трудно было уловить то, что говорилось ораторами по другую сторону стола, если они говорили слишком тихо или имели плохую дикцию — весьма распространенный и печальный недостаток большинства английских ораторов. Ярким примером первого недостатка был г. Бонар Лоу: в заседаниях кабинета вы едва слышали его на расстоянии одного ярда. Г-н Бальфур обычно вставал со своего места и становился возле оратора, а когда он заканчивал, возвращался к своему креслу. Когда наступала его очередь высказать свое мнение, он с большой ясностью выставлял все доводы в пользу данного положения и всякий непривычный к его методам подумал бы, что он настойчиво клонит в эту сторону. Но затем следовало неизбежное «но с другой стороны», и кабинет слушал столь же логическое и компетентное изложение обратного мнения. После этого он делал паузу, вскидывал голову, неопределенно смотрел в окно и заявлял обычно нерешительным тоном: «Если же вы спросите меня, какое решение по-моему вы должны принять, я должен сказать, что нахожусь в нерешительности». Я часто слышал, как он обсуждал вопросы таким образом. Он слишком ясно видел обе стороны, чтобы быстро притти к определенному решению. Он производил впечатление человека, считающего, что, право, не так уже важно, какое из двух решений вы примете, лишь бы вы затем придерживались его. Поэтому наше дело было выбирать, а он подчинялся принятому решению. Этот склад ума сбивал с толку и порой пугал Клемансо, человека, который никогда не сомневался, даже в вопросах религии. Я вспоминаю, как на военном совете в Версале в 1918 г. один важный вопрос был передан на решение министров иностранных дел. Они собрались и поручили председательствование г. Бальфуру. Когда наступило время их доклада в совете, г. Клемансо вызвал г. Бальфура. Последний по своему обыкновению дал ряд доводов за и против и затем замолчал. Г-н Клемансо удивленно поднял свои тяжелые брови, широко открыл глаза и сказал: «Вы кончили?» Г-н Бальфур ответил: «Да, милостивый государь». Тогда Клемансо ответил резко и раздраженно по английски: «Но Вы сами за или против?» Г-н Бальфур, видимо, еще не решил и казался не подготовленным к ответу. В конце концов он высказался против.

Я ничего не знаю о его характере в дни его расцвета. В период его известного ирландского секретариата он должен был принимать быстрые и неотложные решения. Он развернул тогда высшие качества человека действия не только в расправе, но и в созидательной работе. Он осуществил ряд смелых проектов, как земельный закон, положение о мелкой земельной собственности, о портовом строительстве, о сельском хозяйстве. Я возражал про-

тив некоторых частей его замечательного школьного билля 1902 г. Но не может быть двух мнений относительно решительности, с которой он провел эту меру, революционизировавшую дело народного образования в Англии и Уэльсе. Но ко времени, когда я пришел с ним в непосредственное соприкосновение сперва в комитетах, а затем в кабинете министров, данная мной картина в точности воспроизводила его метод участия в дискуссии. Ошибочно было бы делать отсюда вывод, что его участие в совещаниях было бесполезным. С таким же правом можно было бы сказать, что ничего не стоит заключительное слово хорошего судьи, потому что оно беспристрастно и не дает директив присяжным, какой приговор они должны вынести. Он часто выдвигал перед нами соображения за и против, которые мы — прочие — могли бы проглядеть. Все его коллеги ждали его подытоживающего выступления как средства разобраться в действительных исходных посылках и силе доказательств за и против каждого из предложенных решений. Он обладал испытанным умом высокого качества, зрелой опытности, глубокой проницательности, проникающим вглубь вещей, анатомизирующим и подающим их в обнаженном виде на рассмотрение и суд своих коллег.

Я отлично понимаю, почему качества, делавшие его очень полезным в совете, делали его в то же время совершенно негодным партийным лидером. Однако при всех своих сомнениях и колебаниях он был смелым, бесстрашным человеком. В сравнительно малых вопросах он уходил от решений и тем создавал ложное впечатление нерешительности, но в основных решениях он никогда не шел на уступки и компромиссы. Он был большим патриотом и никогда не терял веры в непобедимость своей родины. Ему не хватало физической энергии, богатой изобретательности и необходимой усидчивости для управления адмиралтейством во время великой войны, но даже печальная повесть о растущих потерях наших судов, потопленных немецкими подводными лодками, и видимое бессилие адмиралов остановить этот гибельный процесс не устрашили его. Как-то, заслушав адмирала Джелико, огласившего список судов, потопленных за предыдущий день, он сказал только одно: «Это очень досадно. Эти немцы невыносимы». Он не имел понятия, как справиться с немецкими нападениями на наши суда; он только был убежден, что рано или поздно это будет сделано. Пока что эти потери были «досадны». Ясно, что он не был человеком, способным стимулировать и организовать деятельность морского министерства в период кризиса. Но он был настоящим человеком для министерства иностранных дел и для поддержки кабинета в крупных вопросах. Его деятельность во время войны и по установлению мира была высокоценной. По личному обаянию он превосходил, пожалуй, всех государственных деятелей, с которыми я приходил в соприкосновение. Что касается его интеллектуальных дарований, то я сомневаюсь, встречал ли я когда-либо такой светлый ум среди мужей совета.

4. КАРСОН

По дороге из Парижа в ставку сэра Дугласа Хейга среди бесконечного разнообразия предметов, о которых мы беседовали с лордом Робертом Сесилем, речь зашла о великих адвокатах наших дней. Он не колеблясь сказал, что сэр Эдуард Карсон был по его убеждению самым выдающимся из них. Я спросил, слыхал ли он сэра Чарльза Росселя. Он ответил, что слышал и не считает его равным Карсону. Я никогда не слышал сэра Эдуарда Карсона на суде, но почти четверть века я видел и наблюдал его приемы и чувствовал отражение его индивидуальности в палате общин. Он обладал высшим даром схватывать то основное, что определяет формирование общественного мнения, умел подать и запечатлеть его так, что слова, голос, выражение — все толкало слушателя в ту сторону, куда он хотел его направить. Я мог также оценить страшную силу допроса, которому он подвергал противника. Он умел с особой проницательностью увидеть уязвимую точку в деле противника, слабое место в показаниях свидетеля, слабость самого свидетеля; с страшным и неустанным искусством преследовал он врага, пока жертва не была в его власти, и с драматической силой разбивал и уничтожал противника.

Я до известной степени ознакомился с его дарованиями по его деятельности в период войны. Едва только примкнув к асквитовской коалиции в 1915 г., он сразу познал всю исключительную слабость правительства, гибельные недостатки тех двух лиц, которым принадлежала руководящая власть; у премьер-министра — недостаток инициативы и воли, у лорда Китченера — поглощенность сравнительно несущественными деталями, неспособность охватить те вопросы, которые не были у него непосредственно перед глазами, упадок физических сил, в свое время поддерживавших его энергию, наконец стремление скрыть ограниченность своих возможностей под оболочкой профессиональной тайны. Его вопросы нарушали учтивый тон и раздражали его коллег из обоих лагерей. Кабинеты министров, как и директорские канцелярии, состоят обычно из людей, которые хотят верить, что все идет хорошо, конечно, до тех пор пока они отвечают за ведение дел. Он приводил в отчаяние премьер-министра, питавшего прямо болезненное отвращение ко всяким неприятностям, каждым взмахом своего убийственного скальпеля на каждом заседании кабинета. Избавившись однажды от страха близкого сотрудничества с сэром Эдуардом Карсоном, г. Асквит противился возобновлению своих мучений, вызываемых его присутствием на общем совете. Это оказало известное влияние на его оппозицию предложению о независимом военном комитете, выдвинутому г. Бонар Лоу и мной в декабре 1916 г. Было упомянуто имя сэра Эдуарда Карсона. С этих пор эта идея неизбежно должна была вызывать у Асквита непреодолимое отвращение.

Он был решительным противником дарданельской экспедиции до своего вступления в кабинет и никогда не изменил своего мне-

ния о безумии этого несчастного предприятия. Но вступив в правительство и увидев, как глубоко мы были втянуты в это предприятие, он осознал важность доведения его до конца всеми силами, бывшими в распоряжении союзников. Он ясно понимал, что эта неудача очень гибельно отразится на нашем авторитете на Востоке, что она придаст смелости туркам возобновить свою деятельность против нас на египетском фронте и в Месопотамии, что она усилит германофильские влияния в Болгарии и устрашит Румынию. Он понимал затем, когда мы потеряли Сербию и болгары завладели Балканами, что только взятие Дарданелл и открытие нашему флоту свободного доступа в Мраморное море и Босфор могло прервать сообщение между Турцией и центральными державами. Поэтому он чувствовал, что теперь лучше всего было продолжать кампанию силами, достаточными для выполнения поставленной задачи. В этом также сказалось его чувство реальности, бывшее отличительным свойством его ума.

В роли обличителя позора, обмана и необоснованных претензий сэр Эдуард Карсон не имел соперников. Но он не имел ни природных дарований, ни опыта, создающих хорошего администратора. Даже в качестве члена кабинета он страдал фатальным недостатком, развитым вековой привычкой у всех людей его племени — он по природе был в оппозиции ко всякому правительству. Сэр Генри Вильсон страдал такой же необузданной оппозиционностью. У власти или вне ее, он всегда был «против — agin — правительства».

Века беззаконного правления сделали ирландцев расой «противистов» — aginners. Нужен долгий опыт успешного самоуправления, чтобы вырвать с корнем этот дурной посев. Сэр Эдуард в этом, как и в других отношениях, был типичным «противистом». Во время войны он ушел из двух правительств, которые пользовались в момент его отставки полной поддержкой его партии. Он не мог ничего поделать, голос крови нельзя было заглушить.

Все же никто из стоявших вне правительства не мог придать критике такого веса. Люди меньшего авторитета, мужества и ораторской силы были бы сметены министрами со своей дороги. Намек на патриотический долг заставил бы их замолчать или лишил бы их слушателей. Иное дело — сэр Эдуард Карсон. Я сомневаюсь, решился ли бы г. Бонар Лоу на последний шаг к пугавшему нас разрыву, если бы не его страх перед жестокой бичующей речью Карсона. Лорд Бивербрук хорошо это знал и полностью использовал, чтобы убедить своего друга подняться на высоту величайших событий его политической карьеры.

5. БОНАР ЛОУ

В своей недавней речи о Бонар Лоу г. Болдвин заметил, что сотрудничество Бонар Лоу со мной во время войны было в истории поистине самым лучшим примером политического сотрудничества. Это заявление должно было показаться чрезвычайно странным всем,

кто не был близко знаком с действительным положением вещей. Я вспоминаю, как в самом начале моей политической деятельности, один весьма проницательный наблюдатель, который имел возможность в течение долгих лет политической жизни познакомиться со многими видными деятелями, предупреждал меня, чтобы я имел всегда в виду, что «на вершинах политики — дружбы нет». В то время его замечание показалось мне циничной фразой разочарованного человека. Я хотел бы после долгих лет участия в политической жизни иметь возможность с убеждением заявить, что замечание моего тогдашнего собеседника не оправдалось. Во всех областях человеческой деятельности — будь то деловой мир или свободные профессии — существуют соперничество и зависть. В политике соперничество и зависть возрастают и усиливаются благодаря постоянному публичному обсуждению сравнительных достоинств и недостатков выдающихся деятелей на политической арене. Это обсуждение возникает иногда благодаря подлинному интересу народа к хорошим или дурным качествам своих вождей, иногда же благодаря искреннему восхищению тем или другим из выдающихся деятелей эпохи. Достоинства и способности политических деятелей представляют важную статью политического актива той партии, к которой они принадлежат. Поэтому неизбежно такое положение, при котором преувеличение достоинств собственных вождей и недооценка вождей враждебных групп становятся характерным приемом политической борьбы.

Очень часто критические замечания и панегирики вызываются чистейшей злобой и коварством: кто-либо из великих мира сего имел несчастье возбудить недовольство критика; весьма действительным средством мести является не только попытка преуменьшить достоинства и достижения того деятеля, который возбудил ненависть критика, но и попытка превознести того деятеля, который является соперником первого в народном расположении. Все эти причины способствуют интригам и тому, что одни общественные деятели превозносятся за счет других. В такой атмосфере не может развиваться дружба. Моя дружба с Бонар Лоу не только продолжалась из года в год, но и крепла. Когда по состоянию своего здоровья он должен был отказаться от сотрудничества со мной и перестал быть моим политическим спутником, я почувствовал тяжесть нашей разлуки более сильно, чем когда бы то ни было в течение всей моей политической жизни. В это время правительственная деятельность настолько поглощала все внимание, что те, кто не работал совместно, вскоре теряли друг друга из виду и оказывались таким образом разобщенными. Вскоре после своего ухода из правительства он покинул Англию с тем, чтобы провести долгое время на юге Франции. Ни он, ни я никогда не отличались любовью к переписке. Когда Бонар Лоу вернулся с континента, где он лечился, он начал встречаться с людьми, которые были враждебны нашей дружбе. Если бы у меня было больше досуга, а у него несколько меньше, то наше удивительное политическое сотрудничество прекра-

тилось бы лишь с его трагической смертью и многое в истории Англии, а может быть и в истории мира изменилось бы в сравнении с тем, что в настоящее время вписано в историю человечества рукою судьбы.

Вряд ли можно было встретить столь различных людей по темпераменту и направлению ума. У нас не было ничего общего, если не считать простого происхождения — его отец был скромным приходским священником пресвитерианской церкви; мой отец был школьным учителем в те годы, когда оплата учителей народных школ была ниже оплаты современных мусорщиков. Мы оба получили одинаковое строго-пуританское воспитание. Эти воспоминания детства значительно отличали нас от других руководящих политиков, с которыми ему и мне приходилось работать — от Бальфура, лорда Керзона, лорда Ленсдауна, лорда Дерби, лорда Мильнера, Черчиля и сэра Эдуарда Грея. Они воспитывались как будто на другой планете; сознательно или бессознательно это постоянное влияние прошлого нас сближало. Хотя Асквит также происходил из тех же слоев, он упорно стремился стереть следы прошлого и окружить себя обстановкой, свойственной человеку другого мира, к которому он на самом деле никогда не принадлежал ни по происхождению, ни по темпераменту, ни по интересам. К этой новой обстановке он приспособлялся всеми силами. Бонар Лоу не пожелал бы приспособляться таким образом к социальным условиям, которые он ненавидел и презирал.

Я вспоминаю, как лорд Морлей рассказывал мне об одном выдающемся еврее, который однажды сказал ему, что он всю жизнь пытался «вырваться из гетто, но это ему совершенно не удалось». Асквит терпеливо и упорно пытался вырваться за пределы сектантской часовни; но хотя ему удалось оставить сектантский дух далеко позади, он все же остался чужд всякому другому. Он чувствовал себя не в своей тарелке при встречах с представителями любой из «двух наций» Дизраели. Он избегал непосредственного контакта с народными массами; он не обладал традициями и лоском аристократии. Асквит никогда не ценил умственных достоинств Бонар Лоу, не отдавал должного ни силе его характера, ни качествам его души. В этот тяжелый период войны я как-то предложил Асквиту, чтобы руководящие члены кабинета неофициально собрались вечером для частной беседы о положении и обсудили вопрос о возможных мероприятиях для содействия делу союзников. Он согласился с моим предложением. Мы стали обсуждать, кого пригласить. Он включил в список всех лордов и аристократов, бывших членами кабинета. Я предложил пригласить Бонар Лоу, так как он был лидером ториев. Он раздраженно ответил: «Нет, у него интеллект шотландского городского гласного». Бонар Лоу, лидер самой большой партии британского парламента, не был таким образом приглашен на межпартийное обсуждение событий войны, на котором могли решаться судьбы Британской империи и всего человечества. Бонар Лоу не был ни аристократом, ни ученым. Он также не причинял такого

беспокойства Асквиту, как некоторые из нас. Зачем в таком случае было приглашать этого простого человека на такое избранное собрание? Такова была точка зрения Асквита на Бонар Лоу; таково было и его отношение к нему. Нельзя сказать, что Асквит не дооценивал способностей Бонар Лоу; он их не ценил вовсе. Происхождение Бонар Лоу, его воспитание, его подготовка, его предрассудки, самый его вид и одежда вызывали в уме Асквита сильную антипатию. Когда Бонар Лоу вступил в коалиционное правительство Асквита, он не сразу рассеял впечатление о своей интеллектуальной ограниченности. Проблемы, которые стояли перед ним, были для него новыми, и в начале его оценки были сжаты и составлены несколько примитивно. Его мужественный и логический ум лишь через некоторое время приобрел достаточное понимание тяжелых затруднений, вызванных мировой войной. Он не располагал уменьем по любому поводу выступать с теми обычными громкими фразами, не имеющими реального содержания, которыми гораздо менее способные люди прикрывали свою умственную наготу. Асквит, хотя и обладал сам мощным интеллектом и уменьем схватить все, хотя и располагал способностью красиво выражать свои мысли, но находился всегда под впечатлением традиционных идей, выраженных на соответственном жаргоне. Бонар Лоу говорил просто и естественно, языком шотландского купца. Так, Асквит и Бонар Лоу никогда не могли по-дружески понять друг друга.

Была и другая причина, почему Асквит не был расположен к Бонар Лоу. Последний был по натуре пессимистом. Он обычно пессимистически смотрел на мир и на все происходящее. Асквит был оптимистом. Его знаменитая фраза: «Подождите и вы убедитесь» — была естественным проявлением темперамента, уверенного в благополучном исходе всех затеянных им дел. Пусть дела идут неважно в настоящий момент, но стоит немного подождать, и можно будет убедиться, что все идет хорошо. Бонар Лоу, будучи пессимистом по природе, никогда не отчаивался в нашем конечном успехе в войне, понятно если союзники полностью используют свои ресурсы. Когда, во время пребывания у власти коалиционного кабинета Асквита, легкомысленный Кейнс пытался внушить нам мысль о грозящем крахе наших финансов и кредита, практический ум Бонар Лоу пришел на помощь, успокоив тех, кто готов был поддаться панике.

Когда Бонар Лоу представляли какой-либо проект или план, он прежде всего начинал обсуждать возникающие в связи с ним затруднения и опасности. Я убедился, что это его свойство было полезно. Оно даже приводило меня в веселое настроение. Когда у меня возникали какие-либо планы, я обращался с ними к Бонар Лоу, чтобы испытать их в огне критики, на которую была готова его мало склонная к энтузиазму, во всем сомневающаяся натура. Я начинал работать очень рано и тотчас же после завтрака отправлялся обычно по внутреннему коридору на квартиру канцлера казначейства, чтобы за трубкой поговорить с Бонар Лоу. Мы обсуждали

утренние новости и программу дня. Если у меня были какие-либо планы, я всегда излагал их ему, перед тем как поставить их на обсуждение военного кабинета. Он всегда начинал с того, что указывал на все затруднения и препятствия (обычно политического характера), стоявшие на пути успешного осуществления этих планов. Он обладал несравненным даром деловой критики. Когда он кончал свои возражения, я знал, что больше ничего нельзя было возразить против моих планов. Иногда я убеждался, что его критические возражения были настолько существенны, что их нельзя было преодолеть, и я вовсе отказывался от данного плана; в других случаях я находил нужным несколько изменить план, чтобы избежать какого-либо препятствия, которого я не предусмотрел, но которое было им указано. Но если я приходил к заключению, что его возражения недостаточны, чтобы помешать правительству осуществить тот или иной план, я в результате наших переговоров уходил от него с твердым решением. В этих случаях я говорил ему: «Ну, Бонар, если больше ничего нельзя выставить против этого плана, то я внесу его сегодня на обсуждение военного кабинета». Он обычно соглашался, так как знал, что я всегда принимал во внимание и полностью учитывал его соображения.

Заручившись его согласием, я знал, что имею в его лице лойяльного сторонника моих планов.

Он обладал подлинной смелостью. Это не была слепая безрассудная храбрость или уверенность в себе оптимиста и сангвиника. Он всюду видел опасности и обычно преувеличивал их. Однако, когда эти опасности возникали, он бесстрашно шел им навстречу. Он был одновременно бесстрашен и всегда озабочен предстоящими опасностями. Его любимой фразой в начале, а часто и в конце всякой беседы было: «Нас ждет не мало хлопот впереди». Всякий маневр в палате общин, особенно среди сторонников правительства, тревожил его. В этих случаях, когда он бывал еще грустнее обычного, я говорил ему: «Давайте поменяемся местами. Займите мое место, а я займу Ваше». Этим обычно кончался разговор. Он не хотел брать на себя высшую ответственность за решения, которые могли быть правильными, но которые, в случае если бы они оказались неверными, могли нанести непоправимый ущерб интересам страны. В эти годы приходилось почти каждый день принимать решения такого рода. Нежелание принимать решения, когда наблюдались серьезные расхождения в мнениях, было странным недостатком такого твердого и поистине храброго человека. Но этот недостаток у него несомненно был. Он объяснялся, вероятно, врожденной застенчивостью, которая заставляла его не доверять собственному мнению, и кроме того известной совестливостью и осторожностью, которые заставляли его опасаться, что он может поступить неправильно.

Его привязанность к лорду Бивербруку главным образом объяснялась этим природным недостатком. Он находил поддержку у своего решительного друга, практическая проницательность которого при-

давала ему увереннность; он знал, что Бивербрук был лично предан ему во всех отношениях. Так случилось, что Бонар Лоу полагался на Бивербрука во всех критических случаях своей общественной и частной жизни. Удивительные успехи, достигнутые им в такой короткий срок и в такой партии, как партия тори, несомненно объяснялись подталкиванием и помощью со стороны лорда Бивербрука. Бонар Лоу не был лишен честолюбия, но это честолюбие не было достаточно сильно, чтобы превозмочь колебания натуры, столь склонной ко всякого рода опасениям. Асквит однажды назвал Бонара «кротким честолюбцем». Настойчивость лорда Бивербрука и его постоянная поддержка излечили его от всего этого. Бивербрук почти грубо проталкивал его вверх. Бивербрук твердо верил, что Бонар Лоу мог быть лучшим заместителем Бальфура, когда последний перестал быть вождем консервативной партии. Я также придерживался тогда этого мнения и у меня не было оснований менять свою точку зрения впоследствии.

Трагедия личной жизни углубила пессимистический склад его характера в последние годы перед смертью. Это сказалось на его отношении к жизни; его пессимизм все усиливался, пока не скрыл от окружающих гранитной твердости его характера. Это происходило из-за целого ряда тяжелых потрясений, которые сделали его жизнь безрадостной и даже уничтожили его желание жить. Он потерял жену, которую очень любил, а война отняла у него двух прекрасных сыновей, которых он обожал. Оптимистический характер лучше всего развивается в условиях спокойного существования и непрерывного успеха. Такою была жизнь Бонар Лоу, перед тем как судьба обрушилась на него. Тогда его оптимизм, казалось, не был омрачен сомнением. Я помню, как я встретил Бонар Лоу в кулуарах палаты общин, вскоре после того как я внес в палату свой бюджет 1909 г. Он сказал мне: «Теперь слишком поздно для того, чтобы вы могли спасти вашу партию. Если бы произошли всеобщие выборы, в парламент было бы избрано не более пятидесяти либералов во всей Англии, а когда популярность правительства начинает падать, она никогда не восстанавливается». Он обладал тогда поистине детским оптимизмом. Он так отличался от самого себя в 1916 г., когда его надежды были парализованы ударами судьбы. Тогда он сказал мне, лишь только мы вместе пришли к власти: «Через шесть месяцев Асквит будет самым популярным человеком в Англии». Его взгляд был обращен к закату, и он больше никогда не научился встречать зарю.

Мне казалось, что он никогда не ценил удовольствий жизни. Когда мы однажды отправились в Париж на совещание с французским правительством, я пригласил его вечером в театр на веселую оперетту — «Дочь Анго». Я никогда не видел человека, который бы так скучал во время представления. Он подолгу оставался в фойе и курил трубку. Когда я спросил его, нравится ли ему представление, он ответил: «Все было бы ничего, если бы не пение».

Я помню, что однажды перед войной мы оба были в Каннах и в

солнечный день проезжали по направлению к парку для игры в гольф. На небе не было ни облачка, море было сине, как бывает сине только Средиземное море. С левой стороны амфитеатром возвышались снеговые вершины приморских Альп. Я обратился к Бонару и спросил, как ему нравится вид. «Я вообще мало наслаждаюсь природой», — ответил он своим обычным бесстрастным голосом. Днем раньше я был на представлении одной из опер Моцарта. Я впервые слышал эту оперу и был поражен ее чудесной красотой. Я упомянул об этом Бонар Лоу, но в ответ на мой энтузиазм он ограничился лишь словами: «Я не очень люблю музыку». Подъехав к парку, мы увидели несколько очень красивых женщин, которые тоже шли играть в гольф. Я обратил на них внимание Бонар Лоу. «Женщины меня не привлекают», — был его лаконический ответ. «Скажите, — сказал я в отчаянии, — что же вас интересует? Вас не привлекает ни природа, ни музыка, ни женщины. Что же вы любите?». «Я люблю бридж», — отвечал он.

Бонар Лоу был прилежным, спокойным и упорным работником. Он старался хорошо ознакомиться с материалом, прежде чем выступить с речью в совете министров или публично. Он тщательно знакомился с официальными документами, но я никогда не слышал, чтобы он искал других источников информации и стремился притти к более широким и менее официальным выводам по данному вопросу. Он был способен к упорному труду, но ему недоставало энергии. Он любил свое кресло и был рабом своей трубки. Он ненавидел продолжительные завтраки и обеды не только потому, что не был гурманом, но и потому, что ему приходилось долго дожидаться минуты, когда он мог вытащить свою любимую трубку. Я полагаю, что он разрушил свое здоровье. Кажется Оскар Уайльд сказал: «Мы все уничтожаем то, что любим». Это изречение подтвердилось на примере Бонар Лоу и его трубки.

Он подготовлял свои речи, сидя откинувшись в кресле и положив ноги на камин. Он любил покой и непринужденность. Его лозунг на посту премьера характерен для него — это одно слово: «спокойствие». Он не только не любил шумных споров, но и всего того, что требовало усилий или проявления энергии и силы. Он конечно не был вялым и апатичным человеком, но у него не было потребности в действии. В частной жизни это был мягкий, уравновешенный, добрый, скорее кроткий человек. Его прямота речи была намеренной и отнюдь не объяснялась резкостью или холодной жестокостью человека, который с удовольствием оскорбляет других. Это может помочь в объяснении последующих событий нашего политического сотрудничества. Справедливо будет считать, что это сотрудничество сыграло свою роль в событиях своего времени и стало частью истории Британской империи и частью лепты, внесенной Британской империей в борьбу, которая в течение многих поколений будет влиять на прогресс цивилизации.

Глава тридцать седьмая

1914—1916. ВЗГЛЯД НАЗАД

Приняв поручение короля о составлении кабинета, я обратился к выполнению этой задачи. Как было создано мое правительство, при каких условиях предстояло ему выполнить свои задачи, какие проблемы стояли перед ним и как оно приступило к их разрешению, — об этом я расскажу в следующей книге.

На предшествующих страницах я довел свои воспоминания о великой войне до конца 1916 г. В следующем томе я надеюсь продолжить мое повествование и рассказать о тех выдающихся событиях, с которыми я лично был связан в течение двух заключительных лет мирового конфликта. Декабрь 1916 г. составляет по причинам, которые я изложу ниже, поворотный пункт в истории мировой войны, на котором я могу приостановить свой рассказ. В отношении моих личных обстоятельств декабрь 1916 г. был тем моментом, когда после занятия ряда второстепенных государственных постов я был призван к несению высшей ответственности за управление страной. Это бремя я нес в течение остальных лет войны и некоторое время после ее окончания.

В истории войны конец 1916 г. отмечен наихудшим положением союзников; перспективы были мрачными как со стратегической, так и с дипломатической точки зрения. Три союзных державы, — Бельгия, Румыния и Сербия — были совершенно разгромлены; четвертая — одна из великих держав — была фактически выведена из строя. С другой стороны, коалиция центральных держав сохранилась в целости. Перспективы, стоявшие перед нами в момент, когда я стал премьером, могли поколебать решимость любого человека или группы людей. В результате ряда ошибок мы отдали одно за другим преимущества союзников — в области материальных ресурсов, потенциальных людских резервов и стратегических возможностей, — пока в конце концов мы не оказались в худшем положении в сравнении с неприятелем как в отношении сил, так и в отношении стратегии. Даже наше превосходство на море находилось все время под возраставшей угрозой.

Союзники первоначально обладали огромным превосходством в области людских ресурсов и в отношении всех имевшихся и доступных средств снаряжения. Мы преступно расточали людские ресурсы и пренебрегали снаряжением. К началу войны число лиц призывного

возраста в России, Франции, Британской империи, Сербии, Румынии, Италии и Бельгии на много миллионов превышало число лиц, которым располагали центральные державы. Но как мы их использовали? Благодаря плохой стратегии и неумению использовать наши огромные ресурсы для снаряжения армии мы пожертвовали огромным численным превосходством наших армий. По этой причине мы допустили вражеское нашествие на Сербию и ее уничтожение. Две трети ее армии были тем или иным путем выведены из строя, а остальная ее часть, отрезанная от своей собственной территории, не была в состоянии использовать свои возможные резервы и подкрепления. Румыния по той же причине лишь недавно испытала ту же судьбу, и ее 900-тысячная армия вместе с резервами была скинута со счетов. Россия вступила в войну с почти неограниченными людскими ресурсами. По оценке генерала Гурко к концу 1916 г. было призвано под знамена 14 млн. чел. В октябре 1916 г. сэр Виллиам Робертсон считал, что в России все еще находилось 5 млн. человек под ружьем и что Россия могла еще мобилизовать 6 500 тыс. чел. Остальная часть русской армии исчезла в огне войны, или была интернирована в германских и австрийских лагерях для военнопленных, тем самым покрывая недостаток в рабочей силе у неприятеля. Но к концу 1916 г. вследствие недостатка военного снаряжения, которое легко могли бы ей доставить Франция и Англия, Россия почти перестала играть для союзников активную роль в общем балансе. От русской революции нас отделяло лишь несколько недель, а после революции военное значение России для союзников должно было вовсе исчезнуть. Русские солдаты, отчаявшиеся и недовольные, потеряли какую бы то ни было способность к серьезному наступлению. С другой стороны, Австрия, которая могла быть разбита и уничтожена в 1916 г., была так защищена и усилена, что осталась серьезным противником еще в течение двух лет, тогда как Турция, с которой можно было покончить в 1915 г., разбила нас в Месопотамии и Палестине и после перевооружения ее армий Германией была в 1916 г. более грозной военной державой, чем в 1914 г.

Две неудачи в основных вопросах полностью изменили военное положение к нашей невыгоде. Первая неудача вытекала из непонимания значения техники в этой войне и связанного с ним неуменья мобилизовать наши ресурсы для снаряжения союзников. Вторая неудача проистекала из непонимания того, что слабейшим местом центральных держав был восточный и юго-восточный фронты. Так война на истощение заменила собой войну на сообразительность.

Лорд Китченер и сэр Виллиам Робертсон рассчитывали на истощение неприятеля как на средство к победе. Как действовало этой средство? Я показал уже, что мы потеряли преимущество, которое давало нам наше огромное численное превосходство на востоке. Как обстояло дело на западе?

Армии Франции и Англии были все еще могущественны, но в течение войны вплоть до конца 1916 г. мы безумно растратили

цвет нашей молодежи. В наступлениях на западном фронте мы теряли трех солдат на каждых двух немцев, которых мы выводили из строя. Более 300 тыс. британских солдат не принимали участия в борьбе вследствие недостатка инициативы или снаряжения или того и другого, вместе взятого; их сдерживали турки в Египте и Месопотамии; по той же причине около 400 тыс. союзных войск были по сути дела интернированы болгарами в малярийных долинах вокруг Салоник. В итоге союзные силы, которые по всем расчетам могли в будущем предпринять энергичную кампанию, стояли теперь лицом к лицу с врагом, который был численно столь же силен и обладал, действуя на центральных линиях, всеми лучшими стратегическими позициями — Балканами, Дарданеллами и высотами Франции и Бельгии. В нелепой и кровавой игре на истощение Германия одержала победу.

С преступной расточительностью мы растратили то численное превосходство, которым мы располагали. Мы также ослабили наши ресурсы и усилили врага из-за своей неспособности заключать союзы в тех случаях, когда нам стоило лишь захотеть этого; по крайней мере одного возможного союзника мы побудили перейти на другую сторону. Наша дипломатия отличалась трусостью и нервностью; она боялась Америки, стеснялась взяться за Грецию и предоставляла турок и болгар всецело чарам немцев. Сэр Виллиам Робертсон жаловался на тот несомненный факт, что военные не получали помощи от дипломатов. Смелая дипломатия, поддержанная хорошей стратегией и эффективными военными действиями, позволила бы нам в первые месяцы войны создать мощную балканскую конфедерацию, которая стояла бы на стороне союзников и прибавила бы 1 500 тыс. солдат к нашим военным силам. Вместе с Болгарией, Грецией и Румынией, в дополнение к Сербии, которая уже была на нашей стороне, мы могли бы отрезать Турцию и заставить ее заключить мир в 1915 г., или самое позднее в начале 1916 г. С этими силами, действуя против Австро-Венгрии с юго-востока, с помощью Италии с юга, мы могли бы раздавить Австро-Венгрию и заставить Германию заключить мир, особенно если бы путем энергичной и своевременной мобилизации наших промышленных ресурсов мы снабдили Россию снарядами, которые дали бы возможность эффективно использовать русскую армию.

Победный мир мог быть достигнут нами, если бы мы следовали подобной политике. Это значило, что мы должны были довольствоваться тем, чтобы лишь сдерживать немцев на западном фронте, не пытаясь прорваться там; это значило, что тех, кто в дальнейшем был послан на заклание в бесплодных атаках во Франции и Фландрии, следовало послать на поддержку балканской конфедерации для нападения на самый слабый пункт в защите центральных держав; это значило, что часть снаряжения, впустую истраченного во Франции, нужно было использовать для того, чтобы помочь России и балканским государствам. Недавно в разговоре со мной один выдающийся немецкий политик, занимавший видный пост в германском

правительстве во время войны, сказал: «Вот чего мы все время боялись». Ничто так не радовало немцев, как политика скопления наших сил для нападения на непроницаемом западном фронте, когда мы позволяли в то же время неприятелю обойти нас на каждом участке уязвимого восточного фронта.

Мы ударяли по щиту Ахиллеса и забывали о его пяте. Но мы называли эту политику «ударом по жизненным центрам», а иногда «войной на истощение».

Таков был подлинный результат дипломатии, военного руководства и стратегии союзников в течение почти двух с половиной лет войны, в которую они вступили, располагая огромным превосходством сил, и в которой их поддерживали беспримерные жертвы со стороны народов союзных стран.

Таково было положение, с которым мне пришлось столкнуться, когда я занял пост премьер-министра. Через несколько дней после того как я стал премьером, я предложил сэру Виллиаму Робертсону составить докладную записку по тем вопросам войны, которые по его мнению особенно требовали моего внимания, я также просил его высказать свое искреннее мнение по поводу наших шансов на победу.

«Документ, которым он снабдил меня, не мог быть назван оптимистическим. Там встречались фразы вроде следующих: Отношение Британской империи до сего времени было прискорбным... Мы затрачиваем на войну гораздо больше, чем какая-либо другая держава, и менее, чем какая-либо другая держава, сохраняем контроль над общим ходом войны».

Далее Робертсон писал: «В настоящее время мы по сути дела совершаем самоубийство». «Мы должны, — продолжал он, — значительно расширить наши представления по вопросу о размерах войны. Мы еще не вполне отдаем себе отчет в огромных задачах, стоящих перед нами».

Он предсказывал: «Растущее напряжение во всех направлениях. Напряжение с течением времени будет все больше возрастать, и без сомнения, нам придется плохо в течение ближайших нескольких месяцев...» Далее он писал: «*Мы можем надеяться выиграть войну лишь кое-как и не более,* а между тем в Англии все идет, как два года назад. От нас более чем от какой-либо другой державы зависит конечный результат, *я же не могу подать надежды на победу, пока напряжение сил у нас не достигнет апогея.* Если народ не выдержит этого напряжения, шансы на победу окажутся не в нашу пользу...»

Он указывал, что... «некоторые из членов прежнего кабинета не имели настоящей перспективы в вопросах войны. Они питались сведениями от одной телеграммы к другой»...

Он заканчивал замечанием, что Германия также ощущает напряжение, связанное с войной. «Мы должны сжать зубы и не отчаиваться и *вообще взяться за свое дело с большей энергией,*

отвагой, рвением и решимостью выиграть войну во что бы то ни стало, или погибнуть с развернутыми знаменами. Но не может быть и речи о том, чтобы мы погибли, если мы будем смелы и решительны и будем придерживаться определенного, однажды принятого нами плана».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. Джордж „Военные мемуары"

Москва. 1934

Редактор А. Риш. Техред В. Мартынюк

Сдано в набор 26/I 1934 г. Подписано к печати 4/VI 1934 г., печ. л. 42¹/₂, бум. л. 21¹/₄, 96 000 зн. в бум. листе. Формат 62×94/₁₆. Огиз № 1301, индекс С-2-21, тираж 10000. Заказ 488. Главлит № Б-36981

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига", Москва, Валовая, 28.

